ΤΑΔΠΗΝΕΜ

ΗΑΡΑΤΕΒΜΕΤΑ

ΔΑΡΒΑΖΑ

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

ТАДЖИКИ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА

ВЫП. I.

Под редакцией
Н. А. КИСЛЯКОВА
и А. К. ПИСАРЧИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДОНИШ"
ДУШАНБЕ
1966

АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ ба номи АҲМАДИ ДОНИШ

ТОҶИКОНИ ҚАРОТЕГИН ВА ДАРВОЗ

ч. I.

Дар зери таҳрири
Н. А. КИСЛЯКОВ
ва А. К. ПИСАРЧИК

НАШРИЁТИ „ДОНИШ"
ДУШАНБЕ
1966

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга содержит материалы по культуре и быту таджиков Каратегина и Дарваза, полученные путем сплошного этнографического обследования.

Задача осуществить сплошное этнографическое обследование Таджикистана встала перед этнографами республики потому, что, несмотря на наличие довольно большого количества работ, они освещали культуру и быт таджикского народа очень неравномерно, и по ряду основных сторон жизни таджиков сравнимого материала не было. С другой стороны, с конца 40-х годов на территории всех районов в процессе социалистического преобразования хозяйства происходят все более усиливающиеся в темпах перемещения населения: таджики многих высокогорных районов переселяются в равнины на вновь орошаемые земли, осваиваемые под посевы хлопка. Эти перемещения совершенно меняют этнографическую карту республики. Старые историко-географические районы складывались на протяжении многовековой совместной жизни людей на одном месте, часто в условиях относительной замкнутости и изолированности, характерной для старого быта, особенно в горных районах; в них сохранились своеобразные местные формы быта, материальной культуры, различных социальных институтов, обычаев, обрядов. И именно эти локальные специфические особенности служат исходными данными, основным источником для сравнительного исследования генезиса и развития различных форм материальной и духовной культуры, социальных явлений и, в конечном счете, для решения вопросов этногенеза. В результате происходящих переселений и перемещений населения исчезают эти характерные порайонные отличия каждой из групп.

Поэтому одной из главных задач явился сбор по всем районам, в первую очередь по тем, из которых происходят переселения, обстоятельных, полных и разносторонних сравнимых этнографических материалов.

Первым опытом сплошного этнографического обследования Таджикистана было обследование Кулябской группы районов, осуществлявшееся Институтом истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР в 1948 и 1949 гг. по инициативе руководителя кабинета этнографии этого института ныне покойного члена-корреспондента АН СССР М. С. Андреева—известного исследователя быта и языков народов Средней Азии. Наиболее существенные ее результаты были опубликованы в нескольких статьях.[1] Многие собранные экспедицией материалы вошли в различные публикации участников экспедиции.[2] Однако подготовить к печати и издать кулябские материалы полностью в свое время не удалось.

В 50-х годах началось массовое планомерное переселение горных таджиков на равнины. Дарваз и, особенно, Каратегин находились в это время в постоянном движении, каждый год все новые и новые переселенцы покидали свои кишлаки и направлялись вниз. Это диктовало необходимость срочного сбора материалов, так как Дарваз и Каратегин с прилегающими горными районами — это один из основных массивов компактного поселения таджиков в республике.

Поэтому в 1952 г. была организована Гармская этнографическая экспедиция—ГЭЭ, полевые материалы которой, собранные в 1952—1957 гг., и составляют содержание настоящей книги.

При сборе полевых материалов сотрудники экспедиции получали постоянную поддержку и помощь со стороны громадного количества информаторов — представителей местной администрации, учительства и широких масс колхозников. Мы не имеем возможности даже просто перечислить имена помогавших нам в работе лиц, но считаем приятным долгом выразить свою горячую признательность всем им.

Помимо полевых записей, при написании книги были использованы также обширные этнографические коллекции (около 1400 предметов), собранные ГЭЭ.

Книга подготовлена коллективом этнографов Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Она состоит из 14 глав и нескольких приложений. Авторы отдельных глав следующие: Этнографическое изучение Каратегина и Дарваза; Географический очерк; Исторический очерк—Н. А. Кисляков; Население—Р. Л. Неменова (по материалам, собранным в 1952—1956 гг. ею же, И. Мухиддиновым, А. З. Розенфельд и Н. Н. Ершовым); Сельскохозяйственные занятия населения—М. Р. Рахимов (по материалам, собранным им же в 1952—1954 гг. и раньше); Домашние промыслы и ремесла—Н. Н. Ершов (по материалам, собранным им же в 1954—1956 гг. и М. Р. Рахимовым в 1952—1953 гг.); Охота—Н. Х. Нурджанов (по материалам, собранным им же в 1952—1954 гг.); Селение—Р. Л. Неменова и А. К. Писарчик (по материалам, собранным большею частью Р. Л. Неменовой в 1952—1956 гг.); Жилище—А. К. Писарчик (по материалам, собранным ею же в 1954—1957 гг., Н. Х. Нурджановым в 1952—1953 гг. и Н. Н. Ершовым в 1954 г.); Пища—Н. Н. Ершов (по материалам, собранным им же в 1954—1956 гг., И. Мухиддиновым в 1957 г., а также по стационарным наблюдениям Н. Н. Ершова предыдущих лет); Одежда—З. А. Широкова (по материалам, собранным А. К. Писарчик в 1954—1957 гг., З. А. Широковой в 1955—1957 гг., М. А. Хамиджановой в 1952—1957 гг. и Ю. И. Богорад в 1952 и 1953 гг.); Узорные изделия из кусочков материи — *қурама*, или *қуроқ* — А. К. Писарчик и М. А. Хамиджанова (по материалам, собранным главным образом М. А. Хамиджановой в 1957 г.); Народная медицина—Н. Н. Ершов (по материалам, собранным им же в 1954—1956 гг., а также в 1943 г.); Семья, семейные обычаи и обряды—Н. Х. Нурджанов, М. Р. Рахимов и А. К. Писарчик (Разделы «Семья» и «Свадьба» написаны Н. Х. Нурджановым по материалам, собранным им же в 1952—1954 гг.; «Рождение и воспитание ребенка—М. Р. Рахимовым по материалам, собранным им же в 1952—1954 гг. и М. А. Хамиджановой в 1952—1957 гг., «Игры»—Н. Х. Нурджановым по материалам, собранным им же в 1952—1954 гг., «Смерть, похороны»—А. К. Писарчик по материалам, собранным главным образом М. Р. Рахимовым в 1952—1954 гг.); Приложения: Библиография литературы о Каратегине и Дарвазе — Н. А. Кисляков, Указатели[3].

Ввиду большого объема труд разделен на три выпуска. Настоящая книга является выпуском первым. Она включает в себя главы,

содержащие общие сведения,— историю изучения края, краткую географическую характеристику, историческую справку, главы, в которых подробно характеризуется население изучаемого края — история его сложения, происхождения, современное расселение и изменения, происшедшие в нем за последние десятилетия, а также главы, в которых подробно освещаются занятия населения — сельское хозяйство в его современном и дореволюционном состоянии, ремесла и промыслы, охота. Из приложений даны: Указатель терминов, Указатель названий семейно-родственных групп—*қаум*, *қарун*, Указатель имен собственных, географических и топонимических названий и Перечень топонимических наименований, зарегистрированных ГЭЭ в Каратегине и Дарвазе в 1952—1957 гг., но не вошедших в текст книги.

В своем изложении авторы стремились идти не от прошлого к настоящему, а наоборот, от настоящего к прошлому. Такой метод дает возможность полнее и богаче отразить современную жизнь обследуемых горных районов во всем ее многообразии — в сложнейших сочетаниях нового, передового, приносимого общей для всех народов Советского Союза социалистической культурой, со старыми народными национальными традициями, верованиями, обычаями и обрядами. Некоторые из старых обычаев и обрядов вредны и сохранились только из-за низкого в прошлом уровня точных знаний, из-за непонимания причин, следствий и взаимосвязи различных явлений. Однако во многих древних традициях проявляются неиссякаемые творческие силы народа, его тонкие и точные наблюдения природы, которые он умело использовал в быту и труде; именно эти традиции проявлялись в различных видах народного искусства—музыке, пении, народных театральных постановках, спортивных играх, произведениях прикладного искусства.

В наши дни ломка старого происходит настолько быстро, что в работе, на подготовку которой требуется ряд лет, невозможно отразить последние перемены. Как говорилось, сбор полевых материалов для этой книги был закончен в 1957 г. Поэтому в них не нашли отражения данные о культуре и быте каратегинцев и дарвазцев за последующие годы, годы семилетки, характерной чертой которых является ускорение темпов развития. Теперь во многих, даже самых высокогорных кишлаках (например, Сагырдашт в бассейне р. Хингоу) появляется электричество, новые здания школ, больниц, магазинов, новые более удобные и культурные жилища, новые формы быта. Отразить их в настоящем издании, за отдельными исключениями, не представилось возможным.

Главной своей задачей, как указано выше, авторы считали возможно более полное и точное описание современного и старого быта таджиков Каратегина и Дарваза и их культуры, а также систематизацию всего собранного материала, его первичный анализ и опубликование. Эта работа по своему характеру может быть сравнена с критическим изданием исторических первоисточников.

Как и всякий источник, такие публикации содержат, помимо основного, этнографического материала, много побочного, который может оказаться интересным и ценным для представителей ряда смежных дисциплин. Археолог найдет там предметы материальной культуры, которые объяснят ему значение археологических находок, лингвист — богатый материал по топонимике, бытовой и производственной лексике, которая трудно выявляется вне этнографического изучения, фольклорист — материал по фольклору, особенно обрядовому, искусствовед — данные о народном искусстве.

Авторы не ставили перед собой задачи одновременно с подробным изложением собранных данных дать анализ происхождения всех выявленных обычаев, обрядов, форм материальной и духовной культуры, социальных явлений. Это большая самостоятельная задача, которая является следующим этапом работы; полноценные исследования этого рода возможно выполнить лишь после издания сравнимых этнографических материалов по всем основным районам обитания таджиков.

Пока такие подробные материалы-первоисточники опубликованы только по одной из припамирских долин — долине Хуф.[4] Настоящая книга является второй такой публикацией. Работа эта продолжается. В 1961 г. закончен сбор полевых материалов по следующей группе районов—Зеравшанской (выбор ее также диктовался происходившим оттуда переселением). В настоящее время собранные материалы обрабатываются и подготавливаются к печати. Начаты также работы по обследованию Гиссарской долины.

В нашем издании, как и во всех изданиях подобного рода, содержащих много терминов и топонимических названий разнообразного происхождения, сложным оказался вопрос транскрипции.

Авторы стремились по мере возможности передавать таджикские географические и топонимические названия, имена собственные и термины в форме, приближенной к литературной таджикской, но с сохранением некоторых характерных диалектных черт, например, произношение таджикского литературного ӯ, как у. Зафиксированные же диалектные формы приводятся в указателях в скобках. Географические названия передаются русским алфавитом; для некоторых из них сохраняются традиционные формы, несмотря на то, что они не соответствуют таджикскому произношению (напр. Зеравшан, а не Зарафшон). Термины выделяются в тексте курсивом и передаются в их написании таджикской графикой на русской основе, в которой для специфических звуков таджикского языка применены следующие дополнительные знаки:

ə — гласный смешанного или заднего ряда среднего подъема, неогубленный; на русский слух воспринимается как **ы**.
ӯ — огубленный гласный смешанного ряда среднего подъема.
ў — огубленный гласный переднего ряда, верхнего подъема.
ғ — звонкий увулярный щелевой, произносится, как твердое заднеязычное **г**.
қ — увулярный смычный, произносится, как твердое заднеязычное **к**.
h — верхнефарингальный, глухой щелевой (этимологически соответствует ар. ح).
х — нижнефарингальный, глухой щелевой, произносится, как английское h.
ъ — верхнефарингальный, звонкий щелевой (соответствует ар. ع).
w — губно-губной щелевой, произносится, как английское w.

Вошедшие в вып. 1 иллюстрации выполнены: А. С. Андреевым—№ 3, В. А. Мешкерис—№ 8, Н. Х. Нурджановым—№№ 5, 6, 11, 13, 14, 16—20, 23—29, 31, 32, 34, 36, 71 (негативы находятся в фототеке сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР). Фото 1—из фототеки Республиканского историко-краеведческого музея, фото 2 любезно предоставлено С. Е. Арванитаки, фото 4, 7—из фототеки ЦГА Таджикской ССР, фото №№ 48 и 49—из фототеки Музея антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград).

Рисунки выполнены: М. Р. Габе—№ 12, 15, 33, 35; Х. А. Жаба—№ 9, 12, 21, 30, 37—47, 50—70, 72—75; А. Д. Семчиным—№ 10, 35; З. Хабибулаевым—№10, 22.

Следует особо отметить труд Н. Х. Нурджанова, которым выполнена большая часть вошедших в книгу фотографий, и Х. А. Жаба, выполнившей большую часть рисунков.

В подписях под рисунками, на которых изображены предметы из коллекций, хранящихся в этнографических фондах Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, указываются номера предметов по Книге поступлений (КП) этих фондов, а в подписях под фотографиями, негативы которых хранятся в фототеке сектора этнографии Института,—номера негативов фототеки.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА

Изучение Каратегина и Дарваза — этих отдаленных горных местностей стало возможно лишь после присоединения их к Бухарскому эмирату — верному вассалу русского царского правительства. До того времени интересующий нас край был недоступен путешественникам и исследователям.

Мы не будем здесь подробно касаться тех отдельных и случайных упоминаний о Каратегине и Дарвазе, которые можно найти у древних и средневековых авторов — в греческих, китайских, арабоязычных и других источниках. Все эти сведения более или менее полно изложены в работе Н. А. Кислякова, посвященной истории Каратегина.[1] Там же указано, что отдельные упоминания о Каратегине и Дарвазе встречаются и в более новое время, например в истории Тимура, составленной Шарафуддином Йезди, в воспоминаниях Султана Бабура Мирзы, а также в различных трудах, как имеющих характер первоисточников, так и компилятивных, относящихся к первым трем векам господства узбекских ханов в Средней Азии.

Наиболее ранние сведения о Каратегине и Дарвазе, правда, основанные исключительно на расспросах, мы находим у Мейендорфа, члена русского посольства, посетившего Бухару в 1820 г.[2] Характеризуя Дарваз и Каратегин как высокогорную страну, он говорит, что их население составляют не мусульмане, а неверные—кафиры; каратегинские кафиры, по словам Мейендорфа, не очень жестоки, настоящие кафиры живут в Калаи-Хумбе, который называется также Дарваз. Далее Мейендорф сообщает о реке Дарваз (Пяндж), как о золотоносной реке, и о добыче золота.

В 30-х годах прошлого века английский путешественник А. Борнс, так же по расспросным сведениям, сообщает, что в Дарвазе, управляемом независимым таджикским начальником, «пески Окса промываются для золота с большим успехом, нежели где-либо в других местах». Этот же автор отмечает традицию дарвазских правителей, равно как и правителей соседних стран, вести свою родословную от Александра Македонского, что заставляет этих владетелей придерживаться строгой эндогамии в своем роду.[3]

Значительное количество сведений о Каратегине дают нам кокандские источники начиная уже с первых десятилетий XIX в. Эти данные использованы Н. А. Кисляковым при освещении взаимоотношений Кокандского ханства с Каратегином и Дарвазом вплоть до 70-х годов прошлого века, в частности приводятся сведения о походах кокандцев в Каратегин и Дарваз.[4] Поэтому остановимся здесь только на некоторых бытовых, интересных для нас подробностях.

Уже в начале XIX в. большое количество каратегинцев покидало свой край и отправлялось на заработки в Ферганскую долину; при этом вероятно, что некоторые из них селились в Ферганской долине и иногда обзаводились здесь хозяйством. Известно, что значительное количество каратегинцев, равно как и дарвазцев, служило в войсках кокандского хана.[5]

В связи с отходничеством каратегинцев в Ферганскую долину, по-видимому, существовали и довольно оживленные торговые сношения Каратегина с Кокандским ханством. Анонимный автор «Обозрения Кокандского ханства», относящегося к 1849 г., сообщает, что кокандские торговцы отправляют в Каратегин хлопчатую бумагу и прочие товары, которые вьючат на ослов, но чаще рабочие- каратегинцы несут тяжести на спине.[6] Известный русский востоковед В. В. Вельяминов-Зернов, говоря о торговле Каратегина с Кокандским ханством, указывает, что каратегинцы приносят золото, добываемое в верховьях Аму-Дарьи; промывка золота производится в июне и июле, когда снег сходит с гор; содержание золота в песке велико, каждый человек промывает в день до 3 или 4 золотников. Золото скупается кабульскими или индийскими купцами.[7] В «Обозрении Кокандского ханства» говорится также о том, что оседлым населением Каратегина являются таджики, живущие небольшимь деревнями по три или по четыре двора, расположенными на неприступных высотах или же в глубине пропастей.[8] Здесь мы впервые встречаемся со сведениями о поселении таджиков небольшими кишлаками или же отдельными хуторами, весьма характерном для расселения таджиков-горцев в прошлом.

Однако вплоть до конца 60-х годов прошлого века, т. е. до прихода русских в Среднюю Азию, каких-либо более полных и точных сведений о хозяйстве, культуре и быте населения Каратегина и Дарваза не существовало. Более того, еще даже в начале 70-х годов, во время путешествия А. П. Федченко по Кокандскому ханству, не имелось точных сведений о направлении основных горных хребтов и крупных рек на территории Каратегина и Дарваза.[9]

Первые более полные, но все еще расспросные сведения были добыты самаркандским губернатором К. А. Абрамовым. Эти сведения, относящиеся, по-видимому, к концу 1868 или к началу 1869 гг.,[10] он получил от посланцев, привезших ему в Самарканд письмо от каратегинского владетеля Музаффархона. На основании полученных сведений К. А. Абрамовым была составлена особая «Записка»,[11] в которой дается характеристика долины Сурхоба и указывается, что главным городом Каратегина является Гарм, резиденция Музаффархона; в Гарме имеется 800 домов. Указывается, что Музаффархон имеет 2000 человек готового войска, а в случае необходимости может выставить 15—20 тысяч. Далее говорится, что кишлаки в Каратегине расположены отдельными группами, каждая из которых имеет своего бека и называется по главному своему кишлаку, в котором живет бек. К. А. Абрамов приводит названия 22 таких групп, с указанием количества деревень в каждой из них и местоположением этих групп по Сурхобу или по его притокам. Всего кишлаков насчитывается свыше 400, в среднем по 30 дворов в каждом из них, а общее население Каратегина—100 тысяч человек обоего пола.

Население Каратегина живет обособленно, причем каратегинцы вступают в брак только в своей среде, многоженство является весьма редким исключением. Женщины не закрываются и свободно бывают в мужском обществе. Упоминается об уплате калыма и об его размерах. Приводятся краткие сведения о занятиях каратегинцев — земледелии,

имевшем натуральный характер и удовлетворявшем лишь внутренние потребности, садоводстве, скотоводстве, имевшем значительное развитие. Упоминается о ремеслах — изготовлении грубой шерстяной материи и тканье бязи и маты из привозимого гиссарского хлопка, изготовлении сукон из козьего пуха, употребляемых на зимние чекмени. Сообщается об изготовлении каратегинцами холодного и огнестрельного оружия. Далее упоминается об охоте на горных козлов, куницу и речную выдру, о добыче соли и промывке золота, причем говорится о том, что иногда попадаются крупные самородки, весом более одного фунта.

Сведения о Каратегине, опубликованные Абрамовым, в течение нескольких лет оставались единственными более или менее достоверными данными. Ими пользуется в отношении Каратегина и знаменитый русский путешественник и исследователь Средней Азии А. П. Федченко. Отважный и неутомимый исследователь, путешествуя в 1871 г. по Кокандскому ханству, настойчиво хотел проникнуть в загадочную и столь манившую его долину Сурхоба, однако как политическая обстановка, так и целый ряд других, независевших от А. П. Федченко, обстоятельств лишили его этой возможности. В своих работах А. П. Федченко неоднократно возвращается к Каратегину, а также к лежащему еще дальше Дарвазу, стремясь на основе расспросных материалов и опубликованных англичанами маршрутов разведчиков индийского или афганского происхождения дать более или менее точную, отражающую действительное положение вещей, картину. Так, комментируя данные карты Уокера и сопоставляя их с лично добытыми им сведениями, А. П. Федченко делает ряд весьма верных заключений, например о границе расселения киргизов и таджиков в Каратегине, о местоположении отдельных селений и т. п.

Большинство сведений, приводимых А. П. Федченко, относится к истории Каратегина и отчасти Дарваза; часть из них была почерпнута автором при его личном свидании 15 июля 1871 г. с низложенным кокандцами правителем Каратегина Музаффархоном, жившим в Уч-Кургане в качестве почетного пленника Кокандского хана. А. П. Федченко, так же как и более ранние авторы, посетившие Ферганскую долину, видел здесь большое количество каратегинцев, пришедших на временные заработки или осевших в качестве постоянных поселенцев.[12]

О каратегинцах-отходниках, отправлявшихся на равнину с целью заработать деньги на уплату калыма за жену, для этого же времени сообщает один из талантливых русских исследователей А. П. Хорошхин.[13]

Большую активность в отношении изучения горных стран по верховьям Аму-Дарьи в 60-70-х годах прошлого века проявляли англичане, пользовавшиеся для этого разведчиками-мусульманами. В 1874—1875 гг. Дарваз посетил унтер-офицер индийских войск (хавильдар) Гайдер-шах; он совершил путешествие из Кабула в Бадахшан, Рустак, Куляб и далее по Пянджу через Калаи-Хумб до Язгулема, после чего повернул обратно.[14]

В 1875 г. была опубликована в русской периодической печати статья управляющего нагорным районом Г. А. Арандаренко (квартировавшего в Пенджикенте) под названием «Каратегин».[15]

Материалы Г. А. Арандаренко значительно пополнили те сведения, которые были известны благодаря записке К. А. Абрамова. Автор приводит сведения о столице Каратегина — Гарме и перечисляет важнейшие в стране курганы-крепости. Довольно подробно говорится о земледелии, о частной собственности на землю и о размерах землевладения, об обработке крупными землевладельцами земли с помощью

арендаторов-издольщиков или же путем устройства помочи — *ҳашар*. Сообщается о домашних ремеслах и перечисляются изделия этих ремесел. Отмечается отсутствие мер длины и веса, собственной монеты, базаров, лавок и караван-сараев. В край приезжают лишь странствующие торговцы, останавливающиеся в мехмонхане у своих знакомых; товары на деньги сбываются лишь правителю и его приближенным, подавляющая же часть населения приобретает товары путем обмена на скот, шкуры и пушнину. Автор приводит при этом цены на местные предметы и на привозные товары, приравнивая их к эквиваленту — кокандской серебряной монете в 20 копеек.

Говоря о том, что теперь (в 1875 г.) Каратегин находится в полной зависимости от Бухары, автор дает довольно подробные сведения по административному устройству; перечисляются подати и налоги, которые собираются с населения. Помимо всего перечисленного автор говорит об устройстве мостов в Каратегине, способах переправы, типе построек, перечисляет занятия жителей. Им кратко отмечаются обряды и церемонии, связанные с женитьбой, обрезанием и поминками. В заключение приводится список всех населенных пунктов Каратегина с указанием количества домов в каждом из них (всего 400 селений с 63 672 дворами).[16]

Непосредственное исследование горных областей Таджикистана стало фактически возможно лишь после того, как области эти, лишившись независимых и полунезависимых правителей, были в 70-х годах прошлого столетия присоединены к Бухарскому эмирату, ставшему к тому времени уже вассалом царского правительства.[17] Что касается Каратегина и Дарваза, то первый из них был окончательно лишен своей самостоятельности в 1876 г., а второй—в 1877—1878 гг.

В 1875 г. Н. А. Маев первым из европейцев посетил Гиссарскую долину, побывал в Курган-Тюбе, в Кабадиане и на восток дошел до г. Файзабада, приблизившись, таким образом, к западным границам Каратегина. В следующем, 1876 г., В. Ф. Ошанин, ученый-зоолог, участвовал в Алайской экспедиции и вместе с ней дошел до восточной границы Каратегина. И лишь спустя два года, в 1878 г., тому же В. Ф. Ошанину удалось первому из русских исследователей и из европейцев вообще посетить Каратегин. Спутниками В. Ф. Ошанина в экспедиции 1878 г. были топограф Руднев и коллектор Невесский. Выступив из Самарканда в конце июля, В. Ф. Ошанин прошел через Каратаг, Душанбе и Файзабад в Гарм; затем экспедиция прошла по долине Сурхоба до Дараут-Кургана, откуда была сделана разведка к верховьям Мук-Су. В. Ф. Ошаниным был открыт высокий хребет к югу от долины Сурхоба, названный им хребтом Петра I, а также мощный ледник в истоках Мук-Су, которому он дал название ледника Федченко.

В результате поездки В. Ф. Ошанина были опубликованы его четыре письма, написанные в полевой обстановке,[18] а несколько позднее, в 1881 г., в Известиях Географического общества напечатана его большая статья.[19] В ней дано прекрасное географическое описание Каратегина, а также приводятся подробные сведения о занятиях населения: обстоятельно описано сельское хозяйство—ирригационная сеть, возделываемые культуры, приемы обработки земли, орудия труда, сорта фруктов и их распространение, скотоводство; даются сведения о домашних промыслах, торговле и мерах. Особо отмечается отходничество каратегинцев. В. Ф. Ошанин отмечает также факт оттеснения таджиками киргизов вверх по долине Сурхоба. Останавливаясь в своей статье на событиях, связанных с занятием Дарваза бухарскими вой-

сками зимой 1877—1878 гг., В. Ф. Ошанин сообщает и некоторые краткие сведения об этом крае, собранные им путем расспросов.

Первым из русских исследователей, проникшим в Дарваз в 1879 г., был участник экспедиции А. Миддендорфа в Ферганскую долину, ботаник Казанского университета С. М. Смирнов. Последний, по-видимому, несколько раз посетил Дарваз. Однако каких-либо сведений этнографического характера мы у него не находим.[20]

В 70-х годах прошлого столетия во вновь присоединенных к России областях Средней Азии путешествовали и иностранцы — американец Скайлер и венгерец Уйфальви; в их работах также можно встретить ряд отрывков, посвященных Каратегину и Дарвазу. Однако это в основном беглые упоминания или же сведения, повторяющие русские источники и ничего нового не прибавляющие к уже известным материалам.

Прежде чем перейти к истории изучения Каратегина и Дарваза после 70-х годов, следует упомянуть сводную работу крупного русского востоковеда-индолога И. П. Минаева, посвященную истории изучения верховьев Аму-Дарьи и представляющую собой обстоятельную сводку всех сведений по географии, истории, этнографии и лингвистике этой области, имевшихся к концу 70-х годов. В ней мы находим и соответствующие места, касающиеся непосредственно Каратегина и Дарваза.[21]

В 1881 г. Каратегин и Дарваз были посещены другим ботаником— А. Э. Регелем. Пройдя вверх по Зеравшану, путешественник через перевал Пакшиф проехал в Гарм, а затем в Тавиль-Дару, Калаи-Хумб и далее на Ванч. В последующие годы А. Э. Регель предпринял два новых путешествия в Каратегин, Дарваз и Припамирские страны, в январе 1883 г. в Шугнане он был остановлен афганскими властями, потребовавшими его возвращения обратно. В своем отчете о путешествии 1881 г. А. Э. Регель дает общий географический очерк Дарваза и некоторые сведения по истории этого края, а также приводит слышанные им легенды об основании Калаи-Хумба; А. Э. Регелем приводятся также первые сведения о дарвазском жилище, с проходом в средней части помещения и расположенными вдоль стен глинобитными возвышениями — *декун*.[22]

В 1882 г. по Каратегину и Дарвазу путешествовал П. Е. Косяков, который, помимо путевых заметок и маршрутов на Калаи-Хумб, Вахиои-Боло и Ванч, впервые дает некоторые общие сведения о верховьях р. Хингоу—Вахиои-Боло, характеризуя климат, природу и занятия его населения.[23]

В 1883 г. была опубликована вторая, более обстоятельная работа Г. А. Арандаренко, посвященная истории и этнографии Дарваза и Каратегина, появившаяся в результате личного посещения автором названных областей в 1882 г. Она вошла и в выпущенный автором позднее сборник его статей.[24]

Работа начинается естественно-географическим очерком Каратегина и Дарваза, далее следует исторический очерк, описывается административное устройство и система податей, с подробным исчислением доходов с обоих бекств и тех ежегодных подношений, которые посылаются эмиру в Бухару. Затем характеризуются земельные отношения в крае, указывается на аграрную его перенаселенность, исчисляются размеры собираемого урожая, приводятся цены на землю, на хлеб и скот; говорится о скотоводстве, охоте и домашних промыслах как о добавочном источнике средств существования; сообщается о способах

коллективной охоты облавой, а также об индивидуальной охоте. Говоря о селении и жилище, автор указывает на тот факт, что у горцев не принято выделять женатых сыновей, и большинство семей живет нераздельно. Г. А. Арандаренко впервые для таджиков Каратегина и Дарваза дает довольно обстоятельное описание свадебного обряда; так же, как и в первой своей работе, посвященной Каратегину, автор останавливается на церемонии обрезания и на поминках. У него же находим и первое упоминание об общественных домах огня—*алоухона* в Каратегине и Дарвазе и о ежедневных сборищах в них мужской части населения. В заключение приводится список населенных пунктов по бекствам и административно-податным единицам — *амлок* с указанием числа домов в каждом селении.

В 80—90-х годах прошлого столетия Каратегин и Дарваз посетил ряд русских путешественников, у которых мы находим различные, большей частью случайные и отрывочные сообщения об интересующей нас области. Так, горный инженер Д. Л. Иванов сообщает о налогах и барщинном труде в Дарвазе,[25] у Г. Е. Грум-Гржимайло мы находим беглые замечания о таджиках Каратегина, Вахио и Дарваза.[26] Несколько более подробны этнографические заметки посетившего Дарваз летом 1886 г. Н. Н. Покотило, который говорит о типе населения, его занятиях, жилище, пище и одежде.[27] Путешествовавший на Памир, в Восточный Туркестан и в Тибет в 1889—1890 гг. Б. Л. Громбчевский в своем отчете кратко останавливается на характеристике населения Каратегина, Вахио и Дарваза, сообщает сведения о занятиях, селении и жилище, описывает переправу на турсуках и приводит этимологию слова «Дарваз» и связанные с ним легенды.[28] В небольшой заметке, опубликованной в 1894 г., Н. Юхновский останавливается на бедности населения Каратегина и Дарваза, на факте привоза хлеба из Куляба в Дарваз, на отходничестве, скотоводстве и охоте, на торговых сношениях края с Ферганой.[29] Н. Февралев в своем очерке, посвященном правобережной полосе Пянджа, также останавливается на бедности жителей Дарваза, на характеристике путей сообщения, населении и экономических возможностях края.[30] Н. Бронников, путешествовавший по Каратегину, приводит описание кишлаков и занятий населения.[31] Наконец, посетивший припамирские страны французский путешественник F. Rocca в главах X—XII своей книги приводит ряд этнографических заметок по Каратегину и Дарвазу: дает общую характеристику населения, сведения о занятиях, жилище, одежде и пище, сообщает количество населения и кишлаков, описывает административное устройство и управление.[32]

Более подробной и обстоятельной является работа капитана Васильева, совершившего поездку по Каратегину в 1887 г.[33] Она имеет статистически-экономический характер; в ней указываются положение и границы Каратегинского бекства, приводятся географические сведения, данные о численности и плотности населения, описываются занятия населения — земледелие и скотоводство, торговля, отходничество: подробно исчисляются валовые сборы хлеба по податным единицам—*амлок*,с исчислением сбора хлебов в среднем на один двор в каждом амлоке, указывается количество скота (овец, лошадей, крупного рогатого скота) на один двор по амлокам; приводятся подробные сведения по административному устройству, а также перечисление податей, уплачиваемых населением, и их размеры; дается подробное описание Гарма, а также резиденции бека с приложением плана цитадели; кратко излагаются сведения из истории Каратегина. В заключение прилагаются таблицы статистических сведений и маршруты .

Пятью годами позже появилась другая работа аналогичного характера — книга кап. Кузнецова, посвященная Дарвазу.[34] Книге предпослан краткий, но весьма обстоятельный исторический очерк Дарваза, составленный автором, по-видимому, на основании расспроса местных жителей. Мимо материалов Кузнецова не может пройти ни один исследователь, занимающийся историей Дарваза. После физико-географического обзора Кузнецов приводит сведения о населении, в основном статистическо-экономического характера; излагаются подробные данные по отдельным амлокам Дарваза и Вахио, с указанием населенных пунктов и количества дворов в них, общего числа жителей в амлоке и среднего количества жителей на каждый двор. Приводится подробно административное устройство бекства, дается характеристика чиновничьего состава — названия чинов и получаемое содержание, с указанием примерного количества хозяйств, находившихся в ленной зависимости — *танхо* у того или другого разряда чиновников; перечисляются различные виды налогов и повинностей. Дается краткое описание занятий жителей Дарваза, характеризуется отсталость и примитивность хозяйства, в частности земледелия, указывается на то обстоятельство, что своего хлеба у населения совершенно недостаточно и жители вынуждены употреблять в пищу различные сорта дикорастущих трав. К работе также приложены маршруты.

Как работа Васильева, так и работа Кузнецова являются важными и ценными источниками конца XIX в., которые могут быть использованы при изучении не только истории, но и состава населения Каратегина и Дарваза; в частности, материалы, приводимые двумя указанными авторами, позволяют судить о движении населения в последующие десятилетия, о количественном составе семей, о бытовании в этих горных отдаленных областях больших неделенных семей в недалеком прошлом и т. п. Однако указанные авторы еще весьма недостаточно освещают быт и культуру населения, его этнографические особенности.

Лишь на рубеже XIX и XX вв. появляются первые работы, посвященные этнографии интересующих нас областей. В это время начинает свои работы по этнографии таджиков известный впоследствии этнограф М. С. Андреев. В 1899 г. он в Ташкенте со слов таджиков-отходников из долины р. Хингоу записал и в том же году опубликовал некоторые этнографические материалы.[35] В сравнительно небольшой статье М. С. Андреева впервые обстоятельно освещаются некоторые вопросы культуры и быта таджиков этого отдаленного горного района. На основании расспросных сведений автор констатировал, что население долины Хингоу, называемой Вахио, подразделяется на две группы говорящие на различных наречиях, причем наречие таджиков нижнего Вахио близко каратегинским наречиям. Это сообщение М. С. Андреева полностью подтвердилось более поздними исследователями. В статье впервые для таджиков Дарваза дается подробное описание церемоний по поводу рождения, обрезания и, особенно подробно, брачных церемоний, начиная с момента сватовства и кончая обычаем «возвращения домой» новобрачной через некоторое время после свадьбы; описывается обычай торга за калым, размеры калыма, обряды, связанные с подчеркиванием роли новобрачного, называемого князем — *ша*, обычай тайных посещений женихом невесты — *қинғолбозӣ*. В статье приводятся сведения о занятиях населения Вахио.

В 1898 г. Московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии была организована поездка в Среднюю Азию А. А. Бобринского, Н. В. Богоявленского и А. А. Семенова, продолжавшаяся около четырех месяцев. Участники экспедиции, пройдя из Пенд-

жикента в Душанбе и Файзабад, направились затем в Каратегин, свернули в Вахио и, пройдя вдоль всей реки Хингоу, вплоть до ее истоков, через перевал Сытарги спустились в долину р. Ванч; пройдя вниз по Ванчу до Калаи-Хумба, они через Дарвазский хребет вышли на истоки р. Ях-Су, вдоль которой спустились вниз до Пянджа. В результате этой поездки было опубликовано несколько этнографических работ. значительная часть которых посвящена Каратегину, Вахио и Дарвазу.

В 1900 г. вышел из печати роскошно изданный А. А. Бобринским альбом по прикладному искусству таджиков Дарваза и Вахио.[36] В альбоме имеется 20 таблиц (из них 5 выполнены в красках), содержащих образцы вышивок, главным образом женских лицевых занавесок— *рубанд*, а также вязаных чулок. Альбому предпослана вступительная статья, содержащая краткое описание Дарваза — его природы, путей сообщения, типов селений, занятий населения, его физического типа. верований; затронут также и вопрос о переселениях и заселении Дарваза. В 1901 г. вышла статья другого участника экспедиции—Н. В. Богоявленского; статья посвящена естественно-научным результатам экспедиции, однако в ней содержится интересное для этнографии указание на воспоминание жителей Дарваза о переселении их предков из долины р. Ях-Су.[37]

Наиболее важное значение для этнографии имеют работы третьего участника поездки — А. А. Семенова. В 1900 и 1901 гг. вышли два тома собранных им материалов по изучению горнотаджикских говоров. Материалам предпослан грамматический очерк этих говоров, в котором указаны некоторые специфические особенности говоров Каратегина и Дарваза. Затем помещены самые материалы — сказки, на отдельных таблицах помещено много хорошо выполненных фотографий Н. В. Богоявленского — типы населения, селения и жилища.[38]

В 1903 г. вышла в свет другая большая работа того же автора, уже непосредственно посвященная этнографии посещенных экспедицией районов. Она состоит из семи глав—географического очерка, общей характеристики населения (происхождение жителей и переселение, происхождение термина «таджик», следы племенного деления, антропологический тип, костюм), описания селения и жилища (внешнее и внутреннее устройство, убранство, утварь), характеристики занятий, верований, семейных нравов и обычаев; в седьмой главе даны образцы памятников народного творчества (басни и сказки) в русском переводе и некоторой стилистической обработке (эти памятники уже были опубликованы в оригинале и точном переводе среди образцов наречий горных таджиков в указанной выше работе). В работе дано 10 фотографических таблиц — селение и жилище, образцы резного орнамента, деревянных изделий, железных изделий, тканей, медных кумганов, а также много фотографий в тексте; приложена карта с обозначением маршрута экспедиции.

Указанная работа, хотя она и основана на кратковременных маршрутных сборах, является по существу первым обстоятельным описанием культуры и быта горных таджиков Каратегина, Вахио, Дарваза и прилегающих к ним областей, дающем читателю разносторонние сведения о жизни горца. Основным недостатком указанной работы является то обстоятельство, что не везде материал в достаточной степени локализирован, в частности, например, не даются различия в типе жилищ; однако было бы несправедливо упрекать в этом автора, принимая во внимание кратковременный характер самой поездки и почти полное отсутствие предварительных материалов.[39] Следует отметить, что еще до выхода работы в свет были предварительно опубликованы два от-

рывка из нее в виде отдельных рефератов.[40] Обстоятельная, изобилующая многочисленным фактическим материалом, в большинстве своем совершенно свежим и новым, работа А. А. Семенова явилась крупным научным вкладом в дело изучения этнографии горного Таджикистана, в частности этнографии Каратегина и Дарваза.

В конце XIX—начале XX в. ряд других русских исследователей, не являющихся, однако, специалистами в области этнографии, посещает Каратегин и Дарваз. В описаниях их путешествий среди прочего материала встречаются также и некоторые, часто беглые и отрывочные, сведения этнографического характера.

Занимавшийся антропологией таджиков С. Масловский[41] сообщает некоторые сведения о физическом типе жителей Каратегина, Дарваза и Вахио; однако построения автора мало научны и носят фантастический характер. С. Масловский принадлежит к той группе антропологов, которые стремились найти в таджиках более или менее чистых потомков «арийцев», специфический «таджикский тип».[42] Попутно С. Масловский в своей статье дает краткую характеристику Дарваза и его центра—Калаи-Хумба, приводит исторические предания и слышанные им легенды.

В последние годы XIX в. (в 1896, 1897 и 1899 гг.) ботаник и гляциолог В. И. Липский предпринял по Горной Бухаре несколько путешествий, во время которых побывал также в Каратегине и Дарвазе. Среди других материалов в его книге встречается описание дома каратегинского бека и приема у него, описание резиденций управляющих амлоками — *амлокдор*, сообщается о народном волнении в кишлаке Гориф, имеются отрывочные сведения о типе селения в Дарвазе, пищедорогах. Трехтомная работа иллюстрирована большим числом прекрасных фотографий.[43]

Предпринявший в 1903 г. путешествие в горный массив хребта Петра I В. Ф. Новицкий сообщает беглые сведения о таджиках Каратегина и Вахио, о занятиях населения, в частности о промывке золота в верхнем течении р. Хингоу, о кишлачных домах огня — *алоухона* и об отношении горных таджиков к огню.[44]

В 1904 г. была опубликована статья Б. Н. Литвинова об экспедиции русского военного отряда в запянджский Дарваз в 1894 г., предпринятой в связи с попытками афганцев и стоявших за их спиной англичан захватить Памир и прилегающие к нему районы. Автор при описании экспедиции сообщает некоторые общие сведения о населении Дарваза, характеризуя более подробно политическую обстановку; довольно подробно он останавливается на описании Калаи-Хумба.[45]

Следует упомянуть и вышедший в 1901 г. в Ташкенте «Путеводитель по Туркестану», работу компилятивного характера; в ней несколько страниц посвящены Дарвазу — его населению, занятиям, наличию общественных тутовых насаждений, положению женщины, развлечениям.[46]

В 1906 г. вышла из печати работа А. Е. Снесарева,[47] представляющая собой обстоятельное статистико-экономическое описание Восточной Бухары, т. е. горных бухарских бекств. Основной частью работы является также описание Дарваза и Каратегина. Автор указывает границы Восточной Бухары, ограничивая ее четырьмя бекствами—Кулябским, Бальджуанским, Каратегинским и Дарвазским. Затем дается довольно подробный географический очерк всего края, с указанием путей сообщения, переправ, мостов и горных перевалов; после

Q.C.L. N.Ver

краткой характеристики населения подробно рассматривается вопрос о занятиях по отдельным бекствам и амлокам, главным образом с точки зрения хозяйственных рессурсов—количества хлеба и скота, потребления их на месте и вывоза на продажу, приводятся цены на различные продукты сельского хозяйства, существовавшие летом 1904 г. В конце работы приводятся списки населенных пунктов по бекствам и амлокам с указанием количества дворов в каждом из них; к работе приложена перепечатанная из «Туркестанских ведомостей» статья, подписанная инициалами А. П., содержащая сведения о податях и налогах в Восточной Бухаре.

А. Е. Снесарев, преследовавший цели военно-статистического описания края, не ставил перед собой задачи этнографического характера; однако мы находим у него много различных этнографических подробностей; демографические сведения, собранные автором, могут быть сопоставлены с таковыми же более ранних авторов—Г. А. Арандаренко, капитана Кузнецова и капитана Васильева. Говоря о количестве хлеба и скота, А. Е. Снесарев приводит средние цифры по амлокам для богатых, бедных и средних хозяйств; этот материал весьма важен для изучения классового состава кишлака того времени.

Следует упомянуть также о работах Д. Н. Логофета,[48] опубликованных незадолго до первой мировой войны. Выступая сторонником присоединения отсталого Бухарского ханства к России, Д. Н. Логофет в своих довольно многочисленных работах, носивших, в основном, публицистический характер, пытался как можно ярче вскрыть деспотизм и бесправие, тяжелое положение народа и произвол бухарских властей. Давая живое и образное представление о жизни Бухарского ханства, работы Д. Н. Логофета страдают, однако, недостаточной глубиной и точностью, поэтому и пользоваться ими исследователю следует с большой осторожностью. Это в полной мере применимо и к этнографическим сюжетам, встречающимся в работах.

В 1911 г. вышла в свет работа О. Олуфсена,[49] в которой излагаются материалы путешествий Датской Памирской экспедиции 1896—1897 и 1898—1899 гг. В ней имеется много сведений, касающихся населения, жилища, занятий, одежды, верований. Описанию путешествия по Каратегину и Дарвазу посвящено около 50 страниц. Работа иллюстрирована множеством фотографий.

Другой иностранный путешественник, Рикмер-Рикмерс, посетивший Бухарское ханство в 1906—1908 гг., также посвятил специальный раздел своей книги путешествию по Каратегину и Дарвазу, где можно найти и различные путевые заметки этнографического характера.[50] Книга Рикмер-Рикмерса снабжена множеством хороших снимков.

В заключение обзора этнографического изучения Каратегина и Дарваза в дореволюционное время нужно остановиться еще на двух работах компилятивного характера.

Первой из них является сводная работа А. Шишова,[51] посвященная таджикам. Ее автор попытался свести воедино весь накопленный ранее материал по истории, этнографии и экономике таджиков, преимущественно горных. В предисловии к своей работе он указывает, что при составлении очерка ему пришлось пользоваться теми литературными материалами, которые ему удалось достать в Ташкенте. К этому автор совершенно справедливо отмечает, что, к сожалению, то, что опубликовано относительно быта горных таджиков, дает слишком мало.

Книга А. Шишова разбита на 31 главу, в которых освещаются самые разнообразные вопросы; первые три главы посвящены природным

особенностям края, четвертая — специально описанию Ходжента, а пятая — истории; далее следуют главы, в которых рассматриваются происхождение таджиков, численность и антропологические данные, внешний быт, занятия, верования и народные знания, положение женщины и воспитание детей, праздники и народные увеселения.

Проделанная А. Шишовым компилятивная работа не может быть признана удачной. Не являясь специалистом ни в области истории, ни в области этнографии, автор свел весь доступный ему материал совершенно некритически, подчас путем чисто механического монтажа соответствующих отрывков из различных работ. Не свободен автор и от некоторых тенденций колонизаторского подхода к описываемому им народу. Тем не менее книга А. Шишова до сих пор сохраняет свое значение в качестве обстоятельной этнографической сводки по таджикам, написанной в предреволюционные годы и как бы подводящей итог всему тому, что было сделано в этой области до Великой Октябрьской революции.

Другой из упомянутых двух работ является книга В. И. Масальского о Туркестане, вошедшая в серию «Россия» в качестве XIX тома.[52] Представляя собой всестороннее описание Туркестанского края непосредственно перед первой мировой войной, книга содержит и разделы, посвященные этнографическому составу, быту и культуре, а также занятиям населения (главы V и VI). В этих разделах мы находим среди других материалов и сведения по этнографии Каратегина и Дарваза, заимствованные из различных опубликованных источников.

***

Как видно из всего изложенного, почти за полувековой период—с 70-х годов XIX в., когда началось изучение культуры и быта населения Каратегина и Дарваза, до Великой Октябрьской революции — были собраны довольно разнообразные и обширные сведения о населении края. Сведения эти собирались, с одной стороны, представителями военной администрации, офицерами-разведчиками и т. п., которых край интересовал главным образом как возможный театр военных действий; поэтому такие авторы, как Г. А. Арандаренко, капитан Кузнецов, капитан Васильев, А. Е. Снесарев очень подробно изучали вопросы численности населения, его размещения на определенной территории, административное устройство, систему налогов, занятия и экономические ресурсы, но мало внимания обращали на культуру и быт населения, его обычаи и воззрения; с другой стороны, сведения собирались путешественниками-учеными, которые интересовались проблемами, связанными с той или иной наукой, и лишь от случая к случаю фиксировали явления и факты, касающиеся быта и культуры населения.

К работам же непосредственно этнографического характера в Каратегине и Дарвазе дореволюционного времени могут быть отнесены только исследования А. А. Семенова, А. А. Бобринского, М. С. Андреева, очень краткие и носящие общий характер; этнографическое изучение края только еще начиналось.

События первой мировой войны, а затем длительный период гражданской войны и борьбы с басмачеством, затянувшейся в горном Таджикистане до 1924—1925 гг., надолго прервали всякую возможность этнографического изучения края. Предпринятые в годы первой мировой войны И. И. Зарубиным этнографические исследования в горном Таджикистане были сосредоточены в припамирских районах и совершенно не коснулись Каратегина и Дарваза.

Непосредственно вслед за установлением в Каратегине и Дарвазе Советской власти и ликвидацией очагов басмачества в крае были начаты большие работы в области экономического, статистического и этнографического обследования. Без проведения подобных работ, без выявления экономических ресурсов, изучения веками сложившихся аграрных отношений, состава населения невозможно было развернуть в этом отсталом крае советского строительства, как экономического, так и культурного. Актуальность таких работ по обследованию увеличивалась еще осуществлявшимся в 1924—1925 гг. национально-территориальным размежеванием и проводившейся в 1926 г. Всесоюзной переписью населения. Оба последних мероприятия требовали предварительных больших обследовательских работ, но, в свою очередь, как бы являлись той основой, на которой могло развертываться дальнейшее изучение края. В связи с новым, установленным при организации Советской власти, районированием, на территории бывших бухарских бекств — Каратегина и Дарваза был организован Гармский вилайет, впоследствии преобразованный в Гармскую область (см. ниже, стр. 44).

Большую роль в деле всестороннего изучения Таджикистана и ознакомления с ним широкой советской общественности сыграл изданный в 1925 г. Обществом для изучения Таджикистана сборник статей «Таджикистан». Статьи сборника были подобраны таким образом, что сборник в целом давал довольно полный и всесторонний материал о республике — сведения о ее положении, границах и административном делении, географическую, экономическую и демографическую характеристики, а также материалы по истории, этнографии и культуре. Последние были изложены в статьях крупнейших востоковедов-специалистов по Средней Азии, академика В. В. Бартольда, А. А. Семенова и М. С. Андреева.[53] Хотя указанные статьи посвящены Таджикистану и таджикам в целом, в них мы находим и сведения, касающиеся таджиков Гармской области; В. В. Бартольд приводит некоторые факты из истории Дарваза и Каратегина в XVII—XIX вв., А. А. Семенов сообщает о распространении на территории Каратегина и Дарваза в древности буддизма, М. С. Андреев упоминает о говорах Каратегина, об общинных домах огня — *алоухона* в Каратегине и Дарвазе, а также приводит сведения о некоторых космогонических представлениях в Каратегине. Интересный и важный в научном отношении материал, касающийся, в частности, населения Гармской области, содержится в том же сборнике в экономической статье Ю. И. Пославского (тип поселений, сведения о земледелии и землевладении, кустарных промыслах, натуральном обмене, передвижении различных групп населения) и в демографической статье Панкова (плотность населения, его половой и возрастной состав, этнический состав, кочевое и оседлое, городское и сельское население).[54]

В 1926 г. в Ташкенте были опубликованы материалы по районированию Средней Азии; в одном из томов этих материалов, посвященном территории бывшего Бухарского ханства, даются довольно полные и обстоятельные демографические сведения, в том числе и по Гармскому вилайету; дается характеристика всех туманов (уездов) и более мелких административных единиц — кентов, с указанием площади, количества, плотности и размещения населения, а также его национального состава.[55] Этому же кругу вопросов были посвящены статьи П. П. Введенского, напечатанные в сборнике «Народное хозяйство Таджикистана».[56]

Чтобы больше не возвращаться к вопросам демографии и статистики, а также экономики, укажем, что на основании проводившихся обследований несколько позднее был выпущен сборник о земельных отношениях в Таджикистане. В нем, наряду с другими, дается также отдельный очерк земельных отношений в Гармском вилайете, подробно характеризуются существовавшие до революции феодальные отношения и те мероприятия, которые были проведены в первые годы существования Советской власти; работа содержит обильный статистический материал, в частности, таблицы, дающие экономические показатели, характеристику отдельных групп хозяйства и т. п.[57] Хорошим пособием-справочником для изучения этнического состава населения явились также изданные в 1932 г. Управлением народнохозяйственного учета списки населенных пунктов Таджикистана.[58]

Перейдем непосредственно к рассмотрению полевых исследований в Каратегине и Дарвазе в советское время.

Первыми советскими этнографами, посетившими Каратегин и Дарваз, были М. С. Андреев и Е. М. Пещерева. В 1924 г. эти исследователи проехали Каратегин вплоть до Гарма, а в 1925 г. ими же была пройдена вся долина р. Хингоу, за исключением ее нижнего течения.[59] Хотя в результате этих маршрутных поездок и не появилось специальных работ, посвященных таджикам Каратегина и Дарваза, оба исследователя в последующих своих работах опубликовали ряд материалов по ним. Так, в работах М. С. Андреева среди описанных им некоторых древнейших представлений встречаются и записанные в Каратегине и Дарвазе представления о божестве грома, о мифическом деде-земледельце, о ритуальных песнях жнецов, о мифической покровительнице прях; опубликован и ряд материалов по орнаменту — на стенах домов, на посуде, на вышивках и чулках.[60] Е. М. Пещеревой в ее работах приводятся сведения о гончарстве в Каратегине, Вахио и Дарвазе, по молочному хозяйству, женским молочным артелям — *певоз*, выходу на летние пастбища, по детским и обрядовым играм.[61] Помимо этнографических полевых материалов Е. М. Пещеревой производились коллекционные сборы, а М. С. Андреевым — записи образцов речи местного населения.

После поездок М. С. Андреева и Е. М. Пещеревой на территории Каратегина и Дарваза в течение нескольких лет не велось никаких этнографических работ. Для этого периода следует отметить все же две книги, хотя они и не являются этнографическими трудами. Первая из них — книга П. А. Баранова и И. А. Райковой посвящена ботаническому изучению Дарваза;[62] однако она содержит интересные материалы по земледельческой культуре населения — роли географических факторов в жизни населения, технике земледелия, характеристике отдельных полевых, садовых и огородных культур и их использования, в связи с чем даются сведения о путях сообщения и торговле края. Другая книга — работа Н. Г. Маллицкого посвящена ландшафтной географии Таджикистана, в этой книге, как в ее общей части, так и в разделе «Кухистан», содержится много любопытных сведений о населении Каратегина и Дарваза.[63]

С 1930 г., работая стационарным методом, начал изучение этнографических особенностей таджиков Каратегина — Дарваза Н. А. Кисляков, о работах которого будет сказано ниже.

В 1932 г. летом в пределах Гармской области работал отряд по изучению населения Таджикской комплексной экспедиции под руководством С. М. Абрамзона; в отряд входили врач-антрополог В. В. Гинзбург, молодые востоковеды А. З. Розенфельд, Е. Крючков и эконо-

мист Лукашев. Отрядом был собран значительный материал о тех изменениях и сдвигах в быту и культуре населения, которые произошли в Гармской области в течение первых десяти лет советизации, о коллективизации сельского хозяйства, которая в эти годы в Таджикистане еще только началась; А. З. Розенфельд был собран интересный и разносторонний материал о труде и быте таджикской женщины и о ее борьбе за свое фактическое раскрепощение.

К сожалению, большая часть собранных указанной экспедицией материалов осталась неопубликованной. В печати появился лишь краткий предварительный отчет руководителя отряда С. М. Абрамзона[64] и его же небольшая заметка о собирании музыкального фольклора.[65] В. В. Гинзбургом была опубликована большая монография «Горные таджики», посвященная антропологическим исследованиям, попутно с которыми приводится ряд сведений, характеризующих кишлаки и жилище, демографические данные о заболеваемости населения и т. п.[66] На основании собранных полевых материалов В. В. Гинзбургом была опубликована также статья, посвященная селению и жилищу Каратегина и Дарваза, где дается довольно подробная их характеристика (с таблицами и планами), главным образом под углом зрения санитарно-гигиенического состояния.[67]

Стационарные работы Н. А. Кислякова, имевшие место в 1930—1933 и 1935—1936 гг., проводились им, главным образом, в бассейне реки Хингоу (Вахио) и лишь отчасти в Каратегине.

Н. А. Кисляковым, в отличие от более ранних исследователей горных таджиков, занимавшихся, в основном, материальной и духовной культурой, главное внимание было обращено на вопросы общественной организации, в частности, на изучение многочисленных пережитков в общественной жизни населения; материальная и духовная культура населения изучались им попутно в процессе комплексного этнографического обследования таджиков бассейна р. Хингоу. Велись также фольклорные и диалектологические записи. Работами Н. А. Кислякова в той или иной мере были освещены почти все стороны быта таджиков бассейна Хингоу.[68]

Вместе с Н. А. Кисляковым в 1932—1933 гг. стационарную работу по этнографии и диалектологии проводила А. З. Розенфельд, часть материалов которой были использованы в работах Н. А. Кислякова, а часть опубликована самостоятельно В дальнейшем А. З. Розенфельд сосредоточила основное внимание на изучении каратегинских и дарвазских говоров (включая и говоры долины р. Ванч), совершив в 1936 г., а затем в 1949—1960 гг. ряд поездок в Каратегин, Дарваз и на Ванч.[69]

В 1943 г. в Каратегине работал Н. Н. Ершов, собирая материалы по народной медицине.[70]

В 1945 г. летом Каратегин посетила Е. М. Пещерева, которая занималась здесь (главным образом в к. Сари-Шухон) сбором материалов по гончарному производству и по детскому фольклору.[71] В 1946 г. в Каратегине собирала материал С. П. Русяйкина, изучавшая таджикский национальный костюм. В 1947 г. С. П. Русяйкина работала в составе экспедиции Института этнографии АН СССР в долины Ванча и Язгулема, которая на обратном пути недолгое время задержалась в Дарвазе (кроме С. П. Русяйкиной в Дарвазе работали Н. А. Кисляков и О. Л. Данскер).[72]

В 1948—1950 гг. в кишлаках бассейна р. Хингоу собирал этнографические материалы, главным образом по земледелию, аспирант ТФАН СССР М. Р. Рахимов, большая часть работ которого, написанных на этих материалах, была опубликована позднее (см. ниже).

С организацией в 1951 г. в Таджикистане республиканской Академии наук, в составе которой был создан специальный Институт истории, археологии и этнографии с особым сектором этнографии, который возглавила А. К. Писарчик, этнографическая работа в республике приняла более планомерный и систематический характер. Уже в предшествующие годы было начато сплошное и систематическое изучение Таджикистана, первым объектом которого явилась Кулябская область.

С 1952 г. решено было начать сплошное этнографическое обследование б. Гармской области. Полевые работы проводились в течение трех летних сезонов—в 1952, 1953, 1954 гг. В течение первых двух сезонов под общим руководством Н. А. Кислякова проводилось сплошное этнографическое обследование Каратегина. В 1952 г. в отряде, начальником которого был Н. Х. Нурджанов, работали Б. Х. Кармышева, Р. Л. Неменова и М. Р. Рахимов — сотрудники Института истории, археологии и этнографии, а также приглашенные Ю. М. Богорад, М. Хамиджанова и художник А. Д. Семчин. В 1953 г. отряд работал также под руководством Н. Х. Нурджанова в составе сотрудников Института Б. Х. Кармышевой, М. Р. Рахимова, Р. Л. Неменовой, а также приглашенных А. З. Розенфельд, Ю. И. Богорад, М. Хамиджановой и художницы М. Р. Габе.

Отрядом собирались материалы по этнографии, характеризующие как старый, так и новый быт кишлака. Помимо сбора этнографических материалов велась работа по уточнению сведений о населении — его национальном составе, расселении, истории заселения кишлаков, топонимике.

Предварительные отчеты о работе Гармской этнографической экспедиции за 1952 г. ее участников—Н. Х. Нурджанова, Р. Л. Неменовой и М. Р Рахимова были опубликованы.[73]

Как указывалось выше, этнографическое изучение таджиков долины р. Хингоу (Вахио) производилось в свое время Н. А. Кисляковым. Поэтому в 1954 г., в последний год намеченной по плану полевой работы, было решено работу перенести, в основном, в Дарваз. Работа продолжалась экспедицией под руководством А. К. Писарчик, состоявшей из трех отрядов: Дарвазского этнографического (начальник отряда Н. Н. Ершов), Дарвазского искусствоведческого (начальник отряда Н. Х. Нурджанов) и Джиргатальского этнографического (начальник отряда Б. Х. Кармышева). Работа велась по той же программе, что и в предыдущие годы.[74]

В 1955 г. выезжали в Дарваз для сбора материалов по населению Р. Л. Неменова и студент ТГУ И. Мухиддинов, а в Гарм—М. А. Хамиджанова и З. А. Широкова.

В 1956 г. выезжала в Гарм и Таджикабад для сбора материалов по музыкальному фольклору О. Л. Данскер совместно с работниками Дома народного творчества — композитором Ш. Сохибовым и техником звукозаписи Т. П. Иконниковой.

Наряду со сбором научных материалов производилась также закупка этнографических экспонатов для пополнения коллекций Музея археологии и этнографии при институте.[75] В 1956 и 1957 гг. были организованы поездки для сбора дополнительных материалов по некоторым темам, а главное — для приобретения этнографических коллекций. В 1956 г. в Дарвазе и в некоторых кишлаках Каратегина работал отряд, возглавляемый Н. Н. Ершовым, в котором участвовали А. К. Писарчик, Р. Л. Неменова, В. А. Мешкерис и студент ТГУ Савлатшо Мерганов. Отряд собрал этнографические коллекции, в частности уникальную коллекцию ручной женской керамики из к. Ёгид, вышитые дарвазские платья, орудия труда и т. п., а также дополнительные этно-

графические материалы по темам «Население», «Ремесла», «Жилище». В 1957 г. в Каратегине работал отряд, возглавляемый А. К. Писарчик; в нем участвовали З. А. Широкова, М. А. Хамиджанова, художник Х. А. Жаба и лаборант М. Ф. Сидельникова. Отряд собирал коллекции по одежде, вышивкам, орудиям труда среди каратегинских таджиков и джиргатальских киргизов, а также дополнительные этнографические материалы по темам «Жилище» и «Одежда».

Собранные во время всех полевых работ материалы, а также многочисленные этнографические коллекции послужили основным источником при написании настоящего труда.

За последние годы опубликованы и материалы по Каратегину и Дарвазу, не связанные непосредственно с Гармской экспедицией. Некоторые из этих работ посвящены целиком Каратегину и Дарвазу, в другие же материал по этим районам входит лишь частично.

А. К. Писарчик опубликована статья по терминам родства у таджиков, Е. М. Пещеревой — по играм и игрушкам, монография Н. А. Кислякова посвящена социальным отношениям таджиков долины Хингоу в недавнем прошлом.[76] В работах Н. Х. Нурджанова,[77] посвященных народному театру, собранный им полевой материал по Каратегину и Дарвазу привлекается, главным образом, в качестве дополнительного. Работы М. Р. Рахимова[78] по земледелию, земледельческим и другим обычаям и обрядам, а также народным знаниям и социальным отношениям в прошлом, в основном, построены на материалах, собранных автором в долине р. Хингоу в 1948—1953 гг.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Районы Таджикистана, входившие до недавнего времени в состав ные упраздненной Гармской области, расположены в центральной части республики. В целом это горный край, включающий в себя ряд высоких хребтов, идущих, в основном, в широтном направлении и отделяющих друг от друга долины трех наиболее крупных в крае рек— Сурхоба, Хингоу и Пянджа. Местности по долинам этих рек в пределах бывшей Гармской области соответственно носят название Каратегин (долина р. Сурхоб), Вахио (долина р. Хингоу) и Дарваз (долина р. Пяндж); иногда долину р. Хингоу причисляют также к Дарвазу, называя ее Северным Дарвазом.

Географические границы этого края могут быть определены следующим образом: на севере граница с запада на восток идет по восточной части Зеравшанского хребта (называемого в этой части также Матчинским), а далее — по Алайскому хребту; около перевала Гадайюлы она покидает Алайский хребет, направляется на юго-восток и, перейдя через р. Сурхоб несколько выше кишлака Кичик-Карамук, по западным отрогам Заалайского хребта подходит к левому притоку Сурхоба — Мук-Су около кишлака Алтынмазар. От р. Мук-Су граница направляется в юго-западном направлении по высочайшим горам хребта Академии наук, далее, примерно от пика Гармо, следует вдоль восточной части Дарвазского хребта, а затем по его отрогам доходит до р. Пяндж несколько выше дарвазского кишлака Пошхарв. Потом граница следует вдоль р. Пяндж (совпадая с государственной границей между СССР и Афганистаном), сначала на северо-запад, а затем— на юго-запад. Ниже кишлака Зыгар граница края покидает Пяндж и идет на север по отрогам Дарвазского хребта до вершины Хазрати-Шо. Отсюда граница следует в северо-западном направлении вдоль сравнительно невысоких водораздельных хребтов, отделяющих бассейн р. Хингоу верховий Ях-Су и кулябской Кзыл-Су. Не доходя до р. Сурхоб (носящей здесь уже название Вахш), граница поворачивает на юго-запад и следует вдоль невысокого Вахшского хребта, а затем по р. Вахш до кишлака Тагоби-Кала; здесь она переходит на правый берег Вахша и уходит под прямым углом от него на северо-запад, пересекая Калаидаштскую степь, и упирается в невысокий Каратегинский хребет. Это крайняя западная точка края. Далее граница вновь поворачивает под прямым углом и направляется на северо-восток вдоль Каратегинского хребта. Обойдя с востока верховья рек Кафирниган и Ягноб, граница подходит к Зеравшанаскому хребту в том месте, где от него отходит к югу Гиссарский хребет.

Весь край имеет протяженность с запада на восток около 300 км, а с севера на юг — около 160 км.

Горы, заполняющие большую часть Каратегина и Дарваза, принадлежат к двум системам — Алайской и Памиро-Дарвазской. Горы Алайской системы расположены на севере изучаемого края. Всю северную его часть занимают южные склоны упомянутых выше хребтов— Каратегинского, Зеравшанского и Алайского, а также их ответвления. В районе соединения Зеравшанского хребта с Алайским (а также с Туркестанским) находится обширный ледниковый узел.

К Памиро-Дарвазской системе на рассматриваемой территории относятся хребты Петра I и Дарвазский, а к восточной границе примыкают части хребтов Заалайского и Академии наук. На стыке хребтов Петра I, Академии наук и Дарвазского находятся высочайшие в Со-

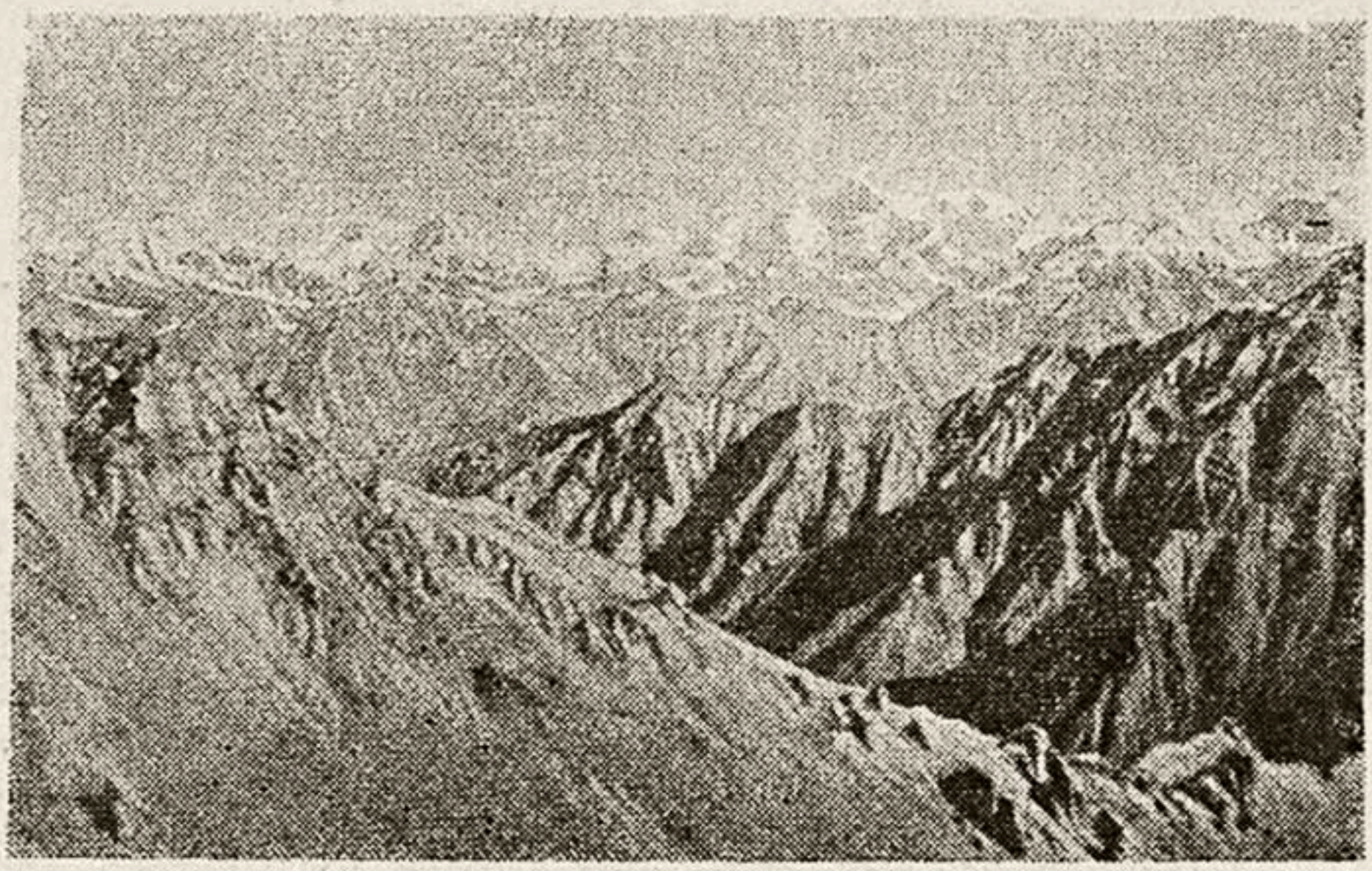

Рис. 1. Узел Гармо (стык хребтов Академии наук и Дарвазского).

ветском Союзе вершины (рис. 1) и крупнейший в Союзе ледник Федченко. Хребет Петра I составляет на всем протяжении границу между Каратегином и Вахио. Вершины хребта с северной стороны представляют собой крутые и голые скалы, ниже следуют пологие, мягкие склоны, являющиеся древними моренами. Южные склоны круты, скалисты и изрезаны глубокими ущельями. Западная часть хребта сравнительно невысока и бесснежна. Восточная часть хребта Петра I глубоким и мрачным ущельем р. Мук-Су отделяется от западной части Заалайского хребта, который только незначительной своей частью лежит на границе рассматриваемого края.

Почти параллельно хребту Петра I, к югу от него, отделенный долиной р. Хингоу тянется, также в основном с запада на восток, Дарвазский хребет. В западной своей половине он чрезвычайно широк и

Рис. 2. Южные отроги хр. Петра I. Долина р. Хингоу; слева мост в 5 км выше к. Тавиль-Дара, справа на речной террасе поля к. Хур.

его верхняя часть представляет собой обширные, почти ровные пространства, покрытые хорошими субальпийскими пастбищами, более же низко расположенные его склоны обрываются почти отвесными обнаженными скалами к долинам рек Хингоу и Пяндж. Северный склон хребта дает ряд отрогов, заполняющих пространство между р. Хингоу и центральной частью хребта. Здесь также расположены богатейшие субальпийские пастбища, известные под названием Дашти-Узбекон, куда летом пригоняют огромные стада овец и коз из равнинного Таджикистана.

Таким образом, на территории края проходят три горные цепи: северная, состоящая из хребтов Каратегинского, Зеравшанского и Алайского; средняя — хребет Петра I и южная — Дарвазский. К югу от каждой из этих трех цепей и параллельно им расположены горные долины рек Сурхоба, Хингоу и Пянджа.

Долина Сурхоба, Каратегин, делится на три части: Верхний, Средний и Нижний Каратегин. Верхний начинается там, где р. Сурхоб (выше впадения р. Мук-Су называемая Кзыл-Су) покидает Алайскую долину и несколько ниже урочища Катта-Карамук прорывается узким ущельем в теснине гор. Ниже этой теснины Сурхоб течет по суровой сильно пересеченной местности; горы подходят близко к реке и стесняют ее течение. Близ к. Джиргаталь в Сурхоб справа впадает р. Оби-Занку.

Ниже Джиргаталя (точнее, ниже к. Сайрон), в Среднем Каратегине, долина Сурхоба значительно расширяется, горы отступают от реки и уступают место обширным речным террасам. С правой стороны в этом месте Сурхоб принимает значительный приток—р. Оби-Кабуд. Здесь до землетрясения 1949 г. были расположены крупные каратегинские кишлаки Хаит и Хисорак. Эти места, равно как и расположенная на другом берегу Сурхоба обширная приречная Таджикабадская (Калаи-Лаби-Обская) равнина, являются плодороднейшими районами Каратегина. Ниже по течению Сурхоба, вплоть до Гарма, долина довольно широка, среди полей и зеленых насаждений разбросаны многочисленные кишлаки, много кишлаков расположено на левом берегу Сурхоба, в складках древних моренных отложений хребта Петра I.

Ниже Гарма Сурхоб прорывается сквозь теснину, а затем долина вновь расширяется. В 20 км ниже Гарма справа в Сурхоб впадает один из наиболее многоводных ее притоков—р. Сорбух, текущая со склонов Зеравшанского хребта и слева принимающая речку Оби-Камароу. На противоположном, левом берегу Сурхоба горы значительно отступают от реки и дают место обширным террасам, расчлененным глубокими оврагами, идущими к реке. Здесь в Сурхоб впадает ее крупнейший левый приток—р. Хингоу. Ниже впадения Хингоу Сурхоб принято называть уже Вахшем, но, по данным, специально собиравшимся ГЭЭ, само население по всему его протяжению в пределах Каратегина называет его Сурхобом. Это Нижний Каратегин. Река здесь течет в крутых берегах, с правой стороны в Вахш впадают речки Хакими и Муджихарф; горы, подступающие местами к самым берегам реки, образуют теснины. Ниже впадения р. Оби-Гарм, на которой недалеко от ее устья расположены одноименные кишлак и курорт, Вахш уходит за пределы Каратегина. К юго-западу от Оби-Гарма находится обширная степь, носящая название Калаи-Дашт, или Дашти-Бедона.

Перейдем теперь к характеристике долины другой реки изучаемого края—Хингоу, называемой Вахио. Бассейн верхнего течения р. Хингоу носит название Вахиои-Боло, т. е. Верхнее Вахио. Это суровая высокогорная страна. Река Хингоу течет здесь на высоте 2700—2000 м над ур. м., и долина ее в значительной части представляет узкую и мрачную теснину, заваленную камнями и обломками свалившихся с высоты скал. Нижнее течение Хингоу носит также название Хлоз. Здесь склоны гор везде имеют пологие, мягкие очертания, вдоль реки расположены многочисленные конусы выноса ее притоков (рис. 2). Местность покрыта богатой древесно-кустарниковой растительностью, по склонам заросли ореховых деревьев. Ниже к. Чильдара долина Хингоу значительно суживается и перед впадением в Сурхоб, прорываясь через толщи хребта Петра I, превращается в мрачную теснину.

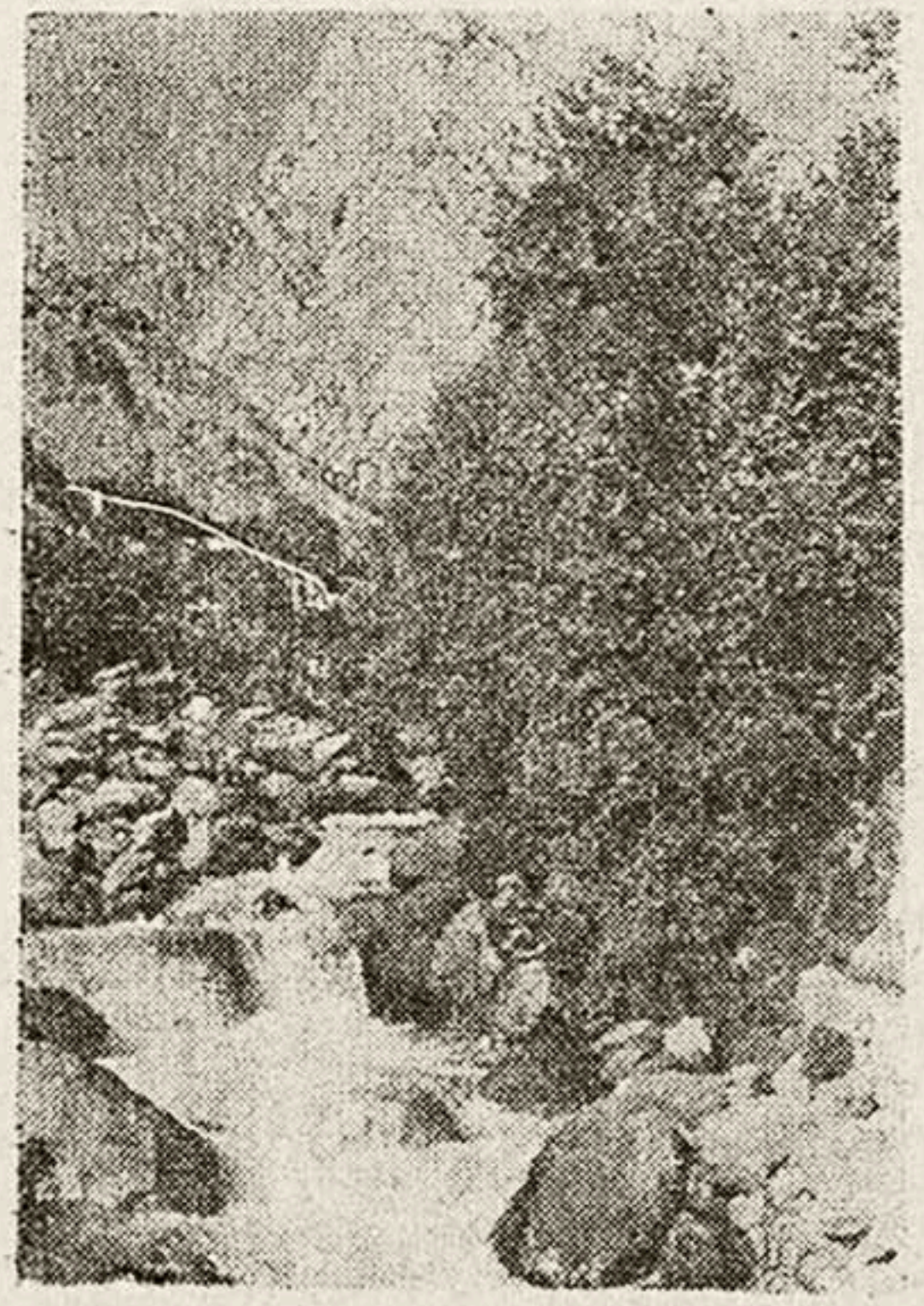

Рис. 3. Горная речка у впадения в р. Пяндж, к. Кургован (нег. № 61—301).

Правобережье р. Пяндж принадлежит к изучаемому нами краю на сравнительно небольшом отрезке — от устья р. Ванч до устья р. Оби-Ниоу. Здесь Дарвазский хребет круто обрывается к реке, горы со стороны Афганистана также близко подступают к ней, и река на протяжении около 100 км течет в узкой скалистой теснине, сначала на северо-запад, затем на запад и юго-запад, описывая значительную дугу. С правой стороны Пяндж принимает несколько горных речек—Пошхарв, Кургован (рис. 3), Вискарви, Тогмай, Оби-Хумбоу, Оби-Равноу; из них наиболее значительной является Оби-Хумбоу, в устье которой расположено селение Калаи-Хумб. Поселения вдоль Пянджа расположены либо на береговых террасах, либо на ко-

Рис. 4. Вид на овринг.

нусах выноса, образованных указанными речками. В глубине гор, по узким теснинам речек имеются лишь отдельные небольшие селения.

Горные селения Каратегина и Дарваза обладают сравнительно умеренным климатом с довольно значительным количеством годовых осадков, при этом понижение температуры и увеличение количества осадков происходит, как правило, по мере продвижения в глубь гор, с запада на восток. Однако, в зависимости от высоты местности, направления горных хребтов, экспозиции их склонов по частям света мы находим в изучаемом крае большое разнообразие микроклиматов. Следует отметить, что среди описанных выше трех основных долин более холодным климатом обладает долина р. Хингоу, лежащая несколько выше, чем соседние долины Сурхоба и Пянджа. Наиболее теплым климатом обладает дарвазская часть долины р. Пяндж, расположенная значительно ниже и представляющая собой как бы глубокую щель, защищенную от проникновения в нее ветров. Среднее положение в этом отношении занимает долина Сурхоба—Вахша. Естественно, что все эти три долины имеют более суровый климат в своей верхней части и более мягкий—в нижней.

Горный характер края, наряду с его экономической отсталостью в прошлом, предопределял собой и отсутствие сколько-нибудь удобных путей сообщения. В Каратегине и Дарвазе до Октябрьской революции и в первые годы после нее совершенно отсутствовали колесные дороги и колесный транспорт. Единственными путями сообщения были тропы, в зависимости от обстоятельства и рельефа местности более или менее разработанные.

Для прохода над рекой по крутым скалам, там, где невозможно было проложить обычную тропу, местное население сооружало проходы — карнизы, называемые в Дарвазе *овринг,* а в Каратегине— *пайрам, парак, рафак, ворй.* В большинстве случаев они представляли собой настил из жердей или бревен, опирающихся на колья, укрепленные в расщелинах скалы, поверх которого клали хворост и насыпали немного земли или гравия (рис. 4). По такому карнизу могли пройти лошадь или человек; если над оврингом нависали скалы, то перед тем, как вступить на него, с лошадей снимали вьюки и переносили

их на руках, так как вьюк мог удариться о скалу, а лошадь, потеряв от толчка равновесие, сорваться вниз. Однако в некоторых местах и такие овринги было трудно сооружать, и их заменяли просто бревна, подвешенные на веревках в горизонтальном или наклонном положении, по которым приходилось подниматься или спускаться, как по лестнице, для чего на бревнах делались зарубки. Такие овринги были доступны только для пешеходов.

Овринги встречались в различных местах Каратегина и Дарваза, однако наиболее трудные и большие находились на пути вдоль Пянджа, как, например, Овринги Махмадхон ниже селения Курговад. Здесь опасность пути увеличивалась еще и тем, что участки, расположенные низко над рекой, в полую воду затоплялись, и путникам приходилось пробираться по ним по колено или по пояс в воде, палкой нащупывая дорогу, а лошадей переводить, держа их под уздцы и за хвост.

Тропы проходили через горные хребты в наиболее низких и удобных точках, однако почти все перевалы хребтов Петра I и Дарвазского были расположены на высоте более 2000—2500 м и доступны были лишь летом и осенью.[2]

В хребте Петра I, например, из всех перевалов, ведших из Каратегина в долину Хингоу, в зимнее и весеннее время был доступен лишь один, при этом жителям ближайших селений приходилось постоянно очищать от снега тропу через перевал. Еще труднее было сообщение между долиной Хингоу и долиной Пянджа через Дарвазский хребет: единственный доступный здесь зимой перевал Гишон во время метелей и снегопадов нередко закрывался на продолжительное время, а тропа, ведущая к перевалу со стороны долины Хингоу, была небезопасна от снежных лавин. Зимой и весной совершенно прекращалось сообщение Каратегина через Алайский и Зеравшанский хребты с Ферганой и долиной Зеравшана. Единственным путем из Каратегина на равнину была тропа, ведшая мимо Оби-Гарма, через Калаи-Даштскую долину и степь Дашти-Бедона в Гиссарскую долину; но и на этом пути, особенно в Калаи-Даштской долине, зимой накапливалось очень много снега, что затрудняло сообщение, а иногда и вовсе прерывало его.

Немалым препятствием для передвижения являлись также бурные горные реки. При существовавшей в бухарском ханстве примитивной технике сооружение мостов — *пул* возможно было на небольших реках, а на более крупных лишь в тех местах, где берега, обычно скалистые, сходились близко и появлялась возможность сделать перекидной мост с одного берега на другой (рис. 5). На многих участках крупных рек, таких, например, как Сурхоб, строительство мостов было невозможно и потому, что река при спокойном течении разбивалась на многочисленные рукава, ложе которых очень часто менялось, а во время бурных весенних и летних паводков уровень воды поднимался очень высоко.

Устройство мостов повсюду в крае было одинаково. По обеим сторонам реки делались устои из нескольких рядов бревен, накладываемых один на другой перпендикулярно течению реки. Каждый вышележащий ряд бревен несколько выступал над нижележащим в сторону реки; для устойчивости бревна скреплялись жгутами, свитыми из ветвей, приваливались тяжелыми камнями. Чем шире была река, тем больше было рядов бревен в устоях, так как необходимо было сократить расстояние между выступавшими концами бревен до такого предела, чтобы можно было соединить их двумя длинными бревнами, образующими собственно мостовой пролет. На этих двух бревнах устраивался поперечный настил из коротких жердей, на которые укладывали

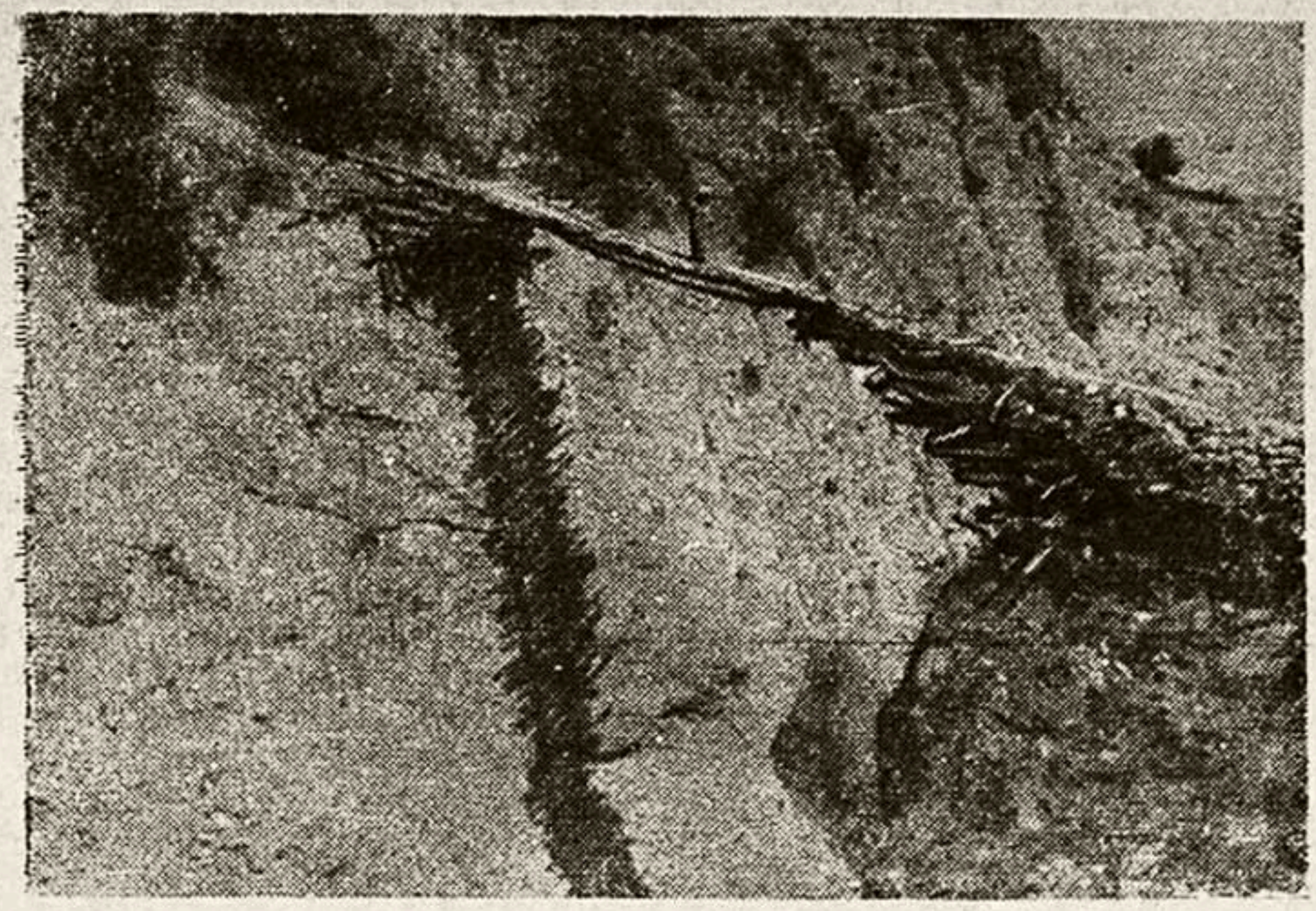

Рис. 5. Старый мост, Каратегин, к. Яхак. 1953 г. (нег. № 18—208).

хворост, подсыпали гравий и землю. Ширина настила делалась в 1—1,5 метра, редко больше. Мост обычно слегка качался при переходе через него, особенно же при переводе тяжело нагруженных животных. Там, где не было мостов, пользовались другими способами переправы. Одним из них была переправа с помощью плота — *сал*, состоящего из нескольких надутых воздухом целых шкур животных; сверху укладывался легкий помост из жердей, который привязывался к бурдюкам и скреплял весь плот в единое целое (рис. 6). На середину помоста клали вещи, а если переправа происходила с лошадьми, то и седла, садились люди; два—три человека во время переправы подгребали не-

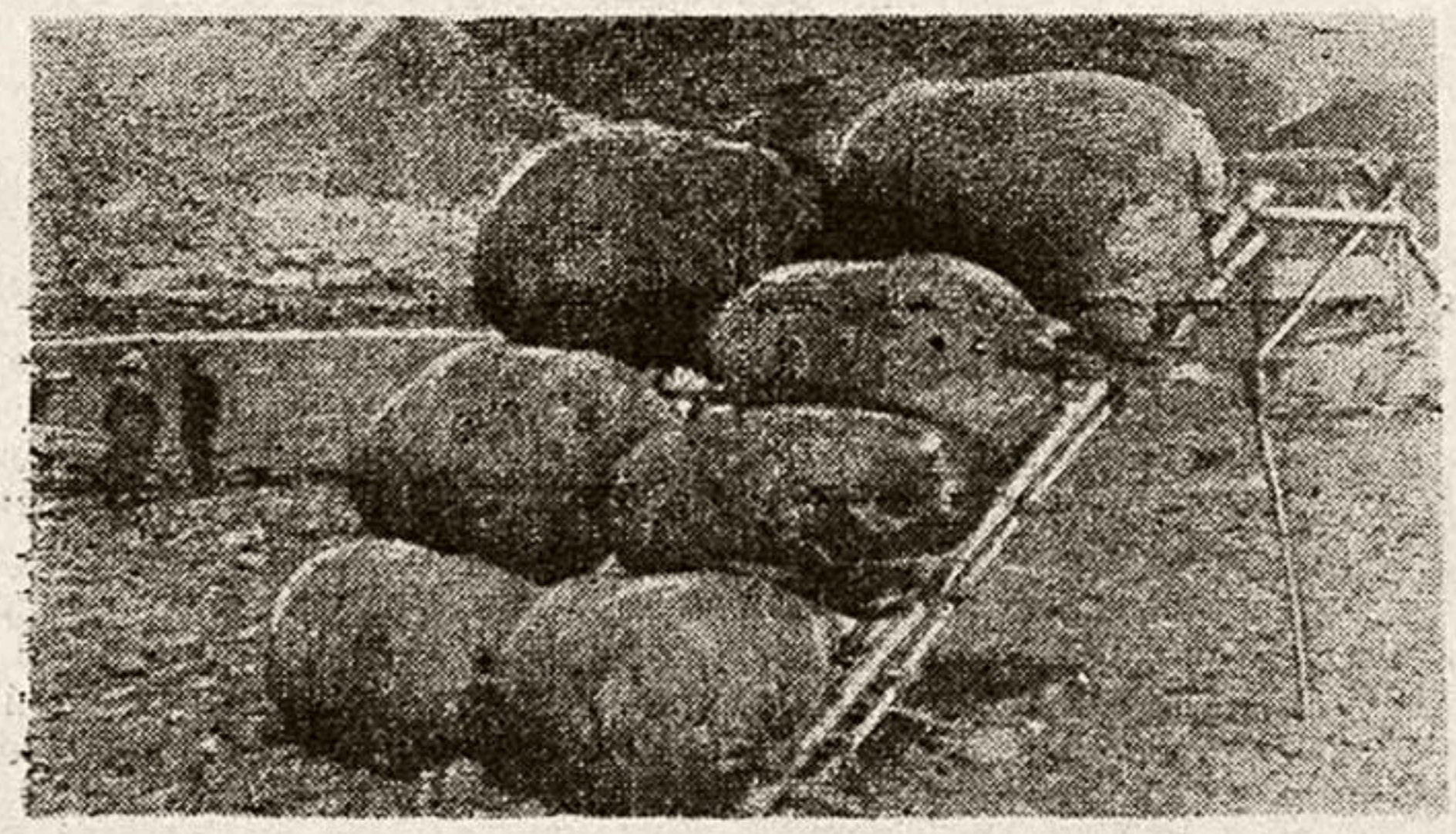

Рис. 6. Плот из надутых шкур животных—*сал*. Каратегин, Таджикабадский район (нег. № 18—226).

большими веслами, направляя плот к противоположному берегу; на лошадей надевали недоуздки, привязывали к плоту, и они плыли вслед за ним. Без груза местные жители переправлялись вплавь с помощью надутого воздухом большого бурдюка, который обхватывали левой рукой, а правой загребали.

Осенью, зимой и ранней весной, когда уровень воды в реках был невысокий, через Сурхоб и Хингоу в некоторых местах существовали броды для верховых. В более мелких местах, особенно зимой, переходили реку пешком; для этого обычно раздевались, оставляя на себе лишь штаны, а всю одежду складывали и укрепляли на голове, чтобы она не намокла. Старались переходить брод не в одиночку, а группами, поддерживая друг друга.

Таджики-горцы являются хорошими неутомимыми ходоками и легко преодолевают по горным тропам не только большие расстояния, но и высокие перевалы. В дорогу обычно надевали особый вид невысокой обуви — *мукӣ*; длинными обмотками — *пайтоба* крепко бинтовались икры ног, для придания ноге крепости и твердости. В пути пользовались длинными, с человеческий рост палками. Если на плечах не было груза, то палку закладывали горизонтально за спину и придерживали согнутыми в локте руками. Если несли груз, то его прикрепляли за спиной перекинутыми через плечи веревками. Таким способом горцы переносили на себе значительные тяжести, например, при возвращении с заработков из Ферганской долины, преодолевая при этом длинный путь по склонам Алайского хребта и высокий перевал Карагушхона с вечным снегом и ледниками. Покрытые снегом места обычно стремились пройти рано утром, когда снежная поверхность еще не подтаивала. При ходьбе по снегу никаких особых приспособлений не употребляли, лишь в истоках Хингоу и в некоторых других высокогорных местах иногда, главным образом охотниками, применялись небольшие круглые легкие лыжи-плетенки — *чапарак*.

Лошадей в Каратегине и Дарвазе было сравнительно немного, их имели, в основном, зажиточные люди, реже люди среднего достатка.

Для верховой езды применялось деревянные седло — *зин*, с довольно высокой лукой — *қоши зин* и приподнятой задней частью; внизу по обеим сторонам делались прорези, в которые пропускались ремни для стремян, ремни имели застегивающиеся пряжки; стремена — *узангу* обычно прикреплялись коротко, так что у всадника ноги в колене были согнуты почти под прямым углом. При седловке на спину лошади клали небольшой потник — *чиргин*, обычно войлочный, затем седло, а под него две продолговатых кожаных подкладки *ҷаллик*, чтобы не сбить спину лошади. Седло прикреплялось подпругой *аил*, поверх которой на седло клали одеяльце — *курпача*, а поверх него все стягивалось широкой ременной подпругой *пуштаранг*. Обе подпруги имели на обоих концах металлические кольца, приходившиеся на левый бок лошади и стягивавшиеся тонким ремешком. К седлу сзади прикреплялся кожаный подхвостник *куш*, пропускавшийся под хвост лошади для того, чтобы при крутом спуске седло не съезжало вперед. На голову лошади надевали недоуздок с одним поводом — *яккалаҷом* для привязывания лошади при остановках, и поверх недоуздка надевалась узда *лаҷом* с удилами *оҳани лаҷом* и поводьями *ҷилав*. Всадник в руке имел плеть — *қамчӣ*, состоящую из деревянной ручки и прикрепленного к ней ременного жгута. Перевозимые на лошади грузы вьючились также на седло или прямо на потник, при этом тщательно старались уравновесить груз с обеих сторон; для крепления груза служила длинная веревка с деревянным крюч-

ком на конце. При путешествии верхом нередко для перевозки дорожных вещей служили переметные сумы — *хурҷин*.

Более доступным транспортным животным, особенно для беднейшей части населения, был осел. На осле также ездили верхом или же возили грузы. Седло для осла — *туқум* представляет собой нечто вроде подушки из нескольких кусков войлока, наложенных один на другой и сшитых вместе; седло укреплялось с помощью подпруги. На этом седле ездили верхом без стремян, на него же вьючили грузы. При езде верхом осла погоняли небольшой заостренной палочкой, тыча ею в шею осла, эта же палочка служила и для управления: осла слегка ударяют по голове со стороны, противоположной той, куда хотят повернуть. Осел очень выносли́в и хорошо ходит по горным тропам даже там, где не может пройти лошадь.

Описанное выше положение в отношении путей и средств сообщения в Каратегине и Дарвазе оставалось неизменным до конца 20-х годов. Первым видом современного транспорта, появившегося в крае к этому времени, был самолет; сначала под Гармом, а затем в Тавиль-Даре, Джиргатале и Калаи-Хумбе были устроены посадочные площадки и начались рейсы легких самолетов, в настоящее время ставшие регулярными.

В 30-х годах развернулось строительство автомобильных дорог, потребовавшее большой затраты труда и средств, а также современной техники, особенно на скалистых участках. В 1940 г. методами народной стройки был сооружен Памирский автомобильный тракт от Душанбе до Хорога, значительная часть которого проходит по Каратегину и Дарвазу. (рис. 7). На р. Сурхоб—Вахш построен железобетонный мост, реку Хингоу переезжают на пароме. Затем были сооружены и другие участки автомобильных дорог — в верх по Сурхобу через Гарм до Джиргаталя,

Рис. 7. Участок новой дороги в горах.

по долине Хингоу до Сангвора и др. В настоящее время большинство колхозов Каратегина и Дарваза имеют подъездные автомобильные пути и свой автотранспорт.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Ввиду того, что истории Каратегина посвящен нами специальный труд,[1] где по древнейшему периоду дана подробная сводка имеющихся данных, а последние столетия освещены нашими исследованиями, в настоящей главе мы остановимся лишь на основных моментах истории Каратегина и Дарваза периода, предшествовавшего установлению здесь Советской власти, и советского периода.

Предварительно сделаем только одно замечание общего характера.

Ознакомление с культурой горных таджиков Каратегина и Дарваза и ряд фактов, связанных с их этногенезом, позволяют сделать заключение о том, что в более или менее отдаленном прошлом таджики Дарваза и Каратегина, равно как и таджики Куляба, теснее были связаны с населением областей, лежащих к югу, чем с населением соседних северных областей Средней Азии.

Если проследить распространение ряда отдельных элементов культуры горных таджиков Каратегина и Дарваза, то сразу бросается в глаза сходство этих элементов с таковыми же у населения припамирских районов, горной части Афганского Туркестана и горных стран, расположенных по склонам Восточного Гиндукуша.

Одним из наиболее ярких фактов сходства элементов материальной культуры, как это отмечалось уже в литературе. является тип высокогорного жилища с деревянным ступенчатым сводом, распространенного в Каратегине, Дарвазе, в припамирских районах и далее к югу вплоть до южных склонов Гиндукуша.

Горные области Южного Таджикистана были в культурном отношении связаны не только с лежащими к югу от них горными областями, но также, по-видимому, испытывали на себе культурное влияние областей, расположенных к западу и юго-западу от них, являющихся очагом древней бактрийской культуры. «Население Таджикистана имеет свои местные корни,— пишет по этому поводу А. Ю. Якубовский,— свое местное происхождение, причем одна часть его была тесными этническими и культурными узами связана с Согдом, а другая—с Бактрией». «Южный Таджикистан политически и культурно в течение долгих веков был связан с Балхской областью, а через нее не только с Ираном, но и с Афганистаном и Северной Индией».[2]

Не следует, однако, забывать, что, как и в новейшее время, в древности не все районы Каратегина и Дарваза в одинаковой степени были связаны с Бактрией и лежащими к востоку от нее пригиндукушскими странами. Наиболее прочные связи с югом имел, естественно, Дарваз, в то время, как Каратегин все же не мог оставаться совершенно в стороне от некоторого культурного и, возможно, даже экономиче-

ского общения с лежащей к северу от него Ферганой, а также Восточным Туркестаном, тем более, что через Каратегин, как известно, в древности проходил торговый путь с запада на восток. Это обстоятельство точно так же следует учитывать с точки зрения наличия известных различий в культуре, и прежде всего в материальной культуре, населения Дарваза, с одной стороны, и населения Каратегина, с другой.

До последней четверти XIX в. Каратегин и Дарваз были независимыми княжествами, управлявшимися местными правителями—*ша*. В 1876 г. бухарский эмир вызвал в Бухару и задержал там каратегинского ша Рахимхона, а в 1878 г. назначенный каратегинским беком бухарский чиновник Худойназар Аталык занял Калаи-Хумб и изгнал дарвазского ша. Таким путем было покончено с многовековой независимостью Каратегина и Дарваза.[3]

Накануне революции Каратегин и Дарваз представляли собой бекства Каратегинское и Дарвазское, управляемые чиновниками бухарского эмира — беками, назначавшимися из Бухары (обычно из правившего узбекского рода мангытов). Оба бекства входили в состав так называемой Восточной Бухары, центром которой считался Гиссар,[4] а гиссарский бек до 1906 г. рассматривался в качестве наместника эмира бухарского.

Остановимся на социально-экономических отношениях в Каратегине и Дарвазе в конце XIX—начале XX вв.[5]

Как перед подчинением Каратегина и Дарваза Бухаре, так и в период бухарского владычества в крае господствовали феодальные отношения. Большинство населения составляли крестьяне-земледельцы *деҳқон,* податное сословие — *фуқаро.* Трудовое крестьянство владело сравнительно небольшими участками земли, номинальным собственником которых был верховный правитель страны, сперва ша, а впоследствии эмир бухарский. Правящий, эксплуатирующий класс был представлен земельно-феодальной знатью, группировавшейся вокруг местного правителя. Этот класс назывался при ша *саркарда,* или *наукар* (мснг. *нукер),* а в период бухарского владычества — *сипо,* или *амалдор.* Представители правящего класса сумели с течением времени сосредоточить в своих руках сравнительно крупные земельные владения; эти земли приобретались знатью во времена ша в качестве пожалований со стороны последних за военные доблести и гражданские заслуги, путем захвата новых участков земель, распаханных крестьянами, а в позднейший период — путем присвоения посредством кабальных сделок земли бедноты.

Во времена ша класс саркарда был сравнительно малочисленным, бухарское же правительство, стремясь привлечь к себе богатые и влиятельные слои общества, стало широко практиковать раздачу бухарских чинов — *амал* как представителям старой знати, так и лицам, оказывавшим те или другие услуги эмиру; однако чиновников высших рангов в Каратегине и Дарвазе не было.

Помимо двух указанных классов общества — крестьянства и феодальной знати, в Каратегине и Дарвазе существовала и довольно многочисленная социальная прослойка, освобождавшаяся от налогов и повинностей. Сюда относились так называемые *наукари қишлоқ*— кишлачные наукары, дружинники, исполнявшие различные поручения властей; муллы, учителя, имамы кишлачных мечетей, писари—*мирзо,* отдельные ремесленники, а в последнее время и представители нарождавшегося кулачества — байства.

В центрах бекств находились беки, в штат которых входили следующие лица: *девонбеги* — лицо, ведавшее казной и хозяйством бека,

а также надзиравшее за сбором и поступлением налогов; *ясаулбоши*, который вместе со своими ясаулами представлял личную охрану бека, приводил в исполнение различные приговоры, вынесенные беком; *қурбоши* — заведывавший арсеналом и являвшийся как бы комендантом бекской цитадели. Кроме этих лиц, в центре бекства были судья—*қози* и лицо, наблюдавшее за благочестием—*раис*; оба эти лица имели в кишлаке свой собственный административный аппарат. При беке находилось обычно несколько лиц из местной знати, имевших различные бухарские чины, — *амалдор*.

Каждое бекство делилось на несколько более мелких административных единиц — *амлок*, во главе которых стояли амлокдоры, и *миразори* во главе с миразорами. Низшей сельской администрацией являлся *арбоб*, обычно один на каждый кишлак.

В Каратегине, по данным 80-х годов XIX в., насчитывалось 5 амлокдорств: Киргизское, Калаи-Лаби-Об, Гарм, Новдонак, Оби-Гарм,[6] по данным 1906 г.—8: Казацкое, Калаи-Лаби-Об, Калаи-Хоит, Гарм, Камароу, Новдонак, Яхак, Оби-Гарм и отдельный поселок Ёфуч, а также две волости — Пумбачи и Муджихарф.[7]

Данные советских исследователей об административном устройстве дореволюционного Каратегина,[8] а также материалы Гармской этнографической экспедиции, в основном, совпадают; небольшие расхождения между ними отражают то обстоятельство, что количество амлокдорств в Каратегине колебалось, а границы их были непостоянны. По этим данным, амлоков было 10: Джиргиталь, или Киргизское, Калаи-Лаби-Об, Хаит, или, при шахах, Сакоу,[9] Шинглич, или Камароу, Гарм,[10] Новдонак, Яхак, или Яхак-Юс, Пумбачи, Муджихарф. Н. А Кисляков среди амлоков упоминает ещё Ефуч.[11] Амлоки были разбиты в среднем на три—четыре миразорства каждый. Помимо этого, существовало несколько крупных миразорств, подчинявшихся непосредственно Гарму: Яхакпаст—Булкос, Хост, Шуль, Хилмони, Мазор, Самсолик, Шоле и Гарм, или Афтобру (по правому берегу Сурхоба, от Гарма до к. Нимич). Некоторые из этих миразорств по количеству населения и кишлаков не уступали самым большим амлокам, в то время как некоторые амлоки состояли из небольшого количества кишлаков: например, Ёфуч состоял из одного кишлака, Помбачи — из четырех. Это свидетельствует о том, что подобное «...административное деление, по-видимому, сложилось чисто исторически, не вызывалось целесообразностью и существовало в последнее время, вероятно в силу традиции».[12]

В бассейне р. Хингоу, по всем данным, было 4 амлока: Чильдара, или Хлоз, Тавиль-Дара, Вахиои-Боло, или Лоджирк, и Сагырдашт.[13]

В Приянджском Дарвазе Г. А. Арандаренко, по данным 1882 г., деления на амлоки не проводит, а различает 3 географических района: Юго-Восточный, или Верхний Дарваз (Ванч, Язгулем и селения на этом отрезке Пянджа по правому и левому берегу реки), Юго-Западный Дарваз — селения по обоим берегам Пянджа, Нижний Дарваз, лежащий целиком на левом берегу Пянджа.[14] Такое деление, вероятно, объясняется еще недостаточным внедрением бухарского административного и податного термина *амлок*. По данным Кузнецова 1893 г. (накануне Памирского разграничения, т. е. до передачи левобережного Дарваза Афганистану), в Дарвазе было 7 амлокдорств: Ванч, Калаи-Хумб (по обоим берегам Пянджа), Шикай (по обоим берегам Пянджа), а также Джумарч, Моймай, Куф и Хогон — все четыре на левом берегу Пянджа, только в амлокдорство Куф входили два правобережных кишлака — Рог и Зыгар. Помимо амлокдорств, было два отдела:

Язгулемский и Тангшивский (в низовьях р. Тангшив на левом берегу Пянджа), подчинявшиеся Калаи-Хумбскому амлокдорству.[15]

По данным 1906 г.,[16] совпадающим с данными ГЭЭ (записи Р. Л. Неменовой), в состав собственно Дарваза входили амлокдорства: Ванчское (по данным ГЭЭ, Рохарвское, от к. Пои-Мазор до к. Водхуд), Калаи-Хумбское (от к. Пшихарв до к. Зинг по Пянджу и все кишлаки в долине р. Хумбоу), Шикайское (кишлаки по правому берегу Пянджа ниже Ширговада). Между Калаи-Хумбским и Шикайским амлоками группа из трех кишлаков—Сангевни Дароз, Дуробак и Паткиноу выделялась под названием Седиха (три селения) в одно миразорство, подчинявшееся непосредственно Калаи-Хумбу. По некоторым сведениям, кишлаки Умарак и Зинг представляли каждый отдельное миразорство, также подчинявшееся непосредственно Калаи-Хумбу. Язгулем называли не *амлок*, а *ҷамоа* (община, род).

В Дарвазе, наряду с амлоками, существовали до установления Советской власти определенные территориальные единицы, находившиеся под управлением непосредственных помощников или наместников бека — *мирдари хона*, или *мири дари хона*, назначаемых, по одним сведениям, миром (беком), по другим — самим эмиром, из местных жителей, главным образом из местной аристократии.

Мирдарихона как заместитель бухарского правителя — мира впервые отмечен Н. А. Кисляковым в долине Ванча,[17] а позднее Латыповым в Дарвазе, в Порьёви-Боло и Порьёви-Поён и в Хингоу.[18]

По данным ГЭЭ, мирдарихона были в Дарвазе, и территории, которые находились в орбите их управления, обычно не совпадали с амлоками; мирдарихона было три: один из них управлял Порьёви-Боло (побережье Пянджа от к. Пшихарв до к. Кеврон), жил в Кевроне, второй управлял Хумдарой, жил в Хумбивари, третий управлял Порьёви-Поён (правобережье Пянджа от к. Ризвай до к. Ширговад) и жил в Калаи-Хумбе.[19]

Мирдарихона был облечен большими полномочиями и занимал высокое положение. Он мог непосредственно, минуя бека, докладывать самому эмиру о недовольстве своих подчиненных чиновниками, назначенными беком. Бывали случаи, когда мирдарихона представительствовал в Гиссаре, у гиссарского бека, который, как говорилось выше, считался наместником самого эмира в восточной части ханства. В услужении мирдарихона было много народа, непосредственно ему подчинялись миразоры. Это были влиятельные богатые люди, имевшие в своем владении до ста ленных хозяйств — *танхо*. По данным ГЭЭ, мирдарихона ежегодно получал с каждого миразорства, находившегося на его территории, по одной корове.[20] В функции мирдарихона входил разбор дел, связанных с разделом семей, наследства, с землепользованием и др. За участие в разбирательстве он получал какое-либо вознаграждение. Н. А. Кисляков в отношении Ванча отмечает, что в случае раздела семьи, хоким (правитель Ванджа) брал быка, мирдарихона — корову...[21] Однако нигде нет указаний на то, что мирдарихона в Дарвазском бекстве был причастен к сбору налогов с населения, ответственными за налоги были миразоры и амлокдоры.

Собранные экспедицией материалы дают возможность предположить, что мирдарихона — реликт прошлого административно-территориального устройства страны. Независимое положение мирдарихона, его высокие функции говорят о том, что временами он обладал той же, если не большей властью, что и сам правитель страны. Существование мирдарихона наряду с амлокдорами в собственно Дарвазе, возможно, поддерживалось бухарскими высшими властями, которые были заинте-

ресованы в сохранении старого административного института, поскольку искали расположения местной аристократии с тем, чтобы укрепиться во вновь завоеванной стране.[22]

Основной функцией бека, амлокдоров и прочей местной администрации был сбор налогов с населения. Налогами облагалось все трудовое крестьянство, владевшее и пользовавшееся участками земли, называвшимися в Каратегине и Дарвазе *мулк;* от налогов освобождались лишь те владельцы земли, которые принадлежали к местной знати или же к высшей социальной прослойке. Налог с земли, плативший-ся крестьянами, являлся феодальной рентой, поскольку он взимался в пользу верховного собственника земли — эмира.

Основным налогом, взимавшимся с крестьян, был натуральный налог в виде $^1/_{10}$ части урожая — *ушр.* Урожай определялся на току амлокдором или другими чиновниками, причем определение это было весьма приблизительное с некоторым завышением, отчего повышалось и количество поступавшего в виде налога зерна. При выделении зерна в налог, крестьянин выделял также некоторую долю амлокдору, сборщику зерна — муширифу, раису, арбобу и другим лицам.

Кроме ушра существовали и другие натуральные налоги и сборы, брали баранов, топленое масло и другие продукты, шерсть, шерстяные изделия, дрова и т. п. При последних беках натуральные налоги и сборы в известной степени были заменены денежными, а так как денег в обращении было мало, то денежные сборы для крестьян были еще тяжелее.

Все собранное поступало в резиденцию бека, который каждую осень обязан был отсылать эмиру подать, называвшуюся *туқсан* и составлявшую определенную, установленную эмиром сумму; сверх туксана бек посылал еще *тортуқ* — подарок, в который входили лошадь, меха и другие вещи. Как бек, так и амлокдоры старались собрать требуемую сумму и сделать богатые подарки, а в то же время иметь и для себя доход, составлявший разницу между собранным с населения и посланным эмиру. В силу этого как бек и амлокдоры, так и прочие должностные лица и чиновники, которым также доставалось кое-что из собранного, стремились взять с населения как можно больше, не считаясь с установленными нормами. Значительные суммы брали с населения судья, раис и другие должностные лица в виде сборов за судопроизводство, раздел имущества, за свадьбы, похороны, в виде штрафов и т. п.

Наряду с налогами и сборами практиковался и отработочный труд. Крестьян заставляли безвозмездно обрабатывать землю, находившуюся в пользовании бека или амлокдора (так называемая *замини мирй*— мирская земля), строить и ремонтировать для них здания, возить дрова, а также исправлять дороги, мосты и т. п. Тяжелой трудовой повинностью являлась безвозмездная перевозка различных грузов, в частности доставка посылаемых эмиру сборов.

В Каратегине и Дарвазе была широко распространена система ленного пожалования — *танхоҳ.* Эмир широко раздавал феодальной знати крестьянские хозяйства, а иногда и целые кишлаки. Крестьянин, отданный в танхо, должен был выплачивать своему феодалу — *танхоҳхур* все те налоги и сборы, которые он до этого выплачивал государству. Чем большее влияние имел феодал, чем выше был его чин, тем больше крестьянских хозяйств у него было в танхо. Танхо считалось пожизненной привилегией и могло быть эмиром или беком отобрано у танхохура. Однако фактически, после поднесения эмиру или беку по-

дарков, наследники танхохура получали полностью или частично танхо своего отца. Положение крестьян, отданных в танхо, было особенно тяжело. Танхохур, особенно если он был влиятельным феодалом, обычно безнаказанно увеличивал размеры сборов, заставлял крестьян выполнять для него различные барщинные работы, а также посягал и на личную свободу находившихся у него в танхо дехкан; нередко танхохур вмешивался в частную, семейную жизнь дехканства, брал себе ко двору девушек, устраивал по своему усмотрению браки, чинил суд и расправу, и иногда отбирал под тем или иным предлогом у своего крестьянина землю.

Среди феодальной знати, владевшей большим количеством танхо, были и духовные лица, обычно ишаны, которые получали от эмира бухарские звания *судур* и *уроқ*, присваивавшиеся только духовным лицам. Фактически в руках духовенства сосредоточивались так называемые вакуфные земли и вакуфное имущество, т. е. собственность, завещанная в благотворительных целях каким-нибудь богатым или знатным человеком на содержание медресе (школы), мечети, мазара (почитаемой гробницы какого-либо святого).

Основным занятием таджиков Каратегина и Дарваза было земледелие. В этом горном крае практиковалось как земледелие «под дождь», рассчитанное на атмосферные осадки, так и земледелие поливное, требовавшее искусственного орошения. Сельскохозяйственные орудия были крайне примитивны. Удобрение применялось исключительно на поливных землях; количество навоза зависело от размеров скотоводства в том или другом районе. Урожаи, как правило, были невысоки. Основными культурами являлись злаки — пшеница и ячмень, наряду с ними культивировалось просо, бобовые. Некоторое значение имело садоводство, главным образом в Дарвазе. Параллельно с земледелием одним из основных занятий было скотоводство. При господствовавшем в крае натуральном хозяйстве скот давал таджику значительную часть продуктов питания (молоко, мясо), а также материал для одежды (шерсть, кожа).

Незначительное проникновение товарно-денежных отношений в глухие горные районы способствовало сохранению здесь домашних промыслов, призванных обслуживать нужды замкнутого отдельного хозяйства, а также ряд ремесел, обслуживавших своей продукцией узкий внутренний рынок. К числу первых следует отнести прядение и ткачество, вязание и вышивание. В Каратегине и Дарвазе было развито примитивное гончарное ремесло. Существовало также производство металлических изделий и деревообделочное производство, производилась добыча асбеста, соли, по берегам рек производилась промывка золотоносного песка, в ряде мест подсобным занятием была охота.

Большое значение в Каратегине и Дарвазе имели отхожие промыслы, уход на которые вызывался нуждой, малоземельем, большой тяжестью налогов. Отхожие промыслы явились существенным фактором ломки натурально-патриархальных отношений в глухих горных районах. Тем не менее Каратегин и Дарваз еще оставались страной с преобладанием натурального хозяйства, развитие товарного хозяйства только начиналось. Приезжавшие из Самарканда, Бухары и Ферганы отдельные торговцы, привозившие фабрично-заводские товары, главным образом мануфактуру, и обменивавшие их на скот и пушнину, не имели большого влияния на общий характер хозяйства. Лишь в последние перед революцией десятилетия среди местных жителей выделяется байская прослойка, занимавшаяся скупкой местных продуктов и перепродажей их на рынках Ферганы.

Для Каратегина и Дарваза существовал лишь один значительный базар в г. Гарме. Жители Каратегина и Вахио обменивали имевшийся избыток хлеба в Матче и Дарвазе, получая взамен местную кустарную ткань, гончарные изделия и другие предметы. Железные изделия привозили из долины Ванча. Вахио и Нижний Каратегин снабжали соседние районы солью, причем это снабжение происходило в порядке натурального обмена. Купля-продажа земли практиковалась лишь в отдельных случаях. Деньги в крае были мало распространены.

В последний период существования Каратегинского и Дарвазского бекств среди крестьянства начался процесс классового расслоения, что свидетельствовало о проникновении в край капиталистических отношений. Появившееся кулачество — байство стало энергично прибирать к рукам землю беднейших слоев крестьянства, скупая ее и забирая у заложивших ее должников, закабаленных баями. Часть приобретенной таким путем земли баи отдавали неимущим крестьянам в издольную аренду — *шарикӣ*.[23] Доля урожая, получаемая арендатором, зависела от того, обрабатывал ли он землю своим инвентарем, быками и своими семенами или же все это давал баӣ: в последнем случае арендатор получал не более пятой части урожая.

Наряду с господствовавшими феодальными отношениями в Каратегине и Дарвазе были еще очень живучи пережитки первобытно-общинных, патриархальных отношений. Отдельный кишлак представлял собой сельскую общину, где, наряду с частнособственническими участками пахотной земли, существовали также и общественные неразделенные земли — *замини омма*, которыми крестьяне кишлака (иногда даже нескольких кишлаков) пользовались сообща — горные пастбища, на которых выпасался кишлачный скот, участки, где односельчане заготовляли топливо и сено, охотничьи угодья.

Так как ранней весной и поздней осенью сельская община обычно использовала поля для общественной пастьбы,— все владельцы пахотных участков должны были одновременно начинать и кончать полевые работы. Общинное начало проявлялось также в работах по сооружению и поддержанию в порядке оросительной системы, починки дорог и мостов на территории данного селения.

Подобно классической сельской общине Индии, в кишлаках Каратегина и Дарваза конца XIX — начала XX вв. имелись мастера-ремесленники — кузнецы, шорники, плотники, лекари, цирюльники, безвозмездно обслуживающие всех односельчан, за что они освобождались от уплаты налогов и периодически получали общественную помощь.

Каждый кишлак имел свои общинные здания — мечеть — *масчит*, или *хонақо*, где совершались ежедневные моления, а также находящееся обычно при мечети помещение *алоухона* — дом огня, где зимой утром и вечером разводился огонь, собирались односельчане, обсуждались все общественные дела кишлака, останавливались путники.

В сельской общине Каратегина и Дарваза сохранились еще пережитки коллективного потребления — общие трапезы в алоухона, особенно в дни праздников, общие угощения мясом убитых на охоте горных козлов и т. п. Пережитком же коллективного труда являлось устройство помочи — общих работ в помощь односельчанину, так называемых *ҳашар*, которые со временем стали средством эксплуатации со стороны феодалов и по существу превратились в своеобразную барщину.

Большинство таджиков Каратегина и Дарваза исповедывали ислам суннитского толка, однако местами встречались и последователи исмаилитского учения (к. Мионаду в Вахио, к. Ёгид, Ширговад и Рав-

ноу в Дарвазе). С установлением бухарской власти были приняты меры к внедрению ортодоксального мусульманского вероучения. С этой целью возводились отдельные молитвенные мечети — *хонақо*, в то время как раньше для отправления молений служили алоухона, существовавшие, по-видимому, с незапамятных времен. Наряду с мусульманством, были широко распространены всевозможные магические и анимистические представления и поверья, нередко переосмысляемые в духе мусульманства и используемые мусульманским духовенством в своих интересах.

Большую роль в эксплуатации трудящегося населения играло распространение мусульманского суфизма. Во главе суфийских общин стояли их духовные руководители ишаны — *эшон*, вербовавшие себе последователей-мюридов—*мурид*, с которых они собирали духовную подать — *назр*.

Тяжелый экономический гнет и полное бесправие были уделом трудящегося крестьянства Каратегина и Дарваза в годы бухарского правления. Закон, находившийся в руках представителей эксплуатирующего класса, всегда был на стороне последних, а подкуп и взятки, личный авторитет и влияние были неизменно необходимы для успеха всякого дела. Известны случаи, когда доведенные до отчаяния каратегинцы и дарвазцы ходили жаловаться к эмиру в Бухару, но такие жалобы обычно никаких реальных улучшений не приносили.[24]

В конце XIX в. и в первые годы XX в. в Каратегине отмечались крестьянские волнения, что, по-видимому, было связано с введением бухарскими властями денежных налогов взамен натуральных, тяжело отразившемся на экономическом состоянии населения. Население роптало, местами отказывалось платить налоги и выполнять повинности, избивало чиновников. Все эти беспорядки подавлялись бухарскими властями с большой жестокостью. Естественно, поэтому, что как только в Каратегине и Дарвазе разнеслась весть о свержении в сентябре 1920 г. власти эмира бухарского, в крае начались волнения. Особенно волновалось население Каратегина, имевшее связь с Ферганской долиной; многочисленные отходники-каратегинцы, возвращаясь на родину, рассказывали своим односельчанам об установлении Советской власти в Фергане и других районах бывшего русского Туркестана, о передаче земли, фабрик и заводов в руки трудового народа.

Как следствие общего недовольства, в декабре 1920 г. в Каратегине произошло восстание, во главе которого встал Усмон Махмад Амин из кишлака Янгоклик близ Гарма. Восстание первоначально имело успех, однако амальдоры Каратегина сумели собрать большое ополчение и двинуть его против восставших; вожди восстания были схвачены и подвергнуты зверской казни, а ближайшие родственники Усмона бежали в Ферганскую долину.[25]

Весной 1921 г. отряды Красной Армии в борьбе с созданными эмиром басмаческими бандами, продвигаясь на восток, вступили в Каратегин и заняли Гарм. Но уже осенью 1921 г. в связи с активизацией басмачества, возглавляемого переброшенным в Туркестан Энвер-пашой, красные отряды по стратегическим соображениям вынуждены были оставить Каратегин. Весь 1922 г. и половину 1923 г. Каратегин и Дарваз фактически оставались в руках басмаческих главарей. Здесь действовали шайки Фузайла Максума, Ишана Султана, Гайратшо и Диловаршо. Лишь к середине 1923 г. был достигнут перелом в борьбе с басмачами, и 18 июля 1923 г. частями Красной Армии удалось опять занять Гарм, а 11 августа — центр Дарваза Калаи-Хумб.

Бывшие Каратегинское и Дарвазское бекства были объединены в одну административную единицу — Гармский вилайет, делившийся на семь туманов — Гармский, Джиргатальский, Хаитский, Тавиль-Даринский, Калаи-Хумбский, Дарвазский и Калаи-Лаби-Обский, который вскоре, в результате национального размежевания Средней Азии, вошел в состав Таджикской Автономной ССР.

Годы гражданской войны нанесли большой ущерб хозяйству края, население было терроризировано басмачами, многие хозяйства были разорены, посевы заброшены, ирригационная система разрушена, резко сократилось количество скота, значительная часть мужского населения была угнана басмачами. В то же время представители бывших правящих классов, пользуясь невежеством и темнотой широких масс дехканства, вели активную агитацию против Советской власти, Красной Армии, новых порядков, нередко используя лозунг борьбы за чистоту веры; населению внушали, что Советская власть заставит отказаться от мусульманства, превратит всех в неверных — *кофир*, разрушит семейные очаги, будет отнимать детей и воспитывать их в духе неверия и презрения к обычаям предков.

Работа по советизации Каратегина и Дарваза началась сразу же после освобождения края от басмачества. Уже осенью 1923 г. в Каратегине и Дарвазе были проведены первые выборы органов Советской власти, начиная от низовых выборов кишлачных старост и кончая выборами Революционного Комитета вилайета. Вторая избирательная кампания была проведена летом 1924 г.; по окончании ее был созван первый Курултай (съезд) депутатов вилайета, на котором произведены выборы на Первый Курултай Восточной Бухары. Наконец, в 1926 г. была вновь организована массовая избирательная кампания, закончившаяся созывом Первого Учредительного Съезда Советов Таджикистана, принявшего ряд важных решений, в частности декларации об образовании Таджикской АССР, о национализации земли и воды, постановления о раскрепощении женщин.

Выборные кампании неразрывно связаны с борьбой против проникновения в советы классово-чуждых элементов; эмирские чиновники, обычно хорошо грамотные, имевшие опыт в административной работе, устраивались в Советах в качестве секретарей, делопроизводителей, счетных работников. Нередко им удавалось влиять на бедняков, выдвинутых на руководящие советские посты, использовать их в своих классовых интересах.

Началась повседневная кропотливая работа по повышению культурного уровня населения, ликвидации неграмотности среди взрослых, вовлечения в школу детей. Все эти мероприятия встречали большие трудности. Наряду с первыми школами организовывались интернаты для сирот и тех немногочисленных еще детей, родители которых соглашались на их учение и жизнь в интернате. Необходимо было срочно подготовить учителей, для чего в Душанбе и Ташкенте организовывались специальные кратковременные курсы.

В Каратегине и Дарвазе в эти годы появляются первые врачи, организуются амбулатории и больница в Гарме, проводятся первые мероприятия по борьбе с эпидемическими и бытовыми заболеваниями— малярией, трахомой, сифилисом, оспой.

Требовалось срочное проведение мероприятий по улучшению положения бедноты и среднего крестьянства, тяжело пострадавшего от гражданской войны, но это затруднялось тем обстоятельством, что в Восточной Бухаре вследствие затянувшейся гражданской войны свое-

временно не была проведена земельно-водная реформа. Основные земельные массивы, равно как и вода, продолжали оставаться в руках зажиточной верхушки кишлака, и даже земли бывших крупных бухарских чиновников, бежавших в Афганистан, сохранились в руках их родственников или членов семьи. Богачи оставались хозяевами и большей части поголовья скота. Бедняки и малоземельные крестьяне нередко по-прежнему обрабатывали землю баев и чиновников на началах кабальной аренды, а батраки нанимались на сезонные работы или продолжали работать в доме бая или чиновника, числясь «родственниками» своих хозяев, которые в порядке благодеяния кормят и одевают их.

С целью улучшения положения бедняков и середняков партия и правительство приступили к проведению ряда мероприятий. Огромное количество маломощных хозяйств (свыше 20 тысяч. т. е. 70% общего числа хозяйств) в Гармском вилаете было освобождено от налогов. Проводилось широкое кредитование разоренных и маломощных хозяйств. Была развернута сеть кооперации как потребительской, так и производственной, избавляющей трудовое крестьянство от необходимости прибегать к помощи посредника — бая или торговца.

Большие средства вкладывались в работу по землеустройству, оказанию агрономической помощи бедняцким и середняцким хозяйствам. Начато было внедрение шелководства, для которого Гармский вилайет имел исключительно благоприятные условия — сравнительно мягкий климат, обилие насаждений шелковичного дерева.

Наряду с этим проводились большие работы по улучшению вьючных и пешеходных дорог, приведению в порядок ирригационной сети. В Гарме был создан аэродром, что дало возможность регулярно поддерживать связь с центром республики.

Во время избирательной кампании 1928 г. советские органы были уже почти полностью очищены от классово-чуждых элементов — баев, духовенства, эмирских чиновников. Весна 1929 г. была объявлена «первой большевистской весной», большие массивы земли нетрудовых слоев населения были переданы трудовому крестьянству, в первую очередь бедноте; началась решительная борьба с кулачеством.

Чем большие успехи делала Советская власть в Таджикистане, тем большую ненависть питали остатки разбитых классов — эмирского чиновничества, эмирской знати, а также кулачество. Весной 1929 г. при прямом пособничестве контрреволюционных элементов была проведена попытка большой диверсии из Афганистана. Басмаческая банда, возглавляемая старым врагом таджикского народа, Фузайлом Максумом, б. крупным эмирским чиновником, уроженцем Каратегина, хорошо знакомым с географическими условиями Гармского вилайета, проникла внутрь советской территории вплоть до Гарма, но здесь она была остановлена горсточкой храбрецов, вступивших в борьбу с басмачами, а затем изгнана подоспевшим отрядом Красной Армии. Отступая, банда Фузайла Максума на своем пути учиняла кровавую расправу над захваченными советскими работниками: среди других в Хаите были повешены две таджички-учительницы, которые были обвинены в отступничестве от ислама и законов шариата.

Вторая диверсия была летом 1931 г. во время последней вылазки матерого басмача из среды локайской знати, Ибрагимбека. Басмачам удалось провести вооруженное нападение на Хаит и затем держать много дней в осаде Джиргаталь. С помощью подоспевших отрядов Красной Армии эта диверсия также была ликвидирована.[26]

Коллективизация в Таджикистане началась еще в 1928—1929 гг., но Гармский вилает в силу низкого уровня производительных сил и других причин значительно отставал в этом отношении—в 1929 г. в нем было организовано всего лишь 4 колхоза. Только в 1933 г. коллективизация приняла более широкий размах. Постепенно освобождаясь в процессе ликвидации кулачества от влияния классово-чуждых элементов, крестьянство все шире вовлекается в колхозное движение. На первых порах некоторые колхозы работали плохо и вовсе развалились, однако неустанно проводимая среди крестьянской массы работа постепенно стала давать благоприятные результаты. Местные организации, равно как и колхозы, пополнялись новыми проверенными работоспособными людьми. В Каратегин и Дарваз было направлено много молодых работников, в том числе и русских, оказавших большую помощь делу советского строительства и коллективизации. К 1933 г. коллективизация охватила все кишлаки. Одновременно партией и правительством было уделено большое внимание налаживанию хозяйства и благоустройству края в целом. Широко развернулось жилищное строительство, особенно в Гарме и в районных центрах, завозилось все больше промышленных товаров, сооружались новые школы, больницы. Особое внимание было уделено делу ликвидации бездорожья. Стали проводиться автомобильные дороги. В 1940 г. методом всенародной стройки через Каратегин и Дарваз была проведена автомобильная магистраль — Большой Памирский тракт, который соединил край с Душанбе и с отдаленным Памиром, а также связал между собой различные, ранее отдаленные друг от друга районы.

В административном отношении Каратегин и Дарваз претерпели значительные изменения: в 1929 г. был организован Гармский округ, делившийся на пять районов: Гармский, Джиргатальский, Калаи-Хумбский, Тавиль-Даринский, Хаитский[27]. В 1931 г. округ был ликвидирован и образованы районы (соответственно прежним туманам), подчиняющиеся непосредственно центру республики. В 1939 г. создается Гармская область с 11 районами: Гармский, Джиргатальский, Калаи-Лаби-Обский, Калаи-Хумбский, Комсомолабадский, Оби-Гармский, Нульвандский, Сангворский, Тавиль-Даринский, Хаитский, Шульмакский.

В 1955 г. Гармская область была упразднена, а районы ее стали районами республиканского подчинения. В 1957 г.—последнем году полевых работ ГЭЭ — Калаи-Хумбский и часть Тавиль-Даринского района (с/с Сагырдашт) были включены в состав Горно-Бадахшанской Автономной области.

На 1 января 1964 г. на территории бывшей Гармской области имелось 2 района республиканского подчинения: Джиргатальский (Верхний Каратегин) и Гармский (Средний и Нижний Каратегин и бассейн р. Хингоу, за исключением Сагырдашта). Бывший Калаи-Хумбский район и Сагырдашт в составе Ванчского района входят в Автономную Горно-Бадахшанскую область Таджикской ССР.

В годы Великой Отечественной войны Каратегин и долина Хингоу сыграли большую роль в снабжении Таджикистана. В отличие от большинства других областей Таджикистана, являвшихся по существу хлопковыми, Каратегин и Дарваз с их великолепными альпийскими пастбищами и плодородными долинами сыграли роль житницы Таджикистана, помогая фронту и тылу столь необходимыми продуктами питания и сырьем для одежды; кроме того, каратегинцы и дарвазцы принимали активное участие в помощи фронту, посылая в армию многих своих сынсвей, а также путем сбора теплых вещей, денег и облигаций которые вносились в фонд обороны страны.

Вслед за окончанием Великой Отечественной войны население Каратегина и Дарваза приступило к восстановлению и дальнейшему развитию своего хозяйства.

Прежде чем перейти к характеристике экономического и культурного строительства, следует сказать о переселении значительной части населения на новые, вновь орошенные и освоенные под хлопок земли. Население Каратегина, а также скалистого, сплошь покрытого горами Дарваза, испокон веков страдало от малоземелья. Крестьянские наделы были в большинстве своем очень малы, иногда миниатюрные поля располагались среди скал и огромных камней. В ряде кишлаков Дарваза хлеба крестьянам хватало лишь на несколько месяцев, остальное время они вынуждены были питаться тутовой ягодой, а весной и травами.

В связи с освоением новых земель в Западном Таджикистане и расширением посевов хлопка, особенно в Вахшской долине, сразу же после начала советизации Каратегина и Дарваза были налажены и стали проводиться в жизнь мероприятия по переселению части населения из Каратегина, Дарваза и Вахио на хлопковые земли. Предварительно среди населения велась разъяснительная работа, на места, намеченные для переселения, группами крестьян, предполагавшими переселиться, посылались уполномоченные для ознакомления с условиями будущего места жительства. Крестьянским хозяйствам, выразившим желание переселиться, государство предоставляло средства для переселения и хозяйственного обзаведения на новом месте, а также давало определенные денежные льготы. Уже в 1927—1928 гг. из Каратегина и Дарваза на равнину переселилось 1307 крестьянских хозяйств; этим хозяйствам была отпущена ссуда в размере 427 тыс. руб. С годами, особенно после войны, переселение в хлопковые районы стало принимать все больший размах. На призыв партии и правительства откликалось все большее количество колхозников.

Одним из факторов, давших новый сильный толчок к переселению, явилось катастрофическое землетрясение 1949 г.

За последние годы население многих кишлаков Каратегина, Вахио и Дарваза переселяется в плодородную Вахшскую долину, где оно наравне со многими более старыми поселенцами осваивает новую, трудоемкую, но чрезвычайно доходную культуру хлопчатника. В нашу задачу не входит рассмотрение условий быта каратегинских и дарвазских переселенцев на новых местах, укажем, однако, что по-прежнему, правительство Таджикистана оказывает переселенцам огромную помощь, отпускает им ссуды на переезд и обзаведение на новом месте; переселенцы, оставив свои подчас еще в значительной степени примитивные, горные жилища, размещаются в новых социалистических поселках, состоящих из современных домов в несколько комнат. В колхозах возводятся красивые и удобные общественные учреждения — клубы, больницы, ясли, школы, правления колхозов и т. п. Все поселки озеленены, электрифицированы и радиофицированы. Поддерживая тесную связь со своими родичами и односельчанами в Каратегине и Дарвазе, переселенцы сами ведут агитацию за переселение своих земляков на новые места.

Коренная перестройка всего сельского хозяйства Каратегина и Дарваза, приведшая к увеличению урожайности сельскохозяйственных культур, к улучшению пород скота и увеличению его поголовья, к появлению новых отраслей занятий, как например шелководства, способствовала тому, что доходы колхозов и колхозников стали гораздо выше, чем были в довоенное время и в первые годы после войны, не гово-

ря уже о положении крестьянства до коллективизации. Значительное повышение доходов и тем самым покупательной способности населения наряду с завозом в этот горный, в недалеком прошлом изолированный край, промышленных и продовольственных товаров, предметов быта обстановки, строительных материалов, одежды, предметов культурного обслуживания, заметно повлияли на быт и культуру населения, его образ жизни.

Из года в год все больше меняется облик горных селений и самих жилищ, внутреннее убранство последних, создаются невиданные ранее удобства и комфорт. Благоустраивается коммунальное хозяйство — строятся местные электрические станции и электрифицируются дома прокладываются новые улицы, устраиваются водопроводы; ведется большое строительство общественных зданий — школ, клубов, кино театров, больниц, детских яслей, магазинов, отделений связи. Прокладываются новые дороги и благоустраиваются старые, возводятся мосты. Все районы, даже наиболее удаленные от центров, обеспечены телеграфной и телефонной связью. Каратегин и Дарваз соединены с центром республики автомобильными трассами и авиационными линиями.

Большие успехи достигнуты за последние годы в области культурного строительства. Сеть школ охватила все селения Каратегина и Дарваза, сейчас поголовно все дети учатся. При многих школах имеются интернаты, что избавляет детей высокогорных селений от необходимости ходить в зимнее время по трудным, а подчас и опасным дорогам. Большинство учителей края являются слушателями-заочниками Педагогического института им. Т. Г. Шевченко в г. Душанбе. Многие из окончивших среднюю школу отправляются затем в высшие учебные заведения республики, или же по окончании семилетки направляются в техникумы; закончив высшее учебное заведение или техникумы, молодые специалисты чаще всего возвращаются в родные края и своим трудом помогают развитию экономики и культуры в своем колхозе, селении или районе.

Массовая работа проводится, главным образом, в красных чайханах, которые выполняют нередко также и роль клуба и библиотеки. Такие чайханы имеются в каждом селении, в каждом колхозе. Особенно оживленно здесь зимой, когда колхозники имеют больше досуг. Собираются за чаепитием, беседуют, вечерами здесь же устраиваются лекции, пение и танцы, приезжают кинопередвижки и демонстрируются различные фильмы. При чайханах (а иногда при школах) создаются кружки художественной самодеятельности. Помимо сети красных чайхан, в крае функционируют дома культуры, организованные в районных центрах, в большинстве колхозов имеются библиотеки, созданы радиоузлы; однако, помимо этих радиоузлов, во многих домах колхозников есть и личные радиоприемники различных марок.

Ежегодно увеличивается сеть учреждений здравоохранения · больниц, амбулаторий, поликлиник, медпунктов. Много внимания уделяется детским учреждениям, охране материнства и младенчества, открыто большое количество детских яслей и детских садов. Ведется кропотливая повседневная работа по внедрению в массы населения санитарно-гигиенических навыков, а также борьба с различными суевериями и предрассудками, связанными с рождением и воспитанием детей.

В соответствующих главах настоящей работы можно найти конкретный фактический материал, иллюстрирующий успехи трудящихся Каратегина и Дарваза в области социалистической перестройки экономики и культуры края.

НАСЕЛЕНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ

Современное население Каратегина и Дарваза по национальному составу, в основном, однородно. Подавляющее большинство его составляют таджики. Тюркоязычное население, представленное киргизами, населяет лишь северо-восточную часть Каратегина — современный смешанный киргизско-таджикский Джиргатальский район.

Численность населения Каратегина и Дарваза даже в прошлом столетии установить трудно, поскольку переписи населения в этих краях, как, впрочем, и во всем Бухарском ханстве, не производилось. Демографические данные о Каратегине и Дарвазе конца XIX и начала XX вв. содержатся в военно-статистических описаниях этих стран, в основном, составленных офицерами генерального штаба. Авторы этих описаний приводят сведения об административном устройстве и общей численности населения, прилагая к своим работам списки населенных пунктов с указанием числа домов в них.[1] Статистические сведения собирались авторами, по-видимому, путем опроса местных должностных лиц, производивших подворный учет в целях обложения населения кишлаков налогами, а частью путем расспросов местных жителей за пределами их родины.

Первый учет населения Каратегина и Дарваза (по административному делению того времени Гармского вилайета) был произведен в 1924 г. Восточно-бухарским отрядом Комиссии по районированию Средней Азии, организованной в связи с проведением национального размежевания среднеазиатских республик. Материалы, собранные в 1924 г., не были достаточно точными, поскольку собирались они в тяжелой обстановке еще незакончившейся гражданской войны и борьбы с басмачеством, тем не менее в них представлена общая характеристика размещения населения Гармского вилайета; впервые методом экспедиционного обследования была установлена численность и средняя плотность заселения на 1 кв. км в Каратегине и Дарвазе.[2] Сплошной статистический учет населения Каратегина и Дарваза впервые был произведен в процессе Всесоюзной переписи населения 1926 г., которая в Таджикской Автономной ССР была проведена весной 1927 г. Результаты этой переписи были опубликованы в виде списков населенных пунктов с указанием числа хозяйств в каждом кишлаке, национального состава населения кишлаков и количества населения по кишлакам. К этому списку приложен ряд таблиц, характеризующих плотность населения, количество оседлого и кочевого населения, количество гра-

мотных, возрастной и национальный состав населения по вилайетам.[3] В 1932 г. Управлением народнохозяйственного учета Таджикской ССР был опубликован список населенных пунктов Таджикской ССР, в котором приведены данные о количестве кишлаков и численность населения на 1 января 1932 г.[4] Перепись 1926 г. и материалы 1932 г. выявили, что численность населения и характер его расселения в Каратегине и Дарвазе оставались примерно такими, какими они были на протяжении последних 50—70 лет до революции; перепись же 1959 г. показала значительные изменения: население Каратегина (долина р. Сурхоб) и Северного Дарваза (бассейн р. Хингоу) сократилось (главным образом за счет переселения), население же Южного (припянджского) Дарваза при небольшом понижении количества населенных пунктов несколько возросло.

По данным переписи 1959 г., в пределах Каратегина и Дарваза, на территории Гармского, Таджикабадского, Джиргатальского, Комсомолабадского, Калаи-Хумбского и части Файзабадского районов зарегистрировано 616 кишлаков с населением 85 697 человек. Из них таджиков—76 537, киргизов—8833, русских—327 человек (см. табл. 1). Однако цифры эти не совсем точны, поскольку национальный состав населения по кишлакам указывается по численно преобладающей национальности.[5] Фактически русские и представители некоторых других

Таблица 1

Количество населенных пунктов (кишлаков) и численность населения Каратегина, Вахио и Дарваза за 1877—1959 гг.

Естественно-исторический район	1877—1888 гг. (данные Г. А. Арандаренко)	1927 г. (Всесоюзная перепись 1926 г.)	1932 г. (список населенных пунктов Тадж. ССР УНХУ 1932 г.)	1959 г. (данные Всесоюзной переписи на 15 I 1959 г.)
Каратегин (долина р. Сурхоб)				
Количество кишлаков	512	768	682	515
Количество населения	120 000 (примерно)	125 196	140 285	67 116
Вахио (долина р. Хингоу)				
Количество кишлаков	84	197	176	59
Количество населения	—	26 809	29 529	3 231
Дарваз (правый берег р. Пяндж)				
Количество кишлаков	23	56	46	42
Количество населения	—	13 641	12 459	15 350

национальностей живут во всех районных центрах и поселках городского типа в довольно значительном количестве (для их детей имеются даже русские школы); это обычно служащие советских учреждений, специалисты, часть учительства. Помимо русских, среди служащих и учителей имеется довольно много таджиков из северных и других районов республики. Все эти новые нередко только на время приехавшие в Каратегин и Дарваз, люди, живут в тесном контакте с местными жителями и оказывают некоторое влияние на их быт и культуру.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП

По антропологическому типу таджики Каратегина и Дарваза, как все таджики (и значительная часть узбеков), относятся к европеоидной брахицефальной расе Среднеазиатского междуречья; в составе этой расы выделяются три варианта или подтипа: горный, припамирский и равнинный.

Каратегинцы и дарвазцы относятся к первому подтипу — горному, представители которого, по определению известного антрополога—исследователя народов Средней Азии Л. В. Ошанина, являются «наиболее типичными, ярко выраженными представителями расы Среднеазиатского междуречья»[6] (равнинный подтип имеет значительную примесь монголоидных признаков, а припамирский — примесь признаков переднеазиатской расы).

Каратегинцы и дарвазцы характеризуются следующими признаками: рост средний и выше среднего, голова довольно широкая и короткая, лицо средней ширины и высоты, высота переносья выше средней, глаза лежат довольно глубоко, цвет глаз и волос темный. Монголоидные черты (скуластость, монгольская складка века — эпикантус) выражены слабо. Мускулистые и стройные каратегинцы и дарвазцы являются прекрасными ходоками по горам, а в городах Туркестана, куда многие из них ходили на заработки, они были известны своей «большой силою, позволяющей им перетаскивать тяжести в 9—10 пудов».[7]

Детально таджики Каратегина и Дарваза изучались в 1932—1933 гг. антропологом В. В. Гинзбургом, обширные материалы которого позволили ему, с одной стороны, сделать вывод, что тип горных таджиков однороден,[8] с другой же, выявить некоторые порайонные вариации.

Так, им установлено, что в Каратегине (долине р. Сурхоб) распространен более рослый, но массивный тип; сравнительно чаще встречаются монголоидные признаки (монгольская складка века); слабее развита растительность на лице. В бассейне р. Хингоу (Тавиль-Даринский район) население неоднородно: в западной части оно отличается более светлой пигментацией глаз, более интенсивной окраской бороды, большим количеством курчавобородых. Население восточной части Тавиль-Даринского района сходно с населением Центрального и Восточного Дарваза,[9] где преобладает тип низкорослый и коренастый, с короткими широкими кистями рук и ступнями, с большим носом, с более широкими и толстыми губами, с почти полным отсутствием монголоидных признаков.[10]

Многие исследователи обращали внимание на «заметную концентрацию депигментированных глаз в Каратегине и Дарвазе»[11] и строили на этом различные теории о происхождении горных таджиков. Однако специальные исследования Л. В. Ошанина и В. В. Гинзбурга показали, что процент депигментированных, светлых глаз незначителен. Характеризуя цвет глаз горных таджиков Каратегина, Дарваза и Куляба, В. В. Гинзбург пишет: «Цвет радужины в большинстве случаев темных оттенков (60%), смешанные оттенки отмечены в 38%. Светлые оттенки наблюдались очень редко (2%)»[12] И далее: «Светлый тип с светло-коричневой или рыжеватой бородой, с радужной оболочкой смешанного оттенка (очень редко светлой) среди взрослых встречается очень редко, причем в Дарвазе несколько чаще, чем в Каратегине».[13] Л. В. Ошанин считает наличие депигментации в Каратегине и Дарвазе «ре-

зультатом весьма длительной изоляции населения в названных труднодоступных горных странах».[14]

В целом В. В. Гинзбург определяет физический тип горных таджиков, как «один из местных исходных вариантов, развивавшихся в условиях значительной изолированности».[15]

К сказанному следует добавить, что в физическом типе таджиков Верхнего Каратегина, заселенного киргизами и таджиками, часто вступающими в смешанные браки, даже не специалисту бросается в глаза значительная примесь монголоидных черт.

СЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И МИГРАЦИИ

Каратегин и Дарваз были издревле заселены ираноязычными племенами;[16] некоторые данные позволяют связывать их с народами древности — саками и тохарами, потомками которых считают современные народности Западного Памира, говорящие на языках восточно-иранской группы.

В народных преданиях, записанных в Каратегине и Дарвазе предшествующими исследователям и ГЭЭ, нашли отражение смутные отголоски борьбы аборигенов Каратегина и Дарваза с арабскими завоевателями. Арабы, несомненно, застали местное население, которое принадлежало к ираноязычным народам, свидетельством чему может служить иранское название этой страны, зафиксированное арабскими средневековыми географами,—Рашт (ср. рушанское *рошт*, *рашт*—красный, красная, что согласуется с таджикским названием главной реки Каратегина—Сурхоб—красная река). Характерным является также наличие значительного числа топонимов, которые не этимологизируются на почве таджикского языка и по составу и структуре могут считаться восточно-иранского происхождения. Таковы названия селений: *Хуф//Хуфак, Нəшор, Ғарм, Шинглич, Гориф, Вардуч* — в Каратегине и *Чорф, Зəғар, Шкев* и др.— в Дарвазе.[17]

В связи с этим можно предположить, что основание многих поселений Дарваза и Каратегина происходило в домусульманский период, задолго до того, как в этих областях распространился таджикский язык. Население до сих пор связывает возникновение некоторых селений с представлениями легендарного характера о том, что в отдаленные времена эти страны были заселены огнепоклонниками — *оташпараст*,[18] от которых якобы остался обычай в последнюю среду месяца сафара—*чоршанбеи охирун* разжигать костры, против которого восставали муллы, приезжавшие из Бухары.

Географические условия, труднодоступность этих мест определили их обособленность и замкнутость. Однако мощные волны завоеваний, прокатившиеся по Средней Азии, такие как арабское и монгольское нашествия, сопровождавшиеся большими передвижениями коренного оседлого населения равнин и оттеснением его в горы, имели своим следствием неоднократное пополнение населения горных стран, в том числе Каратегина и Дарваза, значительными массами людей, искавших здесь убежища от притеснений завоевателей, а зачастую и от гонений религиозного характера (например, из Ирана). Некоторые из этих пришельцев, несомненно, смешивались с местным населением и оставались здесь навсегда.

Оставляли свой след и завоеватели. Так, хотя широкой колонизации арабами горных стран не было, все же отдельные группы их здесь оседали. Еще в конце прошлого столетия в верховьях р. Ях-Су жили таджикоязычные арабы, помнившие свою принадлежность к арабскому племени курайш,[19] а на юге Куляба были зарегистрированы в

1949 г. небольшие группы арабов, говорящих частью на таджикском, а частью на узбекском языке, сохранившие предания о приходе в Среднюю Азию во время распространения там ислама.[20] Не исключена возможность передвижений арабов из долины Ях-Су в долину Хингоу, где они могли полностью ассимилироваться с местным населением, также двигавшимся через долину Ях-Су. Заслуживает внимания факт наличия в фонетике и лексике современных таджикских говоров Каратегина, Вахио и ряда других горных районов некоторых черт, заимствованных из арабского языка, которые можно рассматривать как результат влияния арабского языка или смешения с местной средой арабов, осевших в горных районах Таджикистана. С арабской экспансией было связано распространение таджикского языка, и вытеснение им местных языков — процесс, продолжающийся на востоке, в Припамирских странах и в настоящее время. Несмотря на проникновение арабов в горные страны, по-видимому, в X в.,[21] мусульманство там внедрялось медленно. До последнего времени среди населения Каратегина и Дарваза сохранились древние домусульманские верования, обычаи и обряды, осуждаемые мусульманским духовенством, а в ряде мест еще и сейчас помнят предания о насильственном обращении населения в мусульманство.[22] Существует мнение, что горцы не являются такими ортодоксальными мусульманами, как обитатели равнин.[23]

Переселение отдельных групп населения из Ирана, как упоминалось, было связано с гонениями религиозного характера в период монгольского завоевания. В XIII в. монголами было разрушено так называемое государство ассасинов, основателями которого были приверженцы секты исмаилитов, возникшей в Персии в VIII в. Вероучение этой секты — исмаилизм представляло одну из разновидностей шиитского толка, далеко отошедшую от догматов шиизма. Разгромленные последователи секты нашли себе пристанище частью в различных областях Южной Персии, частью в Индии, частью в Бадахшане по обоим берегам Пянджа, в Дарвазе (большей частью в левобережном, меньшей в правобережном) и в юго-восточных районах Куляба, сопредельных с Дарвазом.

Собранные ГЭЭ устные сведения, основанные на расспросных данны, свидетельствуют о многочисленных переселениях населения в Каратегин, Вахио и Дарваз как извне, так и внутри этих стран, причем к более старому времени относятся сведения легендарного характера о массовых единовременных переселениях, относимых ко времени походов Александра Македонского (Искандар Зулькарнайн), Чингизхана и Тимура. Наиболее полно эти предания были записаны еще до революции А. А. Семеновым[24] и А. А. Бобринским; последний писал: «...на основании преданий горцев, горный край от Гиндукуша на юге и до Зерафшанских гор на севере заселялся переселенцами, проникавшими в горы с запада; на северных и южных окраинах горного края заселялся он пришельцами из местностей, окаймляющих горы с севера и юга».[25]

Особо следует выделить записанные ГЭЭ сообщения, свидетельствующие о тесных связях населения Дарваза с населением Ванча и Западного Памира.

Более достоверными представляются рассказы о переселениях, происходивших за последние два столетия, когда переселения как единичные, так и массовые носили местный характер, т. е. происходили внутри этих стран. С конца XVII в. и далее на протяжении двух столетий происходит интенсивное передвижение населения внутри Каратегина и Дарваза; именно к этому времени относится формирование со-

временного таджикского населения Каратегина за счет переселенцев из долины р. Хингоу, из Вахио, а также из стран, сопредельных с Каратегином,— из Куляба и Гиссара. Со времени присоединения Каратегина и Дарваза к Бухарскому ханству в эти страны наблюдаются единичные переселения, а иногда и переселение группы семей из городов Бухарского ханства. Во многих кишлаках Каратегина и Дарваза есть отдельные семьи, которые считают себя потомками выходцев из Бухары, Самарканда, Катта-Кургана. Таковы, например, кишлаки Кушагба, Фатхабад, Шулонак (Каратегин), Работ, Вишхарв, Дуробак (Дарваз).

Лет 200—300 тому назад Верхний и Средний Каратегин были заселены киргизами, но с течением времени таджики оттеснили киргизов вверх по долине. Само название Каратегин происходит, якобы, от имени сына первого переселенца киргиза Тегин-ато Кара и его жены Тегин-ой. Н. А. Кисляков, исходя из имеющихся исторических свидетельств, полагает, что киргизы в Каратегине появились с начала XVI в.[26]

Джиргатальские киргизы принадлежат к группе ичкилик,[27] представляющей собой одно из трех основных объединений тянь-шаньских киргизов. Вопросы этногенеза и перемещения ичкиликов в места современного их расселения рассматриваются в статье К. И. Петрова,[28] который, опираясь на письменные источники, полагает, что ичкилики появились в Южной Киргизии во второй половине XV в.[29] Из этого следует, что в Каратегине они могли появиться не ранее XVI в.

Вопрос о том, каким путем киргизы шли в Каратегин, не совсем ясен. Существуют предания, что они шли через Кашгар, Гиссар, Куляб и Балх. И уж совершенно неясным представляется вопрос о том, кого застали киргизы в Каратегине, потому что, судя по устным рассказам, они, не встречая никакого сопротивления, широко расселялись по всему Среднему и Верхнему Каратегину. Некоторые легенды говорят о том, что предки киргизов жили совместно с таджиками, когда еще не было ислама.[30] Возможно, что в Каратегине кое-где оставалось старое тюркское население, позднее отаджичившееся.

Наряду с приходом в Каратегин и Дарваз людей извне и с внутренними перемещениями групп населения, происходили и выселения таджиков из этих районов, хотя о времени этих эмиграций сведений не имеется. В Ферганской долине засвидетельствовано довольно много таджикских, а также смешанных селений, в которых имеются потомки каратегинцев. Так, П. Е. Кузнецов, изучавший состав населения б. Наманганского уезда, указывает, что здесь насчитывается десятка четыре таджикских кишлаков, причем целиком каратегинцами заселены кишлаки Куюк-Мазор, Дува и Сарымсоктепа. Каратегинцы составляли также часть населения Чуста. Этот же автор отмечает, что каратегинцы сохраняют свою самобытность и не подвергаются тюркизации.[31] Выходцы из Каратегина населяют ряд кишлаков в Южной Фергане в долине р. Сох и в Исфаре.[32] Переселения каратегинцев в Южную Фергану датируются XVIII и началом XIX вв.[33] Отдельные группы их, выселившиеся из долины Камароу еще до революции, заселяют несколько кишлаков в окрестностях Андижана и Ферганы. По р. Варзоб и ее притоку Лючоб (неподалеку от г. Душанбе) также имеются кишлаки, населенные выходцами из Каратегина. Так, выходцы из долины Камароу живут в группе кишлаков, известных под названием Зидди, расположенной в бассейне верхнего течения р. Варзоб, называемой здесь Зидди-Дарья.[34]

ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ И ИХ РАССЕЛЕНИЕ

На фоне более или менее однородного массива каратегинско-дарвазского населения выделяются довольно крупные, исторически сложившиеся группы, расселяющиеся в определенных историко-географических районах. Происхождение этих групп определяется различно: как мы увидим дальше, в одних случаях это группы территориального характера, объединенные общностью происхождения, как, например, в Каратегине, в других образование таких групп связано с особенностями старого административно-территориального деления, например в Дарвазе, в третьих—это группы, возникшие в результате родоплеменного деления населения, как это имело место в Вахио. Образование таких историко-географических районов связано не только с расселением и происхождением населения их, но и с особенностями природных условий и рельефа.

В правобережном Дарвазе различается три таких района или местности. Часть, лежащая по правому берегу р. Пяндж, начиная с к. Пшихарв, расположенного ниже устья р. Ванч, до к. Кеврон, носит название Порьёви-Боло; жители ее всю остальную часть долины р. Пяндж вниз по течению реки называют Порьёви-Поён; слово Порьёв, по-видимому, составное: первая его часть «пор» этимологизируется на почве памирских языков шугнано-рушанской группы (ср. р. х. *por* в сочетании *por δedoω* — переправляться через реку;[35] *por* — переправа). Жителей Порьёви-Боло называют *порьёвчӣ*. Все пространство по р. Пяндж, начиная с к. Ширговад и кончая самыми южными дарвазскими кишлаками, носит название Кади-Шикай (долина Шикай);[36] местная народная этимология связывает слово *шикай* со словом *шеа* (шииты) и считает, что жители всех кишлаков Кади-Шикай (а не только Ширговада и Ёгида) имеют связь с шиизмом. Местность, расположенную в ущелье р. Хумбоу, называют Хумдара (ущелье Хум). Кишлаки, расположенные в центре Дарваза,—Ризвай, Калаи-Хумб, Умарак, Зинг объединяют названием Марказ (центр); население этих центральных кишлаков по своим этнографическим чертам и частично по языку примыкает к населению Хумдары.

Долина р. Хингоу, административно входившая в Дарваз и называвшаяся Вахио, делится на две основные части: Вахиои-Боло (Верхнее Вахио) и Вахиои-Поён (Нижнее Вахио). Вахиои-Боло расположено в верховьях р. Хингоу и по ее истокам — рекам Арзинг и Оби-Мазор; Вахиои-Поён простирается от Джари-Бахт (на правом берегу реки между кишлаками Лоджирк и Лангар) и ниже по всей долине р. Хингоу.[37] Помимо этого общего деления существует и более дробное, о чем речь будет ниже.

Что касается Каратегина, то употребительное в литературе деление на Верхний, Средний и Нижний Каратегин, основанное главным образом на естественно-географических признаках, среди самих каратегинцев не принято. Вместо этого существует деление на более или менее крупные группы кишлаков, объединяемые как географическими, так и историко-культурными или административными признаками (см. главу «Селения Каратегина и Дарваза», раздел «Населенные пункты Каратегина»). С точки зрения сложения и происхождения населения деление Каратегина на Верхний, Средний и Нижний представляется нам приемлемым, хотя и с некоторыми оговорками. Верхний Каратегин — верхнее течение р. Сурхоб от северной границы Каратегина до к. Сайрон включительно — это район смешанного киргизско-таджикского населения, причем современное таджикское население

его (происходящее из Вахио) появилось здесь позднее, чем во всем остальном Каратегине. Средний Каратегин — наиболее густо заселенная часть Каратегина; верхней границей его являются кишлаки ниже к. Сайрон, нижней — кишлаки выше к. Сичирог, расположенного неподалеку от впадения в Сурхоб его правого притока—р. Оби-Гарм (географически, как упоминалось, нижней границей Среднего Каратегина считается место впадения в Сурхоб р. Оби-Хингоу). Население средней части Каратегина неоднородно по своему происхождению; население, заселяющее левый берег реки, тесно связано с Вахио, население правого берега примыкает к Кулябу и Гиссару, некоторая часть его считает себя потомками выходцев из Самарканда, жители же кишлаков бассейна р. Сорбух (правого притока Сурхоба) в прошлом были связаны с Верхней Матчой, от которой их отделяет Зеравшанский хребет. Между отдельными группами населения средней части Каратегина наблюдаются отличия в языке, частично в жилище, народном календаре. Нижний Каратегин начинается с к. Сичирог (на правом берегу Сурхоба) и к. Сич (на левом); конечным пунктом его является кишлак Калаи-Дашт, находящийся примерно в 20—22 километрах юго-западнее Оби-Гарма. Население Нижнего Каратегина по ряду диалектных и этнографических черт значительно отличается от остального Каратегина. Большая часть населения считает себя потомками выходцев из Рамита (Гиссар); поэтому они иногда даже называют себя не каратегинцами — *қаротегинӣ*, а гиссарцами — *ҳисорӣ*. Часть населения связывает свое происхождение с Кулябом.

Припянджский Дарваз. Население собственно Дарваза, т. е. долины р. Пянджа (ее правого берега), объединяется самоназванием *дарвозӣ;* соответственно указанным выше историко-географическим районам оно подразделяется на три группы — *порьёвчӣ, шикай* и *хумдарачӣ.* Порьёвчи населяют кишлаки: Пшихарв, Пошхарв, Курговад, Годж, Висхарв, Вишхарв, Джорф, Кеврон, лежащие выше Калаи-Хумба по течению р. Пяндж; шекаи населяют кишлаки: Сангев (н)и Дароз, Дуробак, Паткиноу, Ширговад, Ёгид. Шкев, Равноу, Сангев(н)и Духун, Пуни-Шор, Ушхарв, Варджудж, Нульванд, Жаг, Марг, Уду, Гармхо, Хостау, Зыгар (в настоящее время население к. Варджудж переселилось в Шуроабадский район, а население к. Равноу — в Калаи-Хусайн—кишлак, расположенный на левом берегу Хингоу).

Группы порьёвчи и шекаи однородны в лингвистическом отношении. Незначительные отличия в фонетике и лексике, имеющиеся между этими двумя группами, не нарушают языкового единства их. Язык, быт, материальная культура населения всего правобережья Пянджа в целом едины. Значительно отличается от остальных кишлаков правобережья, в первую очередь типом жилища и внутренним убранством его, к. Ёгид. Язык жителей к. Ёгид при многих общих чертах как с селениями, окружающими его, так и с селениями Порьёви-Боло, имеет некоторые отличия.

Хумдарачи заселяют кишлаки по обоим берегам р. Хумбоу: Хоб, Работ, Гишон, Амшон, Хост, Зев, Хек, Ширг, Хшарвак, Анджирак, Хумбивари. Хумдарачи, а также жители Калаи-Хумба и Ризвая отличаются по языку и от порьёвчи и от шекаи, примыкая в этом отношении к населению верхнего течения р. Хингоу и сагырдаштских кишлаков на северных склонах Дарвазского хребта.

Жители верхних кишлаков Хумдары, например Работа, Хоба, Хоста, Амшона, Гишона, имеют хозяйственные и родственные связи с населением Сагырдашта.[38] Жители Работа и Хоба имели в прошлом земельные угодья в Сагырдаште, отгоняли на его пастбища скот; жители

Хумдары покупали в Сагырдаште шерсть и скот, а сагырдаштцы имели постоянные связи с собственно Дарвазом, приобретая там фрукты и хлопок-волокно.

Население правобережного Дарваза имеет связи с сопредельными районами: жители Порьёви-Боло более тесно связаны с долиной Ванча, в частности с населением нижневанчских селений. В Джорфе и Курговаде есть много женщин, взятых в жены из Ванча (в первом— из Среднего Ванча, во втором — из Нижнего), а гакже имеются семьи, ведущие свое происхождение из Ванча. В последнем, как можно судить по рассказам, есть семьи, выселившиеся из Дарваза.

Жители Кади-Шикай более тесно связаны с сопредельными районами б. Кулябской области — Дашти-Джумским и Муминабадским. Переселение из этой юго-западной части Дарваза идет в направлении указанных районов. О длительных взаимосвязях юго-западной части Дарваза и восточной части Куляба, географически сопредельных, свидетельствуют многочисленные предания о происхождении отдельных семей Дашти-Джумского района, ведущих свой род от выходцев из Дарваза, а также предания, сохранившиеся в селениях Дарваза, о происхождении родоначальников семейных групп из Дашти-Джума и Муминабада.

Массовые переселения из кишлаков левобережного Дарваза в долину Оби-Ниоу — б. княжество Шахдара (полузависимое от кулябского бека) отмечались еще в прошлом столетии, особенно после того как левобережье отошло к владениям афганцев. После революции, примерно, с 30-х годов, усилился приток переселенцев из Дарваза (кишлаки Нульванд, Пуни-Шор и др.) в Лангар и Муминабад б. Кулябской области.

Изучение современного населения Дарваза показывает, что часть его считает себя потомками переселенцев отдаленных времен. Вместе с тем, в различных кишлаках есть семьи, считающие себя исконными жителями, ниоткуда не пришедшими.

Первоначальной родиной основателей большинства каунов[39] Дарваза нам обычно называли кишлаки, находящиеся в пределах Дарваза (правобережного и левобережного), а также Вахио, Каратегина, Куляба и Западного Памира, т. е. сопредельных с Дарвазом районов. Из отдаленных местностей чаще всего упоминаются Самарканд и Бухара. Поскольку переселения эти давние, то теперь помнят только местность, реже указывая точно кишлак, откуда происходит род.

В ущелье Хумбоу население кишлаков Работ, Хоб, Амшон считает себя потомками выходцев из северных кулябских районов (Шуробдара, Сари-Хасор), в Работе есть семьи, ведущие свое происхождение из Самарканда, Кашгара. Часть населения Гишона считает своих предков выходцами из Вахио и Дашти-Джума. Население к. Хост считает себя связанным с кишлаком того же названия в Каратегине.

Жители Порьёви-Боло считают своих предков выходцами с Памира — из Рушана, Ванча, из левобережных кишлаков афганского Дарваза (Гуч, Моймай), а также из Самарканда, Кашгара и других мест.

Жители Шикая называют родиной своих предков сопредельные кулябские кишлаки и районы: Дашти-Джум, Тагноу, Лянгар, Джавзодара, Дусб, а также кишлаки афганского Дарваза и Памира.

Бассейн р. Хингоу. Долина р. Хингоу была до революции, да и после революции, примерно до 1940 г., довольно плотно населена

(см. табл. 1). В настоящее время основная масса населения переселилась на юг республики в Кировабадский район.

Хотя, как уже указывалось, жители кишлаков долины Хингоу делят свою долину на две части — нижнюю (Вахиои-Поён) и верхнюю (Вахиои-Боло), каратегинцы нижнюю часть долины называют Хлоз, а верхнюю — Вахио.

Все население долины р. Хингоу делится на пять особых групп, расселению которых в общих чертах соответствовало и административное устройство этого района как во времена шахов, так и во времена бухарских беков.[40]

По преданиям, предки современного населения бассейна р. Хингоу пришли сюда из долины р. Ях-Су, из Ховалинга и из Куляба (Кулоби-Калон) и застали в долине Хингоу кочующих киргизов. Первыми переселенцами были якобы четыре брата, один из которых ушел в Каратегин, а три (Хлоз, Вох и Турк) обосновались в долине р. Хингоу. Они и явились родоначальниками трех основных групп населения долины: *хлоз,* или, как иногда говорят, *мардуми хлоз, туркия* и *вахиочи.* Остальное население долины р. Хингоу принадлежит к группам: *сағирдашчй* и *нижғола.* Сагирдашчи и нижгола не сохранили преданий о своих родоначальниках. Каждая из этих групп расселена компактно на определенной территории. Принадлежность к той или иной группе населения осознается до сих пор не только представителями старшего поколения, но и молодежью.

По мнению Н. А. Кислякова, эти группы являются остатками бывшего когда-то племенного или родоплеменного деления населения. Он полагает, что «предания о переселениях из долины р. Яхсу рисуют действительную картину переселения отдельных родов, выделившихся из своего первоначального племени и, в свою очередь, давших начало новым племенным образованиям».[41]

А. А. Семенов указывает, что жители «...Каратегина и отчасти Дарваза говорят, что их предки пришли сюда то из-под Самарканда, то из-под Бухары, по всему же Дарвазу единогласно повторяется молва, что население этой области пришло в горы с р. Яхсу, с равнины близ Куляба». А. А. Семенов там же отмечает, что «долина р. Яхсу была только широкой и удобной дорогой, соединявшей низменности с горными странами, а не первоначальным исконным отечеством переселенцев... Речь идет, очевидно, не только о долине Яхсу, а о всей низменности, по которой течет Яхсу».[42]

Н. А. Кисляков в своих исследованиях приводит ряд характерных черт быта описываемых групп населения, свидетельствующих, как он считает, о том, что эти группы представляют родовые группы или ответвления какого-то единого племени, существовавшего в отдаленном прошлом.[43] В наших полевых записях есть указание, что группа хлоз это ветвь *(шох)* группы ёхсучи и что у последних имеется письменная родословная *(саҷара||шаҷара),* а хлозцы таковой не имеют. В долину Хингоу хлозцы пришли через перевалы Талбар и Шамолпартау. Группа ёхсучи расселена в верховьях р. Ях-Су и в довольно большом количестве в Ховалинге и прилегающих к нему селениях, а также в Муминабадском, Шуроабадском и южной части Дашти-Джумского районов. Связи хлозцев, живущих в долине Хингоу, с населением бассейна р. Ях-Су поддерживаются и в настоящее время. В частности, жители Чильдары и окрестных селений бывают на сезонных работах в Ховалинге, главным образом на строительных (по кладке стен и др.). Закупку пшеницы и других продуктов и товаров хлозцы производили на базаре Ховалинга.

Характерно, что в селениях, расположенных выше, севернее Хова-линга, знают хлозцев—*хлозиё* как своих соседей, иногда их отождествляют с каратегинцами — *қаротегиниё*.[44] Группа хлоз занимала долину всего нижнего течения р. Хингоу ниже Тавиль-Дары до к. Ёфуч, а также долины притоков Хингоу на этом отрезке ее течения.[45] Выходцы из группы хлоз заселяют левобережные кишлаки Каратегина в районе слияния Сурхоба с Хингоу.

Группа туркия заселяла кишлаки по обоим берегам Хингоу в среднем ее течении.[46] Территориально туркия соприкасались со всеми группами населения долины р. Хингоу, более всего с нижголя.

Группа нижголя расселена на левом берегу р. Хингоу в районе ее среднего течения.[47] По записанным нами рассказам, отдельные предки нижголя происходили будто бы из Самарканда, но в долину р. Хингоу попали из долины Ях-Су. Существуют также предания о связи нижголя с последователями шиитского толка.[48] Однако сами представители группы нижголя отвергают свою связь с шиитами и утверждают, что эта версия создана их соседями. Вместе с тем они не отрицают, что среди них есть семьи, предки которых якобы были выходцами с левого, афганского, берега Пянджа, где были шиитские кишлаки. Как и все жители долины Хингоу, нижголячи имели тесные связи с Каратегином, переселяясь туда целыми семьями.

Вахиочи населяли местность Вахиои-Боло в верховьях Хингоу и на истоках ее — Оби-Мазор и Оби-Арзинг.[49]

Вахиои-Боло — высокогорная каменистая страна, население которой страдало от малоземелья, что являлось, по-видимому, основной причиной выселения вахиочей в другие места. Как говорилось выше, из Вахиои-Боло в значительном количестве переселялись в долину р. Пяндж, т. е. в собственно Дарваз. До самого недавнего времени происходило массовое переселение из Вахиои-Боло в верхнюю и среднюю части долины р. Ванч. Н. А. Кисляков, говоря о причинах переселения на Ванч, помимо малоземелья в Вахиои-Боло, отмечает: «как следствие увода в рабство населения Ванча, где и без этого ощущался недостаток в рабочих руках, явилось переселение в Ванч: в верхнюю часть долины — из Вахио, в нижнюю часть — из Дарваза».[50]

Много выходцев из Вахиои-Боло имеется в Каратегине как в левобережных, так и в правобережных кишлаках, но почти исключительно в районе верхнего и среднего течения Сурхоба.

Группа сагырдашчи населяет кишлаки, расположенные на северных склонах Дарвазского хребта.[51] В прошлом территория, заселенная сагырдашчи, составляла Сагырдаштское амлокдорство.

Район обитания сагырдашчи богат посевными площадями и пастбищами (в прошлом Сагырдаштское амлокдорство, богатое хлебом, должно было снабжать пшеницей Калаи-Хумб, центр Дарвазского бекства).[52] Этим, вероятно, объясняется, что число переселенцев в Каратегин и другие местности из группы сагырдашчи незначительно.

Выше говорилось о тесных связях жителей Сагырдашта с Дарвазом.

Каратегин. Современное таджикское население Каратегина сложилось, по-видимому, в течение последних двух—трех столетий путем систематического массового и единичного переселения жителей из районов, сопредельных с Каратегином.

Устные предания, бытующие до настоящего времени среди населения, согласно утверждают, что таджики застали киргизов на всем

протяжении р. Сурхоб, вплоть до выхода ее за пределы Вахшского хребта. В б. Оби-Гармском районе пребывание киргизов до таджиков утверждается почти во всех кишлаках, расположенных выше Оби-Гарма по реке, в кишлаках же на пространстве между Оби-Гармом и Файзабадом преданий о киргизах нет; по-видимому, они здесь не стояли, здесь были летние кочевья узбеков, карлуков, которые бытовали в этом районе и в первые годы после революции; лишь в конце 20-х и начале 30-х годов здесь были основаны новые таджикские поселения; так, ниже Оби-Гарма выросли кишлаки Мискинобод, Сарой, Калаи-Нав и другие. Можно предположить, что киргизы населяли всю территорию Каратегина по обоим берегам реки, и, как указывалось, вытеснение их таджикским населением шло снизу вверх и, вероятно, довольно интенсивно. Один из первых русских исследователей В. Ф. Ошанин, побывавший в Каратегине в 1878 г., говоря о народностях, заселяющих Каратегин, отмечал: «Мне говорили, что лет сорок тому назад вся долина Сурхоба выше устья Оби-Кабуда принадлежала кара-киргизам. В настоящее время пространство между устьями Оби-Кабуда и Оби-Занку занято таджиками. Только начиная от долины этой последней реки вверх по Сурхобу мы встречаемся со сплошным кара-киргизским населением».[53]

В настоящее время киргизы более или менее сплошной массой живут по верхнему течению р. Сурхоб и ее истоков в пределах Джиргатальского района; ниже по долине они обитают лишь единичными семьями. Так, на основании рассказов населения, установлено, что киргизские и смешанные киргизско-таджикские семьи имеются в ряде гармских кишлаков—Кадара, Кочони-Боло; несколько семей имеется в кишлаках Нимичи-Боло и Нимичи-Поён. Задолго до революции кишлак Пусидашух, расположенный в нескольких километрах ниже Нимичи-Поён, был заселен киргизами, которых там насчитывалось свыше 50 семей; киргизы эти, принадлежавшие к роду чарчи, будто в давние времена прикочевали сюда еще с Соха. Зимой они стояли в кишлаке Пусидашух, а летом со своими стадами уходили на летовки. Когда организовались колхозы, они вступили в колхоз, но вскоре поднялись и ушли частью в Гиссар, частью в лесхоз Гармского района. В 1953 г. в к. Нимич оставалось лишь три киргизских семьи. Помимо к. Пусидашух киргизы также населяли небольшие кишлаки Гыргуни и Ходжа-Назар (правый берег Сурхоба).[54]

Следы пребывания киргизов можно наблюдать еще в наличии семейно-родовых групп, ведущих свое происхождение от киргизов. Так, по преданию, к. Ялдамич (правый берег Сурхоба) до прихода таджиков был киргизским. Современное население кишлака ведет свое происхождение от двух родов: *уруғи қирғиз* и *уруғи қашқариё*. В кишлаке Куглик, неподалеку от Гарма, группа населения, якобы основавшая кишлак и называемая *ҷамоаи ғанигиё,* ведет свое происхождение от киргизов. В кишлаке Бедаки-Поён в окрестностях Гарма также есть группа населения, которая ведет свое происхождение от киргизов. О родовых группах среди таджикского населения, носящих тюркские названия *қипчақ* и *қашқарӣ,* упоминает Н. А. Кисляков.[55] Довольно много киргизских семей в кишлаках в районе Таджикабада на левом берегу Сурхоба и в районе Ханта — на правом. В районе Таджикабада киргизам приписывается основание кишлаков: Мулло Темур и Мулло Кенджа (они основаны якобы двумя братьями—киргизами около 300 лет тому назад), Канишбек, Уялма, Утоли-Боло, Утоли-Поён, Кичикзи, Карашахр, Калдарьён (по имени родоначальника одного из киргизских родовых подразделений — Калдар) и др.

По записанным нами в к. Нушор (Таджикабадской группы) преданиям, некогда часть долины р. Сурхоб вверх от левобережного селения Хичборак (немного выше Гарма) по обоим берегам реки была населена исключительно киргизскими родами, пришедшими из Кашгара, и носила название Чон-Кургон (Большая крепость). Большинство современных кишлаков этой местности было исстари заселено киргизами. Существует также предание, что киргизы были вытеснены из этих мест кулябскими правителями в Джиргаталь, но после ухода кулябцев снова вернулись в свои кишлаки. Большинство джиргатальских кишлаков имело смешанное киргизско-таджикское население. В 1956 г. кишлаков, заселенных только киргизами, было 15—17, общее число киргизов составляло примерно 8 тыс. чел.

Как указывает Б. Х. Кармышева, сами джиргатальские киргизы отмечают, что киргизы Джиргаталя (районного центра) и окрестных кишлаков сильно смешались с таджиками и поэтому их называют *қаротегинчй* (каратегинцы), а киргизов бассейна Кзыл-Су и Мук-Су (т. е. восточной части района) — просто *қирғиз*.[56]

Что касается таджиков, то по записанным нами рассказам стариков, они появились в Джиргатале лет 100—150 тому назад, переселившись сюда из Вахиои-Боло из кишлаков: Лангар, Арзинг, Рехч, Джур, Боршид, Говд, Найгуфт. Часть из них, по-видимому, непосредственно приходила в Джиргаталь через перевалы в хребте Петра I и далее переправлялась с левого берега Сурхоба на правый, часть же, вероятно, шла через Ханский район. Есть также единичные указания, что отдельные таджикские семьи из Вахиои-Боло уходили в Фергану, а оттуда уже переселялись в Джиргаталь.[57] Существуют представления, что часть таджиков пришла из Куляба вместе с киргизами рода бостон, которые тоже считаются выходцами из Куляба; эти таджики основали кишлаки Ходжаи-Тавоф, Кандов, Кушагба, Питовкуль. По другой версии, кишлак Ходжаи-Тавоф был основан выходцами из Бухары. В к. Кушагба есть семейно-родовая группа, представители которой считают своих предков выходцами из Самарканда.

Смешанность населения в Джиргатальском районе выражается не только в том, что в кишлаках живут и киргизы и таджики, но и в том, что есть очень много смешанных семей: отец киргиз, мать таджичка и наоборот. Почти все киргизы двуязычны, говорят на том же диалекте таджикского языка, что и таджики, не употребляя только в своей речи фарингальных фонем, характерных для вахиинско-каратегинских говоров; таджики также знают киргизский язык. Школы в Джиргатале (районном центре), а также во всех кишлаках со смешанным населением имеют и киргизские и таджикские группы. Взаимное влияние обоих народов ярко отражается в быту, постройке и убранстве жилища, хозяйственной деятельности и киргизов и таджиков.

Таджики, первоначально переселявшиеся в Джиргатальский район, либо нанимались в работники к богатым киргизам и обрабатывали их земли, либо приобретали землю у киргизов. Часто они обзаводились семьей и оставались. Некоторые кишлаки (Пилдони-Боло, Пилдони-Миёна, Пилдони-Чингак) были основаны таджиками.

В западной части района таджиков значительно больше, чем в восточной, есть даже чисто таджикские кишлаки, в то время как в восточной таджиков меньше и большинство кишлаков—киргизские или с преобладающим киргизским населением. К поселениям, в которых таджики составляют подавляющее большинство населения, в Джиргатале относится группа кишлаков на правом берегу Сурхоба между

Сайронсм и Джиргаталем: Пилдони-Миёна, Пилдони-Чингак (выселок из Пилдони-Миёна) и Яраш, а на левом берегу Сурхоба—Таджик-Аксай (Аксаи-Поён). Остальные кишлаки района — со смешанным населением, обычно с преобладающим киргизским и чисто киргизские.

В кишлаках со смешанным населением, как правило, деления на таджикский и киргизский кварталы нет. Такое деление встречается только в крупных кишлаках. Например, в к. Нушор, б. Таджикабадского района есть киргизский квартал—Киргизмахалла, а в районном центре Джиргатале — Таджикмахалла. Типичным смешанным кишлаком является к. Джиргаталь, находящийся неподалеку от одноименного районного центра.[58]

Некоторые кишлаки Джиргаталя имеют по два названия—таджикское и киргизское. Например, к. Сайрон//Сайрун киргизы называют Акмуйнак, к. Калаи-Занку — Кургон, к. Кушагба — Кошмуйнак, к. Ермазор — Джармазар.

Переселение таджиков в Каратегин из сопредельных с ним местностей привело к тому, что как в лингвистическом, так и в этнографическом отношении однородного каратегинского массива таджикского населения, подобно тому, какие наблюдаются до сих пор в долине р. Пяндж или в бассейне р. Хингоу, здесь нет. Отдельные более или менее компактные группы населения являются носителями черт, свойственных той местности, откуда они пришли.

В левобережных кишлаках Калаи-Лаби-Об, Нушор, Кичикзи засвидегельствованы выходцы из Вахио—кишлаков Арзинг, Рехч. Выселенцы из Вахиои-Боло имеются в ряде кишлаков, но более компактно они расселялись в левобережных кишлаках Каратегина. В к. Мулло Темур есть семьи нижголячи из кишлаков Джур, Каскарог, Говд; много выходцев из группы нижголя было в ныне переселенном к. Ганишов и в к. Мазори-Шинг; в к. Нушори-Поён есть квартал Махаллаи-Говдиён; к. Навобод Калаи-Лаби-Обского района основан выходцами из Говда немногим более 100 лет тому назад. Давние выходцы из Вахио (группа нижголя) имеются и в кишлаке Куглик, Лангари-Шо и других левобережных кишлаках Каратегина Таджикабадской группы. Ниже, по Сурхобу, близ к. Калаи-Сурх, есть небольшой кишлак Лангарак; жители его считают своими предками выходцев из к. Лангар в Вахио. Много выходцев из долины Хингоу, относящихся к группе туркия, было в кишлаках долины р. Сорбух, правого притока Сурхоба. Так, в к. Сайёдон живут выходцы из Сайёда.

Переселение вахиочей шло по горным путям, ведущим через перевалы в хребте Петра I. До революции дороги по долине р. Хингоу в долину р. Сурхоб не было. Население Вахио ходило в Каратегин через перевалы в западной части хребта, большая часть которых была открыта только летом и лишь через немногие можно было пройти и зимой.

Если основной причиной переселения из Вахио являлись главным образом малоземелье и суровые природные условия, то с нижнего течения Хингоу (из Хлоза) переселялись не столько из-за земельной тесноты, сколько из-за притеснений, чинимых местными властями и богачами.

Естественно, что люди, приходившие из Вахио, заселяли в первую очередь местность, хотя и отделенную от долины Хингоу горным хреб-

том, но непосредственно примыкавшую к ней, т. е. левый берег Сурхоба; лишь небольшая часть переселенцев переходила на правый берег.

По материалам Гармской экспедиции можно примерно представить себе границы расселения выходцев из Вахио. называемых в Каратегине повсеместно *вахиочй*.[59] Верхней границей являются кишлаки, расположенные в бассейне Мук-Су, смешанные по населению (киргизы и таджики); нижней границей распространения вахиочей по левому берегу Сурхоба являются кишлаки, расположенные в районе устья р. Хингоу; правый берег Сурхоба заселен вахиочами в верхнем течении до устья р. Оби-Кабуд; однако они встречались и ниже, почти до Гарма. Например, в к. Каланак живет несколько семей из Сангвора (Бахио).

Заселение вахиочами Каратегина шло. по-видимому, снизу вверх по реке. Жители верхних кишлаков районов Таджикабад и Джиргаталя являются более поздними переселенцами. Это подтверждается тем, что они, как правило, помнят, из каких кишлаков переселились их предки, в то время как жители кишлаков долины среднего течения Сурхоба знают, что предки их — выходцы из Вахио, но кишлака уже часто не могут назвать. Исключение составляют недавние переселенцы, число которых сравнительно невелико.

Как отмечалось при рассмотрении населения Вахио, переселенцы в Каратегин происходили из различных групп жителей бассейна р. Хингоу — хлоз, туркия, нижголя, вахиочи.

Границы расселения выходцев из долины р. Ях-Су — ёхсучи не являются определенными, поскольку на принадлежность к группе ёхсучи указывали жители и левобережных и правобережных кишлаков.[60] Характерно, что потомки выходцев из долины Ях-Су иногда указывают, что их деды и прадеды сначала из Ях-Су переселились в Вахио, а оттуда уже приходили в Каратегин. Более компактно ёхсучи расселены в левобережных кишлаках Каратегина, выше устья р. Хингоу; например, кишлаки Камбарьён и Дияи-Амирбек, по преданиям, были основаны выходцами из Ях-Су, однако в дальнейшем в эти кишлаки приходили и вахиочи; Дияи-Саид, или Дияи-Устохо, был основан выходцем из Ях-Су Шайх Саидом; кишлаки Шилхов, Чигдара, Войдара были заселены выходцами из Ях-Су и из Нижнего Вахио (группа хлоз); то же самое говорят о происхождении населения к. Хумдон и окрестных кишлаков. Население левобережных кишлаков, расположенных ниже слияния Хингоу с Сурхобом,—Юс, Яхак, Яхч, Истон считает себя потомками выходцев с верховьев р. Кзыл-Су (Куляб)—из Шуробдары и Сари-Хасора. Жители кишлаков по Ях-Су и Кзыл-Су уходили из родных мест, потому что их притесняли кулябские правители.

В наиболее крупных кищлаках правобережной части Каратегина—Навди, Казнок, Шуль, Халкарф, Бедаки-Поён и др. сохраняются предания о том, что эти кишлаки были основаны выходцами из Самарканда, Пенджикента, Ходжента (современный Ленинабад) и, главным образом из Гиссара, откуда они переселялись первоначально в Оби-Гарм и близлежащие кишлаки. а затем уже поднимались вверх по реке и, вытесняя стоявших там киргизов, основывали кишлаки. Долины рек Сорбух и Камароу (правых притоков Сурхоба) были заселены, наряду с выходцами из Вахио, также переселенцами из Матчи. Е. М. Пещерева отмечает: «Среди населения левого берега Сурхоба существует предание, что их предки лет 150—200 тому назад переселились из долины р. Хингоу, из пределов Дарваза, и что приблизительно в это время на правом берегу поселились выходцы из долины рек Зеравшана и Ягноба и частично из Самарканда».[61]

Нижняя часть Каратегина, начиная от кишлаков Сич и Сичирог, заселена была в основном выходцами из Ромита и Гиссара.

На основании всех этих данных о происхождении современного таджикского населения Каратегина выявляются два массива или две группы его населения: первая, заселяющая район верхнего течения р. Сурхоб (оба берега) и левый берег этой реки, вторая—правый берег р. Сурхоб и район Оби-Гарма. Первая группа условно названа нами вахиинско-каратегинской, поскольку, в основном, ее составляют выходцы из бассейна р. Хингоу (Вахио) и частично из долины р. Ях-Су (северные Кулябские районы); вторая, заселяющая правый берег Сурхоба, названа нами кулябско- или гиссарско-каратегинской, так как она состоит из потомков переселенцев из бассейна р. Кафирниган (Гиссар) и частично из долины р. Кзыл-Су (северо-западные Кулябские районы). Первая группа относительно однородна, вторая, по-видимому, более пестрая. Конечно, двух-трехвековой период теснейших политических, экономических и родственных связей создал известное социальное и территориальное единство, в силу которого жители Каратегина называют себя *қаротегинӣ* (каратегинцами) и противопоставляют себя жителям Куляба — *кулобӣ* или жителям Дарваза — *дарвозӣ*, однако различия в языке и в быту свидетельствуют о двух основных источниках переселения в Каратегин.

Заканчивая обзор состава современного населения Каратегина и Дарваза, следует сказать, что материалы ГЭЭ свидетельствуют о том, что весьма незначительная часть населения считает себя исконными засельниками того или иного кишлака; напротив, подавляющее большинство населения считает себя потомками выходцев из других местностей. По времени можно различить три вида переселений в эти страны: а) ранние переселения, датировать которые очень затруднительно и которые сейчас уже воспринимаются как легендарные. К странам, откуда происходили эти ранние переселения, относят Хорасан (Иран), Аравию, из городов Средней Азии — Самарканд, Бухару; б) давние переселения, о которых, по рассказам дедов и отцов, осведомлены представители современного старшего поколения. Такие переселения насчитывают самое большее давность в 300—200 лет, т. е. период с конца XVII в. до начала XX в. Переселения этого периода, по указаниям самого населения, происходили из сопредельных стран; например, в Дарваз—из Вахио, Шугнана и Рушана, восточных районов Куляба, Самарканда, Бухары; в Каратегин—из Вахио, Гиссара, Куляба (бассейна рек Ях-Су и Кзыл-Су), Матчи, Самарканда, Бухары; в) поздние переселения, которые происходили уже в XX в., в основном в послереволюционный период. В Вахио и Дарваз сколько-нибудь значительных переселений не было, однако в Каратегин продолжалось переселение из Вахио, из его верхних кишлаков и из Гиссара, Рамита. После революции — в большей степени в Каратегине, в меньшей в Дарвазе происходит переселение из высокогорных кишлаков в кишлаки, расположенные ниже, ближе к реке и к дорогам, соединяющим кишлаки с центром республики.

Что касается выселения из Каратегина и Дарваза, то до революции из Каратегина и собственно Дарваза выселения не носили массового характера, но из Вахио, как уже подробно говорилось, население постоянно передвигалось в долину р. Ванч, в Дарваз и, особенно, в Каратегин.

В историческом очерке говорилось о широко развитом в Каратегине, Дарвазе и в Вахио систематическом уходе части мужского насе-

ления на заработки. Отходничество было одним из самых характерных явлений в рассматриваемых странах. Уходили на заработки мужчины, причем если в семье было несколько братьев, то они ходили поочередно; обычно в первую очередь уходил холостой или менее обремененный семьей. Случалось, что уходило несколько братьев, но один обязательно оставался. Из Каратегина на заработки чаще уходили в Фергану, реже в Ташкент, где работали у крупных землевладельцев и в городах — чернорабочими и грузчиками на заводах. Из селений Нижнего Каратегина иногда уходили на заработки в Гиссар, из Нижнего Вахио и из западного Дарваза — в Куляб, а также в Фергану. Кроме Ташкента и городов Ферганы, местами заработков горцев являлись и другие города, например Бухара, Самарканд, Чарджоу. Путь отходников, особенно обратный, был полон опасностей и тревог: им угрожали и горные обвалы, и грабители, и заставы местных правителей, на которых у отходников, помимо взимания с них установленной пошлины (одной танги с человека), часто отнимали наиболее ценное из их ноши, обычно состоящей из мануфактуры, чая, иногда обуви.

На заработки уходили осенью, после сбора урожая, и возвращались весной к пахоте. Иногда отходники жили в чужих краях по нескольку лет, а в некоторых случаях обзаводились там семьей и оставались навсегда или, во всяком случае, на долгое время.

Отходничество оставило некоторый след и на составе современного населения Каратегина и Дарваза: в нескольких кишлаках в настоящее время засвидетельствованы смешанные семьи, в которых муж— уроженец данного кишлака, а жена—узбечка, вышедшая замуж за таджика-отходника. Так, в к. Халкарф (Каратегин) есть семья, где мать — узбечка родом из Ферганы. В Джорфе (Дарваз) в квартале Пажгыр в 1956 г. жила семья дорожного мастера, который в молодости работал в Фергане, в угольных шахтах, там женился на джалал-абадской узбечке и спустя много лет, уже с многочисленным семейством, вернулся на родину. В семье господствует таджикский язык, на нем объясняется и жена-узбечка. В селении Чильдара (Вахио) один из отходников привез себе жену-туркменку из Чарджоу. Вероятно, число женщин, происходящих из других краев, не ограничивается только приведенными нами примерами.

В настоящее время так же довольно значительное количество каратегинцев и дарвазцев работает на промышленных предприятиях городов республики, причем не всегда порывают связи с родными кишлаками, где остаются их семьи и родственники. Иногда жена и дети живут в городе, но летом во время отпуска вся семья возвращается в кишлак. В некоторых случаях мужчины оставляют семьи в кишлаках, но обязательно приезжают в отпуск домой, обычно принимая участие в работах колхозов, членами которых являются их семьи. Нами засвидетельствованы семьи, мужская молодежь которых находилась на работе в Душанбе, Ташкенте, Ленинабаде, Кагане.

С 30-х годов, как говорилось выше, идет планомерное систематическое переселение жителей высокогорных районов в хлопкосеющие центральные и южные районы республики, где происходит освоение новых земель. Жители Каратегина переселяются, главным образом, в хлопкосеющие районы Гиссарской и Вахшской долин, жители Вахио— и дарвазцы—в южные районы Вахшской долины. Переселяясь в равнинные районы, горцы иногда не порывают связей с родными местами: усадьба, сады сохраняются. Часто там остаются жить старики, которые присматривают за хозяйством. В некоторых кишлаках члены се-

мей лето и раннюю осень проводят дома, собирают урожай, фрукты, а ко времени сбора хлопка уезжают в колхозы, где проводят зиму и весну, участвуя в полевых работах. В отдельных кишлаках нижнего Каратегина, числящихся переселенными, осталась часть жителей, которые, являясь членами колхозов Курган-Тюбинского района, работают в садах и собирают урожай фруктов для своего колхоза.

Массовое переселение жителей Каратегина и Вахио (и в меньшей степени Дарваза) в равнинные районы вызвало резкое уменьшение количества населенных пунктов и, естественно, уменьшение населения, однако этому сопутствует рост населения центральных районов республики. По существу происходит перераспределение населения внутри республики.

ПРИНЦИПЫ РАССЕЛЕНИЯ

Вопросы расселения таджиков, в том числе и горных, привлекли к себе внимание исследователей в первые годы после революции в связи с национальным размежеванием и районированием Средней Азии и Таджикистана. При этом исследователи иногда касались вопроса и о делении таджиков на группы. Так, П. П. Введенский, главным образом по данным выборочной десятипроцентной переписи 1925 г., пришел к заключению, что «...таджики делились и делятся в настоящее время на определенные группы — территориальные, религиозные и цехового свойства..., но у таджиков нигде нет следов родового быта». Это высказывание автор относит и к таджикам Гармского вилайета.[62] Той же точки зрения об отсутствии у собственно таджиков родового деления придерживался также руководитель и участник обследования населения 1924 г. И. Магидович.[63] Позднее Н. А. Кисляков, специально занявшийся исследованием вопроса о наличии родового деления у таджиков, пришел к другому заключению. Он проанализировал высказывания по этому вопросу предыдущих исследователей, преимущественно негативного характера, а затем привел большой фактический материал, собранный им лично. В бассейне р Хингоу, как отмечалось выше, он установил наличие пяти крупных групп населения — хлоз, туркия, вахиочи, нижголя и сагирдашчи, каждая из которых выводит свое происхождение от одного предка, расселена компактно и иногда имеет различия в говоре.[64] Н. А. Кисляков видит в этих группах следы племенного деления.[65] Он установил деление каждой из этих больших групп на более мелкие, также ведущие происхождение от общего предка; члены этих мелких групп обычно связаны между собой узами кровного родства, счет которого ведется по мужской отцовской линии. Н. А. Кисляков считает, что эти кровнородственные группы—*қаум* или *кәнда*, являясь пережитками агнатного рода, положили основу семейным общинам или большим патриархальным семьям. Дальнейшее деление семейных общин на мелкие семьи с разделом земельной собственности общины привело к образованию сельской общины, характеризующейся «...единым общественным домом-мечетью, общей системой орошения, общественным старостой, неделенными покосными участками и пастбищами».[66]

Н. А. Кисляков устанавливает следующую картину развития форм поселений с точки зрения принципа заселения их родственными группами — каумами: 1) кишлак-дом или кишлак-хутор, заселенный большой патриархальной семьей; 2) кишлак-квартал, заселенный несколькими семьями, обычно относящимися к одному общему кауму; 3) мно-

гоквартальный кишлак, в каждом из кварталов которого прослеживаются родственные связи; 4) кишлак, где «...проследить родственные связи в расселении нет возможности».[67]

Интересные данные об огромном значении в дореволюционном быту таджиков каума — «древнего рода, общины, задруги» приводит М. С. Андреев, характеризуя некоторые семейные обычаи и обряды припамирских таджиков.[63]

В условиях колхозного строя принцип расселения современного населения Каратегина и Дарваза определяется производственными и экономическими связями людей, объединенных коллективным социалистическим хозяйством. Современные методы ведения хозяйства создают благоприятные условия для роста благосостояния и культурного уровня населения в прошлом очень отсталых районов Каратегина и Дарваза. Естественно, что в таких условиях энергично изживаются явления, связанные со старой сельской общиной, бывшей до революции основным фактором, влияющим на расселение горных таджиков. Большие патриархальные семьи, распад которых начался еще в предреволюционный период, в настоящее время встречаются редко и имеют многие новые черты; основная масса населения расселяется небольшими семьями. По современному административному устройству поселенной единицей является кишлак; однако фактически, с точки зрения хозяйственной деятельности и общественной жизни, единицами, объединяющими людей, являются колхозы. Некоторые мощные многоотраслевые коллективные хозяйства объединяют по нескольку кишлаков; так, колхоз «Сагырдашт» объединяет в настоящее время 16 кишлаков (не только кишлаки сельсовета Сагырдашт, но и несколько кишлаков сельсовета Хост, Калаи-Хумбского района); небольшие колхозы, например дарвазские, объединяют по 2—3 кишлака.

Наши материалы позволяют выделить несколько принципов расселения: 1) смешанный, когда рядом селятся семьи, не связанные узами родства, разные по происхождению, социальному положению, национальности; 2) семейно-родовыми группами — каумами; 3) территориальными группами — землячествами; 4) сословными и социальными группами; 5) профессиональными, ремесленными группами; 6) религиозными группами; 7) национальными группами.

Смешанный принцип расселения является наиболее новым. Он наблюдается главным образом в сравнительно немногочисленных современных или бывших районных центрах, которые по своей планировке и принципам заселения близки к поселениям городского типа.

Состав населения в этих пунктах как в национальном, так и в социальном и других отношениях более пестрый, чем в рядовых кишлаках. При преобладающем количестве таджиков известную часть населения этих пунктов составляют русские, узбеки, татары и представители других национальностей, причем расселены они обычно вперемежку. С точки зрения социального состава эти пункты характеризуются тем, что значительную часть их населения составляют служащие районных и других учреждений, учителя, медработники, работники связи, торговли, служащие и рабочие местных предприятий и артелей. Все эти категории жителей занимают преимущественно новую часть этих поселений, колхозное же крестьянство обычно расселяется в окрестных кварталах или в близлежащих окрестных кишлаках. Например, в Гарме колхозники населяют преимущественно Верхний Гарм (Гарми-Бало); Джиргаталь состоит фактически из двух поселений: нового, отстроенного уже при Советской власти, и старого, находящегося на расстоянии 1—2 км от райцентра, несколько южнее последнего.

Расселение семейно-родовыми группами—*қаум* (от ар.—*қавм*, в местном произношении — *қаун*) следует считать наиболее старым типом расселения в изучаемых нами районах.[69]

Каум обычно состоит из нескольких и даже многих семей. В прошлом семьи одного каума часто селились компактно, особенно в Дарвазе; однако и в прошлом случалось, что представители одного каума расселялись не только в различных кварталах одного кишлака, но и в различных кишлаках и даже районах, например, семьи, принадлежащие к одному и тому же кауму, живут в Вахио, Сагырдаште, Хумдаре и в долине Ванча.

Как уже сказано выше, в современных колхозах люди объединены тесными производственными связями в звеньях и бригадах, общение их осуществляется в совместном труде, учебе, на собраниях, а часы досуга мужчины обычно проводят вместе в кишлачных клубах и чайханах. В этих условиях каумы уже утратили былое значение социального института. Тем не менее как в семейной, так и в общественной жизни таджиков Каратегина и Дарваза до сих пор наблюдаются пережитки, связанные со старым делением на каумы. Почти во всех кишлаках Дарваза и во многих кишлаках Каратегина даже сравнительно молодые люди знают о своей принадлежности к определенному кауму, а представители старшего поколения могут сказать, из каких каумов состояло население того или иного кишлака. Сильны еще стремления подыскать невесту сыну среди девушек своего каума и выдать дочь замуж также за представителя своего каума.[70] Члены одного каума и до настоящего времени связаны участием в радостных и печальных событиях семейной жизни, обязаны взаимопомощью друг другу. Кладбища во всех кишлаках Дарваза и в ряде мест Каратегина до сих пор делятся на родовые участки, где каждый каум хоронит своих покойников.

С понятием *қаун, қаум*, или *кунда* (пень, ствол, в переносном смысле род, родословное дерево), мы встречаемся повсеместно в Дарвазе, Вахио и Каратегине, причем в последнем нами были зафиксированы обозначения семейно-родовой группы словами *ҷамоа* (ар.—группа, сословие), *тоифа* (ар.—племя, род), *уруғ* (тюрск. *оруғ*—семя, род). Насколько можно судить по собранным материалам, слово уруғ обозначает группу людей, объединенных либо по местности, откуда произошли предки этой группы, либо по народности; например, в к. Ялдамич население связывает свое происхождение с двумя уругами: *уруғи қашқариё*, и *уруғи қирғизиё*. В смешанном киргизско-таджикском Джиргатальском районе семейно-родовая группа обозначается как киргизами, так и таджиками словом *топ//туп//тов* (тюркск.—группа, толпа); например, топи ходжа, топи мирбоки, а чаще в форме ходжатов, абдурахмонтов. В прошлом и киргизы, и таджики в Джиргатальском районе расселялись по топам, т. е. по принципу родственных связей. За последние годы этот принцип часто нарушается; например, при перестройке разрушенного землетрясением кишлака Сайрон селились часто смешанно.

Каумы в кишлаках Каратегина и Дарваза едины в отношении счета родства по отцовской линии и в отношении внутренней семейной структуры, однако по происхождению, по времени возникновения, по характеру отношения к ним окружающего их населения они, естественно, весьма различаются.

Обычно каумы ведут свое происхождение от какого-либо человека-родоначальника. Это бывал человек пришлый, женившийся на мест-

ной девушке и получивший землю в приданое за женой, или в дар от правителя (см. описание к. Анджирак в Дарвазе),[71] или купивший ее. Иногда основатель каума невольно попадает в тот или иной кишлак. Такова, например, легенда об основателе каума усто Довуде (см. описание к. Курговад в Дарвазе). Реже нам приходилось слышать о каумах, основатели которых были аборигенами кишлака. Нам представляется, что исконных по происхождению каумов, конечно, гораздо больше, чем связанных с пришельцами, но последние запоминались особо, поскольку их приход был событием в кишлаке. Некоторые каумы считаются населением более старыми, родоначальников их обычно считают основателями кишлака (см. описание кишлаков Умарак и Егид в Дарвазе). К представителям старшего поколения таких каумов жители кишлака относятся с большим уважением. В прошлом окружали почетом и каумы, основателем которых был какой-либо видный ишан. В большинстве случаев время возникновения каумов определяют за 4—5 поколений. В дарвазских кишлаках есть каумы, основателями которых были бухарцы, прибывшие в Дарваз после завоевания его бухарским эмиром. В Каратегине в ряде левобережных кишлаков основателями каумов считаются киргизы (см. описание кишлаков Мулло Темур, Мулло Кенджа, Куглик и др.).

Названия каумов часто бывают связаны с именами их основателей: например, *қауни Дуст* (к. Умарак), *қауни Баҳром* (к. Дуробак); часто имя основателя каума приобретает собирательно-нарицательное значение и тогда к его имени присоединяется показатель множественности *-о‖-ё*, *он‖ун*; например, *қауни исматуллобегиё* (к. Ризвай). Иногда каум называется не по имени основателя, а по его профессии, званию или месту происхождения; например, *қауни устовун* — каум мастеров-кузнецов (к. Егид), *қауни эшоно* — каум ишанов (к. Умарак), *қауни миру(н)* — каум миров (к. Егид), *қауни тошкандиё* — каум ташкентцев (к. Ризвай).

В настоящее время основной тип кишлака в Дарвазе по принципу расселения — это многоквартальный кишлак, в котором еще прослеживается заселение кварталов каумами. По сообщение дарвазцев, кварталы кишлаков заселялись большей частью неодновременно; какой-либо квартал считается наиболее старым, часто помнят имя родоначальника каума, основавшего данный квартал (кишлаки Умарак, Работ, Зев).

В современных дарвазских кишлаках различается несколько типов кварталов с точки зрения расселения: а) кварталы, заселенные представителями одного каума; в многоквартальном кишлаке бывает иногда и два квартала, заселенных представителями одного многочисленного каума; например, в к. Джорф (Дарваз) из 13 кварталов два заселены семьями кауна Зиё; б) кварталы, населенные родственными каумами, отпочковавшимися от одного основного; в) кварталы, заселенные представителями разных, чужих один другому каумов.

Первый тип квартала, т. е. заселенный одним каумом, является наиболее старым; в настоящее время, судя по нашим материалам, обычно в каждом кишлаке имеется один или два таких квартала. Примером кишлака, где число кварталов соответствует числу каумов, может служить к. Хост в Дарвазе.[72]

Все перечисленные нами типы кварталов мы можем видеть на примере современного к. Умарак, насчитывающего около 100 хозяйств и свыше 600 человек жителей.[73]

Основная масса кварталов в дарвазских кишлаках заселялась родственными семьями. Вместе с тем были кишлаки и кварталы, заселен-

ные пришельцами из разных мест. Так, в к. Вишхарв есть квартал Хамадун, населенный пришельцами из разных мест; народная этимология отсюда выводит и название квартала — отовсюду, со всех сторон. В к. Кеврон квартал Дашт тоже будто заселен людьми, пришедшими из разных окрестных кишлаков.

Заселение кварталов в кишлаках одной или несколькими родственными семейно-родовыми группами распространено как в Дарвазе, так и в верхней части долины р. Хингоу. В нижней части этой долины, а также в Каратегине, хотя понятие каума как группы семей, ведущих свое происхождение от одного родоначальника, существует повсеместно, однако кишлаки с кварталами, заселенными определенными каумами, встречаются редко. К таким исключениям относятся, например, кишлаки Самсолик и Яхч (см. описание этих кишлаков ниже), в которых явственно прослеживается расселение по родственному принципу.

Прежде чем перейти к характеристике других принципов расселения, позволим себе кратко остановиться на квартале, так как квартальная община, все ее внутренние установления тесно связаны с каумами.[74]

Понятие квартал—*маҳалла* в приложении к кишлакам Дарваза и Вахио существенно отличается от кварталов городов Средней Азии.[75] Прежде всего население квартала в дарвазском кишлаке однородно и в национальном, и в религиозном отношении. В своей основе квартал был, как упоминалось, поселением каума.

Быт квартальной родственной или родовой общины, основные ее черты охарактеризованы Н. А. Кисляковым на фоне сельской общины к. Сангвор (бассейна р. Хингоу).[76] Родовой принцип соблюдался в пользовании летними пастбищами, распределенными между кварталами селения, в обычае *алғов*, выражавшемся в обобществлении на время полевых работ рабочего скота, принадлежавшего родственным, а иногда и неродственным семьям, живущим в одном квартале; в различных формах взаимопомощи при обработке земли; в женских артелях по сливу молока — *пейвоз*,[77] организующихся обычно из хозяйств родственных семей. Центром общественной жизни квартала в прошлом являлся общинный дом *алоухона* впоследствии мечеть — *масҷид* (в народном произношении *мачиг*), прихожанами которой являлось все мужское население квартала.[78]

Как правило, между семьями, объединяемыми каумом и кварталом, были тесные добрососедские связи. Все население квартала принимало участие в семейных событиях, происходивших в квартале — в свадьбах, празднестве по поводу обрезания, в похоронах, поминках и др. Если к кому-либо приезжал гость, то обычно все население квартала приходило в этот дом, принося с собой дастархон с угощением.

Если случались ссоры между семьями одного каума, то иногда одна из поссорившихся семей отселялась от своего каума в другой квартал. Реже бывало, что мужчины какого-нибудь каума в случае ссоры с остальными каумами своего квартала начинали ходить в мечеть другого квартала; при этом они сначала устраивали угощение для всех прихожан чужой мечети и только тогда считались равноправными членами ее общины.

Квартальные общины при столкновениях с общинами других кварталов, как правило, проявляли взаимную поддержку и солидарность. В связи с этим уместно сказать о пережитках института традиционного соперничества, коренящихся в особенностях быта доклассового обще

ства, которые у различных народностей с течением времени приобретают различные формы. Пережитками такого соперничества можно считать прозвища и обидные клички, даваемые друг другу различными группами населения;[79] традиционное соперничество выявляется и в спортивных состязаниях — козлодрании — *бузкаши,* широко распространенных у всех народов Средней Азии[80] и устраиваемых в день традиционного новогоднего праздника *навруз*, или на семейных праздниках—свадьбах, обрезании и т. п. В Дарвазе в этих состязаниях, устраиваемых на новый год, принимали участие все три района — Хумдара, Порьёви-Боло и Кади-Шекай, причем Хумдара и Порьёви-Боло выступали с одной стороны, а Кади-Шикай—с другой; устраивались и состязания в борьбе *гуштингирӣ* отдельных представителей этих трех районов.

Характер традиционного соперничества имела разобщенность и даже неприязнь между отдельными кварталами. В прежнее время считалось неудобным без дела ходить в чужой квартал. Если даже дети забегали в чужой квартал, то их гнали и иногда били. Существует немало рассказов, подтверждающих наличие межквартальной вражды. В к. Сафедорон (бассейн р. Хингоу) между каумами кварталов Сари-Ду и Пуни-Ду существовала рознь, в силу которой жители Сари-Ду не могли ходить в мечеть Пуни-Ду;[81] житель квартала Мина-Ду к. Егид, усто Наби, вспоминает, что он впервые переступил порог мечети квартала Буни-Джар, будучи уже в возрасте двадцати лет; он вошел туда со своим отцом, усто Пирмахмадом, всеми почитаемым человеком, который дружил с уважаемыми людьми этого квартала; Наби был допущен в мечеть лишь тогда, когда все удостоверились, что он сын Пирмахмада. Сохранился рассказ о сильной вражде, разгоревшейся в к. Ширг между кварталами Ширги-Боло и Ширги Поён из-за того, что арбобом кишлака был выбран некто Хомид, происходивший из квартала Ширги-Поён. Вражда между этими кварталами дошла до того, что жители каждого из них обратились за поддержкой к соседним кишлакам, с которыми их связывали родственные и хозяйственные узы: жители Ширги-Поён — к жителям Хшарвака, а Ширги-Боло — к жителям Работа. Люди Ширги-Поён вооружились кто топорами, кто серпами и были готовы к битве с людьми квартала Ширги-Боло. Только вмешательство всеми уважаемого старика из Работа предотвратило кровопролитие, но неприязнь между кварталами осталась на долгие годы.

Расселение территориальными группами. Территориальный принцип расселения — землячествами выявляется в расселении семьями, связанными единством территориального происхождения. Такого рода группы, образующие определенные участки или кварталы кишлака, были засвидетельствованы в ряде кишлаков Каратегина, расположенных на левом берегу р. Сурхоб. Население к. Нушор, считающее себя потомками выходцев из Вахио, расселялось группами вблизи друг от друга. Так, выходцы из к. Говл образовали квартал Говдиё, выходцы из к. Джур—Махаллаи-Джуриё, из к. Лайрон—Махаллаи-Лайрунчиё, из к. Иштиён—Махаллаи-Иштиюниё. В к. Калаи-Лаби-Об, являвшемся в прошлом укрепленным поселением, обнесенным стеной, за пределами западной части этой стены был квартал, называвшийся Махаллаи-Ясмандиён, заселенный выходцами из долины Ясманда, с противоположного берега реки. В к. Кушагба (Джиргатальский район) есть также группа выходцев из Говда, называемая *қауми ғовдӣ* и живущая компактно; в к. Мулло Темур есть группа выходцев из Сайёда (Вахио), которая называет себя *қауни сайёдиё*, то же в к. Мазори-Шинг, Навобод (б. Таджикабадский район); в к. Казнок (правый берег р. Сурхоб) до настоящего

времени существует группа *кундаи хуҷанди,* основатель которой был якобы выходцем из Ходжента, и др. По принципу землячества, территориальной общности населения создавались не только кварталы, но и целые кишлаки, причем иногда новый кишлак назывался так же, как и тот, из которого происходило выселение, например к. Сайёдон (б. Шульмакский район) — по названию одноименного кишлака в Вахио, к. Лангарак (Гармский район) — по одноименному кишлаку Лангар (Вахио).[82]

Стремление селиться землячествами проявляется и в советское время; жители верхних кишлаков Каратегина, переселяясь в нижние, обосновывались обычно на одном участке, рядом друг с другом. Такой принцип заселения наблюдается в группе кишлаков Калаи-Нав (Нижний Каратегин, современный Файзабадский район), переселение в которые началось в 1927 г. То же самое наблюдается в новых районах, созданных переселенцами из Вахио: например, в Кировабадском районе переселенцы расселяются по своим старым кишлакам: сафедоронцы вместе, чильдаринцы вместе и т. п.

Расселение сословными и социальными группами. В некоторых кишлаках Каратегина прослеживаются довольно отчетливо следы расселения в прошлом по сословному и социальному принципу; так, в к. Фатхабад (Таджикабад) все население делилось на две сословные группы: *фақиро*—податное сословие и *мағзумо* (ар. *махдум*—господин, хозяин), причем факиро селились в восточной части кишлака, а магзумо — в западной. Характерно, что сословный принцип в кишлаке был выдержан последовательно и был сильнее территориального: несмотря на то, что факиро по происхождению были выходцами из Вахио, а магзумо — потомками выходцев из Бухары, те из вахиочей, которые принадлежали к духовному сословию, селились в западной части кишлака вместе с магзумо и даже роднились с ними, в то время, как вахиочи-факиро жили обособленно от магзумо, и между обеими группами происходили столкновения, носившие характер классовой розни. Сословный принцип расселения был широко распространен в кишлаках Нижнего Каратегина. Население кишлаков, расположенных в горном ущелье Хакими (правый берег р. Сурхоб), относится к сословию *сайидо* (сейидов), которые переселились в Хакими из Куляба (Ях-Су) и связывают свое происхождение с сейидами из Джуйбора (Бухара).[83] Так, сейиды составляют целиком население к. Джавчии-Боло, Хакимии-Боло, Дукак; на левом берегу р. Сурхоб они заселяют к. Кумбак, расположенный ниже к. Яхч.[84] Кишлак Джавони (Каратегин, современный Файзабадский район) в прошлом делился на две части: квартал ишанов — Махаллаи-Эшоно и квартал простого народа — Махаллаи-Факиро. В настоящее время фактически этого сословного деления уже нет, однако, когда в 1934 г. в Джавони было создано два колхоза, то один из них объединял факиро, а другой — эшоно; после укрупнения колхозов факиро составили одну бригаду, а эшоно—другую.

Расселение по сословному признаку, по-видимому, имело место во многих кишлаках. Кишлак Элок, расположенный на самой границе Каратегина с Гиссаром, делился на 4 квартала:[85] Махаллаи-Элок, Гулхайри-Боло, Умбара и Элоки-Та. Первые три были заселены сейидами (или ишанами), последний — факиро.

Принцип сословного расселения прослеживается и в кишлаках Дарваза, о чем можно судить по названиям кварталов. В к. Джорф весь квартал Джои-Эшоно заселяли ишаны — выходцы из Водхуда (Ванч); в к. Курговад квартал Пуни-Ду был заселен каумами, представите-

которых относились частью к духовенству — *эшоно* и *муфти*, частью к служилым людям — *мирмардум*. В к. Нульванд квартал Сари-Ду был заселен тремя каумами: *магзумо*, *сайидо* и *хоҷаҳо*.

Сословный принцип в расселении не исключал родственного принципа, а, по-видимому, сочетался с ним; ишаны и представители духовного сословия, жившие в одном кишлаке, были связаны родственными узами, поскольку браки заключались чаще всего внутри своего же сословия; бывали случаи, когда ишаны и магзумы брали в жены девушек факиро, но своих девушек за факиро не отдавали. Связаны были также родственными узами и факиро. В этом отношении интересен список семей факиро к. Джавони,[86] который свидетельствует, что все пятнадцать семей факиро находятся в родственных отношениях.

Связанный с сословным социальный принцип расселения в прошлом также прослеживался как в кишлаках Дарваза, так и Каратегина. Следует отметить, что существование сельской общины, а внутри ее еще и квартальной, с пережитками патриархальной семейной общины, несомненно, сглаживало внутренние социальные противоречия, и различные слои населения внутри квартала селились вперемежку, но в ряде кишлаков население расселялось социальными группами. Например, в к. Курговад, как упоминалось выше, один из трех кварталов—Пуни-Ду был заселен представителями духовенства и служилыми людьми, квартал Спод — ремесленниками, квартал Морав — простым людом, факиро. В к. Сангевни-Духун квартал Сиёрабек был заселен беднейшей почти безземельной частью населения, состоявшей из угольщиков — *лахчакаш*, издольщиков — *чойраккор*, погонщиков вьючных животных — *улавкаш*, а квартал Хавлини-Худжо — зажиточными ходжами.

В к. Калаи-Лаби-Об в восточной части селились местная знать, а в западной был квартал Махаллаи-Хатута, заселенный преимущественно малоимущими крестьянами.

Расселение по профессиональному признаку не характерно для Дарваза; во всех кишлаках были кузнецы, мастера-строители, ткачи, в ряде кишлаков—женщины-мастерицы гончарного промысла, но они обычно не образовывали ремесленных кварталов. Указания на такие кварталы имеются лишь в немногих кишлаках: Курговад, Ёгид. В последнем в квартале Сари-Ду проживала многочисленная группа—*қауни устовун*, главным образом кузнецы, в квартале Мина-Ду тоже проживала группа мастеров—*қауни устовуни пову*. В Каратегине расселение ремесленников прослеживается лишь кое-где по названиям старых кварталов; так, в Гарме были кварталы под названием Махаллаи-Мехчагарон (квартал гвоздарей) и Махаллаи-Чармгарон (квартал кожевников).

Расселение по принципу религиозной общности. Говоря о принципах расселения таджиков Дарваза нельзя не отметить расселения, обусловленного в прошлом религиозной общностью. Как упоминалось выше, среди населения Дарваза имеются, хотя и в незначительном количестве, последователи мусульманских шиитских сект *исмоилья* и *асноашария* (признающей 12 имамов).[87] Представители этих сект заселяют в правобережном Дарвазе кишлаки Ширговад и Ёгид. Небольшие группы исмаилитов — выходцев из Ёгида были в Калаи-Хумбе, а также в к. Равноу, где исмаилиты заселили верхнюю часть кишлака—Махаллаи-Боло, а сунниты—*чорьёрӣ*—нижний квартал—Махаллаи-Пову. В прошлом разобщенность исмаилитских поселений с остальными была весьма сильна. Кишлаки, заселенные исмаилитами, были изо-

лированы, жители их не селились в других кишлаках, а в их кишлаках не селился никто из суннитов. В к. Равноу, например, никаких связей между верхним и нижним кварталами не было.

В настоящее время религиозная рознь стирается, жители Ёгида, наряду с жителями других кишлаков Дарваза, переселяются в равнинные районы республики (долину р. Вахш), немало учителей-ёгидцев работает в дарвазских и каратегинских кишлаках. Бывают случаи выдачи замуж ёгидских девушек в суннитские кишлаки и наоборот. Когда в 1956 г. жители к. Равноу были переселены в к. Калаи-Хусайн (долина р. Хингоу), то на новом месте они селились вперемежку, невзирая на то, откуда они происходят,— из Махаллаи-Боло или из Махаллаи-Повун, исмаилиты или сунниты.

Наконец, следует упомянуть **национальный принцип расселения**, который для Каратегина и Дарваза — районов однородного по национальному составу населения — не является типичным и имеет весьма ограниченное распространение, лишь в кишлаках современного Джиргатальского района, среди которых встречаются кишлаки киргизские, таджикские и смешанные. В прошлом смешанных таджикско-киргизских кишлаков было значительно больше, о чем можно судить хотя бы по тому, что в некоторых таджикских кишлаках б. Таджикабадского района, например в к. Нушор, имелись кварталы, называвшиеся Киргиз-Махалла. В к. Джиргаталь, делившемся на 6 кварталов, четыре квартала (Хади-Пову, Пангтову, Сойгузар, Ташлак) были смешанными по населению: один — Тура-Махалла заселен киргизами, и один — Сари-Осиёб — таджиками.

ЯЗЫК ТАДЖИКОВ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА

Таджикское население Каратегина и Дарваза говорит на диалектах таджикского языка, которые, по принятой классификации, относятся к юго-восточной группе. Еще в прошлом столетии многие из путешественников и исследователей этих стран отмечали в них наличие двух наречий: каратегинского и дарвазского, подчеркивая при этом близость каратегинского наречия к персидскому языку и своеобразие дарвазского наречия, «вследствие чего дарвазцы не вполне свободно понимают персидскую речь»;[88] отмечалось также дробление этих наречий «на отдельные поднаречия и говоры...»[89]

Специальному изучению говоры таджиков Дарваза и Каратегина подверглись лишь в советское время. Был опубликован ряд трудов, в которых наряду с характеристикой особенностей фонетического и грамматического строя приводятся тексты, диалектные словари, а также рассматриваются вопросы классификации исследованных говоров.[90]

На территории Каратегина и Дарваза, включая и Вахио (бассейн р. Хингоу), можно выделить четыре основные диалектные единицы, т. е. группы говоров, близких между собою: а) дарвазскую, распространенную в припянджском Дарвазе; б) вахиинско-дарвазскую — в верхней части бассейна р. Хингоу и в долине р. Хумбоу (Хумдара); в) вахиинско-каратегинскую в среднем и нижнем течении р. Хингоу, а также в долине р. Сурхоб в пределах Верхнего Каратегина и левобережья Среднего Каратегина; г) каратегинскую или гиссаро-каратегинскую, говоры которой распространены в пределах правобережья Среднего Каратегина и в Нижнем Каратегине. Границы распространения данных диалектных групп примерно совпадают с границами распространения выявленных нами более или менее

крупных групп населения (см. выше). Наиболее сильно отличается не только от перечисленных выше, но и от всех других групп юго-восточных говоров (кулябских, рогских, бадахшанских), дарвазская группа.[91]

На основании опубликованных материалов и личных наблюдений приводим ниже краткую характеристику основных черт фонетики, морфологии и лексики диалектных групп, распространенных в Каратегине и Дарвазе.

Фонетика. Диалектные группы — вахиинско-дарвазская, вахиинско-каратегинская и каратегинская характеризуются единством фонетической системы, свойственной всем юго-восточным таджикским говорам. Вокализм представлен шестью фонемами: переднего ряда (неогубленные): *а, е, и;* заднего ряда (огубленные): *о, у,* (неогубленная) *ə.* Консонантизм характеризуется наличием верхнефарингальных фонем: глухой h (ح) и звонкой ع (айн), употребляющихся в словах арабского происхождения. Например, *ҳоким* — правитель, *маълим* — учитель. В отличие от всех юго-восточных говоров вокализм дарвазских говоров представлен восемью фонемами; из них переднего ряда неогубленные — *а, е, и,* огубленная — *ӯ,* заднего ряда огубленные — *о, у,* неогубленная — *ə,* смешанного ряда огубленная — *ӯ.*

Вахиинско-дарвазская, вахиинско-каратегинская, каратегинская	Дарвазская	Литературный таджикский язык	
сəрх	сəрх	сурх	красный
ангур	ангӯр	ангур	виноград
шур	шӯр	шӯр	соленый
сузан	сӯзан	сӯзан	иголка

Характерными чертами консонантизма дарвазских говоров являются: а) отсутствие верхнефарингального ع и замена его либо верхнефарингальным h, либо нижнефарингальным *ҳ* (*ҳарус//harус, арӯс* عر невеста); б) крайняя неустойчивость нижнефарингального *ҳ* во всех позициях (*афт<ҳафт* — семь; *пали<паҳлу* — бок; *ша<шоҳ* — царь; женних); отсутствие одних фарингальных фонем и неустойчивость других сближает дарвазские говоры с южнокулябскими, рогскими, бадахшанскими, а также с таджикскими говорами, распространенными в Афганистане; д) неустойчивость *д* (в середине и исходе слова) — *марак<<мардак* — мужчина; *би<буд* — был.

Морфология. В морфологии в вахиинско-дарвазской, вахиинско-каратегинской и каратегинской группе нет того единства, что наблюдается в фонетике. По ряду морфологических признаков вахиинско-дарвазская группа примыкает к дарвазской. Последняя и в морфологии, как в фонетике, отличается наибольшим своеобразием. Характерными признаками дарвазской группы являются: 1) постпозитивное употребление частицы *ме-* в формах настояще-будущего времени: *банме<мебандам* — завязываю, закрываю; *бандаме<мебандад*— завязывает, закрывает; 2) широкое употребление префикса *бə,- би-* при глаголах прошедшего времени с оттенком завершенности, например, *ӯ//йӯ бəмӯр* (он умер); 3) спряжение ряда глаголов от стяженных и видоизмененных основ, например, *ӯ//йӯ бəдо<ӯ дод* (он дал); *мəн зом<ман задам* (я ударил); 4) наличие особых форм обстоятельственных наречий, обычно употребляемых с предлогами и префиксами усилительного значения, например, *нам-йа, дар-йа, нам-анда* (здесь) *ам-зе||ам-зай* (так, настолько).

Основным отличием вахиинско-дарвазских говоров от дарвазских является отсутствие обстоятельственных наречий типа *нам-анда, нам-йа* и др. Вахиинско-каратегинская и каратегинская группы отличаются от дарвазской тем, что в говорах этих групп: а) частица *ме-* всегда препозитивна, как и в литературном таджикском языке; б) типы стяжений глагольных форм и основ иные; в) особые формы обстоятельственных наречий отсутствуют. Имеются также некоторые отличия в местоимениях и личных глагольных окончаниях, причем ближе к вахиинско-дарвазской группе стоит вахиинско-каратегинская. Это сходство проявляется в личных местоимениях, в личных глагольных окончаниях.

Различия между вахиинско-каратегинскими и каратегинскими говорами зыявляются: 1) в местоимениях: в вахиинско-каратегинских говорах личное местоимение 3 л. ед. ч. *у, у(н)*; *и, и(н)*; в каратегинских—*вай, ҳавай;*[92] 2) в глаголе: в личных окончаниях 3 л. перфектных форм: в вахиинско-каратегинских окончание 3 л. ед. ч. *-ас, -аст (рафтас, рафтаст)*, в каратегинских *-ас, -аст, -ай (рафтас, рафтай)*; в вахиинско-каратегинских окончание 3 л. мн. ч. перфектных форм *-ан (рафтан)*, в каратегинских *-ийан (рафтийан)*.[93] В вахиинско-каратегинских говорах формы преждепрошедшего времени не стягиваются: *рафта бӯдам* (я ходил) *рафта бӯдем* (мы ходили), в каратегинских—*рафтоӯдам, рафтоӯдем.*[94] Говоры, распространенные в районе Нижнего Каратегина, имеют ряд черт общих с кулябскими говорами, например, наличие послелога *-да*, обозначающего местонахождение предмета, вместо *-анда*, широко распространенного в том же значении во всех других говорах юго-восточных групп, кроме кулябских; употребление наряду с окончанием *-е* (глагольное окончание 2 л. мн. числа) окончания *-ан*, характерного для кулябских говоров.

Отсутствие достаточного диалектологического материала по району Нижнего Каратегина не позволяет нам установить границы распространения отдельных языковых явлений и точно определить отношение говоров, бытующих на этой территории, к сопредельным говорам: каратегинским, кулябским и гиссарским.

Лексика говоров, распространенных в Дарвазе и Каратегине как и всех таджикских говоров, распадается на две основные группы 1) слова, составляющие общетаджикский слой лексики. К нему относится основная масса слов типа: *замӣ(н)* (земля), *об* (вода), *гандам* (пшеница) и др., большая часть глаголов и прилагательных. К словам этого типа следует отнести те слова, которые обозначают новые понятия и явления, прочно вошедшие в жизнь таджикского народа после Октябрьской революции: колхоз, трактор, коммунист, доктор и многие другие. Эти слова обычно произносятся соответственно фонетическим нормам говоров, например, *дӕхтӕр* (доктор), *бригат* (бригада, бригадир); *каникул* (каникулы), *фӕрма* (ферма), *дакӕмен* (документ) и др. 2) слова диалектные, свойственные рассматриваемым говорам Каратегина и Дарваза.

Диалектную лексику можно рассматривать в двух направлениях а) диалектизмы, широко бытующие как в говорах Каратегина и Дарваза, так и во всех говорах юго-восточного массива таджикского населения, но не употребляющиеся в таджикских говорах северо-западной группы (ферганских, бухарско-самаркандских и др.), и б) диалектизмы, составляющие специфику каждой из групп говоров Дарваза и Каратегина, которые определяют отличия между отдельными говорами. Примерами диалектизмов первого направления могут служить, например, такие слова: *чхт* (прямой, стоячий), *рееҷд* (гла

кий), *сəпор//шпор* (плуг), *хамбидан//хамбийан* (спускаться); *тагов//тагоw* (местность, изобилующая водой и садами), *сарhад//сарад* (высокогорная местность), *пейвоз//певоз* (молочная артель); *ғəдора* (большая глиняная миска). Характерно наличие одних и тех же названий орудий сельского хозяйства, отдельных сельскохозяйственных работ, предметов быта, названий обрядов, связанных с семейным бытом и трудовой деятельностью населения, названий дикорастущих растений. Данное обстоятельство свидетельствует об исторических связях всех групп населения Каратегина и Дарваза не только между собой, но и со всеми группами таджикского населения, расселяющегося в предгорных и горных районах юго-восточной части современного Таджикистана.

С точки зрения состава диалектной лексики наибольшее своеобразие представляет дарвазская группа говоров, к которой примыкает и вахинско-дарвазская. Что касается вахинско-каратегинской группы, то лексика этой группы представляет переходный тип между дарвазской и каратегинской. В распространении диалектных слов наблюдается своего рода ступенчатость: наибольшее количество их сохранилось в говорах дарвазской группы, далее, если мы будем продвигаться в западном направлении в долину р. Хингоу (в нижнем ее течении), в долину р. Сурхоб, то увидим, что количество диалектных слов постепенно уменьшается. Особенно это явление становится заметным в Нижнем Каратегине. Приведем некоторые примеры:

	Дарвазская группа	Каратегинская группа
нитка	вошки	ришта
пыль	пəдғўс//пəтхўс	чанг, ғубор
в доворот	пəрваз	ғəрдоw (лит. гирдоб)
женские штаны	тамбу(н)	эзғр
горло	мак	ғалу
сноп сена	веб//web	дарза
угол	вўч	бурч, гуша
поперечные горбыльки потолка	кəландəк	васса
младший	варав//варави вəрвак	майда, хурд

В составе диалектной лексики рассматриваемых говоров можно выделить несколько групп:

а) слова восточноиранского происхождения, бытующие в современных припамирских языках; этих слов, естественно, больше всего в дарвазских говорах, где засвидетельствованы целые системы такого рода слов, например, обстоятельные наречия, упомянутые нами выше; такие слова, как *мак* — шея (руш., хуфск. *мак*), *фияк* — анат. лопатка (руш., хуфск. *фай*);[95]

б) слова, происхождение которых пока неясно; например, *лозəр* (ледник) — оно имеется во всех говорах рассматриваемых групп, но мало известно в каратегинских; *шахч* (земля под паром); *кəрч//кəрич* (корзина для переноски соломы); *лучəк//лəвик* (головешка), *фəсрəк//бувак* (чучело теленка); слова, засвидетельствованные в дарвазских говорах: *кўр* (грядка, засеянная табаком), *патрешəк* (кусок), *ростӣ* (большое деревянное лукошко), *хəмəрч* (горящие угольки), *мўч* (угол мешка). По фонетическому облику этих слов можно предположить, что они восточноиранского происхождения;

в) слова и сочетания таджикского происхождения, не употребляющиеся в литературном таджикском языке или имеющие другое значе-

ние в этих говорах; например, *хокова* (первый полив зерновых), *аловга* (помещение для варки пищи); *тийор шидан//тийор шийан* (кончаться, иссякать); *бандина* (перевясло, пучок травы, которым перевязывают снопы) и др.;

г) небольшая группа слов арабского происхождения, неупотребительных в современном литературном таджикском языке; например, *ваъда//ва̄да* (пора, сезон), *фирча (досуг)*.[96]

Даже беглый обзор диалектной лексики говоров Каратегина и Дарваза указывает на тесную связь этой лексики с восточноиранскими языками и подтверждает предположение исследователей, что в прошлом на территории Каратегина и Дарваза были распространены особые местные языки и диалекты, близкие современным памирским языкам. Таджикский язык, продвигаясь в направлении с запада на восток, постепенно вытеснил эти языки и диалекты. Поэтому-то наибольшее количество восточноиранских элементов не только в лексике, но и в фонетике и морфологии сохранилось в самых восточных таджикских говорах, а именно в дарвазских, включая в них и ванчские.[97] На существование сравнительно еще в недавнем прошлом старованчского языка впервые указал И. И. Зарубин,[98] в дальнейшем дополнительные материалы по этому вопросу были собраны А. З. Розенфельд.[99] У М. С. Андреева имеется свидетельство и о том, что в прошлом был особый стародарвазский язык, который дольше сохранялся в левобережном Дарвазе.[100] Элементы памирских языков, отмеченные в говорах Дарваза и Каратегина, это, по-видимому, не результат влияния памирских языков на эти говоры, а реликты старых языков, следы восточноиранского субстрата в этих говорах, что подтверждает гипотезу Н. А. Кислякова о том, что горные таджики Припамирья, говорящие на особых языках, и таджики Дарваза, Каратегина, Гиссара (возможно и Куляба) имеют общее происхождение.[101]

В наше время говоры Каратегина и Дарваза, как и все таджикские говоры, находятся в процессе утраты диалектных особенностей и подвергаются сильному воздействию литературного таджикского языка. Больше всего этому воздействию подвергается язык молодого поколения, меньше проявляется влияние литературных норм в языке старшего поколения носителей говоров, в особенности женщин.

Утрата диалектных особенностей речи жителями Каратегина и Дарваза, по-видимому, имела место еще и до революции, поскольку довольно значительная часть мужского населения этих стран уходила на заработки в Фергану, Бухару и Самарканд, и хотя каратегинцы и дарвазцы на чужбине обычно не смешивались с окружающим населением и жили землячествами, тем не менее язык равнинных таджиков оказывал какое-то влияние на речь каратегинцев и дарвазцев, главным образом в отношении утраты последними диалектных особенностей.[102]

После Октябрьской революции процесс утраты диалектных особенностей и усвоения норм литературного таджикского языка протекает особенно интенсивно. Широкое развитие школ в Каратегине и Дарвазе, радиофикация кишлаков, распространение газет, книг и журналов, тесные связи населения Каратегина и Дарваза с центрами республики, обучение большого контингента молодежи из этих стран в городах с последующим возвращением на работу в родные кишлаки, резкое повышение общего культурного уровня колхозного крестьянства в связи с ростом благосостояния его—все это обусловливает глубокое воздействие литературного языка на говоры.

Однако процесс утраты диалектных особенностей проявляется неравномерно как по отдельным местностям и кишлакам, так и по различным группам населения, а также не в равной степени охватывает различные стороны говоров. Быстрее всего этот процесс захватывает область лексики. В настоящее время из говоров Каратегина и Дарваза, во всяком случае из обиходной речи, исчезли местные названия мер веса, терминология старого народного календаря, терминология, связанная со старым административным устройством, и др. Взамен этого рассматриваемые говоры обогащаются новыми словами, обозначающими новые понятия, связанные с новым бытом и социалистическим строем, причем, как упоминалось, новые слова подчиняются фонетическим нормам говоров. Что касается фонетики и морфологии, то обычно быстрее утрачиваются наиболее резкие диалектные черты. Например, такая характерная особенность морфологической структуры глагола в дарвазских и вахийнско-дарвазских говорах, как перенос префикса *ме* — в глаголах настояще-будущего времени на конец слова, в настоящее время в речи самих носителей говоров употребляется уже параллельно с формами литературного языка *кәме//мекәнәм//мекунам* (я делаю), причем явно предпочитаются последние. Н. А. Кисляков еще в 30-х годах отмечал это явление в говоре Вахио-Боло.[103] Наиболее устойчивыми в речи являются фонетические диалектные особенности.

СЕЛЕНИЯ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА

Административно-культурные центры. Центром Дарваза, как правобережного, так и левобережного, было большое старое укрепление, расположенное у впадения р. Хумбоу в Пяндж (на правом берегу Пянджа) — Калаи-Хумб, нынешний центр Калаи-Хумбского района.

В. Ф. Ошанин на основании расспросных сведений, собранных им в 1878 г. во время экспедиции в Каратегин, указывает, что в Калаи-Хумбе насчитывалось до 100 дворов. Название Калаи-Хумб происходит от камня, имевшего вид кувшина и находившегося у истоков р. Хумбоу, этот же кувшинообразный камень дал, по-видимому, имя и реке Хумбоу. Камень этот был разбит во время последней войны с бухарскими сеидами.[104]

Описание Калаи-Хумба на рубеже XIX и XX вв. приводится А. А. Семеновым.[105]

В Калаи-Хумбе со времени завоевания Дарваза эмиром стоял бухарский гарнизон, который сменялся каждые два года. По рассказам старожилов, многие из солдат обзаводились семьями, брали в жены местных женщин.

Население Калаи-Хумба частично принадлежало к старинным семейно-родовым группам, частично пополнялось жителями из других кишлаков Дарваза, главным образом правобережного. В Калаи-Хумбе расселение семейно-родовых групп не было строго связано с кварталами, представители одного и того же каума жили и в различных кварталах; названия кварталов или частей Калаи-Хумба не соответствуют названиям каумов. Поскольку Калаи-Хумб являлся административным центром, где жили представители из различных кишлаков, состав населения его был относительно неоднородным и в какой-то своей части непостоянным. Из каумов, исстари населявших Калаи-Хумб, нам называли каум *қашқариё* и каум *усто азим,* родоначальник которого якобы происходил из Куляба, оба каума жили в квартале Сари-Джегуни. Известно, что в услужении бека или мира в его резиденции было до-

вольно большое количество выходцев из Ёгида и, по-видимому, из кишлаков, расположенных ниже Ёгида по Пянджу. Они жили в Калаи-Хумбе с семьями, их группу называли *қауми шекай.* По рассказам, они жили в цитадели *қалъа* и связей с населением Калаи-Хумба не имели.

Калаи-Хумб по своей планировке отличается от других дарвазских селений, в которых кварталы отделены друг от друга значительным пространством садов или пахотных земель. В самом Калаи-Хумбе больших участков земли, используемых под посевы, нет, хотя при жилищах есть небольшие сады, огороды. Пахотные земли калаи-хумбцев были расположены, главным образом, в окрестностях селения Дашти-Лич.

Калаи-Хумб делился на кварталы — *маҳалла,* которые здесь иногда, возможно под влиянием бухарцев, называли *гузар:* Сари-Джегуни,[106] Пуни-Ду, Гули-Гавдак, Сангов и Кули-Устуун. Один информатор дополнил этот перечень, назвав еще квартал Сари-Ду. Квартал Сари-Джегуни, расположенный по обоим берегам Хумбоу, делился на части: Чорбог, Кули-Мазор (там имеется мазар Ходжа-Зухуриддина), прежде заселенную менее, чем сейчас, Лаби-Оби-Хумбоу и Таи-Чанор — так называется наиболее густо заселенная часть квартала Сари-Джегуни, где находилась и общая для всех частей квартальная мечеть. В настоящее время эта часть Калаи-Хумба является центральной, там находятся районные учреждения, магазины. Все перечисленные части квартала Сари-Джегуни, кроме Чорбог, находятся на левом берегу р. Хумбоу.

Квартал Пуни-Ду примыкал непосредственно к резиденции бека, а квартал Сари-Ду, или Гузари-Боло был расположен в северо-восточной части Калаи-Хумба. В непосредственной близости к побережью р. Пяндж находились кварталы Гули-Гавдак, Сангов и Кули-Устуун. По рассказам, в Гули-Гавдак жили *фуқаро*—простой народ, земледельцы; в Сангов жило несколько знатных семей, остальные были бедняками; в Кули-Устуун жили мастера (усто)—пловцы на надутых воздухом бурдюках — *саноч* и плотах, связанных из таких же бурдюков,— *сал.* Искусство это передавалось от отца к сыну (характерно, что женщин также обучали плаванию). По другой версии, Сангов, Гули-Гавдак и Кули-Устуун не были самостоятельными кварталами, а лишь частями квартала Пуни-Ду; в Пуни-Ду была мечеть и при ней медресе, по-видимому, единственное в правобережном Дарвазе.

По переписи 1926 г., в Калаи-Хумбе насчитывалось 232 человека, в 1959 г.— 932.

Центром районов Гармской группы до недавнего времени являлся поселок городского типа Гарм, расположенный на правом берегу Сурхоба. В прошлом Гарм был столицей Каратегина; в юго-восточной части его находилась резиденция правителя — *ша,* впоследствии — резиденция бека—*мир,* помещавшаяся в цитадели.[107] По переписи 1926 г. в Гарме насчитывалось 604 человека, а по переписи 1959 г.— 1898 человек.

В настоящее время Гарм делится на две части — Гарми-Боло (Верхний Гарм) и Гарми-Поён (Нижний Гарм). Нижний Гарм представляет крупное поселение с несколькими распланированными улицами и одноэтажными зданиями европейского типа. Все учреждения, школы, магазины, больница находятся в этой части Гарма, в которой живут как таджики, так и русские и небольшое количество представителей других национальностей — узбеков, татар и др. В прошлом Гарм

делился на четыре квартала, в каждом из которых была мечеть; они назывались: Махаллаи-Мачити-Чукурак, Махаллаи-Мачити-Кашкарьён (в который включался также и квартал ремесленников по обработке железа — Махаллаи-Мехчагарон), Махаллаи-Мачити-Пингон и Махаллаи-Мачити-Калон (в который включался еще и квартал кожевников — Махаллаи-Чармгарон).

Население Гарма считает своих предков выходцами из Вахио, здесь же есть и значительное количество выселенцев из окрестных кишлаков Шуль, Бедак, Казнок и некоторых других. Дореволюционное население Гарма имело в своем составе много чиновных лиц, местной знати, духовенства. В советское время бывший центр Каратегинского бекства стал заселяться жителями ближайших кишлаков.

Позднее центром Гармской группы районов стал поселок городского типа — Навобод, созданный при впадении р. Сорбух в Сурхоб. Одно время Навобод был центром ныне упраздненной Гармской области; там было развернуто большое строительство, распланированы прямые, широкие улицы, все дома были европейского типа. В Навободе имеется педагогическое училище, куда стекается молодежь из всех районов Восточного Таджикистана.

По данным переписи 1959 г., население Навобода составляют 1856 человек.

К районным центрам Гармской группы относятся следующие поселения:

Джиргаталь — центр Джиргатальского района. Он отстроен после революции на правом берегу р. Сурхоб, на расстоянии 1—2 км от одноименного кишлака, несколько выше его. В новом Джиргатале большинство зданий — одноэтажные дома европейского типа, в которых располагаются учреждения и жилые квартиры; улицы прямые, широкие, есть магазины, школа, больница.

Кишлак Джиргаталь является типично смешанным кишлаком и делится на части, или кварталы: Сойгузар (живут киргизы и таджики), Сари-Осиёб (таджики), Тура-Махалла (преобладают киргизы), Махаллаи-Хади-Повун (киргизы и таджики), Пангтову (киргизы и в незначительной степени таджики), Ташлак (начал заселяться недавно таджиками и киргизами). Таджикские и киргизские дома окружены огородами, древесными насаждениями и расположены обычно вперемежку. Мечети в кишлаке одинаково посещались как киргизами, так и таджиками.

По переписи 1959 г., районный центр Джиргаталь (вместе с к. Джиргаталь) населяют 1623 человека.

Таджикабад (центр б. Таджикабадского района)—новое поселение городского типа, расположен на левом берегу р. Сурхоб в непосредственной близости от большого кишлака, старого центра амлока — к. Калаи-Лаби-Об и районной тракторной станции. Дома европейского типа.

По переписи 1959 г. население Таджикабада составляют 510 чел.

Комсомолабад—поселок городского типа, расположенный на правом берегу р. Сурхоб, основан на месте к. Пумбачи, в прошлом центра Пумбачинского амлокдорства. Пумбачи делился на четыре квартала: Чанори-Очилды, Авзалбек, Калаи-Бом и Пумбачи (последний впоследствии был разрушен паводком). Мечетей было три, по числу основных трех семейно-родовых групп, к которым принадлежало население Пумбачи. По рассказам стариков, основными каумами, населявшими Пумбачи, были следующие: *качакӣ*, основоположник кото-

рого был выходцем из к. Лайрон (долина р. Хингоу, группа туркия), *арбоби* из Куляба и *аталиқ*, происходивший из Бухары.

Планировка Комсомолабада мало что сохранила от планировки Пумбачи. Здесь имеются широкие прямые улицы (по одной из них проходит автомобильный тракт Душанбе—Гарм), много домов европейского типа. Население Комсомолабада, как и всякого административного центра, не является однородным; здесь много жителей, пришедших из окрестных дальних и ближних селений. Количество нетаджикского населения — русских, узбеков, татар и др. в Комсомолабаде незначительно.

По переписи 1959 г. население Комсомолабада составляют 1636 человек.

Населенные пункты Дарваза. Правобережный Дарваз, как говорилось в главе о населении, делится на три историко-географических района: Хумдара с центром Калаи-Хумб, Порьёв, или Порьёви-Боло и Кадди-Шикай.

Кишлаки Хумдары (считая по направлению от перевала Работ вниз по ущелью р. Хумбоу до впадения ее в Пяндж):

Работ||Рубот расположен у одноименного перевала, в ущелье Хобу-Работ; начало этого ущелья известно под названием Дахани-Дударги, конец его, к западу от кишлака, носит название Тангии-Мургон. Дахани-Дударги местное население определяет как местность, лежащую на стыке между Вахио, точнее Сагырдаштом, и собственно Дарвазом. Работ, так же как и расположенный напротив него кишлак Хоб, стоит на берегу горной речки Хобу-Работ, впадающей в Оби-Хумбоу. Кишлак Работ делится на пять кварталов: Теги-Работ, Мина-Ду (или Ду), Сафедсанг, Кан, Паси-Работ. Самым старым из них считается Сафедсанг; с этим кварталом связано предание об основании Работа. Некий Амрулло ехал из Куляба на лошади; он увидел издали что-то белое, оказалось, что это белый камень. Здесь он остановился и основал поселение. Потомки Амрулло и сейчас населяют квартал Сафедсанг.

Поскольку кварталы отстояли на значительном расстоянии друг от друга и зимой, когда выпадало много снега, и сообщение между кварталами было весьма затруднено, в Работе было 5 мечетей, по одной в каждом квартале. Кладбищ в кишлаке было два: Гуристуни-Паси-Тег и Гуристуни-Мазор. На первом хоронили покойников из кварталов Мина-Ду и Теги-Работ, на втором — из остальных трех кварталов.

В кишлаке насчитывают тринадцать каумов, десять из них считают своими предками выходцев из Куляба; из них семь каумов—*шайху*, или *ҷангӣ*, *ҷуналигию*, *исмоилью*, *сафову*, *ятимакью*, *исою*, *муллогадою* происходят из местности Шуроб-Дара (верховья р. Кзыл-Су); каум *зарифью* считает своих предков выходцами из Бальджуана, каум *алишою* — происходит из Лангари-Шои-Хомуш (Куляб); каумы *шомаҳмадию* и *қувватӣ* квартала Кан считают, что их родоначальники были выходцами из группы *ёхсучӣ*, расселявшейся в кишлаках верхнего течения р. Ях-Су (Куляб); один каум — *Карим* считает своих предков выходцами из Сагырдашта; каум *қашқарӣ* происходит из Сари-Джуйбора (в окрестностях Бухары).

Хоб — расположен против Работа, делится на кварталы: Сари-Ду, Мина-Ду и Пуни-Ду. До революции Хоб был населен четырьмя каумами; три из них — *шомардӣ*, *ғуломию*, *барахой* (самый большой — 18 семей) происходили из Ях-Су (Куляб), каум *дангу* — из Сари-Хасора (Куляб). До революции Работ и Хоб составляли одно миразорство.

Гишон—расположен на левом берегу р. Хумбоу, самый высокогорный кишлак Хумдары; его земли орошаются горными источниками. Гишон делится на солнечную сторону—*офтобру* и теневую — *нәшра*. Он состоит из четырех кварталов: Ёфку, Водел, Дия (на теневой стороне) и Вихт (на солнечной). Гишон населен двенадцатью каумами: квартал Ёфку — двумя каумами — *маҳма/д/ каримию* и *паноҳию*, члены которых считают себя исконными местными (*тубтӣ*) жителями кишлака; квартал Дия — пятью каумами, четыре из которых — *сафармаҳмад, абдуҷаборӣ, қулмаҳаммадӣ, кучмаҳаммад* — местные, а каум *сиясар* происходит из к. Сабзихарф (группа *туркия*, долина р. Хингоу); квартал Вихт населен двумя каумами: основатель одного из них *бадалию*—выходец из Дашти-Кабак в Вахио, основатель другого каума — *қадам* происходит из Дашти-Джума; квартал Водел населен двумя каумами исконных жителей этого кишлака: *толиб и абдулваҳоб*.

Амшон — расположен на правом берегу Хумбоу, выше к. Хоб. Жители Амшона частью — каум *зиёву*—ведут свое происхождение из местности Шуроб-Дара (Куляб), частью из к. Лангар близ Муминабада (Куляб); несколько семей — каума *карамию* переселились в Амшон с афганской стороны из к. Джавай.

Угр —расположен на правом берегу р. Хумбоу. Делится на кварталы: Пиён—заселенный выходцами из Ёзганда, Кауми-Шехо и Кындеву.

Хост — расположен на левом берегу р. Хумбоу; делится на три квартала: Банга (из *бандгоҳ*—запруда), или Мина-Ду, Сари-Ду и Пуни-Ду. Квартал Банга заселен одним каумом — *шех*, считающим себя потомками выходцев из Ферганы; квартал Сари-Ду заселен также одним каумом — *бадальюн*, который считает себя потомками выходцев из Шурообода (Куляб); квартал Пуни-Ду заселен представителями каума *ҷамилиюн*, считающими своих предков выходцами из местности Хост, расположенной на левом берегу р. Сурхоб в Каратегине. До революции кишлаки Хост, Амшон, Угр и Гишон составляли одно миразорство.

Зев — в прошлом один из крупнейших кишлаков Хумдары, составлявший административную единицу — миразорство, подчинявшееся мирдарихона, жившему в Калаи-Хумбе; расположен на правом берегу р. Хумбоу; делится на четыре квартала: Сари-Ду, Мина-Ду, Мазор, Пуни-Ду. Квартал Сари-Ду заселен семьями каума *маҳмадҳасан*, представители которого считают себя исконными жителями кишлака; квартал Мина-Ду — семьями каума, основателем которого, по преданиям, является Сайидгиё — выходец с Ях-Су (Куляб); квартал Мазор—семьями двух каумов: *кенҷаи искандар*, основатели которого происходят из к. Джавай (левобережный Дарваз), и *каримию*, члены которого считают себя исконными жителями кишлака; квартал Пуни-Ду — представителями каума *басирью*, считающими себя исконными жителями Зева. В кишлаке имеется два кладбища: верхнее — Гардани-Богу и нижнее — Згерджо.

Ширг—расположен по обоим берегам р. Хумбоу несколько севернее Калаи-Хумба; делится на кварталы: Ширги-Пову, Ширги-Боло, Лиджак и Тугак. Каждый из них представлял как бы самостоятельное селение. В настоящее время большая часть жителей Ширга переселилась в центральные районы Таджикистана Большая часть каумов Ширга считала своих основателей выходцами с Ях-Су, предки каума *пахлавц* были родом из Шугнана. Часть семей переселилась из соседних кишлаков. Небольшая часть пахотных земель жителей Ширга на-

ходилась на северном склоне Дарвазского хребта, вблизи кишлаков Сафедорон и Лухч.

Хшарвак — делится на четыре квартала: Пуни-Ду, Боги-Калу, Лулаи-Мирак, Паси-Тег. Население Хшарвака частично считает себя выходцами с Ях-Су, частично — из к. Лангар (близ Муминабада); одна из групп — каум *хочмаҳмад* — происходила из к. Пот (Ванч); несколько групп считают себя аборигенами Хшарвака.

Хек — расположен на значительной высоте на склоне горы по правому берегу Хумбоу, северо-восточнее Калаи-Хумба; делится на четыре квартала: Пуни-Ду, Сари-Хек, Урман-Сабохи, Шавали. Часть населения Хека считает своих предков выходцами из кишлаков в окрестностях Муминабада (Куляб); несколько семей происходит из Каратегина, один каум считает своих предков выходцами из каратегинского к. Сафедов, несколько семей происходит из Гиссара.

Анджирак — расположен на правом берегу р. Хумбоу. По рассказам стариков, прежде Анджирак был расположен значительно выше; в 1914 или 1915 г. на кишлак обрушился страшной силы горный паводок (шедший с горного склона, где расположен к. Хек), который разрушил Анджирак. Спасшиеся жители частью ушли в кишлаки Хек и Хшарвак, частью переселились на другое место, ниже прежнего и заново основали там кишлак.

Анджирак делится на три квартала: Сари-Ду, Мина-Ду и Пуни-Ду. Население принадлежало к четырем каумам. Квартал Сари-Ду населяли каумы *арбобун* и *мулловун*. Каум арбобун в 1961 г. составлял 10 семей (из них в Сари-Ду осталась одна семья, остальные выселились из Дарваза в Куляб, Курган-Тюбе, Орджоникидзеабад). Семьи из каума арбобун до революции были очень бедны, земли имели очень мало и жили главным образом тем, что на ослах возили из к. Рогон (Каратегин, ниже Комсомолабада) соль, которую обменивали в Ванче на фрукты, а фрукты, в свою очередь, возили в Куляб и обменивали их там на пшеницу. Основоположник каума мулловон — Мулло Лутак, родом из Тавиль-Дары, из к. Коям (группа туркия). По преданию, во времена дарвазских шахов в к. Коям было открыто месторождение серы, и сам правитель выехал сюда со своими приближенными. Все жители кишлака вышли работать на добычу серы, не вышел только Мулло Лутак. Ша разгневался и приказал позвать его. Когда Мулло Лутак пришел к ша, последний сидел на камне. Мулло Лутак крикнул ша, чтобы тот сошел с камня, так как камень должен взорваться и ша погибнет. Как только ша поднялся, камень на самом деле взорвался, и под ним оказалось месторождение серы. В благодарность за эту услугу ша пригласил Мулло Лутака в Калаи-Хумб и подарил ему участок земли в Анджираке. Оттуда и пошел род *мулловун*.

Квартал Пуни-Ду населял каум *миршол-қадим*, основоположник которого происходил якобы из Афганистана. Миршол-Кадим во времена ша был известным силачом и копьеметателем. В награду за одержанные победы он получал земли в различных кишлаках: Пастелак, Пастирог (долина р. Хингоу, Сагырдашт), Хост, Хшарвак, Хек и Анджирак. О Миршоле рассказывают, что у него было семь сыновей, и когда враги захватили Калаи-Хумб, то их правитель, думая, что Миршол очень богат, послал за ним своих людей, которые и привели Миршола с сыновьями к правителю; тот же убил их всех. Место захоронения Миршола и его сыновей считается священным и называется Кабри-Шахидо.

Хумбивари — расположен на левом берегу р. Хумбоу, вблизи Калаи-Хумба. Многие жители Хумбивари работают в учреждениях Ка-

лаи-Хумба. Кишлак делится на три квартала: Пуни-Ду, заселенный в настоящее время 11 семьями, Зери-Куча — 10 семьями и Буни-Питов— 9 семьями. Сведений о каумах нет.

Кишлаки Порьёви-Боло (сверху вниз по течению реки Пяндж). Большая часть их расположена вдоль Памирского тракта.

Пшихарв—самый восточный кишлак Дарваза. Он расположен на значительной высоте, в некотором отдалении от побережья Пянджа и растянулся вдоль ущелья на протяжении более 7 км. Пшихарв делится на части или кварталы, которые снизу вверх носят следующие названия: Пуни-Ду, Мачити-Боги (или Махаллаи-Боги), Дурааги, Мачити-Сузгунч, Бушир, Сарчашма, Пурхуф (или Пуркуф), Куи-Кандж, Шаламчи. (По записям М. Р. Рахимова, в Пшихарве есть еще кварталы: Пуни-Дуи-Пастин, Лави-Джар, Зорун и Бешнов).

Кварталы отстоят на значительном расстоянии друг от друга, поэтому в кишлаке при сравнительно небольшой населенности (в прежнее время там насчитывалось около 60 хозяйств) было пять мечетей. Население Пшихарва было тесно связано с Ванчем и Вахиои-Боло. Большая часть считает своими предками выходцев из к. Хазрати-Бурх, несколько семей переселилось в Пшихарв из левобережного кишлака Мыльви-Барфак.

Пошхарв—расположен на побережье Пянджа, делится на кварталы: Сари-Джар, Куча, Хавли, Хабос, Халбика, Пуни-Ду и Гыргишун. Население Пошхарва считает своих предков выходцами из Вахио.

Курговад — расположен на побережье р. Пяндж западнее Пошхарва, делится на три квартала: Пуни-Ду, Морав, Спод. По рассказам, расселение по кварталам носило социальный характер. Так, квартал Пуни-Ду, который делился, в свою очередь, на части: Пуни-Ду, Тагджар, Хармана, Быдлинг и Гсга, был заселен тремя родственными группами: *абдулаҳад*, или *ватанӣ, муфтӣ* и *эшоно,* из которого выделились каумы *эшони муллоқосим, эшони муллохол* и *эшони муллозурудбин.* Представители этих каумов относились к духовенству — *эшоно, муфтӣ* и служилым людям — *мирмардум.* По преданию, основатель каума *эшоно* происходил из Вахиои-Боло, откуда он переселился в к. Водхуд (Ванч), а из Водхуда в Курговад. Квартал Спод, который делился на части Спод и Удуга, был заселен ремесленниками: кузнецами — *оҳангар,* мастерами по дереву — *чубтарош,* ткачами — *карбосбоф,* строителями—*хонаросткун.* Квартал Морав, делившийся на три части: Морав, Паст, Шуд, был заселен простым людом — *фақиро.* В квартале Морав расселялись также семьи, принадлежавшие к кауму *довуди усто,* или *усто довуд.* О родоначальнике этого каума кузнеце Довуде сохранилось предание, что за какую-то вину он якобы был схвачен афганцами в Шугнане, завязан в кожаный мех и брошен в Пяндж, а в Курговаде его прибило к берегу. Жители Курговада спасли его и дали ему землю для постройки дома в квартале Морав. Профессия кузнеца в Курговаде, впрочем как и во всем Дарвазе, весьма почитается. В кишлаке имеется мазар Хазрати-Довуд, очень почитавшийся населением (Хазрати Довуд считается патроном кузнецов).

Каумы *ватанӣ* и *муфтӣ* считаются местными, большая же часть населения происходит из Вахиои-Боло, причем есть сравнительно недавние переселенцы из Сангвора, пришедшие сюда еще на памяти современного старшего поколения. Несколько семей происходят из Шугнана и Рушана, но в настоящее время они совершенно утратили свой язык. Несколько каумов переселились из левобережных кишлаков Мой-

май и Гуч; часть населения считает своими предками выходцев из Самарканда; сохранилось предание, что они являлись потомками воинов Тимура.

Население Курговада в прошлом тесно было связано хозяйственными и родственными узами с населением левобережных кишлаков, отдавало туда своих дочерей замуж, а также брало жен из этих кишлаков. Некоторые из жителей Курговада имели пахотные земли на левом берегу Пянджа. Так, рассказывают, что в 1910—1912 гг. один из жителей Курговада по имени Каноат купил там в обмен на четырех быков земельный участок, называемый «Замини-Жавай».

На правом берегу Пянджа, между Курговадом и Вишхарвом находится несколько кишлаков, в настоящее время мало населенных— Годж, Тогмай, Шодаги-Боло и Шодаги-Поён. Сведений о делении их на кварталы и составе населения нет.

Вихшарв — расположен ниже перечисленных кишлаков; он делится на две части. Дии-Боло, или Дии-Тор, и Дии-Та. Дии-Боло расположена на горной террасе и состоит из кварталов (сверху вниз): Варсун, Таи-Сада, Таи-Хавд и Сыфрик. Самая верхняя часть Дии-Тор называется Сари-Ку и в число кварталов не входит. Сари-Ку в прошлом заселяли две семейнородовые группы: *содиқ*, родоначальник которой якобы происходил из Жавая (левобережный Дарваз) и появился в этих местах во время войны дарвазского ша с бухарцами (в 70-х годах XIX в.); происхождение второй группы — *туркшшо*, или *саидун*, принадлежавшей к сословию сеидов, неизвестно. Квартал Варсун был заселен семьями, принадлежащими к кауму *ошй*, основатель которого происходил якобы из Гиссара и был нукаром дарвазского ша. В настоящее время в Варсуне осталась одна семья этого каума, остальные выселились в Курган-Тюбе. Квартал Таи-Сада был населен семьями каума *сандалмирзовун*. Родоначальник этого каума, Сандалмирзо переселился в Вишхарв из к. Годж. Сандалмирзо был отважным воином *(паҳлавон)* и участвовал в войнах между рушанскими и шугнанскими правителями и дарвазским ша на стороне последнего. В Таи-Сада проживает одна семья каума *гузача,* происходящего якобы из к. Жавай (афганский Дарваз), другая семья этого каума жила в квартале Сыфрик. Существует предание, что основатель этого каума бежал из Афганистана, поэтому его называли еще *фадорй* (искаженное *фирорй*— беглец).

Дии-Та делится на кварталы: Харгин (в настоящее время там населения нет); Кучаи-Хамадун и Селоба. Квартал Хамадун населен людьми, пришедшими из Афганистана, Калаи-Хумба, Ванча. В этом квартале расселялись семьи каума *устотакол* (в местном произношении *эстотакол)*, основатель которого происходил из к. Жавай (афганский Дарваз). Он был хорошим пловцом, с чем связано предание. Эстотакол ежедневно водил свою кобылицу на водопой к Пянджу; однажды из реки выскочил золотой жеребец *(аспи обй* — водяной конь) который оплодотворил кобылицу и скрылся в водах реки; кобылица принесла золотого жеребенка. Как-то Эстотакол повел к реке кобылицу вместе с жеребенком, из реки снова появился золотой конь, схватил жеребенка и скрылся с ним в воде. Огорченный Эстотакол прыгнул вслед за ним, долго плыл под водой в поисках коня, наконец встретил какого-то старца, обтесывавшего какие-то бруски, и рассказал ему, что с ним произошло. Старец сказал, что сын всегда принадлежит отцу и Эстотакол должен покориться дедовскому закону; он дал ему несколь

ко стружек от обтесанных брусков и направил Эстотакола домой. Когда Эстотакол приплыл к берегу, то почувствовал в кармане своей одежды какую-то тяжесть — стружки превратились в золото. Кинулся Эстотакол снова в реку, сколько ни плыл под водой, не увидел он больше ни старца, ни золота.

. Квартал Село заселен каумом *чупак*. Родоначальник этого каума, насчитывающего семь поколений, происходил якобы из Дахбеда (Самарканд). По преданию, внук Чупака Арбоб Каманд, выловил в Пяндже мех (*саноч*), в котором находилась женщина родом с Памира. Так как муж этой женщины в течение трех месяцев не пришел за ней и по шариату она могла стать женой другого, Арбоб Каманд взял ее в жены; женщина эта вскоре родила сына. Спустя некоторое время ее разыскал муж, отец только что родившегося младенца. Однако, поскольку у пришельца было уже семь сыновей, он оставил мальчика Арбоб Каманду, тот назвал его Арбоб Нурмухаммадом и воспитал его. Таким образом считают, что несколько семей рода чупак происходят от памирцев.

Висхарв или Висхарви-Боло — расположен значительно выше Вишхарва, в долине р. Висхарви. Под названием Висхарв объединяется группа кишлаков: Висхарви-Боло, Гуга, Бровг, Хурк, Убагын, которые прежде якобы были кварталами одного кишлака Висхарв; в каждом из этих кварталов была своя мечеть, необходимость постройки которой вызывалась дальностью расстояния между кварталами. В настоящее время Висхарви-Боло делится на кварталы: Дирвад, Скотгад, Жигад, Пуни-Ду, Сари-Ду, Кырдиф, Санджари, Гаждун; Гуга делится на кварталы: Гугаи-Пову, Даргаза. Одна часть населения этих кишлаков считает себя потомками выходцев из Вахиои-Боло, другие—выходцев из Ванча.

Джорф—расположен вдоль побережья р. Пяндж на 2 км ниже Вишхарва, с населением которого он связан хозяйственными и родственными узами; он пересекается двумя впадающими в Пяндж небольшими безымянными горными речками — *даргов*. Дома располагаются по берегам этих речек довольно компактными группами — кварталами. Вдоль берега Пянджа с запада на восток расположены кварталы Выгай, Пуни-Куча, Осиёбджу, Сел, Харгад; по правому берегу западной речки группируются кварталы Хавли (н), состоящий из двух частей—Хавлии-Та и Хавлии-Тор, Джои-Эшоно, Кобаст (в последнем в настоящее время нет жителей); на левом берегу расположены кварталы Новошт и Боги-Пышун; последний делится на части: Боги-Пышун, Сарои-Накшин, Буни-Ку; по восточной речке группируются кварталы: по правому берегу—Мошт (или Мошик), Ангуф, Сыро, Хундод; по левому — Пажгир и Дудара. Наиболее старыми кварталами считают верхние кварталы: Кобаст, Джои-Эшоно, Хавли(н), расположенные в непосредственной близости друг от друга; говорят, что кварталы Пажгир и Дудара были заселены позднее других. Интересно отметить, что названия некоторых кварталов связываются с борьбой против бухарцев. Название Хундод якобы было присвоено кварталу потому, что там произошла кровопролитная схватка местных жителей с бухарским отрядом.

Современное население насчитывает свыше пятидесяти каумов, расселявшихся в кварталах Джорфа; многие из них состоят из сравнительно небольшого количества семей, родственных между собой. По преданиям, первые семьи, заселившие Джорф, происходили из Водхуда (Ванч).

Расселение семейно-родовых групп в настоящее время не связано с кварталами; семьи одного и того же каума населяют различные кварталы. К каумам, происхождение которых известно современному населению, относят: каум *маҳмадаюб,* члены которого считают, что по отцовской линии они происходят из к. Водхуд (Ванч), а по материнской — из к. Найгуфт (долина р. Хингоу группа вахиочи); каум *мирон,* основатель которого будто бы был выходцем из Вабкента (бухарского?), каум *ғариби талбак*—из Арзинга (Вахиои-Боло—группа вахиочи). Основатели нескольких каумов, по преданиям, происходят из кишлаков левобережного Дарваза: каум *маҳмадраҳим*—из к. Ризваяк, каум *алишербег*—из Джоштаки-Моймай. Связи населения Джорфа с левым берегом реки в прошлом были очень тесны. По рассказам, многие из каумов Джорфа в старину имели на противоположном берегу пахотные земли и участки, засаженные тутовыми деревьями.

Население западной группы кварталов — Выгай, Пуни-Куча, Хавлин, Джои-Эшоно, Новошт, Кобаст, Боги-Пышун, Сел — весной выкочевывало на летовку Тач, а с половины лета поднималось на летовку Хумбог. Население восточных кварталов весной уходило на летовку Багар, а летом — в Пшиф.

Кеврон — тянется вдоль берега Пянджа на несколько километров. Вследствие такой разбросанности кишлака жилища отстоят друг от друга на значительном расстоянии, однако, как правило, они расположены группами. Кишлак делится глубокой лощиной Девдара на две части: Убардара — верхняя по течению реки и Ибардара — нижняя. Каждая из этих частей состоит в большей степени из земельных угодий, используемых под посевы, весенние пастбища, хирманы, фермы, загоны для скота и населенных участков — кварталов и их частей. Все эти участки и угодья имеют названия. По числу мечетей Кеврон делился на четыре основных квартала: Дашт, Эрмаи-Шовун (по преданию, там была расположена резиденция шахов), Хади-Баён и Буни-Овринг. Первые два находились в Убардара, вторые два — в Ибардара. Названия частей кварталов Убардара следующие: Ёгук, Чашмаи-Гармак, Пуни-Ду, Карчабегиён, Сари-Ду. Названия частей кварталов Ибардара: Сари-Зангыт, Такпала, Хекун (выходцы из Хека), Убардаргов, Сарои-Бог, Сари-Сел. Наиболее старой заселенной частью Кеврона считается квартал Дашт.

Значительная часть современного населения Кеврона переселилась в Кеврон из окрестных кишлаков: Висхарв, Джорф, Калаи-Хумб; имеются одна или две семьи из Банча, одна семья из Зинга, есть также семьи родом из левобережных кишлаков. В кишлаке существуют отдельные кладбища для исконных жителей Кеврона, расположенные соответственно кварталам, как и в других кишлаках Дарваза. Исконных жителей Кеврона сейчас осталось мало.

Севернее Кеврона, в горах, имеется пещера или группа пещер, которые народ называет «Ганджури-Мурунди» (Сокровищница Мурунди). По преданию, там хранятся несметные сокровища: драгоценное оружие, одежда, золотые украшения и др., овладеть которыми может лишь человек с чистой совестью и не жадный, который удовлетворится только тремя предметами; всякий, кто протянет руку в четвертый раз, погибнет, превратившись в камень.

Кишлаки, прилегающие к Калаи-Хумбу — Ризвай, Дашти-Лич, Умарак, Зинг.

Ризвай—расположен на горных террасах близ Калаи-Хумба. Кишлак состоит из кварталов Пуни-Ду, Эбаргон, Кургонон, Сари-Ду. В

каждом была своя мечеть. Все общественные учреждения — клуб, магазин, правление колхоза — расположены в Пуни-Ду. Школа построена в центральной части кишлака между кварталами Сари-Ду и Эбаргон. В квартале Пуни-Ду выделяются две части его: Зынгрог — прежде самостоятельное селение, ныне слившееся с Ризваем, и Лугьён. В квартале Сари-Ду выделяется часть его, называемая Чорбог. На малых семейных празднествах жители Сари-Ду и Чорбог бывали вместе, на большие туи сходились жители всех кварталов и селения Дашти-Лич, расположенного выше Ризвая. Кишлак Дашти-Лич в старину считался частью Ризвая и лишь незадолго до революции стал самостоятельным селением (в списке населенных мест Дарваза и Каратегина, опубликованном Арандаренко в 1882 г., он не значится).

Население Ризвая делится на каумы: *саидию, исматуллобегию, имомназарию;* в квартале Сари-Ду расселен каум *тошкандию* (его основатель якобы пришел из Ташкента; существует рассказ, что он был *шиа*—шиит, и что девушек из этого каума не выдавали замуж в другие каумы кишлака или на сторону).

Выше селения в восточном направлении на старой тропе, называемой Шахраха (Царская тропа) и ведущей к Кеврону, имеются развалины старинного укрепления и замка Калаи-Кухна (Старая крепость), с которыми связывают предания об обращении в мусульманство жителей Дарваза. Калаи-Кухна представляет собой остатки целого комплекса строений, обнесенных стеной с площадками для спортивных игр— конного поло *(чегуни)*, козлодрания; на площадки поднимались по высоким до одного метра ступеням, следы которых сохранились до настоящего времени. К западу от строений были посевные земли, сады и виноградники. Крепость была расположена на труднодоступной вершине горы.

Мадраса—расположен на растоянии 1—2 км на восток от Калаи-Хумба. Кишлак был разрушен горным паводком, часть жителей переселилась в Калаи-Хумб, часть ушла на левый берег р. Пяндж в первые годы после революции. Население Мадраса было тесно связано с Калаи-Хумбом и участвовало в празднествах и поминальных трапезах, устраиваемых жителями квартала Пуни-Ду. По рассказам жителей, население кишлака пришло из разных мест: из Сагырдашта, Ванча, Вахио.

Кишлаки Зинг и Умарак, по рассказам жителей, лет 200 или 300 тому назад составляли один кишлак, который назывался Шахри-Вомар (город Вомар). По преданию, один из первых поселенцев или основателей Вомара был некий Аёджумдор. Он якобы провел из источника канал—Хамби-Хоклу, водой которого орошались посевы кишлака[102]. Канал этот существует и поныне; в маловодные годы жители расчищают этот канал и отводят воду его на поля.

Жители считают, что Зинг—более многолюдный и значительный кишлак, чем Умарак. Они говорят: *бәйори калун — Зәнг, бәйори хурд— Умарак*, т. е. Зинг — старший брат, а Умарак — младший. До революции и в Зинге и в Умараке был миразор. Кроме миразора, в каждом кишлаке был еще староста — *арбоб* и десятник — *мири дах*. В Зинге, как утверждают его жители, было более 120 хозяйств, а в Умараке — 116. Зинг состоит из кварталов: Сари-Ду, Пуни-Ду, Канораи-Ду. Мирхайбу, Буни-Кухи-Кози, Оби-Сели, Ходжабегиён. Мечетей в Зинге было пять. Население относится к различным каумам; есть выходцы из долины Ях-Су, из бассейна р. Хингоу (к. Пастирог, Сагырдашт), а также из кишлаков, расположенных на левом берегу Пянджа.

Кишлак Умарак делится на следующие кварталы: Кауми-Мири-Шавун, Кауми-Дуст; Махаллаи-Эшон, Сари-Ду, Хасвалиён, Ваширьён, Лоикьён, Пешрифо.

В Умараке сохранилось расселение кварталами по родственному принципу; некоторые кварталы носят имя основателя каума, заселяющего данный квартал (например, *Маҳаллаи қауни дуст*). Кишлак расположен на террасах горного склона, верхняя часть снабжается водой из каналов, основной канал носит название Джуйбори-Мина-Ду, он выведен из ущелья Хирсдара. Самый верхний канал орошал земли кишлаков Умарака и Хека. Рассказывают, что до того, как были организованы колхозы, между жителями Умарака и Хека случались ссоры из-за воды. Посевные участки нижней части Умарака орошались из канала, отведенного из источника близ мазара Савзпуши-Али, который находится между Умараком и Зингом. Жители домов, расположенных у самой реки, пользуются водой из Пянджа.

Дома в Умараке расположены группами, окружены садами, огородами. Группы домов стоят на значительном расстоянии друг от друга. Годные для посевов участки, расположенные между домами, обрабатываются. Население Умарака принадлежит к 12 каумам. Основных каумов насчитывают, по одним сведениям, 8, по другим—10. Верхнюю часть кишлака заселяет каум *баширион*, к которому сейчас относится 9 семей; основателя этого каума считают выходцем из Сари-Джуйбора — предместья Бухары. В квартале Сари-Ду живут два каума: *мулловун,* или *абдураҳимбек*, основатель которого якобы был выходцем из Бухары; и *хасфалиюн,* основатель которого был выходцем из Вахио, по другой версии — из Каратегина (к. Сари-Бичуни-Самсолик). Центральную часть кишлака заселяют представители каума *эшоно,* их считают исконными жителями, основателями кишлака; ответвлениями этого каума являются группы *пушрифо, палавширьюн* и *иброимун*, населяющие тот же квартал; в настоящее время к этим каумам относится около 50 домохозяйств. Сохранилось предание, будто бы основатель каума эшоно пришел из Бальджуана и был родом из группы *даштакӣ,* расселенной в кишлаках, расположенных между Бальджуаном и Кангуртом. Южная часть кишлака заселена членами каума *дуст,* насчитывающего в настоящее время 16 семей; по имени этого каума называется и квартал, заселенный им. Этот каум также считается очень старым, представители его якобы поселились в Умараке вторыми после родоначальников каума эшоно. Северную часть кишлака заселяет каум *сияқырымбо,* или *даштакӣ.* Название *сияқырымбо* — черные камни — они получили от того, что место, на котором они обосновались, было покрыто обломками скал и камнями. Основатель этого каума также пришел из Бальджуана и принадлежал к группе даштаки. К ней же принадлежал и основатель третьего каума — *кылу.*

В квартале Кауми-Дуст расселено несколько семей каума *маҒзумон,* переселившихся в Умарак из Вахио; принадлежат они якобы к группе нижгола, с левого берега р. Хингоу. Нижняя часть кишлака, примыкающая непосредственно к реке, заселена каумом *шопирьюн,* происходящим из Вахио, и *миршавун*, переселившимся из долины р. Ях-Су.

Кишлаки Кади-Шикай. По одним сведениям, все кишлаки ниже Зинга входят в Кади-Шикай, по другим — только кишлаки ниже Ширговада; поэтому промежуточную группу Седиха (три селения) мы выделяем особо.

Седиха—состоит из трех кишлаков: Сангевни-Дароз, Дуробак и Паткиноу, в прошлом составлявших одно миразорство. Расположены они на близком расстоянии друг от друга по берегу Пянджа.

Сангевни-Дароз тянется вдоль берега р. Пяндж, примерно, на 2—3 км; он состоит из кварталов Пуни-Ду, Мина-Ду, Сари-Ду и Миру. Свое название (букв. «длинное каменное место») кишлак получил потому, что расположен в каменистой местности. Население терпеливо очищает небольшие земельные участки от камней, которые складывают вдоль дорог и вокруг полей.

Дуробак состоит из кварталов Дашт (или Дашти-Дуробак, или Ліавован-Пандж), Шохзор, Махаллаи-Бахром, Боги-Паст, Кува. (Информатор Мир Тошев, 75 лет, запись 1955 г., уроженец к. Умарак сообщил три названия кварталов Дуробака: Шо Азиз, Руи-Ку и Дашти-Дуробак). Большинство родовых групп, населяющих Дуробак, по рассказам, переселилось из Хумдары, из кишлаков Зев, Гишон, Амшон. Таковы каумы *баҳром, шохзор, мирсавз, сафрӣ.* О кауме *устоазиз*, проживающем в квартале Дашт, сохранился рассказ, что основатель его был родом из Сари-Джуйбора (Бухара). Усто Азиз был мастером—строителем *(гилкор),* участвовал в постройке мазара Хазрати-Бурх в Вахиои-Боло и оттуда уже переселился в Дуробак. В прежнее время Дуробак был более густо населен.

Паткиноу — делится на кварталы: Сари-Пул, Джангал, Торджуй, Каш, Сари-Бог. В Паткиноу большая часть населения считает своих предков выходцами из кишлаков долины р. Оби-Ниоу — Хазрати-Имом и Кунгара, несколько семей — выходцы из соседнего Ширговада и из Вахиои-Боло. Население Паткиноу принадлежит к следующим каумам: *ғоибӣ* (из Ширговада), заселяют квартал Торджуй, *қодирӣ* (из Хазрати-Эмом), заселяют квартал Каш, *қауми нодир* (из Кунгара) и *қауми саидбарзун* (из афганского Куфа) заселяют квартал Сари-Джар. *қауми абдурасул* (происхождение неизвестно) — квартал Сари-Пул.

Ширговад—делится на кварталы Сари-Ду и Пуни-Ду. Сари-Ду делится на части Ибар, ближе к кишлаку Паткиноу, и Убар, ближе к кишлаку Ёгид. Пуни-Ду делится на части Лангаро, Пуни-Ду, Сангов. Население Ширговада тесно связано родственными узами с населением Ёгида, расположенного ниже по течению Пянджа. Большинство жителей Ширговада считает своими предками выходцев с Памира. Население делится на каумы. Рассказывают, что основатель каума *маҳмадшоҳо*, населяющего квартал Сари-Ду в Ибар был выходцем из Вахиои-Боло, откуда он ушел на Памир, а с Памира уже переселился в Ширговад, где женился на женщине родом из соседнего кишлака Паткиноу. Ширговад, по рассказам, первоначально был заселен суннитами, однако в дальнейшем сунниты были вытеснены последователями исмаилизма. Первые исмаилиты будто бы пришли в кишлак с Памира. В Ширговаде есть женщины из суннитских селений Дуробак, Паткиноу. В Лангаро в прошлом была мечеть; в этой части квартала Пуни-Ду жили наиболее почитаемые представители духовенства. Основателем одного из каумов лангаро был Мулло Ибрагим, который сдавал в аренду свои земли малоземельным крестьянам. Несмотря на тесные связи с Ёгидом, язык жителей Ширговада отличается от языка ёгидцев, примыкая по своим особенностям к селениям, лежащим выше,— Паткиноу, Дуробак, Сангевни-Дароз.

Ёгид, так же как и соседний с ним Ширговад, а также к. Равноу (см. ниже) резко отграничивались от всех окружающих кишлаков тем, что население их причисляло себя к шиитскому толку. Население Ширговада и частично Равноу в основной своей массе — выселенцы из Ёги-

да. Селение Ёгид по планировке, по внутреннему убранству жилищ, по способу водоснабжения значительно отличается от окружающих селений. Примерно до 30-х годов Ёгид был густо населен. По переписи 1926 г., в нем было 176 хозяйств, но в дальнейшем произошло переселение значительной части его жителей в равнинные хлопкосеющие районы. Первоначально много семей из Ёгида переселилось в Лангар (Муминабад), а затем в район Курган-Тюбе, где ёгидцы живут компактными группами и работают в хлопковых колхозах и на хлопкоочистительных заводах.

Ёгид—делится на четыре основных квартала: Сари-Ду, Мина-Ду, Буни-Джар и Пуни-Ду. Квартал Сари-Ду делится на Писыр и Кухи-Чорчамано; квартал Мина-Ду—на Сари-Пул, Буни-Боги-Сыро, Норои-Шири; квартал Буни-Джар — на Джегуниё, Реги-Калон, Бояр, Таи-Чанор. Самой старой частью кишлака считается квартал Сари-Ду, в то время как Пуни-Ду заселен, по-видимому, позже.

На памяти представителей старшего поколения в Ёгиде проживало около 20 каумов. Наиболее многочисленный каум *савзи ҳали* (Савзали) насчитывал около 60 семей. По преданию, его основатель, Мир Савзали, переселился в Ёгид из Хорасана (по другой версии,— из долины р. Ях-Су). Другим весьма почитаемым и старинным каумом является также многочисленный каум *мирдарвеш,* насчитывающий свыше 20 семей. За необыкновенную физическую силу предков этого рода— братьев Халифундж и Халифунджу — кауму присвоено прозвище *гов* (бык). По одной версии, братья происходили из Хорасана *(Хуросуни Эрон)*, по другой — из долины Ях-Су. Об основателях этого каума сохранился следующий рассказ.[109] В те времена в Ёгиде правителем был Узбеки Ланг (Хромой узбек), происходивший из Ташкента. Для него в местности Чорчамано, откуда открывался прекрасный вид на реку и горы, была построена летняя резиденция (в настоящее время в Чорчамано жилищ нет). Узбеки Ланг отличался своей жестокостью, ежедневно жители Ёгида должны были давать ему одну девушку, быка или баранов и сорок порций лепешек—*чил ҳəрəм нун* (порция *ҳəрəм* состояла из четырех лепешек). В летнее время каждый вечер жители Ёгида должны были по очереди переносить Узбеки Ланга на плечах через речку, протекающую через кишлак и впадающую в Пяндж, на противоположный берег, где Узбеки Ланг спал, спасаясь от москитов. Однажды Халифундж переносил на спине правителя через реку и посреди реки попросил его разжать руки, которыми тот крепко обхватил шею своего носильщика. Когда тот разжал руки, Халифундж сбросил его в реку и скрылся. По одной версии, оба брата бежали в Куляб, где были схвачены и посажены в тюрьму, по другой — один из братьев убежал в горы, где продолжительное время скрывался, а затем, услышав, что члены его семьи подвергаются гонениям, сам явился в Ёгид, и будто бы народ, уважая его честность, сумел отстоять его. Впоследствии он вынужден был переселиться в Равноу, где долгое время жил один, затем туда же переселилась его семья и другие семьи из его каума.

Живущий в квартале Сари-Ду многочисленный каум *устуун*—мастеров, главным образом кузнецов, происходит из к. Хазрати-Имом (долина Оби-Ниоу). В квартале Мина-Ду также проживает каум *устуун,* но, в отличие от *устууни Сари-Ду,* их иногда называют *устууни поун* (нижние мастера). Этот каум происходит, по одной версии, из к. Сиярфарк (верховья р. Ях-Су), по другой — из к. Саркорон (близ Муминабада), где тоже будто были шиты.

Из каумов, ведущих свое происхождение из Хорасана, называют также каум *миро(н)* и *зиқлоби.* Несколько каумов считают своих пред-

ков выходцами из левобережного афганского Дарваза, из кишлаков Жавай, Вижума, Мунай, Порхави Жавай. В Мина-Ду называют каум *миланғарӣ*, основатель которого происходит будто бы из Кабадиана. Основная масса населения считает своими предками выходцев из Хорасана и из кишлаков, прилежащих к Ховалингу и Муминабаду. Характерным является тот факт, что в Ёгиде не приходилось слышать о семьях местного происхождения.

У представителей старшего поколения сохранились легенды, связанные с Носиром Хисравом, который якобы посетил Ёгид и наставил на путь истинной веры его жителей.

Принадлежность жителей Ёгида к секте исмоилья приводила их к замкнутости. Этим объясняется то обстоятельство, что среди населения Ёгида нет или почти нет семей, происходящих из окрестных кишлаков. В Ёгид переселялись из тех мест, где были секты шиитского толка. Хотя теперь религиозная ограниченность, особенно в связи с массовыми переселениями и выездами населения за пределы Ёгида в центральные районы республики, и стирается, все же нами в Ёгиде были засвидетельствованы всего три семьи, молодежь из которых брала в жены девушек из селений суннитского толка (из Зыгара, Хумбивари[110] и Бальджуана).[111] В прежние времена тоже случалось, что в жены брали суннииток, но при этом совершенно обязательным для взятых женщин являлся полный отказ от своих прежних религиозных убеждений. Как утверждают, переход к новой вере совершался не насильственно, а путем убеждения и постепенного «перевоспитания». Сейчас, по-видимому, этому не придают такого большого значения; по нашим наблюдениям, женщины, взятые из других селений, продолжают относиться с предубеждением к религиозным взглядам семей своих мужей, однако внешне они этого как будто не высказывают.

Шкев—расположен на 1 км ниже Ёгида по течению р. Пяндж, резко отграничивается от него тем, что его население принадлежит к суннитскому толку. Население Шкева объединено в один колхоз с Ёгидом.

Шкев делится на три квартала: Пуни-Ду, Мина-Ду и Лангар. Квартал Пуни-Ду, расположенный у берега р. Пяндж, заселяют три каума: *абдувоҳид* местного происхождения, *олимбег* (по другой версии, *назирбег*), якобы из Ховалинга, и *рахматуллобек* из Афганистана. В квартале Мина-Ду были расселены следующие каумы: *ташрифихудо*—местного происхождения, *сайидо*, или *эшоно*—из Куляба (Дангараи-Худжои-Кулоб), *ниёзбегью*—с Ях-Су. В квартале Лангар проживают и в настоящее время представители трех каумов: *мастуллой* из Гиссара (Ёбони Хисор), *ботирью* — по одной версии местного происхождения, по другой — из Ях-Су, и *шоибегию*—местного происхождения.

Равноу — кишлак, расположенный на склоне гор в 37 км от Ёгида, интересен тем, что в нем жили как сунниты, так и исмаилиты. Равноу—один из самых высокогорных кишлаков правобережного Дарваза, он считается *сарҳад*, в нем нет садов, нет плодовых деревьев. Население к. Равноу в 1956 г. переселилось в к. Калаи-Хусайн (Вахио). По рассказам, к. Равноу много раз покидался населением. Люди. приходили и уходили в результате голода, суровых условий труда. В кишлаке было два квартала — Махаллаи-Боло и Махаллаи-Повун. Жители Махаллаи-Боло были суннитами, в то время как Махаллаи-Повун заселен главным образом выходцами из Ёгида, т. е. шиитами. Часть семей, населяющих Махаллаи-Повун, выселилась в Равноу из Хумдары (к. Хек) и стала последователями исмаилизма.

Различия между кварталами Равноу были не только в религии, жители их имели различия и в языке. Жители Махаллаи-Повун говорили на наречии Ёгида. Обычно в виде примера само население приводит различие в терминах родства:

	Махаллаи-Повун	Махаллаи-Боло
отец	боба	бәба
мать	ума	оча

Следует отметить, что семьи, переселившиеся в Равноу из Ёгида, имеют в последнем дома, в которых обычно оставался жить кто-нибудь из родственников. Ёгидцы, как правило, из Равноу возвращались к себе на родину.

В Равноу до последнего времени велись работы по добыче соли и золота. Рассказывают, что когда прерывались связи Дарваза с остальной страной, как, например, было во времена басмачества, и в Калаи-Хумб прекращался подвоз соли, то Равноу обеспечивал солью не только Кади-Шикай, но и Хумдару, Порьёви-Боло и Ванч. Переселение из Ёгида в Равноу, несмотря на суровые природные условия в последнем, происходило по различным причинам; либо из-за перенаселенности Ёгида и связанного с этим недостатка пахотной земли, либо из-за конфликтов, возникающих у отдельных жителей с правителями и, наконец, из-за желания получить дополнительный зработок на добыче соли.

Ушхарв[112]—расположен несколько выше Пуни-Шора на склоне горы и делится на кварталы: Сари-Ду, Мина-Ду, Пуни-Ду, Ваглангу, Бубакша, Сухто. Население Ушхарва, как и других кишлаков Шикая, селилось каумами. Большинство представителей этих каумов считают себя аборигенами, однако есть семьи, которые переселились в Ушхарв из других мест. Так, основатель каума *набй,* по рассказам, переселился в Ушхарв лет 100—150 тому назад из Ховалинга (верховья Ях-Су). В настоящее время в Ушхарве живут внуки Наби. Наби вначале не имел собственной земли в Ушхарве, он брал землю в аренду и засевал своими семенами. В дальнейшем он выкупил землю в обмен на карбос, женился на дочери Сардорбека из каума того же имени, считающегося местным, и к своей земле присоединил землю, которую получил за женой в приданое. Каум *набй,* по другой версии, носит название *базгй,* будто потому, что предки этого каума были известны как музыканты и танцоры (*базги<базмги; базм*—пир, игрище). Квартал, заселенный потомками Наби, выделился из Мина-Ду как самостоятельная единица—Махаллаи-Базги. Вначале в Ушхарве была одна мечеть в Мина-Ду, но затем была построена еще одна в Базги.

Пуни-Шор. По рассказам, в давние времена этот кишлак и соседний к. Сангевн (см. ниже), расположенные по р. Пяндж, составляли один кишлак. Пуни-Шор считался частью Сангевна. Пуни-Шор, по местной этимологии—Поёни-Шахр (под городом), поскольку он находится ниже Сангевна и отделен от него речкой Оби-Мангов; по другому объяснению *пуни//поёни...*— внизу, под и *шор* — поток, от *шоридан*—течь, букв. под потоком (кишлак расположен ниже спадающего вниз с горы ручья). Пуни-Шор делится на два квартала — Пуни-Ду и Сари-Ду, или Хамаро, что осмысляется как «принадлежащий всем» (*ҳама*—все). В Пуни-Ду выделяется участок, называемый Замини-Чун. Оба квартала заселяли две родовых группы: основатель одного каума — *мирзоҳамидй* происходил, по одной версии, из Варджуджа (см. ниже), по другой — из Ях-Су; основатель второго каума (название не записано) происходил будто бы из Деи-Мири (Куляб). Население Пуни-Шора было в прошлом тесно связано с селениями долины Оби-Ниоу и

Муминабада. За пшеницей ездили обычно в Лангар (Муминабадский район) через Дашти-Джум. В настоящее время большая часть населения переселилась в районы Куляба.

Сангевн. Некогда этот кишлак был разрушен горным паводком, в нем осталось будто бы только два дома. С тех пор он стал называться Сангевни-Духун (от *ду хуна* — два дома); по другой версии, кишлак стали называть Духун, потому что в нем произошло убийство двух человек (*ду хун* — букв. «две крови»).

Сангевни-Духун делится на кварталы: Богчаи-Сафари, Сари-Ду, Сиёрабег, Хавлини-Худжо. Сафар—основатель каума *сафарӣ,* по рассказам, был выходцем из Ванча, жена же его происходила из селения Чарги (вблизи Муминабада). Квартал Сари-Ду был заселен выходцами из Ях-Су. Квартал Сиёрабек в старые времена был заселен беднейшей частью населения кишлака, состоявшей из угольщиков (*лахчакаш),* издольщиков *(чайрикор),* погонщиков вьючных животных *(улавкаш).* Сохранилось предание, что задолго до установления Советской власти вся беднота этого квартала, возглавляемая смелым человеком по имени Саёрабек, подняла восстание против притеснений баев и чиновников. Квартал Хавлини-Худжо был впервые заселен ходжами из Сари-Джуя (предместье Бухары), когда Дарваз был уже присоединен к бухарскому ханству; родоначальник каума прибыл как представитель власти и женился на дочери местного жителя.

Нульванд — расположен на берегу Пянджа, ниже Пуни-Шора, делится на три квартала — Сари-Ду, Мина-Ду, Пуни-Ду. В квартале Мина-Ду выделяются участки Пеши-Мазор и Чорьяка, а в квартале Пуни-Ду — участок Боги-Рауф. Квартал Сари-Ду был заселен в прошлом тремя семейно-родовыми группами: *мағзумо* — основатель этого каума происходит якобы с Ях-Су (Куляб), *сайидо,* семьи которого переселились из к. Садика (Сагырдашт), а в настоящее время выселились в Дангару; *хуҷаҳо,* основатель которого был якобы выходцем из к. Сорбух (ущелье Камароу, Каратегин). Квартал Мина-Ду был населен тремя семьями, принадлежащими к кауму *маҳмадмирзо,* пришедшими из к. Шкев, в 1937 г. они переселились в Куляб. Квартал Пуни-Ду до недавнего времени был населен представителями шестью каумов: *раҷаб*— происхождение его неизвестно; *мулломуссаяб,* состоящий из двух семей, основатель каума происходит из Ях-Су (Куляб); *сафар* — происхождение неизвестно, в настоящее время выселился в Дашти-Джум; два представителя этого каума работают в Гиссаре зоотехниками; *мулломирзо* — основатель его происходит якобы из к. Гумай (афганский левобережный Дарваз), *маҳмадӣ*—представлен одной семьей, основатель этого каума происходит из к. Санглеж (Афганистан), *назир* — основатель его происходит якобы из к. Жавай (Афганистан); в настоящее время все они выселились в Муминабад.

Хостау. Речкой Усубджу, берущей начало от ледника в местности Рогак кишлак делится на две части — Ибараи-Ду и Убараи-Ду. Ибараи-Ду делится на кварталы: Джегуни, Боги-Сырог, Буни-Ку, Хавела, Сари-Ду, Мина-Ду, Пуни-Ду. По одной версии большая часть населения переселилась в Хостау из левобережных кишлаков, по другой—из кишлаков, прилегающих к Муминабаду. Квартал Сари-Ду был заселен каумами, основатели которых переселились из Хумдары, из селений Работ и Зев. В квартале Джегуни был многолюдный каум, переселившийся в Хостау из левобережного селения Шеиназм.

В кишлаках Гармхо и Уду в прошлом было довольно значительное количество хозяйств, но в настоящее время в этих кишлаках населения почти нет: большая часть выселилась в Муминабадский район

еще в прежние годы, а в 1953 г. остатки населения в организованном порядке были переселены в Московский район, но, по-видимому, до сих пор небольшое количество жителей проживает в обоих кишлаках. Кишлак Гармхо делился на три квартала: Хонаи-Поён, Боги-Шол и Сафари, или Боги-Калон. В к. Уду якобы было тоже три квартала: Хирманак, Сари-Ду и Хонаи-Гул.

Выше к. Нульванд, в стороне, в горах, был расположен кишлак Варджудж, который в настоящее время не существует, так как население его полностью переселилось в к. Харкорон Шуроабадского района.

Зыгар — расположен ниже Хостау, в нем три квартала: Махаллаи-Боло, Махаллаи-Мина и Махаллаи-Повун. Махаллаи-Боло заселен семьями каума *халифаё*, основатель которого, по одной версии, выходец с Памира, по другой — из Чорсу (в окрестностях Муминабада), а также семьями каума *талаби*, члены которого связаны родственными узами с халифаё. Живущие в Махаллаи-Мина семьи каума *сайидо*, или *саҳидӣ*, происходят из Дуоба (севернее Муминабада. Куляб); каум *сафарӣ* и отделившийся от него каум *маҳзумию*, или *рустамбегӣ*, по одной версии, происходят из Балха, по другой — аборигены; местными считаются также каумы *юсуфӣ*, *хофизию* и *муллотошӣ*. В Махаллаи-Повун проживают семьи шести каумов, из них *ҷолибӣ* происходит будто бы из местности Рог в Афганском Бадахшане.

Населенные пункты Каратегина. Каратегин был обследован Гармской этнографической экспедицией неравномерно, не были обследованы кишлаки, расположенные по левому берегу Сурхоба, в прошлом входившие в состав Гармского района, основная масса населения которых переселена в равнинные районы республики; по той же причине не были обследованы довольно многочисленные кишлаки, лежащие в бассейне р. Камароу.

В отличие от Дарваза Каратегин характеризуется большим количеством населенных пунктов; достаточно сказать, что в собственно Дарвазе по переписи 1959 г. насчитывается всего около 50 кишлаков, а в районах, расположенных в пределах Каратегина,—свыше 600. Кишлаки в Каратегине располагаются довольно компактными группами (по пять, десять и до двадцати кишлаков). Такие группы зачастую располагаются на пространстве, ограниченном какими-либо особенностями рельефа; например, группа кишлаков Тегирми расположена в котловине и отделяется от других кишлаков невысокими горами, окаймляющими их, или, раскинувшись в долине какого-либо притока главной реки Каратегина Сурхоб, они приобретают даже название по этому притоку; например, местность, где расположена группа кишлаков Каланак, называется Хыныч, Кади-Хыныч. Группы кишлаков Муджихарф и Хакими расположены в узких ущельях того же названия. По современному административному делению группа кишлаков обычно составляет сельсовет.

Для Каратегина мы сочли более целесообразным характеризовать группы кишлаков, исключение представляют лишь более крупные из них, сведения о которых приводятся нами отдельно. Описание кишлаков Каратегина произведено нами по его историко-географическим районам.

Верхний Каратегин. Здесь смешанные киргизско-таджикские и чисто таджикские кишлаки находятся в западной части, в бассейне р. Кок-Су и по правому берегу Сурхоба; киргизские кишлаки сосредоточены преимущественно в восточной части.

Таджики, населяющие Верхний Каратегин, по рассказам, начали селиться здесь всего около 80—90 лет тому назад; они являются вы-

ходцами из бассейна р. Хингоу, преимущественно из Вахиои-Боло и Нижгола; в кишлаках Питовкуль, Кандов и Кушагба есть выходцы из Куляба. Вместе с тем существуют предания, что основатели некоторых семейно-родовых групп происходят из Бухары и Самарканда.

Кишлаки западной части Верхнего Каратегина, как правило, располагаются на довольно обширных высоких ровных речных террасах, жилища с участками, примыкающими к ним, часто обносятся глинобитными заборами. В расположении жилищ нет строго определенного порядка; в одних кишлаках, как например, Джиргаталь, Янгишаар, они располагаются, образуя переулки, улицы, в других, как в к. Карчин, они разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. В таджикских кишлаках на правом берегу Сурхоба, ниже Джиргаталя — группа Пилдон — дома расположены на горных террасах группами, довольно тесно примыкая друг к другу; подобное расположение напоминает кишлаки Вахио и Дарваза.

Приведем собранными нами сведения по нескольким кишлакам Верхнего Каратегина.

Кишлак Кушагба — у перевала Кушагба, является одним из самых верхних чисто таджикских селений Верхнего Каратегина. Дорогой, пересекающей его, кишлак делится на две части: северную—Хади-Боло и южную--Хади-Та; речкой он тоже делится на две части: восточную и южную.

Население Кушагба принадлежит к трем каумам. По преданию, кишлак был основан неким Гойбоем, выходцем из Самарканда, который вначале поселился в к. Пилдон, там женился, а землю, на которой сейчас стоит кишлак, получил от отца своей жены. Большинство населения считает себя потомками Гойбоя. Вторая по численности группа относит себя к кауму Кенджабая, происхождение которого неизвестно. Небольшая часть населения является потомками выходцев из к. Говд (Вахио), они называют себя *қауни говдӣ*.

Ниже райцентра Джиргаталь по правому берегу Сурхоба находится группа кишлаков Пилдон//Пилдун.

Чубай — самый верхний из них был чисто киргизским кишлаком. Перед самой революцией в него начали приходить таджики из Хаита. В 1957 г. в кишлаке было шесть таджикских хозяйств, одна мечеть.

Пилдони-Боло населен преимущественно таджиками, киргизов несколько семей. Кишлак делится на четыре квартала: Махалаи-Боло, или Донгуз-Куль (киргизское название), или Дара (таджикское название), Махаллаи-Та, Махаллаи-Мина и Чукурак, последний заселен киргизами. Таджики происходят из Вахио и Хаита.

Пилдони-Миёна заселен таджиками, потомками выходцев из Вахиои-Боло (Сангвор, Арзинг). Кишлак делится на кварталы: Махаллаи-Боло, Махаллаи-Та и Махаллаи-Кучирга.

Пилдони-Чингак—выселок из Пилдони-Миёна, населен таджиками.

Средний Каратегин. Левобережные кишлаки. Верхние кишлаки расположены на территории б. Таджикабадского района, которая в прошлом составляла часть Калаилабиобского амлокдорства и представляла два миразорства, называвшиеся Сурхаки-Поён и Сурхаки-Боло (название *сурхак* — красненький связано с красноватым цветом почвы берегов Сурхоба в данной местности). Территория эта ограничена на юго-западе притоками р. Сурхоб, речкой Оби-Хулак, протекающей у к. Хичборак, а на северо-востоке р. Оби-Чака, протекающей у к. Калаи-Занкун. Население Сурхаки-Поён в настоящее время состоит только из таджиков, однако есть родовые группы, связы-

вающие свое происхождение с киргизами; в Сурхаки-Боло до революции было значительное количество киргизских семей, в настоящее время их меньше, поскольку часть из них переселилась выше, в район Джиргаталя.

Таджикское население всей рассматриваемой полосы — выходцы из Вахио, хорошо помнящие кишлаки, откуда происходят их деды. В Сурхаки-Поён, по рассказам, есть еще потомки выходцев из Ях-Су, но количество их значительно уступает числу потомков вахиочей. Кишлаки Куглик, Лангари-Шо, Дараи-Мазор (или Дараи-Девонбеги), Дегилмон и др. заселены выходцами из кишлаков Сайёд, Лангар, Сабзихарв, Иштиён, Лоджирк, Сагырдашт, Говд, Ёфуч, Посун.

Среди современного населения до сих пор бытует рассказ, что до прихода таджиков на территории Сурхаки-Поён жили киргизы под предводительством трех братьев — Кара, Бута и Бозор. Братья Кара и Бута провели канал для орошения земель, который существует и поныне. Сохранилось название угодья Дашти-Бозор — память о третьем брате.

Многочисленные устные сведения, записанные со слов населения, утверждают, что таджики переселились в Сурхаки-Поён около 170—150 лет тому назад, причем не единовременно, а постепенно.

Население Сурхаки-Боло утверждает, что около 250—300 лет тому назад на всей этой территории жили киргизы; таджики пришли позже, они происходили из кишлаков Вахиои-Боло — Рехч, Арзинг, Лангар, а также из кишлаков по среднему течению р. Хингоу—Говд, Джур, Иштиён, Сайёд и др. и селились на местах старых киргизских стоянок или основывали новые кишлаки. Одним из таких новых кишлаков является Навобод, основанный около 100 лет тому назад выходцем из к. Говд (нижгола).

Приведем материалы по составу населения наиболее крупных кишлаков района—Фатхобод, Нушори-Поён, Мулло Темур, Мазори-Шинг, Калаи-Лаби-Об.

Фатхобод, по преданию, был основан выходцами из Бухары, бежавшими оттуда лет 200 назад от притеснений правителей. Их было 20 человек, из них 10 с семьями. Основав кишлак, они назвали его по имени одного из предместий Бухары—Фатхобод. В дальнейшем в этот кишлак пришли таджики из Вахио. Вначале пришельцы из Вахио приходили без семей и работали батраками у жителей Фатхобода; большинство их обзаводились семьями на месте или привозили свои семьи из своих кишлаков и заводили свое хозяйство. По рассказам, бухарцы заселяли западную часть кишлака, где и построили мечеть, а вахиочи — восточную; отсюда и произошло деление Фатхобода на две части: западную, Махаллаи-Магзумо (квартал господ; духовенства) и восточную, Махаллаи-Факиро (квартал простолюдинов). Среди вахиочей были лица духовного происхождения, которые также жили в квартале Магзумо. Между этими кварталами была рознь, доходившая до столкновений. Как рассказывают, незадолго до установления Советской власти в Каратегине кто-то из магзумо побил старика из факиро (последние в это время работали на хашаре для магзумо). Узнав об избиении старика, факиро вступились за него, и в кишлаке было большое побоище. В настоящее время ни в языке, ни в обиходе различий между потомками бухарцев и вахиочей нет.

В Фатхободе есть мазар из жженого кирпича, где захоронен ишан Мирзо-Малик родом из Вахио (к. Иштиён). Мазар был сооружен около 80 лет тому назад мастером Усто-Ниёзом из Андижана, которого пригласил сын ишана, домулло Гаффур, впоследствии похороненный

здесь же. Мазар этот является в настоящее время одним из немногих памятников архитектуры из жженого кирпича в Каратегине. Кирпич изготовлялся на месте из глины, обнаруженной мастером около к. Калаи-Лаби-Об.

Нушори Поён. В верхней части кишлака был квартал киргизов— Махаллаи-Киргизо, остальная часть заселена таджиками, принадлежащими к 14 родственным группам, основатели которых в основном являются выходцами из долины р. Хингоу. Так, основатель группы *муллохол* выходец из к. Пастелак (Сагырдашт), группы *авҷабариё*— из к. Говд, группы *мирзо убайдулло* — из к. Иштиён группы *ғараб*— из Урфата; предки группы *муллосарҳад* первоначально вышли из Самарканда, откуда они попали в Джур (Вахио), а из Джура переселились в Нушор. Из к. Джур происходит также родовая группа *мулло алиаҳмад* и группа *гадо*. Начальники группы *толибиё* происходят из к. Пунарвог (Вахио), группы *лайрунчӣ* — из к. Лайрон (группа туркия); группа *боршуд* — из к. Боршид (Вахио). Группы *юсуфтемур, мулло пир* и *мулло худоёр* считают себя исконными родами этого кишлака и связаны по происхождению с киргизами.

Нушори-Поён делится на кварталы: Махаллаи-Киргизо, Махаллаи-Муллохолиё, Махаллаи-Говдиё, Махаллаи-Лайрунчиё, Махаллаи-Джуриё, Махаллаи-Иштиюниё.

Мулло Темур — население его делится на несколько родственных групп, из них *қаҷни ҳакимӣ* и *қауни чағатой* связывают свое происхождение с киргизами и считают себя исконными жителями кишлака.

Термин *чағатой* в местном понимании обозначает полукиргиза— полутаджика (дети, родившиеся в семьях, где отец таджик, а мать киргизка). В кишлаке было три семьи *чағатой*. Сейчас они выселились в Гиссар. Одна семья, относящаяся к роду *пирмахмад*, происходит из Уч-Кургана (Узбекская ССР) Остальные каумы происходят из Вахио; *мулло тоҳир* — из Сайёда (их так и называют *сайёдӣ*), *назир* — из Джура; *сангак* и *башир* — из Каскарога; *гиё, хоҷӣ, давлат* — из Говда; *мирзо малик* — из Арганкона. По рассказам, предки группы *хоҷӣ*— выходцы из Сироджа близ Самарканда; первоначально они попали в Хост (ущелье р. Хумбоу), оттуда переселились в Говд, а из Говда в Нушор. Происхождение вахинского рода *хушакью* невыяснено.

Мазори-Шинг — большинство населения этого кишлака принадлежит к каумам, основатели которых считаются выходцами из Вахио; каумы *давлатманд, хушвақт* происходят из Говда, *пирокиё* — из Джура, *авсалум* — из Сабзихарва, остальные каумы также указывают на Вахио, как на свою первоначальную родину. Каум *яхьёхуҷа* и *муллотош* считают себя исконными жителями *(тубтӣ)* к. Мазори-Шинг. Они происходят по мужской линии от киргизов.

Калаи-Лаби-Об (крепость на берегу реки) — старый центр верхней левобережной части Каратегина, расположен на самом берегу Сурхоба. По рассказам, на его месте до прихода таджиков было укрепление, где жили киргизы. В дальнейшем это укрепление было разрушено, и около двухсот лет тому назад было возведено таджиками новое укрепление — *қалъа,* остатки которого сохранились до настоящего времени Сам кишлак Калаи-Лаби-Об был основан позже. В старое время все поселение было окружено стеной, в которой было двое ворот: Дарвозаи-Шарк (восточные ворота) и Дарвазаи-Гарб (западные ворота); пространство, заключенное в пределах стены, называлось *қурғон*. В западной части кишлака был квартал под названием Махаллаи-Хатутохо‖Хатуто, заселенный малоимущими земледельцами. В восточной части кишлака селились служилые люди и приближенные

наместника каратегинского бека. Мечеть и *алоухона* находилась у западных ворот В Калаи-Лаби-Об приходили люди из Бухары, которые зачастую оставались здесь, обзаведясь семьями. В самом «кургоне» было очень тесно; земельные угодья, пашни, сады были за стеной. У западных ворот за пределами кургана был квартал, основанный в середине прошлого века выходцами из долины Ясманда, называвшийся Махаллаи-Ясмандиён. Спустя 10—15 лет ясмандцы якобы снова перешли на правый берег Сурхоба в долину Ясманда.

Ниже к. Калаи-Лаби-Оба на небольших левых притоках Сурхоба—реках Шурак и Оби-Фохтагирак расположена группа кишлаков Лангари-Шо. Рассмотрим наиболее крупные из них.

Куглик—расположен на р. Шурак, основан выходцами из долины р. Ях-Су, бежавшими якобы от притеснений кулябского катагана. Первоначально Куглик был киргизским поселением. По рассказам, население Куглика принадлежит к четырем группам—*ҷамоа: ғанигиё*, ведущие свое происхождение от киргизов, *аюбиё* (потомки выходцев из к. Сайёд, Вахио), *авдулогиё* и *азимиё* (потомки выходцев из Вахио).

Лангари-Шои-Боло — основан выходцами из Вахио. Население кишлака делится на группы: *кундаи сайёдӣ, кундаи сафогиё* (основатель группы Сафо, из Сагырдашта) и *кундаи билолиё* (Билол, якобы основавший эту группу, происходил из Иштиёна — Вахио). Переселение из Вахио продолжалось и после революции; в 30-х годах в к. Лангари-Шои-Боло переселилось несколько хозяйств из Лоджирка.

Ниже Лангари-Шо расположены кишлаки сельсоветов Яхакпаст, Хичборак, Булкос и Сари-Пул, большинство населения которых переселилось в хлопкосеющие районы республики. Группа кишлаков Сари-Пул объединялась в прошлом названием Хост; так же называлась и территория, где были расположены эти кишлаки. Оставшиеся до настоящего времени на этой территории кишлаки объединены в сельсовет Хичборак. Число их по переписи 1959 г. составляет 25. До 40-х годов нашего столетия левобережная полоса Среднего Каратегина (до к. Сари-Пул, расположенного у моста через р. Сурхоб) была густо заселена. К сожалению, Гармской этнографической экспедиции не удалось собрать материалов, характеризующих кишлаки и состав их населения. Отдельные сведения о наиболее крупных кишлаках этой полосы — Яхакпаст, Ярхоб, Сари-Шухон и др. имеются в литературе. Большая часть населения выходцы из долины р. Хингоу (Вахио).[113] По левому берегу Сурхоба живут *вахиочӣ, хлозӣ, қашқарӣ* и *сайёдӣ*, как говорят местные жители — *чор уруғ* — четыре племени.[114]

Калаи-Сурх (группа кишлаков). Несколько ниже моста через Сурхоб у селения Сари-Пул начинается территория сельсовета Калаи-Сурх (старое название Калаи-Кози). Этот сельсовет отличается большой плотностью населения. Экспедицией зарегистрировано в составе сельсовета 15 кишлаков: Калаи-Сурх, Кадара, Лангарак, Кулоба, Джигдабиёни-Эшоно, Джигдабиёни-Сандал, Калаи-Сарбанда, Шулонак, Дехаи-Амирбек, Олучахако, Алмашок, Сиялояк, Камбариён, Дехаи-Эшон, Сари-Хавза. В настоящее время нет жителей в кишлаках Калаи-Сарбанда, Алмашок, Камбарьён, Дехаи-Эшон.

По рассказам, население кишлаков этого сельсовета является потомками выходцев из долины Ях-Су и Куляба, а также из Вахио. Так, кишлак Дехаи-Амирбек был основан Амирбеком из Куляба, однако деды и отцы современных жителей кишлака пришли из к. Пуштарог (Сагырдашт), т. е. позднее кулябцев; предки жителей Лангарака пришли из к. Лангар (Тавиль-Дара) и, основав кишлак, дали ему название того кишлака, откуда пришли; жители самого старого кишлака—

Кадара утверждают, что предки их пришли с низовьев р. Хингоу из кишлаков, заселенных хлёзцами. В к. Кадара есть много семей, переселившихся из кишлаков верхних левобережных сельсоветов Сари-Пул и Яхакпаст. Население к. Калаи-Сурх считает себя выходцами из Вахио. Шулонак заселен главным образом выходцами из долины Ях-Су и Куляба, несколько семей происходит из Матчи, одна семья считает себя потомками давних переселенцев из Самарканда. В этом сельсовете есть единичные киргизские семьи, поселившиеся здесь уже после революции.

Новдонак (группа кишлаков). Ниже сельсовета Калаи-Сурх расположены кишлаки сельсовета Новдонак, который объединяет кишлаки Новдонак, Нуширьён, Дихаи-Саид, Войдара, Чигдара, Нигова, Турмуш, Ниёзбегиён, Сияхоб, Шилхов; прежде в его состав входил еще кишлак Дашти-Хевар, разрушившийся около 35 лет тому назад. По преданиям, бытующим среди населения до сих пор, все эти кишлаки были основаны выходцами из Ях-Су; в памяти представителей старшего поколения сохранились даже имена основателей нескольких кишлаков, например, Дихаи-Саид будто был основан Шайх Саидом, к. Сияхоб — выходцем из Ях-Су Зокиром. В к. Шилхов, кроме выходцев из Ях-Су, имеются также выходцы из нижней части долины р. Хингоу (хлоз).

Хумдон (группа кишлаков). Ниже сельсовета Новдонак, в районе слияния Хингоу с Сурхобом, расположены кишлаки сельсовета Хумдон. Значительная часть населения его переселилась в равнинные районы республики.

Наиболее крупный кишлак сельсовета — Хумдон делится на три части: Хумдони-Муллоун, или Хумдони-Калон, Хумдони-Наджот, или Хумдони-Миёна, и Хумдони-Сангак, или Хумдони-Майда. Названия этих частей связаны с именами родоначальников семейно-родовых групп, населяющих их. Все население Хумдона принадлежало к 8 группам — каумам: *мулло ҳол,* основатель этого рода переселился из к. Кармулои-Тагови (бассейн р. Сорбух); *наҷот,* основатель этого каума, по одной версии, выходец из нижнего Вахио, по другой — из Шуроб-Дары (верховья Кзыл-Су, Куляб); *абдукарим,* по преданию основатель его, происходил из Ях-Су; *мулло ғаффур* — из к. Шуле (бассейн р. Сорбух); *маҳзумӣ* и *мулло собир* — из к. Зарда (правый берег Сурхоба). Происхождение двух других групп — *олимьё* и *одина* неизвестно.

По рассказам стариков, Хумдон некогда был заселен киргизами— *киргизобод будааст;* до последнего времени жители Хумдона, перепахивая землю, находили под землей остатки огромных кувшинов — *хум,* наполненных землей и красителями для окраски тканей; в связи с этим и название кишлака — *хумдон* — «место хумов». По другой версии, кишлак называется не Хумдон, а Хундон (*хун* — кровь), якобы оттого, что на этой территории в древние времена происходили жестокие битвы и было пролито много крови.

Яхак-Юс (группа кишлаков). Ниже впадения в Сурхоб р. Хингоу, на левом берегу Сурхоба расположены кишлаки сельсовета Яхак-Юс, по дореволюционному делению амлокдорство Яхак-Юс, которое делилось на два миразорства; первое охватывало кишлаки от Истона до самого верхнего кишлака Файроу, второе — от Яхча до самого нижнего кишлака Кумбак; границей, отделяющей одно миразорство от другого, служила тополевая роща. Нами в 1953 г. здесь были зафиксированы следующие кишлаки: Юси-Боло, Юси-Поён, Файроу, Дара, Куль, Яхак, Зуманак, Истони-Боло, Истони-Поён, Яхч, Сарджу, Минадара, Ходжа

Айни, Сангдевол, Кумбак, Новако, а также сейчас необитаемые Сари-Кош, Сари-Магзор, Деи-Кухна, Работак. Связь с правобережными кишлаками довольно затруднительна и осуществляется через Сурхоб при помощи движущейся на блоке вагонетки, плотов — *сал* и через пешеходный мост около кишлака Яхак.

Жители этих кишлаков считают, что предки их пришли из Сари-Хасора (Куляб). До сих пор население Яхака и Юса ходит в Куляб через перевалы Тундак и Руи-Юрт (от Яхака до сарихасорских кишлаков Гандара, Сулун, Сари-Хасор 6—8 часов пути). Часть населения связывает свое происхождение с группой *хлоз* в долине р. Хингоу, но кишлаков, откуда вышли их предки, не помнит. Прежде через кишлаки Таи-Камар, Рогун, Яхч, Яхак, Юс по левому берегу Сурхоба шла вьючная тропа, продолжавшаяся далее по левому берегу Хингоу до самой Тавиль-Дары. В дальнейшем, с постройкой в 1940 г. Памирского тракта, проходящего по правому берегу Сурхоба, эта тропа была заброшена.

Кишлак Яхак был в прошлом крупным центром всей прибрежной полосы Сурхоба от места слияния его с Хингоу до поворота Сурхоба—Вахша к Туткаулу; в нем жило много переселенцев из окрестных кишлаков, откуда переселились жители, например Гузари Яхчиё—квартала выходцев из к. Яхч.

Кишлак Истони-Боло, по преданию, был основан выходцем из Каратага. По народной этимологии, свое название кишлак получил от слова *ист (ҷои ист* — остановка). Часть жителей Истона считает своих предков выходцами из Бухары; сначала они поселились в Пашоре (кишлак на левом берегу Хингоу), а затем уже переселились в Истон.

Кишлак Яхч делится на три части: Дехаи-Боло, Дехаи-Поён и Дехаи-Дашт. По-видимому, в Яхче сохранялся принцип расселения по признаку родства, так как в основных частях селения различали кварталы, заселенные одним каким-либо каумом. Например, в Дехаи-Поён имеются кварталы Махаллаи-Бовигиё, представители каума *бовигиё* выселились из Куляба; Махаллаи-Амиригиё, представители этому каума выселились из Ях-Су. Каум *пирахиё* — выходцы из Тавиль-Дары. Большинство каумов считает своих предков выходцами из Сари-Хасора.

Современные жители-таджики сельсовета Яхак-Юс согласно утверждают, что они являются пришельцами, а до них вся эта местность была заселена киргизами, причем появление таджиков в этих местах произошло около 170—200 лет тому назад. Некоторые угодья до сих пор известны как бывшие поселения киргизов; например, Сари-Бодомак вблизи Юса, Яхаки-Дарун (вблизи Яхака) и др.

Наряду с этим, здесь сохранились городища более старых, докиргизских укреплений, таков, например, холм в к. Истон, называемый Калаи-Хушак; здесь была крепость, сооружение которой по времени совпадает с сооружением крепости Джамхура и Имлока.[115] На этом холме, по рассказам жителей, находили остатки глиняных труб от водопровода, который был проведен от р. Сурхоб.

Средний Каратегин. Правобережные кишлаки. Правобережная часть Сурхоба от к. Сайрон до к. Нимичи-Поён в прошлом была одной из самых густо заселенных областей Каратегина, с большим количеством кишлаков. На этой полосе сохранились остатки многочисленных укреплений, свидетельствующих о стратегическом значении данной местности. Упоминания об этих крепостях имеются и в литературе.[116]

Центром всей этой местности был многолюдный большой кишлак Хаит (в местном произношении *hout*), в котором, по переписи 1926 г., насчитывалось 438 дворов с населением в 2435 человек. Во время катастрофического землетрясения 1949 г. Хаит был засыпан обвалом. Тогда же на правом берегу вплоть до к. Нимич были разрушены все селения. В 1956 г. некоторые из них, например, Миртоб, Лугзиён, Хисорак и др. начали восстанавливаться.

Среди каратегинских киргизов сохранилось воспоминание о том, что Хаит существовал еще в те времена, когда Каратегин был заселен киргизами, т. е. до прихода таджиков, и что название Хаит происходит якобы от того, что на этом месте праздновали мусульманские религиозные праздники, называемые ими общим названием Хаит.[117] Можно предположить, что название Хаит происходит от арабского حائط ограда, стена, укрепление. В арабских источниках есть свидетельство о сооружении крепости в Раште, возможно, что эта крепость была в районе современного Хаита.[118] Население Хаита и многочисленных кишлаков, расположенных в долинах рек Оби-Кабуд и Ясман, указывало на Вахио, как на первоначальную родину их предков. Вместе с тем следует отметить указание на то, что таджики этих мест пришли из Таджикабада, кишлака в Фергане.[119]

Джафр (группа кишлаков). Правобережные кишлаки, расположенные ниже переправы через Сурхоб около к. Нимич, входят в состав сельсовета Джафр.

По рассказам населения, Джафр — самый старый кишлак этого сельсовета, был основан выселенцами из Сангвора и Езганда около 150 лет назад. Нимичи-Боло и Нимичи-Та (раньше называвшийся Сари-Чашма) основаны выходцами из кишлаков Сайёд и Сабзихарв. До прихода таджиков эти кишлаки были заселены киргизами, которые до сих пор отдельными семьями живут среди таджиков. Большой киргизской стоянкой в прошлом будто бы был кишлак Янгоклик (от тюркского слова *ёнғоқ* — орех, *ёнғоқлиқ* — место, изобилующее ореховыми деревьями). В кишлаке и в настоящее время есть ореховые деревья. Остатками пребывания киргизов являются заброшенные кладбища, которые называют *қаврои киргизо* — могилы киргизов; киргизские семьи, живущие в этом кишлаке, хоронят своих покойников на старом киргизском кладбище.

Каланак (группа кишлаков). Кишлаки сельсовета Каланак расположены в долине речки Сияхоб, впадающей в Сурхоб. Местность в районе р. Сурхоб и ее притоков прежде носила название Хыныч, или Кади-Хыныч; она простиралась примерно от Каланака до Навди. Местные жители этимологизируют *хыныч* от слова *хун* — кровь (будто бы в старину здесь были тяжелые бои и было пролито много крови). По рассказам населения, здесь под землей в изобилии находят жженый кирпич, обломки керамики, котлы, скелеты людей. Считается, что Кади-Хыныч был заселен издавна. По материалам 1952 г., в этом сельсовете было зарегистрировано 17 кишлаков: Дукониё, Дуоба, Муртако, Кара-Махмуд, Калаи-Миёна, Харбак, Карчин, Бадалони-Та, Бадалони-Боло, Калаи-Чак, Шохмирзовон, Каланак, Сафелхок, Хуфак, Белги, Ялдамич, Ялдамичи-Сари-Джар (выселок из к. Ялдамич).

Население Каланака в настоящее время составляют, главным образом, выселенцы из левобережных кишлаков—Булкосского и Яхакпастского сельсоветов, а также из кишлаков, разрушенных землетрясением. В Каланаке есть 8—10 семей, совсем недавно, лет 10—15 тому назад, переселившихся из Сангвора.

По рассказам жителей, население кишлаков всего этого сельсовета происходит из Вахио, старики помнят имена первых поселенцев: так, говорят, что кишлак Дуоба был основан выходцами из Вахио— Усто Шамсуддином и Расулом. В этом же кишлаке была семья Ходджи Назара родом из Самарканда.

Наиболее крупным кишлаком сельсовета является Ялдамич, считающийся одним из старейших на правобережье Вначале это было киргизское поселение, большинство населения считает себя потомками киргизов; остальное население кишлака — потомки выходцев из Вахио, часть населения выселилась в Ялдамич из долины Камгроу (к. Пингон).

Навди (группа кишлаков). Сельсовет Навди — один из центральных сельсоветов Гармского района — расположен по дореволюционному административному делению в пределах миразорства Навди, подчинявшегося непосредственно Гарму. Экспедицией в 1952 г. зарегистрировано 14 кишлаков: Куло, Калаи-Шайх, Навди, Кочони-Та, Кочони-Боло, Нуширьён, Халкарф, Бедаки-Поён, Бедаки-Боло, Лояк, Гарм, Зокиробод, Калаи-Махсуд, Чоршоха; кишлаки Калаи-Махсуд и Чоршоха в настоящее время объединились с к. Калаи-Шайх, а Зокиробод является выселком к. Бедаки Поён.

Жители кишлаков сельсовета Навди считают, что предки их пришли из Вахио и вытеснили киргизов, живших здесь до их прихода. Наряду с выходцами из Вахио есть выходцы из долины Камароу, из нижних кишлаков Каратегина, Оби-Гарма, а также из Самарканда и Катта-Кургана. Жители к. Навди считают, что их кишлак был основан выходцами из Нурека. В кишлаках имеются единичные семьи из Дарваза. Много выходцев из долины Камароу, которые в свою очередь считают, что они связаны с Матчой. Киргизских семей нет, однако в к. Кочони-Боло нам говорили, что до революции в этом кишлаке проживали киргизы, и совсем недавно в кишлаке была одна смешанная киргизская семья; сейчас она куда-то переселилась. Жители же Бедаки-Поён считают, что происходят от рода *қашқарӣ,* основателем которого был некий Аламон; сейчас в кишлаке живет пятое поколение этого рода; есть также выходцы из Вахио; связи с кишлаками Вахио были очень тесные до самого последнего времени.

Сельсовет Навди очень плотно заселен, все кишлаки находятся на близком расстоянии друг от друга и группируются вокруг Гарма.

Некоторые кишлаки с течением времени меняли свое местоположение. Так, к. Халкарф отстроен сейчас уже на третьем месте. Вначале он был основан на большой высоте. Первоначальное селение было снесено снежным обвалом. Во второй раз он был отстроен значительно ниже. В третий раз Халкарф отстроен еще на 0,5 км ниже второго, потому что в старом кишлаке стало тесно. В старом (втором) поселении остались только две семьи престарелых жителей, которым было трудно отстраиваться заново

Казнок (группа кишлаков). Кишлаки сельсовета Казнок по дореволюционному административному делению входили в состав Казнокского миразорства, подчинявшегося непосредственно Гарму. В это миразорство входили также кишлаки, расположенные на территории между Сурхобом и правым притоком его — Сорбухом, которые по современному административному делению входят в Шульмакский сельсовет Гармского района.

В сельсовет Казнок входят кишлаки Вардуч, Гавосиён, Качаманди, Казнок, Калаи-Дашт, Калаи-Миёна, Каралук, Кызрок, Лойоба, Машкунак, Чашмаи-Кызы, Шуль. В настоящее время он также плотнс

заселен. Самыми крупными кишлаками являются Шуль и Казнок. Население их, так же как и повсеместно в Каратегине, сохранило предания, что большинство современных кишлаков сельсовета были киргизскими поселениями, многие из них сохранили старые киргизские (тюркские) названия, например Казнок (тюркск. *қазноқ* — кладовая), Шул (по народной этимологии от тюркск. указательного местоимения *шу, шул* — этот), Качаманди, Каралук.

В настоящее время чисто киргизских семей в этих кишлаках нет но на отдельные смешанные семьи указывали в кишлаке Шуль, причем отмечали, что дети от смешанных браков считают себя таджиками.

Кишлаками, основанными таджиками, считаются Вардуч, Гавасион, Лойоба.

Шуль — жители его считают, что таджики пришли в этот кишлак очень давно, большей частью из Вахио, частью из Матчи (*Масчоҳ*), есть выходцы из Самарканда, Оби-Гарма. Уменьшение населения происходит за счет переселения его в хлопкосеющие районы республики. Переселение колхозников, начавшееся в 30-х годах, продолжается до настоящего времени.

Кишлак Казнок расположен в 5 км ниже Гарма в местности, изобилующей водой, что очень способствует развитию садоводства и огородничества. По сравнению с соседними кишлаками Казнок более благоустроен. Население его принадлежит к четырем основным семейно-родовым группам, кроме которых имеются еще отдельные семьи из Матчи и Дарваза. Группы эти следующие: *кундаи хуҷандӣ* — основатель этой группы родом из Ходжента (современного Ленинабада), *кундаи орифӣ* — основатель Ориф пришел из Гиссара, *кундаи қозигӣ* — основатель будто бы выходец из Бухары и *кундаи масаидӣ* неизвестного происхождения.

Кишлак Вардуч был основан на месте киргизской летовки (*айлоқи қирғиз*), как говорят, около 200 лет тому назад. Первые засельники таджики были выходцы из Гиссара, принадлежащие к группе *орифӣ*, часть которой расселена в соседнем Казноке, и к группе *абдусамад*. В дальнейшем пришли люди из Вахио. Выходцы из Вахио составляют каум, носящий имя его родоначальника Рахима. Группа *сафару зуҳро* происходит из Куляба. Интересно отметить, что обычно название каума идет по мужской линии, в данном же случае каум носит имя брата и сестры (так предполагал рассказывающий).

Кишлаки долины р. Сорбух. Население их в прошлом было тесно связано с населением долины Камароу, вероятно, и общностью происхождения. Как в долине Сорбуха, так и в Камароу было много выходцев из Вахио. Следами этого являются названия кишлаков, существующих до настоящего времени: Сайёдон (букв. выходцы из Сайёда— саёдцы), Хлозиён (выходцы из Хлоза — хлозцы), Говдиён (выходцы из Говда — говдцы). Другая волна переселенцев шла из Матчи. Так, в Шульмаке говорили, что основные родовые группы в кишлаке — *қауни вахио* и *қауни масчоҳ*; по другой версии, часть населения пришла из долины р. Ях-Су. На связи с Матчой указывали во всех кишлаках долины Сорбух и примыкающего к ней берега Сурхоба. Как можно судить по рассказам, население долины Камароу, отделенное от Матчи Каратегинским хребтом, ныне почти целиком переселившееся в хлопкосеющие районы республики, имело также тесные связи с Матчой.

Самсолик (группа кишлаков). Местность расположенная по правому берегу р. Сурхоб ниже впадения в нее р. Хингоу и ниже по обоим берегам Сурхоба до Оби-Гарма, по дореволюционному административному делению входила в пределы амлокдорств Пумбачи, Муджи-

харф и Оби-Гарм. Кишлаки же, объединенные названием Самсолик, составляли самостоятельное миразорство, подчинявшееся непосредственно Гарму. В группу самсоликских кишлаков входят Деи-Та, Кабутиён, Калназар, Шербегиён, Дияи-Охун и выселок Улфатобод. Название Самсолик сохранялось до революции за миразорством, после революции — за сельсоветом. По одной версии, это название происходит будто бы от Солих — имени киргиза, возглавлявшего род, стоявший здесь, и Самсам (Савсан) — имени его жены; по другой версии, название Самсолик связано с родиной основателя кишлака Кабутиён — Кабуда, пришедшего в эти места из к. Сарымсоклика под Ура-Тюбе, существующего и поныне; по другим сведениям, Кабут был из Куляба.

До прихода таджиков вся эта местность была заселена киргизами, называют места их поселений и кладбищ. Затем сюда пришли таджики, которые вытеснили киргизов. Первым таджикским поселением был к. Деи-Та на правом берегу речки Оби-Варешун (правый приток р. Сурхоб), по преданию основанный Зухуром Баходуром (пришедшим из Самарканда), затем был основан к. Кабутиён по обоим берегам речки Оби-Варешун, позднее—к. Шербегиён, выходцем из к. Лиджак на р. Кафирниган (Гиссар), Шербеком.

У первого засельника Зухура Баходура был родственник Охун, с которым они рассорились, и Охун поселился со своей семьей отдельно. Так был основан к. Дияи-Охун. Зухур был воинственного характера и занимался разбоем, а Охун, напротив, был очень богобоязненный. В ссорах Охун говорил Зухуру: *дəзди накə*! (не воруй), а тот говорил: *шайхи накə*! (не ханжествуй). У Шербега было 12 (по другой версии 14) сыновей. С их помощью он вытеснил киргизов сначала с правого, а затем и с левого берегов Сурхоба.

Среди жителей этих селений бытует рассказ о том, что таджики, решив окончательно вытеснить киргизов, донимавших их грабежами скота, пригласили их на угощение в мечеть, в крыше которой проделали отверстия и сквозь них бросили внутрь горящую солому. Киргизы бежали и вскоре совсем ушли из этих мест в Джиргаталь.

Большинство кишлаков Самсолика было основано около 150—180 лет тому назад. Значительная масса населения их считает своих предков выходцами из Куляба (Ховалинг и Муминабад), есть также выходцы из Вахио (Сайёд). Выселенцы из Вахио относительно недавние, первым переселенцем считается некий Холибек, внуку которого Додарбеку в 1956 г. было за 60 лет. Часть населения считает, что предки их были выходцами из Дангары (Куляб).

Расположение всех кишлаков Самсолика и расселение в них по родственному принципу предполагает, что они являются как бы кварталами, связанными между собой. Каждый из этих кишлаков делится на части.

В настоящее время самым крупным и многолюдным является к. Кабутиён, население которого принадлежит к трем родовым группам, каумам: *мулло сафар*, *кабутиён* и *асал*. О последнем сохранился рассказ, что якобы основатель этого рода Асал, родом из Оби-Гарма, еще в юном возрасте, по приказу оби-гармского амлокдора, был продан в рабство. Асала вместе с семью другими рабами гнали в Фергану. По дороге они остановились у кишлака Дегилмон, где работал Сафар, сын основателя к. Кабутиён — Кабуда. Сафар пожалел Асала, выкупил его, приютил у себя. Асал вырос в доме Сафара, женился. В настоящее время имеется 12 семей из рода Асала.

Кишлак Кабутиён делится на кварталы *(маҳалла)*—Айпулаки-Та, Хади-Та, заселенный семьями рода *асал*; Хади-Боло, заселенный семья-

ми рода *мулло сафар;* в остальных кварталах — Чормагзак, Фаркак, Сари-Зиё — расселение смешанного типа. В Сари-Зиё было в старое время укрепление Калаи-Зиё.

В кишлаках Калназар, Шербегиён и Деи-Та, по-видимому, сохраняется принцип родственного расселения, поскольку они делятся на части—*гузар,* называемые по имени глав семей или родов, заселяющих эти гузары. Так, в Шербегиёне указывали на гузары Шербек, Худойназар, Саймуддин, Мусогиё; в Калназаре — на гузары Шомахмад, Усто Додарбек; в Деи-Та — на гузары Сафгрниёз, Посиров, Курбон, Майдони-Худжа, Чукурак.

В каждом кишлаке была мечеть. В мечетях кишлаков Кабутиён, Калназар, Шербегиён и Деи-Та было по два помещения — хонако— для молитвы и алоухона — дом огня; в мечети Дияи-Охун было только одно маленькое помещение — алоухона.

В кишлаках группы Самсолик расселение смешанного типа: есть дома — хутора, окруженные садом или огородом, отстоящие друг от друга на значительном расстоянии; другие группы домов выстроены в два ряда, между которыми проходят улицы.

Тегирми (группа кишлаков). Обособленной группой являются кишлаки сельсовета Тегирми, расположенные несколько выше Комсомолабада в обширной котловине.

По сохранившимся преданиям, эти кишлаки были до прихода таджиков поселениями киргизов, и название Тегирми в форме Тегирмон является киргизским. В Тегирми до настоящего времени сохранились остатки старинной оросительной системы — каменные жолоба, которых было будто бы семь *(ҳафт ҷовардун),* и следы каналов, связывающих кишлак с возвышением, находящемся в 3-х км от Тегирми, называемым Калаи-Кофир (Крепость неверных). Рассказывают, что в начале этого века группа жителей из к. Тегирми шла в Фергану на заработки, по дороге путники остановились в Джиргатале, и какой-то очень старый киргиз, узнав, что они из Тегирми, стал их расспрашивать о кишлаке, вспомнил о жолобах и о большом белом камне *(санги сафед);* выяснилось, что этот киргиз был из Тегирми и помнил, как его род уходил оттуда.

Кишлак Тегирми делится на части: Калаи-Боло, Гузари-Мина, Гузари-Поён, Шахри-Нау. Самой старой частью является верхняя часть кишлака, называемая Калаи-Боло; сравнительно недавно отстроена нижняя часть — Шахри-Нау, расположенная на некотором расстоянии от центральной части кишлака.

Население Тегирми и четырех соседних кишлаков считает себя выходцами из Куляба, Муминабада, часть жителей связывает свое происхождение с долиной Камароу и Матчой.

По дореволюционному административному делению, Тегирми со своими кишлаками составляло миразорство, подчинявшееся пумбачинскому амлокдору. По дороге в Тегирми, круто поднимающейся от долины Сурхоба в гору, примерно на четвертом повороте автомобильной дороги, на расстоянии 200—250 *м* от кишлака в горе вырыта землянка с решетчатой дверцой, называемая *чиллахона.* По рассказам жителей, до революции там сидел чиновник бека, взимавший с пастухов, проходивших мимо него со стадами на летовки, налог *(бочу хироҷ).*

По переписи 1926 г., в этот сельсовет входили пять кишлаков— Лангар, Пита, Санджитак, Санги-Горак и Тегирми.

На правом берегу Сурхоба, ниже Комсомолабада, имеются два сельсовета — Муджихарф и Хакими. Оба расположены в ущельях речек, впадающих в Сурхоб,— Дараи-Муджихарф, Дараи-Хакими. Изо-

лированность этих ущелий в прошлом сказывалась в том, что Муджихарф являлся амлокдорством, а кишлаки Хакими были объединены в миразорство, подчинявшееся Муджихарфу.

В состав современного сельсовета Муджихарф входят 25 кишлаков: Зорони-Калон, Зорони-Майда, Муджихариф-Умбара, Муджихарфи-Калон, Ненак, Охангарон, Чормазак, Дашти-Навобод, Навобод, Дараи-Боби, Каланак, Бехи-Баланд, Хулози, Мулловон, Рушани, Чанораки-Поён, Чанораки-Боло, Сари-Мазор, Оби-Гарми, Войдара, Дегдонак, Сабзикадам, Дараи-Сабзикадам, Дарвеш-Али, Шодмони.

По современному административному делению в сельсовет Хакими входит 40 кишлаков, из них более половины относятся к Нижнему Каратегину.

По расспросным сведениям, в старые времена в ущельях Муджихарф и Хакими жили киргизы. Основная масса таджикского населения переселилась сюда в очень давние времена из Куляба, частью из Гиссара, имеются также выходцы из нижнего Вахио, о чем можно даже судить по названию кишлака Хулози в Муджихарфе, а в кишлаке Сиягулак (Хакими) есть группа населения—*қауми хлозиё* (выходцы из к. Ёфуч).

В кишлаках долины Хакими имеются семейно-родовые группы, ведущие свое происхождение от ишанов, выселившиеся в эти кишлаки из Куляба и считающие своих предков выходцами из Аравии, Египта. Население к. Хакимии-Боло принадлежит к сословию саидов, связанных происхождением с саидами Ях-Су, Куляба и Бухары.

Нижний Каратегин. В пределах Нижнего Каратегина лежат кишлаки б. Оби-Гармского района, расположенные главным образом на правых притоках Сурхоба. Это густо заселенный район. Значительное количество кишлаков, расположенных между Оби-Гармом и Файзабадом, новые; они образовались после революции за счет переселенцев из Рамита, кишлаков Шульмакского района и других удаленных горных кишлаков Каратегина и Куляба. Так, например, в современном сельсовете Калаи-Нав новыми кишлаками являются Гултепаи-Боло, Гултепаи-Поён, Калаи-Нави-Боло, Калаи-Нави-Поён, Мусообод, Сарой, Хайробод. В сельсовете Мискинобод новыми кишлаками являются Носиробод, Туркмандара, Муминобод, Мискинобод, Кашкарай, Чильча. Эти кишлаки создавались уже после переписи 1926 г. и в списке 1926 г. их еще нет.

Среди поселений, расположенных ниже Оби-Гарма, самым старым поселением является к. Элок, который считался одним из конечных западных населенных пунктов, входивших в состав Каратегинского бекства. На территории между Элоком и Оби-Гармом бытовали кочевые тюркоязычные племена и народности; на пастбища пригоняли на лето свои стада из Гиссара карлуки, локайцы, киргизы. На месте кишлака было летовье — *айлоқ;* от этого слова народная этимология выводит название кишлака Элок. Население Элока частью считает себя выходцами из Куляба, частью из Файзабада.

Население вновь основанных кишлаков составляют недавние переселенцы из долины Камароу, Рамита, Куляба, верхних кишлаков Оби-Гармского района. Например, Калаи-Нав был заселен в 30-х годах, главным образом, переселенцами из к. Бедихо и Шульмака; к. Угридара заселен переселенцами из Рамита; Гултепаи-Боло и Гултепаи-Поён — переселенцами из долины Камароу; Каджбедиё — переселенцами из Дараи-Сево.

Более раннее население имеется главным образом в самом Оби-Гарме и выше. В течение последних десятилетий идет постоянный про-

цесс переселения из верхних кишлаков в нижние, а также в хлопкосеющие районы республики.

Крупным административным, а в настоящее время и культурным центром на этой территории является Оби-Гарм, приобретающий благодаря своим горячим минеральным источникам большое значение как курорт союзного масштаба. В прошлом Оби-Гарм был центром одноименного амлокдорства Каратегинского бекства, резиденция амлокдора помещалась на месте современного курорта. Оби-Гарм делился на части, называвшиеся Гармобаи-Кала, Калаи-Кухна (Гузари-Малик), Зайнабобод (Шиварак), Боги-Назари-Али, Кучаи-Кала, Гузари-Миркаримхон. Население Оби-Гарма переселилось сюда в давние времена из Куляба, причем различают три группы: *кулоби, ёнахши* (выходцы из Ёнахша) и *ёлихари,* которые в свою очередь делились на каумы, расселявшиеся компактно. В настоящее время Оби-Гарм расширяется и перестраивается, и старое деление давно уже нарушилось. Теперь население Оби-Гармского района сплошь таджикское, лишь в самом Оби-Гарме есть русские, узбеки, татары, главным образом служащие учреждений и курорта.

Население оби-гармских кишлаков в прошлом делилось на два сословия: эшоно — высшее и факиро *(фақеро)* — податное. Следы этого деления сохраняются и поныне. Население кишлака Джавони составляет в колхозе две бригады: факиро и эшоно. Прежде в кишлаке было две мечети: одна — у факиро, другая — у эшоно, кладбище также делилось на две части.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Основными занятиями таджиков Каратегина и Дарваза являются полеводство, животноводство, садоводство и шелководство, за последние годы начинает внедряться и пчеловодство.

В дореволюционном Каратегине и Дарвазе вследствие низкого развития производительных сил и производственных отношений, с одной стороны, и изолированности населения от более культурных центров, с другой, очень стойко сохранялись пережитки старых архаических форм культуры и быта, сельское хозяйство находилось на низком уровне развития.

Сельское хозяйство Каратегина и Дарваза продолжало оставаться отсталым и в первые годы после революции. Это определялось в значительной степени сохранением единоличного хозяйства с его отсталой техникой, басмачеством, причинившим большой ущерб экономике, в частности сельскому хозяйству, сопротивлением байско-кулацких элементов и духовенства проведению нового и передового. Все эти обстоятельства очень затруднили осуществление коллективизации в этих горных районах. В то время как во многих других районах республики первая пятилетка была временем перелома в области коллективизации, в Каратегине и Дарвазе последняя проходила с большими трудностями. В 1934 г. в кишлаках Гармской группы районов процент коллективизации составлял всего 27.[1] Здесь долго преобладала переходная форма к артели — товарищества по общественной обработке земли (ТОЗы).

Только в результате окончательной победы колхозного строя сельское хозяйство таджиков Каратегина и Дарваза начало постепенно восстанавливаться и развиваться. В край завозятся в большом количестве современные сельскохозяйственные орудия—заводские серпы, косы, вилы, зерноочистители, веялки, конные плуги. железные бороны и др., а затем тракторы и комбайны. В сельское хозяйство внедряются современные агротехнические приемы, вводятся морозоустойчивые сорта пшеницы, ячменя, бобовых культур, льна-кудряша и др. Начали выращиваться новые культуры: картофель, помидоры, капуста и др.

Большую роль сыграло постановление ЦИК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию хозяйства и культурно-бытового строительства в Таджикской ССР», принятое в 1938 г. Малодоходные колхозы и единоличные хозяйства горных районов, в том числе Каратегина и Дарваза, были освобождены от поставок мяса и молока государству, а в отдельных местах (Калаи-Хумб, Сангвор и др.)—и от поставок зерна из урожая 1938 г. Большое внимание было уделено развитию животноводства, в частности, завозу по постановлению правительства в

Каратегин и Дарваз породного скота (телят, нетелей, овец, коз). В эти годы таджики Каратегина и Дарваза боролись за развитие всех отраслей сельского хозяйства, приступили к расширению посевных площадей, проводили новые каналы, восстанавливали старые.

В результате всех осуществлявшихся мероприятий накануне Великой Отечественной войны в развитии сельского хозяйства горных районов и в поднятии уровня благосостояния населения наметились определенные сдвиги. Начавшаяся война принесла с собой новые трудности. В связи с уходом на фронт многих мужчин в колхозах ощущался недостаток рабочих рук, основной рабочей силой стали старики и женщины. Они не могли выполнять такие тяжелые мужские работы, как пахота плугом, поэтому были созданы специальные бригады мотыжников *(бригадаи каландиҳо);* женщины и школьники — ученики старших классов мотыгами разрыхляли землю, затем бороновали ее, а старики высевали семена. Это не могло не сказаться на урожае. Особенно пострадало животноводство, сильно сократилось поголовье скота.

После окончания Великой Отечественной войны труженики сельского хозяйства Каратегина и Дарваза, как и всей республики, приступили к восстановлению сельского хозяйства, выполнению пятилетних планов и добились некоторых успехов в подъеме полеводства и животноводства.

Большая забота партии и правительства о восстановлении и дальнейшем развитии сельского хозяйства проявилась в ряде постановлений, в том числе в постановлении февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1948 г. «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» и в постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о «Трехлетнем плане развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949—1951 гг.)», (апрель 1949 г.). Коммунистическая партия и правительство Таджикистана уделили много внимания развитию сельского хозяйства, в частности земледелию и животноводству горных колхозов. В 1949 г. например, для поднятия экономики и развития животноводства горным колхозам Каратегина и Дарваза было отпущено 4700 тыс. рублей долгосрочных кредитов.

Многие районы и колхозы Каратегина и Дарваза выполнили трехлетний план животноводства, а также увеличили площади зерновых культур и садов за счет освоения новых земель; был проведен ряд новых оросительных каналов: «Санги-Кар», «Хилмони», «Оби-Хук», «Нушор», «Ляхш» (в Каратегине), «Курушинг», «Шибаро» (в Дарвазе) и многие другие. В связи с улучшением системы орошения многие колхозы Каратегина и Дарваза стали получать зерновых по 14—15 ц, а некоторые даже по 16—20 ц; но вместе с тем были еще колхозы, которые с гектара получали только по 4—5, а иногда даже по 3 ц (Калаи-Хумб, некоторые колхозы Оби-Гарма и др.).

Уровень сельскохозяйственного производства в конце 40-х и начале 50-х годов не мог еще полностью удовлетворить растущие потребности колхозников в продуктах питания, особенно в продуктах полеводства. Поэтому многие районы Каратегина и Дарваза (Тавиль-Даринский, Калаи-Хумбский, Сангворский, Гармский и др.) и в эти годы были освобождены от поставки государству зерна; государство часто даже помогало этим районам продуктами. Проведения дальнейших мероприятий требовало и животноводство: скот не был в должной мере обеспечен удобными помещениями, в частности, не было теплых хлевов на зимних пастбищах, далеко в недостаточном количестве запасался фураж, мало были механизированы трудоемкие процессы животноводства, не хватало зооветеринарных работников. Все эти недостатки ска-

зались в суровую зиму 1951—1952 гг., когда из-за больших холодов имел место сильный падеж скота. Несмотря на выполнение плана развития животноводства, поголовье крупного рогатого скота, особенно коров, в Каратегине и Дарвазе продолжало оставаться низким.

Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» и последующие постановления партии и правительства о сельском хозяйстве находили отражение и в хозяйстве исследуемых нами горных районов: туда во все большем количестве завозятся современные сельскохозяйственные машины, химические удобрения, пополняются кадры квалифицированных специалистов сельского хозяйства, вводятся новые доходные отрасли, как, например, свиноводство.

Колхозники Каратегина и Дарваза успешно борются за дальнейшее развитие народного хозяйства.

Таджики — древние и исконные земледельцы. Многовековый опыт и навыки таджикского народа в области земледелия не потеряли своего значения и в настоящее время. Они дают себя знать в уходе за сельскохозяйственными культурами, за садами, за животными, в выращивании богатых урожаев.

Однако земледелие у таджиков, в частности у горных таджиков Каратегина и Дарваза, до революции в культурно-историческом и бытовом отношениях изучалось сравнительно мало. До революции некоторые разрозненные, случайные и крайне общие сведения можно найти в отчетах, заметках, статьях и других работах русских исследователей, главным образом офицеров царской службы или чиновников, а также ученых разных специальностей, которые начиная с 80-х годов XIX в. совершали поездки в эти районы.[2] Для большинства указанных авторов сельскохозяйственные занятия населения Каратегина и Дарваза были интересны лишь с одной точки зрения — возможности использования местных продовольственных и фуражных ресурсов в случае войны. Разработка вопросов, касающихся хозяйственной деятельности и связанного с ней образа жизни населения, давалась поверхностно; сельскохозяйственные культуры и орудия, техника и способы обработки земли всесторонне не описывались.

В работах некоторых первых советских исследователей,[3] посвященных вопросам ботаники и экономической географии, имеются краткие сведения о занятиях населения Каратегина и Дарваза. Однако в них не нашли отражения народные методы и способы ведения сельского хозяйства; исключение составляет работа П. А. Баранова и И. А. Райковой, в которой затронуты вопросы культуры земледелия таджиков Дарваза.

За последние десятилетия появилось несколько этнографических статей и монографических работ, специально посвященных вопросам земледелия отдельных районов Каратегина, Дарваза, Памира и Северного Таджикистана.[4] Однако до сих пор нет еще работы, которая охватила бы в целом вопросы земледелия, животноводства и других отраслей сельского хозяйства Каратегина и Дарваза как дореволюционного, так и советского периодов. Настоящая глава имеет целью восполнить этот пробел.

ПОЛЕВОДСТВО

Каратегин и Дарваз — горные районы, основные земельные массивы которых расположены на склонах или у подножия гор. Припянджский Дарваз очень беден землей, пригодной для посевов (малоземелье

дарвазцев отмечалась многими дореволюционными исследователями), в долинах Хингоу и Сурхоба удобных для обработки земель было гораздо больше, и Каратегин считался хлебной житницей этих горных районов, а население было более состоятельным.

За годы Советской власти посевные площади в Каратегине и Дарвазе значительно увеличились за счет освоения заброшенных и необработанных земель, этому способствовало и расширение ирригационной сети.

Характерной чертой сельского хозяйства Каратегина и Дарваза является то, что в условиях горной страны современная передовая сельскохозяйственная техника еще не получила столь широкого распространения, как на равнинах. В то время как в северных, центральных и южных равнинных районах Таджикистана в сельском хозяйстве широко применяются тракторы, комбайны, бульдозеры, жнейки и различные другие современные орудия, а старые земледельческие орудия почти исчезли из употребления, в обследованных нами горных районах тракторы, комбайны, жнейки и даже плуги могут применяться лишь в отдельных районах с болсе или менее ровным рельефом (Джиргатальская, Таджикабадская, Сагырдаштская группа кишлаков). Многие пахотные земли в Каратегине и, особенно, в Дарвазе расположены на таких крутых склонах, где ни современный плуг, ни тем более трактор не могут быть использованы, и только традиционной местной сохой облегченного типа земледелец может обработать свои поля.

Нельзя не отметить здесь большой задолженности перед горными земледельцами наших конструкторов, которые до сих пор не создали сельскохозяйственных орудий, приспособленных к специфическим горным условиям.[5]

Выращиваемые культуры. Колхозы Каратегина и Дарваза выращивают много видов сельскохозяйственных культур: пшеницу — *гандум*, ячмень — *ҷав*, просо — *арзан*, итальянское просо — *қуноқ*, кукурузу — *ҷугорӣ*. Кукурузу сеют в колхозах на отдельных делянках, а также на приусадебных участках, и она дает хорошие урожаи. До революции ее сеяли очень мало, большинство дехкан выращивало ее на поливных землях в огородах. Из бобовых культур сеют чину—*милк, хулкак, мушунг*, маш — *мош*, горох — *нахуд*, чечевицу — *наск*, бобы—*боқло*, фасоль—*лубӣ, лубьё*, гамук—*ғомук*. Выращивают бобовые на отдельных участках и на огородах, но в очень небольшом количестве. Из масличных культур как раньше, так и теперь возделывают лен-кудряш — *зағер* и в некоторых местах Дарваза в небольших количествах—кунджут—*кунҷит*. За последние годы посевы льна увеличились.

Из кормовых трав сеют только люцерну — *ришқа*, которая занимает большие площади. До резолюции посевы люцерны были невелики; ее сеяли в садах, между фруктовыми деревьями и очень редко на отдельных участках около кишлака.

В годы нашего обследования в Каратегине хлопка не сеяли совсем, в Дарвазе же небольшие участки его встречались в кишлаках западнее Калаи-Хумба, от Зинга до Зыгара; в 60-х годах его перестали сеять и там. До революции в Каратегине хлопок возделывали лишь на мелких участках в некоторых западных кишлаках (Муджихарф, Алигалабон), в Дарвазе же он являлся одной из основных культур, занимая третье место после пшеницы и ячменя. Культивировался только хлопок местного сорта — *ғуза*, с нераскрывающимися коробочками. Дарвазцы нередко практиковали смешанные посевы, сочетая хлопок с чечевицей и кунджутом. После революции посевы хлопка в Каратегине совсем прекратились, а в Дарвазе значительно сократились. Только

в годы Великой Отечественной войны, в связи с оживлением местного кустарного ткачества, посевы хлопка в старых пунктах своего распространения возобновились, что дало возможность колхозам изготовлять для колхозников местные хлопчатобумажные ткани: *карбос, алоча, хофма* и др.

До революции и в первые годы Советской власти в некоторых кишлаках Каратегина и Дарваза выращивали рис — *шолӣ*, но вследствие распространения малярии посевы его были прекращены. Однако в 40-х годах посевы риса возобновились во многих кишлаках в Каратегине, в частности, по среднему течению р. Сурхоб, и в небольших количествах в некоторых кишлаках долины р. Хингоу (Гурхам, Сайёд и др.).

В огородах и на бахчах, в зависимости от местных климатических условий, выращивают арбузы — *тарбуз*, дыни — *харбуза*, картофель — *тушка*, свеклу — *лаблабу*, капусту — *карами урусӣ, капус*, репу — *шалғам*, морковь — *зардак, сабзӣ*, тыкву — *каду*, огурцы — *бодринг*, помидоры — *памадур*, перец красный — *қаламфур*, кориандр — *гашниз, гашнич*, базилик — *ниёзбуй*, садовую мяту — *занҷабил*, табак — *тамоку* и другие пряные, цветочные и ароматические растения.

Основное место среди огородных культур занимает картофель, который дает хорошие урожаи. Некоторые колхозы, например колхоз «Сагырдашт», Калаи-Хумбского района, с 1 га земли получают его до 130 ц. Обильный урожай картофеля дает возможность колхозникам оставшуюся сверх личного потребления часть его вывозить в другие районы и даже на рынки Душанбе, где «гармский» картофель ценится за высокие качества.

До революции помидоры и кочанная капуста в Каратегине и Дарвазе не культивировались, но капуста-кольраби — *карам* возделывалась издавна. Что касается картофеля, то он до революции широкого распространения не имел. По преданию, впервые посадки картофеля произвел дарвазский правитель Туробкулибек в 80-х годах XIX в., и с этого времени в высокогорных кишлаках Сафедорон, Пуштарог и др. в бассейне р. Хингоу выращивали картофель — мелкий, со светлой кожурой, картофель же с красной кожурой, называвшийся *тушкаи урусӣ* (русская картошка), появился только при Советской власти. В первые годы представители духовенства, ведя антисоветскую агитацию, пугали население тем, что от картофеля земля якобы станет неплодородной. Велась также агитация и против культивирования помидоров, которые называли «русским перцем».

Вследствие того, что в некоторых колхозах Каратегина и Дарваза животноводство приобретает характер основной отрасли хозяйства, создание кормовой базы для скота становится первостепенной задачей. Такие колхозы увеличивают посевы кормовых культур — тыквы, свеклы и кормовых арбузов до нескольких десятков гектаров.

С 1953 г. на равнине Ляхш (в Джиргатальском районе) стали культивировать сахарную свеклу. Опыты показали, что эта культура здесь может дать не меньший урожай, чем в Киргизии.

Поливные и богарные земли. Повсеместно в Каратегине и Дарвазе как до революции, так и в настоящее время зерновые культуры возделывают на поливных и богарных землях. Так как пологих земель, пригодных для орошения, здесь сравнительно мало, то земледелие края носит, в основном, богарный характер. Особенно мало поливных земель в Дарвазе. В некоторых высокогорных кишлаках (например, на северных склонах Дарвазского хребта) на поливных землях пшеницу сеют мало, так как она не успевает созревать, а до революции ее здесь вовсе

не сеяли. Бобовые, овощные и бахчевые культуры, кроме гомука, возделывают так же как и раньше, в основном, на поливных землях, а на богарных сеют лишь изредка чину и горох.

Во многих колхозах Каратегина и Дарваза практикуются два вида посевов: яровые — *баҳорӣ* и озимые — *тирамоҳӣ*. В прошлом яровые посевы занимали ведущее место, озимые же практиковались мало, а в некоторых кишлаках (Сафедорон, Сагырдашт, Пшихарв, Висхарв, Амшон, Гишон, Юс, Яхак и др.) их и совсем не было, несмотря на то, что озимые посевы, как лучше обеспеченные влагой, дают большие урожаи. В настоящее время озимые посевы почти вытеснили яровые.

Способы повышения урожайности. Колхозы Каратегина и Дарваза для повышения урожайности земли применяют ряд агротехнических приемов. Один из них, практиковавшийся издавна, это оставление земли под паром и вспашка зяби. В настоящее время, когда посевные площади колхозов увеличиваются с каждым годом за счет освоения целинных и залежных земель и за счет освобождающихся земель переселяемых колхозов, появилась полная возможность оставлять часть земель под паром, а другую — вспахивать под зябь с чередованием через год. Этот метод способствует повышению плодородия почвы и увеличению урожая, так как отдохнувшая земля зарастает травой, которая после вспашки, попадая под слой земли, превращается в перегной. Оставление земли под паром и зяблевая вспашка практикуются чаще всего в колхозах по долинам рек Сурхоб и Хингоу, так как здесь, с одной стороны, больше земли, с другой — рельеф позволяет осуществить зяблевую вспашку части земли тракторами. В колхозах же припянджского Дарваза оставляют землю под пар редко из-за недостатка земли и из-за невозможности применять тракторы для вспашки. Другим агротехническим мероприятием является очищение и протравление семенного материала, а также яровизация озимых семян.

Решающим фактором повышения урожаев зерновых культур в колхозах Каратегина и Дарваза является применение удобрений. К сожалению, в большинстве колхозов навоз в значительной степени используется на топливо. Все же благодаря развитию скотоводства на поле вывозится все больше местных удобрений. Весь навоз с животноводческих ферм вывозят на поля, а помет личного скота колхозников идет на топливо. Удобрение вывозится не только на поливные земли, но и на богарные, которые иногда расположены далеко от кишлака, на склонах и гребнях гор, и которые раньше не удобрялись. Благодаря широкому использованию местных и минеральных удобрений урожайность богарных земель повысилась в сравнении с дореволюционной в 2--3 раза. Если до революции с каждого гектара получали от 2 до 4 ц, то сейчас получают в среднем по 8—10 ц. Некоторые передовые бригады колхозов Каратегина и Дарваза с гектара посевной площади получают даже по 16—20 ц урожая (данные относятся к середине 50-х годов).

Колхозы Каратегина и Дарваза, кроме местных удобрений (зола и навоз), вывозят на поля компост, богатую селитрой землю разрушенных глинобитных стен и птичий помет. Землю разрушенных стен большей частью вывозят на каменистые и песчаные почвы. За последние годы все больше применяют минеральные удобрения, чаще всего суперфосфат и аммиачную селитру. Минеральные удобрения применяют преимущественно на отдаленных участках, куда трудно доставить более объемные местные удобрения. В некоторых колхозах смешивают суперфосфат и аммиачную селитру с золой и птичьим пометом и высыпают эту смесь на земли, отведенные под бахчи и огороды. Так, колхоз «Аскарони Сурх» (кишлаки Каланак, Ялдамич, Белги) Гармского

района в результате использования этого агротехнического приема добился увеличения урожая на 30—35%. Колхозы убеждаются на практике, что применение минеральных удобрений значительно способствует поднятию урожайности, однако возможность применения минеральных удобрений еще не во всех колхозах используется в полной мере.

До революции крестьяне вывозили удобрения только на некоторые поливные поля и на огороды, расположенные внутри кишлаков или вблизи их, так как скота было мало и навоза не хватало. Во многих кишлаках поля удобряли только золой. В результате из года в год земля все больше истощалась и урожаи ухудшались. Только местные богатеи — баи и бухарские чиновники, имевшие достаточно скота и навоза, хорошо удобряли свои земли, особенно орошаемые, используя безвозмездно для выноса удобрения труд односельчан путем устройства помочи — *хашар*.

Средством повышения урожайности сельскохозяйственных культур является также борьба с суховеем — *гармсел*. В Каратегине и Дарвазе суховеи приносят большой вред земледелию, так как они начинают дуть в период колошения и созревания яровых, сокращают время колошения, и в результате зерно получается мелким, сморщенным и легковесным. Колхозы Каратегина в 1951—1952 гг. из-за суховея недобрали свыше 20% урожая зерновых; высокий урожай получили только те колхозы, которые засеяли яровые рано, и они у них созрели до наступления суховея. Озимые посевы начинают колоситься раньше и страдают от суховея меньше.

Для того, чтобы можно было производить посев яровых раньше, колхозы используют один из старинных методов горных земледельцев — ускорение таяния снега искусственным путем, для чего снег на полях посыпают землей; этот прием называется *хокзанй*, он применяется во многих колхозах Каратегина и Дарваза; не применяется только в Припянджском Дарвазе, поскольку снега там выпадает меньше, и он быстро тает. Посыпание землей начинают со второй половины февраля. Некоторые колхозы проводят эту работу на площади 300—400 и более гектаров; так, например, высокогорный колхоз «Сагырдашт» Калаи-Хумбского района ежегодно применяет этот метод на площади 500—600 га.

Способ ускорения таяния снега в горных районах использовался широко и до революции. Во многих кишлаках назначался определенный «счастливый день» (вторник или четверг), в который население посылало для начинания работы одного из зажиточных, «удачливых» стариков, имеющих «легкую руку», многосемейного, у которого дед и прадед были хорошими земледельцами. Такого человека во многих кишлаках Дарваза называли *шавгунй*; в Каратегине этот обычай мало сохранился и здесь термин шавгуни не употреблялся. По-видимому, шавгуни олицетворял собой древнего патрона земледелия, или «Деда-земледельца»—*Бобои-Деҳқон;* во многих кишлаках эта функция переходила по наследству, т. е. шавгуни был наследственным жрецом.[6] На другой день после того, как шавгуни посыпал на снег немного земли, каждый желающий мог начинать эту работу на своем участке.

Одновременно с посыпкой снега землей начинается и ремонт сельскохозяйственных орудий, и подготовка к земледельческим работам. Всю рабочую силу и все орудия колхозы по заранее составленному плану распределяют по бригадам; каждая бригада отвечает за свой инвентарь вплоть до окончания сбора и обмолота урожая.

Пахота и сев. Когда снег на полях стаял и земля просохла, приступают к весеннему севу. В зависимости от климатических условий и

высоты местности над уровнем моря сев начинается в разное время. Во многих кишлаках Каратегина (Шульмак, Шуль, Казнок, Навди, Хилмони, Калаи-Сурх и др.), где климат теплее, сев начинают на 8—10 дней раньше, чем в других местах. Так же обстоит дело в Дарвазе. Здесь в некоторых кишлаках (Ризвай, Умарак, Зинг, Егид, Нульванд) сеют в начале марта, в других (Пшихарв, Висхарв, Пошхарв)— во второй половине марта; в высокогорных кишлаках северного Дарваза, бассейн р. Хингоу (Сагырдашт, Сафедорон, Пуштарог и др.)—в конце марта. Первой высевают богарную пшеницу, затем ячмень и другие богарные культуры. До революции крестьяне, которые не могли обеспечить свои семьи хлебом до нового урожая, в начале весны до сева других культур засевали один из маленьких участков земли ячменем, что называлось *навқуни* (сверхранний посев). Теперь колхозам хватает запасов зерна до нового урожая, поэтому необходимость навкуни отпала. В середине сева богарных культур приступают к вспашке поливных земель, однако большинство колхозов приступает к засеванию поливных земель только после окончания сева на богарных. Бобовые культуры как на богаре, так и на поливе сеют в последнюю очередь.

Существует три способа сева. 1. *Пешсипор* (предплужный), или *яксипора* (одноплужный). Если на поле нет сорняков и оно расположено на склоне, то сначала высевают семена, а потом вспахивают землю. Если поле расположено на крутом склоне и почва каменистая, семена высевают гуще, если же поле пологое или ровное, а почва жирная— реже. Посев поручают опытным дехканам. Сеятели наполняют фартуки или подолы длинных рубах семенным зерном и, двигаясь по полю, разбрасывают его; иногда следом за сеяльщиком на расстоянии 10—12 шагов идет другой колхозник, который проверяет, как ложатся семена. Иногда после сева способом пешсипор разравнивают землю бороной-волокушей — *чапар*. 2. *Дураха* (двойная вспашка) (Каратегин, бассейн р. Хингоу), или *дусипора* (двухплужная), *сесипора* (трехплужная), *гардониданӣ*, *сипоргардон* (пахота плугом) (Дарваз) — земля вспахивается один или два раза, высеваются семена, а затем земля вспахивается еще раз, чтобы семена были хорошо закрыты. Иногда, вспахав землю, ее сначала разравнивают бороной-волокушей, а затем уже высевают семена и запахивают их. 3. *Пешчапар*. Сначала землю вспахивают раз или два, затем высевают семена и разравнивают поле волокушей — *чапар*. В настоящее время применяют чаще способы сева дураха и пешчапар.

Старинные обычаи и обряды, связанные с пахотой, в колхозах не выполняются. До революции для начала первой пахоты — *чуфтбарорӣ, говхунукбарорӣ*, как и для посыпания снега землей, выбирали определенный «счастливый» день. Первым начинал работу *шавгунӣ, шогунӣ* (Дарваз), или *пуштӣ* (к. Умарак, Дарваз), или *Бобои-Деҳқон* (Каратегин). В этот день он выходил на поле, вспахивал и засевал немного земли и, дав отдохнуть быкам, возвращался домой. На следующий день каждый крестьянин мог приступать к севу. До тех пор пока шогуни (Бобои-Дехкон) не запахивал землю, никто не имел права начать первый сев. Если какой-нибудь крестьянин, особенно из бедняков, нарушал это правило, односельчане отнимали и уничтожали его орудия. Такой случай имел место незадолго до революции в к. Чормагзак, Комсомолабадского района: некий дехканин-бедняк Маджид начал пахоту до выхода в поле Бобои-Дехкона; односельчане отняли у него плуг и сожгли в мечети. Существовало поверье, что если крестьянин-бедняк, у которого отец и дед не были крепкими, самостоятельными земледель-

цами, без разрешения населения начинает пахоту, то хорошего урожая не будет ни у кого и год будет голодным. Шогуни или Бобои-Дехкон приносил в мечеть что-нибудь из пищи, которую присутствующие в мечети съедали и желали друг другу хорошего урожая. Эту пищу называли *гов-юғӣ* (букв. «впрягание быков в ярмо») или *сарҷуфтӣ* (букв. «предпахотное») в Дарвазе и *ҷуфтбароронон* (букв. «выход на пахоту», вывод волов) — в Каратегине. Во многих кишлаках Каратегина каждый крестьянин, который начинал (вслед за Бобои-Дехконом) пахоту на своей земле, варил гов-юги и приносил в мечеть[7], или иногда (к. Курговад в Дарвазе) на поле. Обычно такое угощение состояло из маленьких лепешек — *кулчаи чой* или из кушанья *ширравған* или *қурутоб*, или из супа из баранины, или из похлебки с лапшей (в Дарвазе) и из мучной похлебки (в Каратегине и по нижнему течению р. Хингоу). В к. Пуни-Шор в Дарвазе во время первой пахоты поля под хлопок шогуни приносил на поле блюдо с курутоб или ширравган, и эту еду, которую съедали старики кишлака, называли *сарпахтай* (букв. «к началу хлопковых работ»).

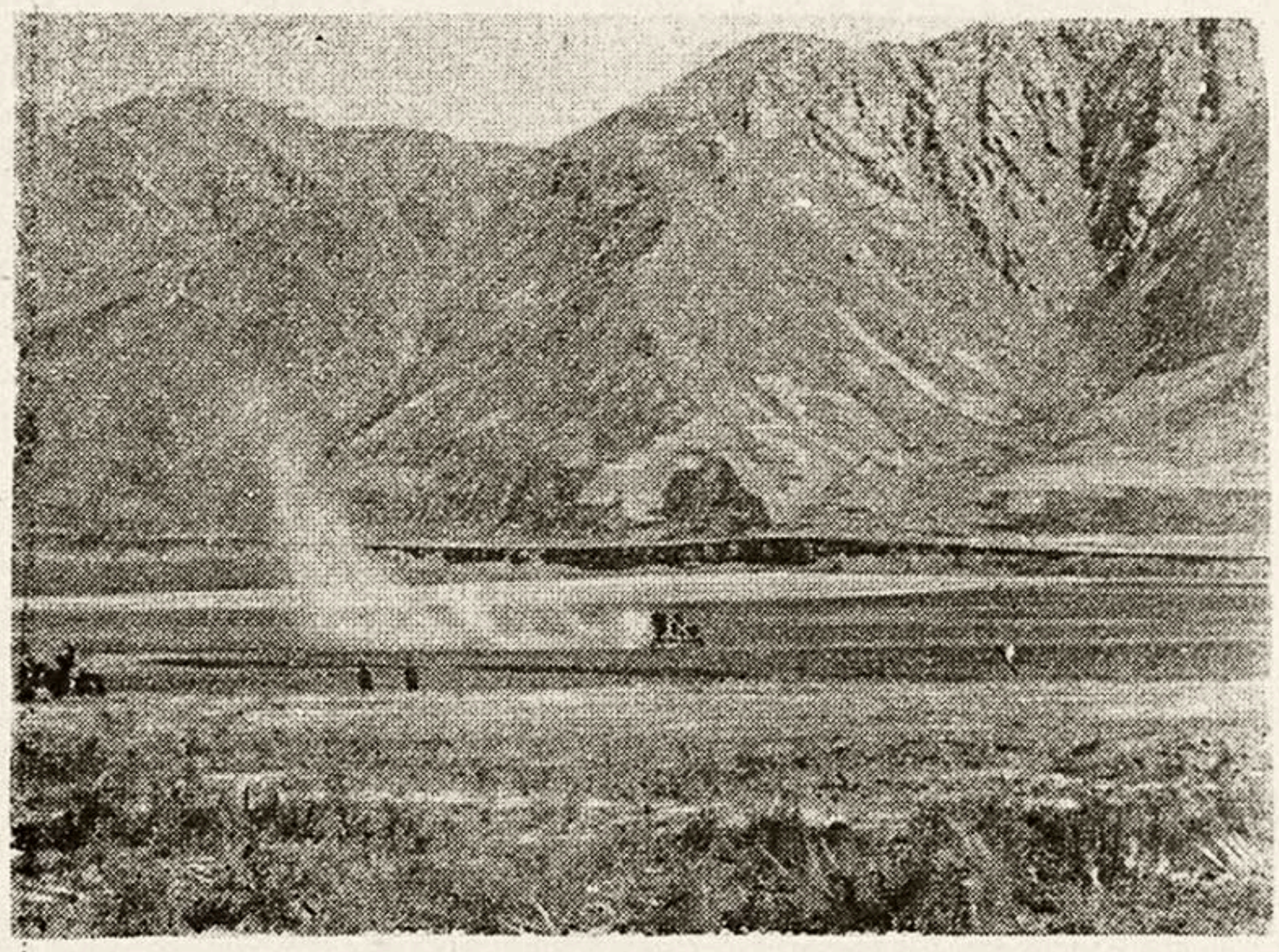

Рис. 8. Пахота трактором в Джиргатале (нег. № 51—77).

Орудия для пахоты и сева. Колхозы Каратегина и некоторые колхозы долины Хингоу обрабатывают часть своих земель, расположенных на ровных или пологих местах, трактором (рис. 8) и конным плугом, в который впрягают пару быков.

До 1958 г. в Таджикабадском, Комсомолабадском и Оби-Гармском районах были машинно-тракторные станции, которые обеспечивали тракторами колхозы б. Таджикабадского, Джиргатальского, Гармского, Комсомолабадского, Оби-Гармского и часть колхозов Калаи-Хумбского районов. До 1954 г. Оби-Гармский район обеспечивала тракторами Файзабадская МТС, в 1955 г. в этом районе была создана своя

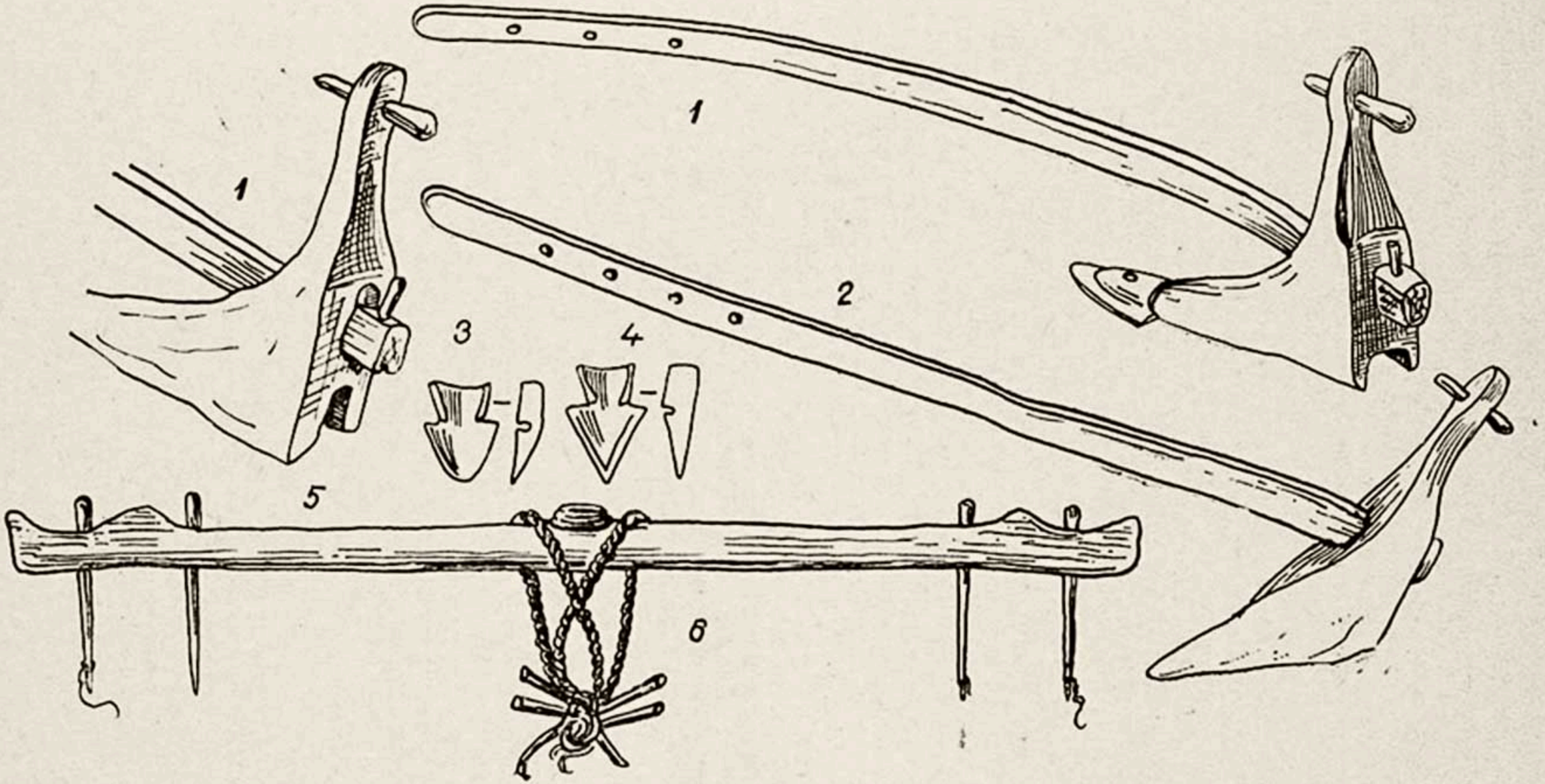

Рис. 9. Сельскохозяйственные орудия: *1—2*—виды плуга —*испор*; *3* — старый железный кованный сошник — *ковук*, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156/42); *4*—новый железный кованный сошник, Дарваз, к. Пуни-Шор (КП 156/124); *5*—ярмо—*юг*; *6*—тяж — *отанг*.

МТС. МТС оказывали большую помощь колхозам Каратегина и некоторым колхозам долины р. Хингоу. Уже в 1952 г. колхозы Таджикабадского района обрабатывали тракторами МТС до 50% своих земель. С 1958 г. после постановления ЦК КПСС о реорганизации МТС, многие колхозы стали сами приобретать тракторы, комбайны, силосоуборочные и зерноуборочные машины, молотилки, жнейки и другие современные орудия. Это значительно удешевило работы и позволило колхозам шире использовать технику не только на ровных низких террасах, но и на высоких. Раньше, при использовании машин МТС, пахать высоко расположенные участки тракторами было нерентабельно, да и трактористы отказывались туда добираться. Теперь колхозы проводят к этим высоким террасам дороги и пашут тракторами.

Вспашка земли тракторами повысила урожайность полей, так как трактор пашет глубже местной сохи, которая рыхлит землю не более, чем на 10—15 см. Все же тракторы и другие сельскохозяйственные машины существующей конструкции, как говорилось выше, не могут быть широко использованы в условиях горного рельефа. Указанное обстоятельство является причиной того, что большинство сельскохозяйственных работ в Каратегине и Дарвазе до последнего времени выполняется старинными орудиями, которые, несмотря на свою примитивность, более или менее соответствуют местным условиям.

Основным орудием для пахоты как в Каратегине, так и в Дарвазе издревле был примитивный плуг, скорее соха — *испор, сипор* (рис. 9, *1—2*), не отваливающий пласты земли, а только рыхлящий почву, принадлежащий к общему среднеазиатскому типу. В Каратегине и Дарвазе существует два вида плуга: малый — *сипори бармол, сипори адир, сипори қайроқ, сипори майда,* употребляемый для пахоты на крутых склонах гор, и большой — *сипори ката, сипори лумб, сипори калон, сипори тахдашт, сипори хамб, сипори обӣ,* применяемый при вспашке более или менее ровных площадей. Большой плуг отличается от малого только размером и бо́льшим весом. И в большой и в малый плуг впрягают по одной паре волов. В припянджском Дарвазе в связи с очень пересеченным рельефом местности применяются меньшие плуги, чем в Каратегине и в долине р. Хингоу. Основная часть плуга представляет собой толстый деревянный, вертикально укрепленный брус, передняя часть которого изогнута и конец ее заострен. Эту часть плуга собственно и называют *сипор*, или *суфи сипор*. Во время пахоты на заостренный конец передней части плуга надевают сошник, лемех— *ковук* (Дарваз), *оҳани ҷуфт* (Каратегин, бассейн р. Хингоу), который в Каратегине и бассейне р. Хингоу чаще всего отливался из чугуна, а в Дарвазе, в местах с каменистой почвой, как и в Припамирье,[8] обычно делался кованным (рис. 9, *3* и *4*). В настоящее время чугунные лемеха не только отливаются местными кузнецами, но и продаются в магазинах.[9] В каменистых местах Дарваза магазинные лемеха считаются слишком тонкими и хрупкими, и местные мастера переливают их на меньшие по размеру, но более массивные. В западные кишлаки Дарваза, например Ёгид, завозят чугунные лемеха из Куляба. В верхней части вертикального бруса — *суфи испор* прикрепляют рукоятку — *даста, мушта.* Пахарь во время работы держит одной рукой рукоятку, а другой прут, которым погоняет быков.

Дышло — *тири испор* состоит из длинной жерди, диаметром в 8—10 см, закрепленной неподвижно в верхней части бруса. В передней части дышла просверливают 3—4 горизонтальные отверстия. В одно из них при соединении дышла с ярмом посредством тяжа — *отанг* встав-

ляют палочку — *пешкалид* (замок), которая во время пахоты не дает соскочить петле тяжа с дышла плуга. Тяж — *отанг* представляет собой два жгута из скрученных прутьев. Концы прутьев соединяют, образуя две большие петли, скрепляемые поверх древка ярма; эти две петли *почи отанг* свешиваются по обеим сторонам ярма. При соединении с дышлом обе петли тяжа перекручиваются под ярмом, в результате чего они меняются местами (рис. 9, *6*).

Ярмо — *юғ* (Каратегин, долина р. Хингоу), *уғ* (Дарваз) представляет собой толстую палку, диаметром примерно 8—10 см, по обеим концам которой на расстоянии 40—50 см друг от друга находятся по два отверстия (рис. 9, *5*). В эти отверстия сверху вставляют две пары палочек, длиной в 30—35 см и диаметром в 1 см — *юғлол, юғлолчуб*. На нижний конец одной из каждой пары палочек привязывают тонкую веревку длиной в 1 м. При впрягании быков в плуг их шеи оказываются между этими палочками. Затем протягивают веревку — *юғлолбанд* под шеи каждого из волов и завязывают на конце другой палочки данной пары. Середину ярма немного стесывают в виде небольшой выемки или же вбивают там вертикально короткую толстую палку. Эту выемку или палочку называют *отангхона* или *хонаи отанг* (букв. «гнездо отанга»), так как здесь держится петля тяжа. Если во время пахоты или других сельскохозяйственных работ тяж выходит из своего гнезда и немного сдвигается в сторону, то вол, оказавшийся на этой стороне, устает быстрее, так как большая тяжесть работы падает на него. Иногда волы бывают неравны по силе и один из них устает быстрее, тогда пахарь сдвигает тяж в сторону более сильного вола. Такой прием называют *чаб-юғ* или *чаб-юғ задан*.[10]

Кроме пахоты, ярмо применяется и при других сельскохозяйственных работах — при обмолоте с волокушей, при перевозке снопов на санях-волокушах. При всех этих процессах обычно тягловой силой является пара волов — *як ҷуфт*, или *ҷуфт* (букв. «пара»). Поэтому и самую вспашку земли во всех районах Каратегина и Дарваза называют *ҷуфт, ҷуфткуни* или *ҷуфтҳайкуни* (букв. «гоняние пары»).

При вспашке земли испором или конным плугом за каждым пахарем следуют два-три колхозника-мотыжника — *каландзан*; они мотыгами—*каланд*, или *хоркан*, разбивают крупные комки земли, вскапывают огрехи, удаляют сорные травы. По способу насадки рабочей части на ручку под прямым углом каланд сходен с кетменем равнинных районов Средней Азии, но сама рабочая часть, имеющая форму узкой длинной лопаты, совсем иная (рис. 12, *4*).

До революции часть дехкан-бедняков вследствие малоземелья и отсутствия рабочего скота обрабатывала свой участок земли только мотыгой; такой вид обработки земли называли *каланди* (мотыжный).

Чапар — волокуша бывает двух видов: *чапари ҷуфт* — волокуша для разравнивания земли и *чапари хирманкуби*—плетенка для молотьбы. О чапаре для молотьбы скажем ниже, а сейчас остановимся на чапаре для разравнивания земли после вспашки или посева. Он сплетается из ветвей и прутьев: на землю кладут палку диаметром 5—6 или 8—10 см и длиной в 1 метр, просверленную в трех-четырех местах; называется она *пешвал* или *тарабчи*—в Каратегине и *пешчапари* или *пешчапарии кулухмайдакун* (букв. «передняя часть чапара, размельчающая комья земли»)—в Дарвазе. Затем берут ветви кустарника (часто при этом вырывают кусты с корнями) и кладут их на пешчапари, так что корни выдаются перед пешчапари. Поверх ветвей параллельно пешчапари кладут прочную палку, диаметром в 3—4 см, которая называется

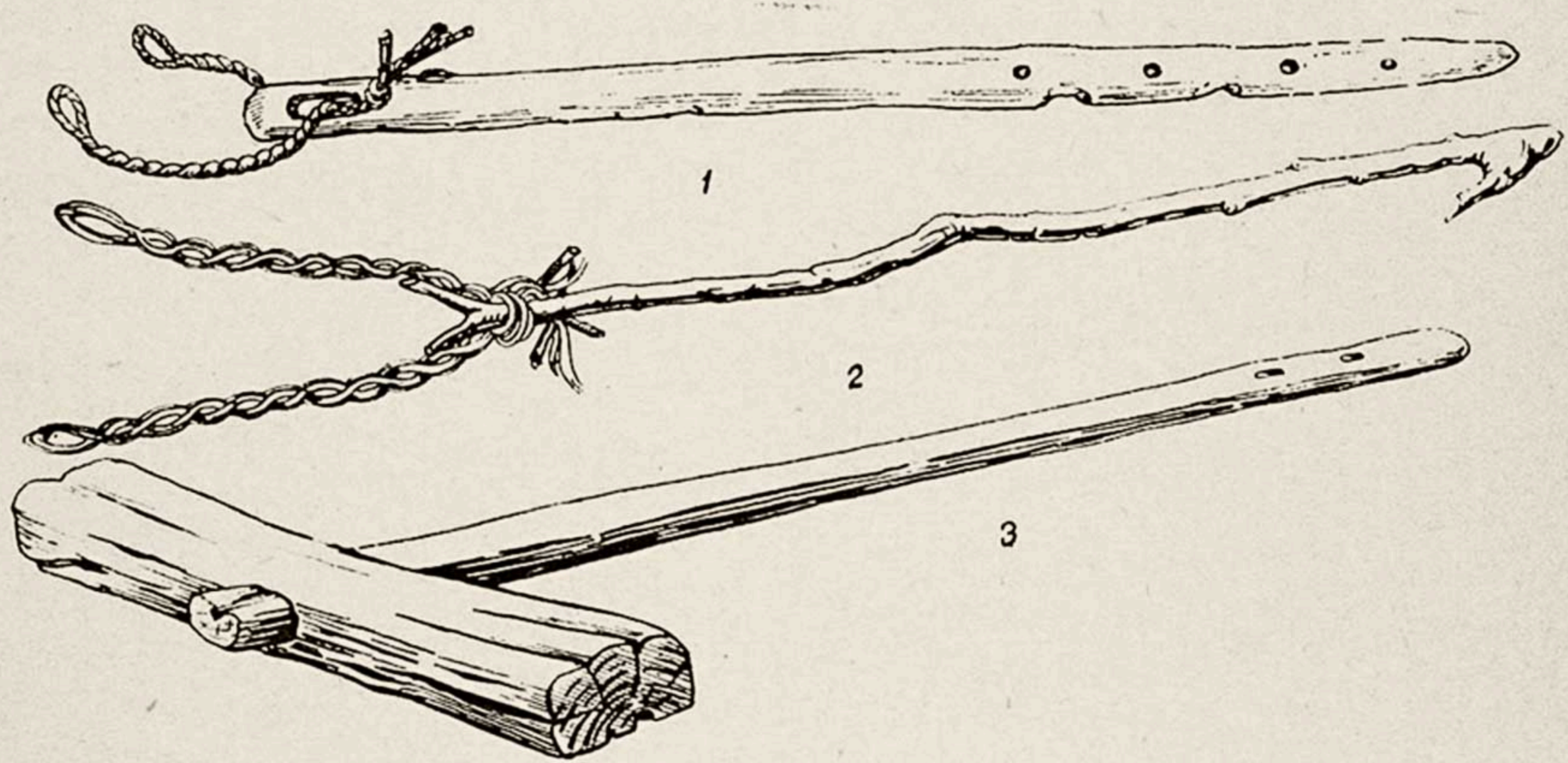

Рис. 10. Сельскохозяйственные орудия:
1—дышло—*кашак* с тяжом—*почи хаша; 2* — примитивное дышло—*халук* с тяжом——*хаша*, Каратегин, к. Бедихо; *3*—борона—*чапар.*

ручапарӣ, камалӣ (Дарваз), или *тарабчӣ* (Каратегин). Пешчапари и ручапари связывают тонкими крученными прутьями, пропущенными через просверленные в них отверстия. Другую такую палку кладут на заднюю часть чапара и прикрепляют к нему крученными прутьями. Впереди на чапар вместе с пешчапари кладется полуметровая палка, также привязываемая к чапару крученными прутьями; она называется *чуби почи хаша* или *хашачуб*. Эта палка служит для соединения чапара с дышлом.

Дышло — *кашак* представляет собой узкую доску длиной в полтора метра (рис. 10, *1* и *3*); в ее задней, несколько утолщенной части имеется отверстие; в этом отверстии укрепляются с двух противоположных сторон два жгута-тягла — *почи хаша (почахаша, каша, хаша, потанг)*, изготовляемых из трех скрученных и сложенных вдвое прутьев, так что один конец жгута имеет узел, а другой представляет собой петлю (рис. 10, *i*). Эти тяжи просовывают с разных сторон в отверстие дышла, где они и удерживаются узлами, которые не могут пройти в отверстие; петли же тяжей накидываются на концы палки чуби почи хаша. В передней части дышла просверливают 3—4 отверстия, как у дышла плуга. При соединении его с ярмом при помощи тяжа в одно из отверстий вставляют палочку — *пешкалид*, чтобы тяж не сорвался с дышла, когда волы потянут чапар. Точно такие же дышла имеют и другие старинные сельскохозяйственные орудия: сани-волокуши, плетенка-волокуша для молотьбы. Этот вид дышла издревле бытует во всех кишлаках Каратегина и Дарваза.

В некоторых кишлаках Нижнего Каратегина, расположенных по левобережью Сурхоба (Юс, Яхак, Яхч, Бедихо, Рогуни-Боло, Рогуни-Поён, Таги-Камар и др.), а также в дарвазском к. Пуни-Шор, кроме дышла, описанного выше, существует другой вид дышла очень простой, называемый в нижнем Каратегине *ҳалук*, или *хашаи ҳалук*, а в Дарвазе — *кашак*. Халук — палка длиной около 2 м и толщиной 3—4 см. Она не имеет отверстия подобно вышеописанному дышлу, а заканчивается крючком. Немного выше крючка привязывают тяжи — *почи хаша*, другие концы которых, имеющие петли, соединяют с сельскохозяйственным орудием. Передняя часть халука представляет собой крюк, на который надевают петлю тяжа или непосредственно соединяют его с ярмом (см. рис. 10, *2*).

Помимо описанной плетневой бороны чапар, в некоторых кишлаках Дарваза (например, в к. Пуни-Шор) встречается борона в виде толстой доски, шириной в 40 см и длиной в 160 см, к середине которой прикреплена длинная палка — дышло (рис. 10, *3*). Эта борона в местах своего бытования называется также *чапар*. Для других районов Каратегина и Дарваза она не характерна, но широко распространена в северных районах республики, где известна под названием *мола*.

Орошение. После окончания посевной приступают к очистке старой и прокладке новой оросительной сети. Некоторые колхозы приступают к ремонту и очистке каналов в начале весны во время весенних полевых работ. В связи с весенними паводками ремонтировать каналы приходится по нескольку раз; правление колхоза назначает для этой работы специальных людей, которые занимаются ею до конца весны, для проведения же новых каналов привлекаются все колхозники.

До революции в очистке старых каналов и проведении новых должно было участвовать все мужское население кишлака, имеющее поливные земли. В то время ремонт старых каналов и рытье новых чаще всего производились примитивными орудиями (лопатами, мотыгами, кустарными кирками). В настоящее время появился ряд новых орудий

(лом, заводские кирки, молот и др.), которые в значительной мере облегчают труд колхозников. Очень ускоряет темпы работ и уменьшает затраты труда применение взрывчатых веществ. Их используют при проведении каналов в гористой местности. Рытье и очистка каналов, проведенных по склонам гор, до сих пор сопряжены с большими трудностями. Так, в кишлаке Ушхарв, Калаи-Хумбского района оросительный канал прорыт по столь крутому склону горы, что здесь трудно пройти и человеку.

При проведении каналов колхозники нередко используют старинные приемы—устройство особых насыпей — *пайрам* и желобов — *нова*. Пайрамом называется искусственное сооружение, заменяющее естественный грунт: обычно на размытых местах до уровня канала укладывают камень, бревна, дерн, хворост, скрепляя все это глиной; этот способ применяется для укрепления дна и стенок канала. В Джиргатале пайрам называется *паракбанди*, в Южном Дарвазе — *овринг*, или *утапур*. Желоба-акведуки устраиваются там, где воду нужно подать через овраг или ущелье: желобом является длинное бревно, выдолбленное посередине (если ущелье широко, то соединяют несколько бревен), его укрепляют обычно на вбитых в землю рогатках, которые называются *хавоза*, или *поя*. Если в овраге или ущелье есть вода, то рогатки устанавливают на каменном основании, а если воды нет — вбивают в землю (рис. 11). Желоба применяют иногда и на крутых склонах гор, где невозможно провести каналы обычным способом. Кроме того, есть много мест, куда нельзя провести воду из реки, так как это требует чрезвычайно большой затраты сил, бывает и так, что вода в реке соленая и вредна для посевов. Тогда, если на противоположном берегу реки есть родники или ручьи, проводят воду с одного берега на другой при помощи желобов — акведуков старого типа, а теперь чаще с помощью железных труб. Такой способ широко применяется в к. Самсолик Комсомолабадского района, в к. Нушор Таджикабадского района и некоторых других.

Основными источниками искусственного орошения посевов являются реки и ручьи, стекающие с ледников Каратегинских гор, хребта Петра I и Дарвазского. Иногда воды мелких родников соединяют друг с другом системой мелких каналов, в результате чего образуется значительный по размерам канал. Иногда течение реки или большого ручья перекрывают запрудой — *деволи ғав* из камня, дерна, ветвей и травы. Выше запруды образуется водохранилище—*ғав* (Каратегин и долина р. Хингоу), *ғавр* (Южный Дарваз). Из водохранилища воду пускают в оросительный канал; место, где берет начало канал, называется *парчобгаҳ, сарбандгаҳ, сари ҷуйбор*. Во многих местах в парчобгах из досок делают водоограничитель, который открывают во время пуска воды в канал — *обгардонӣ*; по окончании полива воду закрывают — *обро парчоб мекунанд*.

От магистрального большого канала — *ҷубори лумб, ҷубори калон* отводят еще несколько мелких распределительных каналов — *ҷубор, шохчаҷубор, нарҷу, ҷубори лаби замин*. На каждом участке проводят временные оросительные борозды — *ҷубор, ҷуфтаҷубор*; пространство между ними в 7—10 шагов называется *тоба*. Временные оросительные борозды проводят плугом после вспашки, сева и боронования; впереди идет человек, намечающий линию, по которой и следует пахарь с плугом. До революции такие борозды проводили также с помощью лопат: в нижней части ручки лопаты привязывали веревку с двумя концами один из работающих всаживал лопату в землю, а двое других тянули за концы и отбрасывали землю в сторону. Такой способ назывался

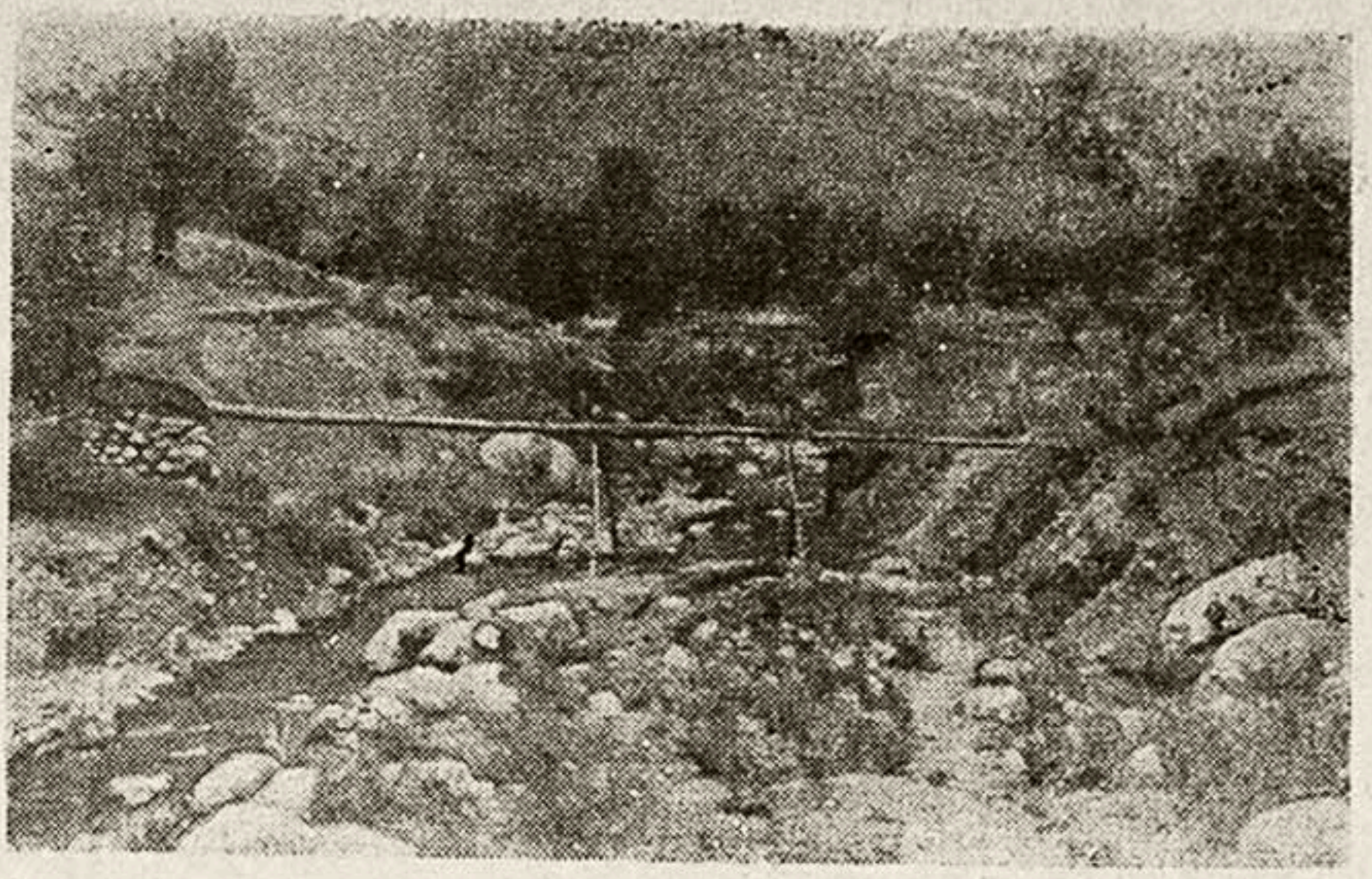

Рис. 11. Жолоб-акведук—*нова* в к. Самсолик, Каратегин (нег. № 18—138).

полаккаш или *палкаш* (проведение межи), он применялся также при очистке каналов, строительстве и других работах.

До революции при поливе земли употребляли глаьным образом деревянные лопаты с длинными черенками *курчаки обдиҳӣ* (Каратегин и долина р. Хингоу), или *фияк* (некоторые кишлаки Дарваза) (рис. 12, *1*).[11] В Дарвазе употреблялись и железные лопаты; это были лопаты местного производства с деревянными черенками длиной в 2—2,5 м (рис. 12, *2*). Кроме того, имелись изогнутые железные и деревянные лопаты — *каҷбел, хумбикаш*, которые употреблялись не только для полива, но также и для других сельскохозяйственных работ; кое-где они сохранились до сего времени (рис. 12, *9—10*). Железные лопаты долины Хингоу и Каратегина отличались от лопат Южного Дарваза более короткими черенками — от 1 до 1,5 м. В старину железных лопат было очень мало, так как железа, особенно в Каратегине, не хватало и оно стоило дорого.

К поливу зерновых культур приступают после появления сплошных всходов. Количество поливов зерновых зависит от обеспеченности водой. Есть кишлаки, где дают всего два-три полива; там же, где воды достаточно,— до семи-восьми. Число поливов зависит также от характера почвы: если земля «жирная», ее поливают меньше, а если каменистая и песчаная—больше.

Способы полива везде одинаковы, до сих пор сохранены старые традиции. Первый полив в Каратегине и Дарвазе называется *якоба, хокоба, бандбурӣ, овкашак*, второй полив — *дуоба, лаҳмоб, обгардон*, третий — *сеоба*, четвертый — *чороба*, пятый — *панҷоба* и т. д.

При первом поливе воду из распределительного канала пускали сначала на участки, расположенные ниже по течению воды, а потом на лежащие выше. Вода поступает в одну из временных параллельных оросительных борозд-канавок на поле и идет по ней с начала до конца участка В оросительных бороздах делают проходы для воды, называемые *банд, банчак, варғ* (Джиргаталь) и *даҳана*, через которые вода идет на определенные части участка. Когда одна *тоба* — расстояние между параллельными канавками-бороздками на поле орошена, проход закрывают и делают в другом месте, пуская воду из распредели-

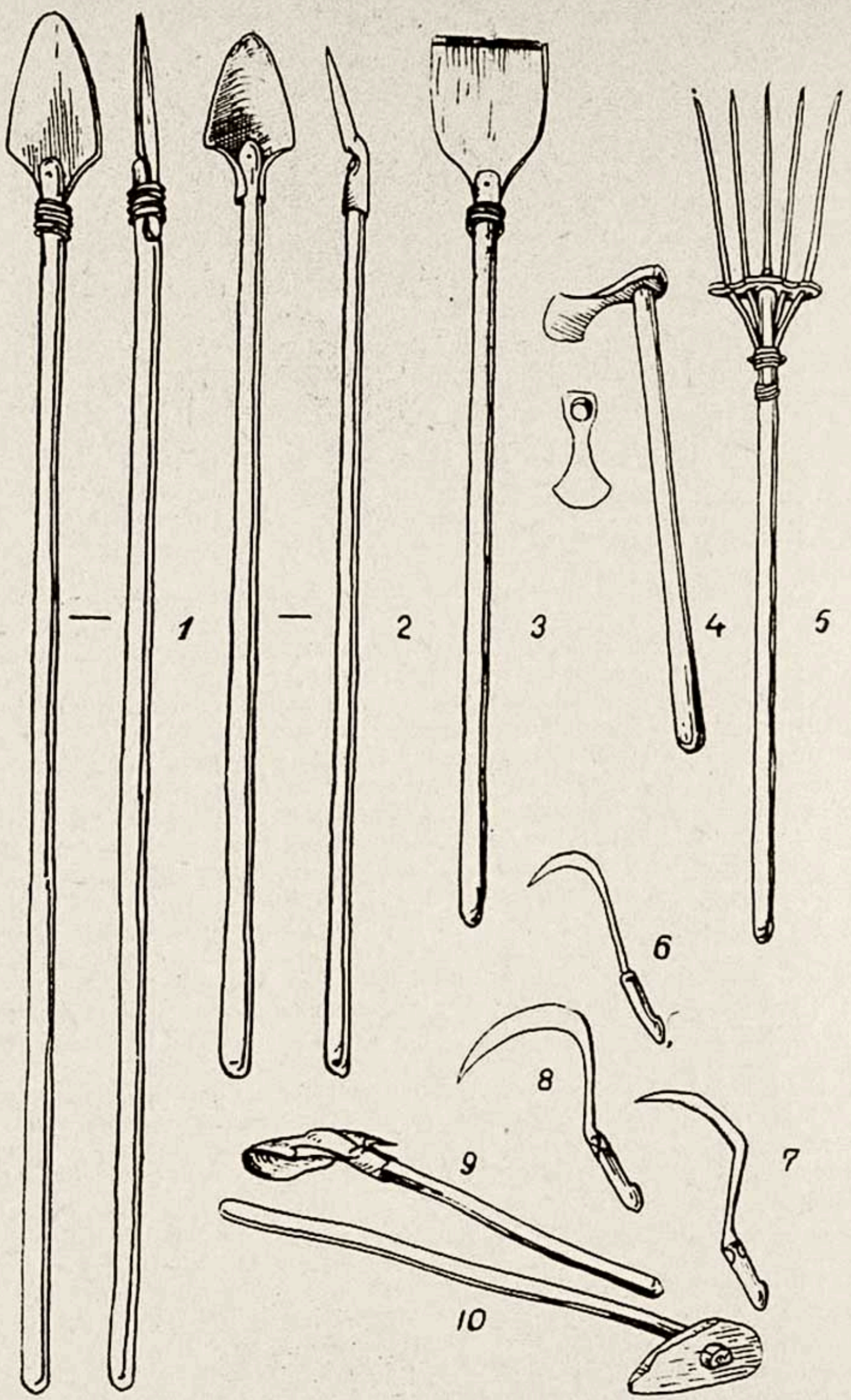

Рис. 12. Сельскохозяйственные орудия:
1—деревянная лопата, применяемая при поливе поля—*фияки обдиҳӣ*, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156/115); *2*—железная лопата, используемая при поливе, вырезании пластов дерна и ремонте ирригационных каналов,—*бели обдиҳӣ, бели ғешкан*, к. Пшихарв (КП 156/119); *3*—деревянная лопата для веяния — *курчаки бодкунӣ*, Дарваз, к. Егид (КП 273/338); *4*—мотыга—*каланд* (КП 306/572); *5*—деревянные вилы — *панҷшох*, к. Егид (КП 273/337); *6*—серп—*досча* для прополки зерновых культур, срезания кустарника на топливо (КП 306/503); *7*—серп с зазубренным лезвием — *аррадос* для сенокоса, к. Пшихарв (КП 156/120); *8*—серп для жатвы хлебов и сенокоса — *доси ғалладаравӣ, доси каҳдаравӣ* (КП 306/524); *9*—изогнутая железная лопата—*каҷбел* для полива и других сельскохозяйственных работ, Дарваз, к. Пуни-Шор; *10*—изогнутая деревянная лопата-мотыга—*хумбикаш* для полива и других работ, к. Пуни-Шор.

тельного канала в оросительную борозду второй тоба, затем третьей, четвертой и т. д. Таким образом, по одной орошают все тоба на одном участке земли. Второй полив посевов производят так же как и первый, но начинают с участков, лежащих выше по течению воды. Третий полив начинают, как и первый, с нижнего поля, но при этом посевы поливают не по одной тобе, а по две и даже по три.[12]

Во многих кишлаках Дарваза (Пшихарв, Курговад и др.) после второго полива посевы орошают, начиная с верхнего поля, что называется *сарпоёнӣ* (букв. «сверху вниз»); если на некоторые места вода не доходит, там деревянными лопатами прокапывают для нее дополнительные проходы. После третьего полива проходы, прорытые в оросительных бороздах верхнего участка во время предыдущих поливов, оставались до конца поливного периода. Поливальщик при этом, не заходя во внутрь участка, пускает воду в первую оросительную борозду, из которой она самотеком распределяется по всем проходам, сделанным при первом и втором поливах, и таким образом орошается весь участок. При этом можно производить полив и днем и ночью.

Поливы посевов на орошаемых землях производят в следующих стадиях роста и развития растений: первый полив после появления всходов; второй — когда всходы окрепнут; третий — во время цветения и колошения; четвертый — в период налива колосьев; пятый — в период созревания. Но во многих кишлаках (например, на северных отрогах Дарвазского хребта) поливают посевы только до цветения и наливания колосьев. Местные старики утверждают, что если поливать хлеб после цветения, то он скоро не созреет и может погибнуть от ранних заморозков.

Поскольку земледелие Каратегина и Дарваза имеет преимущественно богарный характер, то в период роста и развития хлебов крестьяне с нетерпением ждут дождей, от количества которых, главным образом, зависит урожай. До революции и в первые годы Советской власти беспомощные перед явлениями природы крестьяне в случае засухи с целью вызвать дождь прибегали к исполнению древних обрядов, носивших магический характер. Так, жители многих кишлаков нижнего Каратегина (Юс, Яхак, Яхч, Бедихо, Рогуни-Боло, Рогуни-Поён, Таги-Камар и др.) для того, чтобы вызвать дождь, совершали обряд, называемый *ашаглон*. Собирались женщины и дети, надевали на веник или лопату женское платье и платок, сажали эту импровизированную куклу на козленка, крепко привязав ее веревкой. Иногда делали две куклы, на одну надевали женскую одежду, на другую — мужскую. Куклу-мужчину сажали на козленка впереди, а куклу-женщину — позади. Козленка водили по домам со следующей песней:

Ашаглони ростина	О стройная ашаглон,
Як бор бучунбон остина,	Махни разок рукавом.
Ғаллаи сабзмон қоқ шидаст,	Наш зеленый хлеб высох,
Як бор бирезон борона.	Пролей разок дождь.

Хозяева домов обрызгивали водой кукол, а также участников шествия и выносили им что-нибудь — муку, пшеницу, молоко, соль и пр. Из собранных продуктов женщины варили пищу где-либо вблизи мазара или на берегу реки, и все собравшиеся съедали ее, после чего обрызгивали друг друга водой.

Кукла-ашаглон несомненно изображает какое-то древнее божество воды, скорее всего авестийскую Ардвисуру, Анахиту—богиню плодородия и растительности, повелительницу вод Вахша и Аму-Дарьи. Ха-

рактерно, что в песне участники процессии обращаются не к богу, а к ашаглон.

Обряд ашаглон до революции был широко распространен в перечисленных нами каратегинских кишлаках, а также в дарвазском к. Равноу и в кишлаках Куляба. Однако в этих местах ашаглон не сажали на козленка. В других кишлаках Каратегина и Дарваза обряда ашаглон не было. Здесь в случае засухи группа женщин и девушек, собрав по домам муку, пшеницу, молоко и другие продукты, варила около мазара или реки похлебку на молоке — *умочи ба шир* или какой-нибудь суп. Мужчины и женщины кишлака, собравшись вместе, ели приготовленную пищу, читали молитву, затем хватали кого-нибудь из присутствующих и окунали в воду. После этого все начинали брызгать друг на друга водой. Этот обряд назывался *обчилак, обшапак, обчошак, пешмазори*. Кроме того, мужчины кишлака устраивали жертвоприношение — *худой*. Собрав вскладчину деньги, покупали быка и закалывали его около мазара. Установив там же котлы, варили суп. Несколько человек собирали посуду и хлеб, затем сходились все мужчины кишлака, съедали приготовленную пищу и молили бога и «духов святых» ниспослать дождь. Если после совершения всех этих обрядов дождя не было, то сжигали в огне мышь или клеща, чтобы они «вымолили» дождь.

Для прекращения дождя в Каратегине и по нижнему течению р. Хингоу кипятили дождевую воду и плескали ее вверх или же брызгали дождевой водой на раскаленные стенки очага. Кроме того, с той же целью везде в Каратегине и Дарвазе выполняли обряд «опаливания лучами солнца» синей тряпки, что делалось следующим образом. Когда после затяжного дождя наступало прояснение и лучи солнца через окошко дома падали на пол, кому-нибудь из детей или взрослых, родившихся весной, давали синюю тряпку, которую он привязывал к ручке веника или к палке и зажигал; этой горящей тряпкой он «опаливал» место, на которое падали лучи солнца, произнося следующее заклинание: *«Офтов, офтов, ман куни тура сухтам, ту куни оламҳоро суз»* (Солнце, солнце, я тебя жаром обдал, а ты своим жаром обогрей весь мир). Нам уже приходилось отмечать, что в основе этого обряда лежит имитативная магия, идея магического воздействия на солнце.[13] Синяя тряпка здесь, по-видимому, символизирует ясное небо, а метелка — очищение неба от туч. Магическим обжиганием солнечного пятна люди хотели придать силу солнцу.

В некоторых кишлаках Каратегина (Нушор, Калаи-Лаби-Об, Фатхобод, Юси-Боло, Рогуни-Поён) и Дарваза (Ёгид и Ушхарв) для прекращения дождя совершали обряд *чилкал* (сорок плешивых). Собравшиеся в мечети или же в какой-нибудь мехмонхоне люди вспоминали имена плешивых, а один из них записывал эти имена на клочке бумаги. После того, как набиралось сорок имен, бумагу прикрепляли на палочку и укрепляли на крыше дома под дождем. Считали, что после совершения обряда у всех сорока плешивых, где бы они ни были, начнет чесаться голова и они будут молиться богу о прекращении дождя.

В некоторых кишлаках Нижнего Каратегина (Джавони, Сафедорон и др.) существовало поверье, что магическими мерами можно прекратить град, являвшийся подлинным бедствием — *қазои маҳлака*, губительным для посевов, садов, огородов и др. Когда начинался град, несколько человек спешили собрать по 7 градин и спрятать их под деревянным блюдом. Если случалось, что град тут же прекращался, крестьяне хвалили того, кто первым успел спрятать градины под блю-

до, и осенью каждое хозяйство давало ему по одному деревянному блюду (около 4 кг) зерна.

Существовали представления о связи дождя с покойником: когда долго не было дождя, то во всех кишлаках Каратегина и в некоторых кишлаках Дарваза собирали сухие ветки деревьев с мазара или намогильные палки *(ходаи сари гур)* и мочили их в воде. Для прекращения же дождя приносили семь намогильных палок — по одной с семи могил — и на чистом месте сжигали их. Золу собирали и бросали в воду или закапывали, чтобы кто-нибудь не осквернил ее, не наступил на нее. Для указанного обряда намогильные палки брали только с разрешения родственников умерших, и после совершения обряда ставили над могилами новые палки. Нередко родственники не давали разрешения жечь палки с могил их близких, так как существовало поверье, что духи умерших утром и вечером приходят на могилы и сидят на этих палках, ожидая молитвы и жертвенных приношений от своих родственников, если же эти палки взять и сжечь, то духи умерших, потеряв место для сиденья, утеряют вместе с тем и всякую надежду—*ноумед мешаванд*.[14]

Различные стадии роста и развития хлебов и их названия. Названия одних и тех же стадий отличаются друг от друга в соответствии с говорами отдельных районов.

В Верхнем, Среднем и на правобережье Нижнего Каратегина употребляются следующие названия стадий роста и развития зерновых культур. Когда зерно в почве прорастает, говорят *неш мебарорад*, когда пускает корни — *реша пахн мекунад*; через некоторое время пробиваются ростки — *неш ба болои хок мебарояд*, они зеленеют — *сабза мекунад*, затем на всходах появляются листочки — *панча* («пятерня»). На поливных землях в этой стадии производят первый полив. Прополка также начинается в это время. После стадии панджа в трубочках появляются первые признаки колосьев, что называется *бугузак* (беременный). Появление из листьев колосьев называется *сар кашидан* — колоситься. Обычно не все растения колосятся одновременно: у одних колосья уже хорошо видны, у других еще нет. Этот период называется *савору пиёда*, или *пиёда савор* — «конный и пеший», или «верхом и пешком». Когда на всех растениях какого-нибудь участка появились колосья, говорят *ғалла сартахт шуд* (хлеб выколосился, подравнялся). После этого хлеб цветет — *гул мекунад* и завязывается зерно — *дона мебандад*. Стадия цветения и завязывания зерна считается самым ответственным периодом. Посевы в это время поливают. В местах распространения орошаемых посевов до революции и в первые годы Советской власти в этот период старались вызвать дождь путем исполнения соответствующих обрядов. Стадию, когда наливаются колосья, называют *ширави хамира* (молочной спелости). Затем зерна твердеют—*думбул мешавад* и, наконец, хлеб желтеет и созреваст — *зард шуда мепазад*.

На левобережье Нижнего Каратегина (кишлаки Юс, Яхак, Яхч, Бедихо, Рогуни-Боло, Рогуни-Поён и др.) названия стадий роста и развития зерновых культур имеют некоторые отличия: стадия появления всходов называется *майса*, затем наступает стадия *наркинак*, когда всходы развиваются в виде длинной трубочки.

В Дарвазе терминология отличается от каратегинской и долины р. Хингоу.[15] В Дарвазе считают, что если земля жирная и погода теплая, то семя в первую ночь *қашқанак ё рахшак мешавад* — сверху чернеет, а внутри пестреет, а на вторую ночь — *неш мебарорад* — начинает прорастать; если же погода холодная, то семя прорастает через 7—10 дней. Через 20 дней росток пробивается из земли, это называют

руи хок задан, болои хок баромадан, или *аз хок баромадан.* Затем наступает стадия роста всходов — они становятся последовательно *якбарга* — однолистными, *дубарга* — двулистными, *себарга* — трехлистными, а затем листочки начинают расти в стороны, это называется *панча* или *резапанча*—пятерня, малая пятерня. Четырехлистные всходы называют *каттапанча*—большая пятерня. Через некоторое время один из средних ростков крепнет и поднимается вверх, что в одних местах называют *наркин* (мужской), а в других—*сих* (стебель). В верхней части стебля появляются широкие листья, а между ними скрываются зародыши колосьев. эту стадию называют *бугузак.* После стадии бугузак из середины листьев сначала появляются усики, а затем колос. Вскоре на части растений хорошо видны колосья, а другие остаются еще в стадии бугузак, что носит название *песасар* (букв. голова в пятнах), а в некоторых кишлаках Дарваза эта стадия именуется так же как в Каратегине — *савору пиёда* (конный и пеший). Следующие стадии называются как в Каратегине: сплошное колошение — *галла сартахт шуд,* цветение — *гул кардан,* завязывание зерна — *дона гирифтан,* налив зерна — *шира бастан.* Последующее изменение цвета поля, когда часть посевов желтеет, называется *ранг гардонидани галла* (изменение цвета хлебов). Когда все поле пожелтело, его определяют как *равгани гов* — (цвета) говяжьего сала. После того, как созревшие растения подсохли и приобрели белесый оттенок, говорится, что хлеб созрел — *расид* и наступило время жатвы — *дарав омад.*

Обычно пшеница созревает за 60 дней на богаре и за 70 дней на поливе; ячмень поспевает за 40 дней на богаре и за 50 дней на поливе. В зависимости от климатических условий и высоты места над уровнем моря эти сроки меняются.

Стадии роста и развития бобовых культур — чины, гороха, бобов, чечевицы и гомука немного отличаются от стадий роста и развития ячменя, пшеницы, проса и др. У бобовых культур после появления ростка образуются усы, как у вьюнка. Через некоторое время растения начинают цвести, затем цветы опадают и на растениях появляется завязь стручка — *шира шамшерак*; подросший стручек называют *кусак.* Стадия появления в стручке мучнистых зерен называется *думбул.* О растениях, созревших для жатвы, говорят *дарав омад.* Названия стадий развития бобовых культур во всех районах Каратегина и Дарваза почти одинаковы.[16]

Прополка посевов. Как упоминалось выше, прополку посевов *хишова* начинают в стадиях *панча* и *бугузак*; ее производят серпом *дос* (описание серпов приводится ниже), сорняки же на бахчах и огородах вырывают руками. До революции сорняки и на поливных землях вырывали руками. На богарных землях пропалывали руками только посевы гомука.

Полоть выходят рано утром и кончают в час или два часа пополудни. Считается, что полоть в жаркое время дня вредно для посевов, так как всходы от прикосновения могут завянуть. Можно производить прополку и вечером от 6 до 8 часов, однако чаще в колхозах после полудня уже на поля не идут.

Охрана урожая от скота и птиц. Во всех районах Каратегина и Дарваза весной после появления всходов и до выхода скота на летние пастбища, а осенью после возвращения скота с пастбищ, принимают меры к охране посевов от потравы скотом. Для этого в каждом колхозе назначают специального человека — *қаровули ҳосилот* (охранитель урожая); до революции его называли *қуруғмол.* Он должен следить за тем, чтобы скот не забирался в посевы, и гнать животных, зашедших

на поле. Если замечено, что то или иное животное появляется в посевах систематически, куругмол ведет его в кишлак и запирает в хлеву до прихода хозяина, которому делают внушение и предлагают пустить животное в сельское стадо, пасущееся под наблюдением пастуха.

До революции куругмол имел право отрезать животному, забредшему в посевы, ухо или хвост и, согласно установленному самим населением порядку, накладывать на владельцев скота определенный штраф—*ярғу*.[17] Куругмола назначало само население или же староста кишлака.

Другой заботой является охрана посевов во время их созревания от птиц, главным образом от воробьев. Для отпугивания птиц с посевов — *гунҷшикбоӣ, гунҷшикҳайкунӣ* на поле в нескольких местах ставят пугало — вбивают в землю длинные жерди и привязывают на них разную ветошь. Кроме того, птиц прогоняют шумом: подростки бегают по полю и бьют в какие-либо железные предметы.[18] В Дарвазе использовали еще *чаҳак* — жестяные банки или коробки, наполненные камешками, производя ими сильный шум. Воробьев истребляли также луками-пращами — *футроҳан* (Дарваз) *ғулак, камонғулак* (Каратегин, бассейн р. Хингоу), в Дарвазе на поле ставили ловушки — *зиғалак*. В Каратегине и бассейне р. Хингоу охраняли от птиц посевы льна и проса, изредка ячменя, в Дарвазе же — зерновые. При очень ограниченном количестве посевов охрана урожая для дарвазцев имела особенно большое значение, и они вынуждены были целый месяц, пока зерна в колосьях не затвердеют, с утра до вечера охранять свои поля от воробьев. До революции баи и чиновники нанимали для этого подростков — сирот и детей бедняков.

Уборка хлебов. Перед уборкой урожая, чтобы созревшее зерно не осыпалось, в каждой бригаде один из опытных крестьян периодически осматривает поля своей бригады, следя за созреванием посевов.

Время жатвы, так же как и пахоты, зависит от климатических и географических условий местности. Если дождей было мало, то во многих кишлаках Каратегина и Южного Дарваза ячмень созревает 25—26 июня, а пшеница—к 1 июля; в дождливый год сроки созревания хлебов удлиняются на 10—15 дней. В высокогорных кишлаках долины Хингоу (Гурхам, Ёзганд, Чильдара, Хамдара, Хафтчирог) и Дарваза пшеница созревает в начале августа, во второй половине августа и даже в начале сентября (Сагырдашт, Сафедорон, Каракутан, Джавчи, Девлохи-Калон), а ячмень—на 10—15 дней позже. Таким образом, в каждом районе в соответствии с его географическими условиями к жатве к уборке хлебов приступают в разное время. Перед тем, как начать уборку, правление колхоза распределяет по бригадам рабочую силу и сельскохозяйственный инвентарь. Это обязывает каждую бригаду стараться во время убрать, перевезти и обмолотить хлеб.

Многие работы по уборке хлебов в местных условиях до сих пор требуют ручного труда. По этой причине жатва, перевозка и обмолот урожая в Каратегине и Дарвазе пока очень тяжелы. Учитывая это, колхозы Каратегина и Дарваза принимают все меры, чтобы лучше подготовиться к уборке урожая, своевременно приготовляют сельскохозяйственный инвентарь и заранее определяют, в какое время он должен быть использован.

Во всех колхозах Каратегина и Дарваза для жнецов установлена ежедневная норма жатвы в 0,15 га, за это колхознику начисляется один трудодень. Специально выделяется несколько человек, которые натачивают напильниками и на точильных камнях серпы. Каждого жнеца колхоз обеспечивает запасным серпом.

Каждая бригада составляет специальный график работ и устанавливает распорядок дня. Колхозники первую половину дня работают в поле, а на жаркое время дня (с 4 до 6 часов) делают перерыв, отдыхая в тени деревьев или на берегу ручьев, или возвращаясь домой, если поле недалеко от кишлака. Затем снова работают до наступления темноты. Иногда в лунные ночи мужчины, а также женщины, не имеющие грудных детей, остаются на ночную жатву — *шабдарав.*

Для ускорения темпов уборки из пожилых колхозников выделяют сноповязальщиков, обязанность которых заключается в вязании снопов и укладке их в скирды. Не остаются без дела даже дети, которые приносят работающим воду для питья. Во время уборки хлебов организуются полевые и кишлачные детские ясли, где матери могут оставить своих детей и полностью включиться в уборку урожая.

Бригадиры следят за качеством уборки. Они проверяют участок каждого колхозника и следят за тем, чтобы колосья не оставались на земле, стебли не срезали слишком высоко; для сбора колосьев, упавших во время жатвы, и помощи в вязании снопов создаются специальные бригады из женщин и подростков.

В настоящее время практикуются комплексные работы по жатве, перевозке и молотьбе хлеба. Как только на определенном участке заканчивается жатва, возчики перевозят на машинах, бричках и санях-волокушах снопы на тока, а специально выделенные колхозники-молотильщики тут же приступают к молотьбе. Все эти процессы возможны только в условиях объединения рабочей силы и сельскохозяйственного инвентаря, как это имеет место в колхозах.

Иначе было в старое время, когда, с одной стороны, при единоличном хозяйстве не хватало рабочей силы и скота, а с другой, мешало соблюдение ряда старых традиций и обычаев. Как и для других работ, для начала жатвы нужно было дожидаться наступления одного из «счастливых» дней и выхода в поле *шогуй* или «Деда-земледельца», который сжинал два-три снопа, после чего возвращался домой; только на другой день после этого всем можно было приступить к жатве. Однако этот обычай соблюдался и до революции не особенно строго. Некоторые баи в качестве шогуни посылали муллу, который сжинал 4—5 снопов. Во многих кишлаках Каратегина и нижнего течения р. Хингоу крестьяне посылали одного из своих сыновей, который сжинал 5—6 снопов, делая этим почин. Обычай этот называют *досдозй, даравдозй, даравбарорй, номи руз.*

В Каратегине и Дарвазе существовали анимистические представления о душе поля, прячущейся в последнем несжатом колосе, о смерти поля при сжатии этого колоса и связанный с этим обычай оплакивания жнецами духа поля. В соответствии с этими представлениями, когда жатва хлеба на каком-либо поле подходила к концу, жнецы старались жать хлеб возможно быстрее, «чтобы земля скончалась без мучений». При этом каждый из жнецов про себя молился и три раза громко восклицал «О бог!»—*Аллоҳ!* или «Бог один!»—*Аллоҳ воҳидан,* т. е. те слова, которые обычно произносят при агонии умирающего человека. Во время коллективной жатвы несколько человек, заканчивая жатву, протяжно пели ритуальную песню «Я горюю», «Я скорблю»—*Ман дог,* или «О бог!»—*Ё, аллоҳ.* Момент «умирания» поля называли *«вақти ҷон бароии замин».*

Процесс жатвы носит название *дарав, даравкунй, даравгарй,* жнеца называют *даравгар, даравкун, доскаш.*

Основным орудием для жатвы хлебов в горах является серп, хотя в некоторых колхозах имеются уже комбайны и жнейки. В старое вре-

мя гомук и некоторые другие бобовые культуры выдергивали руками, то же делали иногда и с ячменем, если его стебли были очень низкими.

Серпы местного производства отличаются от серпов русского типа меньшей изогнутостью и отсутствием в режущей части зубцов. Во всех районах Каратегина и Дарваза с давних времен существуют следующие виды серпов: 1. Большой серп — *доси лумб, доси катта, доси калон, доси ғалла(каҳ)даравӣ.* Этот серп употребляется только для жатвы хлебов и трав (рис. 12, *8*). 2. Малый серп — *досча.* Им пользуются при срезании колючих трав, кустов, при заготовке дров и прополке (рис. 12, *6*). 3. Серп с зубцами — *аррадос* (серп-пила), он немного отличается по форме от досча и употребляется в бассейне р. Хингоу как для заготовки дров и колючек, так и для сенокошения (рис. 12, 7). До революции все эти серпы изготовлялись местными кузнецами. Некоторые местные жители привозили себе хорошие серпы из Ферганы и других городов Средней Азии, куда они ходили на заработки. Иногда серпы привозили в числе других железных изделий из Южного Дарваза и Ванча, их меняли на хлеб и скот в Каратегине и бассейне р. Хингоу. В настоящее время больше распространены серпы заводского производства, однако во многих колхозах изготовляют серпы и местные кузнецы.

Способ жатвы везде одинаков. Жнец держит серп в правой руке, склонившись, захватывает левой рукой несколько стеблей с колосьями, пригибает их и срезает немного выше корней (рис. 13). Затем, не выпуская срезанных стеблей, срезает другой пучок. Когда в левой руке оказывается большой пучок— *қабза,* он кладет его на землю. Пять-шесть таких кабза составляют один *муштик,* называемый также *мушта, сатрӣ, тал.* Два муштика составляют один сноп. Вязальщики берут пучок длинных влажных стеблей и скручивают их в жгут *бандӣ* или *бандчак.* На жгут кладут один на другой два муштика и связывают их. Вязальщик берется двумя руками за концы жгута, прижимает сноп левой ногой или левым коленом и, перекрутив несколько раз концы жгута, крепко вяжет сноп (рис. 14). Если стебли хлебов очень сухи и коротки, снопы вяжут стеблями трав или прутьев. После вязки снопов их складывают вместе по 30—40 штук.

Рис. 13. Жатва, Каратегин, к. Джавони (нег. № 18—170).

Существует несколько способов укладки снопов, которые имеют разные названия в отдельных местностях.

1. Укладывают 10—12 снопов в форме круга, колосьями внутрь, и пустое пространство посредине заполняют другими снопами. Сверху укладывают еще один ряд снопов в форме круга меньшего радиуса, и так до тех пор, пока не получится скирда конусообразной формы. Такую скирду в Южном Дарвазе и в верховьях р. Хингоу называют *хавча,* а в среднем и нижнем течении р. Хингоу и в Каратегине—*ғанак.* По левобережью нижнего Каратегина снопы чечевицы, гороха, льна и гомука укладывают таким же способом, называя скирду *хафча.*

Рис. 14. Жнец со снопом пшеницы, к. Джавони (нег. № 18—160).

2. Иногда в середине конусообразной скирды оставляют свободное место и сверху в него закладывают один сноп колосьями внутрь, оставляя середину скирды пустой. Такой вид скирды в Южном Дарвазе и в верховьях р. Хингоу называют *курхавча* (слепая скирда), в среднем и нижнем течении Хингоу и в Каратегине—*курғанак.* Так укладывают снопы, если хлеб еще не дозрел и некоторые снопы имеют зеленоватый оттенок, они дозревают в скирде; если такие снопы уложить в скирду первого типа, они могут сопреть.

3. Снопы укладывают на земле в форме прямоугольника колосьями внутрь, и сверху снопы не кладутся. Такая скирда в верховьях р. Хингоу и в Южном Дарвазе называется *ғанак,* в среднем и нижнем течении р. Хингоу и в Каратегине — *хирманак,* или *думбак.* Такой способ применяется, как и предыдущий, если хлеб полностью не дозрел,

снопы имеют зеленоватый оттенок и влажны, для того, чтобы они не сопрели.

4. Тридцать—сорок снопов укладывают в два ряда в четыре—шесть слоев колосьями друг к другу и основаниями наружу. Такую укладку во многих кишлаках Каратегина, среднего и нижнего течения р. Хингоу называют *ғанаки дусара* (букв. «двухголовая скирда»), а по левому берегу среднего течения р. Сурхоб (кишлаки Яхакпаст, Хазор-чашма и др.), в верховьях р. Хингоу и в Южном Дарвазе—*бомуштик*.

5. Снопы ставят стоймя, колосьями вверх. В Каратегине, среднем и нижнем течении р. Хингоу это называется *пай, пайра*, в Дарвазе—*хучпай*. Так укладывают чаще всего бобовые культуры.

6. На полях, расположенных по склонам, складывают снопы так, чтобы основание второго снопа лежало на колосьях первого, третьего на колосьях второго и т. д. Это делается для того, чтобы снопы не скатывались и не уносились ветром. Такой способ укладки везде называют *думбак*.

7. Во многих кишлаках Каратегина и Дарваза от 3 до 10 снопов клались рядами в два-три слоя друг на друга колосьями внутрь стога; в Дарвазе это называется *нимхавча*, в Каратегине и в среднем и нижнем течении р. Хингоу — *нимханак*.

Большинство указанных способов применялось в прежнее время; теперь же, вследствие того, что после жатвы хлебов снопы быстро доставляются разными видами транспорта на тока, многие из перечисленных способов укладки снопов выходят из употребления.

До революции, в условиях господства единоличного хозяйства, отсталой техники и нехватки рабочей силы, сложенные снопы оставались на полях до самого конца уборки. Хранение снопов в сложенном виде до известной степени предохраняло хлеб от вытаптывания животными и расклевывания птицами.

Подготовка тока. В колхозах Каратегина и Дарваза к подготовке тока приступают в период созревания хлебов. Каждая бригада для обмолота своего зерна подготавливает 3—4 тока. До революции и накануне коллективизации сельского хозяйства крестьяне готовили свои тока к обмолоту после жатвы нескольких участков. Каждый крестьянин имел свой ток. Те крестьяне, у которых не хватало земли, просили позволения у владельцев токов обмолотить там свое зерно. В Южном Дарвазе некоторые крестьяне, не имеющие земли для тока, договаривались с одним из односельчан, у которого была земля вблизи кишлака, устроить на его земле ток; за это они должны были осенью или весной вспахать один раз этот участок.

Подготовляют ток следующим образом. На отведенном участке лопатой или кетменем счищают траву, иногда распахивают его плугом, а затем пускают на него воду. В этот же день или на следующий, участок разравнивают санями-волокушами, запряженными парой быков; сани-волокуши пускают боком, чтобы они заравнивали участок всей длиной полозьев; соответственно и быков припрягают не спереди, а с боковой стороны. После разравнивания земле дают просохнуть, затем участок посыпают мелкой соломой и утрамбовывают растрескавшиеся места лопатой и утаптывают ногами. Во многих кишлаках Южного Дарваза вследствие каменистости почвы и наклонности местности, чтобы подготовить ток, приходится делать маленькую террасу — ограждать участок камнями и к каменной стенке насыпать землю, а затем разравнивать санями-волокушами.

Около тока устраивают навесы из ветвей, под которыми крестьяне отдыхают в жаркое время дня. Во многих кишлаках около тока соору-

жают специальные глинобитные постройки — *хирманоч,* куда во время дождей переносят зерно, чтобы оно не намокло.

Доставка снопов на ток. После подготовки тока приступают к перевозке сжатого хлеба. Снопы доставляют на ток автомашинами, повозками, санями-волокушами, а там, где все эти виды транспорта не могут быть применены (например, в некоторых высокогорных кишлаках Дарваза), приносят на спине. До революции никаких колесных повозок вообще не было. Теперь многие колхозы имеют по 10—15 повозок — *ароба*, по 10—20 автомашин, однако еще часто применяются сани-волокуши для доставки урожая с полей, расположенных на крутых склонах.

Основу саней-волокуш составляют две толстые плахи, диаметром 10—12 см. которые служат полозьями и называются *қушқорак.* Полозья снизу иногда немного стесывают, чтобы они были устойчивее; передняя часть полозьев несколько загнута вверх и называется *бинии қушқорак,* или *бинияки қушқорак* (букв. «нос полозьев»). На полозья поперек их кладут два деревянных обрубка, длиною по 1,5 м и толщиною 7—8 см, называемых *болиштак.* В местах пересечения полозьев с болиштак на первых делаются пазы, а на вторых — сквозные отверстия, в которые вбиваются четыре вертикальных стойки — *поя*; каждая из них имеет длину 2 м, толщину—2—3 см; иногда для удобства задние стойки делают в два раза короче передних. Полозья и болиштаки представляют собой основу саней-волокуш. По бокам стоек с двух сторон с помощью жгутов из ветвей привязываются две тонкие жерди, длиною по 3 м — *равак,* или *равчуб,* составляющие борта саней. Три или пять других таких жердей пропускаются через горизонтальные отверстия обоих болиштаков; их передняя часть толще чем задняя, поэтому сначала их пропускают через отверстия переднего болиштака, а потом уже заднего. К задним концам указанных пяти жердей привязывается палка—*думравчубӣ, пасравчурбӣ,* которая не позволяет им, в то время как сани идут под гору, выскальзывать из отверстий болиштаков. В передней части саней-волокуш, там, где полозья загибаются кверху, друг против друга сделаны горизонтальные отверстия, в которые вставляется палка, называемая *биникаш* (Дарваз), или *чуби биниях* (Каратегин). При соединении саней с дышлом петли *почи хаша,* или *потанг* надевают на выступающие части биникаша (рис. 15).

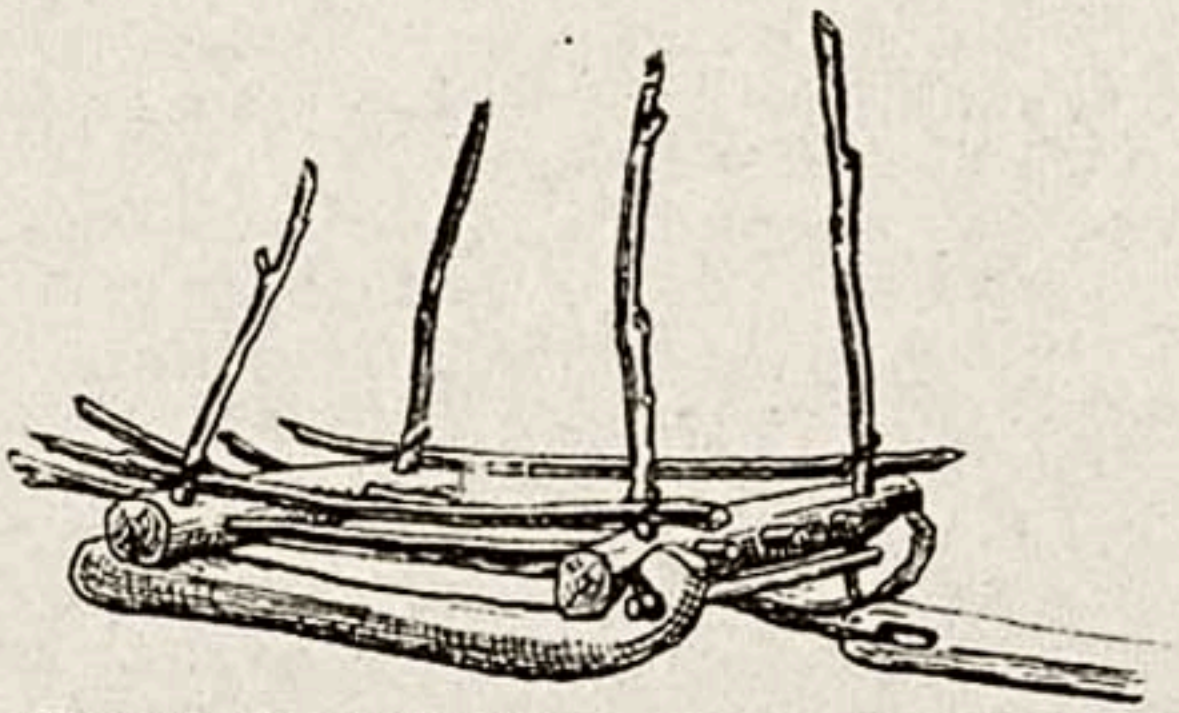

Рис. 15. Сани-волокуши для перевозки снопов хлеба и трав.

Все отверстия в различных частях саней-волокуш просверливаются при помощи сверла—*парма* или *барма.* В старое время для просверливания отверстий в санях, дышле, ярме применяли грубое местное сверло — *барма* или долото — *искана.* Вместо нынешнего молота поль-

зовались толстой палкой с рукояткой, деревянным молотом *исканакуь* (молот для долота).

В Южном Дарвазе, за исключением кишлаков Егид и Шкев, до революции саней-волокуш не было; они появились, в основном, с 1952 г. и получили широкое распространение в кишлаках Хек, Ризвай, Пшихарв и некоторых других. Однако до сих пор в некоторых кишлаках Южного Дарваза саней-волокуш нет, здесь снопы хлеба, а также кормовые травы доставляют на ослах и приносят на спине.

В кишлаках Каратегина и Дарваза распространены три вида саней-волокуш.

1. Прямоугольные сани-волокуши размером примерно 130×300 см для доставки снопов хлеба и сена — *чигинаи ғаллакаш*, или *чигинаи каҳкаш* (рис. 15). У некоторых саней-волокуш этого типа задние болиштаки длиннее передних. Этот тип чаще всего встречается в кишлаках б. Оби-гармского и Комсомолабадского районов.

2. Квадратные сани-волокуши, размером от 120×120 до 140×140 см, применяемые для доставки мешков зерна с тока в амбар или из амбара на пункты хлебосдачи, для перевозки камней на строительство, для вывоза удобрений на поля и называемые, в соответствии с назначением, *чигинаи гандум(ҷав)каш*, *чигинаи сангкаш* или *чигинаи порукаш*, *чигинаи ухлоткаш* (рис. 16 и 17). В некоторых кишлаках

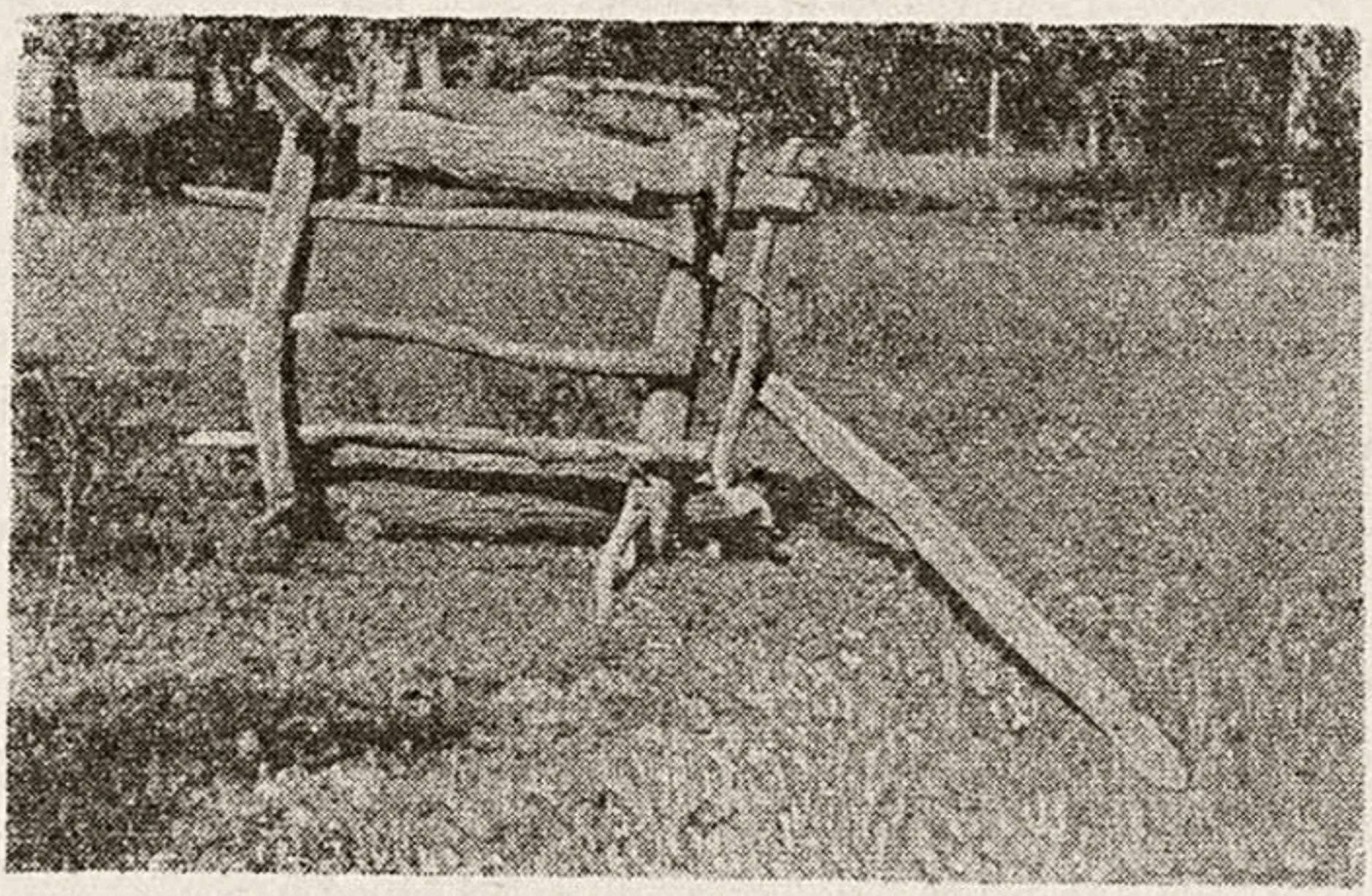

Рис. 16. Сани-волокуши для перевозки камней и других тяжестей—*чигинаи сангкаш*, Каратегин, к. Шуль (нег. № 18—95).

левобережья Нижнего Каратегина по всем четырем сторонам этих саней прибивают доски шириной приблизительно в 50 см, которые служат бортами.

3. Сани-волокуши для перевозки мякины и мелкой соломы с тока на сеновал—*чигинаи каҳи майдакаш, беза, чавра, чавара*. По четырем сторонам этого типа саней прикрепляются четыре щита (рис. 18), один из которых снимается. На время накладывания соломы этот щит убирают, а после того, как сани до половины высоты щитов заполняются соломой, его ставят на место и чигину доверху заполняют соломой.

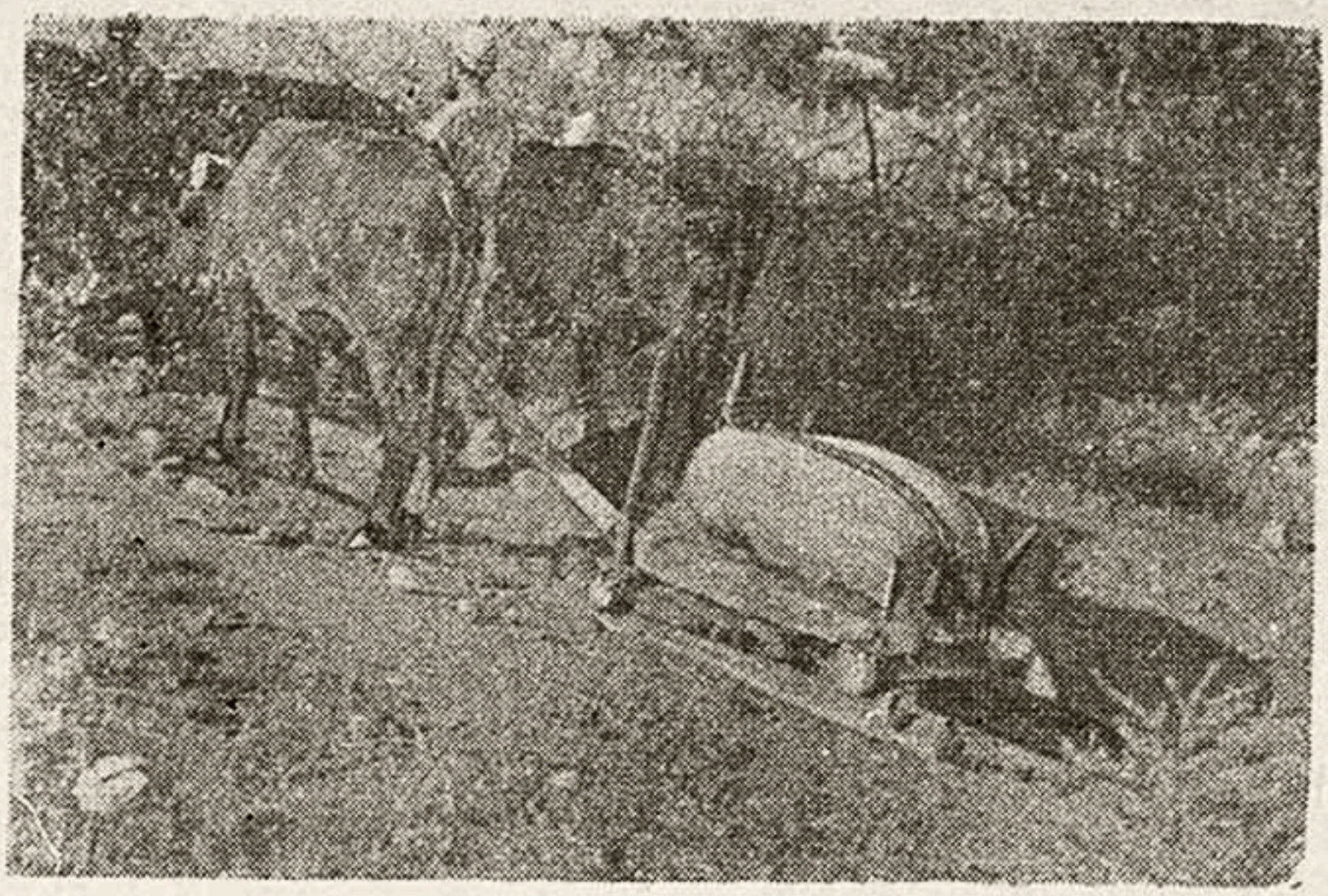

Рис. 17. Перевозка мешков зерна на санях-волокушах—*чигинаи гандумкаший*, Каратегин, к. Тегирми (нег. № 18—100).

Рис. 18. Сани-волокуши—*чавра*, *беза* для перевозки соломы с тока в сеновалы. Каратегин, к. Сарай (нег. № 18—88).

Из вышеописанных видов основными и наиболее употребляемыми являются большие сани-волокуши для перевозки снопов хлеба и сена. На них укладывают один на другой двумя рядами от 30 до 50 снопов хлеба или сена; хлебные снопы обычно укладываются колосьями внутрь, чтобы во время перевозки колосья не цеплялись за траву и колючки и не осыпались. Поверх снопов пропускают одну или две веревки, у которых один конец наглухо привязан к передней палке, а второй после погрузки привязывается сзади саней.

Сани соединяют с ярмом при помощи дышла. В ярмо впрягают волов, которых погоняет, став между ними, человек, ведущий сани — *чигинакаш* (рис. 19).

Там, где перевозка собранного урожая санями-волокушами была невозможна, снопы хлеба и сена переносили на спине (рис. 20). Для этого использовали палку, длиной от 1,5 до 2 *м—сих, сихак,* или *чильяк* (Егид) (рис. 21, *1*). На такую палку нанизывали 10—20 снопов и закрепляли их веревкой. Переноска снопов на спине называется *пушторакаш,* а сам носильщик — *пушторакаш.* Этот способ распространен также в некоторых местностях Куляба и Памира; в Афганистане, в горных районах, граничащих с Дарвазом, он также практикуется.

В некоторых кишлаках Южного Дарваза (Пшихарв, Пошхарв, Курговад), как и в Припамирье, существует особое деревянное приспособление для переноски на спине снопов хлеба и травы, называемое *каша* или *кош.* Кош состоит из развилки деревянного ствола с длинными (около 2 м), идущими параллельно, плоско обтесанными концами. У основания развилки сделано отверстие, в которое вставлена петля из перекрученных в виде веревки ветвей, оканчивающаяся узлом. Нижние концы развилки укреплены в деревянном бруске. Начиная приблизительно от половины каждой доски спускается по петле из скрученных ветвей, которые внизу пропущены через деревянный брусок и завязаны узлом. В эти петли несущий продевает руки. В имеющееся посредине бруска (сбоку) отверстие продета такая же веревка из веток с петлей на конце, как и у основания развилки, но короче. В петле укрепляется длинный шест. Снопы укладываются стопкой на доски развилки и придавливаются к ней шестом, на верхний конец которого набрасывается имеющаяся у основания развилки петля (рис. 21, *2*).[19]

Иногда хлеб и скошенную траву с горных склонов на равнину спускают при помощи большой ветви дерева — *шохмола* (Дарваз), *шохмолак, каша* (Каратегин). На эту ветвь складывают и на ней укрепляют 50—60 снопов, и один-два человека тащат ее вниз. Иногда, если в такие места могут подняться рабочие волы, их припрягают к шохмола (к. Чормагзак).

Снопы складывают на краю тока; в кишлаках Муджихарф, Бедихо, Таги-Камар и некоторых других такая скирда на току называется *хаф,* а во всех остальных кишлаках Каратегина и Дарваза — *шола.*

Обмолот. В некоторых колхозах и совхозах Каратегина и Дарваза в настоящее время молотьба производится при помощи комбайнов и молотилок. Однако эти машины еще не очень широко используются, поэтому старые способы молотьбы пока являются основными.

Колхозы Каратегина и Дарваза, как мы отметили выше, приступают к перевозке и молотьбе хлеба в одно и то же время. Как только на ток привезли первые 10—15 машин, бричек или саней снопов начинается молотьба. До революции применять этот метод не было возможности. Крестьяне приступали к молотьбе после перевозки большей части или всего урожая.

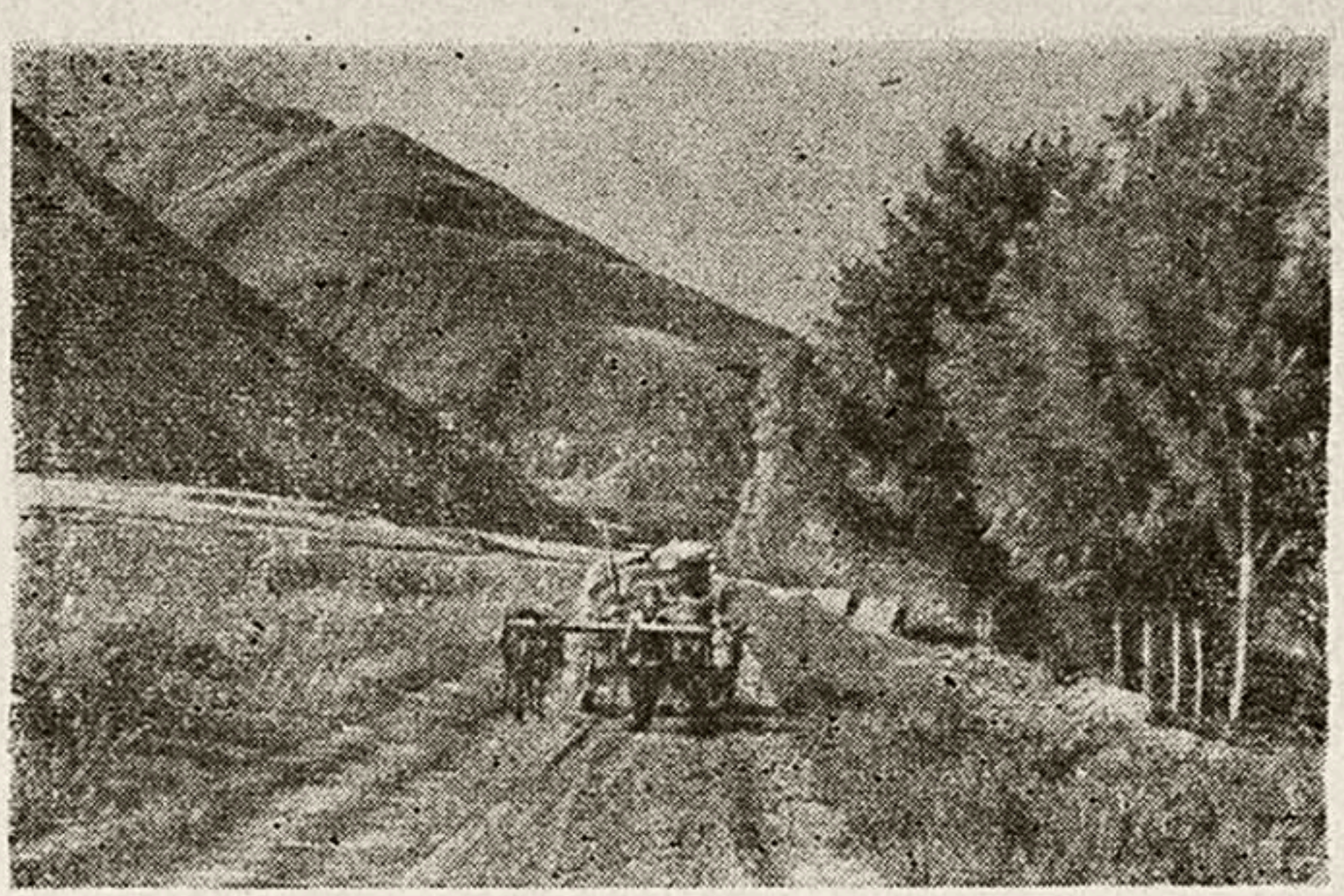

Рис. 19. Перевозка снопов хлеба на санях-волокушах с воловьей упряжкой, Каратегин, к. Джиргаталь (нег. № 18—163).

Рис. 20. Переноска снопов на спине—*пуштораканий*, Каратегин, к. Навди (нег. № 18—90).

Снопы развязывают и разбрасывают по току, что называется *дарзапоракуний, дарзачоший, хурчоший, хурпоракуний* (рассыпание, разбрасывание снопов), а сами развязанные и разбросанные на току снопы—*хур*. Их ворошат железными вилами, чтобы они лучше просохли на солнце, что называется *хуркобий* или *хуршурий*, так же как и ворошение снопов во время обмолота. В прежнее время снопы ворошили деревянными двузубыми вилами, которые состояли из палки длиной в 1,5—2 м, диаметром 2—3 см, с развилкой длиной от 30 до 40 см.

Молотьба производится двумя способами. Первый из них — это молотьба при помощи бороны-волокуши—*чапар*. В волокушу впрягают

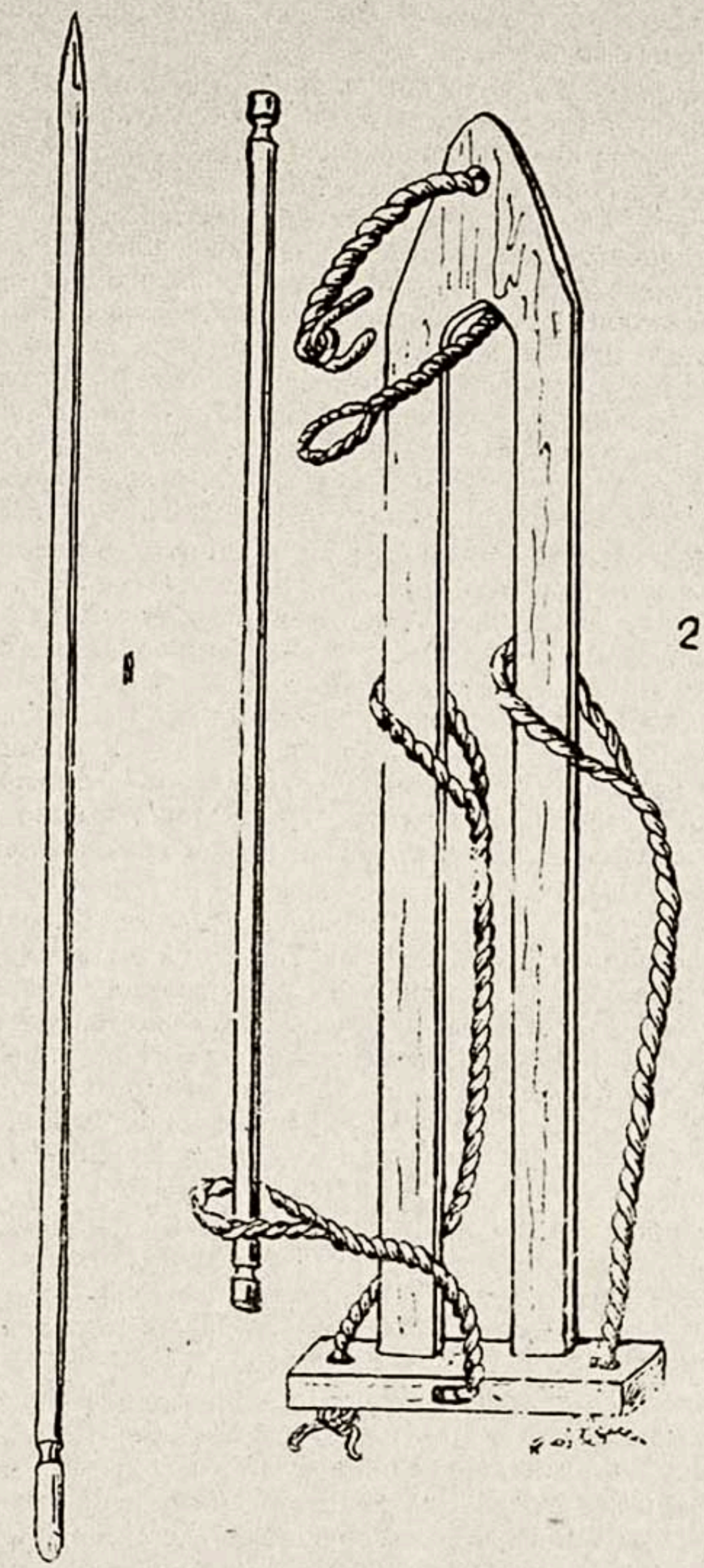

Рис. 21. Деревянные приспособления для переноски на спине снопов хлеба и трав:
1—*сих*, Дарваз, к. Егид; 2—*кош*, Дарваз, к. Пшихарв.

пару волов и гоняют их вкруговую по току до тех пор, пока разбросанные снопы не измельчатся.

Борона-волокуша для молотьбы сильно отличается от бороны для выравнивания поля после пахоты как по размеру, так и по устройству. Две толстые палки по 4—5 м длиною кладут параллельно на земле на расстоянии немного более метра. Переднюю палку называют *пешчапарӣ*, а в некоторых кишлаках Каратегина (Нушор, Ялдамич, Навди, Муджихарф), *тарабчӣ*, или *пешвал*; заднюю—*пасчапарӣ*. Толщина пешчапари достигает 6—7 см в диаметре, а пасчапари — 4—5 см. В пешчапари просверливают несколько отверстий, через которые протягивают скрученные прутья, затем тянут их в длину и пропускают под пасчапари. Концы скрученных прутьев на пешчапари оставляют длиннее, чтобы они доставали до концов прутьев, торчащих из-под пасчапари. Поверх прутьев между пешчапари и пасчапари кладут лозу и прочные ветви в два ряда, верхушками внутрь, так, чтобы верхушки ветвей накладывались друг на друга, а комли выходили наружу. Сверху лозы и длинных ветвей кладутся мелкие ветки, кустарник и солома для того, чтобы поверхность чапара была ровная. После этого поверх лозы и ветвей протягивают крученые прутья пешчапари и связывают с концами прутьев пасчапари. Для того, чтобы чапар был прочным, в некоторых местах его еще перевязывают короткими крученными прутьями. В передней части чапара прикрепляют крученными прутьями палку длиной в 2 м и толщиной в 2 см — *чуби почи хаша* (Дарваз, бассейна р. Хингоу), или *чуби потанг* (Каратегин). На концы этой палки надеваются петли соединяющего с дышлом жгута — *почи хаша*, дышло же, как и в других случаях соединяется с ярмом посредством тяжа *отанг* (рис. 10, *2*).

При молотьбе с чапаром один человек становится между волами и погоняет их прутом — *говрона, шапаи говҳайкун, химчаи говҳайкун* (букв. прут — погонялка волов). В зависимости от количества разбросанных снопов используют одновременно три-четыре чапара (рис. 23). В старое время из-за нехватки рабочего скота на току использовался один чапар, и лишь немногие зажиточные крестьяне применяли два. Если пустить в ход три-четыре чапара, одну скирду хлеба можно обмолотить за 10—12 часов. В прежнее время крестьянину, имевшему один чапар, чтобы обмолотить большую скирду нужно было работать двое суток.

Молотьбу обычно начинают часов с 5—6 утра и работают до 4—5 часов дня, после этого часа два дают отдохнуть волам, а затем продолжают работу до полуночи или даже несколько дольше. В лунные ночи молотьба продолжается и ночью. Такой порядок работы существовал и раньше.

Второй способ молотьбы—*галагов*—вытаптывание зерна из колосьев рабочим скотом. 6—10 волов связывают за шеи длинной веревкой (в к. Ёгид специальными скрученными из ветвей петлями — *муғук*) и пускают их ходить вкруговую по разворошенным снопам; в результате зерно отделяется от колосьев и смешивается с соломой. При топтании скотом зерно обмолачивается быстрее, чем при способе молотьбы с помощью чапара. Поэтому в настоящее время при молотьбе пшеницы и ячменя используют одновременно оба эти способа, а просо, лен и бобовые обмолачивают только способом галагов. В Южном Дарвазе до коллективизации сельского хозяйства, а местами до сих пор применяют только молотьбу способом галагов, молотьба при помощи чапара здесь не получила широкого распространения. В некоторых кишлаках Каратегина вместо волов в чапар впрягают лошадей.[20]

Рис. 22. Орудия молотьбы: внизу—плетенка-волокуша—*чапари хирманкуби*; вверху—деревянные колотушки—*куба, аблакуб* для выбивания зерна из колосьев, Дарваз, Пшихарв (КП 156—16 и 156—211).

Во многих кишлаках Южного Дарваза и в долине Ванча в старое время при молотьбе способом галагов использовали также ослов и коров, однако в чапар их никогда не впрягали. В настоящее время поголовье рабочих волов увеличилось, поэтому при молотьбе ослов и коров не используют. Зато сейчас во многих колхозах Каратегина и в долине Ванча производят обмолот чапаром, который привязывается к трактору (наблюдения 1962—1963 гг.).

При молотьбе два-три человека ворошат разбросанные снопы железными вилами, чтобы рассыпанные снопы быстрее измельчались.

Раньше в Дарвазе, бассейне р. Хингоу и в некоторых районах Каратегина существовала молотьба вручную. Женщины (а в Дарвазе и мужчины) для получения небольшого количества зерна до общей молотьбы употребляли валёк, тяжелую палку с ручкой — *дангал* (Каратегин, бассейн р. Хингоу) или *куба, ғалтак, чуканда, аблакуб* (Дарваз), выбивая ею зерна из колосьев (рис. 22). Этот способ молотьбы вручную называется *сарчик*.[21] Обмолоченное таким способом зерно веяли с помощью деревянного блюда, поднимая его до уровня головы и затем высыпая зерно. Ветер относил в сторону мякину, а зерно падало перед веятелем.

В кишлаках Нижнего Каратегина (Рогун, Бедихо, Таги-Камар, Элок, Калаи-Дашт) во время молотьбы ночью крестьяне пели специ-

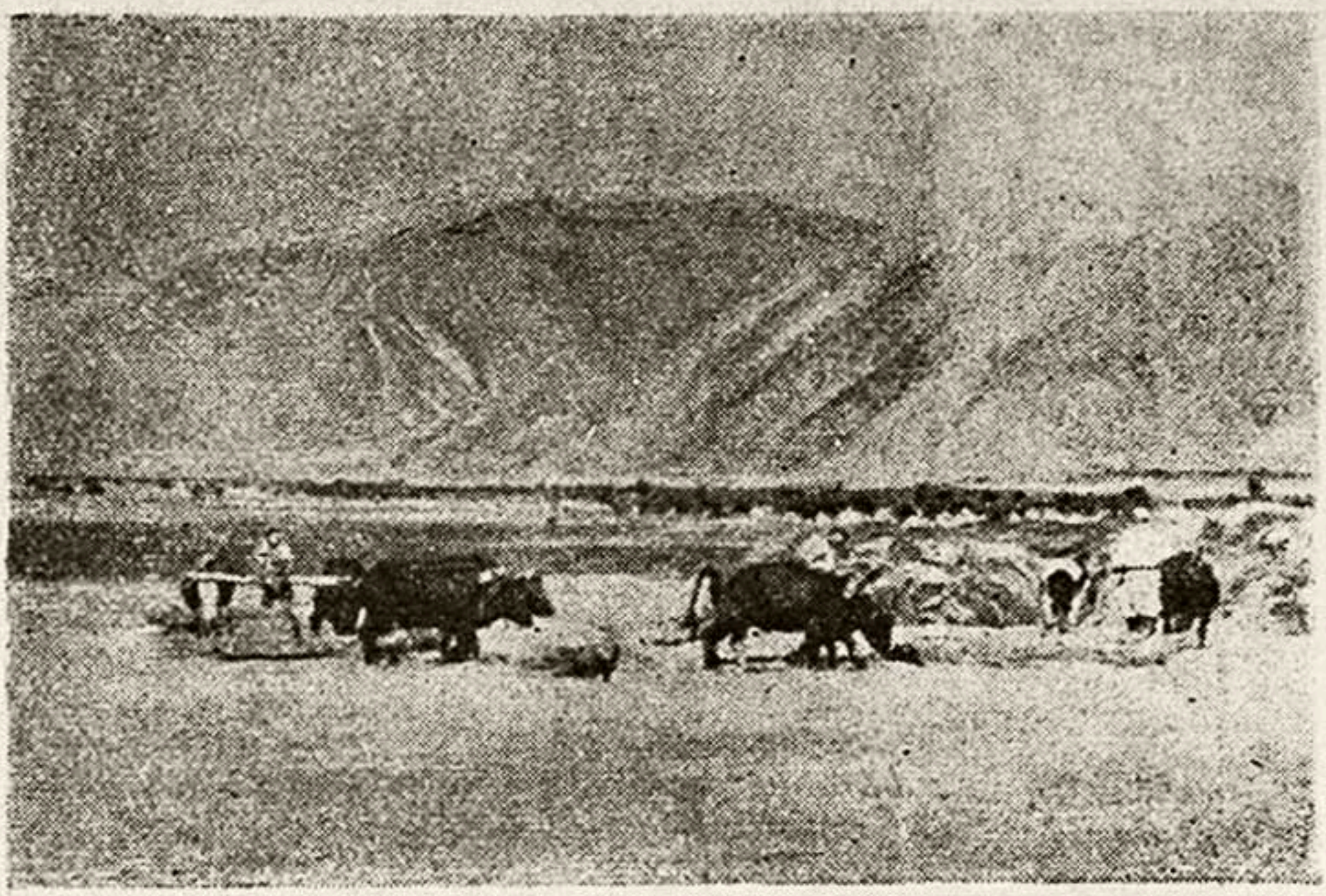

Рис. 23. Молотьба волокушей—*чапар*, Каратегин, к. Нушор (нег. № 18—167).

альные песни — *майдо, майда* (размельчение). В настоящее время эти песни забыты и от них остался только припев и отдельные строки. Но колхозники часто поют при молотьбе какие-либо другие песни и добавляют припев *майдо*.[22]

Веяние и уборка зерна с тока. После молотьбы колосья и стебли совсем размельчаются, их собирают в продолговатую кучу — *хара*. Недалеко от кучи (сообразуясь с направлением ветра) на расстоянии 1 м друг от друга в один ряд укрепляют вертикально 4—5 палочек, высотой до 1 м. Эти палочки называются *сихак* (колышек), или *бодчуб*

Рис. 24. Первое провеивание обмолоченного зерна с помощью вил, Каратегин, к. Тегирми (нег. № 18—92).

(палочки для веяния); ими обозначается граница, отделяющая солому от зерна. После этого несколько веяльщиков, взобравшись на кучу обмолоченного зерна, захватывают его железными или деревянными вилами и подбрасывают вверх (рис. 24). Солома уносится ветром дальше, а зерно падает ближе. В процессе веяния за обмолоченной кучей зерна собирается много соломы, которую один из веяльщиков отгребает от зерна, что называется *кохзанӣ* (отделение соломы). Отделенная от зерна солома за вбитыми в землю палочками образует кучу — *хараи кох*. В результате непрерывного веяния вдоль обмолачиваемой кучи образуется тонкая полоса очищенного зерна, которая в Дарвазе называется *мояк*, в Каратегине — *майхак, мой, моя, маяк*.

До революции существовало много обычаев, связанных с кучей зерна мояк на гумне. Перешагивать через нее категорически запрещалось, так как считали, что мояк по своей форме напоминает останки мифического Деда-земледельца (в мусульманских представлениях— Бобои-Одам). Крестьянин—владелец тока, заметив кого-нибудь, перешагнувшего через мояк, сильно бранил его, гнал с тока и говорил сердито: «Ты непочтительно обошелся с останками Деда-земледельца, перешагнул через него, нанес ущерб моему хозяйству».

После того как отделился мояк, несколько женщин вениками сметают с него измельченные колосья и стебли с невымолотившимся зерном — *кафа*, собирают их в две кучки на концах мояка; эту работу в Дарвазе называют *пешкашӣ*, в Каратегине — *ҷорубзанӣ, ҷорубкашӣ*. В процессе веяния отделяется несколько полос очищенного зерна, каждую из которых веяльщик провеивает еще раз веяльной лопатой — *курчаки бодкунӣ*, в Дарвазе *фияки хирман* (рис. 12, *3*) и собирает на краю тока в кучу, называемую *чошт*; провеивание лопатой полос зерна и собирание его в кучу называют *курчакбод* (веяние лопатой), в некоторых кишлаках Каратегина — *ҷоруббод* (веяние метлой) (рис. 25).

Собранное в кучу зерно провеивают зерноочистительными машинами, которые получили в Каратегине и Дарвазе широкое распространение, а также очищают вручную, ситами — *ғелбол, ғалбер* (рис. 26)

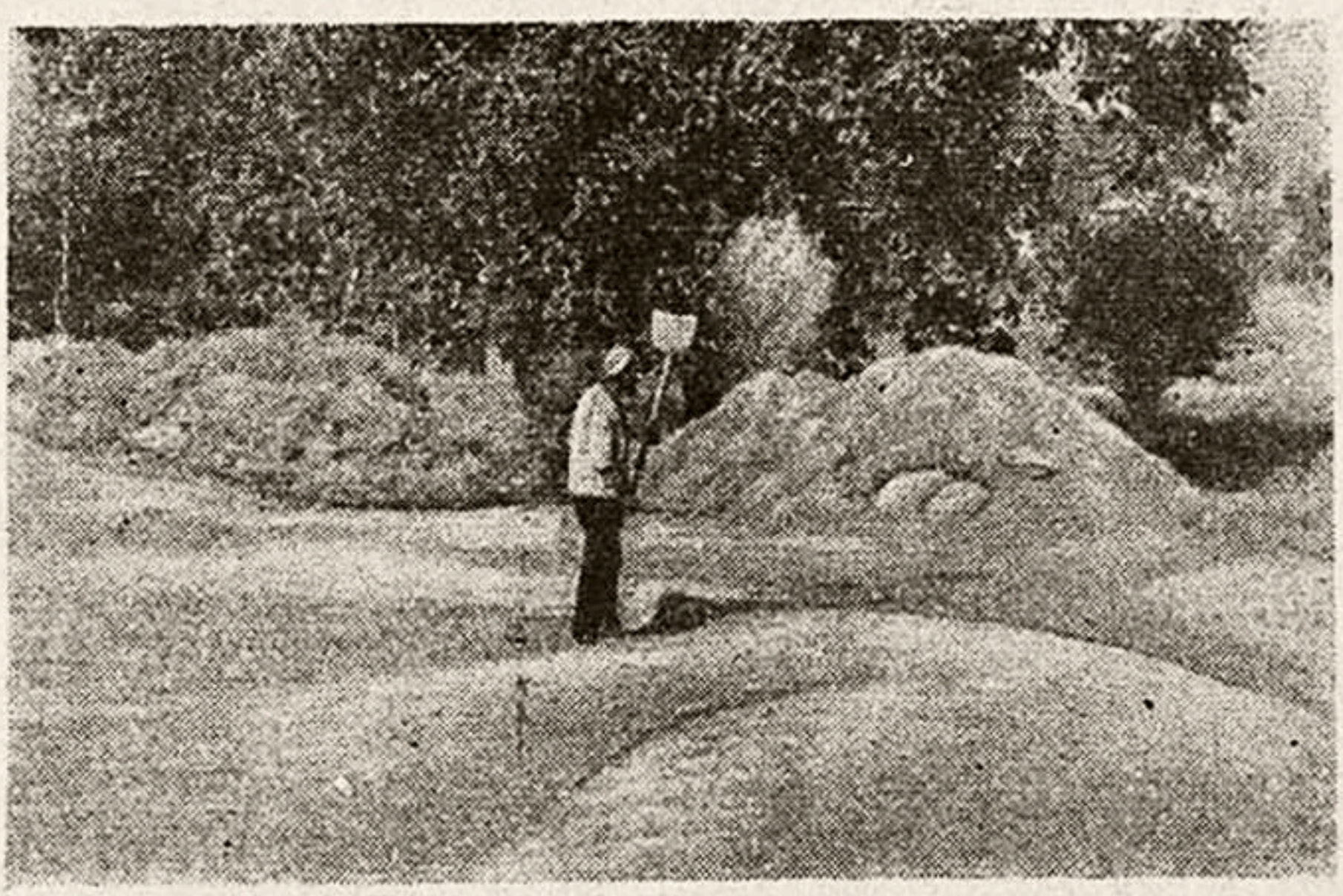

Рис. 25. Второе провеивание зерна с помощью лопаты, к. Тегирми (нег. № 18—93).

и, ссыпав в мешки, перевозят в амбары на автомашинах, в повозка или на санях-волокушах (рис. 27 и 28). Солому доставляют на сенова лы на специальных санях-волокушах (см. выше), а иногда перенося на спине в корзинах — *курч* (рис. 29). Большую помощь в очищени ситами зерна оказывают женщины.

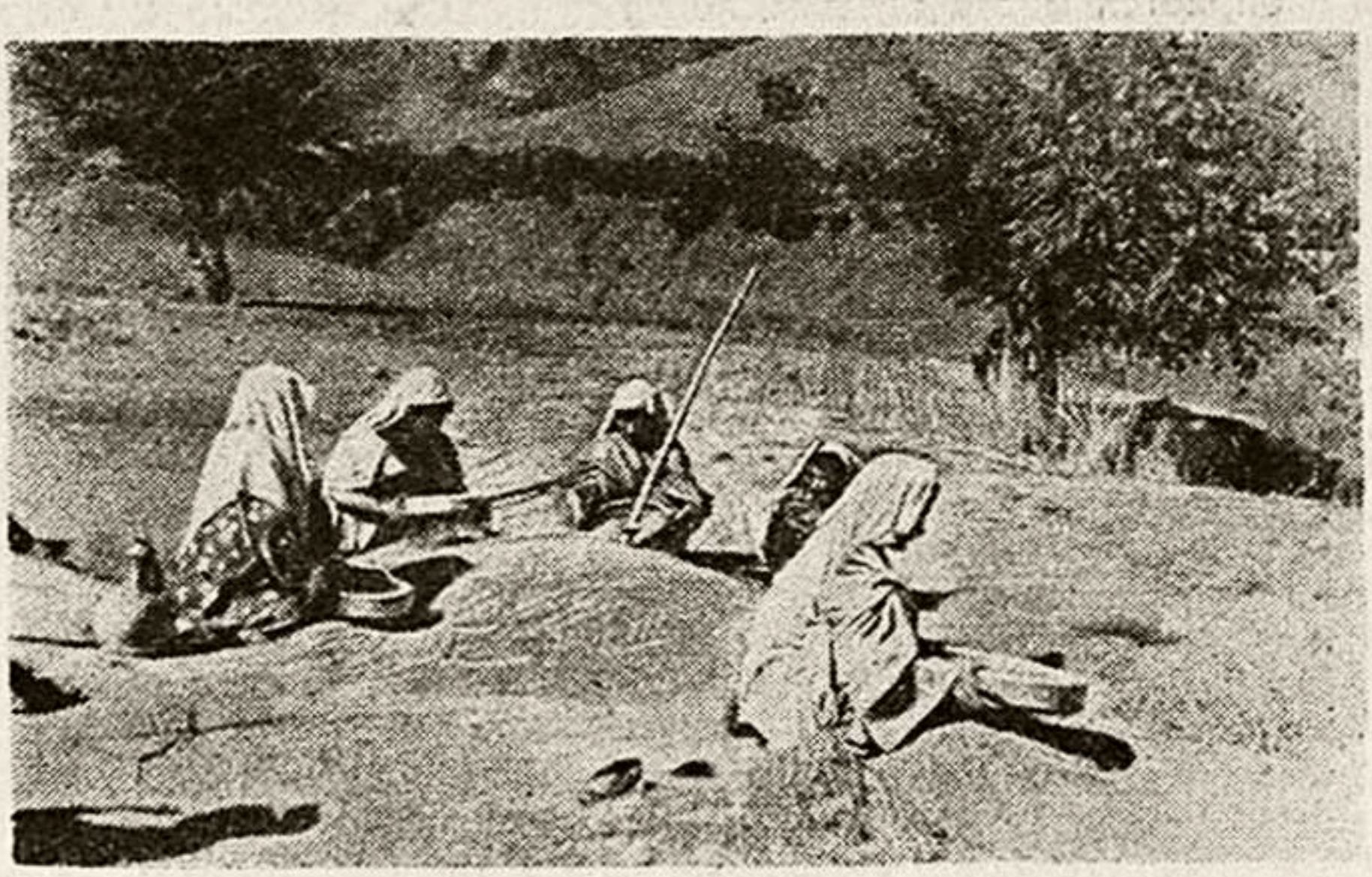

Рис. 26. Очищение зерна ситами—*ралбер*. Каратегин, к. Яхак (нег. № 18—158).

Рис. 27. Ссыпка очищенного зерна в мешки, Каратегин, к. Тегирми (нег. № 18—98).

До революции женщин, особенно молодых, на ток не допускали, считалось, что если женщина появится здесь в период месячных, она осквернит ток и лишит его благодати. Только пожилым женщинам разрешалось работать на току, и они помогали мужчинам в заметании тока и просеивании зерна. Молодые женщины приносили еду, оставляли

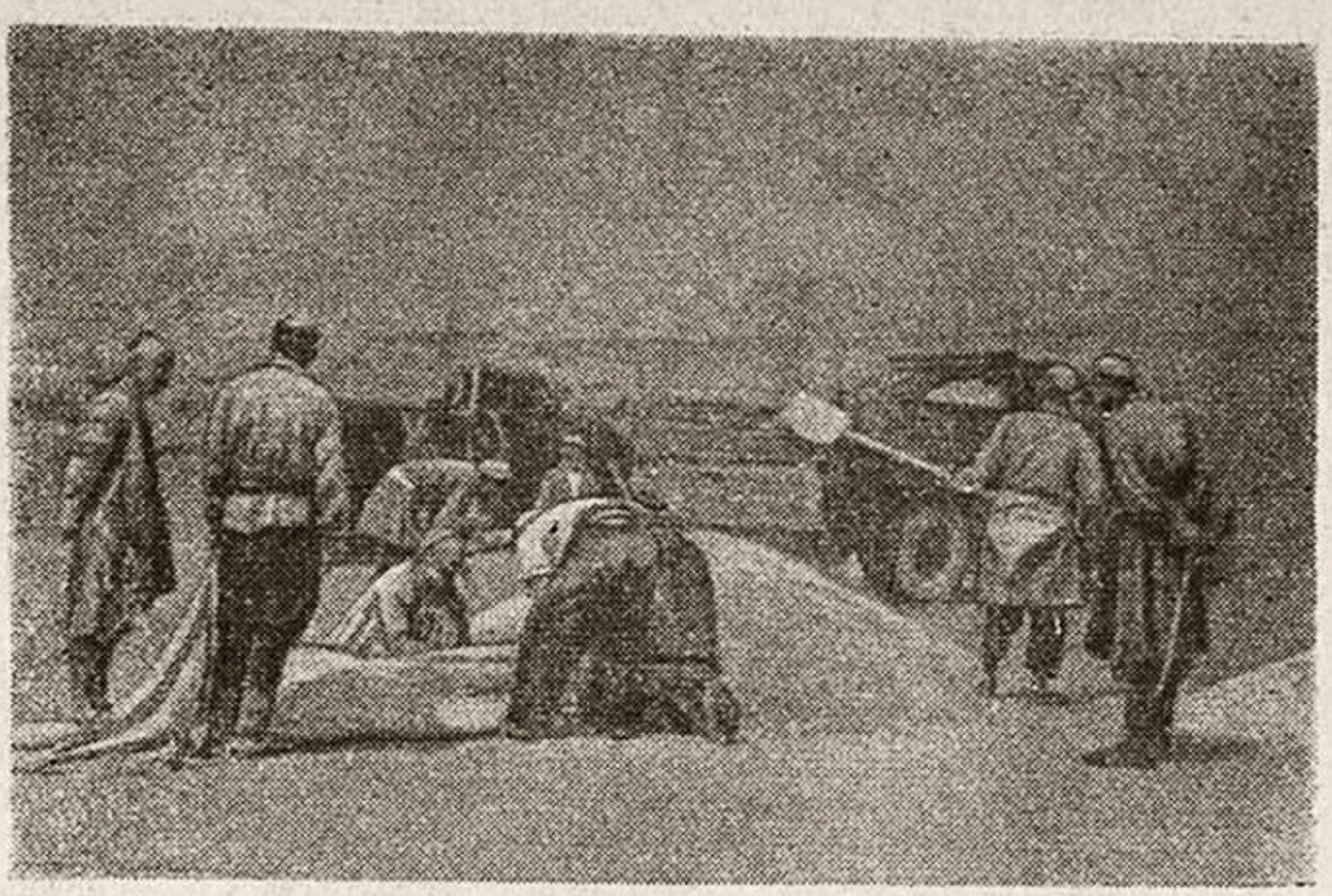

Рис. 28. Погрузка зерна на автомашину, Каратегин, к. Калаи-Нав.

ее вблизи тока и возвращались обратно. Существовали и другие поверья, связанные с током. На него нельзя было приносить воду, считали, что это может вызвать дождь, от которого зерно отсыреет и сгниет. Считали также, что если собака появится на току, добрые духи его покинут. Ток, по словам крестьян, место чистое, требующее жертвоприношения и омовения; собака же — существо нечистое. Совершались также некоторые обряды, которые носили характер жертвоприношения. Так, во время веяния крестьянин приносил на ток еду. Некоторые зажиточные крестьяне закалывали барана и, сварив пищу, приносили на ток; кто хотел, мог прийти и отведать принесенное; эта ритуальная еда называлась *бодгарун*, или *сархирманӣ* (еда веяльщиков, еда на току).

Рис. 29. Переноска в корзине—*курч* соломы с тока в помещение. Дарваз, к. Пшихарв (нег. № 28—86).

Некоторые из этих обычаев носили магический характер, однако часто магические представления тесно переплетались с представлениями исламскими. Так, перед уборкой или, как говорили, «снятием чошга» владелец тока приносил какую-нибудь еду, которая в данном случае называлась *чоштбардорон* или *сарчоштӣ* (еда перед снятием чош-

та). Присутствующие съедали принесенное, а затем произносили: «Дух Деда-земледельца, благополучие священного места, велик аллах!» Чтобы увеличить достаток, на чошт клали разрезанный арбуз, красное яблоко или ком земли. Комок приносили с того участка, где был сжат хлеб. В к. Чормагзак Комсомолабадского района было выяснено, что в некоторых кишлаках комок земли приносили с того участка, на котором производили первую пахоту, и хранили его под навесом тока, а перед уборкой чошта клали сверху него.[23] Рядом с чоштом, в сторону Мекки, клали деревянные вилы, метлу, деревянную лопатку, ярмо. Считалось, что эти земледельческие орудия сохранились еще со времени Деда-земледельца, что они достойны почитания и оставление их вблизи чошта увеличивает благодать. В некоторых кишлаках Каратегина (а также Куляба) около чошта втыкали нож лезвием в сторону Мекки. Считали, что это отвратит дурной глаз и явится оберегом против злых духов.

Для снятия чошта призывали одного из стариков, предки которого были хорошими земледельцами. После омовения приглашенный брал из чошта горсть зерна, читал стих Корана — *оят* и произносил заклинания над зерном; затем сыпал горсть зерна кругом чошта. Этот обычай называли «опоясывание чошта» — *камари чоштро бастан* или *бастани миёни чошт*. После «опоясывания чошта» никому не позволялось проходить вблизи него. К снятию чошта приступали обычно ночью, когда было меньше хождения.

В некоторых кишлаках Каратегина и Дарваза человек, снимающий чошт, произнеся трижды суру «Ихлос» (Очищение /веры/), наполнял блюдо (или мерку) зерном и сыпал его вокруг чошта. Второй раз наполнив блюдо, он высыпал зерно в стороне за уложенными земледельческими орудиями. Это зерно называлось *ҳакки аллоҳ* — доля аллаха; после уборки чошта его отдавали имаму кишлачной мечети, чтобы «очистить» зерно от осквернения скотом во время обмолота.

Перед «опоясыванием» приходил чиновник и определял размер подати — *ушр* (десятина). Человек, снимающий чошт, брал зерно особым блюдом, вместимостью 8—9 тюбетеек, которое называлось *табақи нуҳ* (блюдо девяти), *табақи бардоранда* (снимающее блюдо),[24] или *паймона* (мера). Ссыпав девять блюд зерна в сторону, десятое он отделял для уплаты подати. После снятия десяти блюд клали камень, чтобы знать число снятых блюд, грамотные же записывали.

В некоторых кишлаках человек, снимающий чошт, выполнив все вышеописанные обычаи, брал из чошта два-три блюда зерна, высыпал в сторону, затем, воткнув край блюда в чошт, приказывал хозяину самому «снять» оставшуюся часть чошта. За услугу он получал блюдо зерна. Иногда чошт снимал сам хозяин. Во время снятия чошта существовал обычай не оставлять пустым блюдо для зерна, пока не снимут весь чошт; на дне блюда должно было оставаться две-три горсти зерна. Считалось, что если блюдо будет совсем пустым, благодать исчезнет— *баракат ай чошт мепара.*

Часть зерна прямо с гумна шла на уплату ушра и других налогов и поборов, остальное хозяин увозил себе в дом. Из привезенного урожая выделяли зерно на семена, его хранили в специальных ларях— *кулӣ* или же в ямах — *чоҳ* (Дарваз, бассейн р. Хингоу), или *чаҳғора* (Каратегин и нижнее течение р. Хингоу).

Зерно, предназначенное непосредственно для питания, еще очищали, мыли в больших котлах, затем просушивали на крышах домов. Такое зерно считалось уже очищенным от всякой грязи, в частности от загрязнения его животными во время молотьбы. Вымытое и высушен-

ное зерно мололи на водяных мельницах в порядке очереди. Хозяину мельницы после помола давали одно-два блюда муки — *музди осиёб* (оплата за помол). Муку хранили в ларях, в кладовых—*ганҷур*, где ее хорошо утрамбовывали. Отсюда и термин *амбортапун* (утрамбование, утаптывание амбара). После этого муку окуривали дымом от сжигаемого сушеного болотного лука или же руты — *испанд*.

В Дарвазе и некоторых кишлаках верховьев р. Хингоу в вечер того дня, когда клали муку в лари, в доме приготовляли какое-нибудь лакомое блюдо и на угощение приглашали некоторых близких родственников или соседей. Первым приступал к пище наиболее уважаемый человек в семье, обладатель «благодати» *(бобаракат)*, со «сладким ртом»— *даҳаншрин*, не скупой и не жадный — *хасису чашмгурусна набошад*. Опасались, что если пищу из нового урожая начнет есть человек, не обладающий описанными свойствами, это могло принести вред и лишить благодати хранимую муку.

Некоторые хозяйки, если у них кончался запас муки, не говорили прямо, что мука кончилась — *орд тамом шуд*, а только иносказательно: «Мука принесла свою благодать»—*орд баракат кард*. Существовало поверье, что если сказать прямо, то «благодать» уйдет из дома.

Все эти обычаи в настоящее время почти забыты и никем не соблюдаются. Население теперь понимает, что соблюдение таких ритуалов не уменьшает и не увеличивает урожая. Только некоторые старики еще помнят эти обычаи, но и они не стараются их соблюдать.

САДОВОДСТВО

Садоводство и виноградарство в Каратегине и Дарвазе по сравнению с равнинными районами Таджикистана слабо развиты. Но по сравнению с дореволюционным периодом за годы Советской власти они значительно развились и превратились в доходные отрасли сельского хозяйства. Для дальнейшего развития их имеются все возможности— обилие воды для полива, сухое и теплое лето.

Колхозы Каратегина и Дарваза из года в год увеличивают площади под садами. Например, колхоз им. Энгельса Гармского района, имевший в 1952 г. сады на площади в 8—9 га, в 1959 г. увеличил площади под садами в пять-шесть раз. Колхоз им. Горького, Гармского района в 1952 г. имел 15 га садов, в 1958 г.— уже 80 га, а в 1959 г.— 150 га. Крупные колхозные сады имеются в кишлаках Шульмак, Санги-Малики, Санги-Кар, Новдонак, Гармского района; Дараи-Мазор, Лангари-Шо, Куглик, Нушор, Калаи-Лаби-Об, б. Таджикабадского района; Тегирми, Муджихарф, б. Комсомолабадского района; Умарак, Егид, Ушхарв, Кеврон, Курговад, Калаи-Хумбского района и во многих других.

О развитии садоводства и виноградарства в Каратегине и Дарвазе свидетельствуют следующие факты. Если до 1956 г. ежегодно по всему Гармскому району было заготовлено сухих и свежих фруктов 23 т, то в 1957 г. только сухих фруктов было заготовлено 420 т на общую сумму 1 млн. 870 тыс. рублей.[25] В 1957 г. только колхозы Комсомолабадского района сдали государству 450 т сухофруктов.[26]

До 1956—1957 гг. в колхозах Каратегина и Дарваза доход от садоводства составлял всего 10—15 тыс. рублей на колхоз. Но в последние годы доход от этой страсли увеличился в несколько десятков раз. Уже в 1957 г. отдельные колхозы б. Таджикабадского района получили от своих садов по 250—400 тыс. рублей дохода; упомянутый колхоз им. Горького Гармского района в 1958 г. получил от садоводства около 400 тыс. рублей дохода.[27]

Имеются все возможности для дальнейшего развития в крае садоводства и виноградарства. Во всех районах Каратегина и Дарваза составлены перспективные планы, согласно которым в ближайшие годы площади под садами будут увеличены в несколько раз.

До революции фруктовые сады встречались почти во всех районах и кишлаках Каратегина и Дарваза. Только в некоторых селениях, расположенных выше 2500 м над ур. м., не имелось садов, хотя и там росли немногочисленные яблони, мелкие плоды которых, поспевавшие в конце ноября, были обычно кислые (таковы кишлаки на северных отрогах Дарвазского хребта, к. Равноу в Дарвазе) Однако сады не были расположены сплошными массивами, а представляли собой, главным образом, приусадебные насаждения. Между плодовыми деревьями высевали люцерну, ячмень, кукурузу.

В Каратегине и Дарвазе издавна культивируются многие фруктовые деревья: абрикосовое—*зардолу*, яблони—*себ*, шелковица—*тут*, груша—*амрут (мурут, нок, ношпоти, каюн)*, айва—*бихи*, вишня—*олучабандак, олуболу*, черешня—*гелос*, грецкий орех—*чормағз*, персик—*шафтолу*, слива—*куксултон, ғандолу*, алча—*олуча*, а также виноградная лоза—*ангур*. Наличие тех или других фруктовых деревьев обусловливается климатом. В Южном Дарвазе произрастают гранат—*анор* и инжир—*анҷир*. Из упомянутых садовых культур первое место принадлежит абрикосу и яблоне, которые встречаются повсеместно, затем идут виноград, грецкий орех, груша, персик, вишня, черешня, слива и др.

Виноград в Дарвазе культивируется по долине Пянджа во всех кишлаках ниже к. Курговад. В долинах притоков Пянджа, расположенных высоко над уровнем моря и имеющих прохладный климат (кишлаки Пшихарв, Угр, Работ, Хоб, Амшон, Гишон и др.), винограда нет. В Среднем и Нижнем Каратегине виноград выращивают по обоим берегам Сурхоба, начиная от кишлаков Нушор и Хаит вплоть до Оби-Гарма; но больше всего его в кишлаках Гармского и Комсомолабадского районов, расположенных вдоль р. Сурхоб.

Наряду с садовыми культурами в Каратегине и Дарвазе встречается очень много дикорастущих яблоневых и алчовых деревьев (в бассейне р. Хингоу) и винограда (в Дарвазе), которые дают прекрасные плоды. Встречаются также рощи грецкого ореха (в бассейне р. Хингоу) и заросли горького миндаля. По заготовкам грецкого ореха Каратегин и Дарваз занимают первое место в республике.

Уход за садами пока еще не достаточно хорошо налажен. Во многих колхозах сады не огорожены, нет специальных садоводческих бригад, и за фруктовыми садами ухаживают, в основном, пожилые колхозники. Для полива, весенней очистки садов и сбора фруктов выделяются колхозники из полеводческих бригад. Там, где есть специальные садоводческие бригады, фруктовые сады содержатся в более благоустроенном виде; в таких колхозах поливают деревья, тщательно чистят оросительные каналы, во время собирают фрукты, аккуратно сушат их и сдают на пункты треста «Плодоовощ».

До недавнего времени борьба с вредителями фруктовых садов не велась. Особенно большой урон наносила садам яблоневая моль—*мур*. С 1952 г. некоторые колхозы Каратегина и Дарваза стали широко вести борьбу с ней при помощи дуста ДДТ; однако первоначально применялись очень наивные методы: дуст ДДТ насыпали в мешочки и вешали их на деревья. С 1952 г. Министерство сельского хозяйства Таджикистана ежегодно направляет в Гармские районы специалистов, снабжает колхозы ядами и аппаратурой. Борьба с вредителями садо-

вых культур стала давать эффект, и урожайность фруктовых деревьев, особенно яблонь, значительно повысилась.

Для плодоводства Каратегина и Дарваза характерно то, что здесь встречается очень много местных сортов, присущих только отдельным районам и даже кишлакам и издавна выращиваемых крестьянами-садоводами этих горных местностей. Мы зарегистрировали в Дарвазе довольно большое количество сортов яблонь, винограда, тута и других плодов. В к. Пшихарв до сих пор встречается следующие сорта яблонь: *сурхсеб, сафедсеб, кавшунсеб, сангсеб, яхак, шулмунд, лойбарсеб, капарсеб, ночувлӣ*; в к. Умарак: *сафедак, самарқандӣ, сурхсеб, харбузасеб, себи обӣ, туршак, талхак.* Из сортов винограда в этом кишлаке встречаются: *сияҳӣ, ҳусайнӣ, сафедӣ, чочи гов, фархӣ, гурдаи гов, лаъли якдона, бухорӣ, ҳисорӣ, шукурт, зардангур, курговадӣ, лифтоқӣ, ташрифбегӣ.*[28] Сорта абрикосов, по нашим записям, в Дарвазе в основном следующие: *сафедак* (белый), *сурхак* (красный) и *талхак* (горький). Персики представлены сортами *сафедак, сурхак, анҷиршафтолу* (персики, похожие по форме на инжир). Инжир не имеет разновидностей. Гранаты в Дарвазе повсюду встречаются трех сортов: *ширин, хотунӣ, турш,* в некоторых же кишлаках (Умарак, Ризвай) есть также сорта *сабзанор* и *ҳандалаанор.*

В Дарвазе, где тутовая ягода (шелковица) была чуть ли не основным питанием населения, тутовое дерево выращивалось в большом количестве. Везде в кишлаках встречаются сплошные массивы тутовника. Тут также имел очень много разновидностей. Самые основные и распространенные сорта его в Дарвазе были следующие: *бедона, ревичӣ, бедонаи сурхак. музаффарӣ, сафедак, рахшак, шехӣ, шурак, малбед, шаҳтут, зиғарӣ, сангевнӣ и хасак.* В настоящее время Дарваз обеспечен хлебом, тутовые же деревья используются, как правило, для шелководства, ягоды едят только как лакомство. Поэтому сейчас не наблюдается уже такого разнообразия сортов, как раньше; в основном, оставляют для плодоношения только сорта *ревичӣ, бедона* и очень редко *шаҳтут* (который и раньше был в ограниченном количестве).

Абрикосы в колхозах Каратегина и Дарваза чаще используются на сушку.[30] Созревшие плоды собирают с ветвей руками или же стряхивают на большие полотнища — *чодар.* Сушку производят на крышах домов, на траве в саду или же на расстеленных полотнищах; сушеные абрикосы называют *зардолуқоқ.* Кроме абрикосов, колхозники сушат также яблоки — *қоқи себ,* разрезая их предварительно пополам — *себпора,* персики—*шафтолуқоқ, қоки шафтолу,* а также тут—*тутмавиз, тути-қоқ.* Раньше сушеные яблоки мололи на водяных мельницах или толкли в каменных ступах (Дарваз). Яблочную муку называли *себпист* или *себпуст.* Себпист ели с пахтаньем или кислым молоком. В Дарвазе часто употребляли в пищу смесь из молотых сушеных яблок, сушеного тута и жареной пшеницы — *авьёк.* Часть сушеных яблок и абрикосов оставляли на зиму для приготовления компота — *зардолуоб* или для приправы к мучным похлебкам — *атола,* называемым в таком случае *атолаи зардолугӣ,* а часть обменивали на зерно в соседних районах.

До революции в Дарвазе и в некоторых кишлаках Каратегина запасали очень много сушеных ягод тута. Часть их дарвазцы обменивали на зерно в соседних высокогорных кишлаках (Сагырдашт, Сафедорон, Пуштарог), где тута не было; отходами от тута кормили животных, особенно ослов.

В Дарвазе перед созреванием тута тщательно подметали участки земли под деревьями, разравнивали их и смазывали глиной. чтобы па-

дающие с дерева ягоды не грязнились. Сначала в течение нескольких дней падали не очень спелые и невкусные ягоды — *хастут*, которые не ели; когда их оказывалось на земле довольно много, их собирали и оставляли на корм для ослов. Так поступали два раза. Когда ягоды достаточно созревали, их стряхивали на площадку (каждый сорт отдельно) или же на полотнище — *чодар*, к двум сторонам которого были прикреплены длинные палки; один человек стряхивал тут, а двое других держали полотнище. Ягоды высушивали на крышах домов, а затем собирали в большие корзины — *сабад* или ссыпали на пол веранды до помола. Сушеные ягоды тута называли *тутмавиз, тути қоқ*. Иногда для дастархана (для подачи гостям) хорошие сорта тута собирали с ветвей руками, такие ягоды называли *тути дастчин*, или шутливо *тути духтарчин* (тут, собранный девушками). В виде целых ягод тут оставляли впрок в незначительном количестве, большую же часть его делили по сортам и толкли в больших каменных ступах — *санги чувозак* или же мололи на мельнице. Тутовую муку *тутпист* хранили в глиняных ларях — *хамба, кулӣ*, хорошо утрамбовывая. Эта мука очень влагоемка и быстро затвердевает; уплотнившуюся массу разрубали тешой и употребляли в пищу, смешивая с водой, с кислым молоком, или же ели с чаем, как халву. Из тутписта приготовляли разные виды халвы и похлебку. В Дарвазе из ягод тута варили патоку *ширинии тут*, сливали ее в глиняные сосуды и оставляли на зиму.

Виноград теперь, как и раньше, едят в сыром виде, на сушку он не идет. Раньше из него готовили патоку — *ширинии ангур*, а в настоящее время это практикуется мало, так как в магазинах продаются различные сорта варений. Виноград сохраняют в свежем виде, подвешивая грозди на горизонтальных и вертикальных жердях в специальном помещении, где не очень холодно. Предварительно их на несколько часов оставляют на солнце. В Каратегине для того, чтобы виноград не замерзал и не портился, в помещении, где он подвешивается, оставляют на ночь в глиняных тазах — *тағора* горячие угли; таким путем свежий виноград сохраняется почти до весны. В некоторых кишлаках Дарваза (Умарак, Зинг) не снятые грозди вкладывают в мешочки из карбоса и оставляют на ветках; в таком виде они держатся долгое время.

Груши и яблоки, в основном, едят в сыром виде, но раньше их иногда в небольшом количестве высушивали и употребляли в компот (Каратегин, Дарваз, бассейн р. Хингоу) или обменивали на зерно (Дарваз). Груши и яблоки иногда собирают не очень спелыми и держат в корзинах среди соломы и отрубей, сохраняя до весны.

Вишня, черешня, алча, коксултан, слива чаще всего употребляются в пищу сырыми, изредка их сушат для компота.

Инжир в Дарвазе культивируется очень мало. Его едят в сыром виде, частично же сушат. Нередко сушеный инжир, как и сушеный абрикос, ядрышки абрикоса и ядрышки ореха нанизывают на нитки в виде бус — *ҳамел* и преподносят в таком виде в качестве подарков, когда идут в гости, а также во время церемонии первого укладывания ребенка в колыбель вешают на ее перекладины. Ягоды инжира и граната считают целебными. Сок гранатов рекомендуют пить при температуре, а инжир считают лекарством при кашле и воспалении легких.

До революции население относилось к некоторым фруктам с особым уважением, считая их «священными»— *муқаддас*, «великими»— *бузург*, «плодами рая» — *меваи биҳишт*; таковыми были инжир, виноград, яблоки, гранаты; ими клялись говоря: «Клянусь этими яблоками»— *ба ҳурмати ҳамин себ*, «Клянусь этим инжиром»— *ба ҳурмати ҳамин анҷир*, или же «Клянусь этими плодами рая»— *ба ҳурмати ҳа-*

мин меваҳои биҳишт. Особенно почитали инжир, считая его «сеидом всех фруктов»—*сайиди меваҳо*.[31]

Относительно некоторых плодов сохранились легенды. Например, инжир связывают с именем Соломона — *ҳазрати Сулаймон*. Однажды святому Соломону сказали, что на дороге, по которой он ехал, сидит бедная девушка, не имеющая никакой одежды. Соломон решил остановиться и ждать, пока девушка не найдет себе какую-нибудь одежду. Дерево инжир отдало девушке свои листья, и она укрыла себя. С тех пор инжир почитают. Другой вариант этой легенды гласит, что инжир давал листья укрывать себя прародительнице Еве *(Момо Ҳаво)*, когда она после изгнания ее и Адама из рая была беременной. Вообще многие плоды, как и злаки, связываются предэнием с изгнанием Адама и Евы из рая, поэтому их называют райскими плодами.

В некоторых кишлаках Дарваза сохранились обряды, связанные с садоводством. Например, в к. Ёгид, если какое-либо дерево в истекший год не давало плодов, то его хозяин в день осеннего равноденствия— *ниврузи тирамоҳ* брал в руки топор, подходил к дереву и ударял топором по стволу, как бы грозя, что если и на следующий год дерево не даст плодов, то он его срубит.

ЖИВОТНОВОДСТВО

Наравне с полеводством и садоводством одним из основных занятий населения Каратегина и Дарваза является животноводство. Оно всегда имело большое значение в хозяйственном быту таджиков, так как обеспечивало население рабочим скотом, навозом, шедшим на удобрение полей и на топливо, доставляло продукты питания (мясо, сало, молоко, масло), кожу на обувь, шерсть на одежду и пр. Как и земледелие, животноводство — древнее занятие таджиков, о чем свидетельствуют любовь к животным, выработанные традиционные приемы ухода за скотом и целый комплекс обычаев и обрядов, связанных с этой отраслью.

В исторической и этнографической литературе, кроме небольших статей Н. А. Кислякова[32] и М. Р. Рахимова,[33] до сих пор нет специальных исследований, посвященных этой отрасли хозяйства таджиков Каратегина и Дарваза, хотя ряд отрывочных сведений имеется в работах дореволюционных авторов. Животноводству тюркоязычных народов Южного Таджикистана посвящена монография Б. Х. Кармышевой.[34] Подробное описание животноводства у населения долины Хуф (Рушан, ГБАО) приводится в книге М. С. Андреева.[35] Отдельные сведения по обычаям и обрядам, связанным с животноводством, содержатся в некоторых других работах,[36] где, в частности, говорится и о таджиках Каратегина и Дарваза. О современном животноводстве одного из колхозов Ленинабадского района коротко, но весьма обстоятельно сказано в книге «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства».[37]

Долины рек Сурхоба, Хингоу и Пянджа, а также предгорная полоса трех высоких хребтов — Каратегинского, Петра I и Дарвазского, как и самые горы, весьма удобны для развития животноводства. Предгорья служат местом кратковременных весенних и осенних выпасов для скота, когда он держится вблизи селений. Летом предгорья для выпаса скота не используются, так как здесь расположены пахотные и сенокосные земли. Прекрасные и обширные летние пастбища находятся в горной части Каратегина и Дарваза, особенно в альпийской и субальпийской зонах в складках трех названных выше хребтов. Их используют не только местные хозяйства, но и колхозы и совхозы других

районов Таджикистана. Среди этих пастбищ выделяются такие крупные урочища, как Кыздара (Девичье ущелье), Сароборai-Пушти-Шибар (Склон над болотом), Сароборai-Пушти-Тург (Склон за большим камнем—Тург), Айлоки-Калон (Большая летовка) в Каратегинском хребте; Тупчок, Каракуль (Черное озеро), Хафтсола (Семилетка), Хазрати-Шох (Святой шах) в хребте Петра I; Каракутан (Черный загон), Сари-Об (Начало реки), Хирсдара (Медвежье ущелье), Зирадара (Тминное ущелье), Чармдара (Ущелье кож), Пахмдара (Широкое ущелье), Хошмерган (названное по имени якобы похороненного здесь святого Ходжа Мергана), Дорчуб (Виселица), Пшогед в Дарвазском хребте.

Высокогорные пастбища с обильной сочной растительностью, с прохладным климатом и изобилием воды весьма благоприятны для быстрого нагула животных. Питательность кормов здесь очень высока, приближаясь к питательности ячменя и овса. Обширные отгонно-пастбищные угодья дают возможность для развития колхозного животноводства в Каратегине и Дарвазе. Благодаря ряду эффективных мероприятий в настоящее время эта отрасль здесь приобретает все большее значение. В хозяйстве многих колхозов Джиргатальской группы, бассейна р. Хингоу, на северных склонах Дарвазского хребта (колхоз «Сагырдашт»), в Таджикабадской, Гармской (кишлаки Калаи-Сурх, Кадара, Лангарак, Сари-Хавз, Дияи-Амирбек, Каланак, Ялдамич и др.) и Оби-Гармской группе животноводство занимает уже ведущее место.

Особенно большое развитие животноводство получило после Великой Отечественной войны, что в значительной степени было стимулировано постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР о трехлетнем плане развития животноводства (1949—1951 гг.), мобилизовавшим колхозы Каратегина и Дарваза на активную борьбу за увеличение поголовья скота.

С 1949 г. в Каратегине и Дарвазе начали осуществляться мероприятия по улучшению породности скота. Были организованы Гармский племенной совхоз, Таджикабадский племенной рассадник, мясомолочные совхозы «Самсолык» и «Ляхш». Скрещивание местного скота с породистым привело к значительному повышению продуктивности животноводства в колхозах. Принимаются меры к предотвращению обычного в старом быту зимнего падежа скота, заготавливаются корма на зиму, вводятся в практику перегоны скота на зимние пастбища в долины Кзыл-Су и Ях-Су и в Яванскую долину. Колхозы добиваются увеличения поголовья крупного рогатого скота — за счет собственного воспроизводства, налаживается отъемное воспитание телят. Сами колхозники начали активно бороться за высокие показатели в области животноводства. Пастухи-чабаны включились в соцсоревнование за получение без потерь большого количества приплода. В результате упорной и настойчивой борьбы колхозников, правлений колхозов, местных партийных, советских и комсомольских организаций, а также проведения ряда важнейших мероприятий поголовье колхозного скота из года в год возрастает.

Уже в 1953 г. по сравнению с 1940 г. поголовье колхозного скота по Каратегину и Дарвазу возросло в пять-шесть раз. В последующие годы в связи с освоением методов передовых животноводов и проведением различных мероприятий поголовье скота в колхозах возросло еще больше. Например, упомянутый колхоз «Сагырдашт» в 1940 г. имел 5 тысяч голов мелкого рогатого скота, а в 1959 г. только тонкорунных овец в этом колхозе насчитывалось более 19 тысяч. Колхоз «Каратегин», Гармского района в 1940 г. имел 1300—1400 голов мелкого рога-

того скота и 8 голов лошадей; крупного рогатого скота в колхозе совсем не было; все 40 пар рабочих волов принадлежали еще колхозникам, которым за предоставление волов для работы в колхозе начислялись трудодни. В 1952 г. этот колхоз имел уже 9670 овец и коз, 326 коров, 38 лошадей, 190 рабочих волов, а в 1959 г. — свыше 11 тыс. голов мелкого рогатого скота.

В настоящее время почти все колхозники в своем личном хозяйстве имеют по нескольку голов мелкого рогатого скота и корову; некоторые держат лошадь или осла. Кроме того, колхозники на трудодни получают масло, сушеный сыр и другие молочные продукты с колхозных молочных ферм.

До революции самые состоятельные хозяйства (не считая крупных баев) имели от 60 до 150 голов мелкого рогатого скота, пару рабочих волов, 2—3 лошади, 2—3 осла. Многие же крестьяне не имели даже одной овцы или козы. В Дарвазе большинство крестьян не имело рабочих волов. Например, в к. Умарак на 100 хозяйств приходилось 7 пар рабочих волов. Примерно такое же положение было во многих других кишлаках Каратегина и Дарваза. Побывавший в 1892 г. в Дарвазе капитан Кузнецов писал, что в Чиль-Даринском амлокдорстве самый богатый житель имеет до 50 баранов, 3—4 коровы, 2 вола, 2—3 лошади, в Тавиль-Даринском амлокдорстве скота было побольше, а в Сагырдаштском, по его словам, скота было более чем достаточно.[38] В некоторых местах было довольно много ослов. В Дарвазе, например, осел являлся основным транспортным животным в хозяйстве, поэтому почти все мало-мальски состоятельные хозяйства имели 1—2 ослов.

Основное поголовье скота было сосредоточено в руках немногочисленных крупных баев, ростовщиков, а также феодалов, которые имели в своем хозяйстве от 500 до 2 тысяч овец. В качестве примера можно назвать Азизбая и Джафарбая из к. Намнаруд, Мулло Каландара из к. Шуль, Мулло Косимбая из к. Сафедорон, Карасарта и Наимбая из к. Ляхш. Они нанимали пастухов и держали батраков, которые пасли их стада, заготовляли на зиму корма и выполняли многие другие работы.

Крупный рогатый скот. На фермах крупного скота основное поголовье стада составляют коровы. Для улучшения стада колхозы каждый год покупают племенных быков, главным образом через племсовхоз «Гарм». Кроме того, поголовье в колхозах увеличивается за счет собственного воспроизводства. Довольно много содержат волов, быков же держат лишь как производителей.

До революции в кишлаках Верхнего Каратегина (Джиргаталь) разводили и яков — *қутос*, однако последние были, в основном, в хозяйствах баев-скотоводов; например, накануне установления Советской власти в Каратегине бай Карасарт имел в своем хозяйстве 50—60 голов, Наимбай—45—50, Гоибназарбай—30—40 яков. Рядовые же крестьяне, если и держали яков, то не более 1—2. Яков использовали на сельскохозяйственных работах, держали их также ради молока и шерсти; известно, что эти животные дают очень хорошие надои жирного молока и много шерсти. В настоящее время в Каратегине и Дарвазе яков разводят очень мало (яководство — одна из отраслей хозяйства киргизов Восточного Памира).

В Джиргатале в качестве транспортного животного разводят, как и до революции, одногорбых верблюдов, почти во всех колхозах разводят также лошадей и ослов.

Во время сельскохозяйственных работ волов распределяют по бригадам. Каждый бригадир отвечает перед колхозом за прикреп-

ленных к бригаде волов и, в свою очередь, прикрепляет их к отдельным колхозникам. Вечером, после работы, животных сдают на ферму. В летний период, начиная с середины июня и до середины августа, волы находятся на высокогорном пастбище под надзором двух-трех колхозников, назначаемых поочередно правлением колхоза. В ряде колхозов рабочих волов на это время просто сдают на ферму крупного рогатого скота, находящуюся на летних пастбищах, где их через каждые 15—20 дней кормят солью для улучшения нагула. До революции и в первые годы Советской власти волы и лошади на пастбищах оставлялись без присмотра. Крестьяне приходили туда раз в неделю или две проведать их и покормить солью.

Рабочих волов стараются держать на самых хороших пастбищах, имеющих обильную сочную растительность и достаточное количество воды. Во второй половине августа, когда начинается уборка хлебов и сена, их пригоняют с пастбища в кишлак. По окончании работ с декабря по март волы находятся на стойловом содержании на колхозных фермах. Они получают три-четыре раза в день грубые корма и силос. За ними хорошо ухаживают, их кормят лучше, чем остальной скот, так как хорошее состояние волов обеспечивает быстрейшее завершение пахоты, посева, уборки и обмолота урожая. За зиму они хорошо отдыхают и отъедаются. В большинстве колхозов волы на зиму прикрепляются к отдельным колхозникам, которые смотрят за ними, кормят и поят их, чистят их хлева. В таких случаях корма дают фермы. В некоторых колхозах за волами ухаживают сами работники фермы.

Весной, во время пахоты и посева, волам дают особые корма— *тарит* (болтушка из отрубей, сечка, смоченная кухонными помоями и посыпанная мукой) и *дурушта* (нарезанный сухой клевер, смешанный с соломой и солью). В поле во время пахоты им дают один-два раза в день дурушта или же сено. Каждые 10—15 дней им дают соль.

В прежнее время волов также кормили таритом, дурушгой, а более состоятельные хозяйства еще и жмыхом — *кунҷора*. Кроме того, в некоторых кишлаках Каратегина (например, к. Дехаи-Саид), перед началом работ весной состоятельные хозяйства мололи на мельнице один-два мана (4—8 пудов) проса и каждое утро давали волам по нескольку горстей просяной муки, смоченной водой и смешанной с соломой.

Остальной крупный скот зимой также содержится в хлевах— *оғил*, дойных коров и быков-производителей держат в отдельных хлевах, особый хлев отводится для бычков и недойных коров. На стойловом содержании зимой находятся также лошади и ослы. Уход за скотом ведут работники фермы.

Коровы, быки-производители и бычки ранней весной ежедневно пасутся на стерне вблизи селений, а с наступлением лета молочная ферма перебирается на летние пастбища (о них см. ниже). Осенью молочная ферма возвращается в кишлак. С этого времени, обычно в октябре-ноябре, скот пасется на пастбищах в окрестностях селений и на полях, с которых уже убран урожай, а вечером загоняется в хлев.

Коровы, находящиеся в личной собственности колхозников, выпасаются отдельным стадом. В Дарвазе и бассейне р. Хингоу их пасут односельчане в порядке очереди — *подабонӣ*, а в Каратегине население целого кишлака нанимает постоянного пастуха, которого кормят владельцы скота. Каждое утро в четырех-пяти очередных домах он получает по лепешке, это называется *оши ҳалол*. Вечером его угощают горячей пищей. Кроме того, осенью ему дают за каждую корову по 5—6 кг зерна.

Мелкий рогатый скот. На фермах мелкого рогатого скота в Каратегине и Дарвазе основное место занимают овцы. Разводят гиссарских овец — *гуспанди ҳисорӣ, гуспанди узбакӣ*, или *гуспанди қирғизӣ*, вюртембергских и других тонкорунных овец, а также мелких бескурдючных местных овец — *гуспанди дарвозӣ, гуспанди ҷойдорӣ*, или *гадик*. Коз разводят в основном местной породы — *бузи ҷойдорӣ* и ангорских— *бузи ангорӣ*, которые завезены лишь недавно. Следует отметить, что в настоящее время козоводство развивается очень слабо и сильно отстает от овцеводства.

До революции в Каратегине и Дарвазе преобладали местные мелкие бескурдючные овцы, встречались также и овцы курдючной гиссарской породы. Больше всего крестьяне разводили коз, так как они дают много молока.

Одной из важнейших проблем в сельском хозяйстве Таджикистана является разведение тонкорунных и полутонкорунных овец, которых в стране в старое время не было вовсе. Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют огромное внимание развитию тонкорунного и полутонкорунного овцеводства. В постановлении январского Пленума ЦК КПСС (1955 г.) говорится: «В целях расширения производства шерсти и, в особенности, увеличения производства тонкой и полутонкой шерсти необходимо значительно увеличить поголовье овец в колхозах и совхозах и повысить средний настриг шерсти в колхозах не менее чем до 3 кг и в совхозах — до 4,2 кг на каждую овцу. Необходимо использовать возможности для развития тонкорунного и полутонкорунного овцеводства в республиках Средней Азии...»[39]

Сейчас колхозы Каратегина и Дарваза стали завозить во все районы баранов гонкорунной породы для скрещивания их с дарвазскими овцами—*гадик*. Во многих колхозах созданы пункты искусственного осеменения (Сагырдашт, Гарм, Таджикабад). Ветеринарные работники уделяют много внимания сохранению овец от заболеваний; путем проведения ряда зооветеринарных мероприятий ликвидированы некоторые болезни овец. Колхозы всех районов Каратегина и Дарваза имеют теперь сотни голов тонкорунных и полутонкорунных овец. Колхозы, занимающиеся разведением тонкорунных овец. значительно укрепили свою экономику и вносят свой вклад в создание в нашей стране изобилия сельскохозяйственных продуктов и сырья для промышленности. Примером может служить высокогорный колхоз «Сагырдашт», который из года в год увеличивает поголовье тонкорунных овец и в 1959 г. имел уже 11 тысяч голов этой породы. Благодаря развитию тонкорунного овцеводства отсталый колхоз стал быстро крепнуть экономически. «Еще недавно,—говорил б. председатель колхоза А. Бодамаев,—наш колхоз считался отстающим. А в 1957 г. мы в среднем от каждой овцы настригли по 3,5 кг шерсти, а от тонкорунных и полутонкорунных овец— по 5,5 кг. Колхоз дал государству 36 тонн шерсти самого высокого качества. За сдачу и продажу ее государству мы получили более миллиона рублей»[40] (в старом масштабе цен). Денежный доход от овцеводства в этом колхозе возрос с 285 тыс. руб. в 1953 г. до 1890 тыс. руб.— в 1958 г. На 100 га сельскохозяйственных угодий колхоз в 1959 г. произвел 580 кг тонкой и полутонкой шерсти.[41]

Уделяется внимание улучшению породности мелкого рогатого скота в целом. Колхозы Каратегина и Дарваза приобретают баранов-производителей—*гуспанди зотӣ, қушқори зотӣ со стороны*, а также оставляют из молодняка своего стада. Для развития поголовья скота и поднятия своей экономики колхозы Каратегина и Дарваза стали практи-

ковать сдачу государству скота хорошей упитанности, что дает возможность сдавать меньше голов скота.

Все овцы в колхозах содержатся на фермах, которые возглавляются заведующими фермой — *мудири ферма*; кроме него, работают два-три старших чабана — *сардори чупонҳо*, несколько пастухов — *чупон*. На фермах мелкого рогатого скота бараны-производители — *қушқор*, козлы - *така* содержатся в отдельных помещениях — *ҳел*. Производителей в период случки кормят дополнительно. Случка производится в конце октября и начале ноября; это делается для того, чтобы овцы окотились, когда уже тепло — в конце марта.

В старое время не соблюдались строго сроки окота, случка проводилась в разное время года. Для молодняка, полученного зимой, сооружали небольшие помещения—*ҳелча*, или *чала* в жилых домах. Крестьяне, не имевшие баранов-производителей, равно как и козлов, быков и жеребцов, брали их на время случки у соседей или односельчан. Однако некоторые хозяева, имевшие баранов, быков и жеребцов хороших пород, не соглашались давать их другим. В настоящее время крестьяне обычно пользуются производителями из колхозных стад.

В старину существовал ряд обычаев и обрядов, связанных со случкой скота. В некоторых кишлаках Каратегина и Дарваза пастухи в течение полугода баранов-производителей держали отдельно от овцематок и хорошо их кормили. Перед случкой в один мешок насыпали ячмень, в другой клали несколько арбузов. Затем производителей и овцематок загоняли в какую нибудь ограду. Овец пускали головой в сторону востока, а баранов — в сторону запада; при этом на овец сыпали ячмень, а на головах производителей разбивали арбузы. Если у арбуза оказалось много семян, то считали, что приплод будет обильный, ячмень также символизировал обилие приплода. После совершения обряда пускали производителей к овцематкам. В течение 20 суток их не разделяли и пасли круглые сутки вместе на хороших травянистых местах. Существовало поверье, что если после случки 20 суток днем и ночью без отдыха пасти баранов и овец, то овцы рожают двойняшек.

Во время отела или окота хозяева тщательно следили прежде всего за тем, чтобы овца или, особенно, корова не съели последа—*хас*; считалось, что от этого животное может заболеть и даже сдохнуть. Применялись меры, чтобы уберечь мать и приплод от возможного вреда со стороны злых духов. Для этого окотившихся овец (и их приплод) окуривали дымом горящей тряпки, который должен был, как полагали, отогнать дивов и других духов, стремившихся понюхать вымя животного и нанести вред молодняку. Считалось, что от этого вымя якобы опухает, и корова или овца перестает давать молоко, заболевает, может даже погибнуть. В некоторых кишлаках Каратегина и Дарваза считали, что если вымя коровы или овцы понюхает ласка — *мири мушон*, то животное тоже перестанет давать молоко.

С молодняком связан обычай *мафтул* (от арабского «скрученный», «свитый»), *мафтул бастан*. По этому обычаю сразу после появления на свет ягненка, теленка или козленка дети стремились перевязать ему веревочкой ножку. Животное считалось собственностью того, кто первым успел это сделать.

Ряд обычаев и обрядов был связан с предохранением скота от «дурного глаза», который, как считалось, мог вызвать гибель приплода и вообще скота, уменьшение удоя и т. п. Именно из этих соображений в хлева, особенно в которых содержался мелкий рогатый скот, не допускали чужого человека Если, например, кто-либо из жителей селения не досчитывался своих овец и предполагал, что они могли попасть

вместе с чужими овцами в чей-нибудь хлев, он не должен был заходить в этот хлев, а просил сделать это самого хозяина и должен был удовлетвориться его ответом об отсутствии в данном хлеву его животных.[42] Если случайно кто-либо заглянул в хлев и после этого заболевало, погибало или терялось животное, принадлежащее хозяину этого хлева, то считалось, что случившееся с животным несчастье — результат сглаза. Чтобы нейтрализовать действие сглаза и обеспечить выздоровление заболевшего или отыскание пропавшего животного следовало незаметно оторвать кусочек ткани или выдернуть нитку из одежды человека, считавшегося виновником происшедшего несчастья, и дымом этой зажженной тряпки или нитки окуривать как заболевшее животное, так и остальной скот.

Считалось, что можно предотвратить действие дурного глаза, прочитав заклинание и по окончании его незаметно дунув в сторону человека, который похвалил скот или взглянул на него с недобрыми чувствами.

Приводим образцы подобных заклинаний или заговоров:

Кул: «Хуваллоху аҳад, аллоху самад,
Кур шавад чашми ҳасад.
Ва мин шарри наффосоти филъуқади,

Ва мин шарри ҳосидин изо ҳасад».

Или же:
«Ё асад, ё асад,
Чашми бад бало расад.
Ва мин шарри ҳосидин изо ҳасад».

Ва мин шарри ҳосидин изо ҳасад».

Скажи: «Он (бог) един и вечен,
Да ослепнут глаза зависти.
И (да охранит бог) от зла дующих на узлы,
И от зла завистника, когда он завидовал».[43]

«О лев, о лев,[44]
Пусть беда постигнет завистника.
И (да охранит бог) от зла дующих на узлы,
И от зла завистника, когда он завидовал».

Окончив заклинание, следовало еще три раза произнести слова: «Ҳасратат дар сари худат»—«Пусть твоя зависть обратится на тебя самого» и незаметно плюнуть в сторону человека, против которого обращен заговор.[45]

Для предохранения скота от сглаза часто брали у муллы амулеты *тумор* и подвешивали их на рога и на шею животных. Маленькие железные или серебряные амулеты — *туморча* прикрепляли на уздечку лошади, а на лоб, между ушами, вешали большой амулет в кожаном чехле. Особенно оберегали от дурного глаза дойных животных, имеющих большое вымя, которое легко могло вызвать зависть смотрящих. У таких животных амулет подвешивали к вымени, чтобы взгляд смотрящего сначала падал на амулет и тем самым ослаблялась бы сила сглаза.

В некоторых кишлаках Каратегина и Дарваза на крыше хлева мелкого рогатого скота над входом укрепляли палочку с нацепленной на нее тряпкой или же ставили череп какого-нибудь животного. Такое пугало — *шила* якобы предохраняло животных от сглаза, а также должно было отпугивать волков, пробирающихся в хлев или загон.

У горных таджиков раньше существовало много заклинаний против нападения волков на скот. Характерно, что эти заклинания обычно читались не на арабском, а на таджикском языке. Хозяин или хозяйка скота брали горсть земли, произносили трижды над ней заклинание (если не знали, просили это сделать кого-нибудь знающего) и, трижды

дунув на землю, рассыпали ее вокруг хлева и на крыше. Считалось, что после этого волк не сможет пробраться в загон, а если и проберется, то не сможет открыть пасть и причинить скоту вред.[46]

Вот образец заклинания против волков, которое называют *забони гургонро бастан* — «связывание языка волков»:

Санг дар сангоб,
Кунда дар биёбон,
Бастам забони гургон.
Ман набастам.
Алй бастаастт.
Ба хакки шохи мардон.

Камни на отмелях рек,
Пни в пустыне,
Я завязал пасть волков.
Не я завязал.
Али завязал.
Клянусь царем мужей.[47]

Другое заклинание, называемое *курхат* — «слепое письмо», по-видимому, направленное против волков, читается в случае потери скота. Обычно его произносили от трех до семи раз и затем дули на лезвие ножа, на семь камешков, взятых из каменистого русла реки, на сжатый кулак или на завязки ворота рубахи, которые каждый раз при прочтении заклинания завязывали.

Офтоби зарди зарнигор,
Дар паси кухи парвардигор,
Чор ёр омад савор,
Чорпои моро нигох дор!

О, солнце, желтое, золотистое,
Ты скрываешься за божьей горой,
Приехали верхом четыре халифа,
Сохраните наших животных!

Или:

Йо бори худои пуриноят!
Покиза карими бениҳоят!

О милостивейший боже!
О беспредельно чистый и великодушный!

Мо хамин чорпо ба ту супурдем,
Ту низ расон бо мо саломат!

Мы вручаем тебе этих животных,
А ты верни нам их невредимыми!

Некоторые читали это заклинание в следующей шутливо искаженной форме:

Курхат кардам амонат
Ба поресахои хонат.
Аз чарихо бихамбонат.

Дар чукурихо бикафонат.

Я составил заклинание
Под залог балок твоего дома.
Пусть сгонит тебя (волк) с крутых склонов,
Пусть задерет тебя в ущельях.

С чтением заклинания курхат был связан ряд суеверных примет. Считалось, что если человек, желающий прочесть заклинание, сразу вспомнит его начало, то пропавшее животное найдется быстро, если вспомнит не сразу, то оно найдется не скоро, если забудет середину заклинания, то значит животное заблудилось, находится в опасности; если же совсем не сможет вспомнить, то это значит, что животное погибло, его задрал волк или оно упало в обрыв.[48]

Существовали еще некоторые другие суеверия, связанные с потерей скота. Например, считалось, что если человек будет целовать овец, коз, коров, лошадей, то они подвергнутся нападению волков или могут пропасть. Отсюда вытекал запрет делать это.

Существовал также, как и везде у горных таджиков, обычай окуривания хлева в селении или загона на летовке дымом сушеного болотного лука или руты при загоне скота. Прежде всего это делалось при вводе скота в новый хлев и при перекочевке со стадом из селения на летнее пастбище весной и обратно осенью, при первом входе скота в загон или в хлев. Дым курения должен был отогнать от скота нечистую силу и предохранить его от бедствий.

Отметим еще ряд магических действий, которые должны были обеспечить обилие скота в доме. Прежде всего к ним относится отмечаемое почти всеми исследователями нанесение при новогодней уборке дома магических знаков на передней стене или на стене внутри помещения. В Каратегине и Дарвазе эти знаки наносятся красной глиной и называются *қушқорак* или *шохи қушқор,* т. е. «баран-производитель» или «рога барана».

Некоторые магические действия производились и при купле-продаже скота или передаче его кому-либо (например, в составе вена). Во всех кишлаках Каратегина и Дарваза при расставании по тем или иным причинам со скотом (коровой, быком, лошадью) хозяин, выводя его из хлева, вырывал со лба, хвоста (у лошади из гривы) уводимого животного немного шерсти и сохранял ее в доме или же бросал обратно в хлев для того, чтобы, во-первых, оставить «благодать» уходящего животного в доме, а во-вторых, обеспечить приход в ближайшем будущем нового скота на место ушедшего.[49] Если же хозяин покупал новый скот, то он брал немного муки, бросал ее в лоб животного и три раза слегка ударял животное камнем по лбу. Это делали для того, чтобы приобретенный скот держался в доме и приносил благодать и счастье — *баракат кунаду сафедӣ* пеш ояд.

Отгонно-пастбищное животноводство. В колхозах Каратегина и Дарваза все поголовье мелкого рогатого скота разбито на отары — *рама,* содержащие от 500 до 600 голов и больше. Каждую отару обслуживают несколько пастухов, обычно пять-шесть человек. Часть поголовья овец, валухи и производители находятся круглый год на подножном корму — весной и летом на местных высокогорных пастбищах, а осенью и зимой — на зимних пастбищах Дангаринского района (долины Ях-Су и Кзыл-Су) и Яванской долины. Часть лошадей также гоняют на зимние пастбища.

В старое время в Каратегине и Дарвазе не знали отгона скота на зимние пастбища. Впервые его начали практиковать после организации колхозов в Таджикистане, однако массовый характер это приняло лишь после Отечественной войны, в основном с 1947—1948 гг. В первые годы из-за незнания климатических условий на зимних пастбищах, недостаточной подготовки в перегону, в частности плохой постановки ветеринарного обслуживания, на этих пастбищах погибало много скота. Особенно сильный падеж был в 1951—1952 гг. В последующие годы колхозные животноводы учли эти недостатки, стали лучше проводить подготовительную работу, в результате выявились преимущества отгонного животноводства. В настоящее время хорошо налажено ветеринарное обслуживание, зимние пастбища часто посещают бригадиры, председатели колхозов, партийные и советские работники районов. Проявляется большая забота о пастухах; их обеспечивают одеждой и обувью, питанием, жильем, организовано культурное обслуживание.

На зимних пастбищах колхозы имеют определенные, закрепленные за ними участки для выпаса скота, для сенокоса, участки под пашню. Весной для обработки полей туда отправляют группу колхозников, которые высевают пшеницу, ячмень, разводят огородные культуры; летом же колхозники заготавливают корма на зиму на случай сильного похолодания или больших снегопадов. Для пастухов на зимних пастбищах колхозами выстроены жилища, сооружены землянки, овчарни, пункты искусственного осеменения и другие помещения для скота. Во время заморозков скот, особенно маток и молодняк, держат в теплых помещениях.

Все перечисленные мероприятия способствовали быстрейшему развитию животноводства в колхозах Каратегина и Дарваза. Отрадно отметить, что теперь почти ликвидирован падеж скота на зимних пастбищах, особенно заботливо пастухи оберегают молодняк. Наиболее важной и ответственной кампанией является время расплода, который длится с марта до мая. Массовый расплод приходится на апрель.

На зимних пастбищах скот остается до мая. В начале мая проводится весенняя стрижка овец. Она производится на зимних пастбищах, для того чтобы во время перегона скота на весенне-летние пастбища по дороге шерсть у животных не загрязнялась и не цеплялась за колючки и кустарники. Выделяемые правлениями колхозов стригали стригут овец при помощи новых электростригальных агрегатов, а частично—при помощи старинных ручных стригальных ножниц—*қайчӣ* (в Пшихарве их называют — *дукорд)* (рис. 30 и 31). Ручная стрижка овец за-

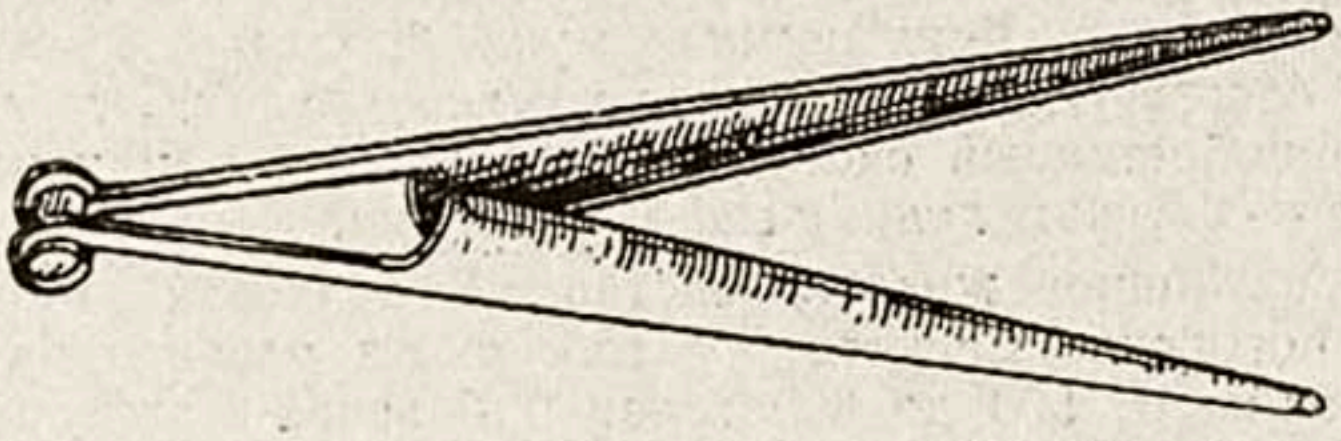

Рис. 30. Ручные стригальные ножницы — *дукорд*, кайчӣ, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156/223).

Рис. 31. Ручная стрижка овец, Каратегин, к. Тегирми (нег. № 18—96).

нимает в три—четыре раза больше времени и соответственно большее количестве людей. Кроме того, при стрижке ножницами получают меньше шерсти, чем при стрижке электрическим агрегатом. Снятую шерсть раскладывают по сортам в мешки, взвешивают и отправляют на пункты «Заготживсырья». Шерсть тонкорунных овец прессуют и от-

правляют со специальным представителем колхоза в Туркменистан и РСФСР на обработку.

После окончания массового расплода и стрижки овец начинается перегон скота на летние пастбища. Животноводы и другие специалисты стараются, чтобы скот, особенно молодняк, хорошо откормился и окреп перед дорогой, так как расстояние до местных летних пастбищ велико. Пастухи гонят скот медленно, давая ему отдых и возможность пастись по дороге на зеленых лугах, для чего заранее определяют места остановок. Особенно берегут ягнят и маток. Истощенных овец и уставших ягнят во избежание падежа часто несут на руках или же везут на лошадях, для них иногда подвозят корма.

На летних пастбищах скот выпасается 4—5 месяцев, сначала в более низких местах, а затем, по мере освобождения гор от снега, все выше и выше по разветвлениям горных отрогов. С наступлением холодов (снегопады в некоторых местах иногда наступают уже в сентябре) начинается перегон на места зимовок. Осенний перегон длится больше месяца. К этому времени растительность на среднегорных проходных пастбищах уже выгорает, и скоту приходится довольствоваться только сухими остатками естественной растительности и стерней после уборки хлебов. К середине октября или началу ноября скот обычно возвращается к месту зимовок.

Перед возвращением на зимние пастбища, обычно в сентябре, проводят осеннюю стрижку овец; стригут овец вблизи колхозных складов, чтобы не создавать трудностей для перевозки и сдачи шерсти на приемные пункты. В это же время производят стрижку ягнят, а также формирование их в стада и кастрирование баранчиков.

Содержание скота в хлеве. Большая часть мелкого рогатого скота, как указывалось выше, после подбора и формирования отар отправляется на зимние пастбища. Значительная часть скота, особенно бараны, некоторые истощенные овцы, все коровы (кроме двух—трех голов, которые даются пастухам для молока на зимних пастбищах), быки, часть лошадей и ослов зимой находятся на стойловом содержании в кишлаках. Поэтому приходится запасать очень много разных кормов. Летом почти все колхозники занимаются жатвой трав на сено — *каҳдарав*. Жнут серпом; русские заводские косы — *дости урусӣ* встречаются редко. Их используют только таджики и киргизы (мужчины и женщины) в Джиргатале, где встречаются большие ровные пространства, поросшие травой. Механизированные сенокосилки в Каратегине из-за неровного рельефа применяются редко.

Кормовые травы Каратегина и Дарваза очень разнообразны, но мы укажем лишь самые главные: *юған* (Prangos pabularia), мунҷ (разновидность вики), *гис* или *дис* (дикий овес—Avena Sterilis), *ғашша, говришқа* (дикий клевер), *лух* (вид камыша), *куруш* (зонтичное растение), *камол* (Ferula Jaeschkeana), *торон* (Polygonum polymorphum, P. bucharicum), шибар,[50] *печак* (вьюнок), *талха* (горчак), *шулха* (конский щавель) и др.

Скошенные травы просушиваются по-разному: юган складывают в незавязанные снопы—*веб*, раскладывая их по лугу; такие дикорастущие травы, как *мунҷ, гис (дис), торон, шулха, талха, печак* и т. п., связывают в снопы — *дарза* и также оставляют в разбросанном виде в поле для высыхания. Другие травы—*шибар, лух, куруш, ғашша, камол* и др. оставляют охапками, разбросанными по сжатому лугу, чтобы они хорошо высохли, так как они содержат много влаги, и если завязать их в снопы или, как юган, оставить незавязанными кучками, они будут гнить. Когда скошенные травы хорошо высохли, их связывают прутья-

ми или специальными высокостебельными травами в снопы и складывают по 30—50 снопов в стога — *хавча или ғанак.*

Перевозка сена там, где позволяют дороги, осуществляется на грузовых автомашинах, а также на бричках. В тех местах, где рельеф местности не допускает такого способа перевозки, снопы сена переносят на спине или же спускают их с гор на волокушах из веток—*шохмола, каша,* на санях-волокушах. В Южном Дарвазе снопы сена перевозят на ослах, а в некоторых кишлаках Джиргаталя—на верблюдах. Перевезенные или перенесенные снопы складывают в стога — *хав,* в специальных, круглых по форме каменных оградах, называемых *хавгахӣ, ҳота, қурған,* или же на крышах построек фермы. Часто снопы укладывают в большие стога на ровных местах возле фермы и вокруг них делают плетень из ветвей — *шиғ.* Эти способы укладывания сена в стога существовали и в прежнее время. Раньше стога складывали в форме купола, а в настоящее время их складывают в форме, напоминающей двухскатную крышу. Стог обычно покрывают камышом, чтобы сено не промокло во время дождей и снегопадов и не испортилось бы (рис. 32).

В Каратегине и Дарвазе издавна различают два вида кормовых трав — *нармакаҳ* (мягкое сено) и *дурушткаҳ* (твердое сено). К первому относят травы — *мунҷ, гис, шибар, ғашша, говрушқа,* а ко второму—*юған, лух, куруш.* В отличие от соломы, все они называются об-

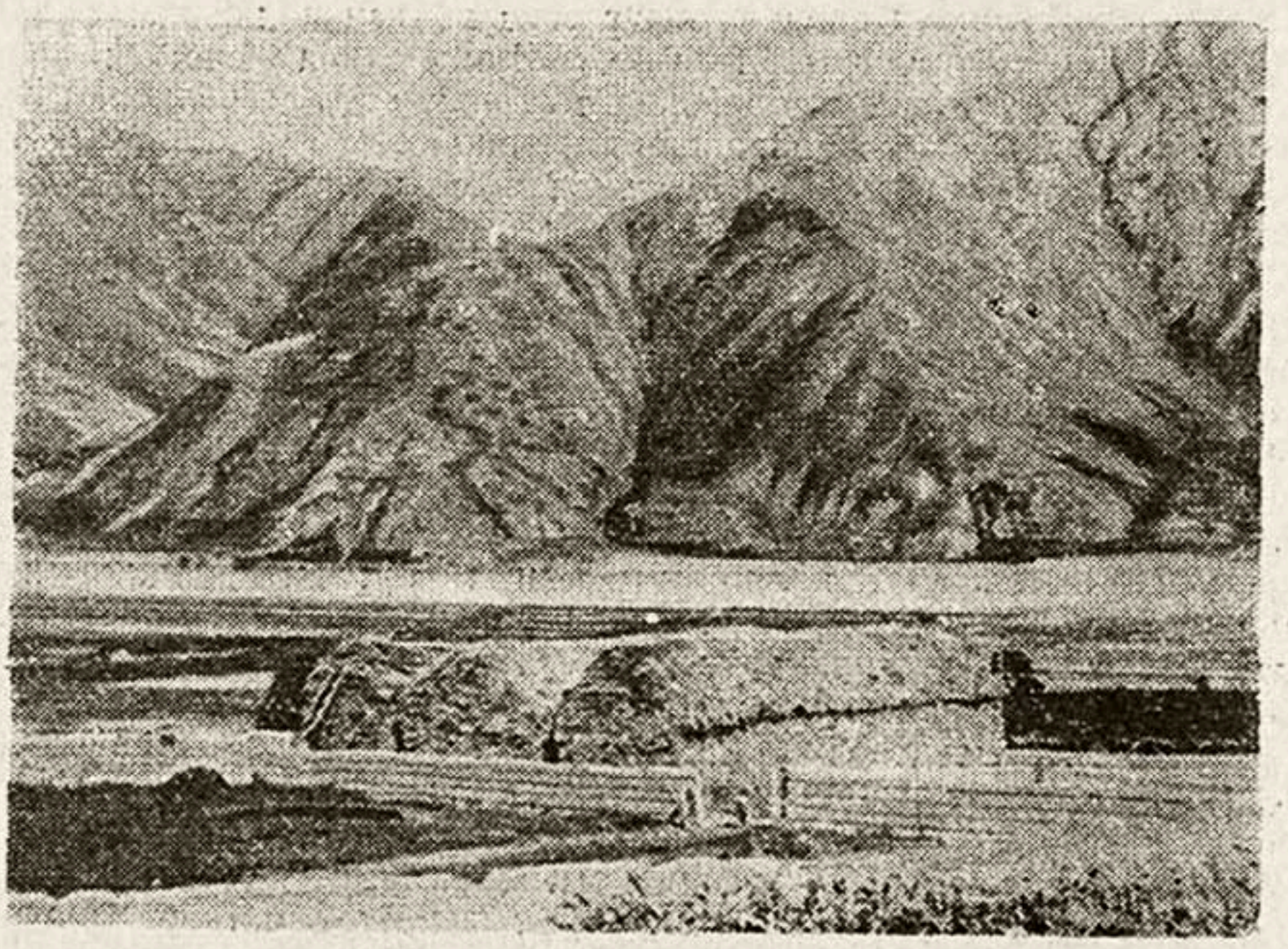

Рис. 32. Стога сена колхозной животноводческой фермы. Каратегин, к. Джиргаталь (нег. № 18—152).

шим термином *дарзаках* (сноповое сено); мелкая солома и мякина называется *майда* (мелкое сено), пшеничная — *гандумках,* ячменная — *ҷавках.* Все виды соломы хранят в специальных закрытых помещениях — *каҳдон,* причем пшеничную и ячменную солому хранят отдельно; отдельно складывают также люцерну — *ришқа, беда.*

Пшеничную и ячменную мякину дают только крупному рогатому скоту, лошадям и ослам, а сено больше идет на корм козам и овцам, хотя иногда его скармливают также волам, коровам и лошадям. Круп,

ный рогатый скот и лошадей, помимо мелкой соломы, кормят как и раньше, один—два раза в день сеном, рубленным ручной соломорезкой кустарного производства — *ҷоду* (рис. 33) и смешанным с соломой (эта смесь называется *дурушта*). а затем дают только солому и другие

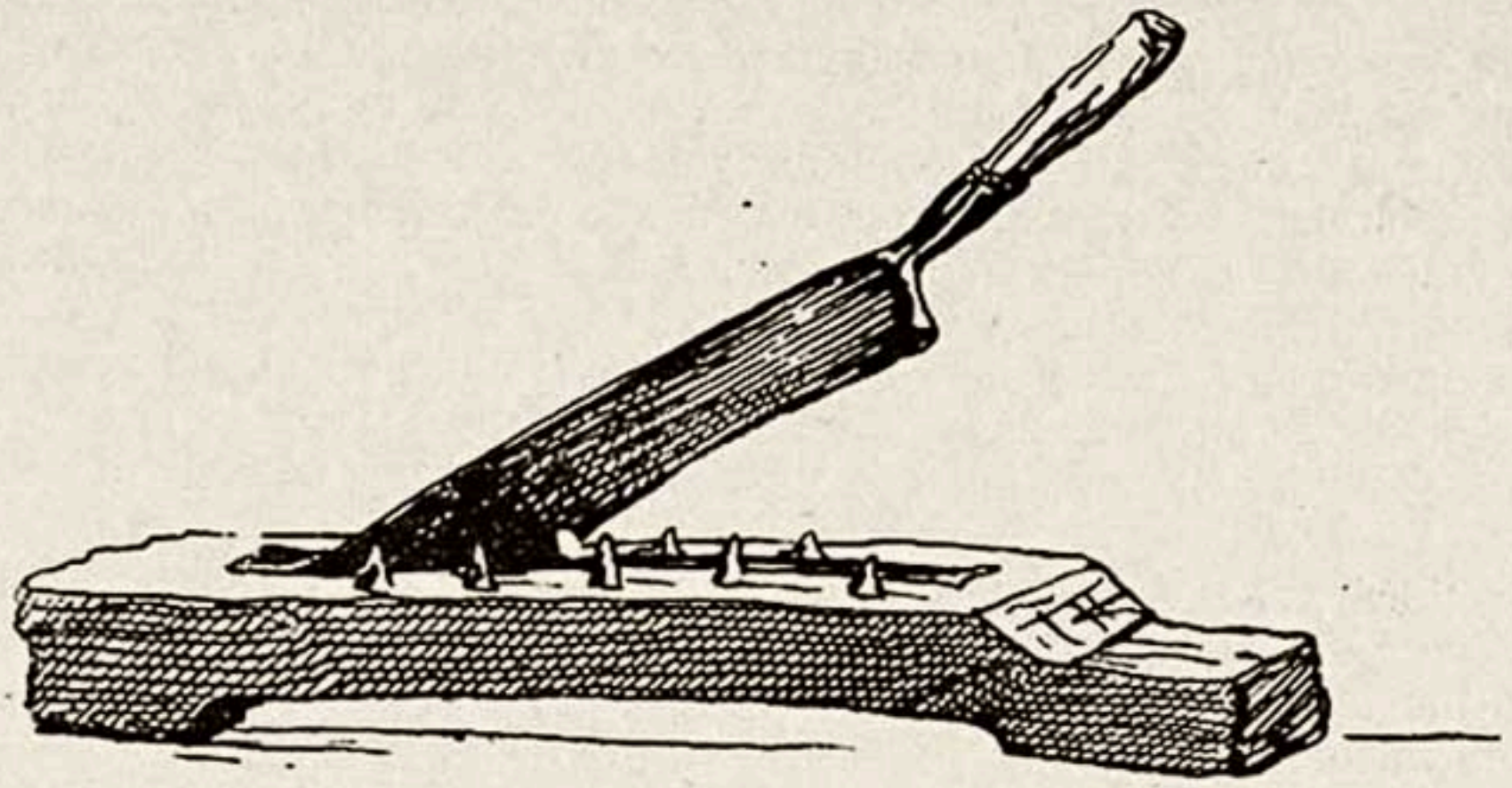

Рис. 33. Инструмент для резки сухой люцерны и сена—*ҷоду*. Каратегин, к. Куглик.

новые корма (см. ниже). Кормление скота называется *каҳандозӣ, каҳдиҳӣ*. Лошадям, особенно ездовым, как и раньше, дают в день по 1—2 кг ячменя. Лошадям и ослам дают только пшеничную солому, ячменная считается для них вредной (это любимый корм коров). Считается также, что если крупный рогатый скот и лошадей кормить сеном из югана, то они могут ослепнуть.

Кроме дикорастущих трав, колхозы Каратегина и Дарваза приготовляют корма из культурных растений. Каждый колхоз имеет 10—15 га и больше клеверных полей — *ришқапая, бедапая*. Урожай клевера собирают от трех до пяти раз за лето. Первый укос называют *гандабар* — плохая жатва, хотя снимают по количеству больше клевера, чем во время последующих жатв—*дарави дуюм, сеюм* (вторая, третья жатва), но качество клевера последующих укосов лучше, стебли более тонкие. После последней жатвы скот пускают пастись на клеверном поле. До революции крестьяне Каратегина и Дарваза люцерны засевали очень мало, в основном она занимала незначительные площади в садах, между фруктовыми деревьями и лишь изредка на отдельных участках, недалеко от жилья.

Хорошим и питательным кормом для скота считают кукурузу — *ҷугорӣ, ҷуворимакка*. Как в старое, так и в советское время до 1954—1955 гг. кукурузу сеяли очень мало. Употреблялась она только в пищу, из кукурузной муки приготовляли похлебки — *атолаи ҷугорӣ* и лепешки — *нони ҷугорӣ, сатрӣ*.

В настоящее время почти нет колхоза, который не засевал бы определенную площадь кукурузой на корм скоту. Из года в год все больше заготовляют силоса как на территории колхозов, так и на отгонно-зимних пастбищах. Некоторые колхозы и совхозы стали закладывать по 2000—4000 т силоса; из зеленой массы кукурузы закладывают по 5—10 т на одну фуражную корову, большинство же колхозов среднего Каратегина уже в 1957 г. заложило силоса по 6—7 т; племсовхоз «Гарм» в 1961 г. заложил по 10 т силоса на одну фуражную корову.

В целях обеспечения скота сочными кормами некоторые колхозы и совхозы все в большем количестве стали выращивать на поливных землях корнеплоды (свеклу), продовольственные тыквы и др. Особенно много кормовых культур выращивает племсовхоз «Гарм», который в этом деле стал примером для всех колхозов.

Как видно из вышесказанного, находящийся на стойловом содержании скот получает сейчас количество разнообразных кормов. До организации колхозов такое разнообразие кормов не применялось, не был известен и прием силосования дикорастущих трав, кукурузы, совершенно не выращивались кормовые корнеплоды и тыква.

Колхозники, имеющие скот в своем хозяйстве, в основном заготавливают на корм дикорастущие травы. Для этого каждое лето им предоставляется три—четыре дня в порядке очереди; кроме того, они занимаются заготовкой сена вечером, после окончания работы на колхозном поле; они жнут на лужайках и на межах траву, которую складывают для просушки на крыше своего дома, а затем укладывают в стог на зиму.

До организации колхозов крестьяне-единоличники, которые имели несколько работников, заготовляли для своего скота достаточно корма. Кто же не имел в семье достаточно рабочих рук, часто не успевал заготовить летом нужное количество корма, и запасов сена часто не хватало до конца зимы; приходилось жать траву зимой, предварительно очистив участок от снега. Такое положение было обычным в кишлаках по северным отрогам Дарвазского хребта. Кроме того, не имеющие запасов сена нередко вынуждены были часть своего скота передавать на прокорм—*каҳхур* крестьянам, которые имели излишнее сено.[51] На прокорм брали в основном бедные крестьяне, которые для этого летом заготавливали лишнее сено. За присмотр за скотом и кормление его крестьянин пользовался молоком (если животное было дойное), а также брал себе навоз; если на прокорм брал овец, то получал шерсть от весенней стрижки. Иногда хозяин скота давал лицу, взявшему скот на прокорм, некоторое количество зерна (пшеницы, ячменя или же проса). Однако кормление чужого скота было связано с известным риском. Если животное заболевало и погибало, а хозяин почему-либо заранее не был извещен о его болезни, прокармливающий был вынужден дать хозяину возмещение убытка — *товон;* если же о болезни животного хозяин был сразу осведомлен — товон не взыскивали. После установления Советской власти и победы колхозного строя эти обычаи забываются.

В настоящее время основной заботой является развитие колхозного животноводства, в котором каждый крестьянин видит свое богатство и благосостояние. Поэтому все внимание обращено на заготовку разнообразных кормов для колхозного скота.

Мелкий рогатый скот кормят четыре—пять раз в день и один раз в день гонят на водопой к речке или к арыку; в это время тщательно чистят хлев. Крупный рогатый скот водят на водопой два раза (в полдень и вечером) и дважды чистят хлев — *оғил* и кормушки—*охур. охурча* — убирают недоеденную солому — *ёшов* и насыпают свежий корм.

Овцематкам, отелившимся коровам дают добавочный корм. В теплые солнечные дни их выпускают бродить около фермы и там же кормят сеном. В старое время в течение 40—50 дней отелившуюся корову или окотившуюся овцу зимой не поили холодной водой, а только подогретой; им давали также мучную похлебку или отруби с солью, залитые кипяченой водой. Колхозники в своем личном хозяйстве до сих пор придерживаются этого способа кормления овцематок и отелившихся коров.

Один—два раза в месяц скоту дают соль. Крупному рогатому скоту и лошадям соль сыпят прямо в кормушки, смешивая с соломой, мелкому же скоту ее насыпают где-либо вне хлева, в чистом месте, иногда дают кусковую, кладя несколько кусков такой соли, чтобы скот свободно подходил и лизал ее. Раньше в единоличных хозяйствах давали скоту лизать соль только кусками. Когда вечером скот возвращался с пастбища, около дома клали куски соли. В некоторых местах было принято комок соли привязывать на веревку и вешать посередине хлева на балке потолка, так чтобы животные могли подходить и лизать его.

Летние пастбища. Отгон скота на летние пастбища — старая традиция таджиков Каратегина и Дарваза. Ранней весной, когда на склонах гор тает снег и начинает пробиваться трава, скот выгоняют на дневной выпас, а вечером загоняют в хлева. Так продолжается до июня.

В первой половине июня молочную ферму перевозят на летние высокогорные пастбища-летовки—*айлоқ, девлоҳ, элгаҳ,* куда перебираются почти все работники фермы. Для них там строят шалаши — *каппа,* ставят палатки и другие временные помещения для утвари и различных хозяйственных принадлежностей. В некоторых кишлаках Дарваза (Егид, Ширг) на летовках строили постоянные дома с хлевом в нижнем этаже (например летовка Пшогед). По мере освобождения пастбищ от снега и появления на них свежих и сочных трав стада постепенно передвигаются с одного пастбища на другое. Ночью скот отдыхает в загонах — *қутан, шола,* а пастухи с собаками охраняют его от нападения волков.

В настоящее время при первом выгоне скота как колхозного, так и принадлежащего лично колхозникам на ежедневный выпас вблизи кишлака, а затем и на летние пастбища никакие обычаи и обряды не исполняются. Кроме того, теперь колхозники не отправляются на летовки со своим личным скотом, как это было еще недавно. До коллективизации весной для первого выгона скота на пастбище выбирался особо благоприятный «счастливый» день, обычно среда или четверг. В этот день каждый хозяин или хозяйка дома набирали в какую-нибудь посуду или в тюбетейку немного ячменя, пшеницы или семян льна и посыпали ими скот. Считалось, что обилие высыпанных семян льна или зерен ячменя и пшеницы обеспечит весной столь же обильный приплод у скота — *тулашонро зиёд мекунад.*

В начале июня почти все женщины и подростки, сопровождая свой скот, отправлялись на летовки, где занимались заготовкой масла и молочных продуктов. Женщин, находящихся на летовке, называли *девлохакӣ, элич, элчӣ.*[52] Мужчины на летовках не жили. Они посещали летовки, чтобы по очереди пасти и караулить скот всего населения — *навбати мол, молбонӣ,* приносили женщинам продукты, топливо. В некоторых кишлаках для пастьбы скота приглашали наемных пастухов. Подростки помогали женщинам во время доения, собирали топливо и выполняли легкие хозяйственные работы.

Выход на летовки имел целью также обезопасить от потравы посевы, расположенные, в основном, близко от селений. Поэтому время выхода на летовки было связано с состоянием посевов. Возвращение приурочивалось к тому времени, когда хлеб с полей, окружающих селения, был уже убран, что давало возможность пасти скот на стерне.

В прежнее время не все хозяйства кишлака выходили на летовки; обычно выходили только те женщины, которые в своем хозяйстве имели большое количество скота. Те, которые имели только одну корову

или же двух—трех овец и коз, присоединяли их к стаду другой женщины. Последняя по возвращении с летовки отдавала хозяевам взятого под присмотр скота определенное количество заготовленного масла и сушеного сыра. Если дневной удой молока коровы составлял один кувшин, то отдавали один кувшин топленого масла и два кувшина сушеного сыра. Нужно сказать, что при этом не было никакого обмана. Обычай передачи скота под надзор другим женщинам называли в Дарвазе *назалӣ* (искаженное слово *назарӣ* — присмотр), в Каратегине — *нигаҳбонӣ* (охрана), женщину, взявшую чужой скот под присмотр — *оҷук* (Дарваз).

Работники молочной фермы, перебравшись в первой половине июня на летовку, приступают к заготовке масла и молочных продуктов. Скот доят два раза в день — утром перед выгоном на пастбище и вечером после его возвращения. Во многих колхозах сливки отделяют сепараторами. Молоко, пропущенное через сепаратор, кипятят и заквашивают. Кислое молоко используют частично для приготовления сушеного сыра, а частично для общественного питания колхозников, работающих в поле.

Сбивание масла еще не везде механизировано, поэтому и сейчас еще применяют для этого старые ручные способы. Молоко кипятят в больших котлах; когда оно немного остынет, его заквашивают — *моӣ мекунанд*, полученное кислое молоко — *ҷурғот* выливают в большие глиняные сосуды — *чағдег, чархдег* и сбивают деревянной палкой-мутовкой — *чархчуб* с лопастями на конце. Мутовка свободно стоит в двух, прикрепленных к какому-нибудь столбу одно над другим деревянных кольцах — *чахт, чахник*. Она приводится во вращательное движение при помощи кожаного ремня — *қаиш, тасма, дувол,* обвитого вокруг мутовки два раза. Женщина, сбивающая масло, сидит перед маслобойкой, держит в каждой руке по одному из концов ремня и тянет их поочередно к себе, отчего мутовка вращается то в одну, то в другую сторону. Этот способ сбивания масла называется *дуғкаш* (рис. 34). В дарвазском кишлаке Пшихарв сосудом для сбивания масла служит деревянная маслобойка *куп,* состоящая иногда из двух-трех ободьев (рис. 35 и 59, *15)*. Способ сбивания масла в ней отличается от описанного выше только мелкими деталями. Здесь молоко выливают в большие деревянные лукошкообразные сосуды — *пена* и дают отстояться сливкам. Затем с молока снимают сливки, его кипятят и заквашивают, а через 7—8 дней приступают к сбиванию масла. Снятые сливки подогревают, и во время сбивания масла понемногу добавляют их в кислое молоко. Считают, что это способствует быстрейшему сбиванию масла и отделению его от пахтанья.

Другой способ сбивания масла встречается только у таджиков и киргизов Джиргаталя. Здесь маслобойкой является высокий деревянный сосуд—*куп, куппӣ,* сделанный из ствола дерева, выдолбленного внутри; масло в нем сбивают, поднимая и опуская мутовку, т. е. способом толчения. Этот способ называется *куппизанӣ*, он сходен со способом сбивания масла в Фальгаре и Матче, описанным Е. М. Пещеревой.[53] При обоих способах в процессе сбивания масла время от времени в сосуд подливают холодную воду для того, чтобы масло хорошо отделялось.

Сбивание длится несколько часов. Когда все масло всплывает наверх, его собирают деревянной ложкой, складывают в глиняный кувшин — *маскаҷома, равғанҷома, мангӣ* или (в последние годы) в эмалированные ведра — *чалак, сатил, фақер,* а пахтанье — *дуғ* сливают в специальные хлопчатобумажные мешки — *халтаи дуғ,* которые

Рис. 34. Сбивание масла—*дуғаший*, Каратегин, к. Шуль (нег. № 18—111).

подвешивают. В этих мешках пахтанье остается несколько дней, пока стечет сыворотка и останется более плотная масса, называемая *чакка*, или *дуғи чакка*. Чакка употребляется как приправа к кушаньям, но главным образом для приготовления сушеного сыра — *қурут*; ее подсаливают во избежание порчи, а затем руками скатывают шарики —*қурут мечаконанд*, кладут на полотнища и высушивают на солнце Сушеный сыр распределяют на трудодни колхозникам.

В некоторых кишлаках Дарваза (Пшихарв) из пахтанья, кроме сыра, приготавляют еще *туруший* (кислое). Для этого пахтанье ежедневно вливают в два—три большие, специально предназначенные для хранения пахтанья деревянные лукошкообразные сосуды — *дуғдон*, сделанные из широких сплошных ободьев, вместимостью каждый до 200 кг. После того как наполняются эти сосуды, пахтанье вливают в большие котлы и кипятят.[54] В результате длительного кипячения оно становится густым . Густую массу кладут на большие чистые хлопчатобумажные полотнища и сушат ее на солнце. После сушения толкут в ступках, чтобы она размельчалась до крупинок величиной с горошину—*мошу нахуд*. Употребляют ее в качестве приправы для похлебок.

Масло — *маска* в сыром виде едят очень мало. После того как его накапливается много, его перетапливают в котле; топленое масло называется, как и всюду, *равғани зард*. В старое время с перетапливанием было связано много обычаев и обрядов. Для этого выбирали определенный «счастливый» день (вторник или среда); две или три женщины, выпроводив из дома всех мужчин, приступали к делу; в некоторых кишлаках этим занимались ночью, когда мужчины спали. Для того, чтобы посторонние люди знали, что в доме перетапливают масло и не заходили бы в дом, женщины в качестве знака загораживали вход в дом веревкой или же вешали над дверью тряпку. Существовало поверье, что если в это время в дом зайдет кто-нибудь из посторонних,

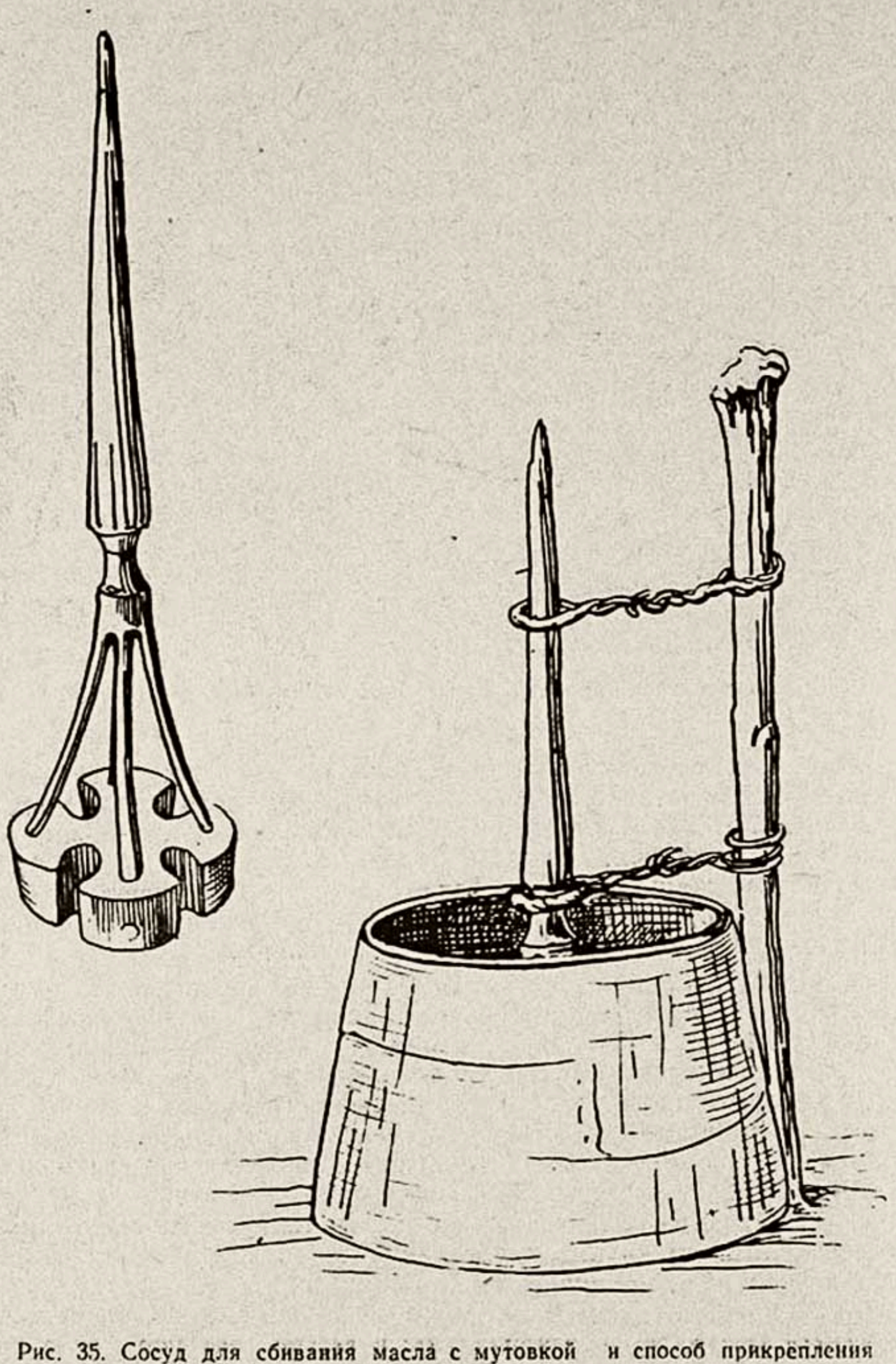

Рис. 35. Сосуд для сбивания масла с мутовкой и способ прикрепления мутовки к столбу.

то масло может испортиться, его могут сглазить — *равғанро пай омада вайрон мешавад, чашм мекунанд.*

Женщины, перетапливающие масло, должны были быть ритуально чистыми — *намозӣ*: предварительно они совершали ритуальное омовение, надевали чистое платье и шаровары. Если у кого не было таких возможностей, а какое-нибудь место одежды оказывалось запачканным, то его три раза брали в кулак и терли (стирали) на себе; это де-

лало одежду ритуально чистой. Из масла выделяли «божью долю»— *хақуллоҳ,* которую затем отдавали сельскому мулле (к. Кушагба) или же какому-нибудь бедняку (к. Сафедорон).

В большинстве кишлаков Каратегина и Дарваза были особые женщины-специалистки по перетапливанию масла — *устои равғанобкун,* обладающие достатком, «легкой рукой» — *сабукдаст.* Они считались прислужницами мифических покровительниц — *пир* молочного производства — биби Фотима, биби Зухро и биби Хадичаи Кибирьё и пользовались среди женщин особым уважением и почитанием. В каждом кишлаке обычно было две—три таких женщины, их функции передавались по наследству из поколения в поколение. При перетапливании масла приглашали одну из этих женщин-мастериц. Особенно в них нуждались молодые женщины, не имеющие достаточного опыта в этом деле.

Женщина-мастерица складывала масло в котел, зажигала два-четыре маленьких ритуальных светильника — *нукча, пилви* на ручках котла, клала на все четыре ушка котла по кусочку ваты, сыпала сверху немного муки, а затем разводила огонь в очаге под котлом. Чтобы устранить влияние злых духов и снискать благодать, часто огонь разводили из колючих трав и шиповника. Считали, что злые духи боятся колючих трав и не приблизятся к котлу. После этого приступали к перетапливанию масла, предварительно прочитав следующую молитву:

Бисмиллохи рахмони рахим!

Арвохи биби Фотима, биби Зухро,

Биби Хатичаи Кибирьё!
Бибии киёматии он дуньё!
Дар ганҷи мо баракати илоҳиро бирезонед.
Худо ба хушиву хурсандй,
Бо саломатии ҳамдигару фарзандхо
Ҳамин ганҷа бихурем!
Худо баракати ганҷа зиёд кунад.

Ганҷи худо,
Ганҷури худо,
Ҳаловатии кадхудо.
Аллоҳ акбар![55]

Во имя бога милостливого и милосердного!
Духи бабушки Фатимы и бабушки Зухро,
Бабушки Хадича Кибирьё!
Бабушки страшного суда!
Да пролейте божью благодать в наше сокровище.
О, аллах! С радостью и весельем,
Со здоровьем друг друга и детей
Да съедим это сокровище!
Да увеличит бог благодать сокровища;
Сокровища бога,
Амбара бога,
Наслаждение хозяина дома.
Бог велик!

Когда масло закипало, в котел бросали немного муки и брызгали водой, а в некоторых кишлаках сыпали соль. Это делалось для того, чтобы оседала вся муть. После этого женщина брала масло половником — *кафлес* и процеживала через сито — *элак.* Перетопленное масло сливали в глиняные кувшины — *равғанҷома, хурма, мангй,* замазывали тестом венчик кувшина, а сверху еще обмазывали глиной и оставляли на зиму. В некоторых кишлаках (например, в к. Элок) на дно кувшина сыпали соль, а затем наливали масло. После того, как масло немного остывало, сверху еще сыпали соль, чтобы оно дольше сохранялось, а затем замазывали тестом венчик кувшина. В отходы, которые оставались на дне котла после перетапливания масла, добавляли немного муки и приготовляли особое кушанье, называемое *дуғбат, турушбат* или *турушак.* Им угощали приглашенных соседей или посылали по тарелке им на дом.

Молочные артели — певоз. Среди горных таджиков с давних времен существовали женские объединения, своего рода артели по заготовке молочных продуктов впрок на зиму и весну, носившие название *певоз, пивоз, пиёвоз.* В колхозном быту певозы утрачивают свое былое значение и создаются очень редко.

Женщины объединялись в певоз весной, когда молоко «течет как река»—*вақте ки шир дарьё мешавад;* в певозе обычно участвовали те женщины, которые имели мало скота. Из-за недостатка молока, которого не хватало даже на ежедневное пропитание членов семьи, они самостоятельно не могли сделать запас, не могли набрать сразу такого количества молока, из которого можно было бы сбить масло. Зажиточные хозяйства не вступали в певоз, потому что имели много скота и достаточное количество молока для того, чтобы ежедневно сбивать масло. В кишлаках, где животноводство было более развито, в певоз включалось не больше двух-трех женщин (кишлаки Сафедорон, Сагырдашт, Джиргаталь и др.), в остальных кишлаках в певоз вступало пять-шесть, а иногда до десяти человек. Члены певоза собирались вместе и решали вопрос, с кого начать певоз, т. е. кому первому носить молоко; обычно начинали с того хозяйства, которое имело большее количество коров, дойных коз и овец; женщину из этого хозяйства называли старшей певоза — *певозчии калон, калони певозчиён.* Но часто придерживались обычая нести молоко «снизу вверх», т. е. начинать с нижерасположенных домов, что якобы должно было способствовать увеличению изо дня в день количества молока—*шир руз то руз зиёд шавад.* Считалось, что вода течет вниз, а молоко должно течь вверх (к. Ризвай), т. е. увеличиваться снизу вверх: *ов калапо, шир руболо.* Иногда считали, что очередь певоза должна передвигаться по направлению восхода солнца — *ба тарафи офтоббаро* (к. Егид).

Организация певоза и связанные с этим обычаи по всему Каратегину и Дарвазу, в основном, были одинаковы, отличаясь лишь в некоторых деталях. Поэтому мы опишем певоз на основании материалов, собранных в к. Сафедорон, приводя попутно варианты по другим кишлакам. В первый день певоза каждая его участница — *певозчӣ* наливала в кувшин пахтанье или кислое молоко и клала немного сливочного масла, а сверху накрывала кувшин лепешкой (часто печеной в золе—*сатрӣ),* на которую насыпала немного мелко нарезанного сушеного болотного лука — *камч* и горсть муки. Сливочное масло, положенное в этот кувшин, называли *монӣ* или *хушбуӣ* (благовонное, благоуханное). В к. Халкарф, Гармского района такой кувшин с кислым молоком, называвшийся там *певна* (мерка), закрывали не лепешкой, а плоским кругом из лоскутов ткани — *рафида,* при помощи которого прикрепляют лепешки к стенкам очага, на который также сыпали немного муки, клали соль, измельченные зеленые листья кориандра, или семена кориандра, побеги виноградной лозы, завязи винограда и абрикоса. Это делали для того, «чтобы молоко было светлое и цветущее» — *шир савзу мунаввар шавад.* В другой кувшин наливали однодневное молоко и закрывали крышкой, на которую клали листья и головки цветов дикого клевера. В некоторых кишлаках листья травы мыли и клали их непосредственно в молоко. После этого указанные кувшины вечером, когда стемнеет, несли к старшей певозчи. В темноте шли для того, чтобы по дороге не быть замеченными кем-либо посторонним, возможно обладающим дурным глазом или же вообще человеком нехорошим, нечистым — *нопок.* Считали, что если встретиться с такими людьми, благодать уйдет от молока — *баракати шир мепарад.* В некоторых кишлаках Дарваза (Пшихарв) вместе с

молоком несли 1—2 кг муки, называемой *саркузаги* (поверх кувшина). В к. Ризвай, если молоко несли вечером, когда уже было темно, то в кувшин клали немного угля — *лахча,* потому что «ночь темная, а молоко белое», т. е. для того, чтобы белизну молока не заметили бы злые духи и не нанесли бы вреда молочному хозяйству женщин.[56] Старшая певозчи радостно встречала женщин—членов певоза, приготовляла им еду — *оши певозчӣ,* состоящую из лепешки и кислого молока, мучной похлебки или еще чего-нибудь. После еды одна из женщин произносила молитву следующего содержания:

Зиёдатии ганч, ободии макон.
Дафъи кулли балоҳои замон.
Бо як тани сиҳат, дили беғам

Ҳамин ганча бихуред.
Аллоҳ акбар!

Изобилие сокровища (т. е. молока), благоустройство этого дома.
Да удалятся все нынешние бедствия.
Со здоровым телом и беспечальным сердцем.
Да съедите это сокровище.
Бог велик!

Затем приступали к измерению — *ширченкунӣ* и процеживанию — *ширполовунӣ* принесенного членами певоза молока. Его выливали в большой кувшин — мерку *ман,* а из него в котел, процеживая через сито. Хозяйка дома процеживала молоко, а ее товарки по очереди, взяв рафиду под мышку, лили молоко в сито. В это время хозяйка дома читала следующие молитвы:

Бисмиллоҳи раҳмони раҳим!

Баракат аз худо,
Назар аз ҳазрати Ҳучаи Хизри зинда.

Арвоҳи бибии Хатичаи Кибирьё.
Бибии Фотимаи Зуҳро,
Бибии қиёматии он дуньё.
Равонии ганч,
Тани саҳат,
Дили беғам,
Умри дарози бачаҳо.
Дафъи балоҳо,
Нафъи бандаҳо.
Омин, аллоҳ акбар!

Во имя бога милостивого и милосердного!
Благодать бога,
Взгляд святого вечно живого Ходжа Хизра,
Духи бабушки Хадичи Кибирьё,
Бабушек Фатимы и Зухры,
Бабушки страшного суда.
Да будет изобилие сокровища,
Здоровое тело,
Беспечальное сердце,
Долгая жизнь детей.
Да удалится зло,
Да будет польза рабам (божьим).
Аминь, бог велик!

В к. Кушагба (Джиргаталь) после выливания молока в котел произносили следующее:

Резу без,
Офтоби тез.
Бараката дар сари чарху чархчуби
Ҳамин занак бирез!

Лей и сей,
О жаркое солнце.
Благодать на маслобойку и мутовку
Этой женщине пошли!

В Гарме записан следующий вариант:

Резу без,
Офтоби тез.
Куруту равған бирез!

Лей и сей,
О жаркое солнце.
Рассыпай сыр и масло![57]

После этих заклинаний женщины зажигали под котлом огонь и расходились. Перед уходом старшая певозчи давала каждой по одной лепешке (кишлаки Халкарф, Кушагба, Гарм, Ёзганд).

В кишлаках Сафедорон и Сагырдашт (Хингоу) одна из женщин брала немного сливочного масла, принесенного с пахтаньем, смешивала с сушеным болотным луком и клала понемногу этой смеси на четыре ушка котла, а также в огонь под когел. Это называли *хушбуй*—благовоние. Смысл этого обряда — принесение жертвы духам предков, которые, со своей стороны, даруют благодать, в результате чего количество масла и молока увеличится *(арвоҳҳо хушнуд шуда, дар ганҷ баракат меандозанд ва ганҷ зиёд мешавад)*.

При получении очереди в певозе каждая женщина исполняла у себя дома некоторые обряды. Например, в к. Сафедорон, когда молоко начинало кипеть, хозяйка половником снимала с молока пенки и брызгала на западную стену, в сторону киблы. Количество молочных пятен на стене якобы показывало сколько чашек — *коса*[58] топленого масла будет иметь хозяйка к концу певоза.

Женщины измеряли принесенное молоко специальным кувшином, называемым *ман* (мера) или же *мани калон* (большая мера). В Южном Дарвазе (например, в к. Вишхарв) этот кувшин называли *кузаи ширченкунӣ*. Измерение молока маном в кишлаке Ёзганд хорошо описано Н. А. Кисляковым. «Если молоко, — пишет Н. А. Кисляков, — принесенное той или другой женщиной, не наполняло целиком большого мана, то измерялось, сколько еще необходимо донести молока до полного мана. Мерили сначала большим (*шастӣ — М. Р.*)[59], потом указательным (*душох*), потом средним пальцем, опуская его на два сустава — *ду пайванд*, внутрь кувшина. Если ни один из них не достигал до поверхности молока, то брали тонкую палочку, опускали ее в кувшин до дна, а затем вынимали, обваливали в муке, которая прилипала к мокрой части палочки, и ставили ее на полку».[60] Так же мерили молоко и в других кишлаках Каратегина и Дарваза. В к. Сафедорон эту палочку называли *ченчуб,* в Пшихарве — *нишончуб* (палочка-мерка). В кишлаке Вишхарв, кроме обваливания палочки в муке или глине, в том месте, до которого дошло молоко, палочку обвязывали ниткой. Каждый ман сданного молока хозяйка отмечала на стене своего дома горизонтальной или вертикальной черточкой — *хат мекашиданд*.

Каждая женщина — член певоза, относившая молоко поочередно своим подругам, считала его данным в долг — *қарз,* самый порядок одолжения молока назывался *қарзборкунӣ*. Срок «держания» певоза каждой женщины зависел от количества коров у нее и возможности рассчитаться; чем больше молочного скота (а следовательно и молока) было у женщины, тем больше дней она держала очередь. Если какая-нибудь из участниц певоза не имела возможности вернуть долг другой участнице, то она рассчитывалась с ней на следующий год. Бывали случаи, когда во время певоза у какой-нибудь из женщин погибала корова, и она не могла вернуть долг. В таком случае долг возвращался зерном, с расчетом, если долг составлял 6 манов молока, то возвращали 6 таких же кувшинов пшеницы. Часто такие долги просто прощали, считалось, что когда-нибудь и давшая в долг может попасть в беду и будет нуждаться в помощи.

Участницы певоза должны были быть честными, аккуратными, добросовестными и опрятными, иначе, как говорили, не будет «благодати» в молоке и масле; молочное хозяйство и певоз было делом почитавшихся «бабушек» Фатимы, Зухро и Хадичи — *каспи бибии Фотима, бибии Зуҳро, бибии Хатича*. Если какая-нибудь из участниц певоза добавляла в приносимое молоко воду и об этом узнавали другие

женщины, то ее исключали из певоза и даже на следующий год с ней никто уже не хотел иметь дела.

По этому поводу существует следующая легенда. Когда-то кукушка — *капук* была человеком. Она вступила в певоз с биби Фотимой (дочерью пророка Мухаммада). Кукушка часто добавляла воду в приносимое Фатиме молоко. Биби Фатима, узнав об этом поступке, прокляла нечестную женщину и пожелала, чтобы она превратилась в кукушку и чтобы она никогда не могла напиться воды. Говорят, что по этой причине, когда кукушка прилетает к реке напиться, то вода в ее глазах превращается в кровь. Она может пить только капли дождя, остающиеся на листьях растений, особенно на больших листьях ревеня.[61]

Если женщины в период певоза заготовляли мало масла и сыра, то считали, что какая-то из компаньонок была нечестной и не имела благодати — *қайту бебаракат будаст;* на следующий год с подозреваемой женщиной в товарищество не вступали.

Участницы певоза соблюдали некоторые запреты. Например, в течение трех первых суток существования певоза никому не давали есть молока, пахтанья и сливочного масла. По истечению этого срока первым в доме пробовал молочные продукты обычно старший в доме— *калонтари хона,* при условии, если он был человеком удачливым — *бобаракат,* доброжелательным, как говорили, «имел сладкий рот» — *даҳанаш ширин бошад,* не был жадным — *чашмгурусна набошад.* После этого, если случайно молоко скисало, или хорошо не заквашивалось или же мало сняли масла после сбивания, считали, что «у такого-то человека (который первым пил молоко) плохой рот, что он не имеет благодати» — *даҳани фалонӣ вайрон будааст, бебаракат будааст.*

Таким образом, певоз являлся формой взаимопомощи, древним коллективным институтом, цель которого заключалась в облегчении заготовки на зиму масла и молочных продуктов.

Все обычаи, обряды и заклинания, связанные со скотоводством, имели цель оберегать скот и молочное хозяйство от злых духов и сил и обеспечить семье изобилие продуктов скотоводства. В основном, эти обычаи, обряды и представления являются древними, домусульманскими, не имеющими ничего общего с мусульманской канонизированной религией. Но они, как и мусульманские обряды и поверья, бытуя в повседневной трудовой жизни народа, затемняли сознание людей, мешали материалистическому пониманию природных явлений.

Только победа Октябрьской революции, установление Советской власти в Таджикистане, проникновение в массы научно-материалистического понимания реального мира открыли глаза таджикам, в том числе таджикам Каратегина и Дарваза, сделали для них жизнь понятной во всем ее многообразии. Вот почему в настоящее время почти уже исчезли из среды таджиков существовавшие до недавнего времени вредные обычаи, обряды, представления и церемонии, связанные с животноводством. Их заменили мероприятия, направленные на использование человеком законов природы.

Птицеводство. Разведение птицы у таджиков Каратегина и Дарваза играет в хозяйстве определенную роль. В основном разводят кур, но в отдельных колхозах занимаются также разведением гусей, индюшек и уток, которых раньше совершенно не знали, и не имели даже понятия об уходе за ними.

В колхозах Каратегина и Дарваза птицеводческие фермы были созданы в начале 40-х годов, однако в связи со слабым развитием в прошлом птицеводства, организация птицеферм налаживалась первоначаль-

но медленно и плохо. С начала 50-х годов в отдельных колхозах птицеводству, главным образом разведению кур, стали уделять больше внимания. Стали завозить цыплят из инкубаторов республики, в связи с чем куроводство в колхозах стало быстро и заметно развиваться. В настоящее время каждый колхоз имеет от 2 до 5 тысяч кур, уток, индюшек и гусей. Кроме колхозов, значительное количество кур находится в личном хозяйстве колхозников, почти каждая семья имеет 5—10 кур.

Для содержания кур на птицефермах — *фермаи мурғон* строятся специальные помещения; молодняк содержат в отдельных помещениях, а осенью его объединяют со взрослыми. Помещения для кур не имеют никакого специального оборудования. За курами ухаживают женщины —*мурғбон,* обычно пожилые. Они следят за курами и цыплятами, чтобы их не похищали хищные птицы — *чуҷабар, калмурғ* (коршун), однако, к сожалению, с хищниками до сих пор не ведется никакой борьбы. Летом и осенью куры находятся на территории птицефермы, где их раз в день кормят зерном, в основном ячменем, и пускают пастись на лугах; зимой их содержат в помещениях и кормят три—четыре раза в день.

До революции в хозяйстве таджиков Каратегина и Дарваза кур было мало; это были птицы простой породы, мелкие, но хорошо несущиеся, хотя яйца тоже были мелкими. Летом и зимой кур обычно отпускали бродить на волю, а вечером их загоняли в маленькое помещение *ҳеча,* находившееся в доме. Кормом служили отсевки, остающиеся при молотьбе и веянии — *таҳбеза, кафа,* а также различное зерно. Продукты куроводства потреблялись самой семьей. Кур держали, в основном, для яиц, мясо употребляли в пищу мало. Среди таджиков и поныне существует поговорка, что «курицу съешь один раз, яйца (от нее) будешь есть сто раз» — *мурғ хурӣ як бор, тухм хурӣ сад бор.* Раньше многие пожилые люди куриное мясо не ели, считая его погаными, так как куры клюют всякие нечистоты. Ни яйца, ни самые куры не продавались и не обменивались, вообще их хозяйственное значение было невелико.

С птицеводством были связаны некоторые суеверия. Во всех районах Каратегина и Дарваза считалось, что если курица закричит по-петушиному, то это сулит дому несчастье. Такую курицу спешили скорее зарезать и таким образом обратить надвигающееся несчастье на нее самое. Однако крик петуха даже не вовремя не считался опасным.[62] Утренний крик петуха считают оповещением крестьян о наступлении рабочего дня; в этом крике якобы заключались следующие слова: *Ҳой деҳқон, бихез, ки вахти кор шуд*! — «О, хлебопашец, вставай, наступило время работы!» При отсутствии часов в старом быту горных таджиков рассвет определяли по крику петуха. С криком петуха связано еще следующее поверье. Если кого-нибудь унесла или засыпала снежная лавина — *тарма,* на место несчастья выпускали петуха и следили за тем, где он остановится и закричит. Считалось, что здесь следует искать погребенного под снегом человека.

Некоторые хозяйства держали куропаток — *кабк,* которые использовались как манки при охоте на диких куропаток.

Возрастные названия животных и птиц. Возрастные названия животных у таджиков Каратегина и Дарваза разнообразны и богаты. Ниже приводим их по видам скота.

1. Возрастные названия крупного рогатого скота. Теленок до одного года — *гусола, гусала,* или *гулоса* (Южный Дарваз); телка — *гусолаи мода,* а телок — *гусолаи нар;* телка от одного до двух лет в Дарвазе — *тайлоқ,* телок — *турпӣ,* в Каратегине же и самку и самца называют *тайлоқ.* Корова от двух до трех лет — *ғуноҷин,*

ғунаҷӣ, ғунаҷин, бычок — *ҷавона, чуҳна, чуҳуна.* Корова старше трех лет — *модагов,* бычок — *буқача, навбаст.*[63] Бык-производитель — *буқа,* или *буқаи зотӣ,* кастрированный бык — *барзагов,* или *барзагови ахта кардагӣ,* рабочий вол — *барзагови корӣ.* Яловая корова — *гови қисир, қисирагов, гови фар*; корова, имеющая в утробе теленка, — *гови буғуз.* Считают, что корова должна телиться в возрасте четырех лет. Общее название крупного рогатого скота — *гов, шохдори калон.*

2. Возрастные названия лошадей. До года самец и самка — *курра, тойча;* от одного до двух лет — *той, япоғу* (к. Тегерми). *ҷабағу* (Дарваз), а самка — еще *тойбайтал*; от двух до трех лет общее название обоих полов *дунан;* от трех до четырех лет — *ғунан,* от четырех лет и старше — *асп,* жеребец — *нараср,* кобыла — *байтал* и очень редко — *модиён.* Общее название для кобыл и жеребцов — *асп.*

3. Возрастные названия ослов. От рождения до одного года — *харбача, курук, хархутак, хархутик* (самец и самка); от одного до двух лет — *той, тойхар, тойхарак;* от двух лет и выше — *хар*; ослица — *мочахар, кучхар,* а осел — *нархар.* Общее название — *хар.*

4. Возрастные названия верблюдов. До одного года, независимо от пола, — *тайлоқ,* годовалые — *тайлоқи яксола,* двухгодичные — *тайлоқи дусола,* трехгодичные — *тайлоқи сесола.* От трех лет и старше — *уштур,* или *шутур,* самка — *шутури мода,* самец — *шутури нар.* Общее название *шутур,* или *уштур.*

5. Возрастные названия мелкого рогатого скота. Овцы: ягненок до года — *барра,* а также самец — *барраи нар,* самка — *барраи мода;* от года до трех лет самец — *нарбахтача, нарбахта қуиқорча,* самка — *туқлӣ*; от трех до четырех лет самец — *чорӣ,* от четырех лет и старше — *панҷӣ,* самка старше четырех лет — *шишак.* Баран-производитель — *қушқор, қушқори зотӣ,* валух—*наргуспанд, наргуспанди ахта,* самка — *модагуспанд, гуспанди мода.* Общее название *гуспанд.* Козы: козленок (самец и самка) до одного года — *бича, бузгола,* а также *нарбича* (самец), *модбича* (самка); от одного до двух лет — *такача* (самец), *чапушак* (самка); от двух до трех лет — *серкача, нарча* (самец), *чапуш* (самка); от трех до четырех (независимо от пола) — *шишак,* а затем — *чорӣ и панҷӣ.* Коза вообще — *модбуз,* козел-производитель — *така, булҳут* (Южный Дарваз), *сирка,* козел-валух — *нарбуз,* или *нарбузи ахта.* Общее название — *буз.*

6. Возрастные названия кур. Цыпленок — *чуҷа,* курица — *мокиён,* цыпленок-петушок — *хурусчуҷа,* петух — *хурус.* Общее название для курицы и петуха — *мурғ.*

Как видно, терминология, определяющая пол и возраст животных, особенно крупного и мелкого рогатого скота, у таджиков Каратегина и Дарваза богата и разнообразна. Это свидетельствует о том, что животноводство — одно из древних исконных занятий таджиков Каратегина и Дарваза.

ПЧЕЛОВОДСТВО

Пчеловодство является одной из новых отраслей сельского хозяйства таджиков Каратегина и Дарваза. До революции и даже после организации колхозов, вплоть до 50-х годов, ни в одном колхозе им не занимались, хотя Каратегин и Дарваз изобилует медоносной растительностью. Прохладный климат, богатое разнотравие, длительный период цветения медоносов благоприятствуют развитию пчеловодства в крае. Недаром эти места привлекают любителей и профессиональных пчеловодов рес-

публики, которые с наступлением погожих весенних дней вывозят свои пасеки в районы Каратегина и долины р. Хингоу.

С 1955 г. многие колхозы Каратегина и Дарваза стали приобретать пчелосемьи и изучать пчеловодство. Например, колхоз «Сагырдашт» в 1955 г. приобрел первую пчелосемью, в 1958 г. в колхозе уже стало около 100 пчелосемей; от каждой семьи в хороший год хозяйство получает по 25—30 кг меда, который реализуется в колхозных ларьках, а деньги поступают в колхоз. Организатором пчеловодства в этом колхозе являлся старший зоотехник республиканского пчелопитомника Рахмон Шарипов. По его инициативе некоторые другие колхозы среднего Каратегина, которые вначале всячески отказывались от этого занятия, стали также заниматься пчеловодством.

Наибольшее развитие пчеловодство получило в Комсомолабадском районе. Первым здесь стал им заниматься агроном Комсомолабадского районного сельскохозяйственного управления Шох Саидов. В 1955 г. он приобрел первую пчелосемью. К осени 1956 г. он довел количество пчелосемей до 20, и от каждой из них получил по 45 кг меда. Он начал широко пропагандировать пчеловодство. Под его влиянием в районе начали разводить пчел 8 колхозов. В 1956 г. они приобрели 58 пчелосемей. Уже к сентябрю 1957 г. число их возросло до 130. Особенно успешно начало развиваться пчеловодство в колхозах «Рохи нав» и им. Крупской. В течение одного года количество пчелосемей возросло у них в три раза, от каждой семьи получено по 25—30 кг товарного меда.[64] Колхозным пасечникам оказывается всесторонняя помощь, им даются консультации, для них организуются семинары. Шох Саидов и другие специалисты теперь сами изготовляют рамки, клеточки для маток, ящики для переноски рамок и другой пчеловодческий инвентарь, обучая этому колхозных пчеловодов. Появляются также пчеловоды-любители из колхозников, имеющие пчел в личном пользовании.

Пчеловодство в Каратегине и Дарвазе при необходимом внимании к нему может стать доходной и важной отраслью колхозного хозяйства.

Следует отметить поверье, что пчелы якобы имеют главарей, которые сидят у входа в ульи и следят за прилетающими пчелами, чтобы они не принесли с собой какой-либо немедоносной и ядовитой пыльцы. Если это обнаруживают у какой-нибудь пчелы, то главарь снимает ей голову. Других представлений о пчелах нами не выявлено.

ШЕЛКОВОДСТВО

Шелководство занимает значительное место в сельском хозяйстве Каратегина и Дарваза; колхозы всемерно развивают его, как доходную отрасль хозяйства.

Примитивные способы оживления грены и червокормления, отсталая техника шелководства — все это уже забыто. В настоящее время построены сотни коконосушилок, кокономорилок, созданы специальные многоярусные выкормочные этажерки, проведен ряд агротехнических мероприятий. В связи с этим из года в год повышается продуктивность шелководства. Для расширения кормовой базы шелководства сейчас в некоторых местах, например в Гарме, имеются государственные и колхозные тутовые питомники, которые снабжают колхозы посадочным материалом. Сами колхозники стараются всемерно увеличивать посадки тута. Например, колхоз им. Горького, Гармского района, имевший 140 тысяч старых тутовых деревьев, с 1955 г. ведет посадки молодого тутовника. В 1957 г. было выращено 58 тысяч саженцев, которые успешно

развиваются. Кроме того, колхозники вынесли решение, чтобы каждая семья (в колхозе 450 дворов) вырастила на своем приусадебном участке по 50 тутовых деревьев. Таким путем разрешается задача полного обеспечения шелкопряда кормом.

До 1957 г. колхозники занимались выведением шелкопряда на дому в порядке индивидуальной сдельщины. Колхоз получил от Райшелка грену и распределил ее между колхозными семьями. Ухаживают за червями женщины, мужчины помогают им приготовить место для червей и обеспечивают их тутовым листом. Женщины-шелководы от каждой коробки грены (по 25 г) получали от 40 до 60 кг коконов, а отдельные колхозницы — по 65—80 кг. За хорошие показатели шелководы премировались колхозом.

С 1957 г. создаются специальные бригады и звенья и организована правильная выкормка шелкопряда. Особые помещения для выкормки червей в колхозах пока еще имеются не везде. Для этого в Дарвазе чаще используются жилые помещения, а в Каратегине — школы, старые мечети и другие свободные постройки, в которых заранее делают специальные помосты для червей, а для поддержания нормальной температуры, в 20—24°, ставят печи; все помещения снабжены термометрами.

Червей получают из инкубатория. На полу или на помостах растилают плетенки из ветвей—*чапар*, а поверх них кладут большие толстые листы бумаги, полученные из райшелка. На них выкладывают червей, определенное количество на квадратный метр, согласно инструкции. Червей кормят мелко нарезанными листьями шелковицы. Первый период развития червей называют *хоби якум* (первый сон), хотя черви и не спят, а гусеницы этого возраста — *сияҳлев* (черноватые). Период первого сна длится 4—5 суток. После этого червей переносят на новые плетенки, размещают их более свободно; в тесноте они развиваются неравномерно, одни бывают крупные, а другие мелкие — *мешак ва барра мешаванд* (они становятся как овцы и ягнята). После «первого сна» червей кормят целыми листьями, кроме того, поверх них кладут молодые побеги с листьями. Этот период длится 3—4 суток и называется *хоби дуюм* (второй сон). В третьем возрасте — *хоби сеюм* (третий сон) температуру снижают на 1—2°, так как при высокой температуре черви сбрасывают кожу — *пуст меандозанд*. Третий период длится 7 дней. В это время из-под червей убирают бумагу и часть ветвей, и кладут веники из сухих веток, кустарников и трав, *шохак*, или *даста*. Черви переползают на них и одни сутки сидят на ветках, что называется *хоби сари шохак* (сон на ветках), а затем начинают завивать коконы — *тор метананд*. Этот период длится 8—9 дней, и по его истечении шелководы приступают к сбору коконов — *кусак*.

При мелкогрупповой или индивидуальной сдельщине для сбора коконов созывали помочь — *ҳашар, ёридиҳӣ* из родственниц, подруг, соседок. Веники с коконами кладут посередине, женщины, сидят вокруг них, собирают коконы и кладут их в специальные плетеные корзины—*сабад*, в решета — *ғалбел*, сита — *элак*, или же в подолы платьев (см. рис. 36); теперь в колхозах коконы собирают члены данной бригады. Затем их сортируют и сдают на приемные пункты. Во многих колхозах теперь имеются свои кокономорилки. После морения коконов их сушат на специальных коконосушилках. После сушки держат под навесами, в тени, а затем сдают на пункты приема, в райшелк.

Общее руководство колхозниками-шелководами осуществляет райшелк, который посылает в колхозы своих инструкторов и агрономов. Однако теперь колхозники сами хорошо знают методы ухода за шелковичными червями, имеется значительное количество специалистов по

Рис. 36 Сбор коконов, Каратегин, к. Навди (иег. № 18—82).

шелководству и мастеров высокого урожая коконов, опытников-шелководов.

Районы Каратегина и Дарваза в настоящее время являются крупными поставщиками шелка-сырца. Еще в 1952 г. они давали государству более 25% заготовленных по республике шелковичных коконов, а в настоящее время дают еще больше. По сравнению с 1946 г. они увеличили производство шелка-сырца в 10 раз.

В связи с внедрением передовой техники, проведением ряда агротехнических мероприятий, усилиями специалистов и передовых шелководов-мастеров высокого урожая из года в год повышается урожайность коконов. В среднем колхозы с каждой коробки грены получают теперь от 60 до 80, а иногда до 100 и более килограммов коконов. Например, в 1957 г. в к. Шуль колхозники получили в среднем от одной коробки грены по 56,8 кг коконов, а три более опытных шелковода — по 100 кг.

В Дарвазе начала практиковаться повторная летняя выкормка червей, т. е. сбор ежегодно двух урожаев коконов. В первый раз с каждой коробки грены получают от 50 до 80 кг, а во второй раз — 30—35 кг. Повторная выкормка шелковичных червей дает большой дополнительный доход колхозам Дарваза.

Шелководством занимаются все колхозы Гармской группы районов за исключением Джиргатальского. Некоторые высокогорные колхозы, на территории которых не растут тутовые деревья, выводят червей в более низких местах. Например, колхозники колхоза «Сагырдашт» используют тутовые насаждения в долине р. Хингоу, принадлежавшие колхозам, переселившимся теперь на вновь освоенные земли.

До революции шелководство в Каратегине и Дарвазе почти отсутствовало. В. Ф. Ошанин отмечает, что в Дарвазе «шелководством совершенно не занимаются».[65] П. А. Баранов и И. А. Райкова, побывавшие в 1927 г. в Дарвазе, о шелководстве пишут: «Другая сторона использования тута (кроме пищи.—*М. Р.*), как корма для шелковичных червей, развита в Дарвазе чрезвычайно слабо; мы ни разу не могли

видеть коконов шелковичных червей, хотя и приходилось слышать о крайне редких и единичных случаях выкормки червей.

Это обстоятельство — отсутствие шелководных тенденций в Дарвазе приходится отмечать с большим сожалением, так как по своему климату и навыку к культуре тута у населения Дарваз смог бы явиться ценным районом для весьма рентабельной культуры тута в целях шелководства. Нужно всячески активировать снабжение Дарваза хлебом в надежде, что это может отвлечь от тута то исключительное внимание, которым он пользуется, как пищевое растение, и обратить внимание на другое ценное его качество. Конечно, необходимо развить также показательную агитацию и обучение приемам шелководства, чтобы убедить население о большой доходности этого дела».[66]

А. К. Писарчик в 1956 г. в кишлаке Егид со слов усто Расо (1890 года рождения) записала следующее: «Шелководства здесь, как и в Калаи-Хумбе, не было совсем, так как не было достаточно своего хлеба, и тут (ягоды шелковицы) восполнял его недостаток. Если какая-либо женщина хотела тайком вывести хотя 2—3 г червей и ее изобличали, то червей бросали в воду, считая, что они портят тутовые деревья, доставляющие свежий и сушеный тут, толокно и т. п. Поэтому почти все вышивки делались в старину бумажными нитками. Вышивание шелком получило распространение в 30-х годах, когда ввели шелководство». Такое же сообщение записал и И. Мухиддинов, стационарно изучавший быт егидцев.

До революции уход за шелковичными червями был очень примитивным. Яички, полученные от шелковичных бабочек, клали в мешочек. сшитый из чистой тряпки. Женщины закладывали этот мешочек за вздержку штанов, согревая грену теплом своего тела. Ночью этот мешочек вынимали и клали в одеяло, предварительно завернув в вату, или же клали под головку ребенка, спящего в колыбели. Когда черви оживали, их вынимали из мешочка и осторожно завертывали в вату. Потом их помещали в тазы — *тағора, соғу* (сделанные из навоза скота — *пушк, пору*), предварительно положив в них тряпки или же тонкие дощечки. Червей держали в теплом месте и давали им листья шелковицы. Для обеспечения в помещении необходимого тепла там все время держали на глиняных блюдах жар. Когда приближалось время завивки — *чашмак кардан, нах баровардан,* раскладывали веники — *шохак.* После 8—10 дней собирали веники и снимали с них коконы. Веники предварительно крепко встряхивали, тогда из некоторых коконов выходили бабочки — *шапалак.* Бабочек держали в каком-нибудь чистом месте, чтобы они откладывали там яички; последние, собранные в мешочек, хранились до весны следующего года.

Для размотки шелка коконы кипятили в котле, перемешивая веником, чтобы захватывать концы нитей — *нах.* Затем нитки наматывали на веник. Эти шелковые нити называют *муяк.* Остальной шелк-сырец— *пилла* отделяли руками. Шелк-муяк шел на вышивку нарядных рукавов для платья, тюбетеек, лицевых занавесок и на вышивки попроще.

Вследствие отсутствия до революции и в первые годы Советской власти нужных инструкций по выкормке шелковичных червей, незнания населением правил ухода за ними, отсутствия теплых и светлых помещений, черви нередко частично погибали, а иногда и полностью. Однако женщины приписывали это «дурному глазу» и применяли ряд охранительных мер, в частности, старались выкармливать червей втайне, никому об этом не сообщали и не допускали в помещение никого, даже членов своей семьи, опасаясь что и они могут червей «сглазить». Болезни червей определяли по их виду; если черви делались круглыми и при-

нимали желтую окраску, говорили, что они превращаются в «желтых бычков» — *зардбуқа* и считали, что они неминуемо погибнут; если же они краснели, говорили, что черви превратились в ослов — *хар гашт*, после чего у них должны появиться крылья и они превращались в бабочек.

Особенно строго следили, чтобы кто-либо не вошел в помещение во время завивки коконов, в результате чего черви якобы от сглаза опухали и лопались, или же коконы не завивались хорошо — *кирмакора пай меомад, ҳамашу ё варам карда мемуранд ё нағз тор наметаниданд.*

НАРОДНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ И СЧЕТ ВРЕМЕНИ

После установления Советской власти среди таджиков Каратегина и Дарваза получил распространение современный международный календарь; сначала пользование им было непривычным, но постепенно население оценило его удобство, и в настоящее время он вытеснил все старые системы летоисчисления как домусульманские, так и мусульманские и тюрко-монгольские.

Сведения о народном календаре горных таджиков, в частности таджиков Каратегина и Дарваза и о сходном с ним счете времени у памирских таджиков встречаются в ряде работ дореволюционных и советских исследователей.[67] Имеется и несколько специальных статей по этому вопросу.[68] Подробные материалы опубликованы по календарю памирских таджиков М. С. Андреевым,[69] а таджиков бассейна р. Хингоу—нами.[70] Поэтому, во избежание повторений, мы будем останавливаться в настоящем изложении главным образом на вопросах, недостаточно освещенных предыдущими работами. Об остальном же упомянем вкратце.

В Каратегине и Дарвазе употреблялись, с одной стороны, официальные календари, с другой — народные.

1. **Официальные календари.** Лунный мусульманский календарь — *солшумории қамарӣ* получил широкое распространение в Средней Азии после завоевания ее арабами.

Как известно, лунный год состоит из 12 месяцев — *моҳҳои қамарӣ*, имеющих арабские названия: *муҳаррам, сафар, раби-ул-аввал, раби-ус-сонӣ, ҷимод-ул-аввал, ҷимод-ус-сонӣ, раҷаб, шаъбон, рамазон, шаввол, зулқаъда, зулҳиҷҷа.* Мусульманский лунный год и каждый месяц начинаются с новолуния. Каждый месяц состоит из 29 или 30 дней.[71]

Лунный календарь не имел широкого распространения среди основной массы таджиков Каратегина и Дарваза, он использовался преимущественно духовенством, а также чиновниками в переписке и канцелярской работе. В народе, в основном, пользовались известностью только месяцы, связанные с мусульманскими религиозными праздниками и религиозной обрядностью: мухаррам, сафар, раджаб, шаъбон и рамазон. Так, в начале месяца мухаррам исмаилиты к. Ёгид (Дарваз) отмечали день смерти имама Хусайна, сына Алия, погибшего в сражении с халифом Язидом при Кербеле. С первого до девятого числа мухаррама население каждого квартала собиралось где-нибудь, например около мечети, и слушало чтение книги «Джавхари», где рассказывалось о сражении имама Хусайна с Язидом; при этом присутствующие плакали. Десятого мухаррама в каждом доме готовили пищу, обычно *ширбиринч* (рисовую молочную кашу), у бедных *ширравған* (крошеные лепешки на молоке с маслом), *атола* (мучную похлебку) и т. п. Приготовленную пищу несли в мечеть, где ее съедали все соб-

равшиеся (обычно мужчины и дети). Эту пищу называли *оши эмоми* (имамская пища, пища во имя имама — имеется в виду имам Хусейн). В Егиде нам рассказали, что оши эмоми раньше готовили также в кишлаках Ширговад, Сангев, Зинг, Умарак и Калаи-Хумб.

Месяц сафар в Каратегине и Дарвазе, как и повсюду в Средней Азии, считали самым несчастливым в году, и население соблюдало в это время ряд запретов и предосторожностей, чтобы оградить себя от мнимых несчастий и бедствий.[72]

Рамазан являлся тридцатидневным периодом поста — *руза;* в течение этого месяца мусульмане с рассвета до заката солнца ничего не ели, не пили, не курили. По его окончании торжественно справляли великий мусульманский праздник — *иди шарифи рамазон.* Через семьдесят дней после рамазана справляли праздник жертвоприношения — *иди қурбон,* приходящийся на первую половину месяца зулҳиҷҷа. Этот праздник отмечали очень торжественно, и почти в каждом доме, где только была возможность, резали барана или козу; сварив тушу целиком, приносили ее в общественное место (обычно в мечеть), где устраивалось коллективное угощение.

Как известно, лунный год короче солнечного на 10 дней, поэтому его начало постепенно передвигается с одного сезона на другой; вследствие этого лунный календарь не давал возможности учитывать природные явления.

Солнечный календарь — *ҳисоби шамсӣ, солшумории шамсӣ* имел в Каратегине и Дарвазе, как и на всем мусульманском Востоке, более широкое распространение, чем лунный. Солнечный год, как и лунный, состоит из 12 месяцев. Месяцы и дни определяются по положению небесных светил в знаках зодиака — *бурҷҳои осмонӣ,* по арабским названиям которых называются и соответствующие месяцы.

Арабские названия месяцев солнечного года в Каратегине и Дарвазе не отличаются от официальных,[73] и мы ограничимся здесь лишь приведением таджикского перевода этих названий,[74] так как они имеют небольшие отклонения от опубликованных ранее.[75]

Названия солнечных месяцев

Арабские:	Таджикские:	Русские:	Арабские:	Таджикские:	Русские:
Хамал	Барра	Овен	Мизон	Тарозу	Весы
Савр	Гов, Гусола	Телец	Акраб	Каждум	Скорпион
Чавзо	Дугоник, Экизак	Близнецы	Кавс	Камон	Стрелец (букв. лук)
Саратон	Харчанг	Рак	Чадъи	Буз	Козерог
Асад	Шер	Лев	Далв	Чом	Водолей
Сумбула	Духтар Хуша	Дева, Колос	Хут	Мохи, Наханг	Рыба Кит

Солнечный год начинается с месяца хамал, первый день которого совпадает с днем весеннего равноденствия, соответствующим 21 и 22 марта современного календаря. Поэтому начало месяца хамаля везде в Средней Азии, в Иране, Афганистане и других странах Востока еще с глубокой древности считали началом нового года—Навруз (*нав*— новый, *руз* — день).

Для облегчения вычисления того, на какой день недели приходится начало каждого месяца, а также для запоминания количества дней

в каждом месяце в Каратегине и Дарвазе применяются широко распространенные повсюду книжные стихотворные формулы.[76]

Начало месяцев хамал (22 марта) и мизон (25 сентября) приблизительно совпадают со временем весеннего и осеннего равноденствия, называемым *офтоб дар тарозу* (букв. «солнце в весах»). Это означает, что «солнце уравновесилось», т. е. день стал равен ночи. Начало месяцев саратон (24 июня) и джадъи (23 декабря) совпадают приблизительно со временем летнего и зимнего солнцестояния — *офтоб дар хонаи тобистон* (солнце в летнем доме) и *офтоб дар хонаи зимистон* (солнце в зимнем доме).[77]

Тюрко-монгольское летоисчисление по двенадцатилетним циклам. В Каратегине и Дарвазе, как и во всей Средней Азии и на мусульманском Востоке, имело распространение тюрко-монгольское или китайское исчисление по двенадцатилетним животным циклам,[78] которое таджики Каратегина и Дарваза называли *мулчар, мурча.*

Этот счет издревле бытовал у тюркоязычных племен и народностей, а позднее широко распространился и среди других народов Средней Азии, в том числе и у таджиков. Он применялся как в повседневной жизни, так и, главным образом, в официальных документах.

Каждый год цикла назван именем того или иного животного. В Каратегине и Дарвазе название годов в двенадцатилетнем животном цикле следующие: мышь — *муш,* корова — *бақар,* барс — *паланг,* заяц — *харгуш, заргуш,* кит—*наҳанг,* змея—*мор,* лошадь—*асп,* овца —*гуспанд,* обезьяна—*маймун, ҳамдуна,* курица — *мурғ,* собака — *саг, вафодор,* свинья — *хук, хубон.* Годы этого цикла разделяли на счастливые и несчастливые, и человеку приписывали некоторые признаки и свойства, характерные для того животного, в год которого он родился.[79]

2. **Народный календарь и счет времени.** Старый народный календарь у таджиков Каратегина и Дарваза был приспособлен главным образом к сельскохозяйственным занятиям, особенно к земледелию. В нем отражены географические условия местности, экономические факторы, исторические особенности жизни народа и, особенно, трудовая деятельность крестьян. Народный календарь основывается на сроках выполнения сельскохозяйственных работ и является как бы сводом сведений о периодах крестьянских работ (начала и окончания пахоты, посева, ухода за урожаем, сбора сельскохозяйственных культур), о временах года, о состоянии природы — времени потепления, похолодания, о коротких и длительных периодах выпадения осадков и т. п.

Народный календарь таджиков Каратегина и Дарваза, как и горцев Памира, весьма древен и своеобразен, но, к сожалению, не полностью дошел до нас. Естественно, что с течением времени он подвергался большим изменениям, а также воздействию календарей других народов (арабов, монголов, тюрков). Несмотря на это, он не потерял свою самобытность, о чем свидетельствуют его фрагменты, бытовавшие до недавнего времени кое-где в горном Таджикистане.

Счет времени по частям тела человека. Основным и главным исчислением времени года в быту земледельцев Припамирья, Дарваза и некоторых районов Каратегина являлся счет по частям тела человека, называемый в народе «счет по мужчине» — *ҳисоби мард,* «солнце в мужчине» — *офтоб дар мард,* «пятьдесят дней мужчины» — *панҷоҳи мард,* «сорок дней чилли и пятьдесят дней мужчины» — *чилли чиллаву панҷоҳи мард,* или же «отметки», «знаки»—*нишонҳо.*

Этот счет является одной из наиболее самобытных и, вероятно, очень древних форм таджикского народного календаря, по которому исчисляли времена года и сроки наступления и окончания тех или других сельскохозяйственных работ. Характерной особенностью его является представление о том, что движение солнца распадается на периоды, называемые по частям человеческого тела. Каждый период имеет характерные особенности и связан с изменением природы, началом и концом хозяйственных работ и пр.

Нам удалось собрать по счету времени по частям тела некоторые сведения в Дарвазе, бассейне р. Хингоу и некоторых кишлаках верховьев р. Сурхоб. При этом выяснилось, что даже глубокие старики не помнят этого счета полностью, часто дают неточные сведения, смещают и путают отдельные периоды. Хорошо помнят они обычно лишь ту часть счета, которая относится к зимнему и весеннему периодам, особенно к периодам, связанным с весенними сельскохозяйственными работами.

На основании собранных материалов и имеющихся опубликованных работ можно довольно точно определить ареалы данного счета времени в недавнем прошлом. Наиболее полно он сохранился у припамирских таджиков,[80] менее полно, фрагментарно — у дарвазских таджиков долины Пянджа, в верхнем и среднем течении р. Хингоу (в кишлаках Сафедоронской и Сагырдаштской группы), а также в верхнем Каратегине (кишлаки Кандов, Мук, Ходжаи-Тавоф, Ляхш и др., население которых составляют таджики, переселившиеся из Вахиои-Боло). В кишлаках среднего Каратегина—левобережных (Калаи-Лаби-Об, Нушор, Куглик, Лангари-Шо и др.) и правобережных (Каланак, Навди, Халкарф в окрестностях Гарма и др.), а также в кишлаках по нижнему течению р. Хингоу от этого счета сохранился только термин *панҷоҳи мард* — пятьдесят дней мужчины, свидетельствующий о бытовании здесь когда-то этого счета в более полной форме.

Счет времени по частям тела человека охватывает период в полгода, начиная со дня зимнего солнцестояния (23 XII) и заканчиваясь в день летнего солнцестояния (22 VI), после чего во втором полугодье периоды идут в обратном порядке.

Для ясности приведем ориентировочную таблицу (табл. 2) наиболее полного варианта счета времени по частям тела человека, записанного нами в к. Шкев (Дарваз), с указанием примерного начала и конца каждого периода соответственно месяцам европейского календаря,[81] оговорившись, что периоды до вхождения солнца в периоды, носящие название частей тела человека (обычно счет начинается с периода ноготь ноги), и после выхода из него (после периода офтобсар) зафиксированы нами только в двух дарвазских кишлаках Ушхарв и Шкев, во всех же прочих местах вместо них имеется один сорокадневный период — *чилла*.

Приводим сводную таблицу счета времени по частям тела человека, составленную нами по материалам, записанным в Дарвазе, бассейне р. Хингоу и в Каратегине (см. табл. 3).[82]

Из табл. 3 видно, что интересующий нас счет времени на обследованной территории относительно лучше сохранился в кишлаках Дарваза — Шкев, Ушхарв, Курговад и Джорф, в других же кишлаках Дарваза и в бассейне р. Хингоу из этого счета сохранились только те периоды, которые относятся к зимнему сезону.

В счете времени по частям тела человека прослеживается различие в количестве дней каждого периода: в некоторых кишлаках (Сафедорон, Сагырдаш, Умарак, Угр, Ушхарв, Курговад, Джорф) большая часть периодов состоит из 7 дней и больше, а в других (Сабзи-

Таблица 2

Начало и конец каждого периода лето и осенью	Периоды счета времени по частям тела человека	Русский перевод периодов счета времени по частям тела человека	Количество дней в периоде	Начало и конец каждого периода зимой и весной
5 XII — 22 XII	Каргаси тирамох	Весеннний гриф	18	
	Каргаси зимистон	Зимний гриф	18	23 XII — 9 I
26 XI — 4 XII	Саг	Собака	8	10 I — 17 I
19 XI — 25 XI	Занҷир	Цепь	7	18 I — 24 I
11 XI — 18 XI	Нохун	Ногти	8	25 I — 1 II
4 XI — 10 XI	Пушти по	Подъем ноги	7	2 II — 8 II
27 X — 3 XI	Харк	Лодыжечная кость	8	9 II — 16 II
20 X — 26 X	Линг	Голень	7	17 II — 23 II
12 X — 19 X	Зону	Колено	8	24 II — 3 III
5 X — 11 X	Коровсу	Бедро	7	4 III — 10 III
27 IX — 4 X	Харомез	Penis	8	11 III — 18 III
20 IX — 26 IX	Камар	Поясница	7	19 III — 25 III
16 IX — 19 IX	Руда	Кишки	4	26 III — 29 III
11 IX — 15 IX	Дил	Сердце	5	30 III — 3 IV
6 IX — 10 IX	Бару бозу	Грудь и плечи	5	4 IV — 8 IV
1 IX — 5 IX	Нойхо	Горло	5	9 IV — 13 IV
22 VIII — 31 VIII	Офтобсар	Голова (солнце на голове)	10	14 IV — 23 IV
7 VIII — 21 VIII	Торикситора, наистони бахор	Темная звезда, или весенний наистон	15	24 IV — 5 V
23 VII — 6 VIII	Ҳотситора	Звезда, стоящая отдельно	15	9 V — 23 V
13 VII — 22 VII	Кирм	Черви	10	24 V — 2 VI
3 VII — 12 VII	Парвин	Плеяды	10	3 VI — 12 VI
	Офтобнихол, нихоли бахор		10	13 VI — 22 VI
23 VI — 2 VII	Офтобнихол, нихоли тобистон		—	—

харф, Сайёд, Хур, Арганкон, Хазрати-Бурх, Пастирог)—из трех дней; в кишлаках Кандов (Каратегин) и Шкев (Дарваз) периоды состоят из 5,7—8 и 9—10 дней. Кроме того, в кишлаках Шкев и Ушхарв есть период, состоящий из 14 дней — *бару бозу* (грудь и плечи) и периоды по 15—18 дней, именующиеся *сагу занҷир* (собака и цепь), *каргаси зимистон* (зимний гриф), *торикситора* (темная звезда) и *ҳотситора* (звезда, стоящая отдельно).

Этот разнобой в количестве дней периодов, по-видимому, происходит от того, что прежний, более точный и стандартный счет времени по частям тела человека постепенно стал забываться, и в связи с этим названия периодов стали так же изменяться. Вероятно, поэтому в наших записях встречаются и такие периоды, которые трудно поддаются пониманию — *торикситора, ҳотситора, каргаси зимистон* (который в конце года именуется *каргаси тирамоҳ), пуроим, ниҳол,* или *офтобниҳол* и т. п.

В Шкеве и Ушхарве с периодом *офтобниҳол,* или *ниҳоли баҳор,* кончаются все зимние и весенние периоды, а потом счет начинается в обратном порядке, с *офтобниҳол,* или *ниҳоли тобистон* и кончается периодом *каргас,* который именуется уже *каргаси тирамоҳ.* В Курговаде зимние и весенние периоды кончаются периодом *рамаву села* (стая птиц);[84] счет в обратном порядке начинается с него же, после чего ведется счет на части тела — с головы до подошвы и ногтей пальцев ног (причем количество дней в каждом периоде сохраняется без изменения) и заканчивается сорокадневием — *чилла.*

Д А Р В А З

к. Шкев Запись 26 VIII 1954 г. со слов Авазова Абдурахима, 89 лет		к. Ушхарв Запись 2 IX 1954 г. со слов Ахмадова, 58 лет		к. Курговад Запись 13 IX 1954 г. со слов Амирбекова Азизбека, 63 лет		к. Джорф Запись А. К. Писарчик в 1958 г. со слов Вахидова Иззатшо	
название периодов	число дней	название периодов	число дней	название периодов	число дней	название периодов	число дней
Каргаси зимистон—зимний гриф	18	Каргас—гриф	18	Чилла	40	Чилла	40
Саг—собака	8	Саг	8				
Занчир—цепь	7	Занчир	7				
Нохун—ногти	8	Нохун	7	Паику нохун—подошва и ногти	7	Нохун	7
Пушти по—подъём ноги	7	Пушти по	7				
Харк—лодыжка	8	Харк	7	Харк	7	Харк	7
Линг—голень	7	Линг	7	Линг	7	Лииг	7
Зону—колено	8	Зону	7	Зону	7	Зону	7
Коровсу—бедро	7	Коровсу	7	Кордавсун	7	Кордавсун	7
Харомез—penis	8	Харомез	7	Харомез	7	Харомез	7
Камар—поясница	7	Камар	7	Камар	7		
		Навруз—	3				
Руда—кишки	4						
Дил—сердце	5	Дил	7	Дил	7	Дил	7
Бару бозу—грудь и плечи	5	Бару бозу	14	Бару бозу	7	Бару бозу	7
Нойхо—горло	5	Нойхо	7	Гулу	7	Нойхо	7
				Дахан, лабханда—рот, смех	7	Дахону дандон—рот, зубы	7
				Чашм	7	Наистон (найсон)[83]	7
Офтобсар—солнце на голове	10			Офтобсар, пешонй—солнце на голове, лоб	7	Офтобсар	7
				Офтоббиёбон—солнце в пустыне	7		
Торикситора, наистони бахор—темная звезда, весенний наистон	15	Торик-ситора	18				
Хотситора—звезда, стоящая отдельно	15	Хотситора	15				
Кирм—черви	10	Кирм	10	Кирм	7	Кирм	7
				Пуроим (?)	7		
				Рамаву села—стада и стая	7	Села—стая	7
						Рама—стадо	7
						Пуроим (?)	7
						Парвин	7
Парвин—Плеяды	10	Парвин	10				
Нихоли бахор, офтоб—нихол—?	10	Офтобнихол	10			Нихол	7
						Карор—остановка (солнца)	7
						Чунбиш—движение	3

Сводная таблица записей периодов счетавремени по частям тела человека

к. Умарак Запись 15 VIII 1954 г. со слов Чарсова Хушвакта		к. Угр Запись 8 IX 1954 г. со слов группы жителей		БАССЕЙН				кишлаки Са Сайёд, Хур, Запись 1948- от группы ж	
				к. Сагырдашт Запись в сентябре 1950 г. со слов Рахимова Хайрулло, 54 лет		к. Сафедорон Запись 1948—1950 гг. со слов Рахимова Худоёра, 54 лет, Давлатова Хикмата, 56 лет и др.			
название периодов	число дней	название периодов	число дней	название периодов	число дней	название периодов	число дней	название периодов	
Чиллаи калон —большая чилла	40	Чилла	40	Чиллаи калон	40	Чиллаи калон	40	Чиллаи кало Чиллаи майд —малая чилл	
Нохун	7	Паику нохун	7	Паику нохун	7	Паику нохун	7	Паику ноху	
Харк	7	Харк	7	Харк, бичилак	7	Харк, бичилак	7	Харк, бичил	
Кокй	7	Линг	7	Линг	7	Линг	7	Линг	
Зону	7	Зону	7	Зону	7	Зону	7	Зону	
Коровсу	7	Коровсу	7	Коровсу	7	Коровсу	7	Коровсу	
Харомез	7	Харомез	7	Харомез	7	Харомез	7	Харомез	
Камару навруз —поясница и науруз	7	Камару навруз	7	Камару навруз	7	Камару навруз	7	Камар навру	
		Дилу дилбанд	7	Дил	7	Дил	7	Дил	
				Дахону дандон	7				
		Офтобсару мохтобсар— солнце и луна на голове	7	Сар, саратон	7				
				Офтобнихол, тарозу—весы	9				

еловека

Таблица

А С С Е Й Н Х И Н Г О У								КАРАТЕГИН	
к. Сафедорон Запись 1948—1950 гг. о слов Рахимова Ху- рёра, 54 лет, Давлатова икмата, 56 лет и др.		кишлаки Сабзихарф, Сайёд, Хур, Пастирог Запись 1948—1950 гг. от группы жителей		к. Арганкун Запись 1947 г. со слов Холова Акрама		к. Хазрати-Бурх По записям Н. А. Кис- лякова в 1932 г.		кишлаки Кандов, Ляхш Запись 1953 г. со слов Сафарова Нурул ло и группы жителе	
название периодов	число дней	название периодов	число дней	название периодов	число дней	название периодов	число дней	название периодов	числ дней
Чиллаи калон	40	Чиллаи калон	40	Чиллаи лумб	40	Чиллаи калон	40	Чиллаи калон	40
		Чиллаи майда —малая чилла	20	Чиллаи хурдак	20	Чиллаи майда	20	Чиллабача	10
Паику нохун	7	Паику нохун	7	Паику нохун	7	Кафи по Нохун	3 3	Паику нохун	6
				Пушти по	3	Пушти по	3		
Харк, бичилак	7	Харк, бичилак	3	Бичилак	3	Бичил	3		
Линг	7	Линг	3	Линг	3	Линг	3	Кокй	3
				Ғонч—икра	3				
Зону	7	Зону	3	З ну	3	Зону	3	Зону	6(?),
Коровсу	7	Коровсу	3	Коровсу	3	Кордавсун	3	Кордавсун	10
Харомез	7	Харомез	3	Харомез	3	Харомез	3	Харомез	9—1
Камару навруз	7	Камар навруз	7	Камару навруз	7	Камару навруз	3	Шикам (б)— живот	5
Дил	7	Дил	3						

Во всех кишлаках, где производилась запись данного счета времени, нами были отмечены также фенологические явления, характерные для отдельных периодов этого счета. В зависимости от климатических условий различных районов Каратегина и Дарваза эти фенологические явления периодов различались друг от друга.

Так, в к. Сафедорон, характерном по своим природным особенностям для высокогорных кишлаков Дарвазского хребта, в период «подошвы и ногтей» бывает сильное похолодание, замерзают реки и ручьи, часто идет снег. Считалось, что подошва и ногти ног всегда чувствуют стужу, поэтому этот период должен быть холодным. В кишлаках припянджского Дарваза (Ёгид, Ушхарв, Умарак и др.) с более мягким климатом в это время тоже иногда замерзают речки и ручьи, но обычно население уже приступало к подготовке сельскохозяйственных работ: исправляло плуги, подбирало семена для посева и пр. В период «лодыжечной кости» в Сафедороне тоже обычно очень холодно, идет снег, в кишлаках же Дарваза хотя и бывает холодно, но нет сильных морозов. Здесь в этот период на поля выносят удобрения.

В высокогорных кишлаках Дарвазского хребта (Сафедорон и др.) считается, что в период «голени ноги» в течение трех с половиной дней бывает сильная стужа, а в течение следующих трех с половиной дней становится значительно теплее. В Курговаде, Ёгиде и Шкеве период «голени» считают более теплым, после него начинают идти первые весенние дожди. В Ушхарве в некоторые годы в период голени население приступало к пахоте и посеву.

В Сафедороне считается, что в период «колено» также наступает сильное похолодание, поскольку колено наиболее чувствительно к холоду. В Курговаде и Ушхарве этот период считают теплым; в это время идут дожди и крестьяне начинают пахоту и посев зерновых культур.

В Сафедороне и соседних кишлаках Сагырдаштской группы считают, что в период «бедра» — коровсу дуют сильные ветры и поднимается вьюга. В высокогорном дарвазском кишлаке Пшихарв говорят, что падеж скота чаще всего происходит именно в это время. С первого дня этого периода население приступало к посыпке полей землей для ускорения таяния снега. В кишлаках Ёгид и Ушхарв этот период считают теплым, в это время выпадает много осадков—идут дожди а иногда мокрый снег — *тарбарф*. Период харомез (penis) в Сафедороне и Сагырдаште считается несуровым, хотя часто идет мокрый снег. В некоторые годы с этого времени начинается период дождей, причем очень сильных. Точно так же характеризуют этот период в кишлаках Дарваза.

Во всех кишлаках долины р. Хингоу, где существовал счет времени года на части тела человека, население считало, что период «поясница и новый год» — *камару навруз* теплый и что с этого времени наступает весна. Говорят, что в этот период у земли «лопается желчный пузырь»— *талхаи замин мекафад,* из нее начинает выходить пар — *буғ, бухор, ҳавл* и становится тепло. Как здесь, так и в Каратегине (например, в к. Калаи-Лаби-Об) в это время перед закатом наблюдали за появлением трех ярких звезд на западе над приметными местами, называемыми *навруздгаҳ* (место наступления навруза), или *нишонаҷогаҳ* (место отметок).[85] Если они были видны, считали, что уже наступила весна, а если нет, то продолжали наблюдать. Когда звезды хорошо были видны, считали, что наступил Навруз (Новый год) и торжественно праздновали этот традиционный общенародный праздник весны.[86] В к. Калаи-Лаби-Об считали, что на первой звезде — *ситораи аввал* солнце задерживается один день, на второй — *ситораи миёна* — два дня и

на последней — *сигораи охирин* тоже один день; после этого заканчивается зима и наступает весна, празднуется Навруз; в некоторые годы с этого времени приступали к пахоте и севу. В Курговаде период *камар* (поясница) считают теплым, а период *дил* (сердце)—холодным; в это время часто идут дожди, иногда выпадает небольшой снег; после этого дни становятся теплыми. Период *бару бозу* (грудь и плечи) считают теплым.

В период *даҳан* (рот), или *лабу ханда* (губы и смех), цветет абрикос и некоторые другие фруктовые деревья (миндаль, алча, вишня, черешня)—*гулҳо даҳон кушода механданд*, т. е., как говорят, бутоны смеются, раскрыв рот. В период *чашм* (глаза) цветы у деревьев опадают и «закрывают глаза». В этот период часто идут дожди, выпадает град; иногда бывают похолодания, которые являются губительными для фруктов.

В период *офтобсар* (солнце на голове) и *кирм* (черви) наступает лето. В это время местами поспевает шелковица (тут). В период кирм во всех кишлаках Дарваза еще пахали и сеяли, а после него зерновые уже не сеяли, так как они не успевали созреть.

В кишлаках Сагырдашт и Ушхарв период *офтобниҳол* считали окончанием весны и наступлением лета, т. е. пребыванием солнца в летнем доме — *офтоб дар хонаи тобистон*.

Таким образом, счет времени по частям тела человека — это исконный земледельческий календарь, сложившийся в результате длительных наблюдений за явлениями природы и постоянного трудового опыта.

Сочетание счета времени по частям тела человека с остатками других календарей. В верховьях р. Сурхоб в Джиргатальских кишлаках счет времени по частям тела человека имел тесную связь с другими существовавшими там системами счета времени. Характерной особенностью этого счета является то, что он основан одновременно на счете времени по частям тела человека, киргизском счете *туқсан* — девяностодневие и мусульманском солнечном календаре. Этот счет широко был распространен как среди киргизов, так и среди таджиков Джиргаталя. Хотя часть этого счета по своему происхождению киргизская, но названия периодов — таджикские.

С первого числа месяца джадъи наступал сорокадневный период большой чилли — *чиллаи калон*. После большой чилли наступал десятидневный период малой чилли — *чиллабача*, а затем 39—40-дневный период *ҳути Охуни Мулло Хошок*.[87] В кишлаках Кандов, Мук, Ходжа-Тавоф, Ляхш хут Охуна Мулло Хошока делили на периоды счета времени по частям тела человека. Они следующие: *паику нохун* (подошва и ногти ног) — 6 дней; *қоқӣ* (лодыжечная кость)—3 дня; *зону* (колено) — 5 дней; *кордавсун* (бедро)—10 дней; *харомез* (penis)—10 или 9 дней; *шикам* или *қурқури шикам* (живот или бурчание живота) — 5 дней. После их окончания наступала весна, и население праздновало Новый год — *Навруз*.

Три весенних месяца считались состоявшими из 40 дней весенней чилли — *чиллаи баҳор* и следовавших за ней 5 десятидневных периодов; все эти 90 дней вместе составляли *туқсан*. Первые десять дней из 5 десятидневных периодов, следующих за чиллей, называли «пятидесятидневие» — *панҷоҳа* или *панҷоҳӣ*. В эти 10 дней в кишлаках Ляхш, Оксой, Мук, Кандов, Джилонди — самый разгар пахоты и посева. Следующие 10 дней называли «шестидесятидневие» — *шаста*. В этот период в кишлаках Ляхшской группы высевали пшеницу, а в кишлаках Домбрачи, Шилбили, Кушагба, Джиргаталь — только ячмень.

а пшеницу не сеяли, считая что она полностью не созреет. Следующие 10 дней «семидесятидневие» — *ҳафтода;* в течение этих 10 дней высевали и сажали просо, лен-кудряш, кукурузу, тыкву, картофель, дыни, арбузы. В период «восьмидесятидневия» — *ҳаштода* сажали только огородные культуры; середину этого десятидневия называли *офтобниҳол.* После хаштода наступает период «девяностодневия» — *навада,* который киргизы называют *туқсан.* По окончании этого периода наступает лето. Киргизы говорят *туқсан тулди, баҳор тамом булди, яъне саратон келди* (девяностодневие прошло, закончилась весна, наступает саратон) и *қуёш тобистон уйнга ҷетти* (солнце вошло в летний дом).

Первые сорок дней летнего периода также выделяли в *чилла, чиллаи тобистон.* Сюда входит весь месяц саратон и 9 дней месяца асад. Летнюю чиллу считали самым разгаром сельскохозяйственных работ— *авҷи корҳои тобистон,* по-киргизски *айни тобистон ишғи.* В этот период почти все зерновые культуры созревают, а садовые поспевают, наступает жара. В 10—20 числах месяца асад в Ляхшской группе кишлаков как на богарных землях, так и на поливных созревает ячмень.

Начало месяца мизон считается концом лета и наступлением осени — *куз кирди, саратон*[88] *соп булди;* наступление мизона — это время равноденствия — *офтоб дар тарозу* или вхождения солнца в осенний дом — *офтоб дар хонаи тирамоҳ.* Осень состоит из трех месяцев— мизон, акраб, кавс.

Таким образом, календарь в Джиргатале имел некоторые характерные отличия от календаря таджиков Каратегина и Дарваза. Он составлен на основе счета времени по частям тела человека (в зимнем периоде), киргизского (в весеннем периоде) и мусульманского солнечного календаря (в летнем и осеннем периодах).

Приводим схему этого счета времени (табл. 4), оговариваясь, что даты современного календаря указаны нами приблизительно, так как все периоды местного счета дают год, состоящий всего из 361 дня.

Следы календарного счета на части тела человека в других системах счета времени. В кишлаках верхнего течения р. Сурхоб, т. е. во всех кишлаках Таджикабадской группы (Калаи-Лаби-Об) и в кишлаках Яхакпастской группы существовал другой счет времени, без деления на периоды, носящие названия частей тела человека.

После окончания мусульманского солнечного месяца кавс, т. е. со дня зимнего солнцестояния, наступал сорокадневный зимний период *чиллаи калон* — большая чилла. Зима здесь продолжительна и сурова, и после большой чилли отсчитывали еще 20 дней, называемых *чиллабача, чиллаи хурдак* (чилла-дитя, малая чилла). Малую чиллу как в Каратегине, так и в Дарвазе считают самым холодным периодом. В этот период часто дует сильный ветер, начинаются метели и вьюги. Поэтому повсеместно среди народа широко распространена следующая поговорка, имеющая много вариантов: «Малая чилла сказала: если бы за мной не следовала весна, то я иссушила бы жеребенка (осленка) в утробе его матери» — *чиллаи хурдак гуфтааст, ки агар аз пуштам баҳор набошад, курраи аспро (харро) дар шикамаш қоқ мекунам.*

После окончания малой чилли[89] наступает мусульманский солнечный месяц хут, состоящий из 30 дней.[90] Двадцать дней малой чилли и тридцать дней хута составляют «пятьдесят дней мужчины» — *панҷоҳи мард.* Особенностью месяца хут у таджиков Каратегина является то, что помимо официального срока его наступления и длительности существуют и другие, которые называются по имени людей, их уста-

Таблица

Название периодов	Число дней	Приблизительное начало и конец каждого периода соответственно месяцам современного календаря
Чиллаи калон	40	23 XII — 31 I
Чиллабача	10	1 II — 10 II
Панку нохун	6	11 II — 16 II
Кокй	3	17 II — 19 II
Зону	5	20 II — 24 II
Кордавсун	10	25 II — 6 III
Харомез	10	7 III — 16 III
Шикам или куркури шикам	5	17 III — 21 III
Чиллаи бахор	40	22 III — 30 IV
Панҷоха	10	1 IV — 10 V
Шаста	10	11 V — 20 V
Хафтода	10	21 V — 30 V
Хаштода	10	31 V — 9 VI
Навада	10	10 VI — 19 VI
Чиллаи тобистон	40	20 VI — 29 VII
Асад	22	30 VII — 20 VIII
Сунбула	31	21 VIII — 20 IX
Мизон	30	21 IX — 20 X
Акраб	30	21 X — 19 XI
Кавс	29	20 XI — 18 XII
	Всего 361 день	

новивших. Так, известен хут Охуна Мулло Хошока (Джиргаталь, Таджикабад, Гарм), хут Мулло Махмадкарима (к. Калаи-Лаби-Об) и хут Мулло Фирдавси (к. Куглик). В некоторых кишлаках (например, Лангари-Шо) считают, что хут Мулло Хошока наступает на 2—3 дня раньше обычного хута, т. е. народного хута—*ҳути фуқаро* и на 3—5 дней раньше, чем хут Мулло Фирдавси. Хут Мулло Махмадкарима был всего 20 дней и наступал позже начала других, за 10—12 дней до весеннего равноденствия. В к. Калаи-Лаби-Об во время хута Мулло Махмадкарима студенты медресе устраивали шествие с цветами — *гулгардонӣ,* ходили с песнями по домам, оповещая население о наступлении весны.

В верхнем и среднем Каратегине хут Охуна Мулло Хошока имел большее распространение, чем мусульманский солнечный месяц хут и хут Мулло Махмадкарима и Мулло Фирдавси. В начале хута Охуна Мулло Хошока в этих местах наступают сравнительно теплые дни; днем снег начинает таять, а ночью становится твердым, превращаясь в фирн, в начале же хута Мулло Фирдавси снег уже полностью превращается в фирн, по которому можно ходить, не проваливаясь. До революции в хуте Мулло Хошока крестьяне кишлаков левого берега среднего течения р. Сурхоб (кишлаки Кизило, Хазорчашма, Кули-Офтобру. Кули-Сояру, Яхакпаст и др.) приступали к посыпке землей на полях снега для ускорения его таяния. По окончании хута Хошока праздновали новый год — день весеннего равноденствия (Навруз).

О личности Мулло Махмадкарима и Мулло Фирдавси нет никаких сведений, можно предполагать, что оба они являлись местными знатоками календаря или же астрологами — *ҳисобгар, ҳисобдон.* Что касается Охуна Мулло Хошока, то о нем мы имеем некоторые сведения. Рассказывают, что он был родом из Вахиои-Боло и, переселив-

шись в Каратегин, по преданию, лет 300—350 назад, жил в к. Навди Гармского района; там до сих пор имеется участок его земли — *замини Охуни Мулло Хошок* и одно ивовое дерево — *беди Охуни Мулло Хошок*. Он был хорошим знатоком календарей и наблюдателем за явлениями природы. Существует поверье, что он якобы знал, что в день Навруза какие-то камни в течение определенного срока смягчаются, и если в это время воткнуть в них острие ножа и не вынуть во время, то камень затвердеет, и нож будет невозможно вынуть до следующего года.[91] Этим способом Мулло Хошок якобы определял точность каждого периода, в частности время наступления нового года и на основании этого вносил поправки в существующий календарь. Как упоминалось, месяц хут по его счету наступал на несколько дней раньше, чем считается официально, а в связи с этим и новый год наступал раньше, чем официальный новый год. Поэтому в указанных местах месяц хут называли — хут Охуна Мулло Хошока — хути Охуни Мулло Хошок, а новый год — Новый год Охуна Мулло Хошока — Наврузи Охўни Мулло Хошок.

В среднем и нижнем течении р. Сурхоб-Вахш, от к. Каланак до к. Элок (правый берег) и от к. Калаи-Сурх до кишлаков Бедихо и Таги-Камар (левый берег), а также в кишлаках левого берега нижнего течения р. Хингоу, от к. Пашор до к. Дехи-Баланд, и во всех кишлаках правобережья Хингоу, от к. Чильдара до к. Ёфуч существовал другой счет времени от начала зимы до весеннего нового года. Там после отсчета обеих чилла — *чиллаи калон* — большая чилла и *чиллаи хурбак* — малая чилла — наступал восемнадцатидневный период, называемый — *ҳаждаҳи бузкуш* (убивающий коз)[92] и двенадцатидневный период — *дувоздаҳи кавги рав*[93] (хода куропаток).

В некоторых кишлаках левого берега Сурхоба — Вахша (Юси-Боло, Яхак, Яхч, Бедихо) и правого берега Вахша (Оби-Гарм, Джавони) периоды бузкуш и кавги рав называют также *сари якмоҳаги* (начало одного месяца), что соответствует месяцу хут (начинающемуся 18—20 февраля). Во многих кишлаках население торжественно праздновало наступление этого месяца, называемого *ҳути эмоми* — имамский хут (левый и правый берега Вахша, кишлаки Оби-Гармской группы), *ҳути Охуни Мулло Наим* — хут Охуна Мулло Наима (левый берег нижнего течения р. Хингоу — кишлаки Нурундж, Дехи-Баланд, Бедак, Каракутан, Джавчи и др.),[94] *ҳути Охуни Мулло Хошок* (левый и правый берега верхнего и среднего течения р. Сурхоб).

Приводим ориентировочную таблицу этого календаря (табл. 5).

Таблица 5

Название периодов	Число дней	Ориентировочное начало и конец каждого периода соответственно месяцам современного календаря
Чиллаи калон	40	23 XII — 31 I
Чиллаи хурдак	20	1 II — 20 II
Бузкуш	18	21 II — 10 III
Кавги рав	12	1 III — 22 III

В кишлаках левого берега среднего течения р. Хингоу, начиная от кишлаков Пагула и Загара до к. Хамдара, сохранились остатки еще какого-то древнего календаря, относящегося тоже к зимнему периоду.[95] Счет этот следующий: сорок дней периода большой чилли — *чиллаи*

калон, двадцать дней — малой чилли — *чиллаи хурдак*, четырнадцать дней периода *чорбахш*, восемнадцать дней периода *ҳаждаҳо*. После периода хаждахо наступали весеннее равноденствие и Новый год — *Навруз* (см. табл. 6).

Таблица 6

Название периодов	Число дней	Начало и конец каждого периода соответственно месяцам современного международного календаря
Чиллаи калон	40	23 XII — 31 I
Чиллаи хурдак	20	1 II — 20 II
Чорбахш	14	21 II — 6 III
Хаждахо	18	7 III — 24 III

В летнем и осеннем сезонах в Каратегине, бассейне р. Хингоу и большинстве кишлаков Дарваза, где счет времени на части тела человека и другие календари сохранились неполно, отмечался только период большой чилли, а затем вместо утраченного старого календаря счет велся по мусульманским солнечным месяцам.

Нам кажется, что сохранившийся почти во всех районах Таджикистана и многих других областях Средней Азии известный сорокадневный и двадцатидневный период зимних морозов *чилла, чиллаи зимистон*, а также период летней чилли имел связь со счетом времени на части тела человека.

Фрагменты разных других систем счета времени. В Каратегине и Дарвазе лето и осень имели деление на периоды, соответствующие названиям птиц и небесных светил. Однако этот счет уже почти забыт, о нем сохранились лишь отрывочные воспоминания. Приводим сведения, которые нам удалось собрать.

С 17 до 21 числа месяца сунбула (примерно 10—15 сентября) отмечался период *қирғияк* (кобчик). Население Каратегина и Дарваза считает, что если в периоде киргияк идут дожди, то начнутся ранние заморозки и это нанесет большой вред поздним посевам и огородам. Относительно этого периода в Каратегине и Дарвазе существует народная поговорка, в которой очень ясно сказано о количестве дней этого периода:

Сунбула моҳест дар вай кирғияк,
Аз хабдаҳум то хаждахум то бисту як.

Сунбула это месяц — в нем киргияк
С семнадцатого до восемнадцатого
до двадцать первого.[96]

Таким образом, период «киргияк» длится всего пять дней; только в кишлаке Каланак Гармского района нам сообщили, что этот период продолжается 10—15 дней.

Кроме «киргияка» известен также семидневный период *ғазак*, который население кишлаков северных склонов Дарвазского хребта считает «бесплодным газаком» — *ғазаки бебаҳра*. В течение этих семи дней часто идут дожди, а в иные годы в высокогорных кишлаках выпадает снег, начинаются заморозки, а иногда замерзают ручьи. Этот период соответствует приблизительно 10—16 октября. В Каратегине об этом периоде не знают, тогда как в Дарвазе и в бассейне р. Хингоу его до сих пор помнят.

Затем идет семидневный холодный период *амуд* (по названию звезды); в некоторых кишлаках Каратегина (например, в к. Муджихарф) его называют *қаҷамуд*—«кривой амуд». Там он продолжается десять дней. В Дарвазе и бассейне р. Хингоу существует поверье, что если в этот период начинается дождь, то он приносит большой вред сжатому, но еще невывезенному с полей или находящемуся на току хлебу.

В бассейне р. Хингоу после амуда наступает двухдневный холодный период *дукак* (по названию звезды Дукак — «веретено»), после которого теплые дни становятся уже редкими, а в высокогорных кишлаках иногда в этот период выпадает снег.

За дукаком в бассейне р. Хингоу и в верховьях Сурхоба наступает период *парвин ва тарозу* (Плеяды и Орион). Этот период продолжается три дня, по-видимому, с 26 по 28 октября, и в это время часто бывает сильное похолодание. В кишлаках Муджихарфской группы период «тарозу» наступает за 10 дней до начала осени. Там этот период длится 5—10 дней и считается холодным. В к. Умарак считают, что период *тарозу* наступает в начале лета, а *парвин* — в середине. Тут, по-видимому, информаторы допустили ошибку, что в это время похолодания не может быть, а эти периоды считаются именно суровыми — *нишонҳои сахт,* как говорят местные жители.

В среднем и нижнем течениях р. Хингоу выделяется еще период, называемый *нишони ситораи коппа*—период Сириуса, который продолжается с 28 октября до 3 ноября. В кишлаках Сагырдаштской группы этот период называется *ситораи хунук*. В это время в бассейне р. Хингоу выпадает первый снег. В кишлаках Сагырдаштской группы до революции в этот период зерновые культуры часто оставались под снегом необмолоченными и их обмолачивали зимой, когда на токах промерзала земля. М. Забирзода считает, что период *ситораи хунук* продолжается с 23 по 29 августа,[97] а в Умараке, по нашим записям, с 27—28 августа.

Остатки древнего фенологического календаря. Старые названия таджикских месяцев по фенологическим явлениям природы с течением времени и под влиянием других календарей подвергались большому изменению или вовсе исчезали. Когда-то фенологический календарь, вероятно, существовал полностью, теперь же мы имеем дело лишь с его фрагментами.[98]

Этот календарь у таджиков Каратегина и Дарваза настолько забыт, что даже глубокие старики вспоминают лишь отдельные его названия. Более полно, но также в несколько перепутанном виде, сохранился этот календарь у таджиков долины Хуф и в Язгулеме.[99]

Собранные нами сведения и опубликованные до этого материалы помогают установить ареалы этого фенологического календаря у таджиков. В древности он, вероятно, имел большое распространение по всему Памиру, Каратегину, Дарвазу и Гиссарской долине. Мы зафиксировали этот календарь в Дарвазе, Каратегине и Варзобе. В Варзобе (к. Калаи-Варзоб) в 1955 г. нам удалось зафиксировать только один из месяцев этого календаря — *хомпаз,* начало которого информатор—столетняя женщина Курбонджо Курбанова определяла 14 июня.

В кишлаках Каратегина и Дарваза нами собраны сведения о следующих месяцах.

1. *Хингмоҳ,* или *хингак* (серый, некрасивый месяц), приблизительно соответствует второй половине марта и первой половине апреля. Временем наступления его считают период, когда земля местами

освобождается от снега (Дарваз, бассейн р. Хингоу),[100] и принимает некрасивый серый вид. В кишлаках Каратегина этот месяц называют *гандамоҳ* (плохой, некрасивый месяц), иногда и *хингак* (кишлаки Куглик, Калаи-Лаби-Об и др.). В начале этого месяца в бассейне р. Хингоу приступали к пахоте и посеву зерновых культур.

В Каратегине, в Калаи-Лаби-Обе нам сообщили, что иногда если в начале выпадало мало осадков, то приступали к пахоте и посеву в начале хингака, а если начало года было дождливым, — с 15 числа этого месяца. Там тоже считают хингак начальным месяцем весны, который наступает после периода «хода куропаток» и соответствует солнечному месяцу хамал. Существует представление, что если пахать и сеять начнут в начале хингака, то такой посев приравнивается к озимому — *чуфти тирамоҳӣ*, потому что в это время выпадает много дождя и снега и, кроме того, в почве накапливается много влаги от зимних осадков. Такие посевы хорошо растут и дают обильные урожаи.

В к. Элок и Джавони месяц хингак называют *гандамоҳ* (плохой месяц) и приступают к пахоте и посеву в 15—20-х числах. Эти кишлаки расположены на известной своим суровым климатом террасе Даштн-Бедона, где весна по сравнению с кишлаками побережья Сурхоба, низовьями Хингоу и Дарваза наступает позже. То же наблюдается и в высокорасположенных кишлаках Дарваза — Угр, Амшон, Гишон. Работ (долина Хумбоу). Там, по сообщениям стариков, 15 дней месяца хингмох принадлежат зиме, а 15 дней — весне.

2. *Сабзмоҳ* (зеленый месяц). В бассейне р. Хингоу сабзмох соответствует приблизительно второй половине апреля и первой половине мая. Основным признаком его является то, что растительность, включая и посевы, покрывает землю свежей зеленью. В это время пахота и посев наполовину заканчивается (побережье р. Сурхоб, низовья р. Хингоу и правое побережье р. Пяндж). В кишлаке Калаи-Лаби-Об говорят, что пахать и сеять в месяце *сабзмоҳ* очень хорошо— *чуфти сабзмоҳӣ бисьёр хуб аст,* так как это время является периодом обильных дождей, и земля хорошо впитывает влагу; зерновые культуры, высеянные в этом месяце, хорошо растут и дают большой урожай. В кишлаках Джавони и Элок период сабзмох считали самым хорошим и красивым временем года и временем разгара пахоты и посева зерновых культур. До 20-го числа этого месяца здесь больше всего высевали ячмень и лен-кудряш, а затем начинали сеять пшеницу.

3. *Бӯрмоҳ* (бурый месяц) в бассейне р. Хингоу соответствует приблизительно второй половине мая и первой половине июня. В это время некоторые растения и зерновые культуры, созревая, темнеют. В этом месяце почти везде еще продолжали пахать и сеять зерновые и огородные культуры. Например, в Калаи-Лаби-Обе говорили, что в первой половине бурмох высевали ячмень и пшеницу, а во второй половине—просо, горох, бобы, огородные и бахчевые культуры. Пшеницу и ячмень уже не сеяли, так как они не успели бы созреть.

В к. Куглик существует представление, что первые 15 дней бурмох—это еще весна и можно высевать все зерновые и сажать огородные культуры, а последние 15 дней относятся уже к лету, и в эти дни пахать и сеять нельзя, так как зерновые культуры могут не созреть. В кишлаках Джавони и Элок, где, как отмечалось, климат более суров, нам говорили, что в бурмох еще пашут: по 20-е число высевают зерновые, а после этого — огородные культуры. Точно так же говорят и в кишлаках по северным склонам Дарвазского хребта и в верховьях Сурхоба (Калаи-Лаби-Обская группа кишлаков).

4. *Хомпаз* — пора созревания фруктов, злаков и пр.[101] В кишлаках Дарваза и в Каратегине этот месяц соответствует мусульманскому солнечному месяцу саратону, т. е. второй половине июня и первой половине июля, когда все поспевает. В кишлаках Яхак и Юс считают, что хомпаз — это первый месяц лета. В Дарвазских кишлаках Ушхарв и Курговад, и также у таджиков Джиргаталя считается, что хомпаз является вторым месяцем лета, т. е. соответствует месяцу асад. В кишлаках на северных склонах Дарвазского хребта месяц хомпаз соответствует августу.[102] Основным признаком этого месяца является то, что фрукты, овощи и зерновые культуры начинают поспевать.

5. *Сангтасп* (накаляющий камень) соответствует второй половине июля и первой половине августа, т. е. месяцу асад. Однако о сроках и этого месяца имеются разные мнения. В кишлаках Чормагзак, Яхак, Юс, Яхч считают, что он относится к среднему месяцу лета, т. е. асаду, а в кишлаках Самсолик, Пумбачи — к первому месяцу лета, т. е. к началу летней чилли. Характерной особенностью и отличительным признаком этого месяца является то, что в продолжение его погода становится жаркой, под лучами жгучего солнца камни накаляются и постепенно начинают таять ледники.

6. *Обхез* (подъем реки, воды). Этот месяц соответствует второй половине августа и первой половине сентября. В Каратегине и Дарвазе в августе действительно бывает сильная жара, и реки начинают пополняться за счет тающих ледников. Особенно жаркой бывает первая половина этого месяца.

7. *Моҳи баргрезӣ, хазонрезӣ* (листопад). Этот месяц, как показывает его название, является одним из осенних месяцев; по-видимому, он соответствует ноябрю, потому что в Каратегине и Дарвазе именно в этом месяце начинают опадать листья деревьев, травы высыхают и наступает похолодание.[103]

Остальных месяцев никто не помнит.

Приводим схему фенологических месяцев с ориентировочным определением их соответствия месяцам солнечного календаря (табл. 7).

Таблица 7

Время года	Фенологический месяц	Мусульманский солнечный месяц
Весна	Хингмох	Ҳамал
	Сабзмох	Савр
	Бурмох	Ҷавзо
Лето	Хомпаз	Саратон
	Сангтасп	Асад
	Обхез	Сумбула
Осень—зима	Баргрез, Хазонрез	Кавс

Определение времени года и месяцев каждого сезона по движению солнца. В Каратегине и Дарвазе, как и в других горных районах современного Таджикистана[104] и некоторых соседних странах[105], широкое распространение имело определение времени года и месяцев каждого сезона, а также времени наступления того или другого сельскохозяйственного процесса по месту восхода и заката солнца. Годовое движение солнца определяли по специальным знакам, нанесенным в определенных местах внутри жилых домов, в мечетях, во дворах мечетей. Эти знаки были на стенах, на полу, везде, куда в определенное время года падали лучи солнца через боковые и верхние проемы-окошки.[106]

В основном же движение солнца отмечалось по приметным местам на горах, окружающих селения; по ним определяли времена года и месяцы каждого сезона. Приметными местами для наблюдения являлись острые выступы и седловины гор, бугорки, деревья, отдельные камни и пр., за которыми садится или восходит солнце. Эти при-

метные места назывались *навруза̄х,* (место навруза, т. е. места нахождения солнца в день весеннего равноденствия) или же *нишона̧о, нишона̧огах* (приметное место). Общественным местом наблюдения за движением солнца над горами была мечеть или двор мечети. В мечетях наблюдение над солнцем проводили через стенные окошечки, а со двора мечети — из-за больших камней, служащих специально для этой цели.[107]

Дневное время также определялось по движению солнца. Для этого в домах на стенах и на полу отмечались определенные приметные места, на которые через указанные выше отверстия падали первые лучи солнца в разное время дня.[108] Кроме того, дневное время определяли по тени скал, больших камней, деревьев, дома, а также посоха и по тени самого человека.

Таким образом, народный календарь и счет времени, являвшиеся в прошлом основными элементами народных знаний, были весьма необходимы в повседневной хозяйственной деятельности таджиков Каратегина и Дарваза.

***

Из всего сказанного видно, какие большие перемены произошли в сельском хозяйстве Каратегина и Дарваза за десятилетия после установления Советской власти ко времени нашего обследования.

В области полеводства введены были новые культуры — картофель, помидоры, огурцы, капуста; в области животноводства—новые породы крупного и мелкого рогатого скота. Особое значение имело развитие тонкорунного и полутонкорунного овцеводства. Большое развитие получило шелководство. Появились новые отрасли сельского хозяйства, например пчеловодство.

Уже после окончания сбора Гармской этнографической экспедицией полевых материалов произошла передача техники колхозам, что значительно способствовало развитию сельского хозяйства таких горных районов как Каратегин и Дарваз, все более широкому применению в колхозах и совхозах разнообразных машин, хотя в местных условиях использование их имело своеобразные черты. Например, комбайны часто использовались не на полях, а на токах-хирманах, для обработки сжатого и доставленного туда хлеба.

О масштабах происшедших перемен можно судить по таким мощным хозяйствам, как высокогорный колхоз «Сагырдашт», расположенный на высоте 2800 м, где применяются тракторы, комбайны (на хирманах), косилки (с лошадиной упряжкой), жнейки и пр. Здесь механизированы многие работы не только в полеводстве, но и в животноводстве (стрижка, доение, сбивание масла и пр.).

Не меньших успехов достиг племсовхоз «Гарм», обеспечивающий породистыми производителями и молодняком крупного рогатого скота многие районы республики. В этом совхозе в 1962 г. было 14 пахотных тракторов ДТ-54, 10 пропашных, 6 силосоуборочных и 4 зерноуборочных комбайна, 3 бульдозера, 5 жаток и пр. Наличие всех этих машин дало возможность механизировать около 90% работ в области полеводства и 80% — в области животноводства.[109]

Новые методы и орудия работ вытесняют старые орудия и приемы и влияют на изменение мировоззрения колхозников. Такие древние обряды, как окуривание скота при перегоне его на летовки и обратно в селение, привешивание животным амулетов для охраны их от сглаза и др. теперь лишь иногда применяются в индивидуальном хозяйстве, в колхозном же хозяйстве они почти полностью исчезли.

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Домашние промыслы и ремесла таджиков Каратегина и Дарваза до сих пор не получили сколько-нибудь полного и систематизированного описания в научной этнографической литературе советского периода. Те отрывочные и очень краткие сведения по этому вопросу, которые мы встречаем в довольно многочисленных работах по истории, этнографии, экономике и географии Таджикистана, не касаются деятельности ремесленников и кустарей юго-восточных районов Таджикистана и часто представляют собой лишь перечисление названий ремесел и промыслов населения той или другой местности Каратегина или Дарваза.[1]

Наряду с этим, мы имеем также несколько работ, специально посвященных изучению того или иного ремесла или промысла таджиков.[2] К сожалению, они очень немногочисленны и иногда не связаны с исследуемой нами территорией.

Что касается дореволюционной научной литературы по исследуемому вопросу, то следует сказать, что работ, посвященных достаточно полному изучению ремесел и промыслов, бытовавших не только на территории Каратегина и Дарваза, но и вообще на территории современного Таджикистана, мы не имеем. В большинстве работ, написанных по Средней Азии до революции, мы встречаем только разрозненные, часто случайно полученные сведения о ремеслах,[3] причем они не всегда заслуживают доверия, так как иногда собирались лицами, не владевшими местными языками и в течение своих кратковременных поездок работавшими с переводчиками, что всегда чрезвычайно осложняет исследования. Среди них нужно отметить все же несколько работ, которые хотя и не дают детального и глубокого исследования и научного описания ремесел и промыслов таджиков юго-восточных районов Таджикистана, однако содержат довольно подробный материал, дают общее представление о развитии этой стороны хозяйственной деятельности местного населения.[4]

Таким образом, констатируя существующее положение с изучением ремесел и промыслов таджиков юго-восточных районов Таджикистана, мы поставили перед собою задачу дать по мере возможности полное описание этой области хозяйственной деятельности таджиков Каратегина и Дарваза на основе материалов ГЭЭ.[5]

В настоящее время совершенно незначительная часть ремесленников Каратегина и Дарваза организована в артели по линии Таджикпромкооперации. Это, главным образом, парикмахеры, сапожники и, иногда, кузнецы, работающие в районных центрах и обслуживающие как население этих пунктов, так и частично население близлежащих кишлаков, а также изготавливающие свою продукцию для сбыта че-

рез районные торгующие организации. За свою работу эти ремесленники получают зарплату на основе сдельщины.

Часто это люди пришлые, например, в Гарме жестянщик — армянин, сапожники — самаркандский таджик и среднеазиатский еврей, парикмахер — среднеазиатский еврей, в Таджикабаде сапожник — узбек из Узбекистана.

Из ткачей в системе кооперации во время обследования работал в Гарме всего лишь один человек, занимавшийся в год посещения нами Гарма тканьем разноцветных дорожек, причем, выделывал он их из привозных ниток, которые сам красил, сновал и сам же ткал.

Вторая группа ремесленников состоит из большого числа кузнецов и плотников, которые занимаются своим ремеслом, состоя членами колхозов и получая за свою работу трудодни.

Третья (самая многочисленная) группа ремесленников остается неорганизованной и работает от случая к случаю у себя дома, изготовляя предметы из сырья, получаемого в своем же хозяйстве, или выполняя заказы из давальческого материала, а также приготовляя изделия из своего материала для последующей реализации их самим мастером. Иногда некоторые ремесленники этой группы занимаются своим ремеслом на дому у заказчика и изготавливают предметы своего ремесла из материала заказчика. Плату за свою работу они получают с заказчика деньгами, а чаще продуктами питания или частью изготовленной ими продукции, которую они сами продают уже непосредственно потребителю. К этой группе принадлежат деревообделочники, ткачи, ювелиры, гончары, кожевники, сапожники и др. Нужно сказать, что они занимаются своим ремеслом не систематически.

Хотя мы и назвали эту последнюю группу ремесленников самой многочисленной, однако это нужно понимать скорее в отношении к прошлому, дореволюционному периоду, так как сейчас многие промыслы в силу ряда причин просто не существуют. Так, например, совершенно почти исчезли когда-то довольно многочисленные кожевники, ювелиры, медники. Сильно сократилось число сапожников, чему способствовал завоз обуви фабричного изготовления. Вследствие отсутствия сырья почти прекратилось изготовление сукон, из которых шились верхние халаты (*чакман*). Тканье хлопчатобумажных материй пока еще продолжает существовать в Дарвазе, но уже прекратилось во всем Каратегине. Более живучими оказались гончарный и деревообделочный промыслы, до сих пор существующие в некоторых районах. Валяние кошм как промысел в Каратегине и Дарвазе не бытовало вообще. Однако это отнюдь не значит, что таджики этих районов не умели делать войлоки — необходимую принадлежность каждого жилья, мечети, чайханы и других мест обитания человека. От случая к случаю они с успехом делали это и сами, научившись валянию кошм либо у киргизов соседних районов, либо у захожих матчинцев, занимавшихся этим как отхожим промыслом.

Таким образом, во время нашего обследования наиболее сохранившимися оказались кузнечное дело, а также ткацкий, гончарный и деревообделочный промыслы, описание которых мы и предлагаем вниманию читателей.

В данной главе мы сначала даем характеристику современного состояния и значения того или иного ремесла или промысла, а потом делаем экскурс в прошлое, если это позволяет собранный нами материал. Затем мы даем описание материальной части промысла: рабочего места, орудий производства и изготовляемых предметов. В конце раздела мы касаемся таких вопросов, как сбыт продукции и оплата труда ре-

месленников, и приводим сведения об ученичестве и цеховых отношениях у них, а также о пережитках старых верований, связанных с описываемым промыслом, которые нам удалось зафиксировать. Такова примерно структура каждого раздела главы о ремеслах и домашних промыслах, которой мы придерживаемся.

КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО

Одним из наиболее распространенных ремесел, сохранивших до настоящего времени более или менее постоянный характер, несомненно является кузнечное дело. Устойчивости этого ремесла содействовали как его значимость в жизни населения, так и то обстоятельство, что в силу географических условий сельское хозяйство описываемых районов повсюду до сих пор ведется в значительной степени при помощи примитивных орудий местного изготовления, в том числе и металлических или имеющих металлические части (серп, мотыга, наконечник сохи и др.). Современный сельскохозяйственный инвентарь применяется лишь на более или менее ровных площадках земли в долинах — *тахдашт*, тогда как на склонах гор — *бармол*, очень часто весьма крутых, и на альпийских и субальпийских участках — *пушта, пуштазамин* — этот инвентарь уступает место старым сельскохозяйственным орудиям. Вот почему местное население пока еще испытывает потребность в мастерах, которые отливали бы наконечники для сохи, выковывали серпы и мотыги и другие орудия труда местного образца, пользоваться которыми оно привыкло. Поэтому кузнечный промысел продолжает жить до сих пор и имеет обширный круг своих клиентов. Большинство мастеров-кузнецов, как мы уже говорили, работает в колхозах. Исключение составляют лишь кузнецы, работающие в мастерских райпромсоветов и получающие зарплату сдельно за выделанные ими предметы или выполненные ими те или иные кузнечные работы для заказчиков. Таков, например, кузнец Толиб Джалилов в поселке Гарм. Работает он в кузнице Гармского райпромсовета, где установлены кузнечные меха и наковальня обычного типа. Весь кузнечный интрумент у него фабричного производства. Из местных инструментов он употребляет лишь точило — *чарх* и отбойный молоток — *хоиск*. Точило и меха приводит в действие обычно заказчик, так как кузнец подручных помощников не имеет. Нередко кузнец выполняет заказы из материала заказчика.

Колхозы обычно предоставляют кузнецам только помещение — мастерскую — *корхона, устохона*, инвентарь же принадлежит самому мастеру. Иногда наравне с рабочим помещением, находящимся обычно неподалеку от других общественных построек колхоза, мастер имеет и другое рабочее помещение у себя дома, где он работает в свободное от колхозной работы время, выполняя заказы как членов колхоза, так и посторонних людей. Иногда кузнец работает только в своем, принадлежащем ему лично помещении. Так, например, кузнец в Калаи-Хумбе, числясь членом колхоза, работает в кузнице, которая была построена еще его дедом. В таких случаях колхоз обеспечивает ремонт кузницы, когда это требуется.

Как правило, при колхозной кузнице жилого помещения, в котором жил бы сам кузнец, не имеется, так как он в большинстве случаев является жителем этого же кишлака. Однако, если кузнец человек пришлый, то при кузнице колхоз отстраивает ему помещение для жилья, обычно одну комнату, называемую *ҳуҷра*. Так в годы нашего обследования обстояло дело, например, в колхозе им. Шестопалова в к. Джафр, Гармского района. Там работают два кузнеца, оба пригла-

шенные на постоянную работу из других кишлаков. Для них выстроено помещение в колхозном саду, представляющее собою одну большую комнату, рядом с которой пристроен большой навес. Комната предназначена для жилья кузнецов, а под навесом устроены два кузнечных горна—*кура,* где мастера и работают.

Оборудование колхозных кузниц до сих пор остается довольно примитивным, хотя современный кузнечный инвентарь почти повсеместно заменил старый кузнечный инструмент. Тем не менее старый инструмент еще существует и употребляется при работе в более глухих кишлаках, стоящих в стороне от проезжих дорог. Он ценится и как инструмент, и как наследие, оставшееся мастеру от его предков, так как до сих пор большинство мастеров являются наследственными кузнецами, перенявшими ремесло от своего отца.

Оборудование кузнечной мастерской состоит из кузнечного горна—*кураи оҳангарӣ* с мехами — *дами оҳангарӣ, саночи дам,* перед которым установлена наковальня — *сандон,* укрепленная на вкопанном в землю большом деревянном чурбаке — *кунда* (рис. 37). Горн представляет собою небольшое возвышение из битой глины, с ямкой, в которую лопаточкой — *белча* (рис. 38, *5*) насыпается уголь и помещается нагреваемая вещь. К этой ямке с одной стороны подведено сопло мехов—*булул.* От мехов горн отделяется либо сложенной из камней или кирпичей стенкой—*печаи булул,* либо поставленной на ребро каменной плитой—*санги кура* с отверстием для вставления сопла. Так как местные меха раздуваются поддувальщиком руками, причем сам работающий на мехах должен делать это в сидячем положении, то за этой стенкой или каменной плитой устраивается небольшая площадка для сидения. Для кузнеца и его подмастерья по обе стороны чурбака с наковальней делаются в земле углубления — *чиғора,* в которых они и стоят во время работы (рис. 37, *2*), причем углубления эти устраиваются с таким расчетом, что горн от кузнеца, стоящего лицом к наковальне, приходится с левой стороны, а подмастерье или молотобоец стоит лицом к наковальне, и горн находится от него направо. Направо от мастера стоит колода с водой — *нова.* Теперь это обычно сделанный из жести корытообразный сосуд или иногда просто деревянная или железная кадушка. Раньше эту колоду выдалбливали из цельного обрубка дерева, а в Калаи-Хумбе нам в одной кузнице встретилась такая колода прямоугольной формы, вытесанная из одного куска гранита и называемая—*санги обдон.* На краю углубления, в котором стоит мастер, обычно положена либо доска, либо баранья или козлиная шкура, шерстью вверх, на которых мастер сидит в короткие перерывы между отдельными процессами работы или тогда, когда он может делать ту или иную работу сидя.

Кузнечные меха устраиваются из двух бараньих или, чаще, козьих шкур, снятых с животных чулком, т. е. без разреза вдоль живота, причем шерсть на шкурах оставляется и предохраняет кожу мехов от искр и раскаленной окалины, попадающей на них. Называются они *саночи дам* (рис. 38, *1*). В горловину каждой шкуры вставляется деревянное сопло — *булул* или *дамнайзаи саноч* (рис. 38, *2* и *3*), к которому края горловины плотно привязываются, а теперь чаще просто прибиваются маленькими гвоздями и обтягиваются проволокой. В сопло вставляется жестяная трубка (рис. 38, *3*), которая, в свою очередь, пропускается к горну через отверстие в *печа* — стенке из камня или в поставленной на ребро каменной плите, которые отделяют меха от горна. Сопло с трубкой вместе называется *найзабулул,* или *тутабулул.* Противоположный горловине конец меха (при снятии шкуры разрезанный поперек), через

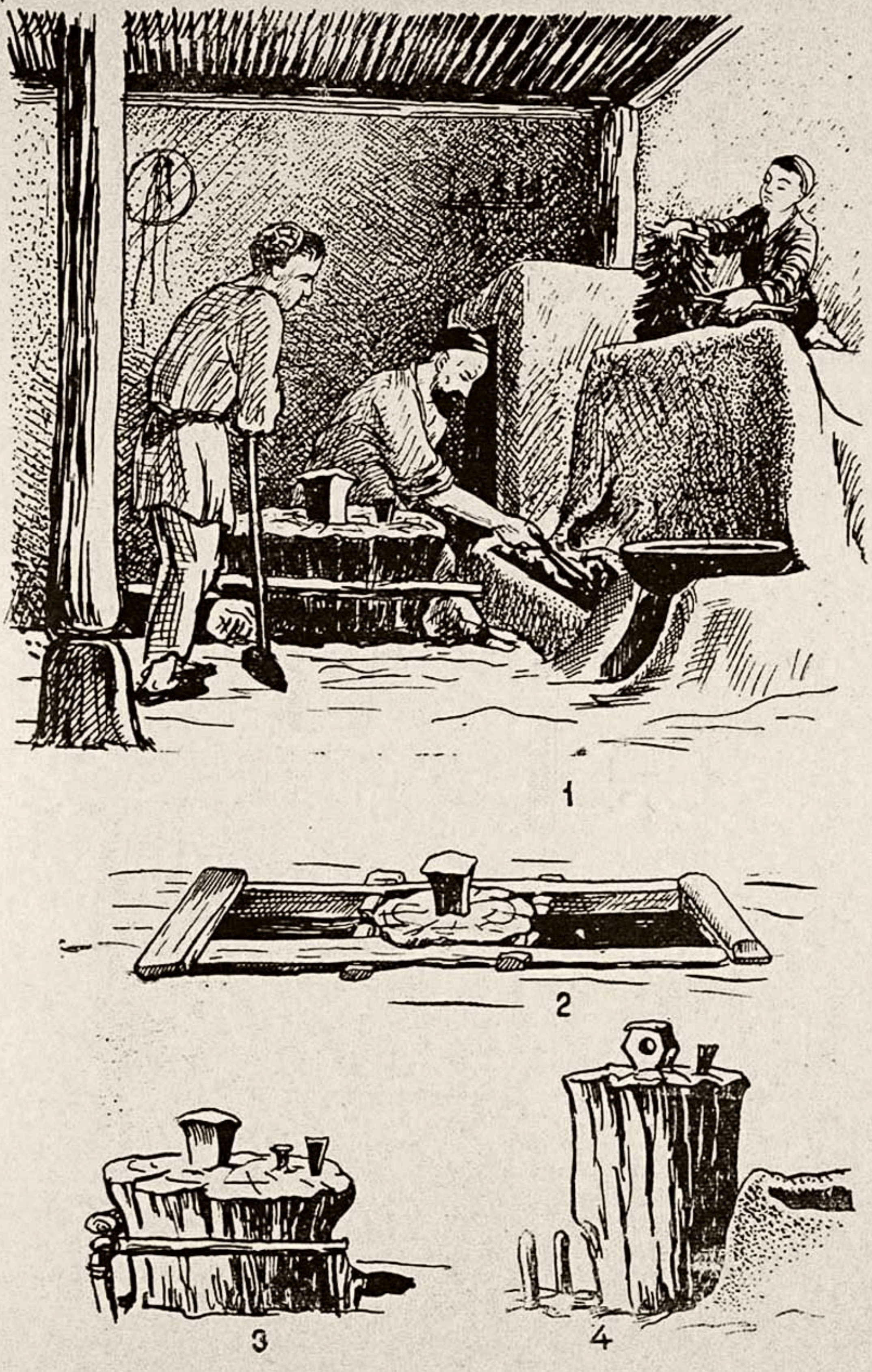

Рис. 37. Общий вид кузницы и наковален: *1*—кузница в к. Навди; *2*—наковальня с углублениями с двух сторон—*чиғораи сарикор*, в которых во время работы стоят кузнец и молотобоец; *3*—*сандон*—наковальня, Каратегин, к. Навди; *4*—наковальня, к. Сари-Пулак, Каратегин.

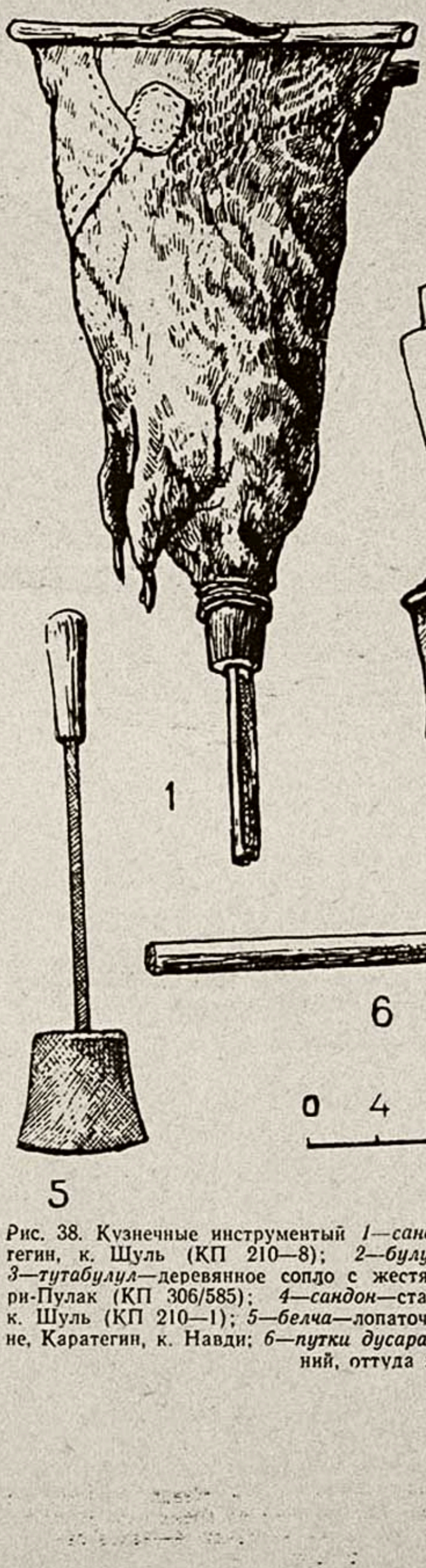

Рис. 38. Кузнечные инструментый *1—саночи дам*—кузнечный мех. Каратегин, к. Шуль (КП 210—8); *2—булул*—двойное деревянное сопло; *3—тутабулул*—деревянное сопло с жестяной трубкой, Каратегин, к. Сари-Пулак (КП 306/585); *4—сандон*—старинная наковальня, Каратегин, к. Шуль (КП 210—1); *5—белча*—лопаточка для подгребания угля в горне, Каратегин, к. Навди; *6—путки дусара*—молот кузнечный двусторонний, оттуда же.

который поступает в меха воздух, прикрепляется к двум планкам, имеющим посередине по одной петле из тесемки или ремешка и называемым *сарпанча* (рис. 38, *1*). При работе на мехах работник продевает большой палец в петлю одной планки, а вторую захватывает четырьмя остальными пальцами и при оттягивании меха вверх распрямляет пальцы и тем самым раздвигает планки меха, который при этом наполняется воздухом, а потом сжимает руку в кулак и при этом сдвигает планки, закрывая таким образом мех, и, опуская руку, придавливает его и заставляет воздух выходить через сопло в горн. Действуя попеременно обеими руками (что требует особого навыка), работающий на мехах при поднятии одной руки опускает другую и таким образом создает непрекращающийся ток воздуха. После работы сопла вынимают из подувала и меха подвешивают тут же к потолочной балке, во избежание повреждения их мышами.

Наковальня обычно употребляется местного, общего для всех районов Каратегина и Дарваза типа и представляет собою квадратный в поперечном сечении и немного расширяющийся к верхнему концу железный чурбачок (рис. 38, *4*). Поверхность верхнего конца, на которой и производится работа, немного выпуклая. Поверхность нижнего конца, на который наковальня ставится на деревянный чурбан, ровная.[6] Размер изображенной выше наковальни, изготовленной ее владельцем еще до революции, составляет 13 см в высоту, поверхность нижнего конца составляет 7 см×7 см, а выпуклая верхняя поверхность—10 см×11 см. Величина наковальни зависела как от наличия металла, так и от умения мастера, так как наковальня изготовлялась путем сварки нескольких кусков железа; эта работа считалась самой сложной в кузнечном ремесле и выполнялась обычно сообща несколькими собравшимися вместе наиболее опытными кузнецами.

Теперь у некоторых кузнецов имеются наковальни обычного для русских кузниц типа, с ровной прямоугольной верхней поверхностью, один конец которой вытянут в форме острия (*сандони вабинияк* — наковальня с носиком). Раньше, когда не было путей сообщения, привезти такую вещь из русских владений было нелегким делом. Кузнец Усто Мунаввар, из к. Шуль, Гармского района, рассказывал, как он вез себе такую наковальню из Ташкента. Сперва он ехал до ст. Хавос (теперь Урсатьевская) по железной дороге, от ст. Хавос до Ура-Тюбе ехал на арбе, а из Ура-Тюбе вез эту наковальню на осле, причем пришлось по пути преодолеть два высоких перевала (в Зеравшанском и Туркестанском хребтах).

На той же плахе, на которой укреплена наковальня, укрепляется еще одно приспособление—форма для гвоздей—*мехқолаб*, служащая для ковки гвоздей для подков, вернее для ковки шляпок этих гвоздей. Гвозди для подков в горных районах Таджикистана делаются с большой горбатой шляпкой. Такие гвозди предохраняют подковы от быстрого снашивания на каменистых дорогах. Форма для выделки этих гвоздей представляет собою железный, длиною около четверти метра, прямоугольный в сечении брусок, утолщающийся к одному концу. На этом утолщенном конце пробито сквозное отверстие в форме неправильного, чуть сужающегося книзу квадрата. Брусок укрепляется на плахе за тонкий конец (рис. 39, *1*). Мастер сперва выковывает из куска железа на наковальне острие и тулово гвоздя, а потом пропускает их через отверстие в форме, и из оставшегося снаружи утолщенного необработанного конца этого куска железа выковывает шляпку. Тут же укрепляется на плахе острием кверху зубило, на котором отрубают куски железа (рис. 37, *3* и *4* справа).

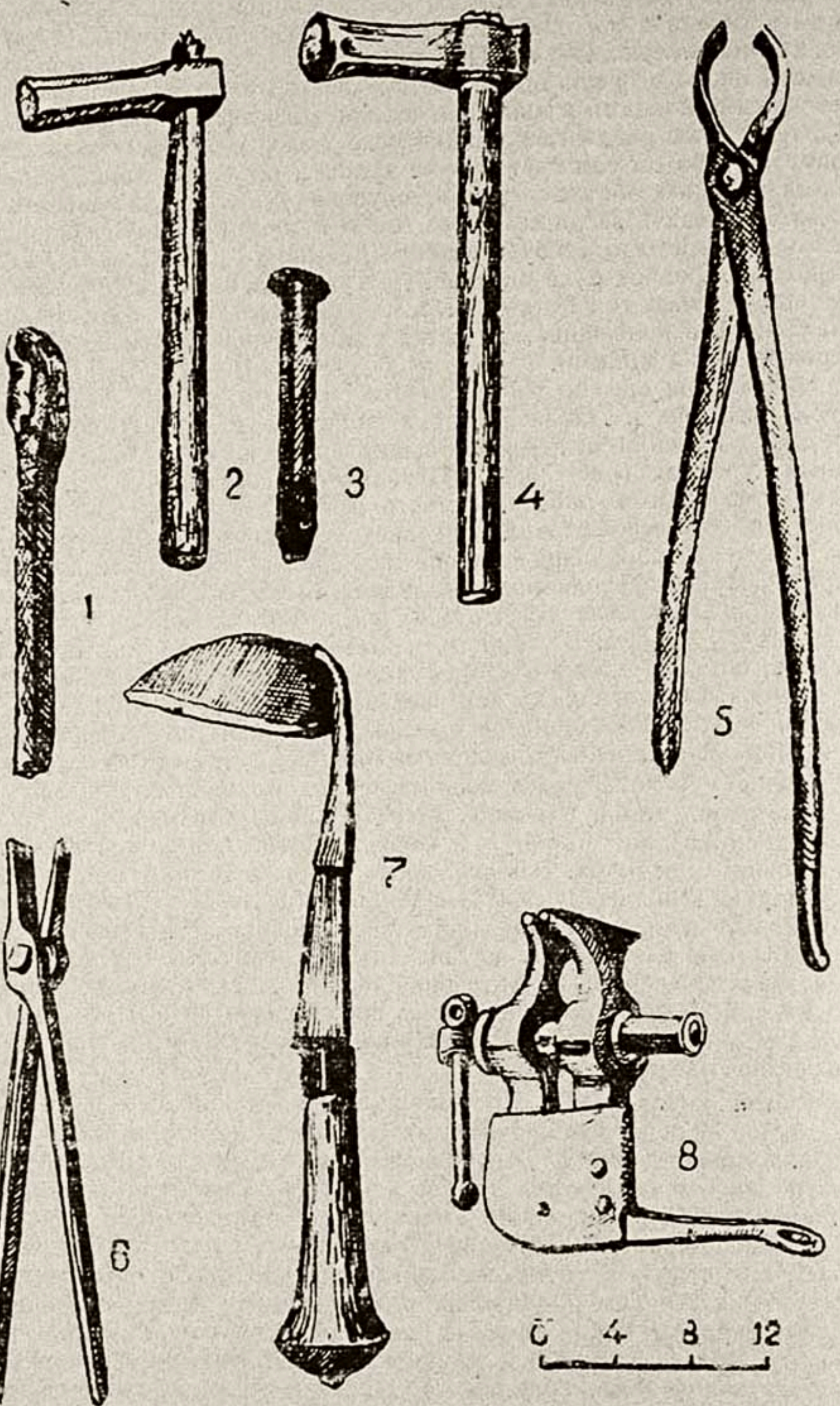

Рис. 39. Кузнечные инструменты из Каратегина, к. Шуль: *1—мехқолаб*—металлический стержень с отверстием для ковки гвоздей (КП 210—3); *2—болиқа*—молоток (КП 210—10); *3—қаламак*—зубило (КП 210—6); *4—хоиск*—молот (КП 210—9); *5—каҷанбур*—клещи с загнутыми концами (КП 210—5); *6—анбур*—клещи-плоскогубцы (КП 210—4); *7—сумтарош*—нож-скребок для зачистки копыт при подковывании (КП 210—7); *8—гиро*—тиски местной кустарной работы (КП 210—2).

Где-нибудь в стороне на деревянном же чурбаке укреплены тиски — *гиро,* без которых кузнец не обходится. Теперь обычно встречаются тиски фабричного производства, описывать которые нет необходимости. Иногда встречаются и самодельные, сделанные по образцу тисков фабричной работы, отличающиеся лишь разве своей относительной легкостью (рис. 39, *8*).

Следующей необходимой принадлежностью каждой кузницы является точило—*чарх,* на котором кузнец оттачивает как изготовленные им ножи, серпы, бритвы и другие режущие предметы, так и приносимые односельчанами такие же вещи. Устройство точила обычное, среднеазиатское, общее как для горных, так и для равнинных районов Таджикистана. Описание его мы приводим ниже в разделе «Деревообделочный промысел».

Вот и все более или менее крупные орудия производства кузнеца. Остальной кузнечный инвентарь в большинстве случаев фабричного производства и состоит из молотов, больших и малых молотков, клещей, напильников, щипцов, пилок и тому подобных весьма многочисленных предметов.

По рассказам осведомителей, раньше набор всяких кузнечных инструментов был весьма ограниченным. В каждой кузнице всегда можно было увидеть молот — *путк,* причем он был как односторонним, т. е. с одной ударной поверхностью — *путки яксара*, так и двусторонним — *путки дусара* (рис. 38, *6*). Молотом обычно работал не сам кузнец, а его помощник, молотобоец — *путкзан,* которым часто бывал заказчик или клиент кузнеца. Во время работы молот держали двумя руками. Сам мастер работал молотом более легкого веса — *хоиск* и чаще односторонним — *яксара* (рис. 39, *4*). Кроме того, для поделки более легких вещей, подковывания лошадей и других целей имелся еще более легкий молоток, тоже обычно односторонний, называющийся *болиқа* (рис. 39, *2*).

Клещи бывали двух видов: клещи-плоскогубцы — *амбур* (рис. 39, *6*) и клещи с загнутыми концами — *каҷамбур*. Последние употребляются обычно при выковывании теши или топора для захватывания их за втулку для ручки (рис. 39, *5*). Для отрезания железа служит зубило — *қалам, қаламак* (рис. 39, *3*), а для обтачивания металлических предметов употребляли напильники — *суян* кустарного и фабричного изготовления.

Для обтачивания деревянных и костяных предметов употребляют рашпиль — *чубсов*. Для просверливания в железе отверстий служит дрель своего изготовления — *чархи фалак, парма.*[7]

Для пробивания отверстий в железе употребляют стальной заостренный стержень — *қалам, сумбаи наълшикофкунӣ.*

При ковке лошадей кузнецы употребляют для зачистки копыт особой конструкции скребок — *сумтарош* (рис. 39, *7*).

Вот, в основном, весь арсенал орудий, которым кузнецы работают и выделывают довольно многочисленный ассортимент предметов домашнего обихода и орудий труда для местного населения. К этому нужно прибавить еще те приспособления, которые применяются при отливке наконечников для сохи или сошников — *оҳани ҷуфт.*

Во всем Каратегине сейчас при пахоте земли омачом надевается на острие деревянной сохи сошник, отливаемый из чугуна. В Дарвазе до сих пор еще при пахоте на соху надевается кованный железный сошник — *новук,* так как при каменистой почве чугунный наконечник очень быстро раскололся бы при ударах о камни. Отливку сошников

сейчас производят во всех более или менее крупных колхозах имеющиеся там или приглашаемые из других селений кузнецы. Металл плавят в ковшах — круглой толстостенной чашке из огнеупорной глины, основой которой служит какой-нибудь подходящей формы металлический сосуд, теперь — часто алюминиевая большая миска. Снизу под миской подведена железная длинная ручка. Все это сооружение называется *қошуқак* (ложечка). В зависимости от величины в ковш входит такое количество металла, которое достаточно для отливки за один прием одного, двух, реже трех и более сошников. Ковш наполняют горящими углями и сверху кладут куски металла; затем его помещают в горн, сверху засыпают еще углем и начинают дутье. Расплавленный металл выливают в формы, выделанные из песка и глины и врытые в землю. Для выделки форм существуют деревянные доски.[8] В к. Ялдамич, Гармского района, нами записано сообщение о том, что там до революции работал кузнец по имени Махмуд, который отливал не только лемеха, но и котлы. Он приехал туда будто бы из Маргелана, у него было несколько учеников.

Помимо изготовления сельскохозяйственных орудий — упомянутого выше сошника, серпа — *дос,* мотыги — *каланд*, кузнецы выделывают также кузнечные и плотничьи инструменты, делают для местного населения предметы домашнего обихода: это различного типа ножи *ошбур* — нож для резания лапши (рис. 40, *1*) и обычные ножи для мяса и пр. (рис. 40, *2, 3, 4, 5, 7*), кинжал *ханҷар* или *дудама* (рис. 40, *6*) и др.; топоры для колки дров — *табар,*[9] кирки — *каноч, зоғнул,* цепочки для дверей —*занҷири дар,* сапожные ножи — *чармбур,* бритвы — *теғи сартароший,* лопаточки для соскабливания теста со стенок квашни—*каҷик,* удила—*оҳани лаҷом,* стремена—*узангу* и всякие пряжки — *сагак* — для конской сбруи, гвозди—*мех,* подковы—*наъл*, большие ножницы для стрижки овец—*дукорд*, цапки для хождения по льду — *кафак,* примитивные орудия для рыхления почвы в виде серповидной формы куска железа, вставляемого в деревянную ручку—*хафший, рандача* и пр., вплоть до музыкального инструмента варгана—*чанг,* на котором так любит играть таджикская молодежь. Подковывание лошадей и ослов тоже составляет занятие кузнеца.

После революции кузнецам пришлось применяться к новым условиям работы и учиться ремонтировать появившиеся в обиходе населения новые металлические вещи, а потом по их образцу изготавливать и самим. Сейчас, например, кузнецы в районных центрах с успехом ремонтируют примусы, велосипеды и др. А кузнец в Калаи-Хумбе, например, даже заменил рессору у нашей грузовой машины во время поездки по Дарвазу.

Как мы уже упоминали выше, кузнецам за работу, выполняемую ими как для колхоза, так и для колхозников (за изготовление и ремонт сельскохозяйственных орудий последних), начисляются трудодни. За прочие же работы, выполняемые кузнецами для своих односельчан и для жителей других кишлаков, кузнецы получают плату деньгами. Однако, наряду с уплатой кузнецу денег за заказ, от старых традиций остался и обычай приносить кузнецу пищу, которой он должен питаться в тот промежуток времени, который идет на изготовление заказа. Точно так же сохранился и старый порядок, при котором заказчик давал мастеру основной материал — железо и другой металл, необходимый для выделки той или другой вещи, и уголь, а кроме того, как говорилось выше, помогал кузнецу при выполнении своего заказа, раздувая кузнечные меха, а иногда и работая молотобойцем.

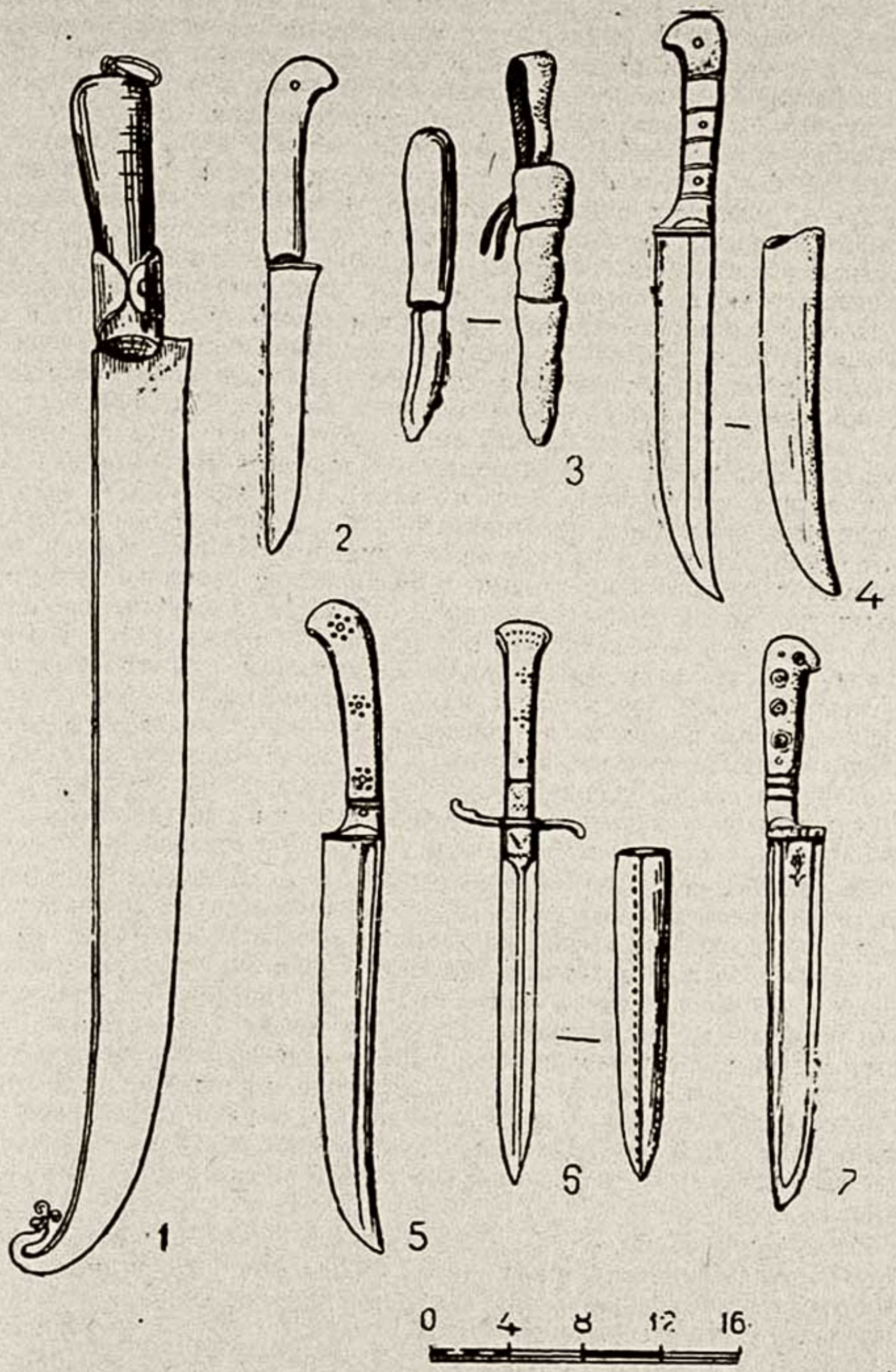

Рис. 40. Ножевые изделия Каратегина и Дарваза: *1—ошбур*—нож для резания лапши, Каратегин, к. Самсолик (КП 273—430); *2—корд*—нож. Дарваз, к. Егид (КП 273—190); *3—корду гилоф*—нож с ножнами, Ванч (КП 156—219); *4—корд*—нож, работы мастера Давлята, начало 30-х годов этого века, Дарваз, к. Калаи-Хумб; *5*—то же; *6—дудама* или *ханчар*—кинжал, оттуда же, работы того же мастера; *7—корд*—нож, Каратегин, к. Лангари-Шо.

Теперь кузнецы очень часто выполняют мелкие заказы и из своего материала, ибо в современных условиях найти кусок железа не трудно, и те времена, когда в центре Каратегинского бекства, в Гарме, у кузнецов не было железа и больше одной — двух пар подков найти и купить там было невозможно,[10] безвозвратно прошли.

Говоря о современном положении кузнечного дела в Каратегине и Дарвазе, необходимо отметить исчезновение в среде кузнецов широко распространенного раньше института ученичества. Правда, нужда местного населения в мастере-кузнеце в связи с изменениями материальных условий существования значительно уменьшилась. Государственные торгующие организации стали в изобилии снабжать население далеких горных селений товарами фабричного производства, в том числе и разными железно-скобяными изделиями. Однако пока еще не учитывается местная специфика каждого района, поэтому потребителям приходится часто обращаться с заказами к местным мастерам, в том числе и к кузнецу. Например, житель горного района не всегда сможет приобрести в государственных торговых организациях серп местного типа, тешу (топор местного типа), сошник и т. д. А ведь это все предметы первейшей необходимости, без которых горцу в его хозяйстве не обойтись и в течение одного дня. Все эти потребности удовлетворяются местными кузнецами, в большинстве своем являющимися людьми уже пожилыми. Однако ни у одного из них учеников нет. С одной стороны, это объясняется отсутствием у молодежи тяги к кузнечному ремеслу ввиду низкой его оплачиваемости, с другой же стороны, ученичество на тех же условиях, на которых оно существовало раньше, до революции, когда ученик фактически являлся у кузнеца-учителя и подмастерьем и рабочим в хозяйстве, сейчас существовать не может. Других же условий для ученичества пока не создано. Таким образом, вопрос о пополнении кадров кузнецов играет в колхозах немаловажную роль и, несомненно, может скоро обостриться.

До революции кузнечный промысел был распространен еще более широко. Почти в каждом кишлаке имелся кузнец, а в крупных кишлаках их было подчас несколько. Обычно по нескольку кузнецов было в тогдашних административных центрах, либо в кишлаках, расположенных в непосредственной близости от этих центров. Так, например, в центре бывшего Дарвазского бекства, в Калаи-Хумбе, было 7 кузнецов, которые обслуживали как местное сельскохозяйственное население, так и бекский «двор» и его окружение, выполняя для них разнообразные заказы на различное холодное и даже огнестрельное оружие, причем слава об изделиях этих кузнецов выходила далеко за пределы бекства.[11] То же было и центре Каратегинского бекства — в Гарме.

Гарм был довольно крупным населенным пунктом, насчитывавшем при последних самостоятельных шахах 340 дворов.[12] По-видимому, там было много ремесленников, так как один квартал селения назывался Махаллаи-Чармгарон — квартал кожевников,[13] а другой — Махаллаи-Сузангарон — квартал игольников.[14] Как пишет Н. А. Кисляков, в Гарме в кашгарском квартале будто бы было 100 хозяйств ремесленников по обработке железа, а в квартале кожевников было тоже 100 хозяйств ремесленников по обработке кож.[15] Нам кажется, что цифры эти преувеличены, однако несомненно то, что в Гарме ремесленников было изрядное число. В к. Навди, расположенном поблизости, работало до 8 кузниц.

Нужно отметить, однако, что широкое развитие кузнечное ремесло в горах получило лишь в конце XIX и в начале XX вв., т. е. после

присоединения Средней Азии к России, после укрепления и развития экономических связей эмирской Бухары с Туркестанским краем, когда стало легче доставать сырье для поделки всевозможных кузнечных изделий. До этого вопрос с железом, как мы уже упомянули выше, стоял очень остро. В Шугнане и Вахане, например, лошадей подковывали подковами, сделанными из «оленьих рогов» (нам кажется более вероятным, что это были рога встречаемых в изобилии в горах горных козлов), причем эти роговые подковы прикрепляли к копытам роговыми же костыльками.[16] Дарваз, а частично и Каратегин, получали железо из Ванча, где добыча его посредством выплавки из добывавшейся там же руды была издавна налажена.[17] Очень небольшое количество готовых изделий из железа (главным образом сошники) завозилось в Каратегин из Ферганы алайскими киргизами и наиболее предприимчивыми торговцами-таджиками Верхнего Каратегина и обменивалось у местного населения на мелкий скот или зерно. Изделия из железа завозились также из Гиссара, где в Каратаге «выплавляли из местных руд железо и изготовляли из него бытовые изделия и простейшие сельскохозяйственные орудия».[18]

Железо, завозимое из Ванча, местные кузнецы делили на три сорта: первый, лучший по качеству сорт, назывался *қурч*,[19] и шел на изготовление ножей, бритв, ножниц, лезвий серпов, топориков — *теша* и других режущих орудий и оружия. Второй сорт железа назывался *нармоҳан* (мягкое железо) и шел на выделку подков, гвоздей, дверных цепочек, ручек для серпов, мотыг и т. п. Третий, самый низший сорт, шел на отливку сошников.

Все кузнечные работы производились на древесном угле—*лахча* который выжигали чаще всего из арчи—*арча*, *бурс*, а иногда из облепихи — *ангет*.

Ассортимент изделий, выделывавшихся раньше кузнецами, был примерно таким же, что и описанный нами выше ассортимент изделий современных кузнецов, за исключением, конечно, некоторых предметов, которые стали производиться лишь после революции; кроме того, раньше делалось холодное и огнестрельное оружие, о чем имеются сведения по Каратегину у нескольких авторов,[20] а в Дарвазе еще в начале 30-х годов выделивались кинжалы — *ханҷар*, *дудама* и шпагообразные длинные клинки с деревянной ручкой — *асо-ханҷар*, лезвие которых было скрыто в деревянном футляре. Вставленный в этот футляр клинок имел вид обыкновенной трости. Выделывались и сабли—*шоф*. Особенно славились в этом отношении мастера из к. Бодравак на Сорбухе. Этот же кишлак славился и производством ножей; одним из известных мастеров в предреволюционные годы там был некий Усто Бакколь, который, как рассказывают, научился своему мастерству в Ташкенте. По сообщению осведомителей (Назриходжа Абдуджабборов, пос. Гарм), кузнецы, выделывающие холодное оружие, созывались иногда в Гарм к беку, и здесь происходило испытание качества сделанного ими оружия. Из огнестрельного оружия отдельными, наиболее искусными мастерами выделывались заряжавшиеся с дула (шомпольные) ружья на сошках — *милтиқи шохдор*, применявшиеся на охоте, а иногда и в военных действиях. Это было верхом кузнечного мастерства, о таком мастере говорили с уважением, что он де даже ружье может сделать. Но таких мастеров было мало.

Некоторые наиболее искусные мастера имели и имеют и сейчас свои метки — *нишона*, которые они ставят на выделываемых ими предметах. Так, например, эта метка ставилась на топорах, называемых теша, на задней стороне лезвия, на серпах метки эти ставились на лез-

вии же. Они представляли собою определенной формы фигуры (например, звездочку, миндалевидную фигуру *бодомча* и т. д.), которая выбивалась на той или иной вещи. Некоторые мастера из к. Ёгид, например, ставили на ножах свое имя, которое писалось арабскими буквами. Иногда ставилась и дата изготовления того или другого предмета, особенно если это была не ординарная, а тщательно выделанная вещь.

Кузнеца в кишлаке нанимало и содержало сельское общество. Если кузнец был жителем данного селения, имел там землю и в дополнение к своему занятию кузнечным промыслом вел и сельское хозяйство, то общество обычно при найме его в качестве кишлачного кузнеца обязывалось обрабатывать его полевые земли помочью — *ҳашар*, т. е. сообща пахать, засевать его землю, убирать с нее урожай и обмолачивать его. Нередко общество еще обеспечивало кузнеца и дровами, для чего каждое хозяйство привозило кузнецу осенью по одной *чигина* (сани-волокуши) дров, а также и организовывало помочи во время сенокоса — *ҳашари каҳдарав*. За это кузнец обязывался обслуживать население кишлака и выполнять для него кузнечные работы, но из материала заказчиков и на их же угле. Односельчае, давая кузнецу заказ, приносили ему и пищу с таким расчетом, чтобы ее хватило на время выполнения заказа. Так, например, если на это уходил весь день, то заказчик три раза в день, т. е. утром, в полдень и к вечеру приносил кузнецу какую-нибудь горячую пищу, которая, как и деревянное блюдо, в котором она подавалась, называлась *табақ*, и лепешки. Если же для выполнения заказа требовалось немного времени, то сообразно этому заказчик мог принести кузнецу пару лепешек, несколько вареных яиц или что-либо в этом роде.

Если заказчик не принадлежал к тому сельскому обществу, которое обслуживал данный кузнец, то, обращаясь к последнему, он платил мастеру за выполнение заказа определенную сумму денег, а чаще оплачивал ему какими-либо продуктами, обычно зерном, или материей (в Дарвазе, например). Иногда же он отрабатывал кузнецу или же оказывал ему какую-нибудь другую, равноценную заказу услугу. При этом снабжение кузнеца продуктами, углем и материалом для выполнения заказа соблюдалось своим чередом. Иногда кузнец выполнял заказ и из своего материала. В таком случае он тоже получал отдельную плату за свои изделия.

Если сельское общество приглашало кузнеца из другого селения, то оно обязывалось либо оплачивать его труд натурой (большею частью зерном, соломой и дровами), либо давало ему в пользование земельный участок, который тоже засевался обществом сообща, причем часто и семена давало общество же. По созревании урожая созывался хашар для уборки и обмолота хлеба. Земля выделялась общинная — *замини умум, замини мобайнӣ*. Таковой, например, считалась вакуфная земля — *замини вақф*, доходы с которой тоже были общими и расходовались по решению общества.[21] Иногда кузнецу отводили в пользование выморочные участки земли — *замини бесоҳиб мондагӣ*.

Если общинной или выморочной земли не было, то общество платило кузнецу натурой, при этом учитывалась мощность хозяйства (а тем самым и потребность его в услугах кузнеца), и каждое хозяйство давало кузнецу сообразно своим возможностям. Так, например, в к. Джафр в Каратегине, по сообщению осведомителей, было 120 хозяйств и имелось 2 мастера-кузнеца, оба местные жители. Один из них вел сельское хозяйство, в котором работали его братья, сыновья и ученики. Плату за свою работу он получал с общества в форме помочи, которую ему устраивало общество при вспашке и засеве зе-

мли весной и при уборке урожая. Второй мастер сельским хозяйством не занимался, а за свою работу получал с общества натурой: более зажиточные хозяйства давали ему осенью после обмолота хлебов по одному ману[22] зерна каждое, по одной чигина соломы и по одной чигина дров. Более слабые хозяйства давали меньше. В к. Нушор, например, имевшем 180 хозяйств, более сильные хозяйства давали кузнецу по 4 блюда,[23] пшеницы и по чигина соломы, а более слабые—лишь по 2 блюда зерна. Это распределение делали *саркардаҳо* — наиболее влиятельные лица сельской общины. В некоторых местах (например в каратегинском кишлаке Навди, в некоторых селениях Дарваза) это даяние называлось *кафсанг,* в других местах — *музди усто* (плата мастеру), или *ҳаққи усто* (принадлежащее по праву мастеру, для мастера). В к. Пуни-Шор, в Калаи-Хумбском районе нами записано, что раньше здесь население платило кузнецу ежегодно плату — *ҳақ* натурой в количестве 1 блюда зерна, 1 блюда сушеного тутовника — *мавиз* и 1 блюда неочищенного в коробочках хлопка-гузы с каждого двора. При этом, в зависимости от своей мощности, каждое хозяйство давало эти продукты своего производства блюдом, вмещавшим от 8 до 12 тюбетеек, т. е. от 12 до 16 кг зерна (примерно),[24] и соответствующее количество сушеного тута и хлопка.

Специальность кузнеца передавалась большею частью по преемственности от отца к сыну, однако был широко развит и институт ученичества. Срок его не был ограничен, но обычно ученье продолжалось 3—4 года. Все зависело от способности ученика и от старания и добросовестности учителя. Ученики во время обучения жили в доме у мастера, питались у него же и время от времени навещали свой дом.

Помимо работы в кузнице под началом учителя, они выполняли также домашние и хозяйственные дела своего наставника по его указаниям. Определенной платы за обучение не было, как не платили и ученикам. Лишь при поступлении в обучение ученик или его родители делали мастеру незначительные подарки, а при окончании учения и получении новым мастером от своего учителя разрешительной молитвы — *фотиҳа* на занятие кузнечным ремеслом мастера одаривали, справляя ему полный комплект одежды — *сарупо* и давали еще обычно одну голову крупного рогатого скота или лошадь или же, реже, некоторую сумму денег. Например, один теперь уже пожилой кузнец (Усто Махмуд из к. Каланак, 54 лет) рассказывал, что рано в детстве потерял отца и воспитывался у матери. Когда ему пошел двенадцатый год, мать решила отдать его в ученики кузнецу соседнего кишлака, который в свое время учился кузнечному ремеслу у ее покойного мужа, т. е. у отца мальчика. В один из благоприятных для начала всякого дела дней (таковым, например, считался понедельник) мать напекла маленьких лепешек — *кулча,* взяла несколько тенег и отправилась со своим сыном к мастеру. Мастер, заранее знавший намерение явившейся женщины, радушно принял ее и ее сына. Тут же были приглашены в качестве свидетелй несколько стариков селения, было устроено угощение, после которого были прочитаны благодарственные молитвы, и вступление мальчика в ученики было как бы утверждено в присутствии всех собравшихся.

Мастер обычно читал или устно пересказывал ученикам *рисола* кузнецов, в котором были изложены правила поведения мастера и легенды о происхождении кузнечного дела. Первым кузнецом был, по легенде, пророк Давид — *ҳазрати Довуд пайғамбар,* который и считался покровителем — *пир* всех кузнецов вообще.

Как гласит легенда, когда Давид был царем, к нему явился посланный богом архангел Джабраил и сказал, что хотя Давид и царь,

но все же ему следует добывать свое пропитание трудом — *Эй ҳазрати Довуд, ту гарчанде подшоҳ бошӣ ҳам, ту нона аз обилаи кафи дастат пайдо кун.* Для этого посланец обучил царя кузнечному и ювелирному ремеслу, занимаясь которым царь стал зарабатывать свой хлеб насущный. У него будто бы не было молота и клещей, и он брал раскаленное железо голыми руками и выделывал из него все, что хотел. От него якобы научились кузнечному ремеслу и другие люди. Отсюда ученики называют своего учителя-кузнеца тоже пиром, т. е. своим наставником и покровителем, а поступление в ученики называлось *дасти пир гирифтан* (получить руку|поддержку| пира). Согласно *рисола,* каждый кузнец должен был добросовестно, без обмана выполнять свою работу, содержать свою мастерскую в чистоте, подметать золу, шлак и окалину и выбрасывать все это куда-нибудь в чистое место или в воду. Их не полагалось топтать, так же как не полагалось, например, топтать хлебные крошки. В канун пятницы и перед праздниками Рамазана и Курбана полагалось зажигать курения (какие-нибудь ароматические травы, вроде руты—*ҳазор испанд* (Peganum harmala L.) или горного лука — *камч* (Allium darvasicum L.) и ставить на ночь перед наковальней светильник (например, так делали в к. Яхч, Комсомолабадского района), либо на четырех углах наковальни ставить *нукча* — обмотанные ватой и намоченные в растительном масле палочки, а также готовить в этот вечер какое-либо кушанье в честь патрона своего ремесла и угощать этим кушаньем своих односельчан. Обычно готовился какой-нибудь суп — *нармӣ* или *оши суюқ* (похлебка), который разливали в несколько больших деревянных блюд и относили в алоухона (дом огня) при мечети, где собиралось по вечерам мужское население кишлака. Собравшиеся, съев это кушанье, возносили молитвы в честь святого Давида. По-видимому, среди кузнецов полагалось время от времени устраивать собрания мастеров, на которых читалась рисоля, после чего следовало угощение. Такие собрания назывались *арвоҳи пирон* (т. е. посвящались духам пиров). Сейчас кое-где этим именем называют обычай посвящения в мастера вновь обучившегося кузнечному ремеслу ученика. Это посвящение нового кузнеца в звание мастера, его приобщение к ремесленному цеху кузнецов было обязательным. Без него мастер не мог рассчитывать получить работу в каком-либо кишлаке. Это было своеобразным дипломом на право заниматься кузнечным ремеслом.

Посвящение в мастера происходило тогда, когда обучающий видел, что его ученик в достаточной мере овладел мастерством и может уже самостоятельно работать. Учитель говорил тогда об этом своему ученику. Последнему полагалось устроить своему учителю угощение и сделать ему подарки. Это угощение мастера-учителя вновь обученным им учеником должно было делаться в том селении, где новый мастер обосновался жить и работать. Чаще всего это был тот кишлак, откуда происходил вновь обученный мастер, и реже—чужой для него, куда он был приглашен кишлачным обществом на работу в качестве кузнеца. Это угощение называлось либо *туи калон* (большой праздник), либо *туи ҷаҳди усто* (праздник приглашения мастера), либо *туи мафтуҳа* (праздник разрешительной молитвы). К этому времени молодой мастер уже имел помещение для кузницы. Мастер-учитель приглашался не один, а в сопровождении своих ближайших родственников, иногда и родственниц, а также нескольких наиболее уважаемых стариков его селения и мастеров-кузнецов. В приеме такого довольно большого числа гостей принимало участие все селение, которое получало себе мастера-кузнеца. *Мо соҳиби усто шудем* (мы стали

обладателями мастера) — говорили жители. Это было делом чести для всего кишлака, в особенности, если селение до этого не имело кузнеца. Мастер-учитель привозил с собою в подарок своему ученику самое необходимое оборудование кузницы и сам с помощью других мастеров устанавливал в кузнице горн, меха и наковальню. В заключение учитель давал своему выученику *фотиҳа*, т. е. благословение и разрешение на занятие кузнечным делом, говоря: *Ҳазрати Довуд камари туро бандад, дар касбат баракат диҳад* —святой Довуд да опояшет тебя поясом (усердия) и да пошлет успех в ремесле твоем. Отсюда этот обычай в Дарвазе называется *камарбандон*. В Каратегине это название почти повсеместно уже не понимают, а называют его просто *фотиҳа, фотихатиш* (благословение, разрешительная молитва на занятие ремеслом).

После проводов гостей начиналась трудовая жизнь кузнеца.

Связь с мастером-учителем сохранялась на долгое время. Если в практике работы встречались какие-либо трудности, то мастер обращался за советом и за помощью к своему учителю и никогда не получал от него отказа. Своего учителя мастер звал либо *пир* (букв. старый, старец; употребляется в значении «покровитель», «духовный руководитель»), либо *устои калон* (старший мастер). Иногда мастер-учитель навещал своих выучеников и в эти свои наезды всегда встречал у своих бывших учеников радушный прием, но кроме угощения никаких подарков ему последними уже не делалось. Если молодой мастер вел себя недостойным образом или недобросовестно выполнял заказы, то на него жаловались его учителю, иногда заставляли мастера возместить убыток, причиненный заказчику, чей заказ был испорчен — *товон меандохтанд*. Кроме выполнения всяких кузнечных и слесарных работ, кузнец в кишлаке исполнял и ряд других обязанностей: он при случае был и цирюльником, мог и «кровь бросить» и зуб удалить. Часто он совмещал свое кузнечное дело с плотничьим, являлся, так сказать, мастером на все руки.

Вообще кузнец пользовался в кишлаке большим уважением, так же как почиталась кузница. Последняя содержалась всегда в полном порядке. Во время работы там собирались старики и наиболее степенная публика кишлака, туда заказчики приносили угощение кузнецу, которое и съедалось там сообща. Женщинам посещать кузницу не разрешалось. А во время выполнения наиболее сложных и ответственных работ, вроде отливки лемехов, сварки наковальни и т. п., из кузницы удалялись все лишние, не занятые в работе люди. Делалось это во избежание «сглаза», так как существовало поверье что при излишних зрителях изделия получаются с дефектами (букв. *пай меравад* — идет след, остается след). Точно также считалось, что и сам мастер может от сглаза заболеть и даже умереть.[25]

По-видимому, между кузнецами Каратегина и Дарваза были весьма оживленные и крепкие связи. Об этом свидетельствуют отмеченные нами факты поступления в обучение к каратегинским мастерам людей из Дарваза и наоборот. Нами записаны и такие случаи, когда каратегинцы и дарвазцы обучались у кузнецов в Фергане и в Ташкенте.

Деления кузнецов на разные категории в зависимости от рода вырабатываемых ими изделий, как это было, например, кое-где в городах Средней Азии,[26] в Каратегине и Дарвазе нами не отмечено. Там мастера различались лишь по степени своей квалификации. Опытного и искусного кузнеца звали *усто* (мастер) или *устои калон* (большой мастер, старший мастер), а кузнеца низкой квалификации, занимавшегося самой простой работой, называли заглазно *устои мехкаш* (мастер, выделывающий гвозди) или *устои нарӣ-берӣ* (мастеришка).

ТКАЧЕСТВО

Ткачество, некогда широко распространенное в Каратегине и Дарвазе, в наши дни в Каратегине уже окончательно прекратило свое существование, а в Дарвазе до сих пор еще кое-где ткут хлопчатобумажные ткани и носят одежду из них. В Каратегине нам не только не удалось зафиксировать наличие хотя бы ткацкого станка в исправном и готовом к работе виде, но и не пришлось видеть предметов одежды. сшитых из хлопчатобумажной материи местной кустарной выработки. Нужно оговориться, однако, что такое положение мы наблюдаем лишь в отношении выработки хлопчатобумажных, шелковых и полушелковых тканей, а шерстяная ткань типа армячины, называемая *рағза* и идущая на пошивку шерстяных халатов — *чакман,* и до сих пор продолжает еще выделываться, хотя в весьма небольшом количестве, во всех районах Каратегина. В Дарвазе это производство, бытовавшее раньше лишь в высокогорных кишлаках Равноу, Варджудж и Пшихарв, в настоящее время не существует, так как жители первых двух целиком переселились на равнину в районы бывшей Кулябской области,[27] а в к. Пшихарв осталось всего несколько хозяйств, занимающихся деревообделочным промыслом, остальные тоже переселилась в хлопководческие районы Вахшской долины.

До сих пор продолжают кое-где ткать также узкую шерстяную материю, из полос которой сшивают паласы *шолча, чодар,* мешковину—*рағзаи қоп* и обмотки для ног—*пойтоба,* подпруги—*аил,* переметные сумы — *хурҷин.* В мастерской Гармского райпромсовета из привозимой из Душанбе пряжи фабричного производства на двух станках выделываются цветные дорожки. Станки эти с челноком, приводимым в движение механическими подгонялками, для ткацкого производства обследованной нами области совершенно не характерны. Они завезены были, очевидно, из Гиссара и распространения в области не получили.[28]

Исчезновение ткацкого ремесла, вернее тканья хлопчатобумажных тканей, в Каратегине и угасание его в Дарвазе — вполне закономерные явления. Изобилие красивых и дешевых фабричных тканей в широко развитой торговой сети сделало совершенно ненужным примитивное и кропотливое ткацкое ремесло горных таджиков, и если оно еще продолжает существовать в Дарвазе, то это объясняется, с одной стороны, малотоварностью хозяйства, острым малоземельем района и связанным с этим излишком рабочих рук, а с другой, возможностью производства на приусадебных участках посевов хлопка-гузы, хорошо вызревающего в условиях Калаи-Хумбского района. Тканье же из шерсти некоторых указанных выше предметов быта продолжает существовать, потому что таких предметов в государственной торговле не найти, а употребление их в силу традиции еще довольно широко распространено. Кроме того, следует сказать, что в местных условиях эти шерстяные изделия весьма хорошо отвечают своему назначению. Так, например, каратегинские чакманы до сих пор являются предметом желаний каждого сельского жителя, не только горных, но и равнинных районов, так как в холодное время года они прекрасно предохраняют от всякой непогоды, не пропускают дождя и защищают от ветра. Не менее удобны и сотканные из козьей шерсти и потом валяные паласы—*чодари бузмуғӣ,* которые стелятся на земляной пол в домах старого типа, а также используются как попоны для лошадей: они совершенно не пропускают влаги и отличаются особой прочностью. Покрытая такой попоной лошадь может находиться сутками под дождем и оставать-

«ся совершенно сухой. Эти изделия теперь довольно редко встречаются на рынках и охотно покупаются местным населением.

Говоря о прекращении сейчас кустарного производства хлопчатобумажных тканей, необходимо отметить, что в годы последней войны, когда было нарушено нормальное течение жизни, когда промышленность была мобилизована на обслуживание в первую очередь нужд фронта, и поэтому снабжение населения промышленными товарами и, в частности, текстильными изделиями, затруднилось, отмечалось в Каратегине и в Дарвазе оживление кустарной промышленности вообще и ткачества в частности; население опять вернулось к старому, испытанному им способу изготовления ткани для удовлетворения своих потребностей. Возродившееся ткачество в эти годы получило особое развитие в старых центрах этого производства. Такими временными центрами ткачества в прошлую войну были к. Халкарф около Гарма, кишлаки Зинг и Умарак около Калаи-Хумба, Егид на Пяндже, Ярхич около Хаита и некоторые другие. Кроме того, во многих кишлаках, особенно в Дарвазе, были кустари-одиночки, ткавшие материю по заказу и из материала заказчика.

В годы войны ткачами производился почти исключительно простой белый карбос. Сырьем служил хлопок, привозившийся кем-нибудь из Душанбе, низкосортная вата, продававшаяся государственными торговыми организациями, а главным образом для изготовления пряжи использовывалась веревка из хлопкового волокна, которую производили артели Душанбе. Эту веревку приобретали, раскручивали и пускали потом на изготовление пряжи. Очень часты были случаи, когда для изготовления карбоса брали вату из одеял, предпочитая иметь материю для пошивки одежды, чем лишнее одеяло. Ткачами были как мужчины, так и женщины.[29]

До революции ткачество, как нам представляется на основании данных литературы и опросных сведений, тоже переживало стадию угасания, не будучи в состоянии конкурировать с фабричными тканями. обильно поступавшими после присоединения Средней Азии к России. особенно после постройки Закаспийской и Оренбургской железных дорог, на рынки Средней Азии и проникавшими во все отдаленные уголки Восточной Бухары. И если ткачество еще было широко развито в Дарвазе по Пянджу, то только благодаря особой трудности горных дорог и малой товарности сельского хозяйства дарвазцев, не имевших достаточно средств для приобретения фабричных тканей на рынках Куляба, Гиссара и Каратегина, куда они завозились в большом количестве.[30] В Каратегине же, более доступном и где население жило более обеспеченно, ткачество перед революцией было в упадке, однако еще в конце прошлого века оно было, по-видимому, широко распространено по среднему течению Сурхоба до Хаита, а выше ткачество, видимо, имело очень небольшое распространение. М. С. Андреев приводит слова осведомителей из Верхнего (?) Каратегина о том, что «в их селениях не ткут и не прядут»[31], однако едва ли это можно считать абсолютно правильным, так как трудно представить себе такое таджикское селение, в котором не умели бы даже прясть. Во всяком случае, при нашем обследовании верховьев Сурхоба лишь в районном центре Джиргатале нам сообщили, что ткачества там не было, а спряденные нитки для изготовления из них материи возили к ткачам в к. Хаит или в к. Ярхич. Немного ниже Джиргаталя, в к. Пилдон, а также в левобережном к. Нушор ткачество в свое время было, но давно уже прекратило свое существование.

Хлопок для тканья местное население получало до революции из двух источников. Первый — посевы его на месте. В Каратегине и Дарвазе высевался хлопок *гуза* с нераскрывающейся коробочкой, который называли еще *пахтаи чиртик*. В Каратегине лет 60 тому назад посевы хлопка встречались очень часто и доходили до самого Хаита. По словам осведомительницы Би Рахмоны Давлятовой, когда ее после свадьбы везли из к. Пумбачи в дом мужа в к. Бедаки-Поён (около Гарма), то по пути почти вплоть до Гарма ей встречались посевы хлопка.[32] По словам другого осведомителя, посевы хлопка были, например, в к. Тахт (около к. Хаит). В долине Хингоу посевов хлопка, видимо, было очень мало, а может быть он и совсем не высевался. Зато по Пянджу, в Дарвазе, хлопок, как писал А. А. Семенов в начале этого века, «почти вытесняет хлебные злаки, являясь наряду с тутовыми рощами одним из типичнейших признаков этой части Дарваза. Здесь хлопок является своего рода гордостью туземцев, с сознанием собственного достоинства говорящих: «мы, люди Дарваза, умеем ткать хлопчатобумажные ткани».[33] Хлопок-волокно из Дарваза поступал и на базары Каратегина в Гарме, Хаите и Калаи-Лаби-Обе.

В 1928 г. посевы хлопка в Дарвазе (тогда в Калаи-Хумбском тумане) все еще занимали довольно большую площадь — почти 647 десятин, что составляло около 13,6% всех посевов на поливных землях тумана. В остальных же туманах Гармского вилайета в том же году посевы хлопка производились уже в ничтожном количестве и то лишь в Оби-Гармском тумане (7 десятин) и в Нусратабадском тумане (1,3 десятины).[34] Впоследствии посевы хлопка продолжали сокращаться и сошли на нет во всех районах б. Гармской области, кроме Дарваза (Калаи-Хумбский район), где хлопководством занимаются в ограниченном количестве и сейчас.

Другим источником получения хлопка-волокна являлись базары Гиссара, Ура-Тюбе, а также Коканда и других городов Ферганской долины, с которыми у каратегинцев было очень оживленное сообщение через горные перевалы в Алайском, Туркестанском и Зеравшанском хребтах. Еще Минаев в конце 70-х годов прошлого века писал, что хлопчатобумажные материи каратегинцы вырабатывали «из хлопка, получаемого на ура-тюбинском, гисарском и кокандском рынках в обмен на скот и светильное масло».[35] Впоследствии, когда после присоединения Ферганы к России хлопководство получило широкое развитие, каратегинцы стали завозить хлопок и из других городов Ферганской долины.[36]

Хлопок-сырец очищался от коробочек вручную, а для очистки хлопкового волокна от семян употреблялись повсеместно распространенные в Средней Азии деревянные ручные вальцы, называемые *ҳаллоҷӣ* (рис. 41, *2*), состоявшие из двух деревянных валиков, имеющих на одном конце винтообразные нарезы — *қушқорак*. С противоположной стороны конец нижнего валика делается длиннее, и на него при работе надевается деревянная ручка — *гушик* (рис. 66, *3*), вращая которую, приводят в движение вальцы. Вальцы вставлены в две стойки—*поя*, укрепленные в деревянной палке — *кунда* или *таҳкунда*. Для придания последней устойчивости в нее посередине в сделанный прорез перпендикулярно вставляется брусок, составляющий вместе с плахой фигуру в форме буквы Т. В те же пазы в стойках, в которые вставлены вальцы, для укрепления последних снизу вставляется планка с продольной желобообразной выемкой на верхней плоскости (называется она *таҳкальякӣ*) и плотно подгоняется к нижнему валику. Снизу планка закрепляется клиньями — *фона*.

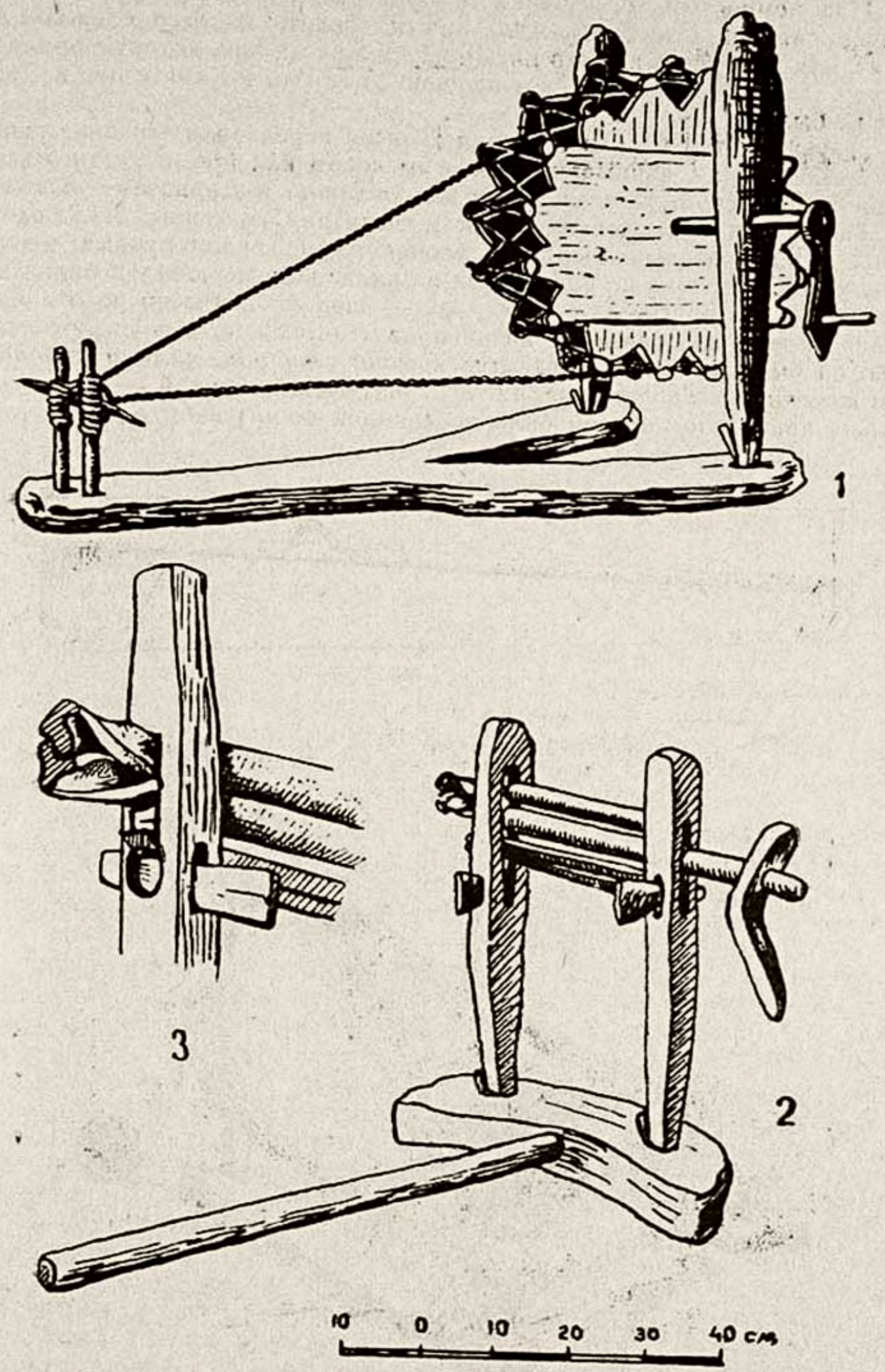

Рис. 41. Прялка и вальцы: *1—чарха*—прялка, Дарваз, К. Пшихарв (КП 156—206); *2—ҳаллоҷӣ*—вальцы для очистки хлопка, оттуда же (КП 156—171); *3*—деталь *2*.

При помощи этого несложного приспособления хлопок очищался обычно самими хозяевами, желающими сделать из него одеяло или халат, или же прясть из него нитки. Специальных лиц, которые брались бы за плату очищать хлопковое волокно от семян, в Каратегине и Дарвазе не было.

После очистки хлопка от семян хозяева передавали его для трепания особому лицу, занимавшемуся этим делом как промыслом и называвшемуся в Каратегине *шапанда* или *паҳанда*, в Дарвазе — *паанда*.

Трепальщиками хлопка и шерсти были как мужчины, так и женщины. Предварительно шерсть и хлопок раздергивали руками — *мекә нчиданд*, а потом уже расстилали на палас или дерюжку и били либо специальными прутьями с развилкой — *шапачуб*, обычно из отличающейся крепостью древесины кизильника (Cotoneaster medic) — *ирғай*, либо особым лучком, называемым *камони шапанда, камони паандагӣ* или *камони пахташапӣ* (рис. 42, *1*), с натянутой струной — *зей* из бараньих кишок, по которой били деревянной колотушкой — *куба* (рис.

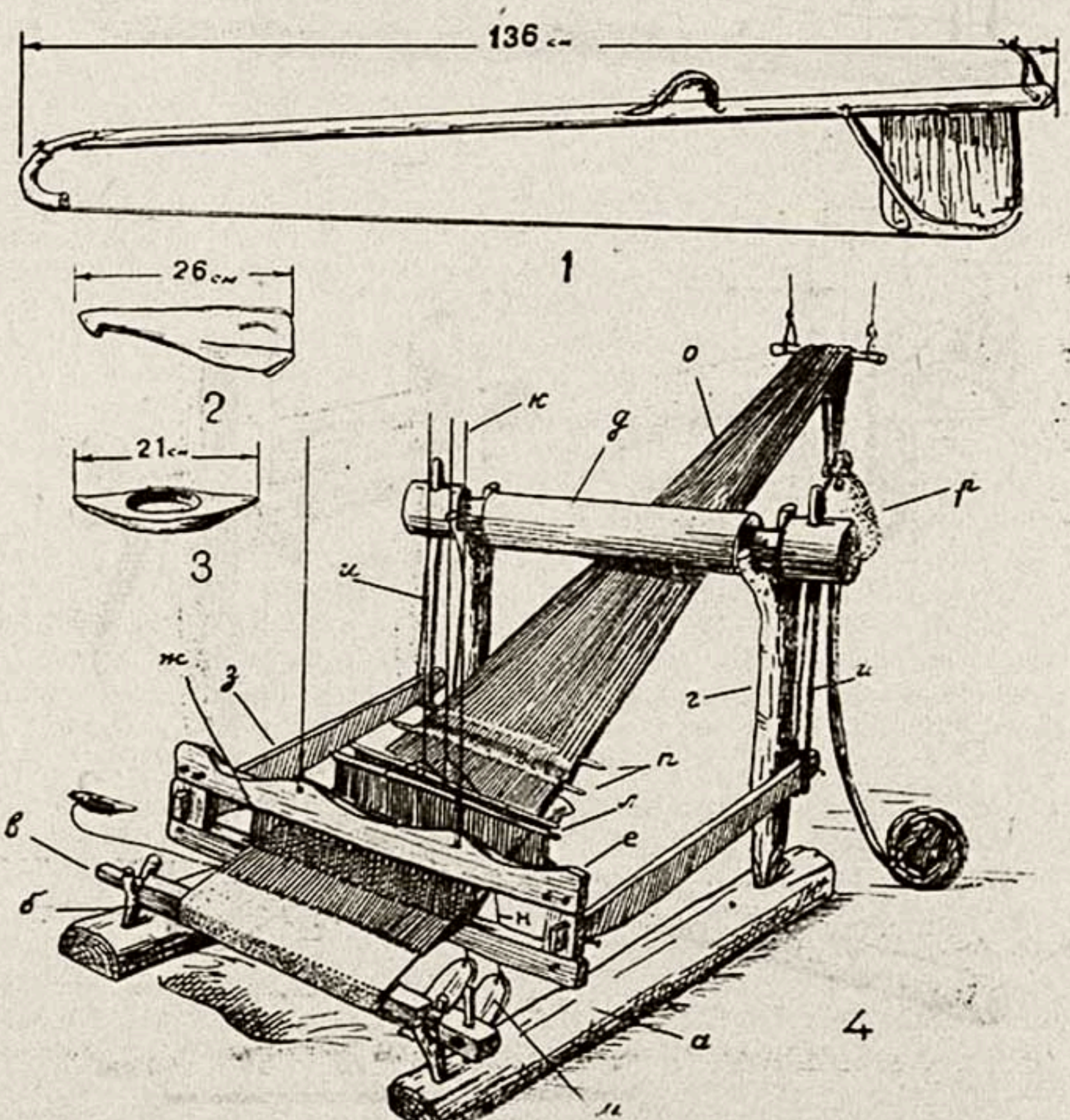

Рис. 42. Орудия трепальщика и ткача: *1—камони паандагӣ*, или *камони пахташапӣ*—лучок для трепанья хлопка или шерсти, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156—114а); *2—куба*—колотушка лучка, оттуда же (КП 156—114б); *3—моку*—челнок, оттуда же (КП 156—208); *4—дукони бофандагӣ*—ткацкий станок, оттуда же (КП 156—190).

42, *2* и рис. 62, *9*). Струна от ударов колотушки вибрировала и била шерсть или хлопок. Промысел этот был малодоходным, и им занимались обычно бедняки и вдовы, а иногда захожие мастера из Матчи. Шерстобиты из кишлаков долины Хингоу ходили на заработки в Каратегин и в Дарваз. Сейчас за работу трепальщикам хлопка и шерстобитам платят деньгами, а раньше обычно платили хлопком, зерном или другими продуктами. Например, в к. Нушор за трепанье одного нимхурда (8 фунтов) шерсти шерстобиту давали одну тюбетейку пшеницы, а за то же количество хлопка — полторы тюбетейки. В к. Егид (Дарваз) трепальщикам хлопка давали за работу $^1/_{16}$ часть (по весу) трепанного хлопка, а шерстобиту за расчесывание шерсти, остриженной с одного барана, давали один чорьяк (приблизительно 2 кг) муки и несколько лепешек.

Ремесло трепальщика хлопка или шерстобита имело своего патрона —*пир:* им считался, по одной версии, *Аҳмад паанда алайҳу ассалом* (Ахмад-шерстобит, да хранит его господь), а по другой — *Зиндапир.* Сведения эти нам удалось получить лишь в Дарвазе, а в других местах о патроне — покровителе шерстобитов и трепальщиков хлопка никто ничего сообщить не мог и только говорили, что пир должен быть, так как никакое де ремесло без него немыслимо.

Трепаный хлопок или шерсть хранятся в глиняных кувшинах и в корзинах, а перед прядением скатываются на веретенообразной палочке, называемой *пилтамол,* в небольшие валики — *пилта* (фитиль).

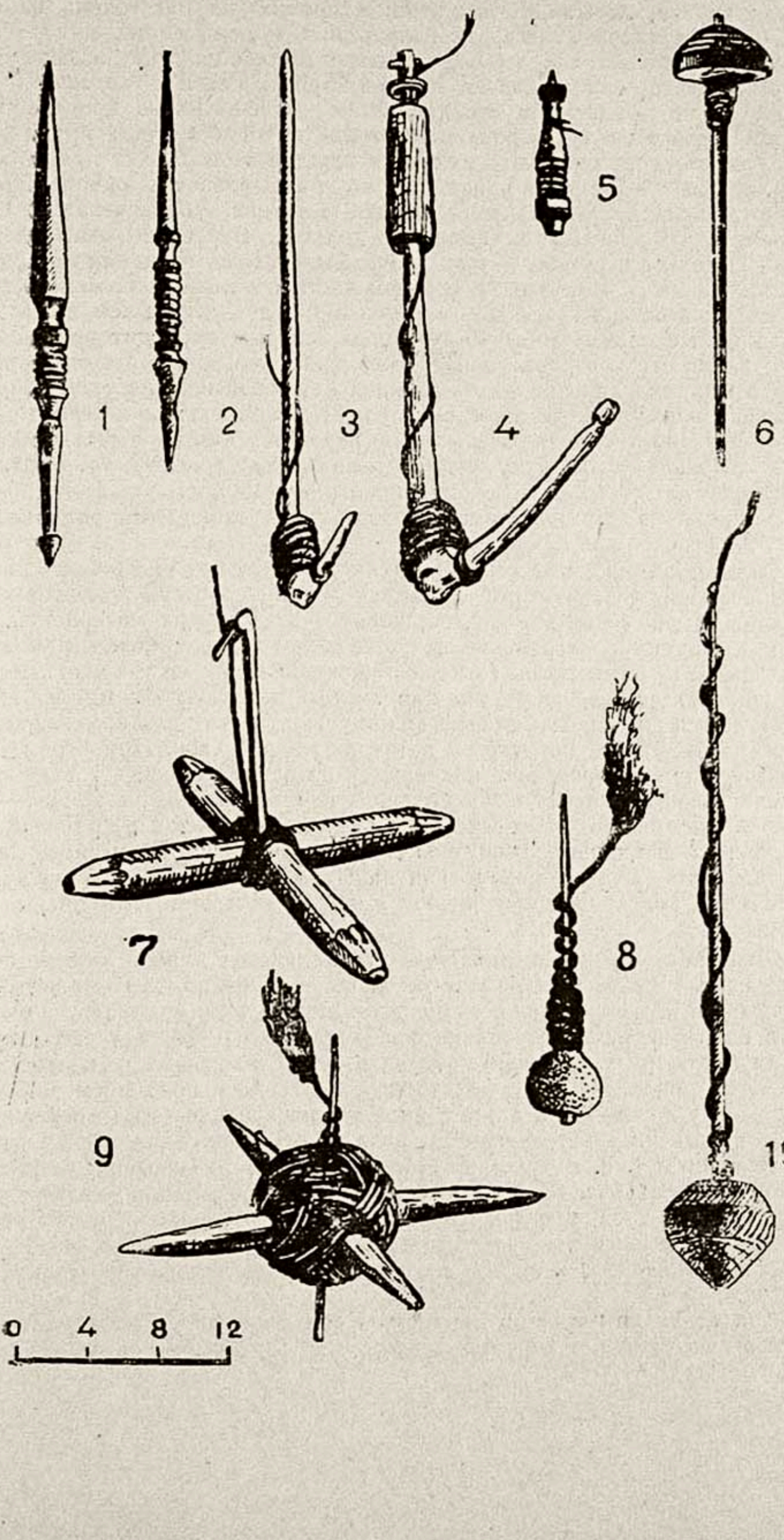
При переработке хлопка на нитки пряха берет часть хлопковых пилта и наполняет ими небольшую корзиночку, сплетенную из соломы, называемую в Дарвазе *сәбҷук,* которую ставит около прялки, и во время работы правой рукой крутит прялку, а левой берет эти валики из корзинки по одному и вытягивает в нитку, время от времени помогая этому и правой рукой. Так же прядут и шерсть.

Прялка — *чарха* таджиков Каратегина и Дарваза принадлежит к общему для Средней Азии типу прялки с горизонтальным расположением рабочих частей, так же приводится в движение рукой и отличается от прялок равнинных таджиков разве лишь более крупными размерами и примитивностью отделки (рис. 41, *1*).

Основу прялки, на которой монтируются рабочие части, так же, как и у халлоджи, составляет деревянное основание из двух брусков, скрепленных в форме буквы Т, называемое *кунда* или *таҳкунда.* Иногда для основания прялки берут брусок древесного ствола с развилкой и обтесывают его с двух сторон, придавая ему плоскую форму. В концы поперечной плахи или в концы развилок и укрепляются стойки махового колеса. Колесо делается составное из двух плоскостей, разделенных одна от другой надетым на ось и неподвижно укрепленным на ней круглым деревянным чурбачком длиною сантиметров десять. Каждая плоскость колеса составляется из накладываемых друг на друга и надеваемых на ось колеса четырех или двух дощечек, имеющих на концах выступы, образующие довольно правильный круг. На эти выступы двух разделенных брусками плоскостей колеса крестообразно наматывается *сарпара* — сложенная в несколько рядов шерстяная пряжа или какой-либо другой шнур и туго стягивает обе плоскости колеса, образуя собою как бы решетчатый обод колеса. Диаметр колеса равен приблизительно 40 см. На этот обод надевается толстый шнур из шерстяных ниток, служащий приводным ремнем к веретену. Называется он *таранг* (туго натянутый). Колесо надевается на ось —*тири чарха,* продеваемую в укрепленные в плахе стойки, при этом один конец оси делается длинным и выходит за стойку сантиметров на двадцать. На этот выдаю-

Рис. 43. Типы веретен:

1—тутапеч—веретено для наматывания ниток на шпули—*тута* и для ссучивания нескольких ниток в одну, Каратегин, к. Сари-Пулак (КП 306—568); *2—дук*—веретено для прядения ниток на прялке, Дарваз, К. Пшихарв (КП 156—206и); *3—чахтики бузмӯ*—пастушечье веретено для прядения ниток из козьей шерсти, Дарваз, к. Егид (КП 273—167); *4—чангчӯбак*—приспособление для прядения грубых шерстяных ниток, состоящее из крючка—*чангчубак* из кленового (*заранг*) дерева, полой трубки из стебля борщевика (*куруш*), колечка—*ҳалқа* из древесины платана и клинышка *фона*, удерживающего кольцо и трубку на ручке во время кручения крючка. Дарваз, к. Зыгар (КП 273—286); *5—дуки чавзезӣ* — веретено для плетения из ниток украшений для кистей на косоплетках и др., Каратегин, к. Казнок (КП 306—470); *6—орчуқ*—веретено джиргатальских киргизов для ручного прядения, Каратегин, к. Сари-Пулак (КП 306—581); *7—чалак* (*чиллик*) веретено с крючочком и с крестовиной внизу, служащее для прядения грубых шерстяных ниток, Дарваз, к. Зыгар (КП 273—285); *8*—веретено ручное с пряслицем из необожженной глины, Дарваз, к. Джорф (КП 273—377); *9—чалук*—веретено с крестовиной для прядения грубых шерстяных ниток, Каратегин, к. Сари-Пулак (КП 306—515); *10—чалак*—веретено даштиджумской формы, изготовленное в к. Зыгар. Дарваз (КП 273—336).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
0 4 8 12

щийся конец оси надевается ручка — *дастак* или *чархагардон*, которой прялка и приводится в движение. На противоположном конце плахи или бруска, служащего основанием прялки, на расстоянии около 60—70 см от стоек колеса, укрепляются в выдолбленных для этого пазах два небольших столбика, называемых *кəлияк*, на каждом из которых имеется сплетенная из прутьев круглая петля — *чармак*.

Во время прядения в эти две петли горизонтально продевается веретено острием в ту сторону, на которой находится ручка прялки, и между петлями на веретено надевается идущий от маховика приводной шнур, которым веретено и приводится во вращательное движение. Пряжа наматывается на выдающийся конец веретена. Когда веретено наполняется, его снимают и заменяют другим. Веретена бывают двух видов: 1) тонкое веретено — *дук*, употребляемое при прядении на прялке, отличающееся тем, что на средней части сделаны две выемки для вставления веретена в кольца *чармак*, а между этими выемками сделаны круглые нарезы (обычно 4—5), по которым проходит приводной шнур; длина этих веретен бывает различной, имеющиеся в музее института веретена для прялки из бывших Гармской и Кулябской областей имеют в длину от 20 до 30 см (рис. 43, *2*); 2) толстое веретено для ссучивания ниток и для сматывания ниток на катушки, называемое *тутапеч, дуки чапатоб, буки чапакун,* или *хардук* (рис. 43, *1*). В отношении формы это веретено отличается от предыдущего лишь тем, что та его часть, на которую наматываются нитки, делается гораздо толще, чем у веретен для прядения.

Спряденные нитки потом с веретен перематываются на большие или маленькие шпульки, которые делаются из полых стеблей зонтичного растения *куруш* (по-видимому, борщевика) и из других материалов. В Дарвазе, например, маленькие катушки делаются из веточек инжирового дерева, из камышинок (откуда и название *найча* или *нойча*). Большие шпульки называются *тута* или *мылут*, и на них наматываются обычно нитки для основы. Малые же шпульки служат для наматывания на них ниток утка и при тканье вставляются в челнок. При перемотке ниток на шпульки последние надеваются на острый конец вставленного в прялку веретена: толстые на большое веретено *хардук*, а тонкие—на обычное для прядения. Смотанные на катушки нитки так и хранятся до передачи их специалисту-ткачу для снования и тканья. Если нитки идут в окраску, то их перед перемоткой на шпульки сматывают в мотки, в таком виде красят и просушивают и после этого перематывают на шпульки.

Шерстяные нитки при прядении сматываются в клубок на веретено, и когда наматывать больше уже неудобно, клубок этот (называемый в Дарвазе *ғун*, а в Каратегине — *қулоч*) с веретена снимают. После окончания прядения нитки ссучивают вдвое на прялке же, для чего берут два клубка и, разматывая их, обе нити складывают вместе и перекручивают на прялке в обратную сторону. В Дарвазе прядением занимаются только женщины, и лишь в виде исключения некоторые мужчины умеют прясть на веретене грубую шерстяную пряжу для тканья мешков, паласов и т. п. В таком случае употребляется веретено из палочки с пряслицем (рис. 43, *8*) или с деревянной крестовиной, называемое *чалак* (рис. 43, *7*), или *чалук* (рис. 43, *9*). Такое мужское веретено можно встретить у пастухов, часто прядущих баранью и козью шерсть, а также конский волос и волос из коровьих хвостов для изготовления веревок.

Для прядения шерсти в Верхнем Каратегине и у джиргатальских киргизов употребляют веретено *орчуқ* (рис. 43, *6*), в Дарвазе для это-

го употребляют иногда и веретено *чалак* с деревянным большим пряслицем (рис. 43, *10*), заимствованным из соседнего б. Даштиджумского района.

Грубые шерстяные нитки прядут также на *чахтик* — веретене с крючком на конце (рис. 43, *3*) или на *чангчубак* — такой же формы веретене, на конце которого надета трубка для облегчения его вращения (рис. 43, *4*). Следует упомянуть заодно еще один вид короткого веретена—*дуки чавзрезй* (рис. 43, *5*) для плетения на нем из ниток украшений для кистей.

Прядение ниток — довольно кропотливое занятие, требующее много времени. Чтобы ускорить дело, некоторые хозяйки созывали помочь — *ҳашар* из прях, приглашая женщин со своими прялками. По рассказам осведомительницы Би Рахмоны Давлятовой, она в первые годы революции, когда было трудно с мануфактурой, дважды устраивала такой хашар, на который собиралось каждый раз до десяти прях. Такие хашары созывались всегда на один день, в виде исключения—на два дня, не больше, и то при условии, если на это согласятся участницы помочи. Хозяйка предварительно приготавливала к этому дню как хлопок для прядения, так и продукты для угощения. В день хашара всегда пекся свежий хлеб и три раза готовилась горячая пища.

По четвергам и по понедельникам прясть не полагалось, дабы не рассердить патронессу прях, которой в Дарвазе считалась Биби Хаво (госпожа Ева), а в Каратегине — Биби Панджшамбе (госпожа Четверг).[37] По сведениям М. С. Андреева, в Туркестане ее звали также Биби Сешамбе (госпожа Вторник) и Биби Чоршамбе (госпожа Среда), в Язгулеме же она называлась Момо Хаво (праматерь Ева). По имевшимся представлениям, она могла наказать женщин, прявших в установленные в ее честь дни.[38]

Как уже отмечалось выше, ткачеством занимались и мужчины и женщины, причем тканьем шерстяной материи *рағза* занимались преимущественно (но не исключительно) мужчины.

Ткали в наиболее свободное от сельскохозяйственных работ время, т. е. зимой. Ткачество часто носило характер домашнего промысла, переходя иногда в ремесло, и всегда сочеталось с сельским хозяйством, причем последнее превалировало. Ткачи вырабатывали материи большею частью из материала заказчика и, по-видимому, лишь в Дарвазе—из своего материала для продажи. Дарваз в конце прошлого века являлся «значительным хлопчатобумажным центром»,[39] откуда «по всей долине Ванджа, на Язгулян, Ях-Су и отчасти на Хингоу и в Каратегин хлопок расходится в сыром и о б р а б о т а н н о м (разрядка наша. — *Н. Е.*) виде».[40] В период некоторого оживления ткачества, в годы последней войны, ткацкий промысел в ряде случаев перерастал в ремесло; тогда ткачи были организованы в артели и на дому ткали материи по заказу и из материала, отпускаемого администрацией артелей. Иногда они работали в общем помещении артели. Это оживление ткацкого дела продолжалось недолго, и по миновании надобности ткачество опять вернулось к прежнему своему состоянию.

Для тканья существовал горизонтальный ткацкий станок, называвшийся *сари кори бофандагӣ, дукони бофандагӣ, сари кори карбосбофӣ* — станок для тканья карбоса, или *сари кори рағзабофӣ* (станок для тканья сукна *рағза)*. Кое-где (например, в к. Оби-Гарм) станок называли не *сари кор*, а *чаҳчаҳа,* причем, в зависимости от ткавшегося материала — *чаҳчаҳаи карбосбофӣ* или *чаҳчаҳаи рағзабофӣ.* Станки делали либо сами ткачи, либо, реже, плотники—*чубтарош.*

Ткацкий станок (рис. 42, *4*) устраивается над углублением в полу (называемом *чаҳ* — яма, колодец), в которое ткач помещает ноги, сидя за станком на полу. По обеим сторонам от него вдоль ямы укладываются две плахи (рис. 42, *4а*), на которых и монтируется станок. Называются они *кундаи сари кор* или *кундаи чаҳ*. В концы их по обе стороны от ткача укрепляются две (10—12 см) низеньких подставки с разветвляющимися концами, называемые *чиликак* (рис. 42, *4б*), на которые кладется *наварда*—навой, т. е. вал для навертывания на него сотканной материи (рис. 42, *4в*). Навой представляет собою квадратный в сечении брусок, на правом конце которого просверлены со всех четырех сторон круглые сквозные отверстия. В тех местах, которыми навой кладется на развилки подставок, он обтачивается и делается круглым, чтобы облегчить движение при поворачивании его в развилках для навертывания на него сотканной материи. Поворачивают навой при помощи ручки, вставляющейся в просверленные на правом конце навоя отверстия. Ручка эта, представляющая собою просто палочку, втыкаемый конец которой обтесан в соответствии с отверстиями на конце навоя, называется или *навардапеч* и *навардагардон* (что значит «повертывающий или вертящий навой»), или *калиди наварда* (ключ навоя).

На противоположных концах основных плах укреплены две довольно высокие (до 0,5 м) подставки (рис. 42, *4г*) тоже с развилками на концах, называемые *поя* (подставка, устой). На них кладется круглый в сечении тяжелый вал, называемый *паркол* или *ӯғаки* (рис. 42, *4д*), который в местах, приходящихся на развилки, тоже обтачивается и делается гораздо меньшего диаметра, чем в других местах. На концах вала проделаны четырехугольные в сечении отверстия, по одному на каждом конце. Перед сидящим за станком мастером, на уровне находящегося перед ним навоя, подвешивается на веревках к потолку основная часть ткацкого станка — деревянная прямоугольная рама, по-русски называемая батан, в которую вставляются бёрда. Рама эта в целом называется в Дарвазе *шонадастгир* (букв. «удерживающая гребень») и состоит из двух продольных досок, соединенных по краям короткими планками (рис. 42, *4е*). Верхняя доска рамы, за которую ткач при работе берется руками, называется тоже *шонадастгир* (рис. 66, *4—7*), а нижняя — *таги шонадастгир*; соединяющие их планки называются *алоша*. В верхней и нижней досках рамы, в их обращенных внутрь рамы сторонах сделаны пазы, в которые и вставляется бёрдо—*шона*, сплетенное из расщепленных и обточенных камышинок или щепочек барбариса (рис. 42, *4ж*). В каждой соединяющей планке — *алоша* в продольном направлении сделано по отверстию, в которые вставляются длинные планки, закрепляющиеся подвижно на пропущенных поперек них деревянных гвоздях (рис. 42, *4з*). Планки эти называются *шамшерак* (уменьшительное от слова *шамшер* — меч).[41] Другим своим концом каждая планка соединена таким же образом (т. е. подвижно при помощи деревянного гвоздя) с другой планкой, поставленной перпендикулярно к первой и своим верхним концом входящей в квадратное отверстие описанного выше вала — *паркол* и неподвижно закрепленной в нем. Эти вторые планки (рис. 42, *4и*) называются *оринҷак* (локоток). Таким образом, когда ткач при пропускании нити утка отводит от себя раму с заключенным в нее бёрдом, планки *шамшерак* продвигаются вперед (по направлению от ткача) и отводят вперед же скрепленные с ними нижние концы планок *оринҷак*, а эти последние своими верхними концами повертывают немного вал. Когда ткач, пропустив нить утка, притягивает к себе раму с бёрдом и тем самым плотно прибивает им эту нить утка к ранее пропущенным, планки приходят

в свое исходное положение, т. е. планки *шамшерак* придвигаются к ткачу, а планки *оринҷак* принимают вертикальное направление. Между рамой с бёрдом и валом к потолку подвешивается на бечеве *торбанд* или *гулабанд* (рис. 42, *4к)* пара нитченок — *гула* (рис. 42, *4л*), навязанных на палочки. Палочки прикреплены к деревянным коромыслицам, а последние уже привязываются за середину к потолку. Снизу от нитченок к педалям, называемым *пошвор* или *пошворак* (рис. 42, *4 м*), идут веревочки — *пошворбанд* (рис. 42, *4н*). При нажимании педалей нитченки поочередно поднимаются и опускаются, поднимая и опуская нити основы. Основа *тор* (рис. 42, *4о*) пропускается через нитченки и бёрдо и прикрепляется к навою. Позади нитченок основа расправляется двумя круглыми, гладко обструганными палочками, называемыми *газича* (рис. 42, *4п*), которые вставляются поперек одна за другой и отделяют: первая — верхний слой ниток основы от нижнего, а вторая — наоборот. Дальше основа пропускается под вал *паркол,* протягивается к противоположной стене, подводится к потолку, перебрасывается через сделанную там специально перекладину и спускается вдоль стены к полу. К ней привязывается груз, обычно какой-нибудь камень (рис. 42, *4)*. Он так и называется *санговез,* или *борсанг* (висячий камень, или камень-грузило). Иногда их бывает несколько, если нужно натягивать одни нити основы сильнее, а другие слабее, как, например, при тканье *куртачи,* когда голстые нити основы, называемые *турра* (коса, жгут), натягиваются гораздо слабее остальных нитей основы и благодаря этому ложатся в материи, немного курчавясь и выступая более рельефно на гладком фоне.

Бёрда делаются различной ширины, в зависимости от ширины изготовляемой материи. Каждый промежуток между камышинками бёрда называется в Дарвазе *нол* (камыш, тростник), а в Каратегине — *ниҳол.*

Челнок — *моку, мокӣ, мокин* с утком — *пуд* пропускается между нитями основы вручную. Он вырезается в форме лодочки без дна (рис. 42, *3*) из твердых древесных пород, обычно из дерева абрикоса, груши. Часто челнок вырезают и из бычьего рога или из рога дикого горного козла. Для укрепления в челноке палочки—*сихи моку* с надетой на нее цевкой—*найча* с намотанной основой внутри челнока с одной поперечной стороны делается небольшое углубление, а с другой стороны — паз, глубиной и длиной до 2 см, при ширине до 2—3 мм. На боку челнока, поперек этого паза, ближе к верхней поверхности конца челнока, просверливается круглое отверстие. Палочка с надетой на нее цевкой одним концом вставляется в углубление, а другим концом — в паз. Этот конец палочки укрепляется в пазу стерженьком из ости куриного пера, называемым *пари моку* (перо челнока) и вставляющимся в поперечное круглое отверстие в боку челнока, а конец нити утка продевается в дырочку, просверленную в боку челнока, и вытягивается наружу.

При тканье шерстяной материи *рағза* употребляется станок более примитивного типа, чем для тканья хлопчатобумажных тканей: собственно станка, вернее его основания — *кунда,* на котором монтировались бы другие части, нет совсем, а бёрдо с рамой и ремизки просто подвешиваются к потолку, при этом рама с бёрдом — *шонадастгир* делается гораздо короче, а бёрдо — выше, и изготовляется оно не из камышинок, а из гладко обструганных лучинок из веток барбариса — *зелол.* Ремизки сверху привязываются не к коромыслицам, а прикрепляются посредством бечевок к деревянным блокам. Снизу же вместо педалей делают лямки из широкой шерстяной тесь-

мы, в которые и продевают ноги. Лямки прикрепляются бечевками к двум палочкам, а палочки эти за концы привязываются к концам нижних палочек ремизок. Вал для навертывания сотканного сукна делается так же, как описывалось выше.

Как видим, устройство ткацкого станка очень простое. В целом к нему вполне подходят слова К. Маркса о ткацком станке индийских ткачей, представлявшем собою весьма примитивное сооружение, состоявшее иногда из деревянных обрубков, грубо приколоченных гвоздями друг к другу.[42]

Несмотря на примитивное устройство своих станков, ткачи-таджики вырабатывали на них довольно обширный ассортимент тканей из хлопка, шелка и шерсти, некоторые из которых не были лишены известной доли изящества и красоты. Этому много способствовали также и растительные краски, применявшиеся при окрашивании ниток или уже сотканной материи, дававшие превосходную гамму немного притушенных, но ласкавших взор цветов.

Для окрашивания в различные оттенки красных цветов как шелка, так и бумаги, а главным образом шерсти, употребляли марену (тадж. — *руян,* лат. — Rubia tinctoria), которую для этого специально сеяли. На третий год поздней осенью (в месяц *қавс,* т. е. примерно с 10 ноября по 8 декабря) ее корни выкапывали, сушили и толкли. Полученный порошок растворяли в воде, и в этом растворе кипятили нитки. В зависимости от концентрации раствора получали различные по интенсивности оттенки красного цвета.

Для получения желтого цвета употребляли ореховый наплыв *ҷоғари ҷормағз* и наплывы на тутовом дереве или на яблоне, а также цветы растения *испарак* (Delphinium semibarbatum, или Zalil),[43] а в Дарвазе — и траву *ҳасанак.* Для получения желтой краски употребляли также корни конского щавеля (тадж. *шилха,* лат. Rumex L.) и барбариса (тадж. *зелол,* лат. Berberis).

В синий цвет окрашивали либо краской индиго, которую привозили на базары Каратегина и Дарваза афганские торговцы, либо брали корни растения *торон* (Poligonum alpinum) и зеленую оболочку грецких орехов, называемую местным населением *калила* или *ғиждаи чормағз,* сушили, толкли и кипятили, а потом в полученном отваре красили в синий цвет; однако эта краска сильно линяла.

Зеленый цвет получали путем окрашивания сперва в желтой, а потом в синей краске, фиолетовый — путем последовательного окрашивания в красный и потом в синий цвет, оранжевый — тоже последовательным окрашиванием в красный и желтый цвета и т. д.

Для окрашивания в черный цвет употребляли гранатовые корки— *пучоқи анор* с железными опилками, иногда цветы черной мальвы.

Существовали разнообразные рецепты протравливания окрашиваемых предметов, составления красок и их закрепления на окрашенных вещах. Постепенно, однако, это искусство стало исчезать, а натуральные красители вытесняться химическими красками, которые привозили как из городов Туркестана, так и из Афганистана и Индии. На базарах в Хаите и в Калаи-Лаби-Обе, например, афганские купцы, приезжавшие из Дарваза, продавали *ранги қуттиги* — краску в жестяных коробках, видимо, английского или германского производства. Одну коробку такой краски можно было приобрести за один *ман* (около 4 пудов) пшеницы. Некоторые из наиболее оборотливых местных торговцев покупали коробку краски у афганцев и делили ее содержимое на небольшие порошки, которые потом по мелочам продавали населению, получая на этом незначительный барыш.

Как нам удалось выяснить, в Каратегине ассортимент выделывающихся хлопчатобумажных тканей был весьма невелик. Там ткали главным образом гладкобелый материал полотняного переплетения, называвшийся *карбос*. Кое-где ткали *қаламӣ* — тоже ткань полотняного переплетения, но не гладкобелую, а в разноцветную редкую и узкую по белому фону полоску. Для этого в основу ткани пропускали на известном расстоянии по нескольку ниток желаемого цвета. Обычно им был красный или темно-зеленый. Кое-где ткали и *алоча* — ткань полотняного переплетения в цветную полоску, но чаще всего ее привозили из Ферганы.[44] Еще реже ткали шелковый карбос, называвшийся в Каратегине *дорой*, или *пиллагӣ* (от слова *пилла*—кокон), а в Дарвазе — *қазин, қазинӣ* или *дорой*, из которого шили женские платья и головные платки, причем их в сшитом уже виде красили техникой резервации. Фон обычно делали ярко-красным, а по нему в известном порядке разбрасывали кольцеобразные или ромбообразные фигуры разного размера, выкрашенные в другие, тоже яркие цвета.[45]

Для женских же головных платков в Каратегине ткали еще тонкий хлопчатобумажный карбос, называвшийся *борикӣ*.

В Дарвазе из хлопка ткали гораздо больше сортов материи. Так, например, кроме упомянутых выше, там производили также *сатранҷӣ, куртачӣ, сурхканҷ, сияҳканҷ, алифтор, маллагӣ, шашӣ* и др. Кроме того, ткали чалмы полушерстяные — *мошовӣ* и полупуховые — *тибитӣ*.

В Дарвазе, где ткачество было широко распространено, снование основы — *тортанӣ* явилось всем хорошо известной работой и обыкновенно выполнялось не самими ткачами, а заказчиками, которые, делая заказ ткачу на изготовление для них той или другой материи, приносили ему не нитки, смотанные на катушки, а уже готовую основу и нитки для утка, смотанные на шпульки. В Каратегине, где ткачество было гораздо менее распространено, население не всегда умело сновать основу, и этот процесс работы выполняли сами ткачи, которые поэтому брали здесь с заказчиков за работу сравнительно больше, чем в Дарвазе.

Основа хлопчатобумажных материй перед заправкой ее в станок подвергалась своеобразному процессу декатировки и в то же время шлихтованию, для чего она отваривалась в крахмальном растворе. В Дарвазе этот процесс назывался *батикунӣ*[46]. Для этого брали пшеничную муку и замешивали из нее тугое пресное тесто, которое клали в посуду, заливали водой и разминали, после чего давали отстояться и воду сливали в отдельную посуду. Оставшуюся на дне гущу опять заливали водой и опять, тщательно размесив, давали отстояться, и воду сливали в ту же посуду, что и в первый раз. Этот раствор выливали потом в котел и в нем замачивали основу, котел ставили на огонь, доводили до кипения и кипятили нитки до впитывания ими всего раствора. Во время кипячения основу в котле один раз перевертывали. В Каратегине муку просевали на частом сите — *шаъл* и разводили в воде не замешивая теста. Этот процесс назывался там *оҳаркунӣ* — крахмаление. Потом основу вынимали, развешивали, давали немного остыть, отжимали, а затем в середину перевязанных в одном месте пасм основы продевали палку и ею били основу — *пак мезаданд*, отчего нити основы отделяются одна от другой, или, как говорят, *карбос мешукуфад* — «карбос раскрывается». Когда основа высыхала, ее сматывали в большой клубок—*ғун* (соответствует равнинному *калоба)* и оставленный один конец заправляли в ремизики и бёрдо. Во время *батикунӣ* основа сильно сгдится. Муку для этого крахмаления приносили заказчики, а дрова ткач расходовал свои. Такому же крахмаленью в Дарвазе подвергалась и основа шелкового карбоса — *қазинӣ*.

Технология изготовления всех перечисленных выше материй довольно различна, поэтому считаем целесообразным сказать о ней то, что нам удалось зафиксировать.

Все хлопчатобумажные ткани, за исключением тонкой, похожей на марлю или кисею материи — *шаши* (шедшей на женские головные платки), ткались шириною около 30 см, а местным населением ширина их исчислялась в одну четверть и четыре пальца — *як ваҷабу чор ангушт*, или сокращенно просто *чорангушти* (четыре пальца). Материя же *шаши* ткалась шириной примерно около 50 см (две четверти и четыре пальца — *ду ваҷабу чор ангушт)*. Основа сновалась для всех материй (кроме *шаши)* из одинакового количества нитей, только у одних материй она делалась из двойных нитей, а у других, как, например, у *сатранҷи* или у *куртачи* — из нитей разной. толщины, чередовавшихся в определенном порядке. Все ткани ткались самым простым, полотняным переплетением с применением двух ремизок, а разнообразия фактуры ткач добивался другими средствами: снованием основы из ниток разной толщины и разного цвета. То же самое проделывали с утком, причем ткали как одним челноком, так и двумя, если пропускались нитки разного цвета или разной толщины.

Основу сновали для всех материй, кроме шаши, в 102—104 двойных нитки. Раисы, т. е. лица, следившие за выполнением населением религиозных и нравственных норм, а также и за правильностью мер и весов на базарах, строго следили за тем, чтобы у продававшихся материй нитей основы было не меньше этого количества.

Для материи шаши основу сновали из 80 одинарных нитей. Иногда у шаши делали вдоль кромок узкую разноцветную полоску, и тогда ее называли *шашии ваканора* или *шашии канорадор*, т. е. шаши с каемкой. Для тканья ее были особые бёрда с соответствующим числом редко расположенных перегородочек.

Алачу ткали двух сортов: *сияҳалоча* (черная алача), у которой уток делался из черных ниток, и *сурхалоча* (красная алача) с красным утком. Первая получалась более скромных и темных цветов и шла на мужские халаты, а вторая — более ярких — на женскую одежду. Основа алачи непременно делалась в разноцветную полоску. Иногда в основу алачи пропускали несколько шелковых нитей.

Алифтор ткался в два челнока — *думокия*, причем уток в одном челноке был белый в одну нитку, а в другом — из черных ниток, намотанных вдвое. Челноки пропускались поочередно по одному разу каждый. Основу для алифтор сновали из двойных нитей, обычно черных и белых, в определенной последовательности, причем между ними пропускалась одна красная нить. Тканье алифтора считалось трудным делом, требовавшим пристального внимания ткача, так как нужно было соблюдать очередность проведения челноков, отчего у ткани получался правильный рисунок. Поэтому не каждый ткач брался за его изготовление. Алифтор шел исключительно на мужскую верхнюю одежду и халаты. Его ткали только в Дарвазе.

В Каратегине в годы войны для пошивки халатов ткали толстый карбос с двойной основой и двойным утком, при этом нитки красили в темно-желтый цвет, подражая материи из верблюжьей шерсти, называемой *пиёзи*. Из этой материи шили верхние халаты без подкладки, называвшиеся *чакмани қоқма.*

Для изготовления *куртачи*—материи на женские платья основу сновали из пущенных вдвое толстых ниток *турра* и обычных тонких ниток, причем чередование тех и других было разным. Уток же делали из обычных тонких ниток. Ткали одним челноком. Толстые нитки основы пропус-

кались вдвое и втрое подряд и давали продольные выпуклые полосы, тоже называвшиеся *турра*, отделенные друг от друга узкими или широкими промежутками обычного гладкого карбоса.

В зависимости от порядка чередования этих выпуклых продольных полосок материя носила различные названия. Так, например, если шли две близко друг от друга отстоящие выпуклые полоски, потом через более широкий промежуток шли три таких же близко лежащих полоски, а затем через такой же широкий промежуток шли опять две близко друг к другу расположенных полоски, и дальше полоски повторялись в той же последовательности, то такая материя называлась *куртачии баргаки бед* (куртачи листочек ивы). Если выпуклые полоски шли группами по четыре и каждая группа отделялась от другой более широким промежутком гладкого карбоса, то такая материя называлась *куртачии тутапеч*. Был рисунок, называвшийся *панҷаи шер* (пятерня, т. е. лапа льва) и т. д.

Для того чтобы полоски более рельефно выделялись на материи, образующие их нитки, помимо того что прялись гораздо толще остальных нитей основы, выделялись еще из основы в особую прядь или пасму, и к этой пряди подвешивался более легкий груз, чем к тонким нитям основы, а поэтому при тканье толстые нити *турра*, будучи очень слабо натянуты, ложились в материи сморщиваясь, делались *занҷирадор* (цепочкообразными), отдалено напоминающими букле. Кроме этих выпуклых полосок в основу в определенном порядке пропускали иногда и цветные нитки, чаще темно-зеленого, темно-красного, синего или черного цветов; такая материя называлась *куртачии вакабуд, куртачии васиях* и т. п., т. е. «куртачи с синим», «куртачи с черным» и т. п.

Для материи *сатранҷӣ* (шахматная) основу сновали из тонких и толстых ниток таким образом, что сперва пропускали несколько тонких и одну толстую нитку вдвое, повторяя потом этот же порядок. Уток ткали двумя челноками, в одном из которых были тонкие нитки, а в другом толстые — *турра*, намотанные тоже вдвое. Очередность пропускания того или другого челнока соблюдалась в зависимости от чередования нитей основы. Если, например, в основе идут шесть тонких и потом одна толстая двойная нить, то и уток пропускали в таком же порядке, т. е. пропускали шесть раз челнок с тонкой нитью, а затем один раз — челнок с толстой нитью. Для *турра* пряли толстые нитки, и на шпульку — *найча*, вставленную в челнок, наматывали вдвое. Таким образом материя получалась с рельефными квадратиками или «в шашку», вроде вафельной материи для полотенец, только квадратики ее были гораздо крупнее. *Сатранҷӣ* шла исключительно на шитье мужских халатов без подкладки.

Технику изготовления других материй (из перечисленных выше), а именно: *борикӣ, сурхканҷ* и *сияҳканҷ*, к сожалению, не удалось выяснить и записать. По некоторым сведениям, требующим еще проверки, *сурхканҷ* называли белый в красную полоску карбос, шедший на женские платья.

Мерой длины при измерении материи является *газ*, причем в Дарвазе он считался равным половине *қулоч* (т. е. половине маховой сажени), а в Каратегине равнялся двум маховым саженям. В Дарвазе существовали и были в обиходе деревянные газы, наподобие аршинов или метров, и материи складывались в куски по 12 газов или по 6 маховых сажен в каждом. Из такого одного куска материи выходил один халат или одно женское платье.

За последнее перед революцией время газ был, по-видимому, приравнен к аршину, и материи складывались и до сего времени склады-

ваются по 12 аршин в куске, но считается, что в них по 12 газов. В 1954 г. в Дарвазе нами было приобретено несколько кусков различных материй, и все они имеют по 12 аршин. В то же время нами в к. Пшихарв, в Дарвазе, был приобретен и один деревянный газ, называемый местным населением *чубгаз*, равный 81 см,[47] а в 1956 г. в Дарвазе же, в к. Зыгар, был куплен *чубгаз*, равный одной маховой сажени, или 163 см.[48]

В Каратегине материи складывали по 3 или по 2,5 тамошних газа, т. е. по 6 или по 5 маховых сажен, и это количество называлось *як либос*, или *як мато*. Однако и там, по словам осведомителей, в свое время были в обиходе деревянные газы, называвшиеся тоже *чубгаз* и равные тоже половине маховой сажени.

Плату за свою работу ткач в большинстве случаев получал с заказчика натурой — сотканной им же материей. В Дарвазе, например, в к. Егид нами записано, что за тканье обычного карбоса — *карбоси сафед* ткач брал с заказчика $^1/_8$ часть сотканной им материи, за тканье *сатранҷӣ, куртачӣ, алифтор* и *алоча* — $^1/_7$, а за тканье *шашии канорадор* — $^1/_4$ сотканного количества. В Каратегине ткач получал за свою работу вознаграждение — *музд* материей же, причем везде в разных размерах — от $^1/_8$ до $^1/_5$ части сотканной материи, а также часто ткачу платили зерном. В к. Нушор, например, за тканье каждых 2 маховых сажен карбоса платили 1 тюбетейку зерна, а за тканье такого же количества сукна *рағза* — вдвое меньше. Платили и деньгами, что говорит о большем развитии в Каратегине торговли и о большей товарности крестьянского хозяйства каратегинца.

В Каратегине карбос продавался и на деньги, причем кусок карбоса местного изготовления, размером два с половиной газа, т. е. пять маховых сажен — *панҷ қулоч*, стоил 10 тенег,[49] а завозной кашгарский — 5 тенег, так как он был гораздо тоньше. В Дарвазе *як карбос*, т. е. кусок карбоса в 6 маховых сажен, обменивали за 20 тюбетеек зерна (примерно 26 кг).

За тканье шелкового карбоса *қазин* заказчики платили какими-нибудь продуктами или еще чем-нибудь, но не самой материей, так как обычно она не ткалась в большом количестве.

Когда заказчик хотел сдать мастеру заказ, он заготовлял нитки, сматывал нитки для основы на большие катушки — *тута*, или *мәлут*, а нитки утка — на цевки, складывал все это в мешок или корзины, брал с собой необходимое количество муки для шлиховки основы и несколько (обычно 4) пар хлебных лепешек и какое-нибудь жидкое кушанье — *нармӣ*. Со всем этим он отправлялся к мастеру, отдавал ему в виде подарка принесенные лепешки и похлебку, а также и муку для крахмаленья, нитки же сдавал весом. Считалось, что на один кусок карбоса, равный 6 маховым саженям, ниток обычной толщины шло два фунта — *ду қадоқ*, а если нитки были тоньше обычного, то из трех фунтов получалось два куска. Сотканную материю иногда принимали от ткача по весу, но чаще по количеству, исходя из указанного расчета.

Как уже упоминалось, кроме хлопчатобумажных материй, в Каратегине почти повсеместно, а в Дарвазе — в некоторых высокогорных кишлаках выделывалось из овечьей шерсти сукно —*рағза*,[50] из которого шили верхние халаты *чакман* и рабочие штаны *шорағза*, надеваемые во время некоторых работ и во время участия в конной игре *бузкаши*.

Сукно выделывалось обычно трех цветов: белого, черного и бурого. Самым ценным и нарядным считалось белое сукно. Оно ткалось на станках обычного, описанного нами выше типа, лишь бёрда делались

уже и выше. Как и карбос, оно ткалось шириной в 1 четверть и 4 пальца, но после валяния, которому его подвергали, ширина сукна уменьшалась. Основа делалась из скрученных вдвое 52 пар ниток, а уток — в одну, а иногда и в две некрученых нитки. Уток при тканье наматывался на палочку, выполнявшую функции челнока и называвшуюся *моширa*. Нитченок было тоже две. Сукно ткалось кусками длиною 16 маховых саженей или 8 гязов (в Каратегине). Такого куска материи было достаточно для одного чакмана. На тканье его уходило 8 фунтов шерстяных ниток. За тканье такого куска сукна обычно платили либо зерном (от 1 до полутора пудов или 1 тюбетейку за один гяз материи), либо деньгами, а самой продукцией, т. е. сотканной материей (как это делали при тканье карбоса), не платили, так как обычно ее заказывали немного, на один или, максимум, на два халата, а разъединять это количество материи было нецелесообразно. Сотканную материю заказчик потом сам подвергал валянию, для чего каждый кусок ее делили на две равные части, расстилали обычно на снятую дверь дома, сбрызгивали несколько раз теплой водой и мяли ногами, держась в это время руками за веревку, протянутую между столбами, на которых лежит крыша дома. Под конец материю навивали на деревянную скалку, и, катая ее, выравнивали кромку. После этого сукно давало значительную усадку и в длину, и в ширину. Халаты из такого сукна пользовались большим спросом на базарах Гиссара — за один халат можно было получить, в зависимости от его качества, до 5 пудов риса или от 20 до 40 бухарских тенег.

Помимо сукна, в некоторых местах Дарваза ткались полушерстяные и пуховые чалмы, причем и у тех и у других основа делалась бумажная, а уток шерстяной или пуховый. На изготовление полушерстяных чалм шла белая шерсть дарвазских овец *гадик*, а на пуховые чалмы употребляли пух домашних и диких горных коз.

Кроме описанного выше ножного горизонтального станка, существовал еще примитивный, монтировавшийся на земле станок, на котором женщины ткали шерстяную материю для мешков — *рағзаи ҷувол* и паласов — *чодар*, а также обмотки для ног—*пойтоба*. Последние ткались как из шерсти, так и из бумаги. Основной частью этого станка были две ремизки для поднимания нитей основы. Они подвешивались к треноге из жердей, которая по мере надобности передвигалась вперед. У всего этого приспособления, с большой натяжкой называемого нами станком, бёрда не было, а для прибивания нитей утка пользовались саблеобразной деревянной колотушкой. Ткач каждый раз после проведения нити утка вводил эту колотушку в зев и ударял по нитям утка по направлению к себе, после чего передергивал нитченки, опять пропускал одну нить основы, опять прибивал ее колотушкой и т. д. Челнок при таком способе тканья не употреблялся, а уток наматывался на палку длиною немного больше ширины выделываемой материи. Она и служила челноком. Основа натягивалась на вбитые в землю колышки. Чтобы она не путалась, в нее, на расстоянии примерно метра от нитченок по направлению к концу основы, вставлялась гладкая палка, отделявшая верхний слой основы от нижнего. Называлась она, как и в ножном ткацком станке, *газича*.

Такой способ тканья, широко распространенный и у кочевых народов Средней Азии, называется у таджиков *бофтани заминакӣ* — «тканье на земле».

У ткачей, так же как и у кузнецов, существовало ученичество, причем срок прохождения учебы был более коротким и обычно не превышал одного года, что объясняется просто несложностью этой «науки»

и небольшим (сравнительно с кузнечным делом) ассортиментом вырабатываемых изделий. Условия ученичества были примерно такими же, как и у кузнецов. Ученик жил у учителя и выполнял работы по хозяйству, но получал от мастера только питание (*танҳо дар ошкамаш авқот мехурд*), а одежду носил свою. Точно так же окончивший обучение должен был получить от своего наставника разрешительную молитву — *фотиҳа,* так же этот наставник справлял своему выученику самое необходимое обзаведение ткача, а ученик в виде благодарности делал подношения своему учителю, разве только размеры последних были более скромными, чем подношения, которые получал мастер-кузнец.

Заниматься ткачеством без получения *фотиҳа* считалось предосудительным делом. Одна пожилая женщина в к. Умарак рассказывала нам, что она против желания своей матери обучилась у нее ткацкому делу и как ни просила ее дать ей разрешительную молитву, мать была неумолима и говорила, что ткачество трудное дело и она не хочет, чтобы ее дочь занималась этим ремеслом. Поэтому у осведомительницы, по ее выражению, до сих пор (мать ее давно умерла) *сари дилаш сиёҳ,* т. е. «на сердце темно», так как она занимается ткачеством без благословения выучившей ее этому делу матери.

Получение разрешительной молитвы у ткачей, как мы говорили, обставлялось более скромно, чем это делалось у кузнецов. Так, например, когда житель к. Ушхарв Мухаммадюсуф Махмадшафе, родившийся в начале 70-х годов XIX в. и обучившийся ткацкому ремеслу у своего дальнего родственника лет шестьдесят тому назад, устраивал угощение по поводу получения им фотихи от своего учителя, собралось 6—7 мастеров — *усто.* Информатор, помимо угощения, дал каждому из собравшихся мастеров по одному куску карбоса. По сведениям, собранным в к. Халкарф, около поселка Гарм, обряд посвящения мастером-ткачом своего ученика в мастера назывался *камар бастан,* т. е. «опоясывание поясом».

Ткацкое ремесло считалось весьма почетным занятием хотя бы уже по одному тому, что ткач был и сам одет и обеспечивал одеждой свою семью. По этому поводу представляет некоторый интерес стихотворение, записанное в к. Каланак Гармского района:

Ормон дорам шуҳаки бофанда кунам.	Мечтаю я выйти замуж за ткача,
Вай шилик-шилик кунад ман найча кунам,	Чтобы он ткал, а я цевки наматывала,
Вай карбоса газ кунад ман курта кунам.	Чтобы он мерял карбос на гязы, а я шила бы (себе из него) платье.

Патроном ткачей считался *Шиши набиулло* (пророк божий Шиш) или *Шиис пайғамбар* (пророк Шиис). Наиболее благоприятными для работы днями недели считались понедельник и четверг. По вечерам под пятницу мастера окуривали станок ароматичными травами — *шаби ҷумъа хушбу меандохтанд,* для чего употребляли листья горного лука — *камч,* кориандра — *гашнич* или руты.

Ткачеством занимались больше всего зимой в свободное от сельскохозяйственных работ время.

ГОНЧАРСТВО

Производство гончарной посуды в Каратегине и Дарвазе когда-то было широко развито, но в настоящее время потеряло свое значение и продолжает существовать в глухих, отдаленных от автомобильных дорог селениях. Так, в Каратегине оно еще в какой-то мере сохрани-

лось в группе кишлаков, носящих общее название Куло, в сельсовете Лангари-Шо, Таджикабадского района, в кишлаках Яхч, Тегирми и Самсолик, Комсомолабадского района, и в некоторых кишлаках Казнокского сельсовета, Гармского района (Качаманди, Шуль). В долине Хингоу гончарство тоже имело большое распространение, но особенно было развито в расположенных высоко в горах селениях Сафедорон и Сагырдашт, однако сейчас оно там совсем прекратилось, так как жители района (кроме к. Сагырдашт) переселились в хлопкосеющие районы на юге республики.

До недавнего времени гончарный промысел имел очень широкое распространение также в к. Сари-Шухон, Гармского района, но в начале 50-х годов жители его тоже переселились на новые земли — в районы хлопководства, и промысел прекратился.[51]

В более или менее значительных размерах производство глиняной посуды сохранилось лишь в Калаи-Хумбском районе и до сих пор носит там в некоторых селениях характер домашнего промысла и подчас даже ремесла. Производство это продолжает существовать там в трех издавна известных центрах, когда-то снабжавших своими изделиями определенные территории: 1) в расположенных по верхнему течению р. Хумбоу кишлаках Гишон, Хост и Рубот, откуда посуда расходилась вниз по ущелью, вплоть до Калаи-Хумба, а часть ее сбывалась и в Вахио[52]; 2) в к. Висхарв, расположенном у истоков одноименной речки, впадающей в Пяндж на 34 км выше Калаи-Хумба. Из этого кишлака посуда расходилась вниз по Пянджу до Калаи-Хумба. и вверх по Пянджу до самого Шугнана;[53] 3) в к. Ёгид, расположенном на Пяндже, ниже Калаи-Хумба километров на 30, откуда продукция гончаров расходилась по кишлакам, лежащим на берегу Пянджа ниже и выше самого Ёгида, на территории так называемого Шикая, не доходя до Калаи-Хумба.

Наиболее характерными особенностями гончарного производства Каратегина и Дарваза, как и вообще горных районов Таджикистана, является то, что оно находится целиком в руках женщин,[54] посуда выделывается без гончарного круга и без поливы, а обжиг ее производится не в печах, а на открытом месте в костре, топливом для которого служит сухой помет животных.

Выделкой посуды занимаются и занимались в теплое время года, главным образом летом и осенью, когда нет осадков. Никакого специального рабочего помещения для этого не было — посуду делали обычно во дворе, где-нибудь под деревом или в другом тенистом месте. Изделия просушивали в тени деревьев или иногда вносили их для этого в дом, который летом обычно пустовал, так как все население выбиралось на открытый воздух. Часто выделкой и обжигом посуды занимались на летовках, вблизи которых находились места, откуда брали гончарную глину; это облегчало и вопрос с топливом для обжига, так как на летовках, где сосредоточивался весь скот, навоз имелся в изобилии.

Посуду выделывали из гончарной глины — *хоки кулол,* или *гил,* которую копали в определенных местах. Обычно отыскивали глину наиболее опытные мастерицы, глинище — *хокканик* называли иногда по имени отыскавшей его женщины. Местонахождения глины носили и другие названия. Например, в к. Ёгид глину брали высоко в горах на летовках, в местности, называемой Виск.

В зависимости от качества глины к ней иногда добавляли песок— *рег,*[55] который просеивали через решето, чтобы не попали крупные гальки. В к. Ёгид песок не примешивали, зато глину для более мелких сосудов выбирали с наименьшей примесью гальки — *камсангтар*, а для крупных сосудов, наоборот, подходящей считали глину с большей при-

месью камешков — *серсанг*. Копали глину кайлом — *каноч* или кельтообразным топориком — *теша*, а то и большим ножом для резания лапши — *ошбур*. Кайло (рис. 44) представляет собою железный клюв, насаженный весьма примитивным образом на древко в форме рукоятки с загнутым концом. Иногда в добыче глины принимали участие и мужчины. Это бывало тогда, когда глинище было расположено далеко от селения или в трудно доступном месте, либо когда для откалывания глины требовалась мужская сила.

Рис. 44. *Каноч* — мотыга-кирка для копания, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156—118).

Если место добычи глины находилось далеко от кишлака, то за глиной женщины отправлялись часто компаниями. Прибыв на место, отдохнув после пути и подкрепившись захваченными с собой припасами, они принимались копать глину, произнося обычную молитвенную формулу *бисмиллоҳи раҳмони раҳим*, как это всегда делали при начале всякой другой работы. Накопанную глину насыпали в мешки, грузили их на ослов и отправлялись в обратный путь. Иногда количество подходящей для выделки посуды глины в глинище оказывалось очень незначительным и приходилось искать другое место. Такое быстрое исчезновение запасов глины считали иногда результатом недостойного поведения или ритуальной нечистоты какой-либо из женщин, копавших глину.

Заготовив достаточное количество глины и примешиваемого к ней песка, приступали к обработке и подготовке ее для выделки посуды. С этой целью в некоторых местах в Каратегине глину рассыпали и просушивали на солнце, очищали от попавшейся примеси, разбивали деревянными колотушками. Для этого употребляли иногда *бонку*, *бомкуб* — деревянную колотушку, которой в дождливое время года утрамбовывают глиняные крыши, когда в них появляются трещины, или специальной колотушкой называвшейся (к. Сафедорон) *чуби гилчикӣ*, а потом замешивали на воде, добавляя песок, месили руками в глиняных лоханях или деревянных квашнях, или ногами (к. Каланак), либо клали глину на каменную плиту, называемую в Дарвазе *дальясанг*,[56] по Хингоу — *санги гилчикӣ* (от *гил* — глина и *чикидан* — бить, толочь) и выбивали деревянной колотушкой (в к. Яхч, Сафедорон) до готовности — *дар қиём ояд*, выбирая попадавшиеся камешки. После этого глину собирали в большие комья — *ғунда*, которые складывали в доме в кучу и закрывали тряпками, чтобы они не сохли, а затем приступали к выделке посуды.

В к. Сари-Шухон глину после размельчения просеивали через решето и после замешивания выдерживали до 10 суток.[57]

В к. Ёгид глину круто замешивали с водой и, тщательно вымесив, складывали на камень или в другое какое-нибудь место, где бы к ней не примешалась земля, накрывали тряпками и оставляли на несколько дней, чтобы глина «поспела» — *бирасад хок*. Когда глина «поспевает». она делается вязкой — *ширешик*. При изготовлении посуды берут такое количество глины, которое необходимо для работы в течение одного дня — *чени росткуни якруза* и толкут, вернее, растирают, на плоском гладком камне—*дальясанг* гладким же камнем—*ғалтун* или бьют камнем на камне же, и таким образом размельчают имеющиеся в глине камешки. После этого к глине для вязкости примешивают козью шерсть —*бузму* и начинают лепить посуду.

«Орудиями производства» при изготовлении посуды являются местная обычная деревянная ложка — *қошуқ* с отломанным черенком и круглая палочка или камышинка. Ложка служит для выглаживания сосудов как с внешней, так и с внутренней стороны и называется *лесик* (от *лесидан* — лизать), а камышинка или палочка — *гардангардонак* служит при обработке венчиков сосудов, при выравнивании горлышка у сосудов с внутренней стороны, загибании и отгибании венчиков и т. д.

Сосуды лепили на круглых, выпуклых с одной стороны лепешках из навоза, называемых *бәник* (от *бун* — основание), или на досках для теста — *тахтаи нонросткуни*, иногда на перевернутых вверх дном старых сосудах. В к. Ёгид для формовки нижней части небольших сосудов употребляют сделанные из свежего коровьего навоза и высушенные «колодки», называвшиеся там тоже *бәник*. За последнее время при изготовлении глубоких мисок в качестве *бәник* стали иногда употреблять алюминиевые чашки. Нижняя часть сосуда, изготавливаемая на таких колодках, называлась *тағора* (таз, лохань), или тоже *бәник*. При ее изготовлении брали кусок глины, расплющивали его в лепешку, накладывали последнюю на колодку, плотно обжимали по ней и получившуюся таким образом чашеобразную нижнюю часть изготавливаемого сосуда снимали. Чтобы глиняная лепешка не прилипла к колодке, последнюю посыпали истолченной в порошок глиной или золой. За последнее время колодку с той же целью стали покрывать куском марли. В к. Сари-Шухон таких «колодок» не употребляли, а лепили весь сосуд от руки. В Дарвазе и в Вахио после изготовления нижней трети более или менее крупного сосуда или так называемой *тағора*, или *бәник* ее просушивали, затем ставили в таз с золой и при надобности повертывали перед собой вместе с тазом.

Тағора обычно составляла третью часть сосуда. Остальная часть делалась путем налепливания на верхние стенки *тағора* глиняных полосок. Когда было сделано все тулово сосуда и оформлен венчик, к сосуду приделывали ручки и носик для слива, если им полагалось быть.

В это же время посуду украшали налепным орнаментом. Посуда в к. Ёгид украшалась, иногда довольно обильно, налепами в виде шишечек, кружочков, завитков и проч. Небольшие конусообразные шишечки назывались *гуи бузак* (помет козлика), кружок, иногда с такой же шишечкой в центре, называли *гергерак* (значение не выяснено), а завитки, почти всегда имеющиеся в том месте, где к сосуду присоединяется нижний конец ручки, назывались *ниқор* (*нигор* — рисунок, украшение), *қушқор*, или *шохчаи қушқорак* (рожки барана-производителя).

Рис. 45. Керамика из Дарваза и Каратегина:

1—кузача—кувшинчик, Дарваз, к. Висхарв (КП 273—373); *2—афтоба*—кувшин для омовений, оттуда же (КП 273—372); *3—кузача*—кувшинчик, оттуда же (КП 273—376); *4*—то же, оттуда же (КП 273—375); *5—якдаста*—кувшин для воды, Дарваз, к. Дашти-Лич (КП 156—252); *6—дэгли*—глиняная корчага с ручкой и дулькой, Дарваз, к. Висхарв (КП 156—249); *7—қулқулак*—кувшин для питья воды, Каратегин, к. Тегирми (КП 273—478); *8—чойҷӯшак*—кувшин для кипячения воды, оттуда же (КП 273—475); *9—куза*—кувшин для воды, оттуда же (КП 273—471); *10—чойҷӯшак*—сосуд для кипячения воды и заваривания чая, в форме видно подражание металлическому сосуду того же назначения, оттуда же (КП 273—476); *11—қулқулак*—кувшин для питья воды, оттуда же (КП 273—469); *12—кӯзача*— кувшинчик, Дарваз, к. Висхарв (КП 273—374); *13—қулқулак*— кувшин для питья воды, Каратегин, к. Тегирми (КП 273—479); *14—дастшӯй*—сосуд для умывания над ним рук, оттуда же (КП 273—477); *15—хурма*—кринка с двумя ручками, оттуда же (КП 273—472); *16—намакдон* — кувшинчик для хранения раствора соли, оттуда же (КП 273—474); *17—хумча*—кувшин для хранения вина, оттуда же (КП 273—468).

1

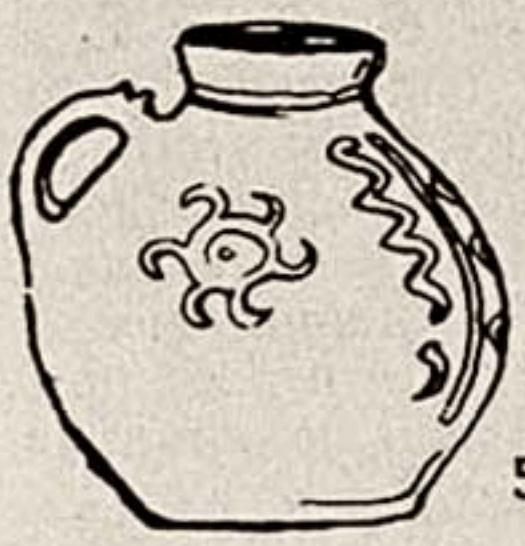
2

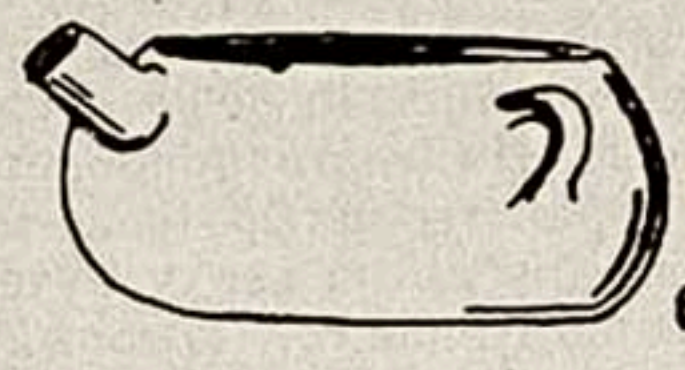
3

4

5

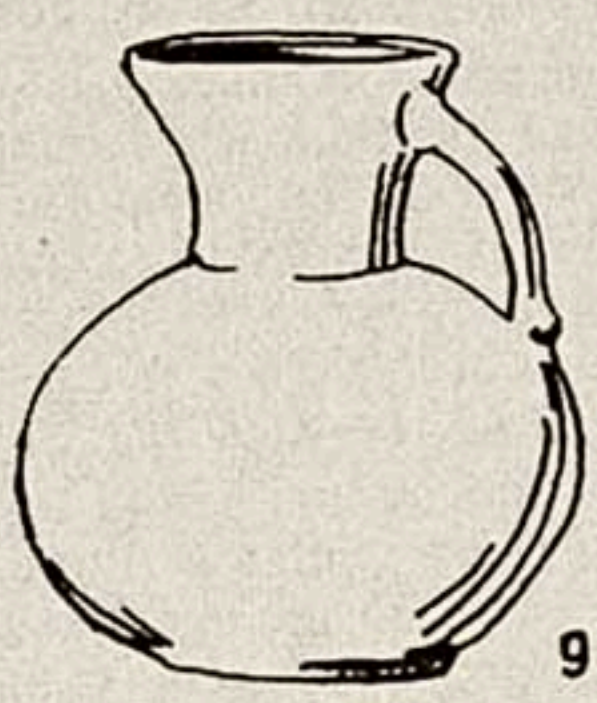
6

7

8

9

1

10

11

12

13

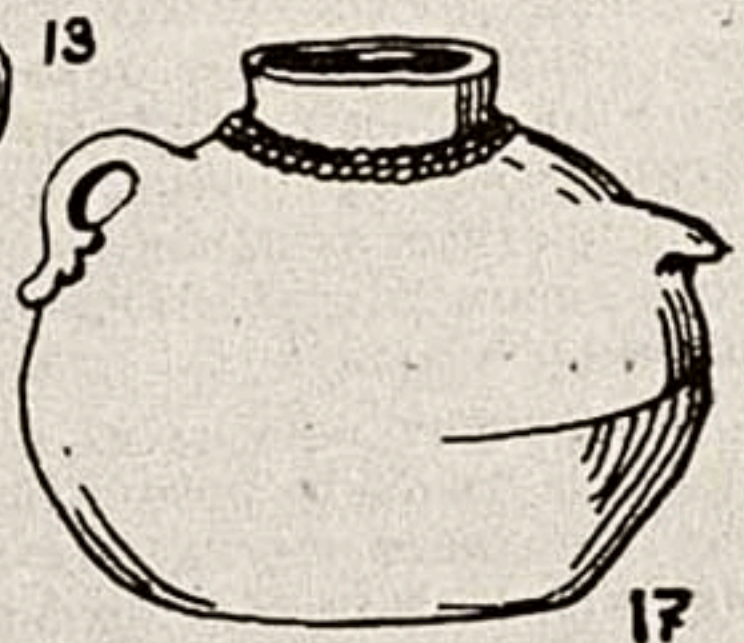
14

15

16

17

0 8 16 24 32

Небольшие кружочки назывались также *чашми булбул* (глаз соловья), кружочки побольше, с вписанным в них другим кружочком, назывались *чашми гов* (глаз коровы), три же концентрически налепленных кружочка назывались *маҳсар*, или *гули афтобпараст* (цветок подсолнечника).

Иногда на тулово сосудов накладывались зигзагообразные фигуры, которые назывались *каҷак* (кривенький, кривуля). Вокруг горловины сосудов, в месте ее соединения с туловом, накладывался один или два выпуклых валика называвшиеся *мура* (от *муҳра* — бусы) и т. д. В к. Висхарв тоже, по-видимому, посуду украшали налепленным орнаментом. Однако это делалось гораздо реже и самих форм этого орнамента было гораздо меньше. Из шести приобретенных нашей экспедицией сосудов висхарвской работы четыре совсем не имеют никаких налепных украшений, у двух других на верху ручек по линии венчика положено поперек по небольшому валику, который скорее играет роль прихватки, помогая увереннее держать ручку сосуда при поднимании, и лишь у одного сосуда, помимо наложенных параллельно на верх ручки двух валиков, на тулове впереди и по бокам имеется по выпуклому кружочку, диаметром около 2,5 см, а кроме того, по обеим сторонам ручки на тулове имеются две полудуги, у которых один конец короче другого. И если валики на ручках и могут иметь какое-то практическое значение, то кружки и полудуги у последнего сосуда являются только лишь украшением (рис. 45, *1—4, 6, 12*).[58]

В Каратегине налепные украшения редко применялись и были не такими многочисленными по форме, как в Дарвазе. Они состояли из шишечек и полосок, большею частью на ручках или под ручками сосудов, и носили общее название *муҳра* или *зеб* (украшение). Занимавшиеся гончарством таджиков исследователи относят некоторые из этих украшений к пережиткам антропоморфных форм в сосудах.[59]

Так, в коллекции гончарной посуды из 22 предметов, приобретенной в к. Тегирми, Комсомолабадского района, у 17 сосудов никаких налепных украшений или росписи нет (рис. 45, *7—11*, *13*—17; рис. 51, *10—17*, *20*) и лишь у остальных пяти имеются налепы в форме характерных для каратегинской керамики шишечек или валиков, причем только на одном из этих пяти сосудов упомянутые налепы играют явно роль украшения — это у большого кувшина *хумча*, имеющего форму чуть приплюснутого шара с довольно узким горлом, вокруг основания которого и налеплен ряд соприкасающихся друг с другом шишечек, образующих «ожерелье» (рис. 45, *17*). На тулове этого же сосуда со стороны, противоположной ручке, имеется выступ — прихватка, подобные которому Е. М. Пещерева относит к зооморфным элементам орнамента.[60]

Коллекция посуды из к. Самсолик, насчитывающая 16 предметов, и посуда из Гармского района также свидетельствуют о том, что и здесь налепные украшения применялись не всегда и в очень ограниченном ассортименте. Украшения состояли из валиков, положенных вокруг горлышка сосуда в месте его соединения с туловом, и налепов на ручках в форме валиков, шишечек и спиралевидных двойных завитков (рис. 46, *4—5, 7—10*, *13, 17—21*).

Посуда из Верхнего Каратегина (районы б. Таджикабадский и Джиргатальский) отличается грубостью форм и тоже почти лишена украшений (рис. 46, *1—3,6*; рис. 47, *1—7,10*). Представляет интерес лишь один сосуд — это так называемая *хурмаи сузанӣ* — кувшин с ручкой и сливом, украшенный процарапанным орнаментом (рис. 47, *5*).

Исключение в этом отношении составляет лишь посуда из к. Дараи-Хакими, Комсомолабадского района (рис. 47, *8, 9, 11—14*), довольно богато украшенная налепами в форме шишечек, завитков, кружочков, витых валиков и т. д. и этим самым приближающаяся к посуде из к. Ёгид в Дарвазе, о которой мы пишем ниже. Там же делали посуду, расписанную краской из отвара коры миндального дерева.

В к. Ёгид изготовленные сосуды после просушки подвергали ангобированию — *маймолкунӣ* или, вернее, обмазке. Для этого сосуды с наружной стороны обтирали тряпкой, смоченной в сметанообразном растворе мелко истолченной и просеянной красной глины, называвшейся *маймолхок*. Просушив сосуды, на них еще раз наносили такой же тонкий слой красной глины, после чего подвергали лощению сперва немного влажной, а потом и сухой мягкой тряпочкой. Этот процесс назывался *сайқалкунӣ*, что значит «полировка» или «наведение глянца», а занимающаяся нанесением ангоба мастерица или ее подручная называлась *маймолгар*. Крупные сосуды для крепости перед ангобированием покрывали по дну глиной, смешанной с козьей шерстью и толченой солью — *намаки хура*.

В Каратегине выделанную и высушенную посуду тоже подвергали ангобированию. В к. Каланак, например, ангоб наносили при помощи тряпки, намоченной тоже в негустом растворе красной глины. В к. Яхч высушенные сосуды просто обтирали смоченной водою рукой, чтобы затереть появившиеся после просушки трещины.

В к. Сари-Шухон (рис. 48) нанесение ангоба, по записям Е. М. Пещеревой, называлось *гилобчакунӣ*, причем сама глина, употреблявшаяся для ангобирования и называвшаяся *хоки гилобча*,[61] бывала трех сортов, вернее, трех цветов: *зардак* — желтоватая, *сурхак* — красноватая и *кабутак* — зеленоватая или синеватая. Глину мелко толкли, просеивали через частое решето, после чего разводили водой до консистенции жидкой сметаны. Ангоб наносили тряпкой, смоченной в этом растворе, и еще влажный сосуд протирали ладонью, а потом лощили надетым на руку паголенком от старого шерстяного чулка.

Украшение сосудов росписью, производимое перед обжигом и после ангобирования, встретилось нам лишь один раз — на приобретенном в Калаи-Хумбе сосуде, сделанном в к. Дашти-Лич (около Калаи-Хумба) и расписанном светло-палевой, почти белой краской (рис. 45, *5*); Е. М. Пещерева в своей работе о гончарах к. Сари-Шухон тоже пишет, что ей встретился всего лишь один сосуд, украшенный растительным орнаментом, нанесенным железистой глиной.

Наша экспедиция в 1954 г. зарегистрировала в Комсомолабадском районе (к. Яхч) также только один переносный очаг, расписанный белой краской (рис. 54, *1*). На основании этого мы можем думать, что роспись посуды для Каратегина и Дарваза — не характерное явление.[62]

После окончательной отделки посуда опять хорошо просушивалась сперва в тени, а потом и на солнце, а затем уже шла в обжиг. В к. Ёгид предварительно, для предохранения посуды от сглаза, вера в который была очень сильной, на посуду перед обжигом наносили знаки — *гул*. Для этого брали мелкие голубоватые камешки[63], попадавшиеся в глыбах каменной соли, растирали их на каменной терке и смешивали с водой, а потом концом палочки, обернутым в тряпочку и смоченным в этом растворе, наносили на посуду знаки в форме крестиков, звездочек и т. д. После обжига эти знаки становились белыми. Считалось, что в таком случае если на посуду и взглянет плохой человек, это не принесет ей вреда, так как *чашмаш ба гулаш мерасаду*

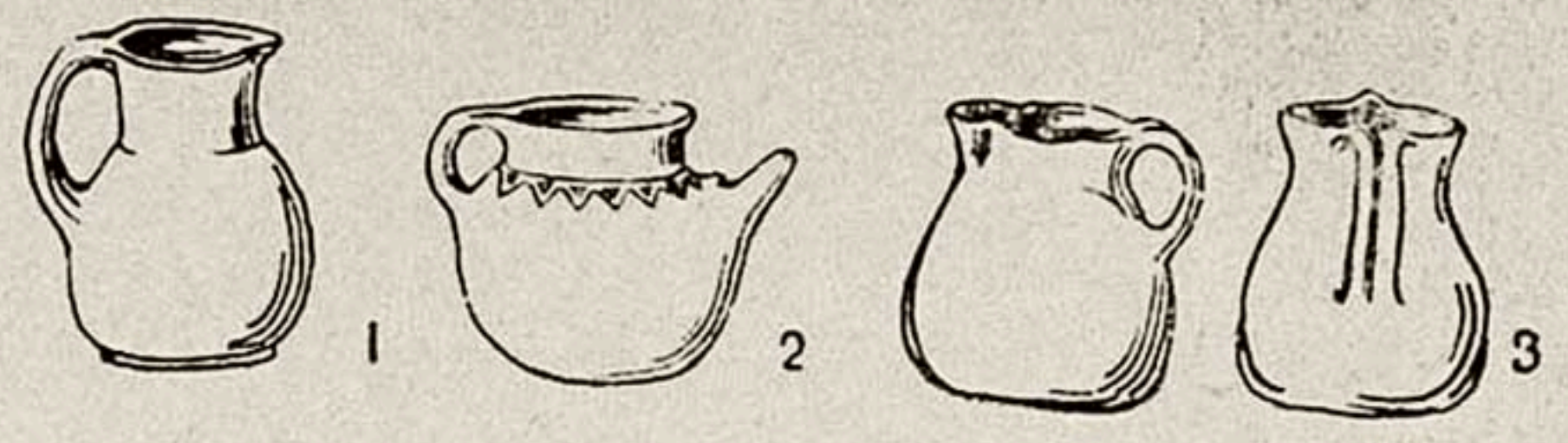
Рис. 46. Керамика из Каратегина:

1—хурмача—кринка, в которую доят коз, к. Пилдон (КП 306—154); *2—афтобаи обрез*—кувшин для омовений, оттуда же (КП 306—224); *3—чойҷуш*—кувшин для кипячения воды, формой имитирует такие же металлические сосуды, оттуда же (КП 306—216); *4—чойҷушак*—кувшинчик для кипячения воды, к. Самсолик (КП 273—11); *5—ҳалқадаста*, или *намакҷома*—сосуд для разведения в нем соли, оттуда же (КП 273—12); *6*—сосуд, имитирующий тыкву-горлянку для ношения воды, к. Пилдон (КП 306—162); *7—мангича*—сосуд для воды, к. Самсолик (КП 273—15); *8*—то же, оттуда же (КП 273—14); *9—қулқулак*—сосуд для питья воды, оттуда же (КП 273—4); *10*—то же, оттуда же (КП 273—16); *11—мошинга*, или *қулқулак*—сосуд уткообразной формы, к. Кочон (КП 306—328); *12—кӯзача*—кувшинчик детский для питья воды, оттуда же, к. Кочон (КП 306 — 355); *13 — хурмаи говҷуш* — подойник для доения коров, к. Самсолик (КП 273—1); *14—мангича*—кувшинчик, к. Казнок (КП 306—373); *15—хурмача*—кринка для молока, к. Кочон (КП 306—375); *16*—то же, оттуда же (КП 306—376); *17—якдаста*, или *калакча*—кружкообразный сосуд с одной ручкой, к. Самсолик (КП 273—6); *18—кӯзаи обьёрӣ*—кувшин для ношения и хранения воды, оттуда же (КП 273—2); *19—хурмаи калон*—большая кринка для молочных продуктов, оттуда же (КП 273—10); *20—чахдег*—сосуд для сбивания масла, оттуда же (КП 273—5); *21—афтоба*—сосуд для омовений, оттуда же (КП 273—7).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
0 8 16 24 32

Рис. 47. Керамика из Каратегина:

1—дулук, или *хурмача*—кувшинчик с высоким горлом, к. Нушор (КП 306—271); *2—афтоба*—сосуд для омовений, оттуда же (КП 306—283); *3—лабкачак*—кувшинчик с ручкой и со сливом, к. Пилдон (КП 306—202); *4—хурмача*, или *ҳалқадаста*—кувшинчик, к. Нушор (КП 306—272); *5—хурмаи сузанӣ*—кувшин с процарапанным узором, к. Пилдон (КП 306—167); *6—мангича*—сосуд для воды, оттуда же (КП 306—148); *7—кӯза*—сосуд для воды, украшенный налепами, оттуда же (КП 306—163); *8—якдастача*—сосуд для воды, к. Сари-Пулак (КП 306—488); *9—хурма*—кринка с налепами, оттуда же (КП 306—483); *10—лабкачак*—кувшинчик, к. Пилдон (КП 306—202); *11—афтоба*—кувшин для омовений, к. Сари-Пулак (КП 306—557); *12—хурмача*—кринка для молока, украшенная налепами, оттуда же (КП 306—517); *13—мурғобича*—сосуд для питья воды, украшенный налепами, оттуда же (КП 306—559); *14—хурмача*— кринка с двойными ручками с завитками, оттуда же (КП 306—485).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
0
8
16
24
32

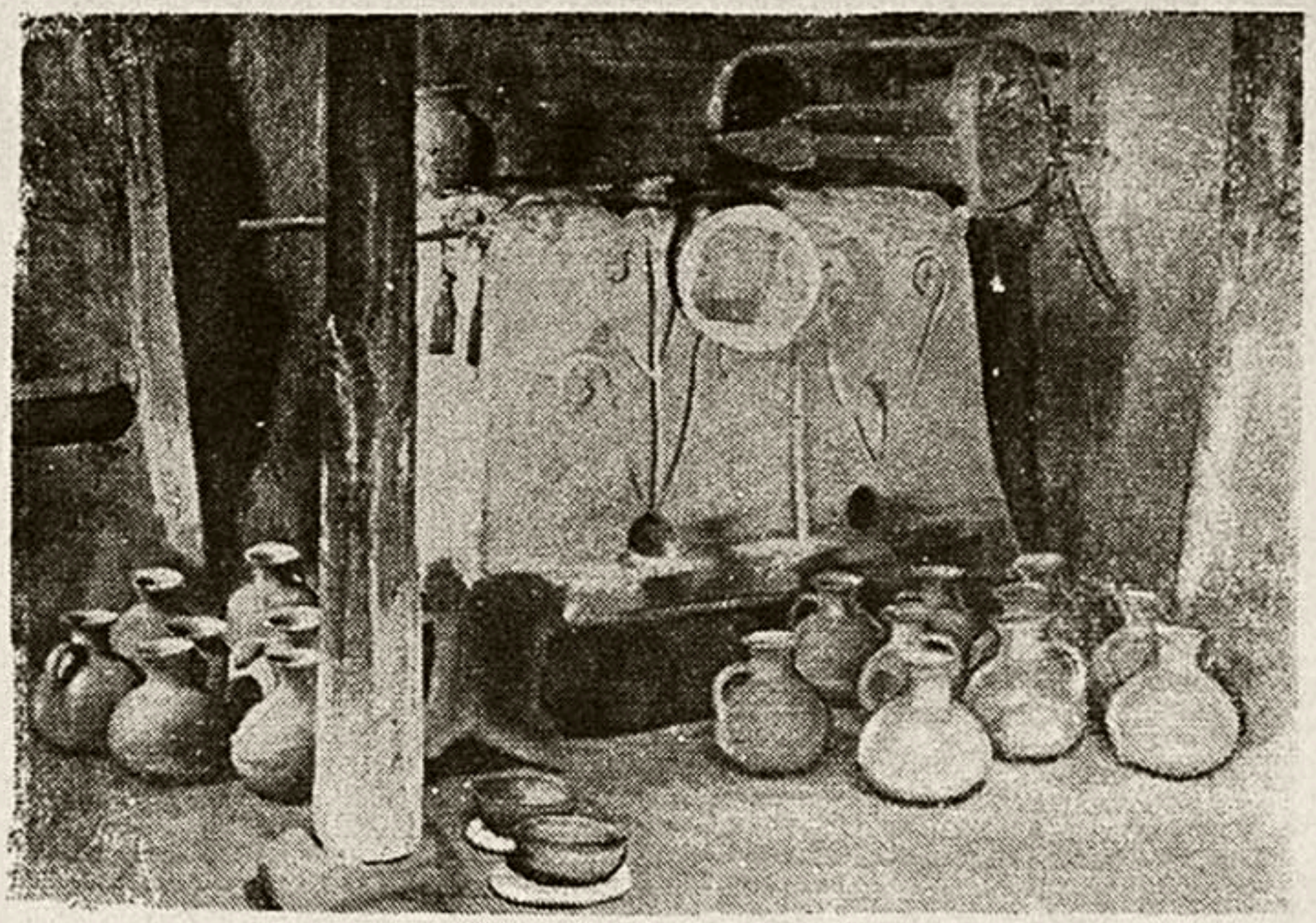

Рис. 48. Гончарные изделия, вырабатываемые в к. Сари-Шухон, Гармского района. Фото Таджикской комплексной экспедиции АН СССР 1932 г. Фонды МАЭ. И 58—145.

ба худаш не (глаз его попадает на знак, нанесенный на посуду, а не на самую посуду), и от этого он потеряет де свою силу сглаза.

Приготовив посуду для обжига, выбирали подходящее для этого место и туда сносили как самую посуду, так и необходимое для обжига топливо — сухой помет животных, бурьян.

Приступая к установке посуды в кучу для обжига и обкладыванию ее топливом, мастерица произносила краткую молитву, обращаясь к покровительнице гончарного мастерства и прося себе удачи в деле. Потом сперва насыпали ровный слой навоза или укладывали в несколько слоев лепешки из навоза, а затем мастерица осторожно устанавливала на них посуду, размещая мелкие предметы между крупными. Сверху и с боков посуда тоже покрывалась лепешками и полынью. Иногда в Каратегине, тоже с целью предохранения обжигаемой посуды от сглаза, между кусками топлива клали помет собаки (к. Яхч).[64] В других местах с целью предохранения посуды от сглаза клали ароматичные вещества — *хушбуй*, в данном случае широко известные травы: кориандр, руту или горный лук — *камч*. Установка посуды в кучу для обжига и перекладка ее топливом называлась *пур мондан* или *пурмонӣ*,[65] а сама приготовленная к обжигу куча посуды, обложенная топливом, называлась *пур*. Перед поджиганием пура мастерица опять повторяла молитву, обещая пожертвовать из обожженной посуды несколько предметов — *худой мегуфт* за то, чтобы посуда обожглась без какого-либо изъяна (*кузаҳо бенуқс хезанд*, или *кузаҳо нав бихезанд дутаҳош худой*). Эти сосуды после обжига отдавались кому-либо (в Дарвазе их отдавали обычно первому попавшемуся на глаза человеку). Иногда она обещала устроить угощение во имя патронессы своего ремесла. Так, в к. Яхч перед зажиганием костра говорили: *Эй, арвоҳи пири кулол, эй худовандо, агар ин пури маро соғу саломат барорӣ ба арвоҳат як корсон кулчаи худой (ё оши худой* и т. д.) (О дух

покровителя гончаров, о боже, если этот мой пур выведешь (из обжига) целым и невредимым, то для поминовения твоих предков (я испеку) квашню сдобных лепешек (или устрою поминальный обед и т. д.). При исполнении этого обета давшая его мастерица или хозяйка посуды шла по соседям и из четырех домов выпрашивала по горсти муки, добавляла к этой муке свою муку, пекла обещанное кушанье и отсылала его в мечеть, где его съедали и возносили молитвы в честь патрона гончаров.

В к. Зыгар, Калаи-Хумбского района, пур должна была поджигать девушка или девочка — *духтари хона, бева не,* которая при этом говорила: *пур пури сангакӣ санг бишиканаду пур не* (пусть будет вся посуда пура крепкой, как камень, пусть камень расколется, а посуда нет).

Обычно каждая мастерица обжигала свою посуду отдельно и не совсем охотно разрешала другим мастерицам ставить свою посуду для обжига к ней в пур. Это вызывалось, главным образом, опасением, чтобы кто-нибудь не испортил всю обжигаемую посуду. Считалось, что это было очень легко сделать — стоило лишь положить в один из сосудов бумажку с наговорной молитвой, как все сосуды хозяйки кучи полопаются, а сосуды женщины, положившей наговор, выйдут из обжига целыми и невредимыми (к. Яхч). Если женщина, желавшая обжечь свою посуду, не нравилась хозяйке — *соҳиби пур*, то последняя вполне могла отказать в этой просьбе и никаких нареканий ей за это не делалось. В некоторых местах (например в к. Тегирми) при складывании посуды в кучу для обжига никого к ней не подпускали, боясь каких-либо нежелательных последствий, вроде «сглаза», а когда костер был уже подожжен, то к нему позволялось подходить уже всем. Возможно, считалось, что огонь «обезвреживал» всякие козни и происки недоброжелателей. В других местах (к. Каланак) к просьбам о совместном обжиге посуды относились более терпимо и обычно разрешали ставить небольшое количество сосудов для обжига. При этом для опознавания посуды после обжига на нее предварительно наносили знаки тем же указанным выше способом, каким наносили знаки от сглаза, или же на нижнюю часть сосудов наносили опознавательные знаки в виде черточек или каких-либо несложных фигур, процарапанных на поверхности сосуда. Эти метки были различными по форме и не имели характера постоянных знаков, не превращались в постоянные метки одной какой-нибудь мастерицы.

Во время установки посуды в кучу для обжига в середину в нескольких местах клали горящие угли, от которых постепенно разгорался и навоз внутри кучки. Снаружи навоз поджигали тоже в нескольких местах, особенно если куча получалась большая. При одновременном зажигании кучи изнутри и снаружи огонь равномерно разгорался и вся масса посуды в одинаковой степени им охватывалась.

В Дарвазе (к. Ёгид) пур снаружи полагалось поджигать мальчику, которого потом благодарили за это, но никакого подношения ему при этом не делали.

В к. Яхч пур полагалось разжигать девушке или девочке, которой стоящие вокруг мастерицы делали указания. Считалось, что если пур разожжет девственница, то и все сосуды выйдут из обжига целыми. Разжигать огонь при помощи спичек или при разжигании костра лить керосин не полагалось.

Обжиг можно было делать в любой день. Например, с утра устанавливали посуду, куча постепенно курилась изнутри, а потом, когда ее поджигали и снаружи, она к вечеру загоралась пламенем. Мастерица все время следила за ходом обжига, и если посуда где-нибудь оказывалась открытой, ее прикрывали куском топлива, который, чтобы не

обжечься, клали при помощи лопаты. Это делалось для того, чтобы в кучу *шамол надароид ва кузаҳо нашикананд* (не попал ветер и чтобы сосуды не полопались).[66] Считалось, что лучше посуду обжигать в ночь, чтобы она получилась темного цвета, так как посуда, обжигаемая днем, будто бы получалась белесой. Вечером около ярко горящей кучи собиралось много народу, как взрослых, так и детей. В огне кипятили чай, мастерицы варили традиционную *каши к* — кашу из дробленной пшеницы, фасоли и гороха, другие запекали в золе тыквы и т. п. Подходившие к огню люди поздравляли мастерицу или хозяйку посуды с началом обжига, за что последняя благодарила словами: *худо муборак гардонад, садқа* (бог да вернет Вам благословения, стану я за Вас жертвой). Если в это время подходили люди, которых считали обладающими «дурным глазом», то мастерица или хозяйка пура хотя и сердилась, но молчала и не показывала своего недовольства. При обжиге очень часто собиралась молодежь, пели четверостишия — *чорбайт,* рассказывали сказки, загадывали загадки. Мастерицы старались не отходить от обжигаемой посуды и следили, чтобы кто-нибудь не подбросил чего-нибудь в костер, а также и за тем, чтобы посуда не обнажалась.

По сообщению Е. М. Пещеровой, в Каратегине мужчины не допускались к тому месту, где происходил обжиг. Сам обжиг посуды носил там характер праздника, на который приходили гости, устраивалось угощение, на котором «присутствовали» две куклы, представлявшие патронов гончарного ремесла.[67]

По тому, как обожжется посуда, судили и о судьбе ее владелицы. Например, одна из ёгидских мастериц, по имени Робихамо, рассказывала нам, что при обжиге посуды, сделанной ею самою и ее матерью. посуда самой Робихамо обжигалась очень хорошо, а посуда, сделанная ее матерью, вся потрескалась, и в том же году мать умерла.

Утром мастерица разбирала посуду из золы, давала остыть и сносила ее куда-нибудь поближе к воде, где потом все сосуды наполнялись водой и оставлялись на несколько часов. Тут же производилась выбраковка посуды. Потом вода выливалась и посуду относили домой (рис. 49). Наливание водой производилось как с целью проверки це-

Рис. 49. Гончарные изделия, вырабатываемые в к. Ёгид, Калаи-Хумбского района. Фото Таджикской комплексной экспедиции АН СССР 1932 г. Фонды МАЭ, И 58—147.

лости сосудов, так и для уменьшения их пористости. С последней целью посуду также наливали или обливали молоком, обмазывали заквашенным молоком или заквашивали в ней молоко. Еще лучше было смазывать тот или иной горшок салом — *чарвӣ (чарбу)* или топленым маслом — *равғани зард*. От этого посуда приобретала блеск и более темную окраску — *парвардаи хуб мегирад*, а главное, переставала пропускать влагу.

Иногда в новые сосуды сначала наливали немного молока или супа — *шурбо* и ставили в очаг на угли. Время от времени содержимое взбалтывалось, чтобы стенки сосуда были все время смочены. Если не было под рукой молока и супа, то ополаскивали новую посуду разболтанной в воде мукой и ставили париться в горячий очаг.[68] Все эти манипуляции с ликвидацией пористости производились либо самой мастерицей с посудой, оставляемой для личного обихода, либо лицами, купившими посуду для себя. В отношении же посуды, предназначенной для продажи, хозяйка ее ограничивалась лишь упомянутым наливанием сосудов водой.

Ассортимент выделываемой из глины посуды и других предметов быта был довольно обширен. Так, в Дарвазе нами зарегистрировано около 20 разных типов сосудов. Поскольку описания посуды дарвазских гончаров нигде не имеется, мы считаем необходимым привести его в наиболее полном виде, снабдив описание иллюстрациями.

1. *Афтоба*[69] — сосуд с ручкой и носиком для воды, употребляющийся при умывании и при совершении мусульманами ритуального омовения перед молитвой. Афтоба имеет шарообразное, иногда несколько приплюснутое тулово с уплощенным, без закраины дном и прямое, довольно широкое и высокое горлышко для наливания воды. С одной стороны тулово имеет небольшую ручку — *даста*, а с противоположной — крутэ поставленный носик — *нул*, *нулук* для слива воды. Ручка сделана в виде петли из довольно широкой (до 5 см) и толстой (до 1 см) глиняной полоски, вдоль которой посередине с обеих сторон имеется небольшое утолщение — *хәруш*, скрадывающее ширину ручки и вместе с тем увеличивающее ее толщину, а тем самым и прочность. Это утолщение ручки способствует также наиболее плотному охвату ее просунутыми в нее двумя пальцами.

Ручка прикрепляется своим верхним концом к плечику, а нижним концом — к тулову сосуда в наиболее широкой его части, примерно в середине. Поставлены ручки у всех афтоба почти вертикально. Сосуды этого типа делаются сравнительно небольшого размера и вмещают литр — полтора воды. Для дарвазских афтоба характерным является наличие, иногда обильное, налепных украшений, в основном одной и той же формы (рис. 50, *1—6, 13, 14*).

2. *Буздуш,* или *кузачаи буздушӣ, или бузкаш,* — кринкообразный сосуд для доения коз (рис. 50, *16* и *23*). Он имеет шарообразное, немного приплюснутое тулово с плоским без закраины дном и широким прямым горлом. Края горла чуть-чуть отогнуты. Два ушка-ручки в виде петли из глиняной полоски с чуть заметным утолщением вдоль середины верхним концом прикреплены к плечику, а нижним — к тулову сосуда в наиболее широкой его части, примерно в середине. Ручки маленькие (можно просунуть один палец) и предназначены для привязывания за них к сосуду веревки, лыка и т. д. В горле сбоку, на уровне плечика, из глины же сделана прихватка — *дастгир* в форме плоского выступа. При доении женщина левой рукой держит сосуд за венчик, кладя концы пальцев на прихватку, а правой рукой доит. Сосуды такого рода обычно имеют налепные украшения.

Рис. 50. Керамика из Дарваза (к. Егид):

1—афтоба—кувшин для омовений, налепной орнамент состоит из двойного валика вокруг шейки, называемого *думуҳра,* с завитками на концах—*ниқор*, завитки с кружочком на боках—*қушқори васар* (баран с головой), завитки у основания ручки—*шохчаи қушқор* (рога барана) (КП 273—323); *2*—то же, (КП 156—11); *3*—то же (КП 156—1); *4*—то же (КП 156—12); *5*—то же (КП 156—18); *6*—то же (КП 156—10); *7—кузачаи обхур*—кувшинчик для питья воды, украшен налепными кружочками—*чашми булбул* (глаз соловья) и шишечками — *гуи бузак* (помет козлика) (КП 273—109); *8—қипча*—кринка с одной ручкой (КП 273—182); *9—кузачаи якгушик*, или *кузачаи якдаста*—кувшин (КП 273 — 47); *10—говкаш*—подойник (КП 273 — 236); *11—говкаш*—подойник с прихваткой—*дастгир* внутри (КП 273—315); *12—кузачаи обхур*—кувшинчик для питья воды (КП 273—137); *13, 14—афтобача*—игрушечные кувшины для омовений (с рис. Х. А. Жаба); *15—кузачаи якдумчук*—кувшин с одной ручкой для варки пищи и пр., кольцеобразные с шишечкой внутри налепы называются *чашми гов* (глаз коровы), завитки под ручкой—*қушқор* (баран, т. е. рога барана) (КП 273—349); *16—кузачаи буздуший*—сосуд для доения коз (КП 156—16); *17—кавича*—сосуд для сливочного масла (КП 273—319); *18—кузачаи обхур*—кувшинчик для питья воды (КП 273—138); *19—қипча*—чашка для пищи (КП 156—9); *20—дуғура*—котелок для варки пищи (КП 273—320); *21—кавича*—сосуд для сливочного масла (КП 156—21); *22—гилй-ғудора*—чашка для пищи (КП 156—20); *23—буздуш*—сосуд для доения коз (КП 156—2).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
0 8 16 24

Рис. 51. Керамика из Каратегина и Дарваза:

1—қулқулак—сосуд для воды, Каратегин, к. Сари-Шухон (КП 306—403); *2—афтоба*—сосуд для омовений, Каратегин, к. Яхакпаст (КП 306—362); *3—мошинга*—сосуд для воды, Каратегин, к. Сари-Шухон (КП 306—370); *4—қулқулича*—кувшинчик для питья воды, Каратегин, к. Миёна-Дара (КП 306—474); *5—мурғоби дудаҳана*—утка с двумя горлышками—сосуд для питья воды, оттуда же (КП 306—472); *6—мангича*—кувшинчик, Каратегин, к. Сари-Шухон (КП 306—374); *7—хурмача*, или *лабдаста*—кувшинчик на трех ножках, Каратегин, к. Нушор (КП 306—296); *8—мурғоби*—утка—сосуд для питья воды, Каратегин, к. Яхч (КП 306—475); *9—хурма*—кринка для молока с налепами и процарапанным узором, Каратегин, к. Миёна-Дара (КП 306—473); *10—копаккоса*—чашка, Каратегин, к. Тегирми (КП 273—480); *11*—то же меньшего размера, оттуда же (КП 273—485); *12—ҳалқакоса*—большая чашка с поддоном, оттуда же (КП 273—482); *13*—то же с прихваткой сверху, оттуда же (КП 273—487); *14*—крышка с ручкой-петлей, оттуда же (КП 273—488); *15—ҳалқакоса*—чашка с поддоном, оттуда же (КП 273—483); *16 — тавақчакоса* — чашка, оттуда же (КП 273—484); *17—афтоба*—сосуд для омовений, оттуда же (КП 273—470); *18—чахдегча*—сосуд для сбивания в нем сливочного масла, Каратегин, к. Нушор (КП 306—289); *19*—то же, на противоположной ручке стороне имеется прихватка в форме петли, на верху которой сделана маленькая чашечка—*косача*, в которую кладут несколько первых появившихся комочков масла, которые потом отдают съесть какому-нибудь ребенку, оттуда же (КП 306—261); *20—копаккоса*—чашка, Каратегин, к. Тегирми (КП 273—481); *21—дулук*—детский горшочек, ставляемый в колыбель, Дарваз, к. Егид (КП 156—3); *22—чиничаи чойхур*—чайная чашка, оттуда же (КП 273—30); *23—чилапчй*—сосуд для умывания над ним рук, оттуда же (КП 156—15); *24—тоба*—крышка из обожженной глины с ручкой—*думчук*, Каратегин, к. Пилдон (КП 306—169); *25 — тоба*—крышка из обожженной глины с прихваткой, оттуда же (КП 306—223); *26—сариц*—миска для мытья головы, Дарваз, к. Егид (КП 273—328); *27—ширполо*—цедилка для молока, дно которой завязывали куском кисеи, оттуда же (КП 273—92); *28—қадаҳ*—глиняная ваза, оттуда же (КП 156—258); *29—гиличаи вакун*—миска с поддоном, оттуда же (КП 156—17); *30—чинй*—чашка на ножке, оттуда же (КП 156—8); *31—тағора*—лохань для мытья головы, стирки белья и пр., Каратегин, к. Нушор (КП 306 — 258); *32 — гилй* — блюдо для еды, Дарваз, к. Егид (КП 156—13).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
15
16
14
21
20
17
22
18
28
19
27
24
29
26
30
23
25
31
32
0 8 16 24

3. *Говдуша,* или *говкаш* — такой же сосуд для доения коров, более крупного размера (рис. 50, *10* и *11*) и имеющий одну ручку.

4. *Дулук* (в Дарвазе) и *сиба* (в Каратегине) — детский горшочек, ставящийся в колыбель — *гавора.* Он имеет шарообразное, немного приплюснутое тулово и плоское без закраины дно. Горло в диаметре имеет 7 см, края горла круто, параллельно дну, отогнуты в стороны, тулово гладкое (рис. 51, *21*).

5. *Чинӣ* — широкий с плоским дном и низкими вертикальными стенками сосуд на высоком поддоне, применяется для сливания молока и жидкой пищи (рис. 51, *30*). Края стенок почти вертикальны. Никаких украшений на таких сосудах обычно нет.

6. *Қипча*—широкогорлый сосуд с одной ручкой для сливания молока и жидких кушаний (рис. 50, *8* и *19*). Он имеет шарообразное тулово и плоское дно, венчик имеет вид вертикально загнутого бортика и спереди немного выше, чем у ручки. Ручка небольшая — в нее можно продеть лишь два пальца; нижний конец ручки соединяется с туловом примерно посередине последнего, а верхний—на 2,5 см ниже венчика.

7. *Гилӣ* (букв. глиняный) — глубокое блюдо с плоским дном, округло выпуклыми стенками и с отогнутыми горизонтально широкими краями (рис. 51, *32*).

8. *Саршӯ* (от *сар* — голова и *шӯ* — корень глагола *шӯстан* — мыть) — миска полусферической формы с плоским снаружи и округленным внутри дном, округло-выпуклыми стенками с прямым (т. е. без отгиба) венчиком и двумя прихватками *гушик* (ушко) с боков. Употребляется для мытья головы (рис. 51, *26*).

9. *Чилапчӣ*[70] — сосуд для умывания над ним рук в виде полуглубокого блюда на толстой полой ножке, расширяющейся внизу в круглый репчатой формы сосуд для стока воды от умывания (рис. 51, *23*). Верхняя часть (блюдо) соединена с нижней частью еще вертикально поставленной ручкой. В дне блюда посередине сделаны отверстия для стока воды вниз, в сосуд репчатой формы.

10. *Нармибар* — кринкообразный сосуд с двумя ручками — ушками, в котором носят жидкую пищу. Он имеет шарообразное тулово с плоским без закраины дном, широкое горло с чуть-чуть отогнутыми краями. Ушки служат для привязывания к сосуду веревки, лыка и т. п. Очень похож на сосуд для доения коз — *буздуш* и отличается от него только отсутствием в горле прихватки — *дастгир.* Небольшие ушки (можно просунуть один палец) верхним концом примыкают к плечу, а нижним — к середине тулова. Сосуды этого типа часто имеют налепные украшения.

11. *Гиличаи вакун* — глубокое блюдо с поддоном, округло-выпуклыми стенками, отогнутыми горизонтально краями и с плоским дном (рис. 51, *29*).

12. *Гилича* — небольшое мелкое блюдо-тарелка с отлогими краями.

13. *Гидора* — миска для еды, без ручки или с ручкой, полусферической формы, с плоским дном и низкими стенками. Верхний конец ручки прикреплен к стенке ниже края миски, а нижний — к тулову (рис. 50, *22*).

14. *Кавича* — сосуд для сливочного масла в форме полусферической корзинки с плоским дном и с перекинутой поверх ручкой (рис. 50, *17* и *21*).

15. *Кузаи якдаста* — кувшин с одной ручкой и широким прямым и невысоким горлом, с туловом шаровидной формы и с плоским дном, без закраины (рис. 52, *4* и *5*). Употребляется как для держания воды и других жидкостей, так и для хранения сушеных фруктов, зерна и пр.

16. *Дуғура* — котелок для варки пищи, приплюснутошаровидной формы с двумя ручками и двумя прихватками-ушками — *ғура* и с плоским без закраины дном. Такие котлы теперь редко встречаются в употреблении (рис. 50, *20*).

17. *Чариғоз* (в Ёгиде), *дəглӣ* (в Висхарве) или *ширполо* (в Калаи-Хумбе) — корчагообразный, шаровидный, немного приплюснутой формы и плоскодонный сосуд с одной ручкой и с дулькой-сливом на боку (рис. 45, *6*), употребляется для растапливания в нем масла, а также для сливания в него молока и процеживания его через имеющийся слив, закрываемый для этого куском тонкой материи (отсюда название этого сосуда *ширполо* — цедилка для молока).

18. *Қадаҳ* (кубок, чаша) — круглое довольно глубокое блюдо на высоком поддоне, употребляется для жидкой пищи (рис. 51, *28*).

19. *Чархдег*[71] — большая невысокая корчага с широким туловом и немного суженным горлом, с ручкой на одной стороне и иногда выступом-прихваткой на нижней части тулова с противоположной ручке стороны. Служит для сбивания масла из заквашенного молока, для складывания на летовках сливочного масла, а также для хранения в домах топленого масла, сушеного тута, муки и проч. Размеры бывают различные, от вмещающих 10 кг зерна и больше (рис. 52, *1* и *2*).

20. *Қипи ҷурғотза* — тоже корчагообразный сосуд одинакового назначения и такой же примерно формы, как и *чархдег*, но с более широким горлом (рис. 52, *3*).

21. *Чойҷуши хокӣ* — переносный очаг для кипячения на нем воды в металлическом сосуде. Он делается в форме опрокинутого вверх дном конического жестяного ведра, широко практикуется сейчас в Дарвазе для кипячения на нем воды в кумгане.

22. *Стакон* — кружка с ручкой для питья воды.

Из обожженной глины делаются различной величины крышки для сосудов — *тоба (това)*, или *сарпушак*, имеющие сверху ручку или прихватку (рис. 51, *13* и *14*). В Каратегине для покрывания очагов делаются из необожженной глины большие крышки с прихватками, называемые также *това*, или *тоба* (рис. 51, *24* и *25*).

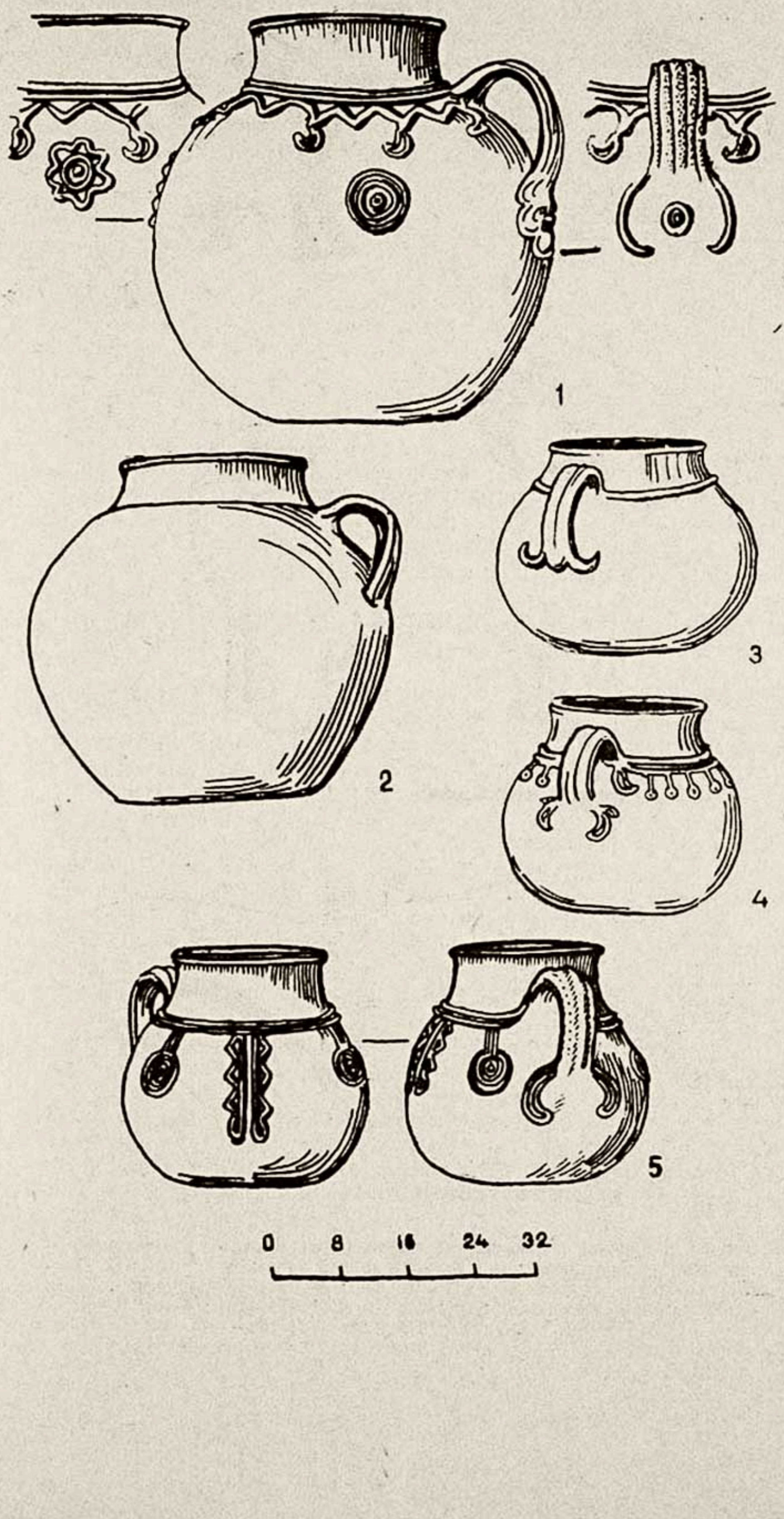
Кроме посуды, имевшей практическое применение в хозяйстве, мастерицы выделывали разнообразные маленькие сосудики, часто повторявшие формы больших сосудов и служившие игрушками детям. В Дарвазе они назывались так же, как и большие сосуды, но с уменьшительно-ласкательным суффиксом — *ча (кузача, қипчача* и т. д.). Для младенцев делались погремушки с камешком в середине. А в Дарвазе, в к. Ёгид, нами были приобретены даже глиняные статуэтки козла — *нахчир* и двух козлят, сделанные в весьма реалистической манере (рис. 53, *1*, *2* и *3*).

В Каратегине выделывался такой же, примерно, ассортимент посуды, что и в Дарвазе, однако многие из сосудов носят там совсем другие названия.

Как мы уже говорили выше, в Каратегине и Дарвазе гончарством занимались исключительно женщины. Мастерицу называли *кулол, кулолгар, ҷогаросткун*, или (в Каратегине) *кузаросткун*, или просто *ростгар*. Сами мастерицы в Дарвазе занятие гончарным делом называли *касабаи би Кулол* — «занятие госпожи Кулоль», а последнюю, т. е. Би Кулол считали патронессой своего ремесла. В Каратегине ее называют — *Ви Саит Кəлол*. В к. Сафедорон (бассейн Хингоу) существовал, по-видимому, и патрон гончаров. Там М. Р. Рахимовым записана со слов его матери, тоже занимавшейся гончарством, следующая молитва, которую произносили мастерицы при начале укладывания посуды для

Рис. 52. Керамика из Дарваза (к. Егид):

1—чархдег—кувшин для сбивания в нем масла, двойной валик вокруг основания горла называется *думуҳра*; под ним ломаная линия из наложенного валика—*қаҷак*, от углов которой (через один) отходят завитки *шохчаи қушқорак*—рожки барашка; фигурная розетка на стороне, противоположной ручке,—*гули аштак*, а две розетки по бокам, состоящие из трех выпуклых концентрических кругов,—*гули афтобпараст* (цветок подсолнечника); завитки, отходящие от основания ручки, тоже называются *шохчаи қушқорак*, а кружок между ними—*чашми булбул* (глаз соловья); плоская ручка с тремя параллельными выпуклыми линиями называется *дастаи сехуруша (сехароша?)* (КП 273—310); *2*—то же, без налепных украшений (КП 273—205); *3—қипи чурғотза*—кувшин для заквашивания молока (КП 273—345); *4*—кувшин для ношения воды, с налепным узором в форме подвесок с кружочками—*чашми булбулаки ва думчук*—глаз соловушки с хвостиком и завитком у основания ручки—*шохчаи қушқор*—рожки барана-производителя (КП 273—311); *5—кӯзаи обьёрӣ*—кувшин для ношения воды, украшенный двойным выступом вокруг тулова, называемым *думуҳра (думура)*, от которого вниз отходят фигуры в форме концентрических кругов из налепленных глиняных валиков на двойной ножке, называющиеся *афтобпарасти ва думчук*—подсолнечник с черенком, и фигуры из зигзагообразно налепленных валиков, называемые *каҷаки думуҳра* (КП 273—312).

1
2
3
4
5
0 8 16 24 32

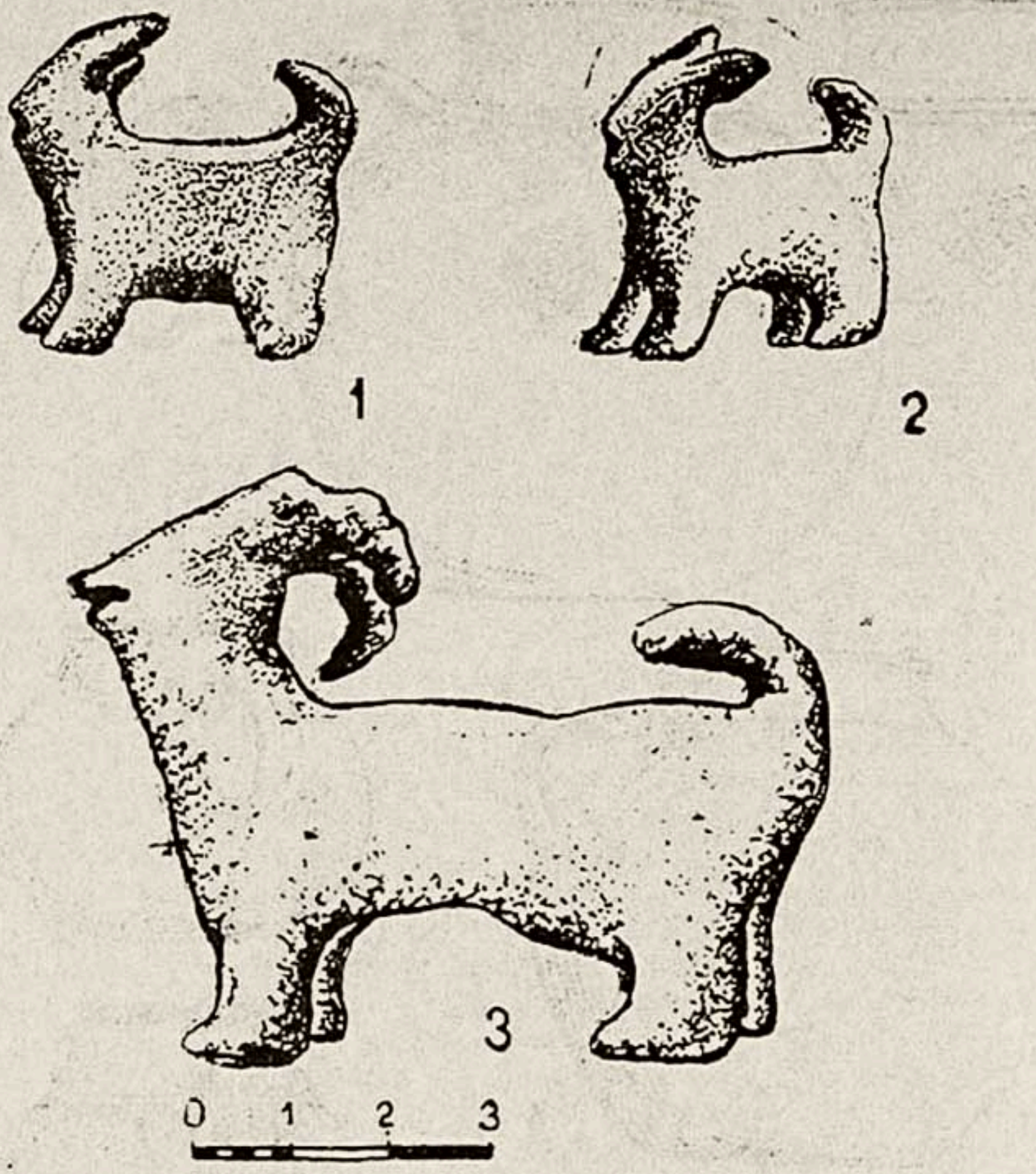

Рис. 53. Глиняные и деревянные игрушки из Дарваза: *1—нахчирак*—статуэтка горного козленка из обожженной глины, к. Егид (КП 273—331); *2*—то же, оттуда же (КП 273—332); *3—нахчир*—статуэтка горного козла из обожженной глины, оттуда же (КП 273—330); *4—аспак*—деревянная лошадка, к. Пшихарв (КП 156—167).

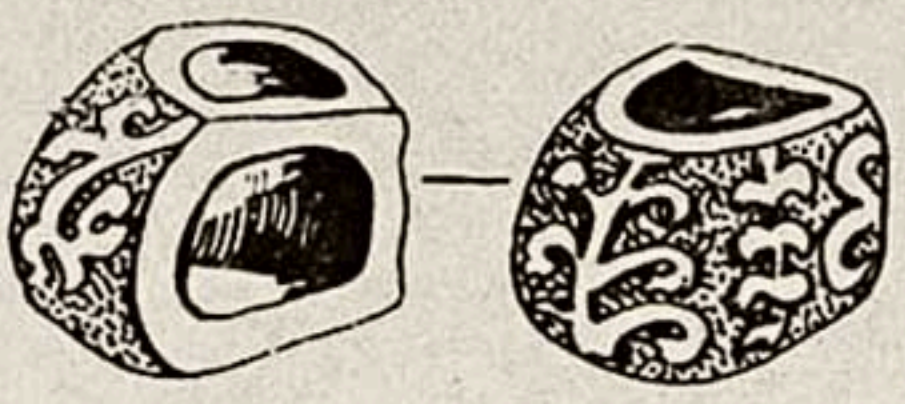
обжига: *Арвоҳи Сайид Амири Кулол, Биби Фотимаи Заҳро, Биби Хатичаи кибирьё ва нияти тани сиҳат, дили беғам, умри дароз сиҳати нав хестани кузаҳо* (Дух Саид Амира гончара, Госпожи Фатимы сияющей, Госпожи Хадичи Великой в целях, чтобы тело было здорово, сердце без огорчений, жизнь была бы длинной, чтобы сосуды вышли (из обжига) целыми и новыми). Таким образом, патроном гончаров здесь на первом месте называется Саид Амир гончар, т. е. покровитель—патрон городских гончаров-мужчин. Тут, вероятно, можно видеть точку соприкосновения мужского и женского гончарных промыслов.

Кроме всякого рода посуды и предметов хозяйственного назначения из обожженной глины, в Каратегине и Дарвазе (главным образом в первом) выделывается довольно разнообразный ассортимент предметов из необожженной глины. Из них в первую очередь нужно упомянуть переносные очаги, называющиеся *дегдуни саргардон* (к. Сари-Шухон), *учоқи гардонак* (к. Тегирми), *учоқи гардон*, или *учоқи чойҷӯшони* (к. Сари-Пулак). В большинстве случаев они делаются с закрытым верхом, в котором оставляется неправильной формы отверстие (рис. 54, *4—6*), и служат для кипячения чая в металлическом сосуде *чойҷуш*, который ставится на очаг. Отверстие, в которое ставится этот сосуд, специально делается неправильной формы или с выступами, для того чтобы тяга была сильнее и чтобы пламя могло охватить сосуд со всех сторон. Делаются очаги и с открытым верхом (рис. 54, *1—3*). Они используются для варки пищи в небольшом котле, который ставится на верхние края очага, сделанные с тремя небольшими горизонтальными выступами, опираясь на которые, котел не закрывает плотно верх очага, оставляя щели для прохода дыма и огня. В случае необходимости, в очагах этого типа пекут небольшие лепешки, для чего раскатанное на лепешки тесто прилепляют на внутреннюю стенку очага как это делается в обычном большом очаге. Все эти очаги делаются из необожженной глины с примесью мелкой соломы и обжигаются в процессе употребления их по назначению. Иногда они украшаются налепным орнаментом.

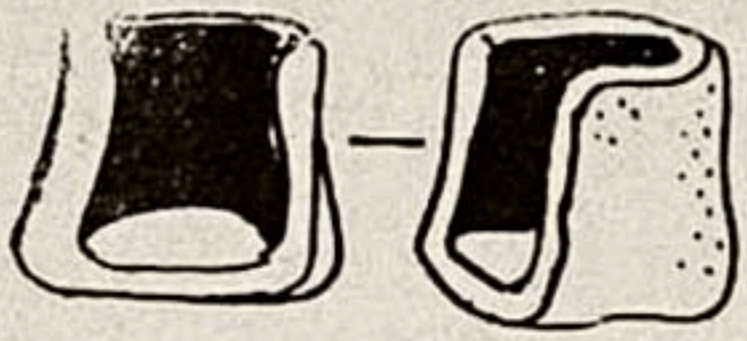
Из необожженной же глины с примесью мелкой соломы или коровьего навоза делаются различной формы сосуды для хранения сухих продуктов и всяких хозяйственных запасов, а также лари для хранения зерна и муки, причем последние делаются кубической формы на четырех ножках и закрытые со всех сторон. В верхней их плоскости делается круглое отверстие для насыпания зерна, а в нижней части передней стенки — для набирания; эти отверстия затыкаются тряпками, а иногда замазываются глиной. Такие крупные лари сооружаются на определенном месте в доме или в кладовой и передвигать их с места на место нельзя. Называются они *кулӣ* или *хамба* (рис. 55). Иногда *кулӣ* делаются открытыми сверху и без бокового отверстия. В таком случае они закрываются сверху плоской крышкой, изготавливаемой из того же материала, что и сам ларь, а муку из него берут, зачерпывая ее какой-нибудь чашкой или специальной большой ложкой с длинным черенком. Сосуды такого же назначения, но меньших размеров, называемые *кулича*, можно переносить с места на место. Они делаются, реже, кубической и, чаще, круглой формы как на ножках, так и с плоским дном. Большинство их украшается налепным орнаментом, иногда весьма затейливой формы (рис. 54, *9—13*).

Особо следует отметить встреченный нами в одном лишь кишлаке, а именно, в к. Сари-Пулак, Комсомолабадского района, в ущелье Дараи-Хакими, круглый плоскодонный открытый сверху светильник в форме сосуда на трех ножках с небольшим круглым отверстием в центре дна и с тремя такими же отверстиями на боках, называемый *чалло-*

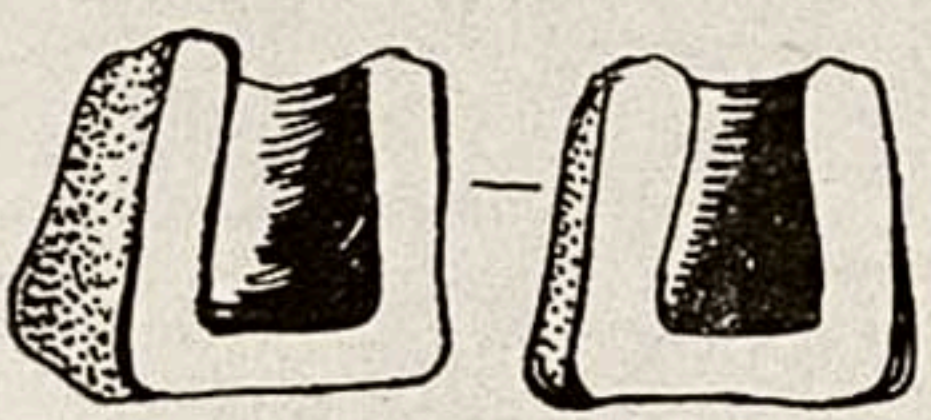
Рис. 54. Переносные очаги, светильники и сосуды из необоженной глины:
1—переносный расписанный белой краской очаг, Каратегин, к. Яхч; *2—дегдони саргардон* — переносный очаг, Каратегин, к. Сари-Шухон; *3—учоқи гардонак*—переносный очаг, Каратегин, к. Тегирми (КП 273—467); *4—учоқи гардон*—переносный очаг, Каратегин, к. Сари-Пулак (КП 306—549); *5—учоқи чойчушонй*—переносный очаг для кипячения воды, Каратегин, к. Лайрун (КП 306—520); *6—дегдончаи гардокак*—переносный очаг, оттуда же (КП 306—519); *7—кулука*—светильник, бытовавший у белуджей, проживавших в Мервском районе Туркменской ССР, хранится в МАЭ при Институте этнографии АН СССР в Ленинграде под № 3993/196; применялся так же, как и светильник *8—чаллохотун*, из необожженной глины (общий вид, разрез боковой стенки); в нем разводили огонь и на нагоревшие угли клали куски помета, которые загорались и своим пламенем освещали дом, Каратегин, к. Сари-Пулак; хранится в фондах сектора этнографии Института истории АН Тадж. ССР, б/н; *9—13—кулича*—сосуды из необожженной глины, смешанной с коровьим пометом, служащие для хранения продуктов. Каратегин, к. Сари-Пулак.

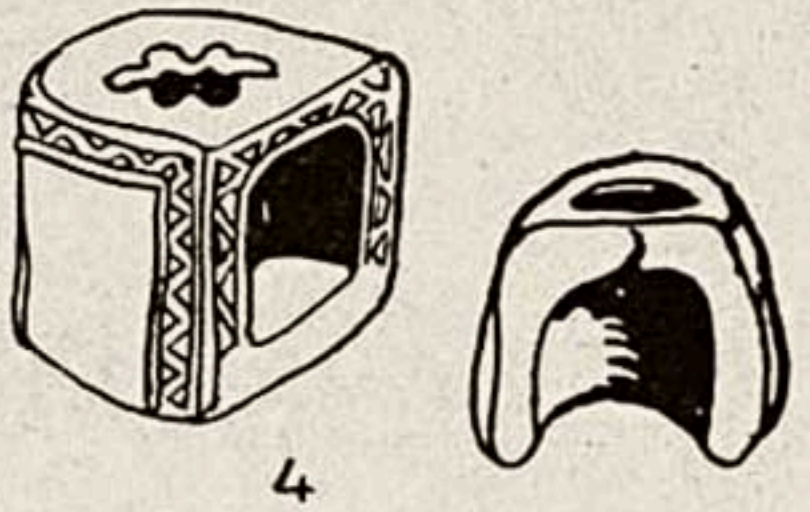
1

2

3

4

5

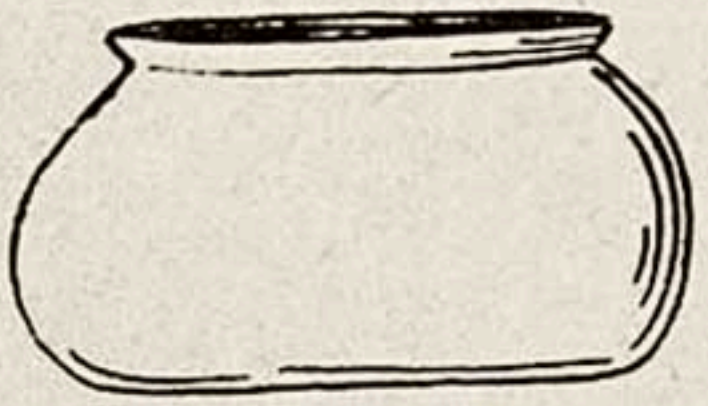
6

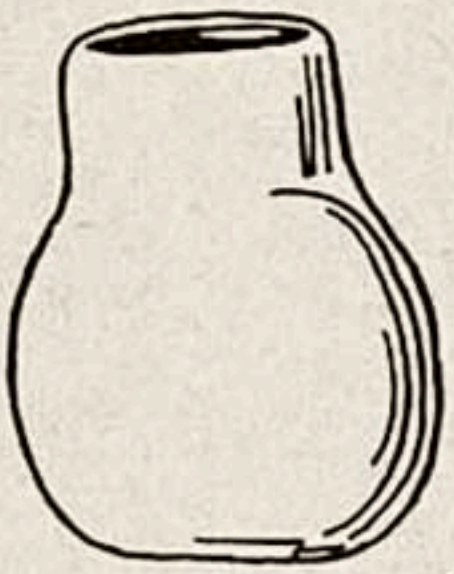
7

8

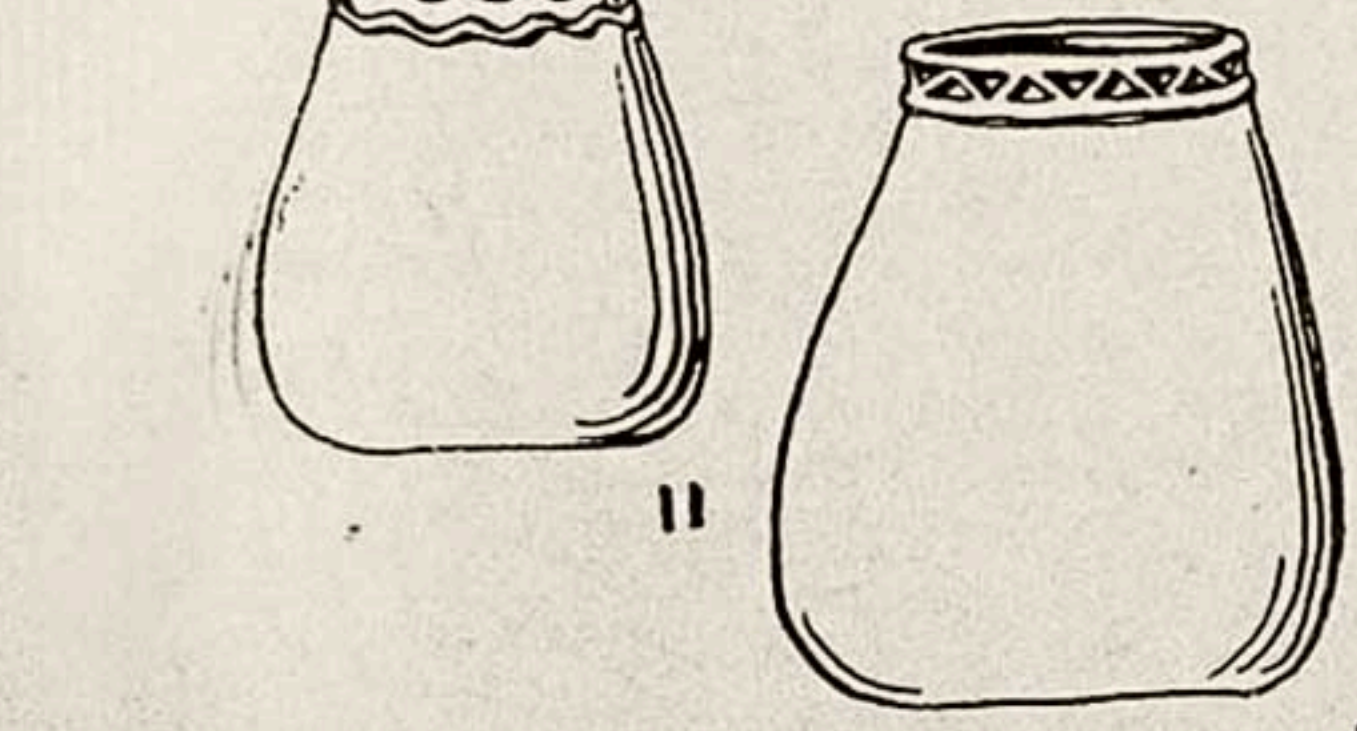
9

10

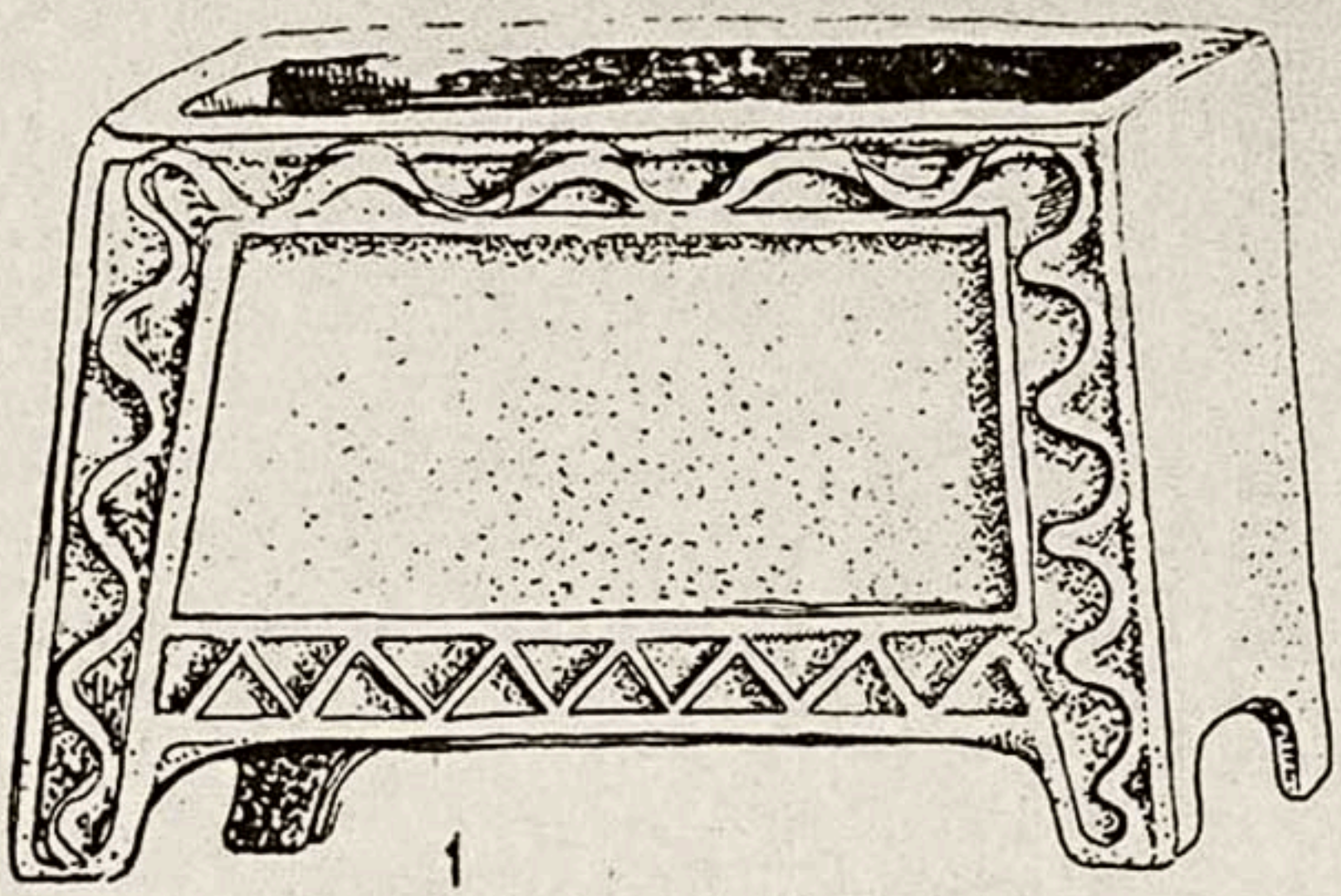
11

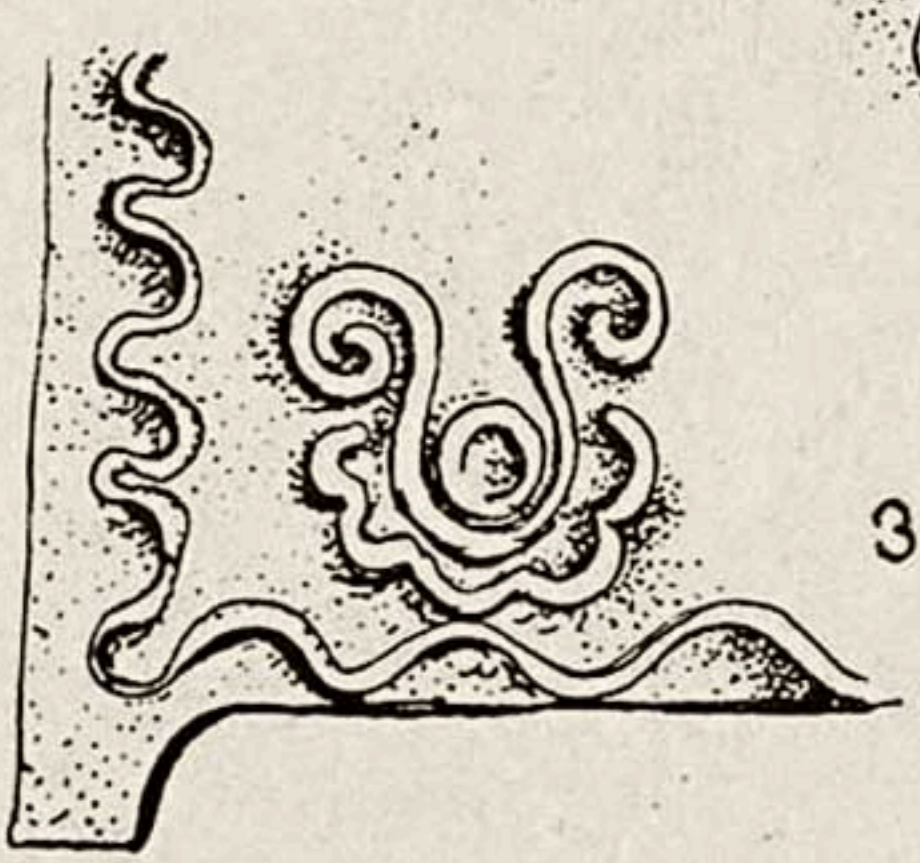
12

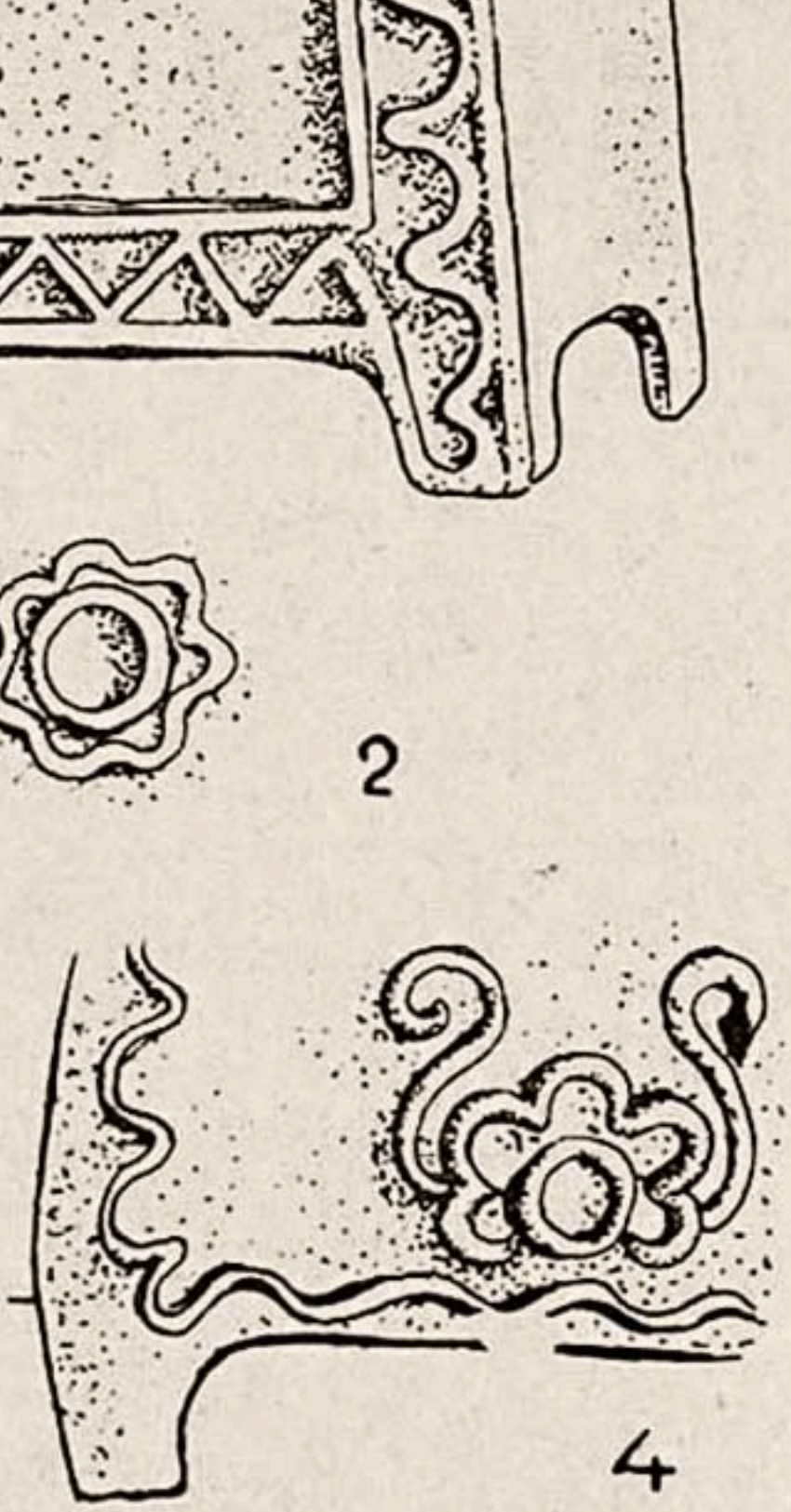
13

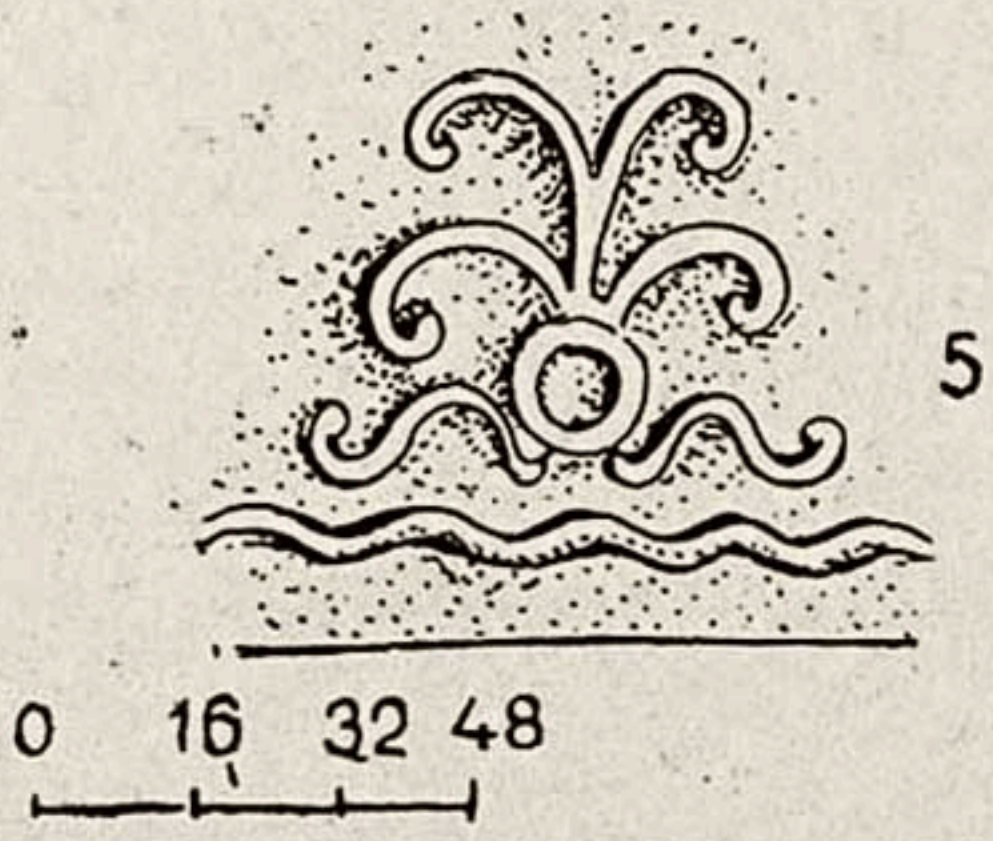
0 16 32 48

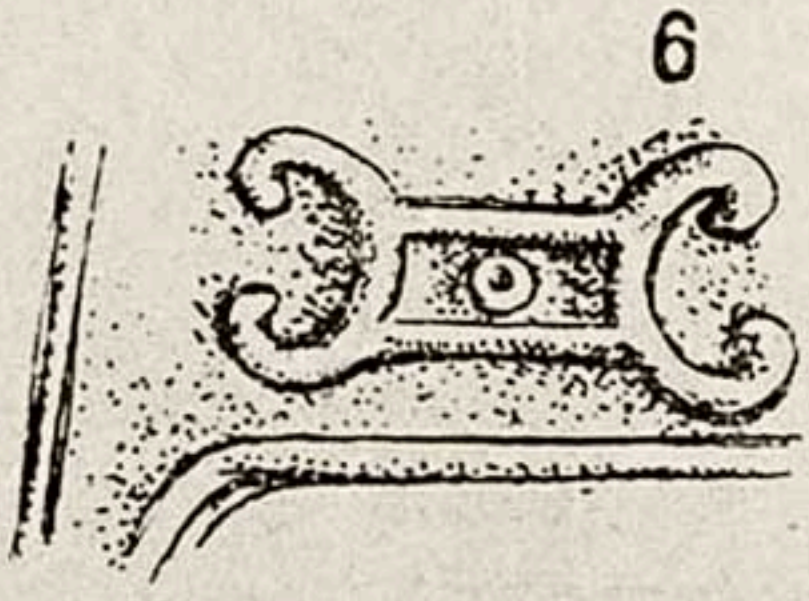

Рис. 55. Глиняные лари:

1—ларь—*кулй* из необожженной глины, с налепным орнаментом. Каратегин, к. Сари-Пулак; *2—6*—детали налепного орнамента таких же ларей, оттуда же.

хотун (рис. 54, *8*). В светильник насыпались горячие угли, на них клали куски сухого навоза, которые воспламенялись и освещали помещение. Сейчас таких светильников в употреблении уже нет, а приобретенный нашей экспедицией светильник был сделан старой мастерицей по нашей просьбе.[72]

По-видимому, среди мастериц-гончаров в свое время было широко распространено ученичество. Следы этого нами были зафиксированы как в Дарвазе, так и в Каратегине. Старая мастерица в к. Ёгид, например, сообщила нам, что своему ремеслу научилась у своей тетки по матери, которая сперва бранила племянницу за то, что та занимается этим делом, а потом, увидев, что девушка уже умеет хорошо лепить посуду, сказала *ту бало шудӣ, касби маро дуздидӣ, ба касби корат баракат, оумин* (ты стала очень ловко лепить, украла мое ремесло, да будет благословенно твое занятие, аминь). Вновь посвященная в мастерицы осведомительница сделала своей тетке за обучение ремеслу небольшое угощение. В кишлаке, где было несколько мастериц-гончаров, одна из них считалась старшей, а остальные мастерицы звали ее *устои калон*, т. е. старший мастер.[73] Обычая посвящения в мастера, называемого *камарбандон* (опоясывание), у женщин-гончаров не было. Старшая мастерица давала новой разрешительную молитву — *фотиҳа*, после чего вновь посвященная устраивала своей учительнице угощение и дарила что-нибудь, обычно материю на платье.

Наиболее благоприятными для работы днями считаются четверг и понедельник. В другие дни, если нет необходимости, не работают

Мастерицы обычно работали у себя дома, изготавливая посуду на продажу. Однако очень часто их приглашали в другие дома свои односельчанки, которые хотели изготовить посуду как для потребностей своего дома, так и для продажи. В таком случае хозяйка дома заготавливала соответствующее количество глины, подвергала ее описанной нами выше предварительной обработке и только потом приглашала мастерицу или несколько мастериц. В Каратегине мастерицы ходили обычно втроем. В дни работы хозяйка старалась их получше кормить и сама помогала им в работе по выделке посуды. В Дарвазе мастерица доводила все до конца сама, т. е. лепила посуду, сушила, составляла в кучу для обжига и обжигала посуду, при этом хозяйка во всем помогала ей. В Каратегине иногда мастерицы ограничивались лишь лепкой посуды, предоставляя остальную работу, вплоть до обжига, в распоряжение хозяйки дома.

За работу по выделке и обжигу посуды мастерица получала одну треть всей готовой посуды. Она сама разбирала ее после обжига, делила ее на три части и, во избежание нареканий, предоставляла затем хозяйке дома право выбрать себе любые две части и оставшуюся часть забирала себе. Иногда вместо этого мастерица получала вознаграждение за свою работу какими-нибудь продуктами.

Обычно гончарным ремеслом занимались бедные женщины, иногда вдовы и одинокие старухи, поэтому реализация продукции представляла для них известные трудности и они предпочитали работать по приглашению на дому у заказчиц. В некоторых случаях мастерицам помогали развозить посуду по окрестным кишлакам их мужья или какие-нибудь другие родственники. Гончарные изделия, как правило, продавали, вернее меняли на зерно, причем за каждый сосуд брали столько зерна, сколько его вмещал сосуд — *як пур кардагӣ*. Однако не отказывались и от бобовых и масличных (горох, бобы, лен), а также и сухофруктов или других продуктов.

Никаких особых ритуальных действий или запретов, связанных с гончарством, нами не наблюдалось. Однако в прошлом, они, вероятно, существовали. Так, например, от одной из мастериц нам довелось слышать, что однажды, когда у них в кишлаке (Ёгид) умерла старшая мастерица-гончар, то остальные мастерицы не работали три дня, говоря *кор ҳаром шуд, усто мурд* (работа стала запрещенной, умер мастер). Эта же осведомительница рассказала нам, что в годы Отечественной войны она работала в артели, изготовлявшей посуду для продажи, но была исключена из артели после смерти мужа. В этом факте не трудно усмотреть то же самое явление: чтобы не приостанавливать работы всей артели, что требовалось обычаем, ограничились исключением из артели мастерицы, у которой умер муж.

Вообще нужно сказать, что представления о каких-то цеховых отношениях и правилах поведения гончаров, по-видимому существовавших в свое время, сейчас среди населения, особенно в Каратегине, почти не сохранились, во всяком случае о них ничего слышать не пришлось.

ДЕРЕВООБДЕЛОЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Деревообделочный промысел в описываемых нами районах до сих пор еще не потерял своего значения. В обиходе у населения находится очень много деревянных изделий, как, например, посуды, обуви, игрушек, музыкальных инструментов, сельскохозяйственных орудий, орудий ремесла, вроде прялки, ткацких станков, вальцев для очистки хлопка, лучков для трепания хлопка и шерсти, утвари (сундуков, люлек, маслобоек) и проч. Все это изготовлялось и изготовляется большей частью на месте и редко завозится извне.

В каждом селении имеется мастер-деревообделочник, плотник — *устои чубтарош* или *устои чубкор,* обслуживающий местных жителей.[74] Обычно мастера эти занимаются выделкой предметов домашнего обихода и изготовлением таких орудий сельского хозяйства, как саниволокуши, деревянные вилы и лопаты, а также помогают местному населению при возведении жилых помещений и служб, тоже не отличающихся сложностью своего устройства.

Кроме того, в отдельных селениях имеются более квалифицированные мастера, специальностью которых является изготовление какого-нибудь особого вида изделий, например, изготовление сохи, выделка на токарном станке, приводимом в движение силою падающей воды, точеной посуды, главным образом блюд и чашек различной формы, выделка деревянных башмаков на трех ножках — *кафши чубӣ* и ложек, а также постройка наиболее крупных зданий, главным образом общественного пользования, как колхозные клубы, колхозные чайханы и *меҳмонхона* — комнаты для гостей у наиболее зажиточных жителей селения. В прошлом такие мастера приглашались сельской общиной и для постройки мечетей и *алоухона*—домов огня при них.

Кроме перечисленных мастеров, имеются особые специалисты по сооружению местных водяных мельниц — *осиёб* и маслобоек — *ҷувоз.* Эта категория мастеров — *осиёросткун* и *ҷувоззросткун* нередко обладала также и кузнечным мастерством, нужным при устройстве этих необходимых в каждом селении сооружений. В других случаях применялось кооперирование мастеров разных квалификаций: железные части мельницы или маслобойки изготавливали кузнецы, а мастера-деревообделочники выполняли всю работу по дереву и монтировали все сооружение в целом.

Таким образом, можно сказать, что узкой специализации мастеров-деревообделочников не существовало. Один и тот же мастер в одно и то же время являлся и плотником и столяром, а нередко и токарем, а

иногда совмещал с этими профессиями и кузнечное дело.[75] Мастера разнились лишь по разряду своей квалификации.

Большого количества мастеров-деревообделочников какой-либо узкой специальности в каком-нибудь одном месте нами не отмечено. Исключение составляет только группа мастеров в к. Пшихарв[76] (Дарваз). Там почти в каждом доме занимались и занимаются изготовлением щепного товара, особенно из гнутого дерева. Продукция мастеров Пшихарва расходилась по всему Дарвазу, Вахио и попадала даже в Каратегин, на Ванч, в Рушан и Шугнан.[77]

Раньше мастера из к. Пшихарв ходили и по другим кишлакам,[78] где из материала заказчиков точили блюда и изготовляли разные другие предметы, но из гнутого дерева ничего там не делали, так как тамошняя древесина якобы не гнулась хорошо; по словам мастеров, эти изделия будто бы можно было изготовлять только в Пшихарве, где древесина мягкая и легко поддается обработке, потому что в Пшихарве, расположенном в глубоком ущелье Дарвазского хребта, нет ветров (*чуби инҷо мулоимай, инҷо шамол нет*; *чуби қишлоқҳои дигар намешавад*).[79] Однако точеную деревянную посуду, деревянные башмаки и дутары (музыкальный инструмент) производили в довольно большом количестве в Каланакском сельсовете Гармского района, в Камароу — в кишлаках, расположенных в долинах рек Сорбух и Камароу в том же районе, а также и в кишлаках по ущельям Хакими и Муджихарф в Комсомолабадском районе. Производством ложек и уполовников, искусно вырезанных из кленового дерева, по Каратегину славился к. Фарьёв, Комсомолабадского района.

Кроме местных мастеров, выделкой на токарном станке деревянной посуды занимались также мастера, приходившие из районов Куляба. Обычно они появлялись осенью во время и после уборки урожая, обосновывались в каком-нибудь селении, где на горной речке устанавливали свой *сари кор* — токарный станок, приводимый в движение водою. Деревообделочным ремеслом занимались и среднеазиатские цыгане, кочевавшие из кишлака в кишлак.[80]

В Дарвазе были известны мастера-деревообделочники из долины р. Оби-Ниоу, изделия которых завозились в довольно большом количестве.

Захожие мастера посуду работали из материала заказчика из половины, а полученную таким образом свою часть продукции реализовали, обменивая на зерно, иногда на сушеный тут или урюк, в таком количестве, сколько того или другого помещалось в продаваемом сосуде или блюде — *як пур карда* или больше. Эта система расплаты за деревянную (и глиняную) посуду сохранилась до сих пор.

Местные мастера делали посуду тоже чаще из материала заказчика на таких же условиях, но иногда получали за работу и продуктами, а теперь нередко получают и деньгами. С другой стороны, они изготовляют посуду и из своей древесины, для чего покупают у населения деревья на сруб.

Орудия труда мастеров-деревообделочников довольно многочисленны. Это пилы, обычно двух типов: *аррои пой* (букв. ножная пила) — большая пила с двумя ручками, которой работают одновременно два человека, и *аррои дасти* (букв. ручная пила) — пила типа ножевки. Теперь это обычно пилы фабричного производства, раньше же будто бы изготовлялись местными мастерами.

Самым употребительным орудием деревообделочников были различной формы и величины тесла или кельтообразные топорики — *теша*, изготовлявшиеся и до сих пор изготовляющиеся ручным способом мест-

Рис. 56. Орудия труда деревообделочников из Дарваза: *1—теша*—тесло, к. Пшихарв (КП 156—122); *2—тешаи чапновак*—тесло с лезвием желобком наружу, оттуда же (КП 156—164); *3—тешаи новак*—тесло желобком для вытачивания внутренности деревянных башмаков, к. Егид (КП 273—123); *4—таварча*—топор, оттуда же (КП 273—151); *5—леса*—скобель для обстрагивания балок, оттуда же (КП 273—165); *6—арраи шона*—пилка для выделки гребней, к. Егид (КП 273—219); *7—ранда*—рубанок, оттуда же (КП 273—147).

ными мастерами. Самым крупным из них является *пойтеша* или *тешаи пой* (букв. ножная теша) — теша кельтообразной формы, величиной с обыкновенный топор, насаженная на длинную ручку. Работают этой тешой стоя, держа рукоятку обеими руками и повернув лезвием к себе, как работают мотыгой или кетменем, причем обтесываемый предмет удерживают на месте, упираясь в него ногой или стоя на нем обеими ногами. *Пойтеша* употребляют для обтесывания крупных предметов — потолочных балок и колонн, а также и досок, получаемых посредством раскалывания бревна вдоль при помощи клиньев и проч.

Иногда после обработки этим орудием того или иного предмета последний подвергают еще более тщательному обтесыванию скобелем, называемым *леса* (в Дарвазе), или *досранда* (в Каратегине), или обычной тешой. Последняя имеет одинаковую форму с *пойтеша* и отличается от нее лишь своим меньшим размером и более короткой ручкой. Кроме этих двух видов теши, применяющихся в деревообделочном ремесле в роли топоров, имеются еще две разновидности теши, которые служат для выдалбливания внутренней части некоторых изделий из дерева, например, деревянных башмаков, деревянных ступок, блюд и проч. У одной из них бока лезвия загнуты внутрь (по направлению к ручке), и другой — наружу, в виде овального желобка. Первый тип такой теша называется *тешаи новак* (теша-желобок), или *тешаи каркӣ* (керкинская), а второй — *тешаи чапновак* (теша с желобком наизнанку). Говоря об устройстве этих топориков, носящих общее название *теша*, следует отметить, что способ насаживания их на рукоятку различен. Так, в Каратегине у *пойтеша* и *теша* для насаживания их на ручку в верхней, противоположной лезвию, части имеется круглое отверстие, в которое продевается деревянная ручка своим более тонким концом, и теша ударами чего-нибудь тяжелого прогоняется на более толстый конец ручки, диаметром немного более широкий, чем диаметр втулки теши, и таким образом там закрепляется без расклинивания конца ручки (как это делается при насаживании топора на топорище). Обух теши употребляется часто в качестве молотка. Теша выковывается из сравнительно мягкого железа, и лезвие ее для большей прочности либо подвергается закалке, либо делается из навариваемого куска стали. Точно также на обух теши для придания крепости иногда наваривают кусок стали. В Дарвазе, особенно в отдаленных кишлаках, до сих пор еще теши изготавливаются более продолговатой формы и для насаживания их на ручку противоположный лезвию конец делается в форме прямоугольного желоба, в который и вставляется изогнутый конец рукоятки (рис. 56, *1—3*).[81] Ручки для теши, как и вообще для других инструментов, делают обычно из твердого дерева, предпочтительно кизильника — *ирғай*, в изобилии произрастающего в горах.

Упоминавшийся нами выше скобель, служащий для соскабливания коры с бревен и балок и выравнивания их поверхности или для оскабливания старых балок и столбов с целью придания им свежего вида, называется *досранда*, или *леса, лесак* (от *лесидан* — лизать) и представляет собою прямое, иногда немного дугообразное (закругленное, вроде серпа) лезвие, оба конца которого утоньшены и заострены, иногда загнуты под прямым углом к лезвию, и на них насажены деревянные ручки (рис. 56, *5* и рис. 57, *5*).

При выполнении более тонких работ очень искусно пользуются обычной описанной выше тешой и небольшими ножами, иногда складными. Кроме того, в Дарвазе у некоторых мастеров сохранились в употреблении рубанки — *ранда* другой формы, представляющие собою брусок из какого-нибудь твердого дерева, около четверти в длину,

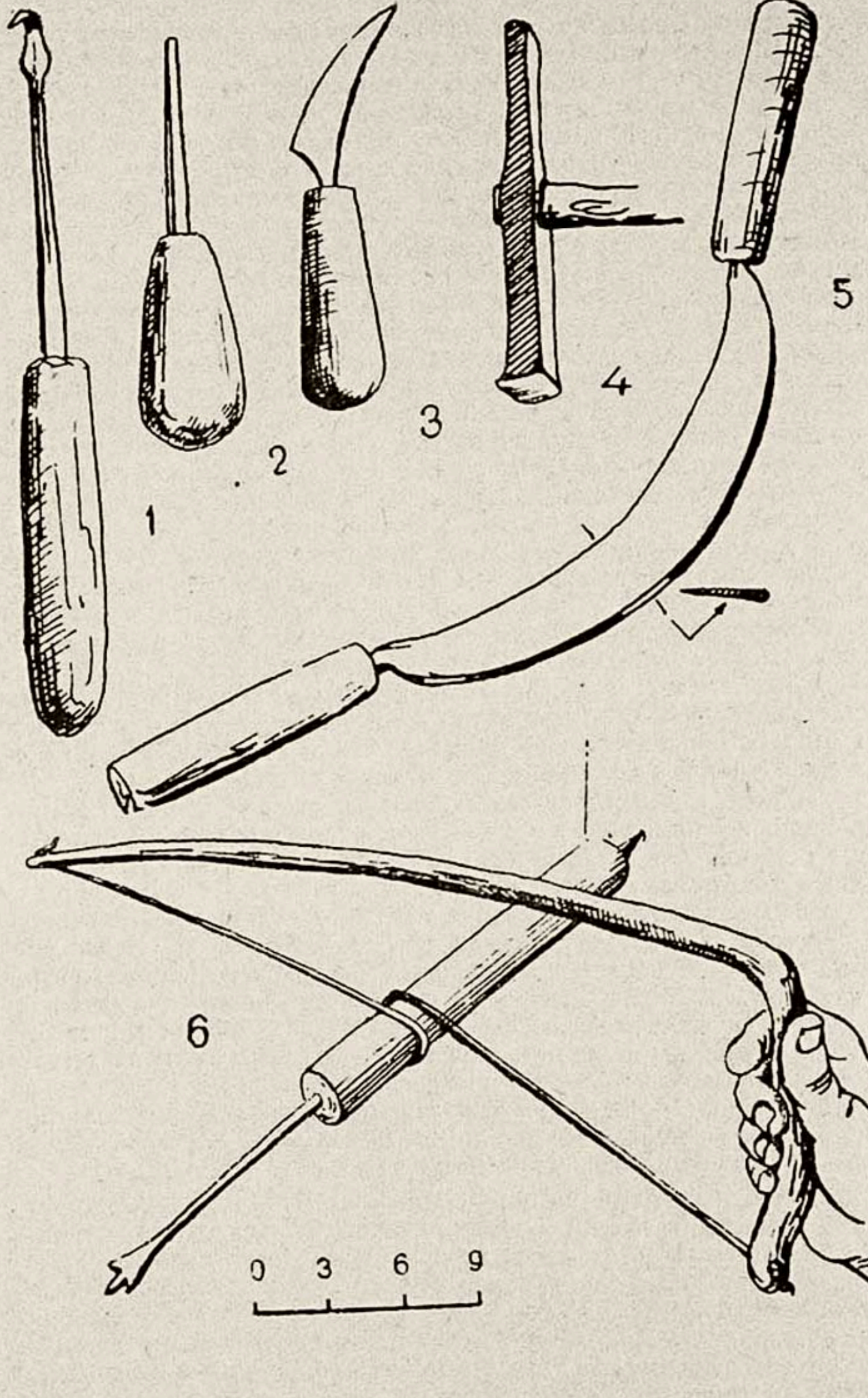

Рис. 57. Орудия труда ремесленников из Дарьваза:
1—қошуққан—нож с загнутым лезвием для выделывания ложек, к. Пшихарв (КП 156—184); *2—парма*—плоское шило, оттуда же (КП 156—183); *3—чарибур*—сапожный нож, к. Егид (КП 273—362); *4—ховискча*—небольшой молоток, оттуда же (КП 273—235); *5—досранд*—скобель для обстрагивания поверхности балок и т. п., к. Пшихарв (КП 156—210); *6—обпарма*—сверло, вращаемое лучком—*камончик*, к. Егид (КП 273—189).

оканчивающийся с обеих торцовых сторон толстыми круглыми ручками (рис. 56, 7). В поперечном сечении брусок этот имеет форму равнобедренного остроугольного треугольника с округлым основанием. От середины основания в бруске от ручки до ручки сделана выемка, в которую и вставлено загнутыми концами лезвие рубанка. При обстругивании рубанок держат обеими руками, повернув лезвием к себе или от себя, как удобнее.[82]

Для выдалбливания внутренней части у таких изделий, как деревянные башмаки, ложки и уполовники, ступки и т. п. употребляют особой формы ножи, называемые *каҷкорд* (букв. кривой нож), или *зырынд*[83], иногда — *қошуққан*. Лезвие у таких ножей делается ромбовидной формы, обоюдоострое и загнутое полукольцом на конце. Лезвие имеет довольно длинную и толстую круглую железистую ручку с расширяющимся в раструб концом, которым нож и насаживается на круглый деревянный черен. Иногда раструб не делается, а конец железной ручки ножа заостряется и вгоняется в деревянный черен (рис. 57, *1*).

Для просверливания отверстий в деревянных изделиях и предметах употребляются обычной формы, но разного диаметра буравы с поперечной деревянной ручкой. В к. Пшихарв при изготовлении предметов из гнутого дерева, обычно тополя, отличающегося мягкостью древесины, для просверливания отверстий употребляют орудие вроде узенькой стамески, укрепленной в деревянной довольно толстой ручке овальной формы (рис. 57, *2*). Кроме того, кое-где еще имеется в употреблении сверло, приводимое во вращательное движение при помощи лучка— *камончик,* состоящего из дугообразной палочки с привязанной к концам ременной тесьмой. Само сверло укреплено в толстой круглой ручке, несколько большего диаметра на концах, чем посередине. На противоположном лезвию конце ручки забит небольшой железный стержень. При работе стержень этот упирают в какой-нибудь неподвижный предмет, к сверлу приставляют просверливаемый предмет и приводят сверло в движение посредством лучка. Сверло это называется в Дарвазе *обпарма,* в Каратегине — *пармаи обак* (рис. 57, *6*).[84]

С этой же целью, т. е. для вырезания отверстий или выдалбливания пазов в деревянных предметах, употребляются разной величины железные долота—*искана,* насаженные на деревянные ручки. При работе долотом по ручке бьют деревянной колотушкой — *исканачуб* или же обычным молотком — *болиқа,* или *ховискча* (рис. 57, *4*). Для резьбы по дереву на крупных предметах, например для вырезывания орнамента на дверях, употребляют маленькое долото — *исканача.* Для резания кожи употребляют специальный нож — *чармбур* (рис. 57, *3*).

Для оттачивания режущих частей всех этих орудий деревообделочника употребляется точильное колесо — *чарх*, общего для всей Средней Азии типа. Это — деревянное колесо, на ободе которого наклеен слой точильного песка. Колесо закреплено на толстой деревянной оси, на обоих концах которой вбито по металлическому стержню. Этими стержнями колесо вкладывается в две стойки, укрепленные в доске, и приводится в движение посредством намотанного на ось длинного ремня, за концы которого попеременно тянет сидящий перед точилом человек, а точильщик прикладывает точильный предмет к вращаемому таким образом ободу точильного колеса. Обычно крутит колесо владелец точимой вещи, а точит ее мастер-точильщик.

Кроме колеса-точила, для натачивания режущих орудий труда употребляются напильники — *суян*, а для обтачивания деревянных предметов и рашпили — *чубсов.* После оттачивания предмет направ-

ляется еще на оселке *қайроқ*, которым очень часто служат брускообразные гладкие куски песчаника, находимые в изобилии в гальке на берегах рек. Вот примерно и все инструменты местного изготовления, которыми деревообделочник пользовался в своем ремесле. За последнее время появилось много разных инструментов фабричного производства, которые занимают место старых. Тут и пилы разных фасонов, и рубанки, и фуганки и другие предметы.

Кроме ручных инструментов, у деревообделочников Каратегина и Дарваза имеются и более сложные приспособления, так сказать «станки», которыми мастера пользуются весьма успешно при токарных работах по дереву. Это во-первых, небольшой станок для вытачивания веретен, называемый *кундаи дуктароши*, и более сложная установка для вытачивания деревянной посуды, приводимая в движение силою падающей воды и называемая *чарх*, или *сари кори табақтароши*.

Станок для вытачивания вертен (рис. 58, *1*) состоит из деревянного основания — *кунда* (пень, чурбан), представляющего собою толстую доску,[85] на которой на правом (от мастера) конце оставлен поперечный выступ шириною около 10 см и высотою 12—14 см, а остальная часть доски гладкая. Вдоль доски, ближе к наружному (от мастера) ее краю имеется выступ в форме прямоугольного в сечении бруска (2 см × 2,5 см), доходящий до конца доски. Сверху на этот выступ накладывается поперечный брусок *даста,* имеющий в поперечном и продольном сечении форму трапеции. На основании бруска поперек сделана прорезь, размером соответствующая выступу на основании. Сверху на бруске *даста* и на поперечном выступе на правом конце основания вбито по одной железной пластинке, на каждой из которых пробито по два круглых отверстия, диаметром около 5 мм. В эти отверстия пластинок, называемых *баргак* (листочек), вставляются концами вытачиваемые веретена. Для уменьшения трения концов веретен в отверстиях пластинок концы веретен в месте их соприкосновения с пластинками смазываются каким-нибудь жиром, который кладется в сделанное сбоку в поперечном бруске *даста* специальное углубление, называемое *равғандон.*

Крутятся веретена при помощи лучка — *камончик* с тетивой — *зей, зий,* скрученной из сушенных бараньих тонких кишок. Лучок представляет собою палку около 50 см длиною и около 2 см толщиною, на одном конце которой, противоположном ручке, просверлено отверстие для привязывания тетивы, а на другом конце, служащем ручкой, сделана прорезь. В прорези укреплена штифтом металлическая пластинка, выходящая с нижней стороны палки наружу. В этом выступающем из прорези наружу конце пластинки сделано круглое отверстие. На пластинку надета деревянная ручка с прорезью и закреплена подвижно так, что ее можно пригибать и отгибать, как на шарнире. Называется она *дастгираки зей* (держатель тетивы). В ней имеется также отверстие для привязывания второго конца тетивы. При работе мастер спиралью наматывает тетиву на веретено, пригибает ручку к палке лучка, отчего тетива натягивается, берет обе ручки лучка в правую руку и, водя лучек вперед и назад, крутит вставленное в металлические пластинки веретено. При этом мастер ногой наступает на *поқапак*—деревянный рычаг, один конец которого закреплен на выступе, имеющемся на основании станка, около правой (от мастера) пластинки *баргак,* а второй лежит на трапециевидном бруске около левой пластинки в сделанном для него пазу. Таким образом брусок плотно прижимается рычагом к основанию станка и не может сдвигаться в стороны, отчего расстояние между железными пластинками, в которые вставлено концами веретено, остается неизменным.

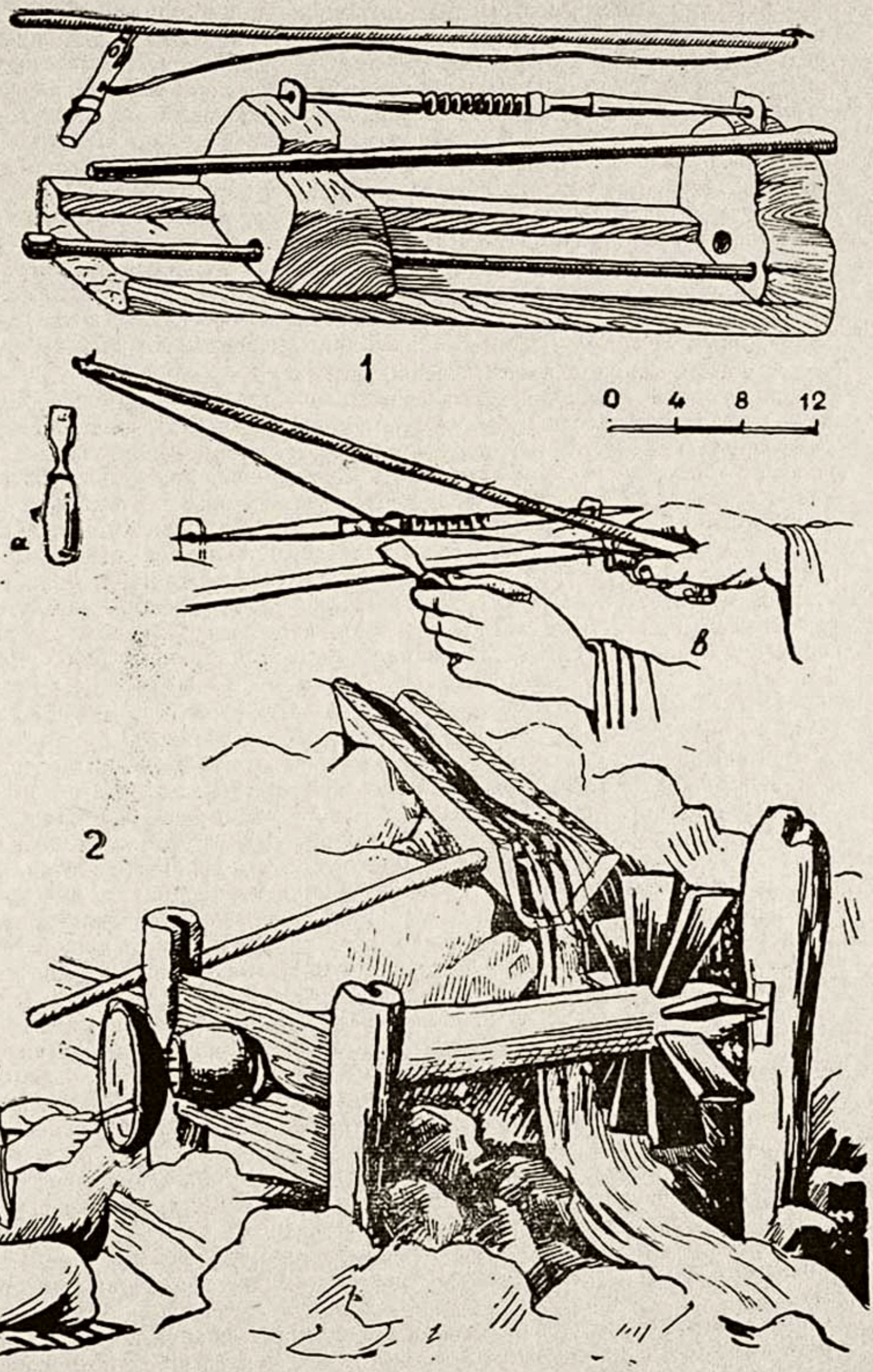

Рис. 58. Орудия труда токаря:
1—кундаи дуктарошӣ—станок для вытачивания веретен, Дарваз, к. Шкев (КП 273—350); *2*—чорх—водяной токарный станок, к. Падруд (долина р. Магиан).

Режущим инструментом при вытачивании веретен является небольшая и довольно широкая стамеска — *зырынд,* насаженная на короткую деревянную ручку. Мастер правой рукой водит лучок взад и вперед и тем самым крутит обрабатываемое веретено, а левой держит стамеску и, опираясь ею на рычаг *поқапак,* подносит стамеску к веретену.

Для большей устойчивости передвижного бруска — *даста* и для обеспечения его правильного передвижения по продольному выступу, имеющемуся на основании станка, через просверленное в бруске круглое отверстие и через такое же отверстие в выступе на конце доски основания пропущен круглый деревянный прут, называющийся *биёраки кунда*, т. е. «младший братец чурбана» (в данном случае — «младший братец основания станка»). Рядом со станком обычно ставится сундучок или ящичек—*сандуқ* для складывания и хранения готовых веретен.

Станок для вытачивания деревянной посуды — *чарх*, или *сари кори табактароши,* устраивается обычно на окраине кишлака на небольшом возвышении, часто искусственном, к которому подведена по особому арыку вода из горной речки (рис. 58, *2*). Сооружение состоит из колеса с лопастями — *чархи парradор,* укрепленного на горизонтальной или вертикальной оси. Если ось станка установлена вертикально, то нижним концом она укрепляется в углублении положенной на землю плахи, а верхним — в прорези толстой доски, положенной на поверхности площадки, устроенной на указанном возвышении. Под площадкой установлен выдолбленный из целого ствола дерева жёлоб—*ноу,* который и направляет струю воды на лопасти колеса. Таким образом, все сооружение приводится в движение силою падающей воды. Чем больше воды и чем выше ее падение, тем быстрее крутится ось. Регулирование этой быстроты производится путем уменьшения или увеличения количества поступающей в жёлоб воды.

На верхнем конце оси водяного колеса вбито три железных стержня с заостренными верхними концами, на которые насаживается обтачиваемый предмет. Сперва обтачивается внешняя сторона того или другого сосуда, а потом уже и его внутренность. Для этого заготовленная болванка *косаи нотарош,* подвергшаяся предварительной обработке тешой, сперва насаживается на шипы внутренней стороной, т. е. шипы втыкаются в будущее дно чашки или блюда, а после окончательной отделки внешней стороны посудина снимается и насаживается на шипы внешней стороной дна, после чего вытачивается внутренность сосуда. При этом дно, вернее поддон, при обработке внешней стороны сосуда оставляется толще на несколько сантиметров, чем это нужно. Это делается для того, чтобы насаживать сосуд на шипы при обработке внутренней части сосуда. По окончании выточки последней сосуд с шипов снимают и тешой скалывают излишнюю толщину дна вместе с углублениями, оставшимися после насаживания на шипы обтачивавшегося предмета

Точат стамесками различной формы — *искана* или ножами с загнутым полукольцом лезвием, называемыми *зәрәнд,* которые держат рукою, опираясь последнею на неподвижную доску станка. Обтачиваемые болванки перед обработкой держат в воде или время от времени обливают их водой, так как сырая древесина более податлива при обработе.

К сожалению, зарисовать станок в Гарме не удалось, и чтобы читатель имел более ясное представление об его устройстве, мы привели выше рисунок мало отличающегося от него водяного токарного станка с горизонтально установленной осью из к. Падруд, Пенджикентского

района. Следует отметить, что устройство токарного станка у таджиков долины Хуф несколько иное. Там второй конец горизонтальной оси, на который насаживается болванка вытачиваемого предмета, укрепляется при помощи самой болванки, опирающейся сделанным в ее дне углублении на *мурғак* — стержень, укрепленный в неподвижно закрепленном бревне.[86]

Все деревянные изделия можно разделить по способу их изготовления на три группы: тесанные, изготовленные на токарном станке, и гнутые. Первая группа наиболее многочислена. Это — сельскохозяйственные орудия, орудия производства ремесленников, посуда и домашняя утварь. Из сельскохозяйственных орудий изготовлялись сохи— *сипор*, ярма — *юғ*, лопаты для полива хлебов — *фияки овду*, *курчаки овду* (из *обдиҳӣ* — полив), особые приспособления для переноски снопов сжатого хлеба — *коши*, лопаты для веяния обмолоченного хлеба — *фияки бодкунӣ*, или *курчаки бодкунӣ*, вилы — *панҷшох*, колотушки для обмолота небольшого снопа хлеба—*чикинда* (рис. 22 и 62, *2*). Описание этих орудий приведено в разделе «Сельское хозяйство».

Из производственных орудий следует отметить орудия ткацкого ремесла, а именно: ткацкие станки, прялки, вальцы для очистки хлопка от семян и лучки для трепания хлопка и шерсти. Описание их и рисунки приведены в разделе ткачества.

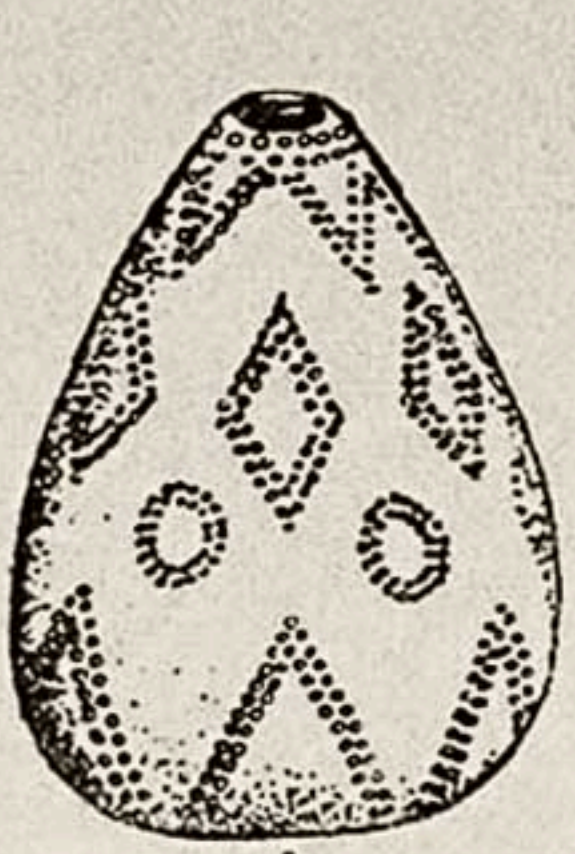
Большую же часть тесаных изделий составляла всякая домашняя утварь. Это были круглые доски для раскатывания на них хлебных лепешек — *тахтаи нонросткунӣ* (рис. 61, *5*) и прямоугольные продолговатые доски для раскатывания на них лапши — *тахтаи ош*, или *оштахта* (рис. 61, *8*), короткие цилиндрической формы скалки с двумя ручками для раскатывания тонких лепешек *чубак*, или *чубаи чапотиросткун* (рис. 61, *4*), и тонкие прямые и длинные скалки для раскатывания лапши *тирак*, или *ошгунуккунак* (рис. 61, *8*), квашни — *гулдун* (рис. 61, 7), ступки для толчения соли, для очистки от шелухи небольшого количества риса и для других целей — *уғурак*, причем в качестве песта — *санги уғурак* обычно употребляются обкатанные водой камни подходящей формы с отмелей рек. Для очистки большого количества риса делались большие ступки *ҷувозак*, а пест к ним делался из обрубка тяжелого дерева твердой породы. Ступки тоже изготовляли из таких твердых пород дерева, как орех, яблоня, груша и др. Специально для разминания или толчения лука с красным перцем и солью, подаваемых в качестве приправы — *нигул* ко многим блюдам, делались пестики — *нигулкӯтак* (рис. 59, *2*). Подобные пестики делались и из обожженной глины. Изготовлялись также дугообразные подкладки — *даҳани амак*[87], или *таштабақӣ* (рис. 59, *5* и *6*), подставляемые под блюда с едой для их устойчивости. Материалом для их изготовления служили твердые породы деревьев, как, например, клен Регеля — *заранг* (Acer Regelii Pax.), каркас или железное дерево *туғ* (Celtis caucasica Wild.).[88] Такие же подкладки под блюда изготовлялись из рогов горных козлов — *нохчир* и из бычьих рогов, причем рога козлов иногда обтесывались. Повсеместно изготовляли уполовники — *кавлез*[89] и *қошуқ* — ложки для еды (рис. 59, *8—11*), такие же ложки, но меньшего размера, для маленьких детей, причем черенки их иногда украшались резьбой или делались в форме какого-нибудь животного (так, в к. Ёгид нам довелось видеть такую маленькую ложку с ручкой в форме лошадиной головы),[90] большие ложки с прямым черенком длиною чуть ли не в метр, служащие для зачерпывания муки из закрома—*қошуқи ордбардор* (рис. 61, *1, 2*). Ложки больше ценились кленовые и из каркаса.[91] Делались *кишти* — лодкообразные сосуды (рис. 61, *3*,

Рис. 59. Домашняя утварь из дерева и рога:

1—карсонча—деревянное блюдо, в котором толкут зелень с перцем и солью, Каратегин, к. Гарм (КП 273—431); *2—нигулкэтак*—деревянный пестик, которым толкут зелень, оттуда же (КП 273—432); *3—дутабақа*—двойное деревянное блюдо для плова, Каратегин, к. Лайрун (КП 306—492); *4—табақ*—деревянное точеное блюдо, оттуда же (КП 306—490); *5—тагитабақӣ*—подставка под блюдо из рогов горного козла, Дарваз, к. Ёгид (КП 273—93); *6*—то же из кленового дерева—*заранг*, Дарваз, к. Хостау (КП 273—299); *7—киштичаи равғанрези кудак*—деревянная чашечка со сливами, из которой ребенку дают топленое масло. Каратегин, к. Сари-Пулак (КП 306—508); *9—кафлес*—уполовник, к. Пшихарв (КП 156—117); *10—қошуқ*—детская деревянная ложка, оттуда же (КП 156—172); *11—қошуқи катта*—деревянная ложка, оттуда же (КП 156—220); *12—15—куп*—маслобойка с мутовкой, оттуда же (КП 156—205).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
0 8 16 24 32

Рис. 60. Образцы украшения предметов резьбой, росписью и инкрустацией: *1—капари нос*—инкрустированная кусочками алюминиевой проволоки табакерка из тыквы-горлянки Дарваз, к. Егид (КП 273—78); *2*—то же, раскрашенная, оттуда же (КП 273—77); *3*—то же, окрашенная в черный цвет корнями орехового дерева и покрытая резным орнаментом, сделана в Дашти-Джуме (КП 273—290); *4—қоши дутор*—верхняя часть грифа дутары, украшенная резьбой и инкрустацией из кусочков проволоки, Каратегин, к. Каскон (КП 306—548); *5—чуби туғ*—резные кусочки железного дерева—*туғ*—служащие амулетами, Дарваз, к. Егид (КП 273—265); *6 — чуби туғ*—амулет из того же дерева, украшенный бусами, монетами и пуговицами, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156—137).

1

2

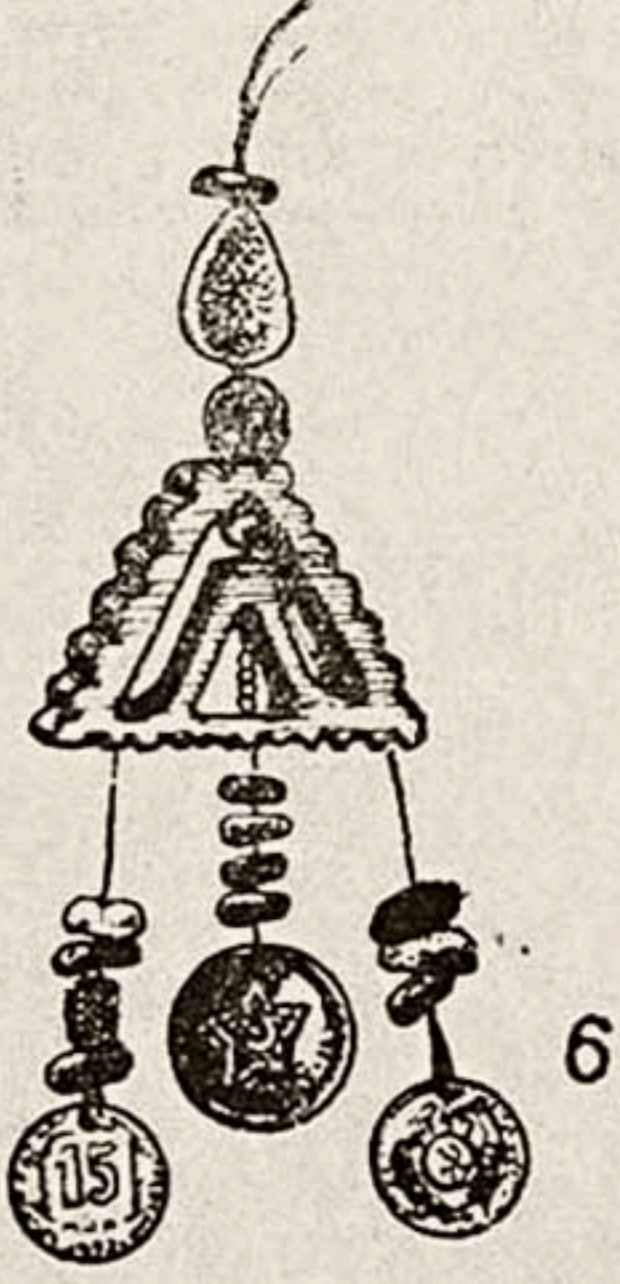
3

4

5

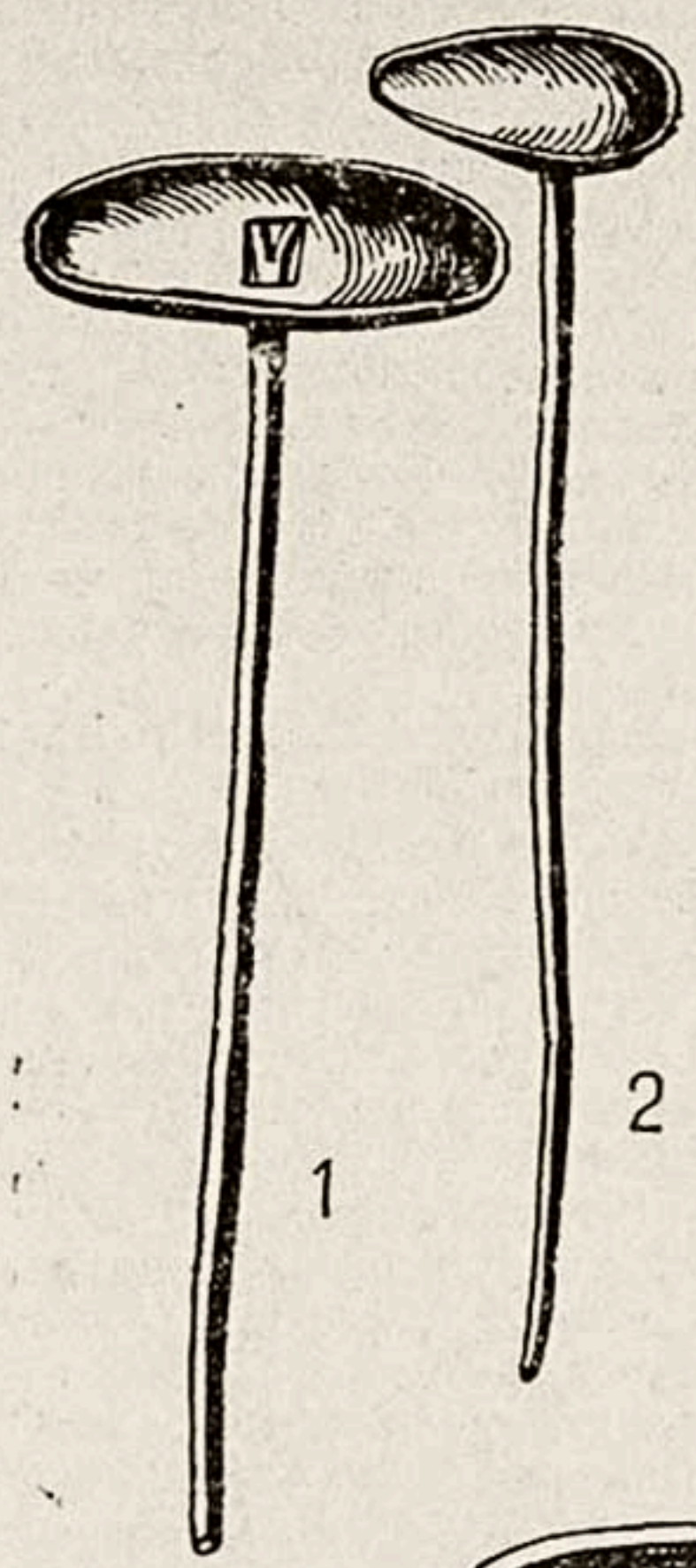

6

0 2 4 6 8

Рис. 61. Домашняя деревянная утварь:

1—қошуқи орди ҷавин бардор—ложка для набирания из закрома ячменной муки, Дарзаз, к. Пшихрв (КП 156—146); *2—қошуқи орди гандумин бардор*—то же для пшеничной муки, оттуда же (КП 156—145); *3—кишти*—деревянная лодочка для питья воды, Каратегин, к. Сари-Пулак (КП 306—562); *4—чубак*—скалка для раскатывания лепешек, оттуда же (КП 306—505); *5—тахтаи нонросткуни*—доска для раскатывания лепешек, оттуда же (КП 306—512); *6—карсонча*—небольшая квашня, оттуда же (КП 306—495); *7—гулдун*—большая квашня, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156—221); *8—оштунуккунак*—скалка для раскатывания лапши, Куляб, к. Ховалинг (КП 9—317); *9—оштахта*—доска для раскатывания лапши, Куляб, к. Кшиндара (КП 9—241).

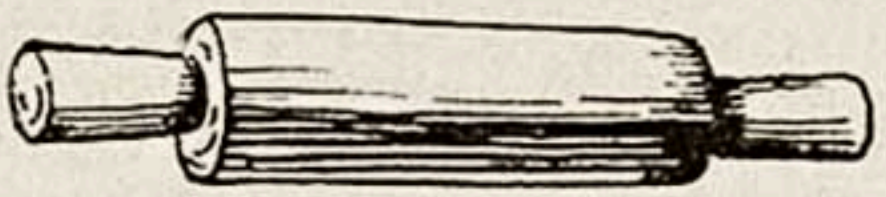

1

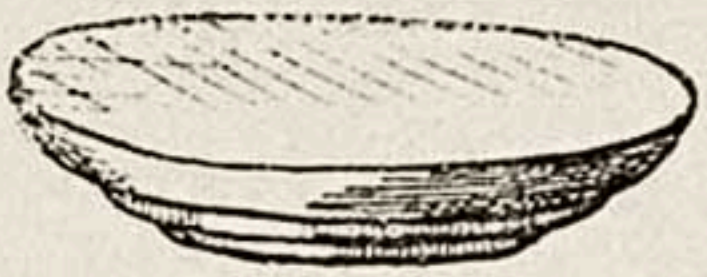
2

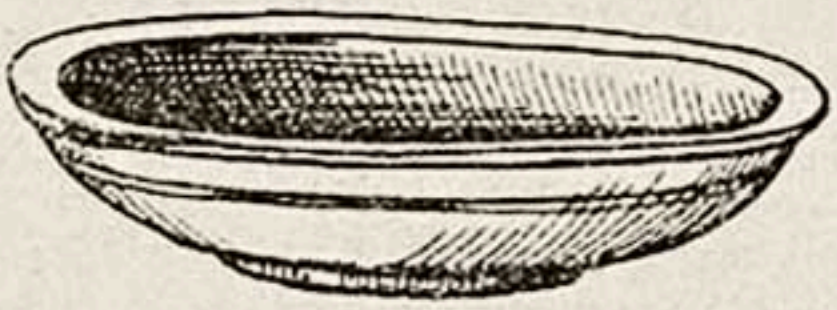
3

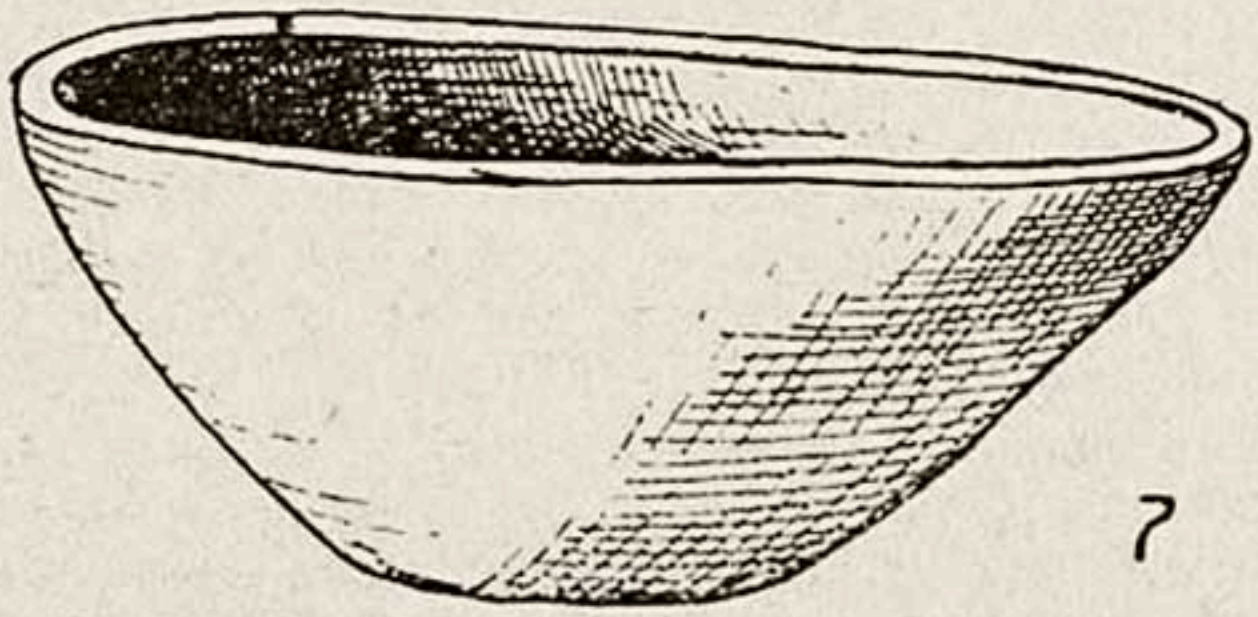
4

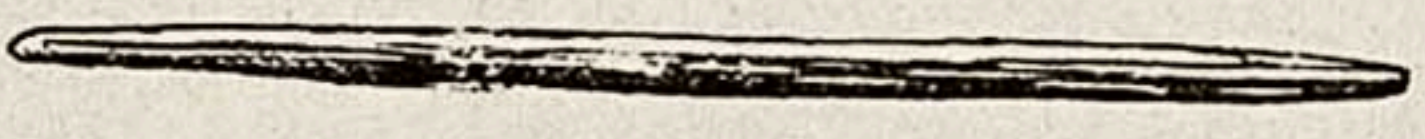
5

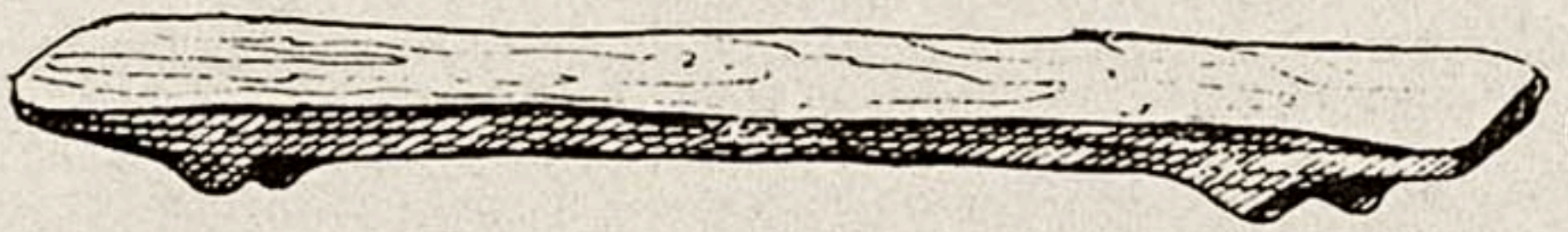
6

7

8

9

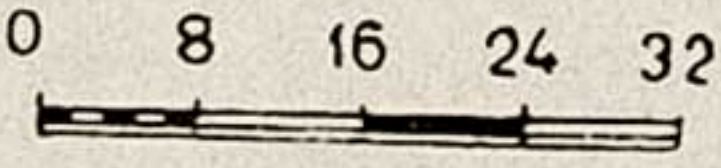

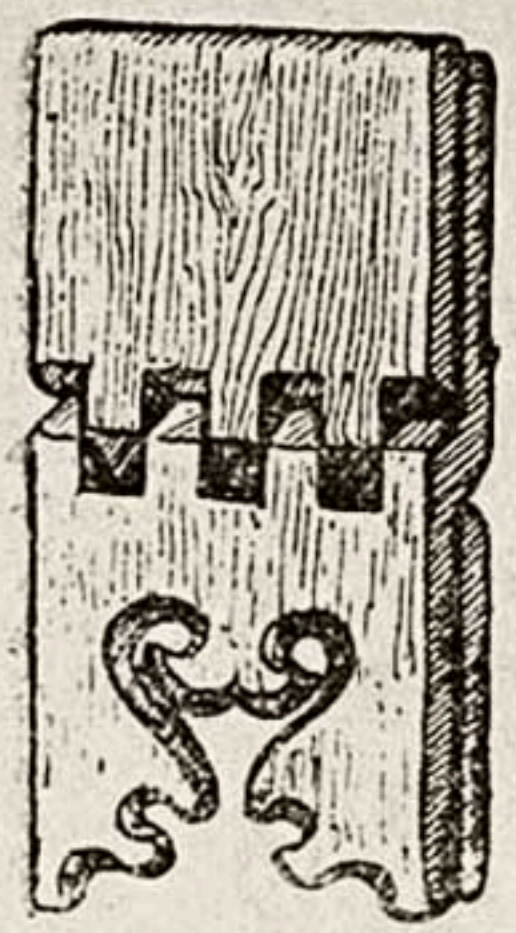
рис. 70, *4*), выдалбливаемые из цельного куска дерева и украшаемые иногда резьбой.[92] Особенно часто такие сосуды выделывались в Дарвазе, однако и в Каратегине они тоже бытовали. К «корме» и «носу» сосуда прикреплялось по железному кольцу и за них привязывался ремень, который перекидывали через плечо; сосуд носили висящим у пояса или укладывали его в заплечный мешок, сделанный из снятой чулком и выделанной шкуры козленка или ягненка—*занбула,* или *саноч.* Такой сосуд часто составлял необходимую принадлежность охотника — в нем разводили с водой тутовую муку — *тутпуст* или толокно из пшеницы — *талқон.* Иногда такой сосуд называли *кашкул,* т. е. так же, как на равнинах в городах называли лодкообразные сосуды, которые дервиши носили у пояса подвешенными на ремне через плечо для сбора подаяния. В домашнем быту эти сосуды употреблялись мало. В Дарвазе, в к. Ёгид, нам встретился интересный сосуд в форме четырехугольной небольшой чашечки с четырьмя носиками для слива по углам (рис. 59, *7*), называемый *киштичаи равғанрези кудак* (чашечка для вливания масла в ротик младенцу).

Повсеместно делались колыбели—*гаҳвора,* или *гавора,* в Дарвазе — *гароба,* обычного для Средней Азии устройства.

Повсюду же изготовлялись и музыкальные инструменты — *дутор, рубоб, сетор,* а в к. Хостав, Калаи-Хумбского района, нам привелось видеть и *тор* иранского образца, искусно сделанный местным мастером из тутового дерева и покрытый орнаментом, вытравленным известью.

В прежнее время везде в Каратегине и Дарвазе делались дверные деревянные замки—*калиғу,* или *калиғул,* в глухих кишлаках бытующие до настоящего времени. Такой замок состоит из деревянного бруска—*кунда,* в котором сделана прорезь для деревянного же засова — *бәрев.* Брусок вмазывается в стену около открывающейся внутрь дома двери на высоте ее середины таким образом, что засов приходится позади двери. В засове и в прилегающей к нему сверху стороне бруска сделано несколько круглых отверстий, в которые сверху опущены из бруска деревянные стерженьки — *дандоник* с уголщением на их верхней части. Эти стерженьки проходят через отверстие в обрубке и в засове и не позволяют засову двигаться взад или вперед. Чтобы отпереть замок, т. е. выдвинуть засов, нужно эти стерженьки поднять. Это производится посредством плоского ключа — *калид,* которым выталкивают стерженьки из отверстий засова вверх и при этом быстро выдвигают засов. Ключи делаются различной формы из железа, рога или из дощечки какого-нибудь твердого дерева.[93]

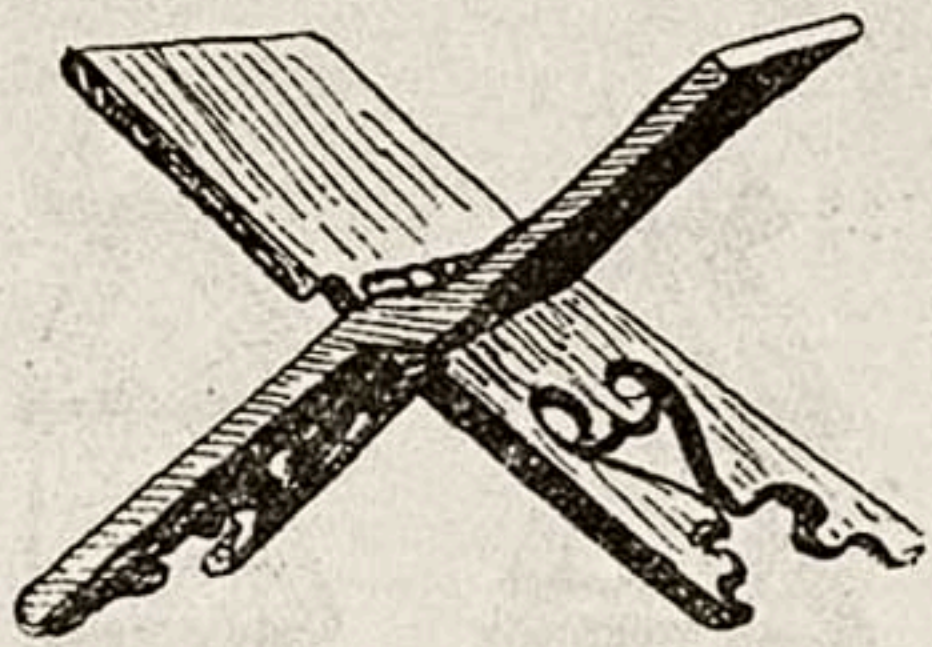
Изготовлялись также *чархчуб* — мутовки для пахтанья масла: колодки для шитья местной обуви — *қолиби чоруқ,* складные пюпитры, на которые кладут раскрытую книгу во время чтения — *лавх* (рис. 62, *1, 3* и *4*), пеналы с откидывающейся крышкой, служившие для хранения и пересылки документов,— *хатдон* (рис. 62, *10*), поставцы — *сокин* для светильников. Формы этих поставцов чрезвычайно разнообразны, причем многие бывали украшены резьбой (рис. 63 и 64). Повсюду делались деревянные башмаки на трех ножках—*кафши чубӣ,* или *кафши чубин* (рис. 65). Для прочности и чтобы башмаки не скользили, их подковывали — *шох мегирифтанд, шоху мех мекарданд,* с этой целью на каждую ножку накладывали пластинку из рога крупного рогатого скота или горного козла с отверстием посередине, через которое вбивали толстый гвоздь с выпуклой шляпкой. Головки деревянных башмаков часто украшали несложным орнаментом, вырезаемым ножом. После окончательной отделки башмаки часто окрашивали разведенной в воде сажей, которую наносили тряпочкой, а когда «краска» подсыхала,

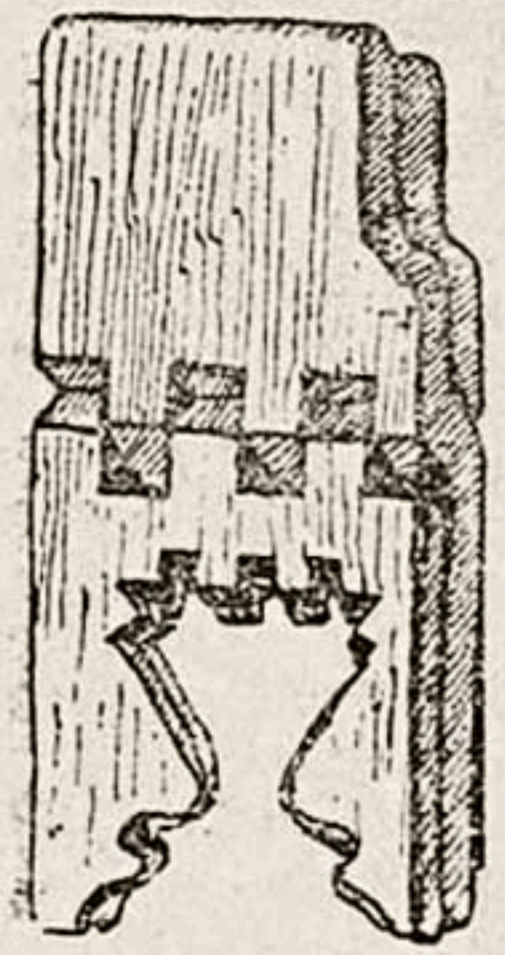
1

2

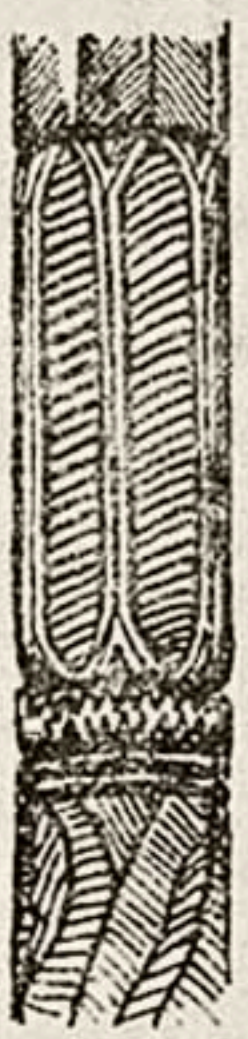
3

4

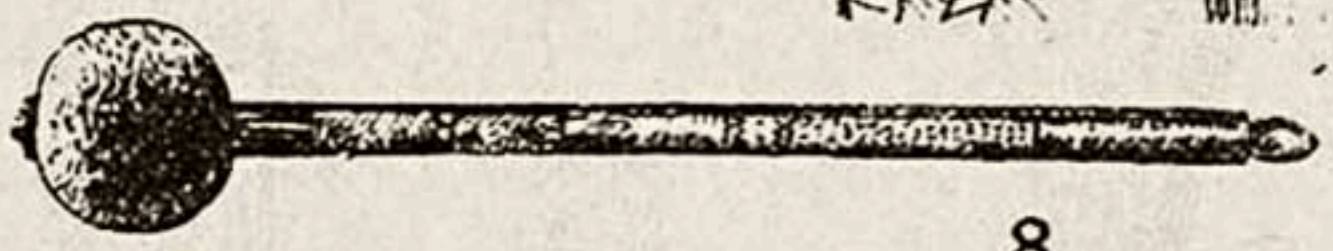
5

6

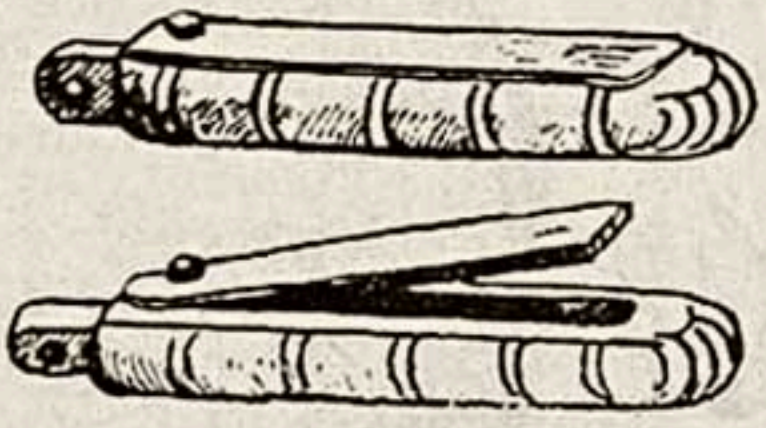
7

8

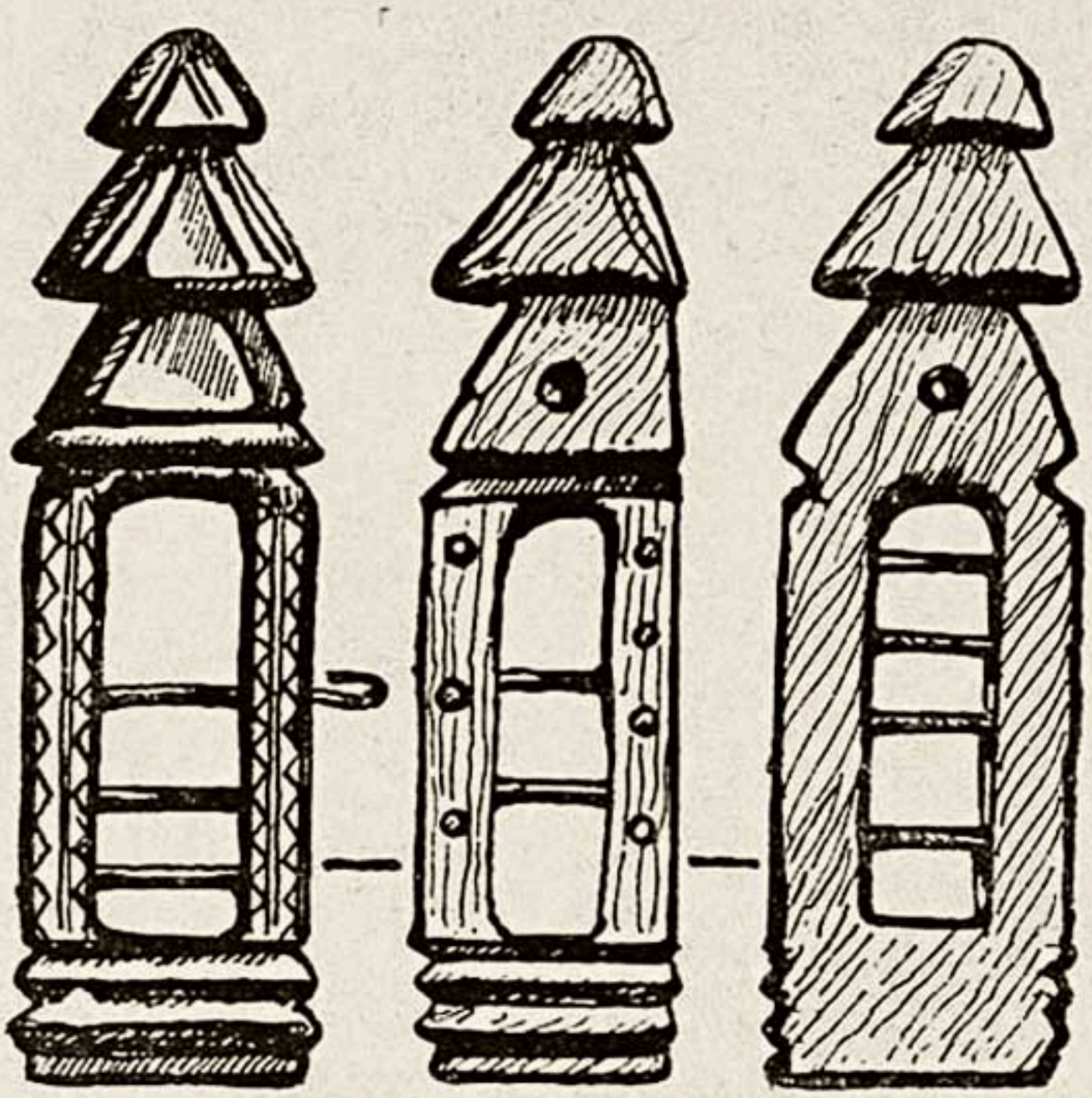
9

10

0 8 16 24

Рис. 62. Образцы резьбы по дереву из Дарваза:
1 и *3*—*лавҳ*—пюпитр, в сложенном и разложенном виде к. Зыгар (КП 273—269); *2*—*чиканда*—колотушка для обмолачивания снопов, к. Пшихарв (КП 156—211); *4*—*лавҳ*—пюпитр, к. Зыгар (КП 273—288); *5—8*—*гурз*—палица и детали ее резной ручки, к. Егид (КП 273—132); *9*—*куба*—колотушка от лучка для трепания шерсти, к. Пшихарв (КП 156—114—*б*) *10*—*хатдон*—футляр для бумаг, к. Хостау (КП 273—242).

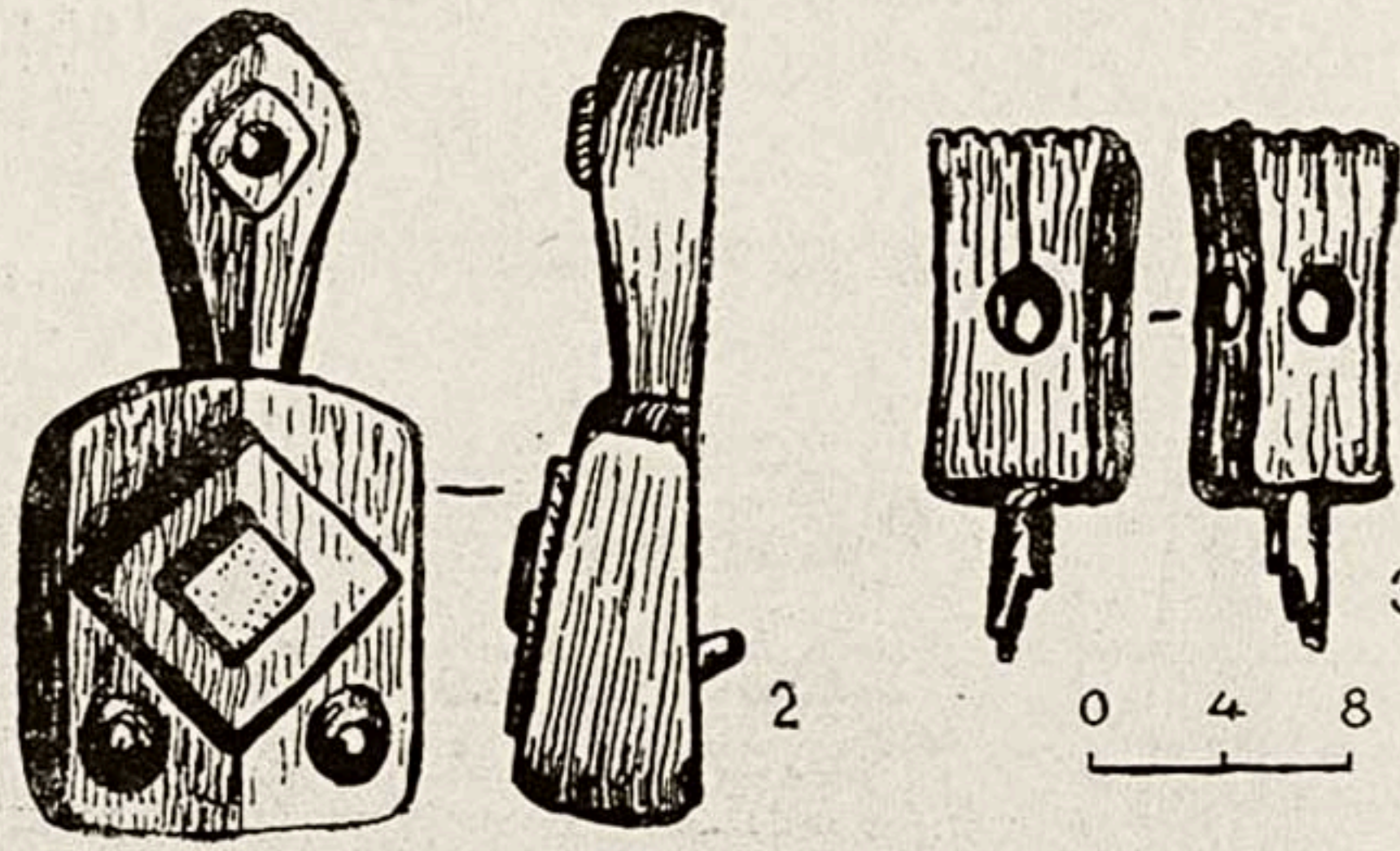

Рис. 63. Деревянные поставцы—*сокин* для лучинообразных светильников из Дарваза: *1*—*сокин, сокинак*—поставец, к. Курговад (КП 156—108); *2*—то же, к. Хостау (КП 273—241); *3*—то же, к. Пшихарв (КП 156—138).

башмаки для блеска смазывали салом. Деревянные башмаки выделывали из ореха — *чормағз*, березы — *буруч*, тополя серебристого — *сафедор*, ивы — *бед*, каркаса — *туғ* и клена — *фарк*. Кленовые башмаки делались редко, так как они получались очень тяжелыми. Башмаки из ореха и березы, чтобы не лопались, смазывали растопленным козьим салом — *яхши буз*. Ножки у деревянных башмаков называются *пояи кафш*, или *чочаки кафш*, носок — *нули кафш*, поверхность головки — *пушти кафш*, ободок вокруг всего отверстия, в которое вставляется нога при одевании — *даҳани кафш*.

Для хранения домашнего скарба изготовляли разного размера и формы сундучки и поставцы для посуды—*сандуқ*, или *сандуқча*. Некоторые из них невелики по размеру и очень примитивны по своему устройству — они выдолблены из одного куска дерева, другие же более сложного устройства и нередко украшены резьбой (рис. 66, *1* и *2*). Красиво украшена резьбой рукоятка приобретенной в к. Егид палицы *гурз* из урюкового дерева (рис. 62, *5—8*) с насаженным деревянным шаром.

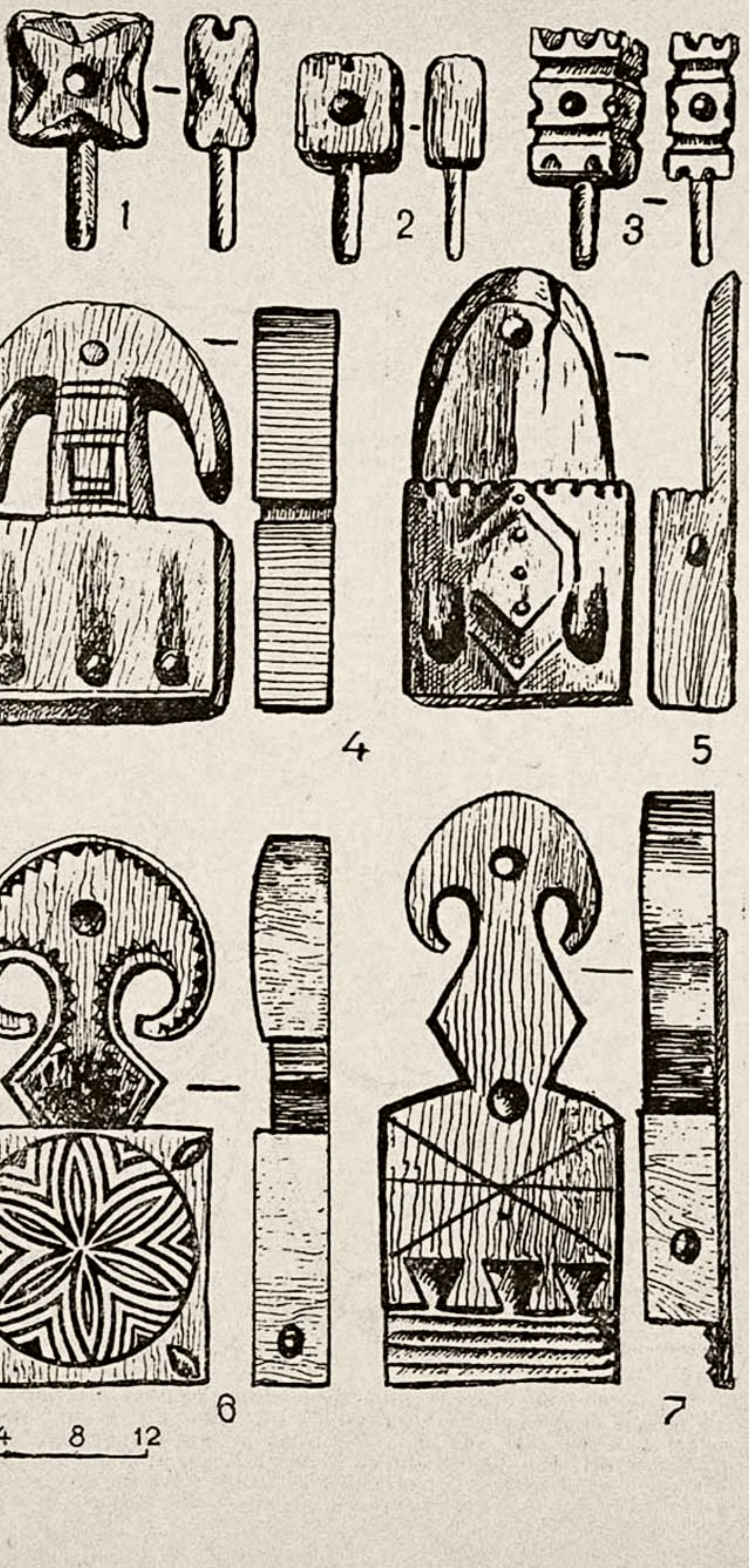
В Дарвазе и в кишлаках по Пянджу мастера-деревообделочники до сих пор еще изготовляют *бодбарак* — своеобразный веер — опахало, приводимый в движение силой падающей воды, подводимой по специальному жёлобу. Бодбарак состоит из вертикальной деревянной оси, насаженной на острый железный шпиль — *нароҳан*, укрепленный в поставленном вертикально деревянном чурбаке, как у обычной водяной мельницы среднеазиатского типа.[94] В нижней части чурбака укреплены горизонтально лопасти — *парра*. Чурбак вместе с лопастями называется *чарх* (колесо). Снизу в чурбак вбит металлический стержень с округлой головкой, которой он вставляется в углубление в подкладываемом под него на землю камне или в специальную чугунную или вообще металлическую пластинку с углублением — *чахник*. На железный стержень выше чурбака и ниже деревянной вертикальной оси надевается через просверленное в ней отверстие толстая доска. Все сооружение устанавливается в небольшой яме таким образом, что чахник укрепляется на дне ямы, а доска кладется поверх ямы на землю и удерживает ось в вертикальном положении. К верхнему концу оси перпендикулярно ей, т. е. горизонтально, укрепляется жердь, длиною примерно в маховую сажень, называемая *тафи бодбарак* (крыло бодбарака). К жерди пришивается или прибивается само опахало или парус — *чодар* из мешковины или какой-нибудь другой материи, нередко в два слоя. К месту установки бодбарака подводится по арыку вода и направляется по небольшому жёлобу—*ноу* на лопасти колеса. Регулированием количества воды регулируется и быстрота вращения опахала. Бодбарак устанавливается обычно в тени какого-нибудь большого дерева или под сооруженным навесом из ветвей и дает прохладу расположившимся вокруг него людям и отгоняет от них мошек и комаров, особенно многочисленных в Дарвазе в летние жаркие ночи.

На токарном станке, приводимом в действие силою падающей воды, изготовлялась исключительно домашняя посуда довольно большого ассортимента, причем часто с учетом требований потребителей. Это были, главным образом, круглые чаши-блюда — *табақ* различной величины, служившие как посудой для еды, так и меркой для некоторых продуктов сельского хозяйства и заменявшие собою весы (рис. 59, *4*).

Для плова делались иногда специальные двойные блюда — *дутабақа*, или *таитабақӣ* (рис. 59, *3*), выточенные из одного куска дерева. На верхнее клался горкой плов,а на выступавшие на 5—6 см края нижнего блюда клали кости; эти края также предохраняли от рассыпа-

Рис. 64. Деревянные поставцы *сокин* для лучинообразных светильников из Дарваза:

1—сокин—поставец, к. Егид (КП 273—113); *2*—то же, оттуда же (КП 273—119); *3*—то же, оттуда же (КП 273—203); *4*—то же, оттуда же (КП 273—107); *5*—то же, к. Зыгар (КП 273—289); *6*—то же, к. Егид (КП 273—145); *7*—то же, оттуда же (КП 273—185).

1
2
3
4
5
6
7
0 4 8 12

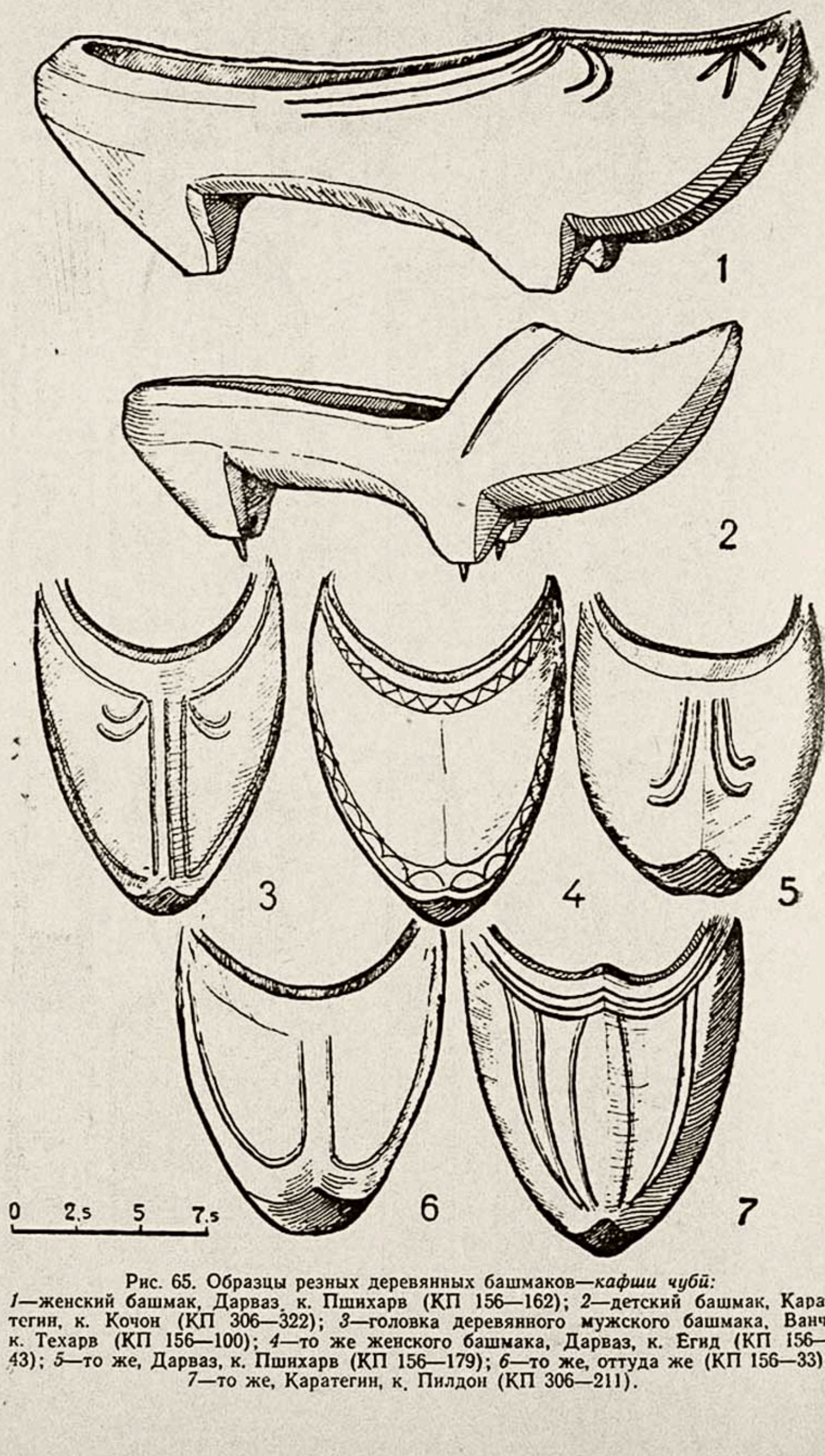
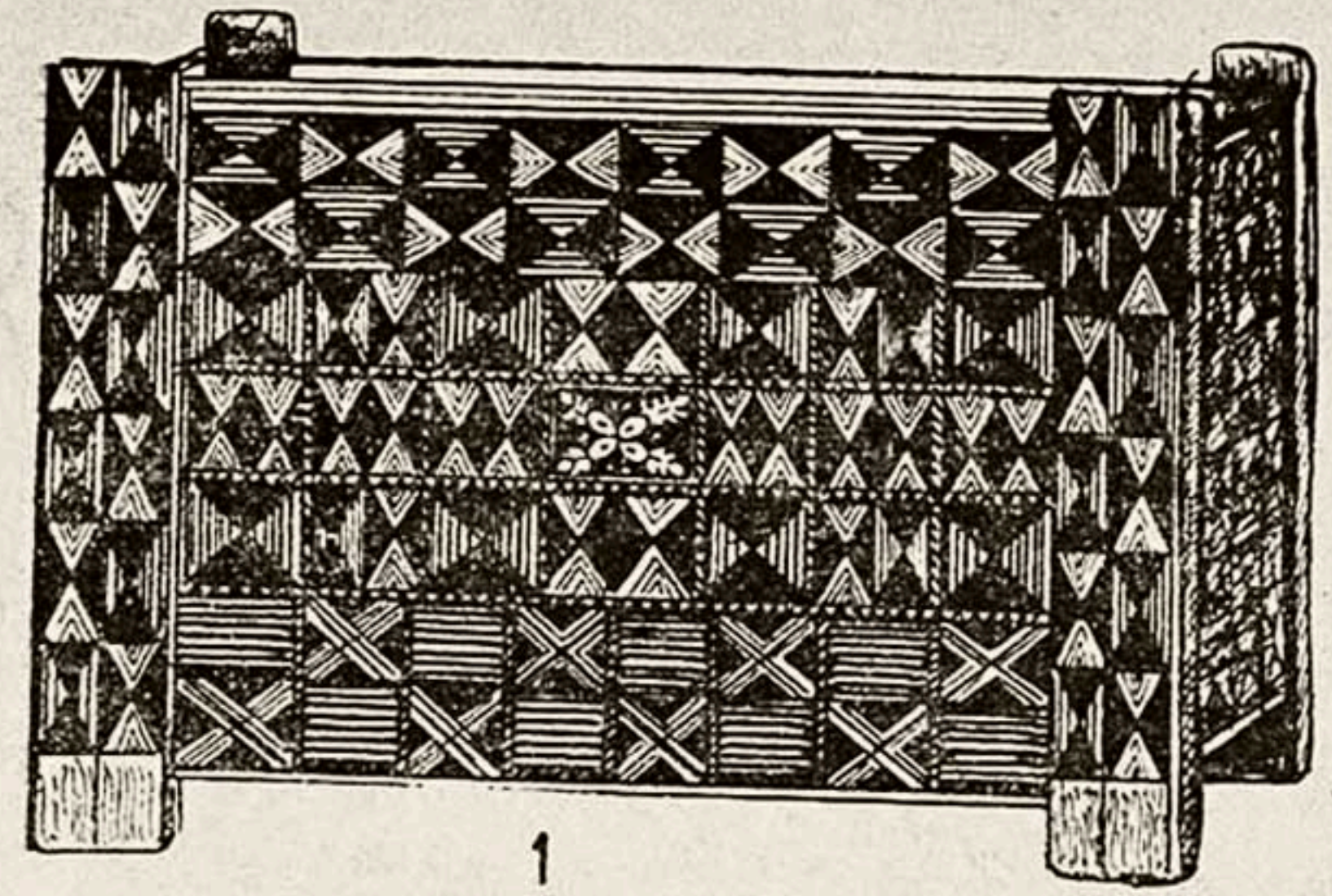
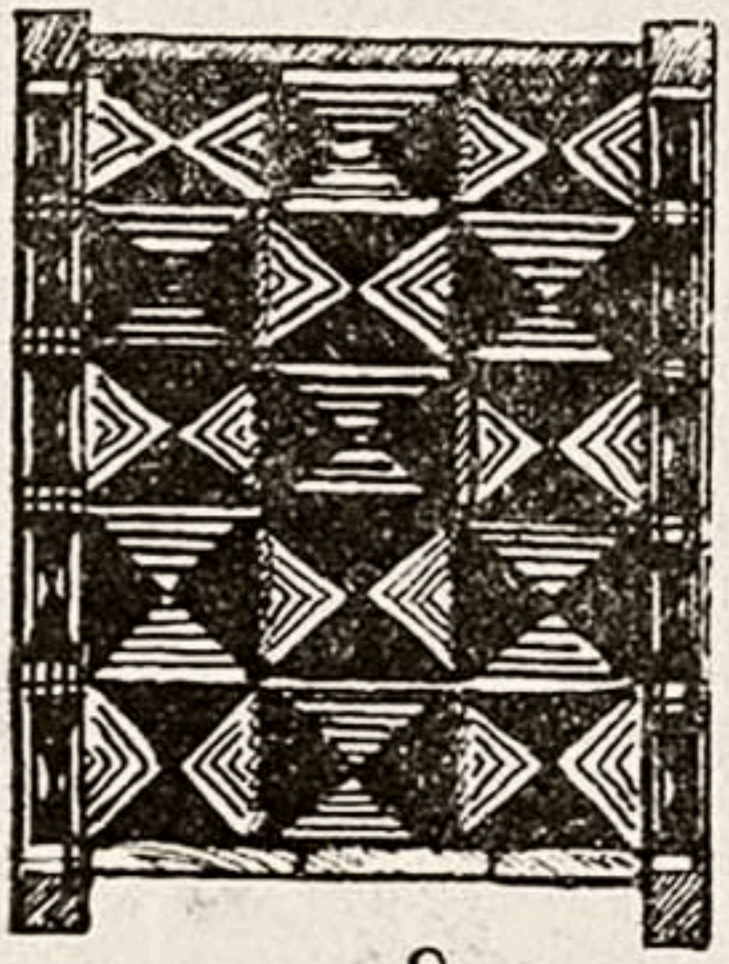

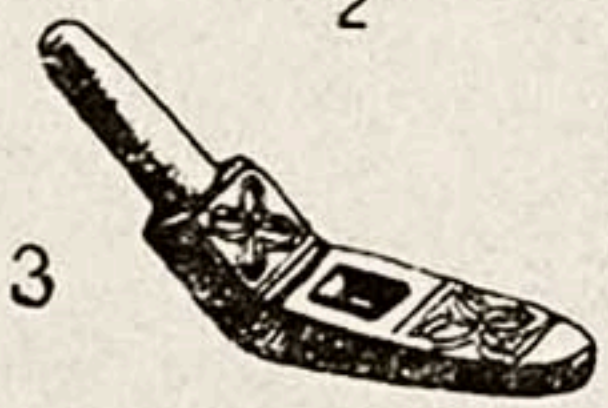
Рис. 65. Образцы резных деревянных башмаков—*кафши чубӣ:*
1—женский башмак, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156—162); *2*—детский башмак, Каратегин, к. Кочон (КП 306—322); *3*—головка деревянного мужского башмака, Ванч, к. Техарв (КП 156—100); *4*—то же женского башмака, Дарваз, к. Егид (КП 156—43); *5*—то же, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156—179); *6*—то же, оттуда же (КП 156—33); *7*—то же, Каратегин, к. Пилдон (КП 306—211).

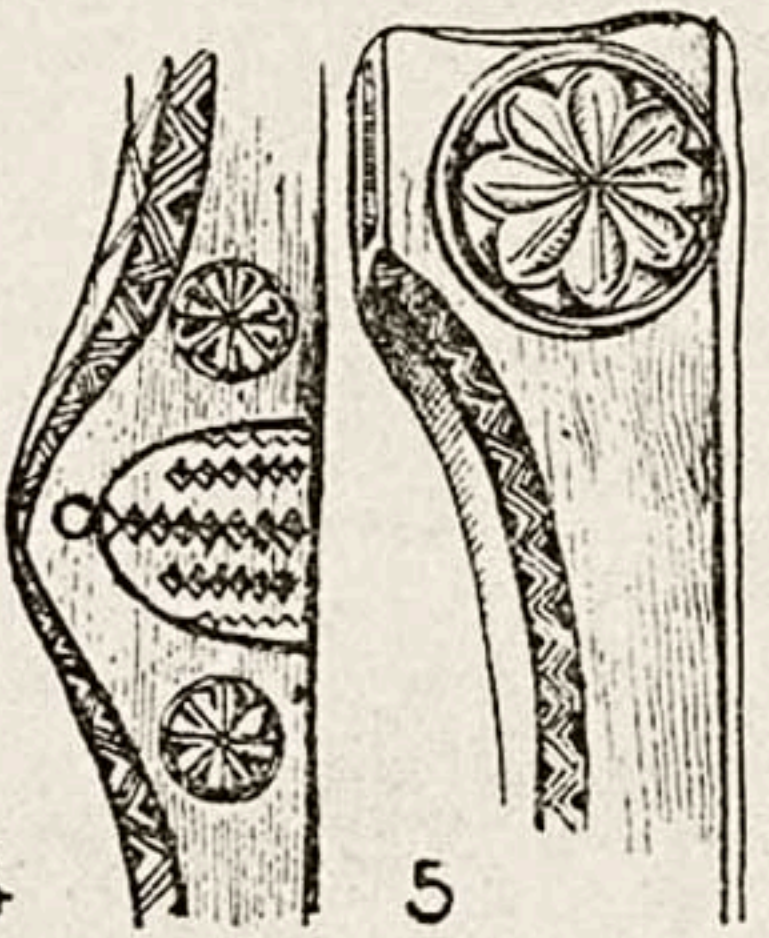
1

2

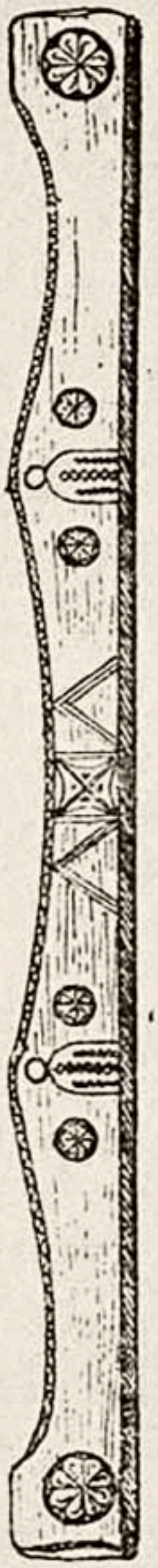
3

4 5

6

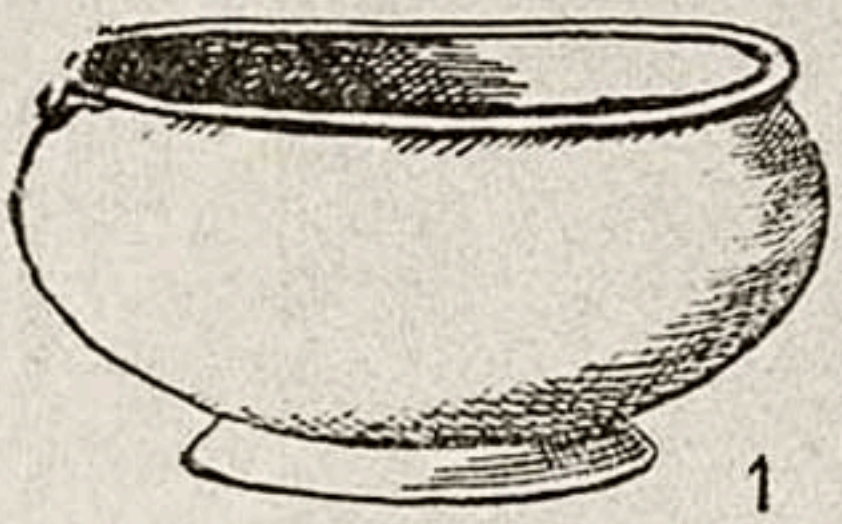
7

4-5-6
ДЕТАЛИ

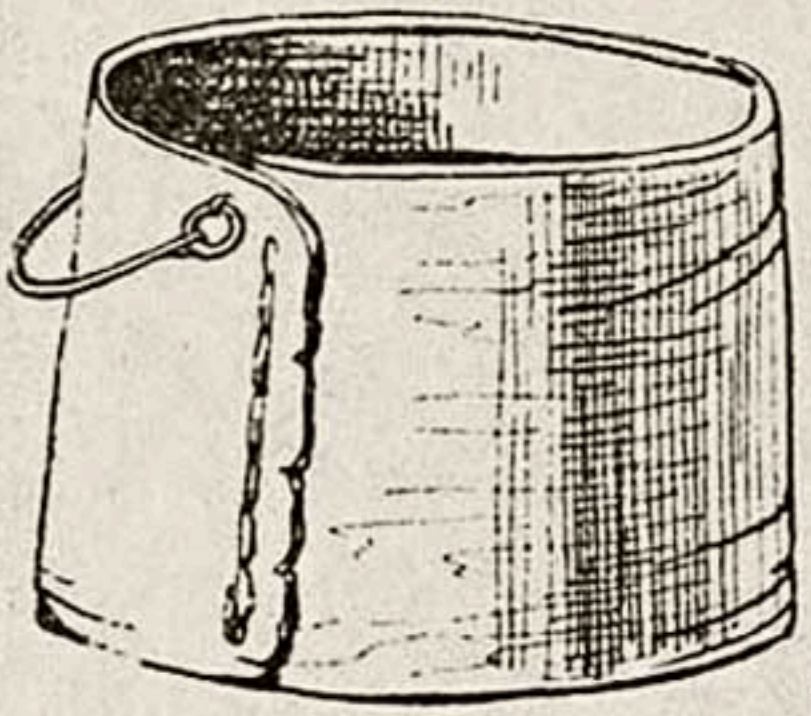
0 8 16 24

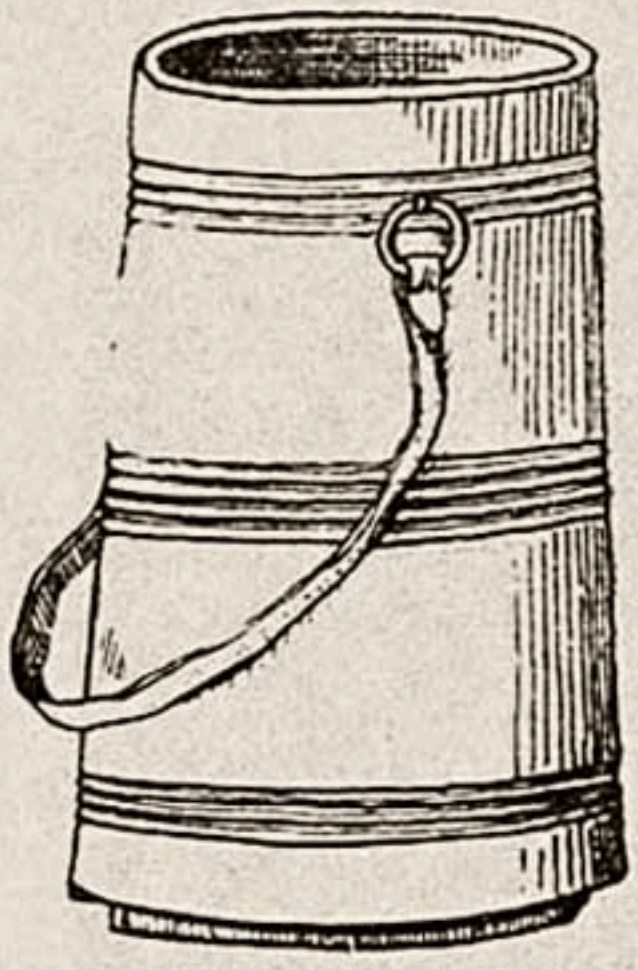
Рис. 66. Образцы резьбы по дереву из Дарваза:

1—2—деревянный сундук для одежды, украшенный резьбой по выкрашенному черной краской фону (вид сбоку по длинной и торцовой стенкам), к. Джорф (КП 273—378); *3—дастаки ҳаллоҷӣ*, или *гушик*—ручка вальцев для очистки хлопка от семян, к. Пшихарв (КП 156—186); *4—7—шонадастгир*—верхняя доска от рамы ткацкого станка и детали ее резьбы, оттуда же (КП 156—128).

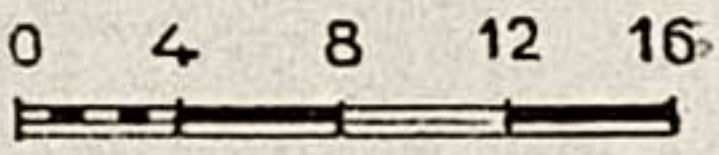

Рис. 67. Токарная и гнутая деревянная посуда: *1—косаи чубӣ*—деревянная чашка, Каратегин, к. Пилдон (КП 306—203); *2—косаи қирғизӣ* — киргизская чашка, оттуда же (КП 306—176); *3—чиғаш-челек*—гнутое ведерко для доения коз, Каратегин, к. Кошой (КП 306—44); *4—суки-челек*—ведерко деревянное точеное, оттуда же (КП 306—24); *5—чорьяккоса*—точеная чашка, Дарваз, к. Калаи-Хумб (КП 156—251).

ния риса на дастархан при еде руками. Выделывались также квашни для теста — *карсон* (рис. 59, *1*; рис. 61, *6*), тарелки для весов — *табақи тарозу,* чашки на ножке и без таковой для еды—*коса* (рис. 67, *1, 2*), бедерки — *чалак* (кирг. *челек*), иногда с крышкой (рис. 67, *4*), чашки с вертикальными стенками, сосуды округлой формы и иногда на ножке для хранения разных продуктов — *чорьяккоса* (рис. 67, *5*). Точеная посуда выделывалась больше из орехового дерева и ивы, редко из арчи, абрикосового дерева и каркаса. Для предохранения точеной посуды от трещин ее либо долго держали в воде, либо пропитывали жиром.

Гнутые изделия, как говорилось, вырабатывались преимущественно в к. Пшихарв. Изготовлялись различной величины круглые, лукошкообразные сосуды со стенками из гнутых тополевых досок и со вставленным на деревянных шпонках дном из тонких досок. Ободья у этих сосудов в месте их соединения прокалывались и сшивались тонкой арчовой щепой — *чармакии арча,* которая предварительно долго вымачивалась, а потом в эти проколы забивались деревянные гвоздики. Общее название таких сосудов — *пена,* но в зависимости от того, для какой цели они употребляются, они носят и другие названия. Так, сосуд такой формы, вмещающий около центнера зерна, употреблялся в к. Пшихарв для сливания в него пахтанья и назывался *дуғдон* — вместилище для пахтанья—*дуғ,* сосуд меньшего размера, вмещающий 20 тюбетеек зерна, так и называется *пенаи бисттоқия,* т. е. «двадцатитюбетеечная пена». Более мелкие сосуды, служащие для набирания муки при замешивании теста, называют *чорьяк,* или *соғича* (рис. 70, *1*), а еще более мелкие, в которых хранят зарытый в муке кусок теста, оставляемый на закваску, называют *белогдун,* т. е. «посуда для закваски» (рис. 70, *2*).

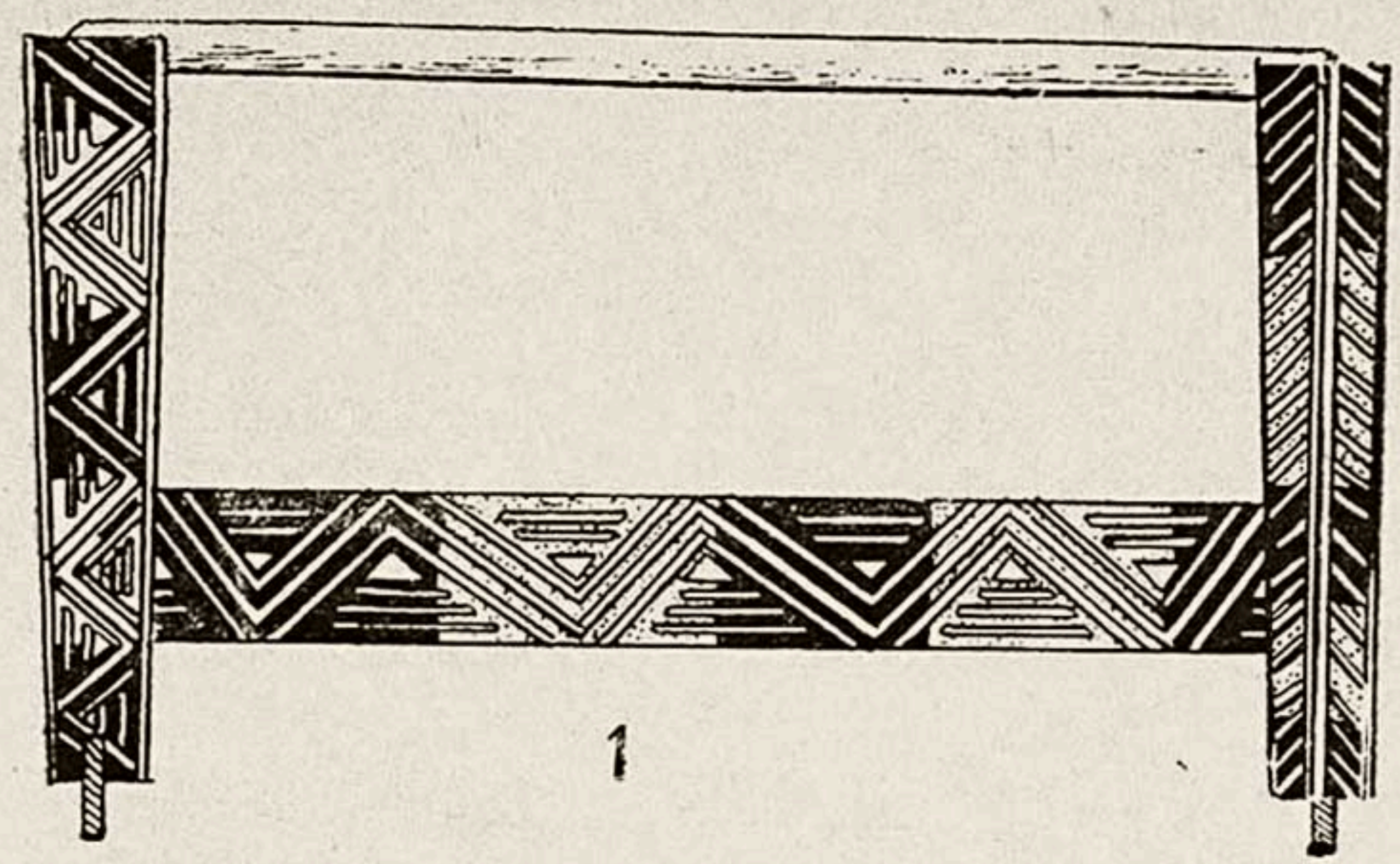
Кроме того, таким же способом гнутся до сих пор пользующиеся большим спросом круглые сундучки-укладки с крышкой и на трех ножках — *табанг, таванг,* используемые для хранения главным образом предметов одежды (рис. 68); бубны — *даф,* обтягиваемые сырой козлиной кожей, иногда украшенной нарисованным орнаментом; маслобойки — *куп* и мутовки к ним — *чархчуб* с дугами — *шох* на конце (рис. 59, *12—15*); сита — *элак*, решета — *галбер, ғилбол* и грохоты — *фароғбез.*

Некоторые деревянные изделия украшались довольно сложным резным орнаментом (рис. 60, 62, 66, 68, 69. 70). В других случаях изделия украшались орнаментом, наносимым посредством протравки известью или инкрустаций кусочками алюминиевой или медной проволоки (рис. 60, *1, 4*). Пшихарвские изделия (табанг, гавора и др.) предварительно раскрашивались, а потом простым складным карманным ножом на них вырезался орнамент, который получался таким образом белым и поэтому резко выделялся на цветном фоне. Изделия в Пшихарве окрашивались обычно в два цвета—черный и кирпично-красный. Для окраски в черный цвет употребляли сажу, разведенную на воде или смешанную с салом, а для окраски в кирпично-красный цвет брали красную глину и разводили ее водой, а иногда, для прочности, добавляли еще, сырое куриное яйцо. Такой же способ орнаментации аналогичных изделий применялся и в Каратегине (например, в к. Навди).

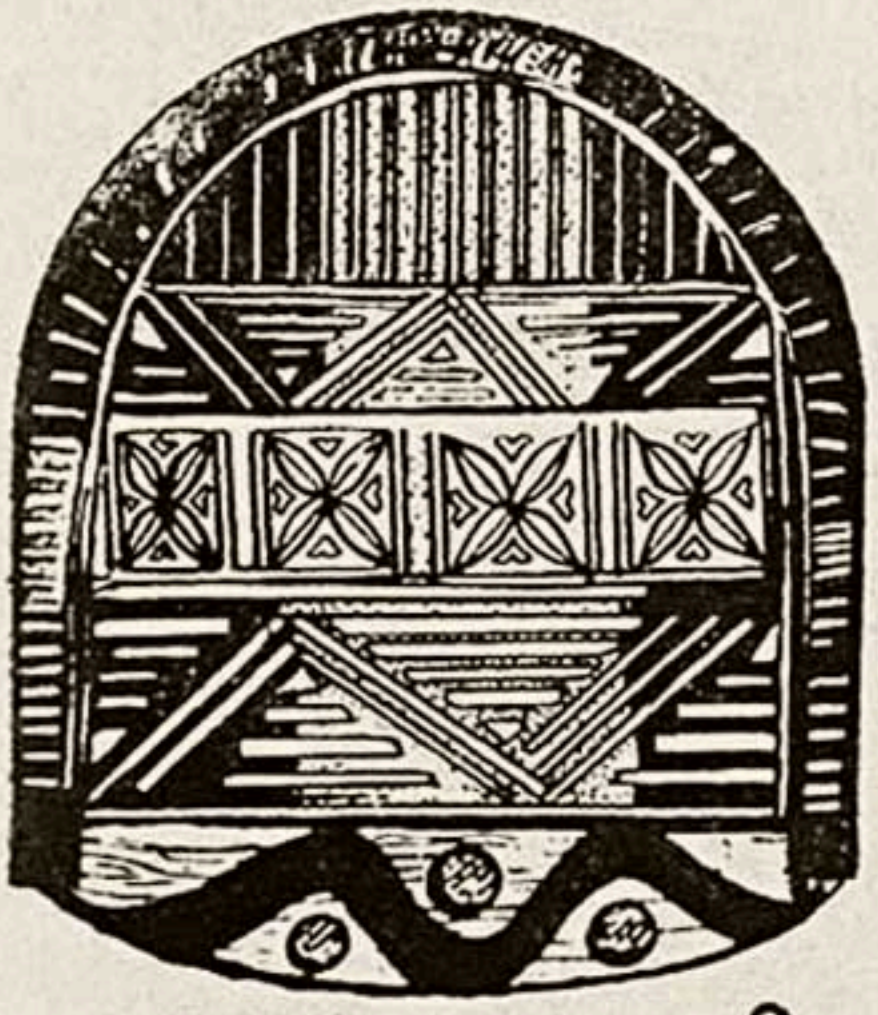
Кроме предметов быта, нередко изготовлялись и детские игрушки, причем в большинстве случаев они представляли собою маленькие модели тех же самых предметов быта (рис. 70, *5, 6. 7*). Для девочек чаще всего делались игрушечные колыбели, доски и скалки для теста и другие предметы домашней утвари, а для мальчиков вырезали плуги, сани-волокуши, лопатки, лошадок и пр.

Рис. 68. *Табанг*—сундучки-укладки для хранения одежды:
1—сундучок-укладка, покрытая резьбой поверх окраски, к. Пшихарв (КП 156—168); *2*—то же, оттуда же (КП 273—65); *3*—то же, оттуда же (КП 273—178); *4*—то же. оттуда же (КП 156—256).

1

2

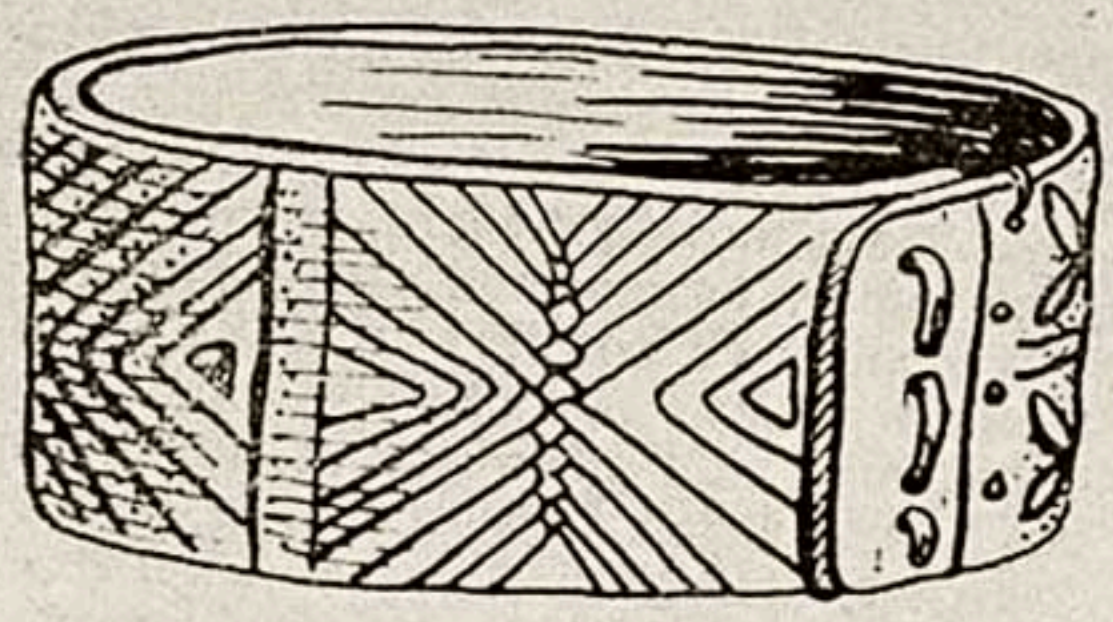
3

0 4 8 12 16

Рис. 69. *Гаҳвора*—колыбель, украшенная резным орнаментом после окраски: *1*—вид сбоку; *2*—сзади и *3*—спереди. Дарваз, к. Пшихарв (КП 156—222).

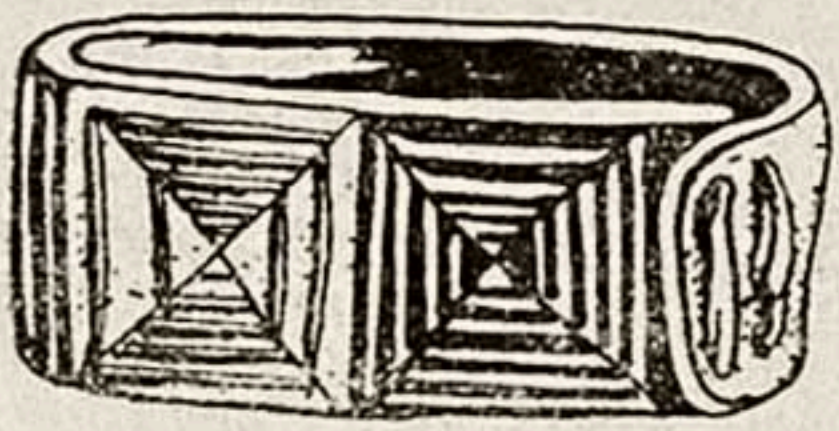
Рис. 70. Резные игрушки и деревянная утварь из Дарваза:

1—чорьяк—лукошко *чортоқия*, вмещающее четыре тюбетейки сыпучих тел, Дарваз, к. Егид (КП 273—28); *2—бэлогдун*—лукошко, вмещающее две тюбетейки зерна или муки, покрытое резьбой по окраске, Дарваз, к. Пшихарв (КП 156—169); *3—табангча*—резная круглая коробка (вид сбоку со снятой крышкой, верх крышки, вид сбоку с надетой крышкой), Дарваз, к. Пшихарв (КП 273—72); *4—кишти*—сосуд в форме лодочки для питья воды и для жидкой холодной пищи, Дарваз, к. Егид (КП 273—102); *5—6—тахтаи нокросткун*—игрушечная доска для раскатывания лепешек и *нокросткун* — скалка для раскатывания, Каратегин, к. Кочон (КП 306—338); *7—гаҳворача*—игрушечная колыбель (вид сбоку, спереди и сзади), Дарваз, к. Пшихарв (КП 156—158).

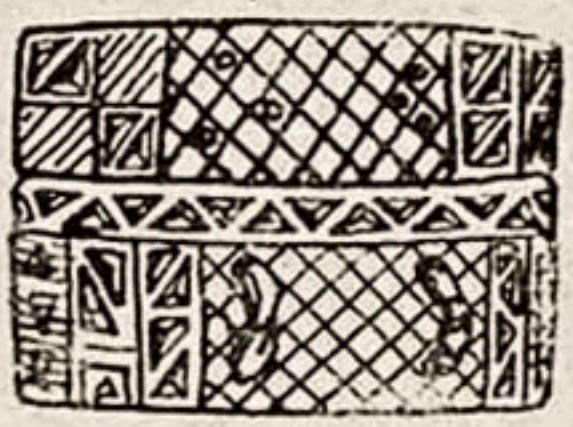

1

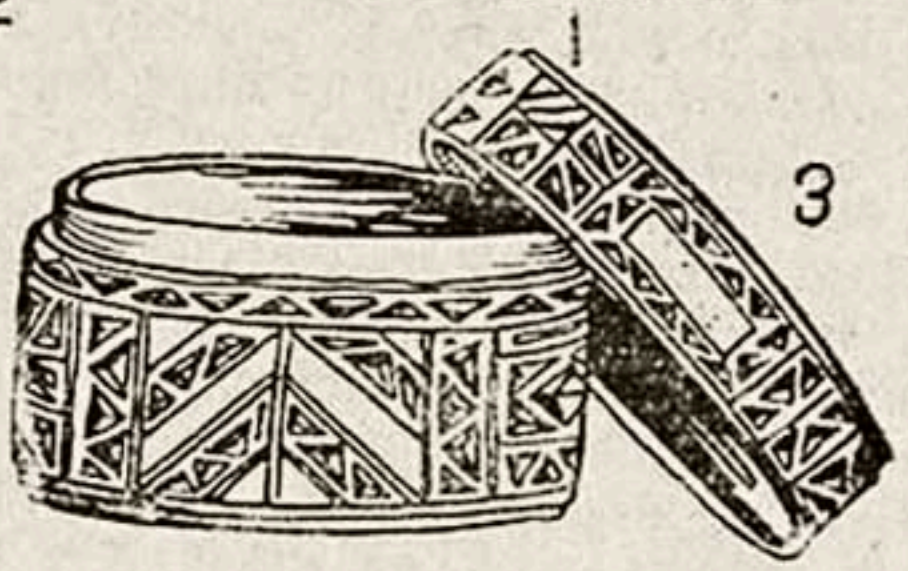

2

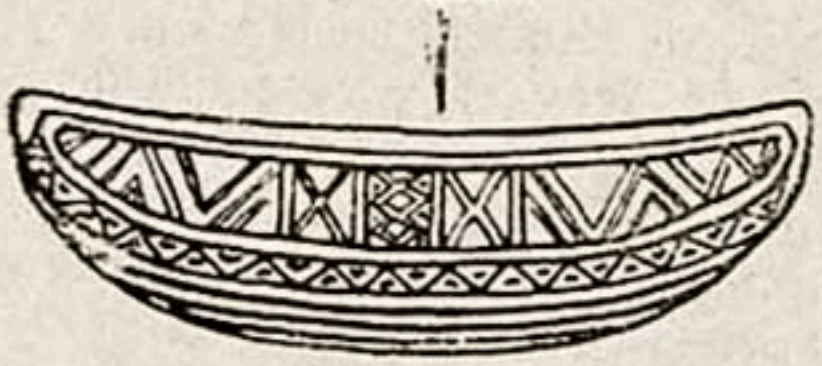

1

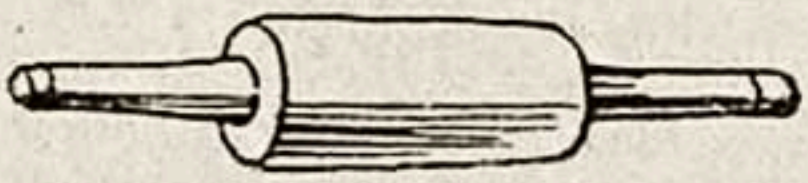

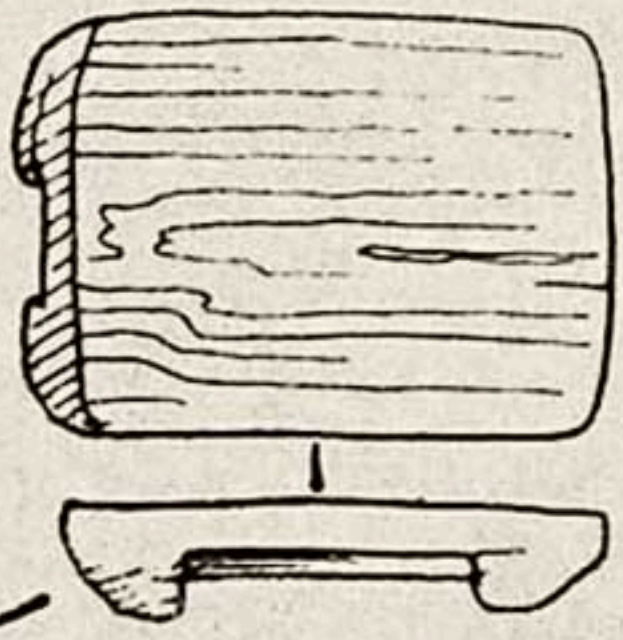

3

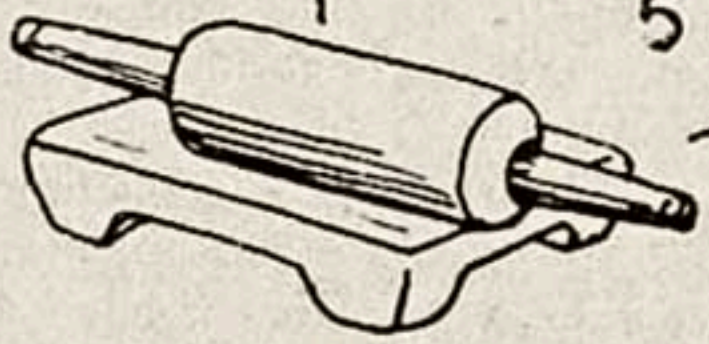
4

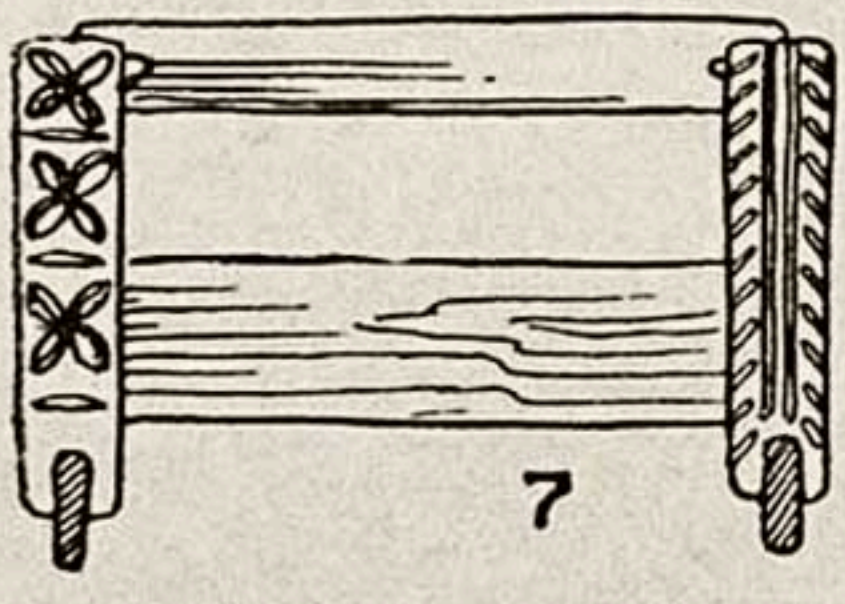

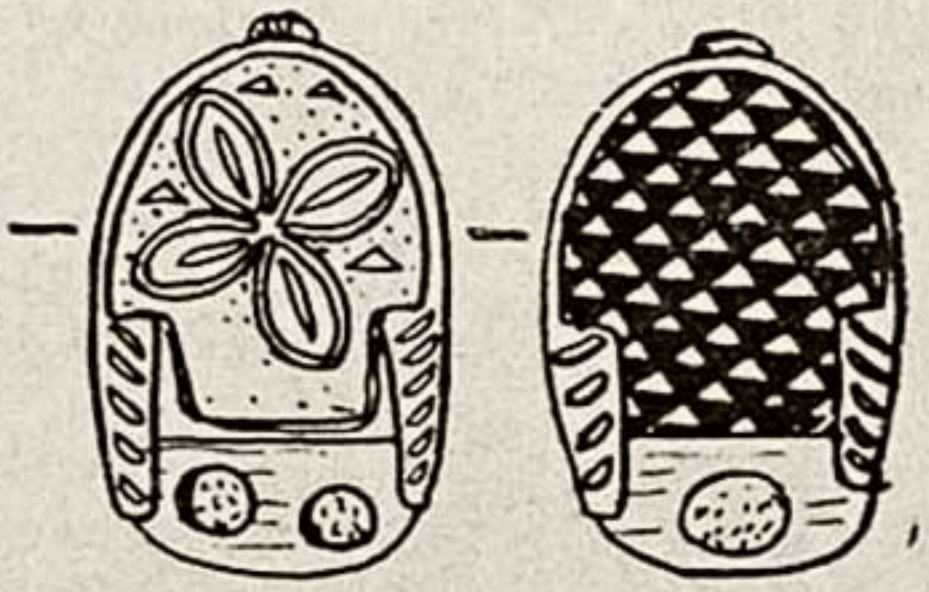
5

6

7

0 4 8 12

***

Как явствует из изложенного выше, ремесла и домашние промыслы таджиков Каратегина и Дарваза представляли в самом недалеком прошлом довольно пеструю картину. Здесь можно было наблюдать и необходимую принадлежность натурального хозяйства — домашнюю промышленность или «переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»,[95] причем это хозяйство, с одной стороны, занималось своим промыслом, а с другой, было неразрывно связано с земледелием. Примером этого может служить выделка домашнего сукна для халатов, изготовление кошем, тканье хлопчатобумажных и шелковых материй в Дарвазе и пр. Здесь же существовала и первая форма промышленности, уже оторванной от патриархального земледелия, или «ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю — заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой...»[96]. Примером этого в Каратегине и Дарвазе могут служить кузнецы, занимавшиеся своим ремеслом как в сочетании с земледелием, так и без этого. К этой же группе можно отнести и женщин-гончаров, выделывавших посуду по заказу своих односельчан из материала последних и на дому у них же, токарей, получавших в оплату часть выделанной ими посуды, а также и ткачей, выделывавших материи из ниток заказчиков, и др.

Некоторые группы ремесленников являлись уже товаропроизводителями, занимавшимися производством на рынок, правда, довольно узкий, где «продукт по-прежнему переходит непосредственно из рук производителя в руки потребителя, причем продаже продукта предшествует иногда обмен его на сельскохозяйственные продукты».[97] Яркий пример этого мы видим в дожившем до наших дней производстве на рынок и продаже глиняной и деревянной посуды, часто еще в обмен на зерновой хлеб и другие продукты, т. е. то же самое явление, которое существовало и в России и было отмечено В. И. Лениным в цитируемой нами работе.[98] Точно так же за изготовление деревянных башмаков, например, в к. Яхч, заказчик либо платил мастеру пшеницей (от 1,5 до 3 блюд, вмещавших 3 тюбетейки зерна каждое), либо выполнял для него какую-нибудь работу, либо привозил мастеру дров и т. д.

В годы Великой Отечественной войны как в Дарвазе, так и в Каратегине можно было наблюдать такое явление, когда гончары, ткачи и деревообделочники были объединены в артели и занимались своим ручным ремеслом в общем помещении, а их продукция (карбос, деревянная обувь, ложки, глиняная посуда) поступала в продажу в государственную торговую сеть.

По окончании войны надобность в продукции этих ремесленных изделий отпала и артели были ликвидированы, а производство этих изделий вернулось к своим первоначальным формам и в настоящее время кое-где исчезло совершенно, а кое-где доживает свои последние дни.

ОХОТА

Охоте таджиков Каратегина и Дарваза посвящены две статьи Н. А. Кислякова[1], в которых автор приводит сведения об индивидуальной и коллективной охоте, о связанных с ней обрядах и обычаях, легендах и сказках. Если не считать беглых замечаний, встречающихся в литературе[2] до появления статей Н. А. Кислякова, то материалы его впервые освещают охотничий быт таджиков Каратегина и Дарваза. Во многом сходны и близки к ним обычаи и обряды, связанные с охотой у припамирских таджиков долины Хуф,[3] и таджиков южных склонов Гиссарского хребта.[4]

Об охоте в равнинных местностях Таджикистана и Узбекистана написано много статей и заметок, носящих обзорный характер.[5] Однако среди них встречаются и содержащие интересные этнографические сведения.[6]

Собранные Гармской этнографической экспедицией материалы шире освещают охотничьи занятия таджиков Каратегина и Дарваза.

Животный мир этих районов довольно богат и разнообразен; многие звери и птицы издавна являются объектом охоты, в частности: горный козел — *буз, нахчир, оҳу*, медведь — *хирс*, сурок — *сағир*, лиса — *рубаҳ*, куница — *дала*, кролик — *заргуш*, волк — *гург*, барс — *палинг*, суслик — *юрмон*, барсук — *қашқалдоқ*, выдра — *саги обй*, куропатка — *кабк*, перепелка — *бедона* и др.

В настоящее время охота — *шикор* на зверей и птиц весьма широко распространена. Охотников — *мерган, тирандоз, шикорчй* можно встретить в каждом кишлаке. Большинство из них являются членами промысловой кооперации «Заготживсырье», где они приобретают ружья и охотничьи принадлежности. Сейчас, в основном, охотятся за горным козлом, лисицей, волком, медведем, сурком, куницей.

Особо поощряется деятельность охотников, связанная с уничтожением волков. Шкуры убитых зверей сдают государству. В первые годы Советской власти во многих крупных кишлаках Таджикистана, в том числе Каратегина и Дарваза, существовали пункты Союзпушнины, сыгравшие важную роль в деле сбора сырья и снабжавшие охотников всем необходимым.

Если в настоящее время охота является подспорьем в хозяйстве лишь в незначительной степени, а в основном служит спортивным развлечением и большей частью носит любительский характер, то в прошлом она была источником дополнительного дохода для малообеспеченных горцев.[7]

Иногда, если скудное земледелие и скотоводство не могли прокормить население. охота являлась одним из главных источников существования целого кишлака. Так, например, из сорока хозяйств малозе-

мельного кишлака Фарьёв (нижний Каратегин) чуть ли не половина занималась охотой. Охотились большей частью за горным козлом, медведем, куропаткой. Добычу возили в кишлаки Хумдон, Войдара, Самсолик, Юс, Яхак и обменивали на зерно и старую одежду; за тушу одного горного козла получали один ман (64 кг) пшеницы, за 20 куропаток — один старый халат. В Фарьёве охотой увлекались и самые маленькие. Дети в возрасте 10—15 лет ловили в горах птенцов куропаток — *кабгчуча*, кормили их саранчой и дрессировали, чтобы сделать из них манков для охоты на куропаток. Так как охота являлась одним из основных занятий жителей кишлака Фарьёв, то они платили правителям налог шкурами медведей, лисиц, волков.[8]

Аналогичное положение было и в к. Хазрати-Бурх, в верховьях Хингоу, где охота на горного козла являлась серьезным подспорьем в хозяйстве.[9]

Охотничье искусство, требовавшее большого профессионального уменья, очень почиталось и передавалось из поколения в поколение. Патроном-покровителем охотников считался святой Давид—Хазрати Довуд,[10] который, по существовавшим поверьям, имел на земле своих представителей, называемых *пир*, или *устои шикор*. Термином *пир* горцы называли не только покровителя охоты, но и всех стариков, имеющих большой опыт в этой области и являющихся наставниками для других. *Пир* — это лучший и старейший охотник, без молитвы (*фотиҳа*) которого дичь — *сайд* якобы никогда не будет убита (*ҳалок намешавад*), как и вообще без пира не будет успеха ни в каком деле (*бе пире ҳеч кора бароруш нест*). Пир пользовался большим почетом среди охотников, в случае его прихода в другой кишлак охотники поочередно устраивали для него специальное угощение. Начинающие охотники ходили на охоту, присоединяясь к пиру, слушали его наставления и перенимали необходимые навыки. Молодой охотник учился, как прятаться, как подражать крику зверя, как стрелять. Как и в других ремеслах, для охотников существовало специальное наставление — *рисола*. Но письменного текста рисола обычно никто из охотников не имел при себе. Содержание его передавали из поколения в поколение и заключалось оно в указаниях о том, что охотник должен соблюдать специальные правила поведения, говорить правду, не лгать и т. п.

Первого застреленного козла ученик должен был отдать на совершение обряда жертвоприношения — *худой*. Зарезав козла, он готовил суп и угощал всех пришедших гостей. Когда ученик уже чувствовал себя достаточно подготовленным, чтобы самостоятельно охотиться, он просил своего пира организовать традиционное специальное посвящение. Посвящаемый приглашал пира, других охотников и некоторых почетных стариков на угощение, для которого резали барана. Пир или мулла приводил отрывки из рисоля. После этого молодой охотник дарил пиру чалму или халат, пир в свою очередь давал своему ученику что-либо из охотничьих принадлежностей.

Н. А. Кисляков отмечает, что до революции в Тавиль-Даре пир делал подношения сановникам и духовным лицам, но последние относились к нему высокомерно, считая его человеком низкого ремесла и звания и отдаривали старыми халатами или другими подобными малоценными вещами.[11]

На охоту обычно ходят вдвоем и лишь изредка в одиночку, так как при этом иногда приходится сталкиваться с медведем и подвергаться другим опасностям.

С охотой и охотниками было связано много суеверий. Горцы верили в существование сверхестественных существ, таких как *аҷина*, *дев*,

парӣ, ғул и т. п. Если охотник в горах терял что-нибудь из охотничьих принадлежностей, то считали, что утерянную вещь похитила пари или аджина. Убив волчицу, охотник вырезал ее половой орган, засыпал солью, сушил и носил на охотничьем поясе, считая что он приносит удачу—*бахосият* и охраняет от джина.[12]

Перед охотой охотник должен был быть ритуально чистым — не иметь сношения с женой и т. п. На охоту выходили рано утром, стараясь, чтобы выходящих никто не увидел. Если перед охотником проходила женщина,[13] то он возвращался обратно домой, считая, что это плохое предзнаменование; не предвещала удачи также и встреча с некоторыми животными (кошка, змея, лиса и др.).

Существовало два вида охоты: индивидуальная — ранней весной и летом и коллективная — зимой, после выпадения снега.

Прежде чем описывать каждый из видов охоты, следует сказать о снаряжении охотника.

Охотничье снаряжение.[14] Основным орудием охотника являлось ружье—*милтиқ, камон*, чаще всего привозное из Гиссара, Бухары и других городов.[15] Ружья бывали разных видов,[16] которые назывались по месту их изготовления: давлятабадское (по имени одного из кулябских кишлаков)—*давлатободӣ,* шахрисябское — *шаҳрисабзӣ,* самаркандское — *самарқандӣ,* халябадское — *ҳальёбодӣ,* фаранги. бухарское и аланазарское — *фарангии бухорӣ* ва *аланазарӣ,* киргизское — *қирғизӣ*; было также специальное ружье курковое с пистоном — *патокӣ.* Все ружья, кроме куркового, заряжались с дула — *даҳанпур.* Были ружья и местного изготовления — *камони шохак* (устанавливаемые на развилке. (рис. 71).

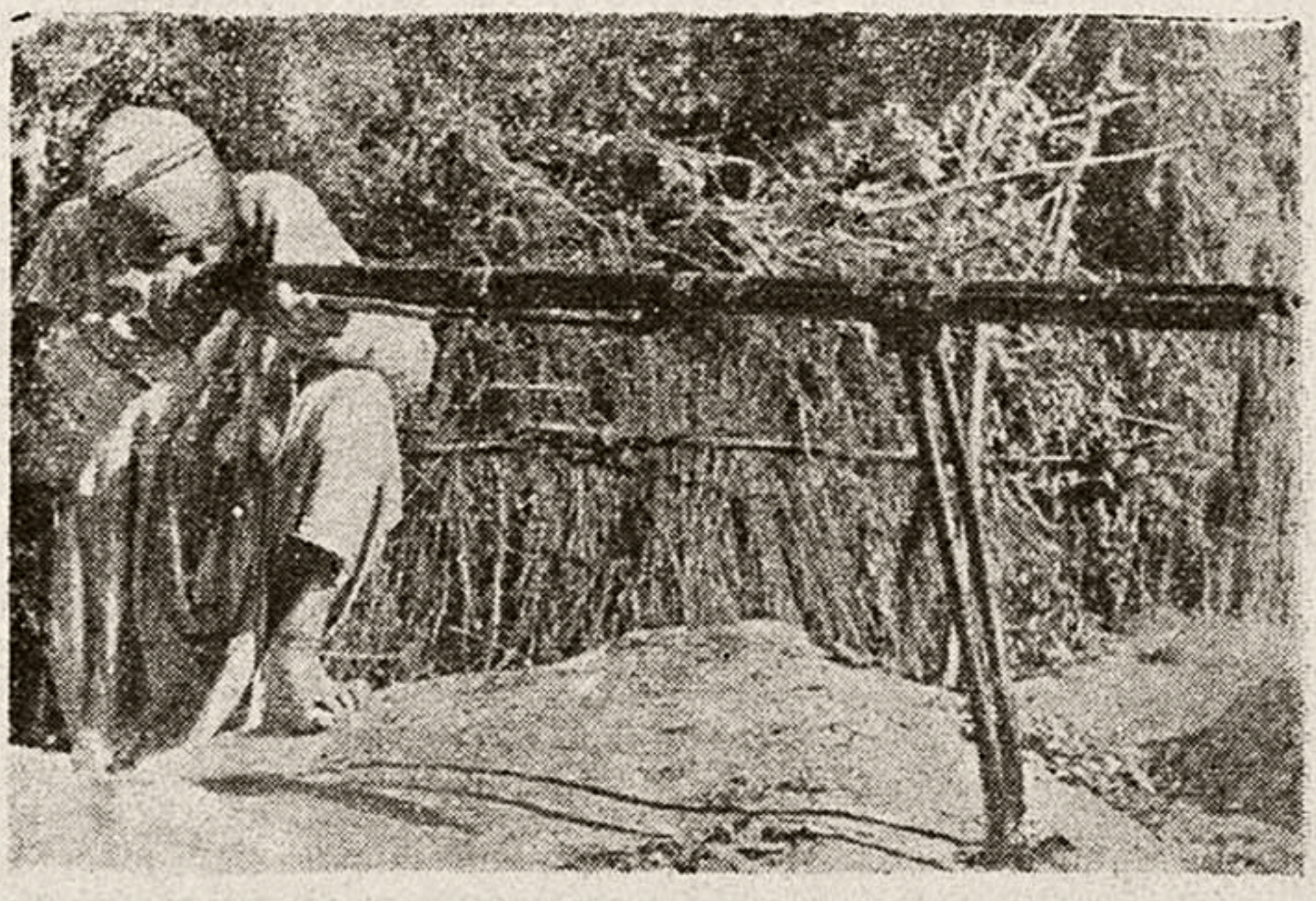

Рис. 71. Охотник, стреляющий из ружья на развилке—*камони шохак,* Каратегин, к. Халкарф (нег. № 18—133).

Ружье высоко ценилось, оно входило в состав калыма, даваемого за невесту. Ружье состояло из нескольких частей: *мил* — ствол; *қундоқ* — приклад; *пилта* — запальный фитиль, обматывавшийся вокруг

ствола у приклада и *моша*, или *пилтакуш* — футляр, в который вкладывался и тем самым тушился горящий конец фитиля (футляр делался из полой кости крупных хищных птиц — каргас, укоб и др.): *дугаза*— сошка; *сәмбачуб, сәмба* — шомпол.

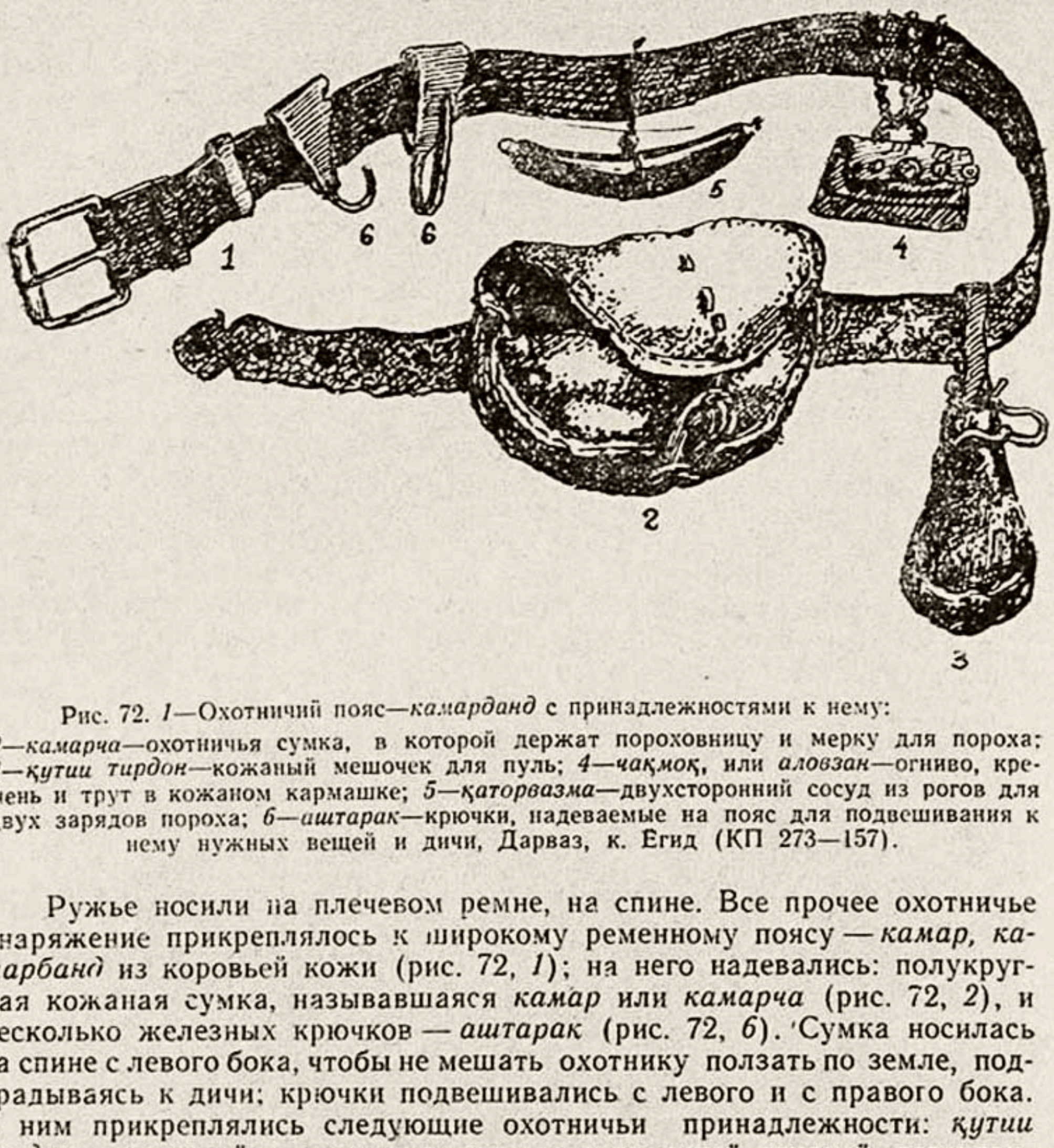

Рис. 72. *1*—Охотничий пояс—*камарданд* с принадлежностями к нему: *2*—*камарча*—охотничья сумка, в которой держат пороховницу и мерку для пороха; *3*—*қутии тирдон*—кожаный мешочек для пуль; *4*—*чақмоқ*, или *аловзан*—огниво, кремень и трут в кожаном кармашке; *5*—*қаторвазма*—двухсторонний сосуд из рогов для двух зарядов пороха; *6*—*аштарак*—крючки, надеваемые на пояс для подвешивания к нему нужных вещей и дичи, Дарваз, к. Егид (КП 273—157).

Ружье носили на плечевом ремне, на спине. Все прочее охотничье снаряжение прикреплялось к широкому ременному поясу — *камар, камарбанд* из коровьей кожи (рис. 72, *1*); на него надевались: полукруглая кожаная сумка, называвшаяся *камар* или *камарча* (рис. 72, *2*), и несколько железных крючков — *аштарак* (рис. 72, *6*). Сумка носилась на спине с левого бока, чтобы не мешать охотнику ползать по земле, подкрадываясь к дичи; крючки подвешивались с левого и с правого бока. К ним прикреплялись следующие охотничьи принадлежности: *қутии тирдон* — кожаный мешочек для пуль с деревянной втулкой, вставленной в горловину мешка и замыкаемой деревянной пробкой, его вешали на левый бок (рис. 72, *3*); *кордча, ханҷар* — нож; *шохак* — роговая пороховница для насыпания пороха на запал ружья, делалась она из кончика коровьего рога и вешалась с правой стороны (рис. 73, *3*): кожаный кармашек (рис. 72, *4* и рис. 74, *1*), в нижний край которого наглухо закреплена железная пластинка-огниво — *чақмоқ*, или *аловзан*, а в самом кармашке помещались трут — *хаф*, приготовленный из сухого щавеля — *шулха* или из полусожженных волокон со ствола борщевика — *керуш*, и кремень — *санги чақмоқ*. Этот кармашек носили на правом боку, надевая на пояс за кольцо. Теперь его заменяют спички.

В сумку камарча укладывали кожаный мешочек для пороха *қутии дору* (рис. 73, *1*), мерку для пороха — *ченак* (рис. 73, *2*), привязанную к мешочку с порохом, и запас трута.

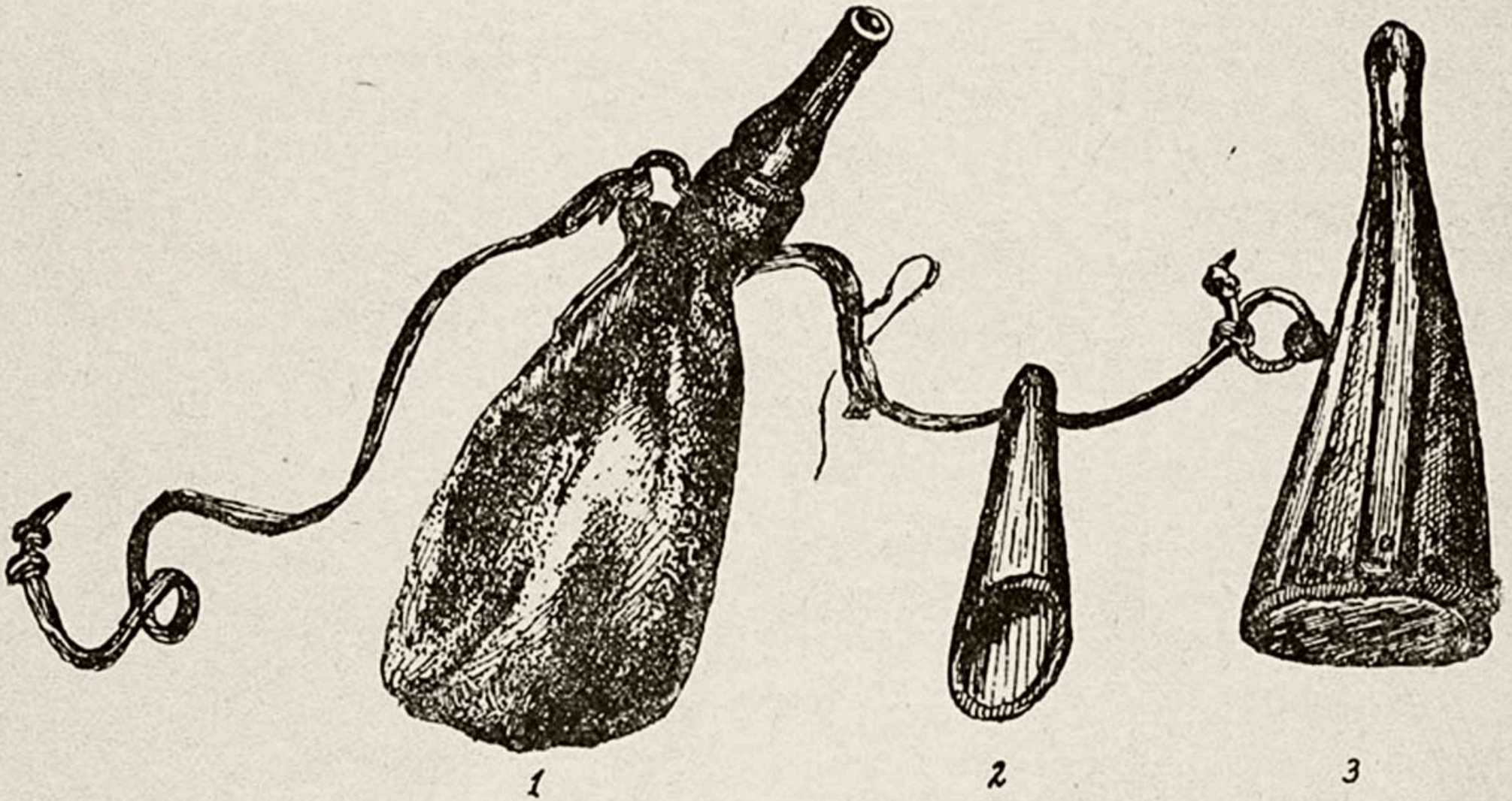
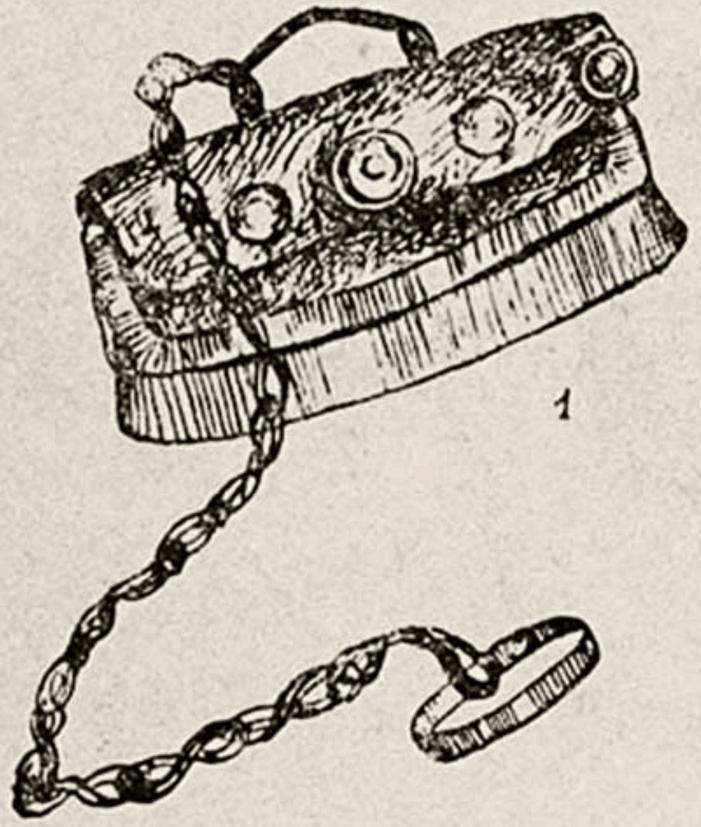
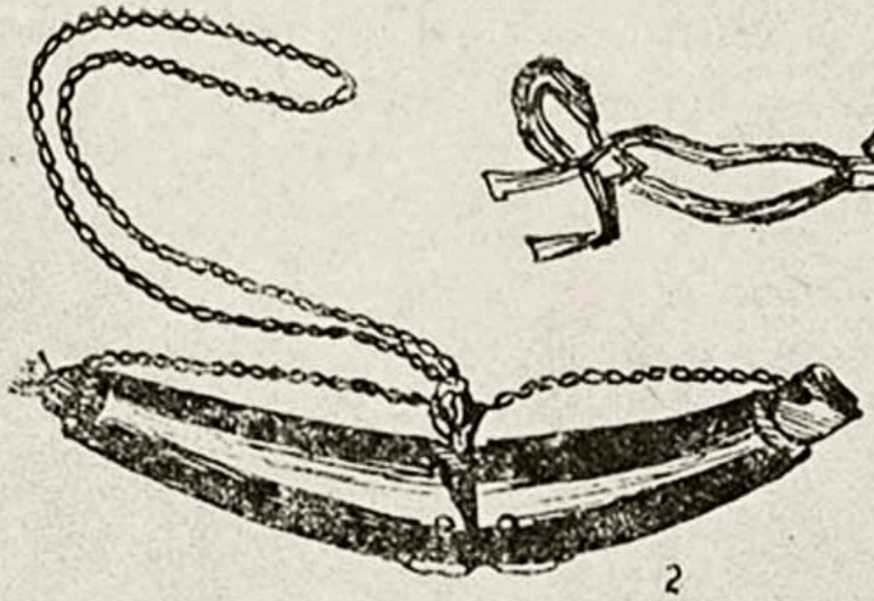

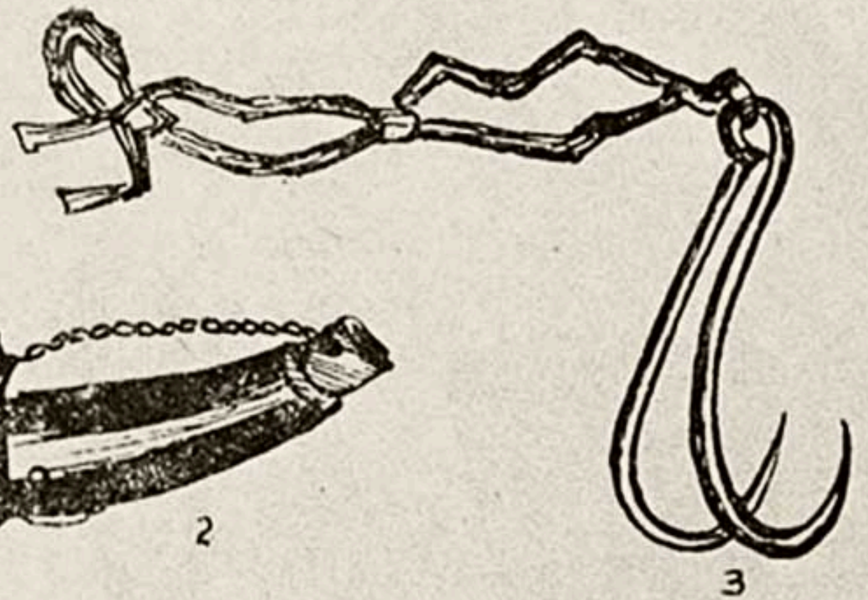
Рис. 73. Охотничьи принадлежности:
1—қутии дору—мешочек для пороха; *2—ченак*—мерка для пороха; *3—шохак*—роговая пороховница с пружинкой для открывания отверстия на узком конце, Дарваз. к. Пшихарв (КП 156—152).

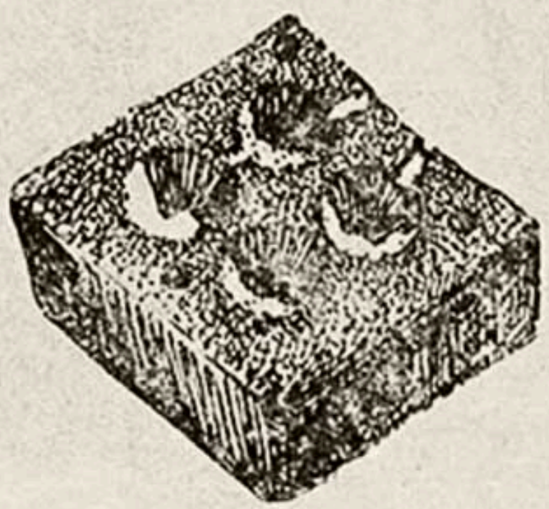
1

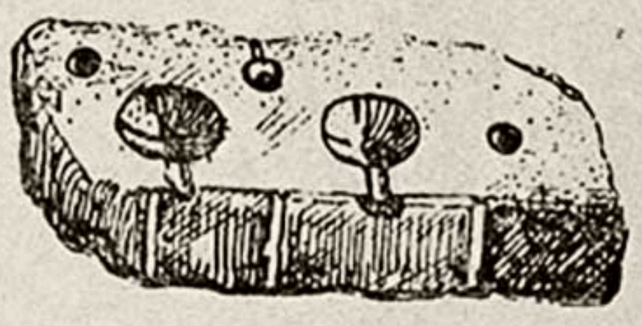
2

3

4

5

Рис. 74. Охотничьи принадлежности:

1—аловзан—кожаный кармашек с железной полоской-огнивом, наглухо вделанный в нижний край, внутри—кремень и трут (КП 273—157); *2—вазмаи гардон, қаторвазма*—двухсторонний сосуд из рогов с порохом на один заряд в каждом (КП 273—157); *3—кашпул, шаст*—рыболовные крючки (КП 273—352 и 353); *4—тирреэ*—половина каменной формы для отливки четырех пуль для ружья *камони самарқандӣ* (КП 273—159а); *5*—то же для отливки двух пуль для ружья *камони фаранӣ* (КП 273—159б). Дарваз, к. Егид.

На шею охотник вешал *қаторвазма, вазмаи гардон* — особый сосуд из двух кончиков рога, соединенных широкими частями друг с другом и с просверленными отверстиями на концах (рис. 74, *2*); в месте соединения рогов прикреплялось железное колечко, за которое каторвазма и подвешивалась на шнурке на шею; в каждый кончик рога через дырочку на его конце насыпался порох для одного заряда, и дырочка закрывалась деревянной пробкой — *сартиккак,* привязанной шнурком к рогу. *Вазмаи гардон* употреблялся при необходимости быстро перезарядить ружье после выстрела, причем запасную пулю охотник держал во рту.

В снаряжение охотника входила и длинная, в рост человека палка — *шикорчуб,* с острым железным наконечником — *буноҳан,* для ходьбы по горам во время охоты. Палку делали из ивы, древесина которой легкая и гибкая, не ломается.

Необходимым предметом в снаряжении охотника служил также кожаный мех — *замбила,* изготовленный из шкуры небольшого козленка. В этот мех складывали запас продовольствия — *туша* (несколько лепешек, сушеный тут, толокно). В качестве посуды для питья и для жидкой пищи охотники брали с собой *кишти* — лодкообразный деревянный сосуд, имевший на носу и на корме по железному колечку, за которые привязывался ремень, и сосуд вешали через плечо на спину или клали в мех.

Наконец, к снаряжению охотника относится и лук-праща — *ғулак, камонгулак,* распространенный среди представителей всех возрастов — от детей и до глубоких стариков. Лук делают из ветвей кизильника — *ирғай,* а тетивы — из кишок барана. Лук имеет две тетивы, на которые в середине нашивают кусочек тряпки — *тур;* сюда закладывают камешек, а затем тетиву оттягивают и отпускают. Этим способом бьют воробьев и других мелких птиц.

По словам старожилов, в Каратегине в далеком прошлом употреблялись копья — *тири пайкон.*

Порох — *дору* раньше изготовляли сами охотники, на его изготовление уходило три-четыре дня. Сначала запасали серу — *олтингугирд,* уголь — *лахча* и селитру — *шура.* Первую привозили из равнинных районов, остальное добывали на месте. Уголь выжигали из арчового дерева. Для получения селитры брали солончаковую землю — *шура.* высыпали ее в таз и смешивали с водой; затем эту воду фильтровали через войлок, вливали в котел и кипятили до тех пор, пока масса не становилась густой и тягучей. Её вынимали и высушивали на солнце.

Для приготовления пороха брали четыре части селитры, две части серы и одну часть угля. Все это точно взвешивали на маленьких весах, затем смешивали и клали в деревянную ступку и два-три дня толкли, иногда побрызгивая при этом водой. Для пробы изготовленный порошок бросали в огонь. Если он горит в огне, то порох готов; его раскладывали на плоском блюде, разбавляли немного водой и затем разделяли на маленькие шарики.[17]

Порох насыпали в роговую пороховницу — *шохак,* широкая часть которой заделана наглухо вставленным деревянным кружком, а на кончике сделано отверстие для насыпания пороха во внутрь и для высыпания пороха на полку фитильного ружья для запала. Отверстие это закрывается пружинящей роговой же пластинкой, которая при нажатии на нее пальцем открывается, а при отнятии пальца закрывается. Высыпанный на полку порох раздавливали кончиком пороховницы, пододвигали к запальному отверстию при помощи привешенной к шохаку шпильки — *сузанак,* а потом уже подносили горящий фитиль.

Пули изготовляли сами охотники из свинца, привозимого из Гиссара, Ферганы и других городов,где они приобретали его в обмен на зерно или покупали за деньги. Форму для отливания пуль — *қолаб*, *тиррез* изготовляли из камня. Она состояла из двух пластин, на каждой из которых было выточено по два или по четыре углубления для четырех половинок пуль круглой формы, причем углубления были соединены друг с другом узенькими канальцами. Обе пластины скрепляли, свинец расплавляли и через канальцы вливали в форму, где он застывал и приобретал шаровидную форму (рис. 74, *4* и *5*).

Поскольку индивидуальная охота велась в теплое время, охотник ходил в своем обычном костюме, но участники зимней коллективной охоты сверх обычного костюма надевали темно-коричневый или белый шерстяной халат — *чакман,* полы которого заправлялись в темные или пестрые шерстяные шаровары—*шорағза,* стягиваемые на поясе тесьмой; на ноги надевали толстые шерстяные чулки, а поверх них наматывали обмотки, которыми туго бинтовали икры ног, что, по местным представлениям, придает крепость ногам и легкость в ходьбе. Обувью служили сапоги из сыромятной кожи — *хомак,* или *мукӣ*, которые крепко привязывались к ноге шерстяной тесьмой. Если было много снега, то охотник подвязывал к ногам круглые плетеные лыжи — *чапарак.* На голову надевали шапку или повязывали чалму.

Коллективная охота — *қәнәрғашикор*, *шикори халқия* (к. Ёгид)[17] проводилась, главным образом, на горного козла и называлась так же *нахчиршикор.* Когда в горах выпадало много снега, козлы обычно спускались ниже, ближе к долине, в места, где было меньше снега и где можно было отыскать корм. В это время жители двух-трех кишлаков организовывали совместную охоту на них. Прежде чем начать охоту, два охотника, обладавшие хорошим зрением, называемые в данном случае *қалавур,* забирались на какое-нибудь высокое место и оттуда высматривали, где пасутся козлы. Остальные в это время, готовясь к охоте, проверяли снаряжение, складывали провизию, чистили ружья, брали на привязь собак. По обнаружении козлов вечером все собирались в мечети или в чьем-либо доме. Лучшие охотники — *мергани калон* сообщали остальным подробный план охоты, кто где должен стоять, что делать.

На охоту выходили в полночь, когда начинали кричать петухи. Число участников составляло 10—20 человек, а порою доходило и до 100: от подростков 15—16 лет и до стариков; одни были вооружены ружьями, другие имели в руках только палки и камни. К утру обычно подходили к месту охоты и окружали горных козлов. Лучшие охотники стояли наверху, ниже — люди с собаками — *сагакӣ,* по бокам и еще ниже располагались участники с четырехметровыми длинными палками — *тиёқақӣ.* С рассветом кольцо охотников постепенно начинало суживаться. Приблизившись к козлам, кричали: «Вот пришел», «Смотри и оба, а то пройдет», «Прошел», «Перегородите ему дорогу» и т. п.

Если горные козлы приближались к охотникам, имеющим ружья, то они стреляли, если подходили к тем, кто стоял с палками, то они гнали козлов в сторону вооруженных охотников; если животные направлялись в сторону собак, последние бросались на козлов.

Спуская собаку, охотник науськивал ее; как только собаки схватывали козла, сразу подбегал охотник и произнося имя бога, перерезал козлу горло ножом. Если охотник не спустит кровь, мясо животного считается непригодным для еды — *ҳаром.* Иногда коллективная охота производилась исключительно с помощью собак, спускавшихся по оп-

ределенному сигналу охотников. В таких случаях местонахождение козлов, направление их движения и другие сведения сообщались охотниками друг другу условными знаками — помахиванием тюбетейкой или подражанием крику горной куропатки.[20] Очевидно, существовали специальные приемы дрессировки собак, но сведениями о них для Каратегина и Дарваза мы не располагаем.[21]

В Каратегине и Дарвазе в прошлом охота на козлов с собаками была распространена широко. Охотники из Джиргаталя рассказывают, что раньше не было ружей и на козлов охотились только с собаками.[22]

Коллективная охота длилась до вечера. За день убивали от 10 до 70 козлов. Если козел издыхал поблизости одного из участников охоты, то последний сразу должен был отрезать ему голову, снять шкуру, отделить ноги, требуху. Если козла схватывала чья-нибудь собака и в это время прибегал человек с палкой и отрезал голову, то его называли *сарбур*, и он имел право получить грудину, требуху, ноги, в некоторых местах также голову, ляжку, шкуру; такого человека называли *шерамарӣ* (храбрец). Остальную тушу — *тана* приносили и клали в общую долю. Туши убитых козлов приносили в мечеть кишлака. Добычу распределял охотник, либо какой-нибудь опытный человек; иногда это делал староста кишлака — *оссақол*, руководивший охотой. Шкуру разрезали на узкие полоски и делили между всеми участниками охоты. Мясо козла давали всем, даже и не участвовавшим в охоте. Бывали случаи, что на каждое хозяйство доставалось всего по куску мяса величиной с кулак.[23] Хозяйствам, где много членов семьи, откладывали куски побольше. В получении общей доли участвовали и те, кто обезглавил козла и уже получил полагающиеся за это части добычи.

Обычно добычу распределяли между участвующими кишлаками, соответственно с количеством людей, пришедших на охоту. Иногда одну лучшую тушу козла дарили местным сановникам. В каждом кишлаке полученное мясо распределялось между всеми односельчанами, которые относили его домой. Некоторые варили из этого мяса суп и приносили его с лепешками в мечеть, тем самым как бы совершая обряд жертвоприношения — *худой*. Таких людей называли *ка(д)худо*.

Н. А. Кисляков отмечает, что мясо убитых козлов поступало для общественного угощения, устраиваемого в общественном здании кишлака, в дом огня — *алоухона*. Туда приходили только мужчины, для членов же семьи посылались по домам куски мяса, завернутые в тонкие пшеничные лепешки—*чапотӣ*.[24] В коллективном распределении туши козла отражаются старые охотничьи законы.

Индивидуальная и коллективная охота велась на специальных охотничьих угодьях. Обычно каждый кишлак (реже два-три кишлака вместе) имел общественные земли в горах, предназначенные для сбора топлива, горных трав и, главным образом, для выпаса скота. Если в таких местах водилась какая-нибудь дичь, то их называли *шикорга* (букв. место охоты). По обычаю, коллективная охота производилась строго в границах этих участков. Но иногда если какое-нибудь ущелье было богато дичью, то его тайно посещали и охотники других кишлаков. В случае обнаружения этого между владельцами угодий и чужаками возникали крупные скандалы.[25]

В прошлом коллективные охоты-облавы на горного козла нередко устраивались по указу эмирских чиновников и представителей местной знати. В охоте участвовали, главным образом, лучшие охотники, вызванные из близлежащих кишлаков. Иногда в охоте принимали участие и сами сановники, стараясь показать свою ловкость в охотничьем ис-

кусстве. Однако большинство из них довольствовалось наблюдением со стороны.

Недалеко от Таджикабада имеется лесистая котловина, называемая Кукавлуг, в которой зимой мало снега; поэтому здесь собиралось обычно до 50—100 горных козлов. Местный правитель заставлял всех охотников ближайших кишлаков охотиться за козлами; сам же вместе со своими сановниками сидел в определенном месте и наблюдал за охотой, продолжавшейся два дня. Добычу охотники преподносили правителю, а тот в виде особой милости давал каждому охотнику немного мяса и распределял между ними шкуры убитых животных; рога доставались тому, кто зарезал козла.[26]

Индивидуальная охота. В индивидуальной на горного козла охоте — *тоқашикор* обычно принимали участие два охотника, из которых один обязательно был профессионалом. Во время летней охоты охотник днем заранее высматривал, где козел пасется, а вечером — место его ночевки. На следующий день, когда козел приходил пастись, охотник подстерегал его и убивал; козу с детенышами убивать не полагалось. Чаще на козлов охотились осенью, в период течки. Охотники, зная дорогу, по которой будет проходить стадо, сооружали в горах маленькие хижины из камней — *тоҳирона,* где прятались и откуда стреляли. Старый охотник из к. Зинг в Дарвазе, Навруз Шашоев, рассказывает, что он в 1953 г. просидел восемь суток в такой хижине и убил трех козлов.[27] По рассказам дарвазских охотников, в период течки козлы плохо видят, чем пользуются охотники: они накрываются шкурой горного козла и ждут; козел, принимая охотника за самку, приближается и становится его жертвой.

Поскольку горный козел был наиболее распространенным и ценным объектом охоты, то с ним было связано много легенд, рассказов, поверий и обычаев. Население очень почитало и теперь еще почитает это животное, считая его мясо самым чистым и целебным, а его самого священным, великим—*бузург.* По поверьям, кто съел мясо горного козла. 40 дней считался чистым. Человек, поевший чего-нибудь «нечистого», например медвежьего мяса, мог очиститься, если съедал хотя бы один небольшой кусок мяса горного козла.[28] Рога горного козла клали на мазары, вешали на стены мечетей, домов, прибивали на столбы на террасах дома: считалось, что они приносят благополучие.

Существует поверье, что горные козлы один год находятся в руках мифических обитателей гор — *дев,* а другой — в руках фей — *парӣ.* В те годы, когда охота бывает удачна, охотники считают, что горных коз пасут дивы, которые плохо о них заботятся, и наоборот, пари, когда скот пасется под их присмотром, при приближении охотника сразу дают знать животным, что «пришли мусульмане».[29]

Верили также, что каждый год осенью горный козел — самец 40 дней до появления Плеяд — *ситораи Парвин* стоит на одном месте и при этом очень сильно тощает; когда восходят Плеяды, то самец бросается на самку.[30]

Поверья, легенды, обычаи, связанные с горным козлом, говорят о том, что издавна существовал культ козла, следы которого описал Н. А. Кисляков. Анализируя две легенды, связанные с мазаром Хазрати-Бурх в верховьях р. Хингоу, этот исследователь указывает, что культ Бурха возник, по-видимому, еще среди первобытных охотников, не имевших в этих суровых малодоступных горных местностях никакого источника существования, кроме охоты за горным козлом. Такая зависимость от него привела к выработке ряда магических приемов, в частности обязательного вкушения мяса козла время от времени. Следы

этого наблюдаются в одной из приведенных легенд, где козел по велению мусульманского святого Бурха покорно отдавал себя на заклание строителям храма, и его кровь образовала собой вечно текущий, неиссякаемый источник. В образе Бурха сохранилось представление о духе-хозяине, в данном случае духе-хозяине горного козла, который посылал зверя охотникам.[31]

С культом козла связаны и рисунки его, сделанные на наружных стенах домов кишлаков долины Хингоу.[32] Рисунки эти большей частью исполнены охрой или желтой краской и весьма примитивны; на них особенно подчеркиваются большие, круто загнутые рога.[33] Н. А. Кисляков такие изображения зарегистрировал в долине Сурхау (приток р. Хингоу), М. С. Андреев приводит интересное изображение горного козла, преследуемого охотником и собакой, в к. Арзинг.[34]

По поверьям местных жителей, изображение козла приносит дому счастье и довольство.[35]

В целях добычи шкуры иногда охотились за лисицей, сурком, куницей и всегда уничтожали хищников, нападающих на стада,— волков. Всех этих животных вылавливали железным капканом — *қапқон, қапқайн, чахтакпий,* сделанным местными мастерами или привозимым из других местностей (рис. 75). В капкан клали мясо, затем его присыпа-

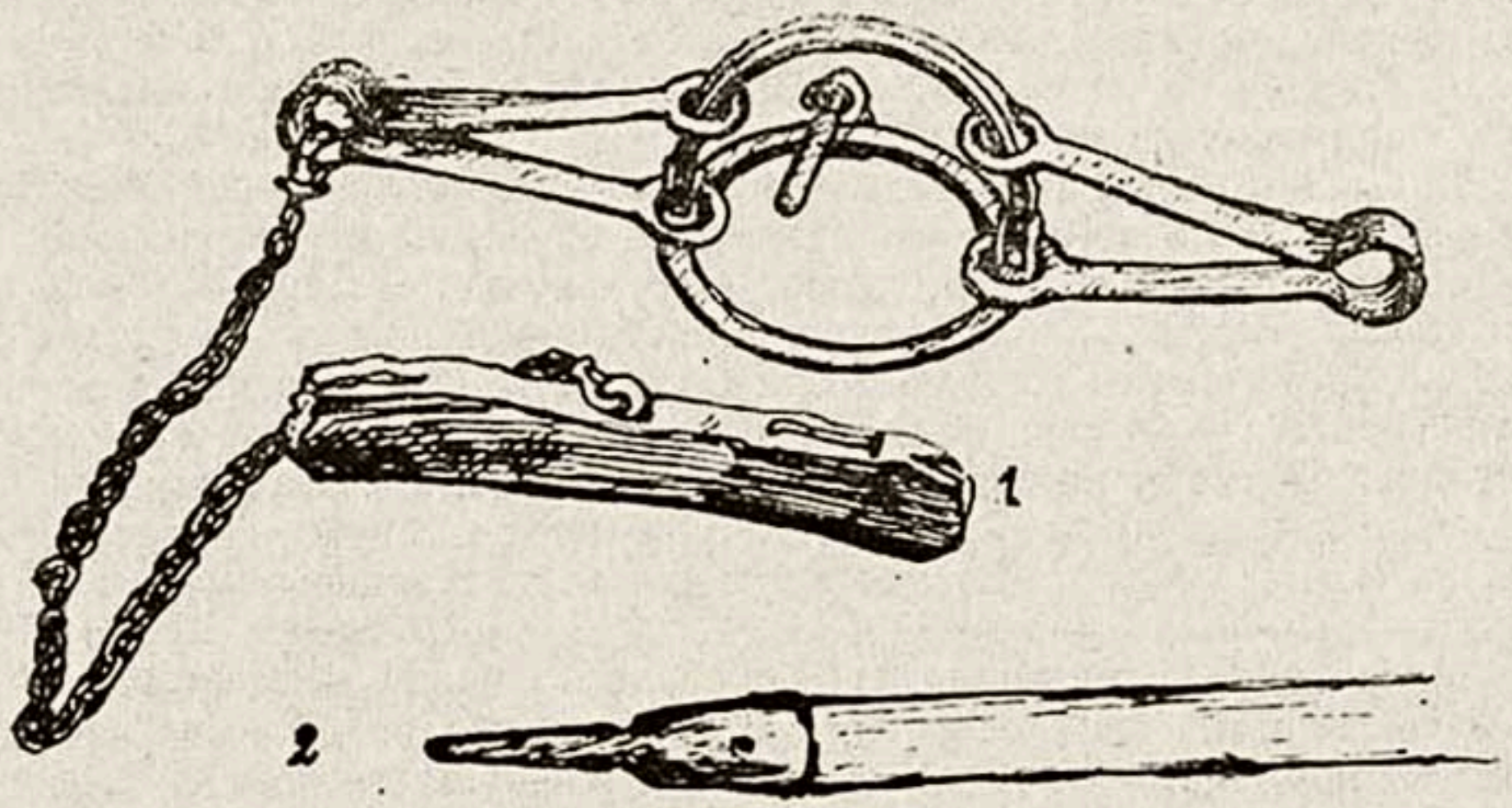

Рис. 75. Охотничьи принадлежности:

1—*қапқайн*—капкан железный для волков и куниц, работы местного мастера, Дарваз, к. Хостау (КП 273—234); *2—шикорчуб*—охотничий посох из ивы, с железным наконечником (КП 273—104), Дарваз, к. Егид.

ли землей. Чтобы попавший зверь не утащил капкан, к нему привязывали цепь, на конце которой был прикреплен большой деревянный брусок — *кунда.* При установке капкана брусок зарывали в землю или придавливали большим камнем. Если попавшемуся в капкан зверю и удавалось вырвать брусок из земли или из-под камня, он не мог далеко уйти, так как брусок застревал между камней или деревьев и задерживал зверя.

На медведя охотились только с ружьем. По рассказам охотников, весною медведь питается зеленой травою и поэтому поправляется; в начале лета он линяет, но осенью снова поправляется, и шерсть у него становится длинной. Убив медведя, охотник снимал шкуру, брал его

жир и желчь, употреблявшиеся на изготовление лекарства, а самую тушу бросал (как упоминалось выше, мясо медведя считалось погаными); из сала медведя приготовляли мыло.

За куницей — *дала* охотились осенью, когда ее шерсть становится особенно красивой. Охотник рыл землю под каменной плитой и клал в ямку кусочек мяса, куница находила его и съедала. Так повторялось три-четыре раза, это называлось *лос*; на третий или четвертый раз, когда охотник был уверен, что куница привыкла, он рыл землю глубже, клал мясо под самый край каменной плиты и подпирал ее палочкой—*поя*; к палочке привязывал веревку, а сам прятался держа конец веревки. Когда куница приходила есть мясо, охотник дергал веревку, и плита прикрывала животное. Иногда мясо надевали на палочку, соединенную с той, которая подпирала плиту. Описанный способ называется «охота с помощью камня»—*сангдом, сангсоздиҳӣ* (Оби-Гарм).[36]

Сурка — *сағир* ловили капканом, а иногда охотились на него, затапливая его норку водой. Тогда зверек выбегает и охотник бьет его палкой. Для этой цели часто специально рыли канавку, чтобы пустить воду.

В Дарвазе изредка осенью предпринималась охота на выдру—*саги обӣ*, которая водилась в р. Пяндж. Недалеко от реки ставили большой кувшин с узким отверстием; в него клали кишку, один конец которой закрепляли в кувшине, а другой оставляли на берегу реки. Выдра набрасывалась на кишку и, заглатывая ее, попадала в кувшин из которого не могла выбраться. Выдру ловили и железными капканами на приманку из мяса или изюма.[37]

Добыча охотников не только обеспечивала их питанием, но и давала возможность изготовлять различные предметы из отходов. Из рогов горного козла до сих пор делают подставку под блюдо—*даҳани амак, таи табақ* (Комсомолабад), изготовляют ручки для ножей и гребни. В Дарвазе из шкуры горного козла шьют мужские, женские и детские мягкие сапоги — *чоруқи баландаки нахчирӣ*. Шкуру горного козла—*тахтапуст* надевают на спину при ношении груза. Из шкур горного козла, сурка шили тулупы — *пустин*. Шкура медведя служит подстилкой—*пустак*. Из пуха горного козла вяжут варежки, а раньше ткали еще пуховые чалмы.

Мясо некоторых животных считалось целебным. По народным представлениям, сало сурка считается целебным от болезни желудка, а также применяется как лекарство для животных (лошадей и ослов), когда у них пропадает аппетит; сало медведя считается лекарством от многих болезней: от худобы, туберкулеза, радикулита и т. п. Желчь медведя считается очень полезной от глазных болезней и боли в пояснице. Ее употребляли женщины, не рожавшие детей. Целебность медвежьей желчи объясняли тем, что медведь питается сурками, а последние — лекарственными травами.

С медведем были связаны и магические представления: когти его носили в качестве амулета, предохраняющегося от сглаза и других напастей.[38]

В прошлом шкуры диких животных служили объектом торговли и обмена. Охотники обменивали шкуры куницы, волка, лисицы на ситец или одежду. Шкуры куницы и медведя ценились очень дорого.[39] В к. Егид (Дарваз) стоимость пушнины в старину переводилась на куски местной кустарной ткани — *карбос*. Так, например, за шкуру куницы платили до пятнадцати карбосов, лисьи шкурки ценились от шести до семи карбосов, волчьи — от трех карбосов. Ценились также шкуры барса, дикого козла и медведя. Последние вывозились в Бухару.

где на них был большой спрос, так как считалось, что они помогали больным риштой.[40] Часто охотники отдавали шкуры добытых животных местным правителям и взамен получали от них деньги или отрез материи, халат, зерно, чай. Местные чиновники приобретенные шкуры преподносили бухарскому эмиру. Если кто-либо из охотников, убив ценного зверя (медведя, куницу), не отдавал его шкуры правителю, последний, проведав об этом, строго наказывал или штрафовал охотника.

Иногда в Каратегин и Дарваз приезжали купцы из Бухары, которые скупали шкуры ценных зверей. Некоторые предприимчивые жители кишлаков покупали по дешевке шкуры медведей, лисиц, куниц, а затем в городах, куда они ходили на работы, продавали их значительно дороже.

Охота на птиц. Значительное место в промысловой охоте занимает охота на птиц. Она ведется при помощи ловчих птиц: сокола — *чанвар* и кречета — *боша.*

Для поимки ловчих птиц, например кречета, прежде всего необходимо было поймать сову. Охотники заранее узнавали местонахождение совы и ставили около этого места палку с привязанной к ней курицей. Рядом с курицей расставляли сетку. Один конец веревки, привязанной к курице, держал охотник, спрятавшийся за кустом. Другой охотник свистел, подражая крику совы. Прилетевшая на зов подружки сова бросалась на трепыхающуюся курицу и попадала в сетку. Иногда сову ловили таким образом на гумне, куда она прилетала ночью подбирать зерна. Поймав сову, охотник отправлялся искать кречета, лов его начинался в месяце *сунбула* (середина августа).

Чтобы поймать кречета охотник привязывает к высокой палке за ноги сову, а рядом расставляет сеть, тоже прикрепленную к палке. Сам прячется в укрытое место, держа в руках две бечевки, одна из которых привязана к хвосту совы, другая — к сети. Когда появляется кречет, охотник натягивает бечевку, привязанную к сове, и та, испугавшись, начинает махать крыльями. Это привлекает внимание кречета, и он бросается на сову. Охотник тут же натягивает бечевку, прикрепленную к сети, и последняя покрывает кречета.

Охота с дрессированными ловчими птицами—кречетом—*бошашикор* и соколом — *чонваршикор* большей частью была распространена среди сановников, для которых это было любимым развлечением. По материалам некоторых авторов, богатые люди и знатные чиновники держали для этой потехи специальных людей, занимающихся только уходом за птицами.[41]

Если удавалось выследить место ночевки кречета, то его ловили во время сна с помощью петли из конского волоса, прикрепленной к концу палки.

В охоте на птиц широко применяют различные силки и ловушки—*дом.* Ловушки, которые убивают попавшуюся в них дичь, называются *мурдадом* (ловушка с мертвечиной), а ловушки, в которых попавшийся зверек или птица оставались живыми, — *зиндадом* (ловушка с живым).

Охота на каменную куропатку — *кабг,* широко распространенную в горах Таджикистана, считается самой излюбленной. Каменная куропатка — один из главных объектов охоты после горного козла. Помимо того, что куропатку отстреливают из ружья, существуют различные другие приемы лова: ловля посредством петель — *халқа, гарданӣ* (Дарваз) с манковой куропаткой — *кабгуша,* при помощи ловушки со щитом — *чапарак,* при помощи одиночной петли — *гушак,* ловля с сетью—

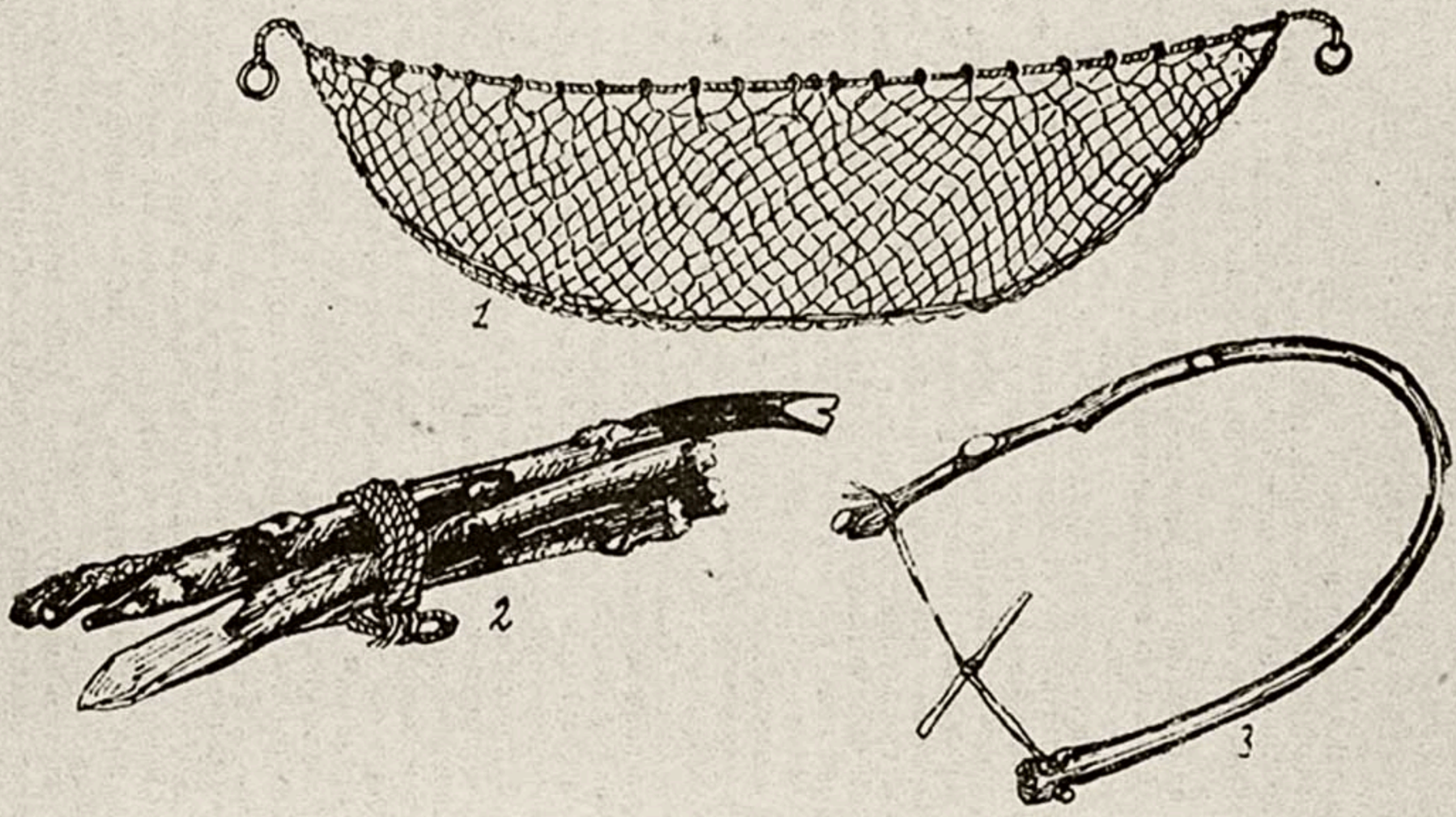

Рис. 76. Орудия лова птиц:
1—2—тур—сеть для ловли куропаток с колышками *мех* к ней. Дарваз, к. Егид (КП 273—302); *3—зэгалак*—ловушка для воробьев в виде дугообразно согнутого прутика и шнурка (КП 273—226), там же.

тур (рис. 76, *1—2*) и, наконец, лов с помощью сложно устроенной снасти и засады. Все эти способы подробно описаны А. В. Поповым для южных склонов Гиссарского хребта; в Каратегине и Дарвазе они варьируют лишь в деталях, на которых мы здесь останавливаться не будем, отсылая читателя к упомянутой работе А. В. Попова.[42]

Нами отмечена еще охота на куропаток с маской, называемой «уши волчонка»— *гуши гургак* (Дарваз) или *гушак* (Каратегин) (рис. 77). На большой кусок тряпки, сшитой по форме головы, с отверстиями для глаз охотника, нашивали перья куропаток. Эту маску охотник надевал на голову и прятался за скалой, откуда стрелял в птиц из ружья.

Во многих кишлаках Дарваза до сих пор бытует охота на куропаток с помощью щита—*чодирхаёл* (Зыгар), *чордум* (Курговад), сделанного из натянутой на перекрещивающиеся прутья мешковины с нашитыми на нее перьями и нарисованными изображениями птиц (рис. 78). Охотник скрывается за щитом. Птицы, увидев щит, подходят ближе, так как очень любопытны, и попадают под выстрел.[43]

Охота на перепелов — *буданашикор* велась разными способами. Одним из них являлась охота с кречетом или соколом, устраивавшаяся в конце лета, чаще всего во второй половине августа. Охотник, определив место пребывания перепелов, отпускал там дрессированного кречета, тот гнался за перепелами, ловил их и приносил хозяину. Таким способом за день вылавливали 20—30 перепелов.[44]

Рис. 77. *Гушак* — маска для охоты с ружьем на куропаток. Каратегин, к. Самсолик (КП 273—172).

Охота на диких голубей с помощью огня—*кафтар аловзанй* отмечена нами в Ёгиде (в других местах не была обнаружена). Устраивали ее весною, летом и осенью в темную ночь Зная, что голуби ночуют в открытой пещере—*калп*, один из охотников подкрадывался к пещере, держа горящую свечу под слегка приподнятым подолом халата, а другой рукой бросал камни в голубей. Разбуженные голуби сбивались в кучу на небольшом, освещенном свечой, месте, и тогда оставалось только их выловить. Иногда гнали голубей из одной пещеры в другую и лишь тогда приступали к охоте.[45] Такой охотой больше всего занималась молодежь.

Рыбная ловля—*маҳишикор*. В реках Сурхоб и Пяндж водится маринка—*ширмоҳй*, форель—*гулмоҳй*.

Практикуется несколько способов ловли рыбы.

Ловля рыбы на крючок. Наиболее распространен способ рыбной ловли на крючки — *шаст, нашпул* (Ёгид), изготовляемые местными кузнецами (рис. 74, *3*). В прошлом трудно было достать крючки, поэтому их делали из иголки, раскаляли ее и сгибали. Охота с удочкой практикуется весной, летом. Иногда берут крепкую веревку или канат, привязывают к нему 10—12 веревочек и на каждой из них прикрепляют крючок с червяком. Затем один конец каната привязывают к палке или

Рис. 78. *Чодирхаёл*—щиты для охоты на куропаток с нашитыми перышками, Дарваз, кишлаки Зыгар (КП 273—275), справа и Джорф (273—371).

кладут под большой камень, а другой конец бросают в воду. Все это приготовляют с вечера, а утром приходят проверять и собирать добычу.

Ловля с ручной сеткой — *ба тури дастӣ* устраивается в летние и осенние ночи. Кто-либо из рыбаков взбаламучивает воду, другой спускает в воду сетку, прикрепленную с двух сторон на палках, двигается с ней против течения, и рыба попадает в сетку. В к. Деи-Та в ловле участвуют четыре человека. Выбрав удобное место в речке, двое заходят в воду с сетью, укрепленной на палках; остальные кидают камни, чтобы согнать рыбу в сторону сети.

Ловля с корзиной — *чач*. В наиболее узком месте реки под водой ставят боком длинную большую корзину и укрепляют ее камнями. Затем два человека берут мелкую сетку, к низу которой привязаны камни, чтобы сетка держалась в воде прямо, заходят в воду по течению выше корзины и этой сеткой гонят рыбу в сторону корзины. Такая ловля проводится с весны до осени часто ночью, так как в это время охотится и сама рыба.

Ловля рыбы оглушением — *маҳизанӣ*. Любители рыбной охоты специально отыскивают такие места, где чистые, прозрачные воды реки-притока впадают в мутную красноватую воду р. Сурхоб. Отгородив камнями в таком притоке небольшую заводь, оставляют проход, в который ночью могла бы заплыть рыба из большой реки. Под утро рыбаки закрывают это место и приступают к ловле рыбы: один из них освещает воду горящим пучком сена и бьет палкой увиденную рыбу; оглушенная рыба подпрыгивает и попадает в сетку, которую держат наготове два других рыболова. Этот способ ловли практикуется летом.[46]

Ловля рыбы путем осушения притока реки — *шохоб*. Этот способ практикуется летом в небольших потоках; два-три рыболова перегораживают речку и в осушенном русле руками вылавливают рыбу.

Рыбная ловля отравлением — *заҳрзанӣ* В сентябре, когда поспевают орехи, собирают в корзину почерневшую зеленую кожуру ореха. Затем в один из солнечных дней 3—4 человека идут к речке, выбирают мелкое место, заходят в воду, один держит корзину с ореховой кожурой в воде, а другие топчут ее ногами. Ядовитый сок кожуры распространяется в воде, в результате чего рыба сама подходит к берегу и ее вылавливают. В некоторых местностях, например, в кишлаке Джафр, бытует другой способ этой ловли: собирают стебли ядовитого травянистого растения *говдумбол*,[47] ими бьют по воде; рыба засыпает и всплывает наверх.[48]

Изложенный нами материал показывает, что способы охоты на зверей, птиц и рыб в описываемых районах весьма разнообразны. Большинство из этих способов и приемов, по-видимому, является очень древним. Можно также заключить, что охота в Каратегине и Дарвазе некогда была одним из основных видов хозяйственной деятельности населения, о чем свидетельствует ее значительная роль в условиях дореволюционного быта.

О древности охоты облавой свидетельствует широкое распространение этого вида охоты на горных козлов, бытующего и до настоящего времени в некоторых глухих кишлаках и рассматриваемого всеми жителями кишлака как дело общественное. Характерной чертой охоты-облавы является коллективное потребление добычи, которая поступала для общественного угощения. часто в алоухона при мечети.

Рассматривая приемы охоты таджиков Каратегина и Дарваза и сравнивая их с аналогичными приемами других горных таджиков, следует отметить, что охота горцев имеет много общего: индивидуальная и коллективная охота за горным козлом, связанные с ним представле-

ния, обычаи и обряды, ловля куропатки с манковой птицей, со щитом, с петлей, с сеткой, охота за куницей, сурком, медведем, лисицей, охотничье снаряжение — все это существует как в Каратегине и Дарвазе, так и на Памире, в Зеравшанской долине, а также в большинстве кулябских районов.

Вместе с тем в Каратегине и Дарвазе встречаются и такие способы охоты (охота на куропаток с маской и ружьем, ловля голубей с помощью огня, способ рыбной ловли путем осушения притока реки), которые не практикуются в других местах и составляют отличительные черты охоты изучаемого района.

Схематическая

КАРТА

Каратегина и Дарваза

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] А. К. Писарчик. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. Изв. ТФАН СССР, № 15, 1949; А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 3, 1953; М. Р. Рахимов. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области, там же; З. А. Широкова. Архаические детали в женской одежде горных таджиков Кулябской области, там же.

[2] Н. Х. Нурджанов. Народный театр таджиков, М., 1956; Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Душанбе, 1954, и др.

[3] Первоначально в книгу входили еще две главы: «Музыкальная культура таджиков Каратегина и Дарваза»—О. Л. Данскер и «Народный театр»—Н. Х. Нурджанова, но они переданы для опубликования в сб. «Искусство таджикского народа», вып. 3, Душанбе, 1966.

[4] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I и II, Душанбе, 1953 и 1958. Труды АН Таджикской ССР, т. 7 и 61.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА

[1] Очерки по истории Каратегина, изд. 1-е, Душанбе, 1942, стр. 40—64; изд. 2-е, Душанбе, 1954, стр. 14 сл.

[2] Meyendorff. Voyage d'Orenburg à Boukhara, fait en 1820, Paris, 1826, p. 131—134.

[3] А. Борнс. Путешествие в Бухару, т. III, М., 1849, стр. 295—297 и 307—310.

[4] Очерки по истории Каратегина, стр. 87—99.

[5] Мулло Ниоз Мухаммед ибн Мулло Ашур Мухаммед Хуканди. Таарихи Шахрохи. Изд. Пантусова, Казань, 1880, стр. 42—44. См. также Велиханов. О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу, Зап. РГО, 1861, III, стр. 61; В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 22.

[6] Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии, Зап. РГО, т. 3, 1849, стр. 212.

[7] В. В. Вельяминов-Зернов. Сведения о Кокандском ханстве. Вестн. Геогр. о-ва, 1856, XVIII, стр. 130—131.

[8] Обозрение Кокандского ханства, стр. 212.

[9] См., например, карту Кокандского ханства и верховьев Аму-Дарьи, составленную А. П. Федченко в 1872 г. в его «Путешествии в Туркестан», М., 1959, стр. 24.

[10] См. А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, стр. 138—139 и 342—343, также Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 100—101 и 116—117.

[11] К. А. Абрамов. Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам. Изв. РГО, 1870, т. 6, отд. 2-й, стр. 106—110.

[12] А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, стр. 51, 138—139, 203, 302, 304, 339, 340—345, 372, 391—394.

[13] А. Хорошхин. Сб. статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 503—504.

[14] М. Веньюков. Исследования англичан в бассейне Аму-Дарьи. «Туркест. ведом.», 1875, № 51; его же. Мелкие государства в верховьях Окса. «Туркест. ведом.», 1876, № 22.

[15] Г. А. Арандаренко. Каратегин (по расспросным сведениям). Воен. сб., 1878, № 5, стр. 116—136.

[16] Г. А. Арандаренко. Каратегин (по расспросным сведениям).

[17] См. Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 141.

[18] В. Ф. Ошанин. Письма. «Туркест. ведом.», 1878, № 36, 38, 39, 41.

[19] В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз. Изв. РГО, 1881, т. 17, вып. 1, стр. 21—58.

[20] О путешествии в Дарваз Германа и Смирнова. «Туркест. ведом.», 1879, № 24: О поездке ботаника Смирнова в Дарваз и Вахио, «Туркест. ведом.», 1881, № 46.

[21] И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.

[22] А. Э. Регель. Поездка в Каратегин и Дарваз. Изв. РГО, 1882, т. 18, вып. 2, стр. 137—141; его же. Путешествие в Шугнан, «Туркест. ведом.», 1884, № 17; В. Ф. Ошанин. Поездка А. Э. Регеля в Дарваз, там же, 1882, № 5.

[23] П. Е. Косяков. Путевые заметки по Каратегину и Дарвазу в 1882 г. Изв. РГО, 1884, т. 20, вып. 6, стр. 589—613.

[24] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин (этнографический очерк), Воен. сб., 1883, № 11, стр. 140—159; № 12, стр. 303—319, также в кн. «Досуги в Туркестане», СПб., 1889, стр. 437—479.

[25] Д. Л. Иванов. Путешествие на Памир. Изв. РГО, 1884, т. 20, вып. 3, стр. 209—252.

[26] Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерки припамирских стран. Изв. РГО, 1886, т. 22, стр. 81—100.

[27] Н. Н. Покотило. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 г. Изв. РГО, 1889, т. 25, вып. 6, стр. 480—502.

[28] Б. Л. Громбчевский. Докл. о путешествии в 1889—1890 гг. Изв. РГО, 1891, т. 27, вып. 2, стр. 97—118.

[29] Н. Юхновский. Несколько слов о условиях жизни в горах Дарваза и в долине р. Ванча. «Туркест. ведом.», 1894, № 65.

[30] Н. Февралев. Правобережная полоса Пянджа от Калы Ванч до Керки. Воен. сб., 1895, № 9, стр. 219—228; № 10, стр. 419—433.

[31] Н. Бронников. Через Алай и Каратегин. Газ. «Окраина», 1898, № 50, 51, 54, 56.

[32] F. Rocca. De l'Alai à l'Amou-Daria. Paris, 1896, 446 стр.

[33] Васильев, кап. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. мат-лов по Азии, 1888, т. 33, стр. 8—53, с картой (См. ту же работу под названием «Статистический очерк Каратегина», Воен. сб., 1888, № 10, стр. 422—436).

[34] Кузнецов. Дарвоз. Новый Маргелан, 1893.

[35] М. С. Андреев. Вахие. «Туркест. ведом.», 1889, № 93.

[36] А. А. Бобринской. Орнамент горных таджиков Дарваза (Нагорная Бухара), М., 1900.

[37] Н. В. Богоявленский. В верховьях р. Аму-Дарьи, долины р. Хингоу и Ванджа. Землеведение, 1901, т. 8, вып. 1—2, стр. 1—26.

[38] А. Семенов. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. I. Грамматический очерк и памятники народного творчества, М., 1900, 56 стр.; II. Памятники народного творчества и словарь, М., 1901, 74 стр.

[39] А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903.

[40] А. Семенов. Отношение к детям у горных таджиков. Этнографич. обозрение, т. 42, № 3, 1899, стр. 99—107; его же. Из области религиозных верований горных таджиков, там же, т. 43, № 4, стр. 81—88.

[41] С. Масловский. Гальча (Первобытное население Туркестана). Русск. антропологич. журн., 1901, № 2, стр. 17—32.

[42] В. В. Гинзбург. Горные таджики, М.—Л., 1937, стр. 56.

[43] В. И. Липский. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах. СПб., I—II, 1902; III, 1905.

[44] В. Ф. Новицкий. Поездка в хребет Петра Великого летом 1903 г. Изв. РГО, 1904, т. 40, вып. 1—2, стр. 1—30.

[45] Б. Н. Литвинов. Через Бухару на Памиры. Историч. вестн., 98, 1904, X, стр. 297—331; XI, стр. 698—729; XII, стр. 1045—1087.

[46] И. Гейер. Путеводитель по Туркестану, Ташкент, 1901.

[47] А. Е. Снесарев. Восточная Бухара, СПб., 1906. Ему же, по-видимому, принадлежит ряд путевых очерков, помещенных под инициалами А. С. в «Туркестанских ведомостях» в 1904 г. (№ 105, 112, 123, 128, 134), в которых имеются сведения по истории и этнографии Каратегина и Дарваза.

[48] Д. Н. Логофет. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909; его же. Бухарское ханство под русским протекторатом. М., 1911.

[49] O. Olufsen. The Emir of Bokhara and his Country, Journeys and studies in Bokhara, Copenhagen—London, 1911.

[50] W. Rickmer Rickmers. The Duab of Turkestan, Cambridge, 1913.

[51] А. Шишов. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование, ч. I, Этнография. «Средняя Азия», Ташкент, 1910, кн. 11, 12; 1911; кн. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 11, 12 (имеется отдельный оттиск).

[52] В. И. Масальский. Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. 19, СПб., 1913.

[53] В. В. Бартольд. Таджики. Исторический очерк. Сб. статей «Таджикистан», Ташкент, 1925; А. А. Семенов. Материальные памятники арийской культуры, там же; М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Некоторые сведения, там же.

[54] Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана, там же. А. В. Панков. Население Таджикистана (демографический очерк), там же.

[55] Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1, Бухара, Ташкент, 1926.

[56] П. П. Введенский. Районирование ТАССР. В кн. «Народное хозяйство Таджикистана», Ташкент, 1926; его же. Территория и население ТАССР, там же.

[57] Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. Среднеазиатск. гос. плановая комиссия, Ташкент—Душанбе, 1930.

[58] Список населенных пунктов Тадж. ССР, Душанбе, 1932.

[59] М. С. Андреев. Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 года к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба. Изв. ТОРГО, т. 17, Ташкент, 1924, стр. 217—218; его же. Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 г. В кн. «По Таджикистану», Ташкент, 1927.

[60] М. С. Андреев. Из материалов по мифологии таджиков, там же, стр. 77—83; его же. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисоля), «Этнография», 1927, № 2, стр. 323—326; его же. Экспедиция в Ягноб в 1927 г., Бюлл. САГУ, вып. 17, Ташкент, 1928, стр. 162—171; его же. Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны). Святая Параскева-Пятница. Диви Сафид. В кн. «По Таджикистану», стр. 60—76; его же. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира, Ташкент, 1928.

[61] Е. М. Пещерева. Гончарное производство у горных таджиков. Изв. Средаз. геогр. о-ва, т. 19, Ташкент, 1929; ее же. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи, в кн. М. С. Андреева «По Таджикистану», Ташкент, 1927; ее же. Некоторые игры среди оседлого населения Туркестана, Бюлл. САГУ, 1925, № 11; ее же. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924—1935 гг.). Сб. МАЭ, т. 17, М.—Л., 1957.

[62] П. Баранов и И. Райкова. Дарваз и его культурная растительность. Изв. О-ва для изуч. Таджикистана и иранских народов за его пределами, т. 1, Ташкент, 1928.

[63] Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929.

[64] С. М. Абрамзон. К вопросу об изучении населения Тадж. ССР. Пробл. Таджикистана. Тр. 1-й конф. по изуч. производит. сил Таджикской ССР, т. 2, Л., 1934, стр. 169—176.

[65] С. М. Абрамзон. Работы по фольклору в таджикской экспедиции. «Сов. этногр.», 1934, № 1—2, стр. 222—223.

[66] В. В. Гинзбург. Горные таджики. Тр. Ин-та антропол., этногр. и археол. АН СССР, т. 16, М.—Л., 1937.

[67] В. В. Гинзбург. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков, «Сов. этногр.», 1936, № 3, стр. 59—77.

[68] Н. А. Кисляков. Бурх — горный козел (Древний культ в Таджикистане), «Сов. этногр.», 1934, № 1—2, стр. 181—189; его же. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936 (Тр. Ин-та антропол., этногр., и археол., т. 10, этнограф. серия № 2); его же. Описание говоров таджиков Вахио-Боло. Тр. Таджикист. базы АН СССР, т. 3, 1936, стр. 29—57; его же. Охота таджиков долины р. Хингоу в быту и фольклоре, «Сов. этногр.», 1937, № 4, стр. 104—119; его же. Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу, «Сов. этногр.», сб. статей, вып. 2, М.—Л., 1939, стр. 149—170; его же. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна р. Хингоу. «Сов. этногр.», 1947, № 1, стр. 108—125; его же. Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков басс. р. Хингоу, Изв. ТФАН СССР, № 15, Душанбе, 1949, стр. 37—46; его же. О некоторых древних поверьях таджиков долины р. Хингоу, КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 114—117.

[69] А. З. Розенфельд. Название «Лянгар» в топонимике Таджикистана. Изв. ВГО, т. 72, вып. 6, 1940; ее же. Из области таджикско-персидских фольклорных связей (свадебная кумулятивная сказка), «Сов. этногр.», 1948, № 1, стр. 205—206; ее же. Говоры Каратегина, Душанбе, 1960; ее же. Некоторые вопросы таджикской диалектологии, Вестн. ЛГУ, 1951, № 7, стр. 32—40; ее же. Материалы по этнографии и топонимике Ванча, Изв. ВГО, т. 85, вып. 4, 1953, стр. 393—404; ее же. Дарвазские говоры таджикского языка. Тр. Ин-та языкозн. АН СССР, т. VI, М.—Л., 1956, стр. 196—277; ее же. Топонимика нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами его истории

(Оби-Гармский и Комсомолабадский районы б. Гармской области), Изв. Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР, вып. 10—11, Душанбе, 1956, стр. 85—93; е е ж е (совместно с А. М. Мандельштамом). Калаи-Имлок и Калаи-Джамхур и связанные с ними легенды. В кн. «Сб. статей по истории и филологии народов Ср. Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова». Тр. АН Таджик. ССР, т. 17, Душанбе, 1953.

[70] Эти материалы в свое время не были опубликованы и вошли в главу «Народная медицина» настоящего труда.

[71] Е. М. П е щ е р е в а. Поездка к горным таджикам, КСИЭ АН СССР, т. 3, М.—Л., 1947, стр. 42—48. Полный экземпляр научного отчета Е. М. Пещеревой по этой поездке, объемом около 6 л., хранится в научном архиве Института истории АН Таджикской ССР.

[72] С. П. Р у с я й к и н а. Поездка в Таджикскую ССР, КСИЭ АН СССР, т. 4, М.—Л., 1948, стр. 81—86; е е ж е. Национальная одежда и орнамент таджиков Гарм. ской области, КСИЭ АН СССР, т. 6, М.—Л., 1949, стр. 28—33; е е ж е. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР. В кн. «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 2, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. 47, М., 1959, стр. 132—214.

[73] Докл. Академии наук Тадж. ССР, № 9; см. также А. К. П и с а р ч и к и Б. Х. К а р м ы ш е в а. Этнографическая работа в Таджикистане в 1952—1953 гг., «Сов. этногр.», 1954, № 3, стр. 115—119; А. К. П и с а р ч и к. Этнографическая работа в Таджикистане, Изв. Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР, вып. 6, Душанбе, 1954, стр. 63—71.

[74] Краткое изложение собранных экспедицией 1954 г. материалов опубликовано в Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, 10—11, в сообщениях О. Л. Данскер, Н. Н. Ершова, Б. Х. Кармышевой, Н. Х. Нурджанова, М. Р. Рахимова, З. А. Широковой, там же сообщения Р. Л. Неменовой по материалам 1954—1955 гг. и А. З. Розенфельд — по материалам 1953 г.; см. также А. К. П и с а р ч и к. Гармская этнографическая экспедиция 1954 г., «Сов. этногр.», 1955, № 4, стр. 134—141.

[75] З. А. Ш и р о к о в а. Этнографические коллекции Института истории, археологии в этнографии АН Тадж. ССР, вып. 1, Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 г., Душанбе, 1956.

[76] А. К. П и с а р ч и к. О некоторых терминах родства таджиков. В кн. «Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Душанбе, 1953, стр. 177—185; Н. А. К и с л я к о в. Из истории горного Таджикистана. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 4, Душанбе, 1953, стр. 107—128.

[77] Н. Х. Н у р д ж а н о в. Таджикский народный театр (по материалам Кулябской области), М., 1956; е г о ж е. Танцы таджиков Кулябской области. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 3, Душанбе, 1953, стр. 131—155; е г о ж е. Некоторые архаические черты в танцах и пантомимах горных таджиков, там же, вып. 10—11, 1956, стр. 179—190.

[78] М. Р. Р а х и м о в. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк), Душанбе, 1957; е г о ж е. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 3, Душанбе, 1953, стр. 107—130; е г о ж е. Меры длины и поверхности у таджиков басс. р. Хингоу в XIX—начале XX вв., там же, вып. 8, стр. 111—117; е г о ж е. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза до революции, там же, вып. 10—11, 1956, стр. 73—83; е г о ж е. Исчисление времени у таджиков басс. р. Хингоу в XIX—начале XX вв., «Сов. этногр.», 1957, № 2, стр. 73—87; е г о ж е. Об институте «танхо» в Дарвазе (в долине Хингоу), Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 4, Душанбе, 1953, стр. 129—137; е г о ж е. Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством у таджиков Каратегина и Дарваза. В кн. «Памяти М. С. Андреева». Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, Душанбе, 1960, стр. 181—187, т. 120; е г о ж е. Пережитки древних верований в современном быту таджиков Каратегина и Дарваза. В кн. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Ср. Азии», М.—Л., 1959, стр. 115—119.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

[1] Очерк написан на основании трудов путешественников, перечисленных в предыдущей главе (в первую очередь Н. Г. М а л л и ц к о г о. Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929) и личных наблюдений автора.

[2] В старое время в условиях бездорожья доступность перевалов и возможные сроки их использования играли в жизни населения решающую роль. С проведением автомобильных дорог многие перевалы в значительной степени утратили свое значение, так как население даже расположенных рядом долин предпочитает спуститься вниз до автомобильной дороги и пройти в обход по ней вместо того, чтобы идти более

коротким путем через трудный перевал. Описание перевалов Каратегина и Дарваза см. в указанных в предыдущей главе трудах путешественников, а Вахио—также М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков басс. р. Хингоу в дореволюционный период, Душанбе, 1957, стр. 15—18.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

[1] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, изд. 2-е, Душанбе, 1954 (в дальнейшем цитируется «Очерки по истории Каратегина»); см. также его же. Ишан—феодал Восточной Бухары (Тр. Таджикистанской базы АН СССР, т. 9, Душанбе, 1940) и История Каратегина, Дарваза и Бадахшана в кн. «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Душанбе, 1945.

[2] А. Ю. Якубовский. Материалы и исследования по археологии СССР, № 15, АН СССР. Введение, стр. 8—9.

[3] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 86—87.

[4] При написании слова «Гисар» нами принята традиционная литературная форма «Гиссар», хотя правильное произношение этого слова «Ҳисор».

[5] Помимо указанных выше работ, по вопросу о социально-экономических отношениях в Каратегине и Дарвазе в предреволюционный период см. Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана (материалы к характеристике феодальных отношений в дол. р. Хингоу в конце XIX—начале XX вв.). Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 4, 1953; М. Р. Рахимов. Об институте «танхо» в Дарвазе (в дол. р. Хингоу), там же; его же. Земледелие таджиков басс. р. Хингоу в дореволюционный период. Душанбе, 1957; А. Маджлисов. Каратегин накануне установления Советской власти, Душанбе, 1959; Н. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти. Уч. зап. Кулябск. гос. пед. ин-та, вып. 3, 1957; его же. Экономическое состояние Дарвазского бекства и основные занятия его населения, там же, вып. 4, 1958; Б. И. Искандаров. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв. Тр. АН Тадж. ССР, т. 83, 1958.

[6] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. В кн. «Досуги в Туркестане», СПб., 1889, стр. 474—479.

[7] А. Е. Снесарев. Восточная Бухара, СПб., 1906, стр. 54, 81—93.

[8] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина..., стр. 134; А. Маджлисов. Каратегин накануне установления Советской власти, стр. 25—27.

[9] По материалам ГЭЭ, во время шахов Хаит (Сакоу) с кишлаками на притоках Сурхоба — Ясман и Оби-Кабуд объединялись с территорией б. Калаи-Лаби-Обского амлока, которая носила тогда название Чонкургон.

[10] Н. А. Кисляков в числе амлоков Гарма не называет (ук. соч., стр. 134).

[11] Н. А. Кисляков. Там же.

[12] Н. А. Кисляков. Там же.

[13] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин, стр. 473; Кузнецов. Дарвоз, стр. 73; А. Е. Снесарев. Восточная Бухара, стр. 94—97; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков басс. р. Хингоу в дореволюционный период, стр. 13.

[14] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин.

[15] Кузнецов. Дарвоз, стр. 73 сл.

[16] А. Е. Снесарев. Восточная Бухара, стр. 96—99.

[17] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, 1936, стр. 55.

[18] Н. Латыпов. К вопросу о социальных отношениях в Дарвазском бекстве накануне установления Советской власти, стр. 99. По материалам ГЭЭ в басс. р. Хингоу мирдарихона не было (запись Р. Л. Неменовой).

[19] В материалах ГЭЭ имеется одно сообщение о том, что и в Шикае был мирдарихона, живший в Нульванде, однако, по ряду других сообщений, после прихода бухарцев там был амлокдор, управляющий шикайским амлоком.

[20] У Кузнецова есть упоминание, что существует налог на недвижимость, называемый **мирдарихона** и взимаемый в размере 12 кусков маты с каждого кишлака (Дарвоз, стр. 68).

[21] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма, стр. 55.

[22] Раздел о мирдарихона в Дарвазе написан Р. Л. Неменовой по материалам, собранным ею и И. Мухиддиновым.

[23] Подробно о формах издольной обработки земли и о том, как этот древний родовой институт производственной кооперации со временем выродился в форму жестокой эксплуатации беднейшего крестьянства баями, см. Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936, стр. 32; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков басс. р. Хингоу в дореволюционный период, стр. 115

[24] См. например, Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 110 сл.

[25] Подробно о восстании Усмона см. Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 174—180; А. Маджлисов. Каратегин накануне установления Советской власти, стр. 105—129; Б. И. Искандаров. Из истории борьбы за установление Советской власти в Таджикистане. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 4, 1953, стр. 20 сл.

[26] О басмаческих диверсиях в Каратегине и Дарвазе в 1929 и 1931 гг. см. Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 197—204; Р. Аманов. Конец авантюры Фузайл-Максума и Аъзама, Душанбе, 1960.

[27] А. И. Кошелева, П. А. Васильев. Административно-территориальное деление Таджикистана, Душанбе, 1948, стр. 17.

НАСЕЛЕНИЕ

[1] Васильев, кап. Статистический очерк Каратегина. Воен. сб, 1888, № 10; Г. А. Арандаренко. Каратегин (по расспросным сведениям), Воен. сб., 1878, № 5; Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. В кн. «Досуги в Туркестане», СПб., 1889; Кузнецов. Дарвоз, Новый Маргелан, 1898; А. Е. Снесарев. Восточная Бухара, СПб., 1906.

[2] Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1. Бухара, Ташкент, 1926. На площади 23 847 кв. км было зарегистрировано 181 518 человек, плотность населения на 1 кв. км составляла 7,6 человек. Общее число населенных пунктов составляло 1078. Эти данные охватывают также не входящие в Каратегин и Дарваз долины Ванча и Язгулема, население которых составляло 3376 человек. По географическим районам население, по данным 1924 г., распределялось следующим образом: Каратегин — верховья Сурхоба — 9570 человек, басейн р. Гориф—7170; долина Сурхоба — 68 397; долина Вахша — 1675; Дарваз и верховья Оби-Хингоу — 2730; долина Оби-Хингоу — 35 640; долина Оби-Хумбоу и Пянджа — 9385 человек (Мат-лы по районированию Средней Азии, стр. 275, табл. 12).

[3] Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР, вып. 2. Поселенные итоги Таджикской АССР, Самарканд, 1927. По данным переписи 1927 г., на территории Гармского вилайета (Каратегина и Дарваза) зарегистрировано 1009 кишлаков с населением в 174 231 человек. Средняя плотность населения на 1 кв. версту 8,4. Сюда же входят данные по долинам р. Ванч и р. Язгулем, по административному делению того времени входившим в туман Калаи-Хумб.

[4] Список населенных пунктов Таджикской ССР, Душанбе, 1932. По данным списка 1932 г., на территории Гармского, Хаитского, Джиргатальского, Тавиль-Даринского, Калаи-Хумбского и Оби-Гармского районов зафиксировано 1050 кишлаков с населением в 179 792 человека.

[5] 41 киргизский кишлак отмечен в Джиргатальском районе; 4 русских поселения— это аэропорт около Гарма, геофизическая станция, питомник, метеорологическая станция (сельский совет Сагырдашт).

[6] Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I, Ереван, 1957, стр. 94; в ч. III того же труда см. подробный очерк изучения антропологического типа таджиков Каратегина и Дарваза (Ереван, 1958, стр. 64—73).

[7] В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз, Изв. РГО, т. 17, вып. 1, 1881, стр. 28.

[8] В. В. Гинзбург. Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков, М.—Л., 1937, стр. 162.

[9] Под центральным Дарвазом В. В. Гинзбург понимает Калаи-Хумб и прилегающие к нему селения. Западным Дарвазом, население которого отличается долихоморфностью и узким лицом, он называет долину р. Оби-Ниоу и Порвор, т. е. территорию Дашти-Джумского района, а также Муминабадский и Шуроабадский районы, которые входили и входят в Кулябскую группу районов.

[10] В. В. Гинзбург. Ук. соч., стр. 161—163.

[11] Л. В. Ошанин. Ук соч., ч. III, стр. 69.

[12] В. В. Гинзбург. Ук. соч., стр. 159.

[13] В. В. Гинзбург. Ук. соч., стр. 164.

[14] Л. В. Ошанин. Ук. соч., ч. III, стр. 70.

[15] В. В. Гинзбург. Ук. соч., стр. 169.

[16] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 14 сл.; он же. К вопросу об этногенезе таджиков. В кн.: «Советская этнография», VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 314 сл.; А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Тр. АН Тадж. ССР, т. 53, 1957, стр. 72, 93.

[17] О топонимике см. работы А. З. Розенфельд. Материалы по этнографии и топонимике Ванча. Изв. Геогр. о-ва, т. 85, вып. 4, 1953; ее же. Топонимика Нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами его истории. Изв Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, 10—11, 1956; ее же. Название «Лянгар» в топонимике Таджикистана. Изв. ВГО, т. 72, вып. 6, Л., 1940.

[18] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 41.

[19] А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903, стр. 74.

[20] А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышева. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 3, Душанбе, 1953, стр. 87.

[21] В. В. Бартольд. Таджики. Исторический очерк. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 107; его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. 2, СПб., 1900, стр. 66—67.

[22] «Топором заставили стать мусульманами» *(табар катй мусулмон шудагй)*— намек на насильственно произведенный обряд обрезания. Устное сообщение М. Р. Рахимова.

[23] Ср. с аналогичными преданиями в Дашти-Джумском районе (А. К. Писарчик. О некоторых терминах родства. В кн. «Сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии», посвящ. 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Душанбе, 1953, стр. 179).

[24] А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 19—20.

[25] А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы), М., 1908, стр. 25.

[26] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 34—39.

[27] Б. Х. Кармышева. Расселение джиргитальских киргизов (неопубликованная рукопись; хранится в научном архиве сектора этнографии Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР).

[28] К. И. Петров. Этногенез киргизов и их движение на Тянь-Шань в XIII—XV вв. Изв. АН Кирг. ССР, т. 2. вып. 3, Фрунзе, 1960.

[29] Там же, стр. 76.

[30] «Джиргаталь и кишлаки вокруг него образовались очень давно, в те времена, когда люди еще не знали киблы и намазов, когда были обращены в мусульманство ударами сабли — *ба зарби шамшер*. С тех пор таджики и киргизы вместе перекочевывают на летовки, вместе спускаются в кишлаки» (Полевая запись Б. Х. Кармышевой от джиргатальского таджика 60 лет, прадеды которого пришли из к. Лангар в Вахио).

[31] П. Е. Кузнецов. О таджиках Наманганского уезда. Изв. ТОРГО, т. II, вып. 2, ч. 1, Ташкент, 1915, стр. 11, 12, 16.

[32] Н. А. Кисляков. Таджики долины Соха. Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII, 1953, стр. 112—113; В. С. Расторгуева. Очерки по таджикской диалектологии, вып. 4. Южноферганские говоры (Риштан, Сох) и говоры уратюбинской группы, М., 1961, стр. 10, 12.

[33] Н. А. Кисляков. Таджики долины Соха. Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII, 1953, стр. 113.

[34] А. З. Розенфельд. Говоры Каратегина. В кн. «Иранские языки», вып. 2, М.—Л., 1950; Е. М. Пещерева. Гончарное производство в Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 18; Р. Л. Неменова. Таджики долины Варзоба. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, 1, 1963, стр. 69.

[35] В. С. Соколова. Рушанские и хуфские тексты и словарь, М.—Л., 1953, стр. 233.

[36] По рассказам стариков, левобережная, афганская часть Дарваза, начиная примерно с к. Нусай, лежащего почти против Калаи-Хумба, до самых юго-западных пределов афганского Дарваза, также носит название Кади-Шикай и составляла до разграничения 1895 г. одно целое с правобережной частью.

[37] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936, стр. 4.

[38] В 1961 г. кишлаки Хоб и Работ были включены в колхоз «Сагырдашт».

[39] *Каук, қаук*—семейно-родовая группа; подробнее см. ниже, стр. 66 сл.

[40] Раздел о населении бассейна р. Хингоу написан по опубликованным материалам Н. А. Кислякова, содержащимся в его работах, посвященных этнографии и истории населения долины р. Хингоу (главным образом «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло»), пополненным нашими данными, собранными в 1955—1956 гг.

[41] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма, стр. 19.

Нам представляется, что вопрос о том, являются ли все эти группы, как думает Н. А. Кисляков, остатками бывшего родоплеменного деления, требует еще дополнительных исследований. В названии группы *сағирдашчӣ*, например, так же как и в названии не отмеченной Н. А. Кисляковым группы *пуштарогӣ* (по сообщению М. Р. Рахимова, эта группа населяла кишлаки Арбобиён, Калаи-Хусайн, Инкон, Лангаро, Мирзоён, Мургаки-Боло, Мургаки-Поён, Пуштарог, Заки-Авди, Чарсони-Боло, Чарсони-Поён, Шине) можно видеть и территориальные группы, подобно отмеченным нами

Q.C.L. N.Ver

в Дарвазе группам *порьёвчӣ*, *хумдарачӣ*, или в Кулябе—*ёхсучӣ*, *шуробдарачӣ*, *даштакӣ* и др. (См. Р. Л. Неменова. Кулябские говоры таджикского языка, стр. 10—11).

[42] А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 20.

[43] По мнению Н. А. Кислякова, патроны группы хлоз—Ходжаи-Хлоз и группы вахиочи — Вох «имеют, очевидно, тотемическое происхождение, причем первый является в образе тигра, а второй — в образе козла».

[44] Следует также отметить, сходные черты в языке кулябских таджиков Шуробдары — ущелья, расположенного в верховьях Кзыл-Су, и таджиков группы хлоз.

[45] По сводным материалам ГЭЭ, группа хлоз была расселена в нижнем течении р. Хингоу по обоим ее берегам. На правом берегу р. Хингоу и по берегам ее правых притоков этой группой были заселены следующие кишлаки (по течению р. Хингоу): Езганд, Работноли-Гарибон (или Работноли-Варави), Работноли-Калон, Шури-Боло, Шури-Поён, Душохакахаки-Боло, Душохакахаки-Поён, Чильдараи-Боло, Чильдараи-Поён, Дашти-Сабз, Деи-Мулло, Гадоалии-Афтобру, Гадоалии-Нушра, Калаи-Хучак, Деи-Сафар, Гылболдара, Душоха, Одильён, Амрутак, Мазор, Бушолак, Талхак, Мурдон, Шакоб, Еволук, Разаки-Боло, Разаки-Дашти-Кала, Разаки-Дарун (Дара?), Разаки-Повун,, Паси-Ови-Талх, Дамов, Дашти-Гырк (Ғәрк), Посвуни-Сари-Дашт, Посвуни-Сари-Джар, Ефуч. На левом берегу р. Хингоу группа хлоз населяла кишлаки: Джирог, Дараи-Джуи-Афтобру. Дараи-Джуи-Нушра, Фарки-Шоди (или Фарки-Шавди), Джавчи, Чашмаи-Кабуд, Дашти-Хасан, Халилиён, Сари-Сел, Хамдара, Калпак, Гирдоб, Навобод, Севак, Чашмасор, Пашор, Ходжаи-Хлоз, Дашти-Наё, Хафчирог, Деи-Боло, Деи-Та, Дашти-Гози, Девлохи-Калон, Косагардон, Бедак, Бедаки-Миёна, Бедаки-Мирон, Бедаки-Поён, Каракутан, Нурунджи, Деи-Баланд, Паски-Гузу.

[46] По сводным материалам ГЭЭ, группа туркия населяла на правом берегу р. Хингоу кишлаки: Лангар (Лангари-Тавиль-Дара), Гурхам, Хур, Сайёд, Пунарвог, Сабзихарв, Юфан, Иштиён, Арганкон, Лайрон, Гурум, Алисурхон, Нусуни, Лангар (Лангари-Сангвор); на левом берегу Хингоу туркия заселяли кишлаки: Тавиль-Дара, Фаркинг, Каранак, Сари-Джангало, Сари-Дашт, Деи-Калон, Тутои-Боло, Тутои-Поён, Загараи-Боло, Загараи-Поён, Пагула.

[47] По сводным материалам ГЭЭ, эта группа заселяла селения: Мионаду, Джур- (различался Джури-Поён — Нижний Джур и Джури-Боло — Верхний Джур), Зувай, Дараи-Хайрон, Новд, Дараи-Себак, Дараи-Боло, Хирз, Говди-Паси-Овриндж, Говди-Паст, Говди-Миёна, Хипшон, Дараи-Саркорон, Каскарог, Гундараи-Поён, Гундараи-Боло.

[48] Н. А. Кисляков приводит сведения о том, что к. Мионаду в долине р. Хингоу был некогда заселен исмаилитами (Следы первобытного коммунизма, стр. 16); ср. ниже.

[49] Вахиочи заселяли кишлаки Сари-Санг, Урфати-Поён, Урфати-Боло, Рехч, Псода, Гузават, Старха, Работи-Хух, Лоджирк, Бич, Сангвор, Скад, Над, Дараи-Калп, Бурса, Рога, Дашти-Боло, Малынгат, Арзинг, Пашимгар, Найгуфт, Даргаз, Дуватк, Дарахтак, Нусай, Хазрати-Бурх, Дарбог, Дараи-Дархарва, Вырзга, Боршид.

[50] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма, стр. 53; см. также А. З. Розенфельд. Материалы по этнографии и топонимике Ванча, Изв. ВГО, № 4, 1953, стр. 400.

[51] По нашим записям, сагырдашчи населяли кишлаки, расположенные на северных склонах Дарвазского хребта: Дараи-Мело, Олуни, Охангарон, Садика, Шохорун, Кулумбаи-Боло, Кулумбаи-Поён, Гальчагиён, Гульён, Камчак, Мирудьён, Лухч, Нишаи, Сайидон, Сагырдашт, Чихкак, Тилимиён, Яхмоч, Доваги, Гурбадара, Пастику, Пастелак, Сафедорон, Фаркинг.

[52] Н. А. Кисляков. Из истории горного Таджикистана. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 4, 1953, стр. 112.

[53] В. Ошанин. Каратегин и Дарваз, стр. 45.

[54] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 37. В списке населенных пунктов, изданном УНХУ Тадж. ССР в 1932 г. упомянутые выше три кишлака не числятся.

[55] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 37—38.

[56] Б. Х. Кармышева. Поездка к киргизам Джиргаталя в 1954 г. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 10—11, 1956, стр. 26.

[57] Полевая запись М. Рахимова в к. Ермазор, с/с Питовкуль. 1953 г.

[58] См. раздел «Селения Каратегина и Дарваза».

[59] Интересна поговорка, бытующая среди старшего поколения жителей Каратегина и якобы свидетельствующая о превосходстве выходцев из Вахио над остальным населением Каратегина: *«вахиочӣ набошӣ, зархаридӣ ё ғуломӣ»*—если ты родом не из Вахио, то ты наемник или раб.

[60] В кишлаке Полезак (б. Таджикабадский район) население делилось на две группы *уруғи вахиочӣ* и *уруғи ёхсучӣ;* прежде они расселялись в различных частях кишлака, но теперь, поскольку вахиочи и ёхсучи много раз роднились между собой, это расселение нарушено.

[61] Е. М. Пещерева. Поездка к горным таджикам, КСИЭ АН СССР, т. 3, М.—Л., 1947, стр. 48

[62] П. П. Введенский. Территория и население ТАССР. В кн. «Народное хозяйство Таджикистана», Ташкент, 1926, стр. 45.

[63] Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1, Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1, Бухара, стр. 231—234.

Комментарии к высказываемой И. Магидовичем точке зрения о группах, считающих себя таджиками и говорящих на таджикском языке, но прибавляющих к названию своей национальности еще название одного из узбекских родов (например, чагатай), см. у Н. А. Кисляков а. Следы первобытного коммунизма..., стр. 13—14.

[64] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 15 сл.; его же. Описание говора таджиков Вахио-Боло. Тр. Таджикист. базы АН СССР, т. 3, 1936.

[65] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 17.

[66] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 21 сл., 78.

[67] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 99—102.

[68] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений. Изв. ТФАН СССР, № 15, 1949, стр. 16.

[69] Расселение каумами характерно и для всех припамирских стран; оно отмечено у язгулемцев, у шугнанцев, рушанцев; по-видимому, оно было распространено у всех горных таджиков.

[70] О нарушении среди таджиков в предреволюционный период былой родовой экзогамии см. Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 28.

[71] См. раздел «Селения Каратегина и Дарваза».

[72] То же.

[73] То же.

[74] Мы не будем здесь касаться вопросов планировки, размеров кварталов и пр., так как они освещены в вып. 2 настоящего труда, в главе «Селение».

[75] О. А. Сухарева. К истории городов бухарского ханства. Изд-во АН Уз. ССР, Ташкент, 1958, стр. 67—74; ее же. Быт жилого квартала города Бухары в конце XIX—начале XX вв. КСИЭ АН СССР, т. 28, М.—Л., 1958.

[76] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 33—39.

[77] О них см. Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. В кн. М. С. Андреев. По Таджикистану, Ташкент, 1927, стр. 42—59.

[78] О них см. Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 115 сл.; его же. Жилище горных таджиков басс. р. Хингоу, «Советская этнография», вып. 11, М.—Л., 1939, стр. 163 сл.

[79] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 17, ср. также М. С. Андреев. Прозвища жителей различных селений в Матче (верховья р. Зеравшана), ДАН СССР—В, 1924, октябрь—декабрь, стр. 173—176.

[80] О. А. Сухарева. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане, КСИЭ АН СССР, вып. 30, М., 1958, стр. 422.

[81] Сообщение канд. истор. наук М. Р. Рахимова (уроженца к. Сафедорон).

[82] М. С. Андреев. О значении слова «Лянгар», «Турк. ведом.», 1899, № 78; А. З. Розенфельд. Название «лянгар» в топонимике Таджикистана. Изв. ВГО, т. 72, вып. 6, 1940.

[83] Джуйбор — часть г. Бухары, включенная в территорию города во второй половине XVI в.

[84] По другим сведениям, это было сословие ишанов.

[85] По другим сведениям, Элок делился на три квартала: Элоки-Мина или Элоки-Чишмаи-Ишкамба, Элоки-Та, Элоки-Умбара.

[86] См. полевые записи сотрудницы ГЭЭ 1953 г. А. З. Розенфельд, стр. 41—44 (хранятся в научном архиве Института истории АН Тадж. ССР).

[87] Среди дарвазских исмаилитов бытуют многочисленные предания о том, что истинную веру принес им Носири Хисрав, известный поэт, философ и апологет учения исмаилитов XI в.

[88] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин, Сб. «Досуги в Туркестане», 1883, стр. 452—453; А. Е. Снесарев. Восточная Бухара, 1906, стр. 40; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, 1911, стр. 161.

[89] А. А. Семенов. Материалы по изучению наречия горных таджиков Центральной Азии, М., 1900. стр. 2.

[90] А. З. Розенфельд. Говоры Каратегина, Душанбе, 1960 (Тр. АН Тадж. ССР, т. 93); её же. Дарвазские говоры таджикского языка. Тр. Ин-та языкозн. АН СССР, т. VI, 1956; Н. А. Кисляков. Описание говора таджиков Вахио. Тр.

Тадж. базы АН СССР, т. 3, Душанбе, 1936; С. И. Климчицкий. Дарвазские фахлавийот, там же, т. 9, Душанбе, 1940; З. Вохидов. Макоми ӯ ва у дар лахҷаи Дарвоз. Сб. студенч. работ ТГУ, Душанбе, 1954; Р. Л. Неменова. Вокализм таджикских говоров Дарваза, «Иранский сборник», М., 1963.

[91] Это дало основание В. С. Расторгуевой выделить ее под названием юго-восточной группы из группы южных таджикских говоров. (В. С. Расторгуева. Опыт классификации таджикских говоров, М., 1960, стр. 17).

[92] Личное местоимение 3 л. ед. ч. *ҳавай* засвидетельствовано в гиссарских и варзобских говорах.

[93] Глагольное окончание *-ийан* свойственно западной подгруппе кулябских говоров (Кангурт, Дангара, Бальджуан), гиссарским, матчинским, ленинабадско-канибадамским, южноферганским и ура-тюбинским говорам.

[94] Подобный тип стяжения отмечен в гиссарских, южноферганских таджикских, а также в говорах ленинабадско-канибадамской группы.

[95] См. А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка, стр. 222 и Словарь (там же).

[96] Подробнее см. там же, стр. 223.

[97] См. там же, стр. 202.

[98] И. И. Зарубин. К списку памирских языков Докл. Российской АН, сер. 13. 1924.

[99] А. З. Розенфельд. Ванчские говоры. Докл. АН Тадж. ССР, вып. 5, 1952; ее же. К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях. Тр. Ин-та языкознания, т. 6, 1956.

[100] М. С. Андреев. О таджикском языке настоящего времени. Сб. «Мат-лы по истории таджиков и Таджикистана», 1945, стр. 65.

[101] Н. А. Кисляков. К вопросу об этногенезе таджиков. «Советск. этногр.», 6—7, 1947.

[102] Значительный интерес в этом отношении представляют записи дарвазских сказок, сделанные М. С. Андреевым в 1900 г. со слов приходивших на заработки в Фергану и Ташкент дарвазцев. В текстах сказок параллельно употребляются как диалектные, так и общенародные таджикские формы и слова (первичные записи текстов дарвазских сказок М. С. Андреева хранятся в архиве Ленинградского отделения Ин-та народов Азии АН СССР).

[103] Н. А. Кисляков. Описание говоров таджиков Вахио-Боло, стр. 30.

[104] В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз, Изв. РГО, т. 17, вып. 1, 1881, стр. 21—58.

[105] А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903, стр. 15—18.

[106] Это название означает: «у места игры в поло» (*чегун*, лит. *чавгон* — игра в поло) и свидетельствует о бытовании здесь раньше игры в поло, в которую теперь уже не играют. Она сохранялась до последнего времени в Припамирье (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, стр 114).

[107] Описание ее см. Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина, стр. 24—25; Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 131.

[108] Аёджумдор будто бы просил своих детей жить в дружбе. Дети ослушались его, и в наказание за это из ущелья Осиёб хлынул горный поток страшной силы, который снес среднюю часть кишлака Вомара. На той стороне, где сейчас находится кишлак Умарак, остался только один человек, который в это время ехал верхом на лошади (по другой версии, на стороне Умарака осталась лишь колыбель с ребенком), а на стороне, где сейчас Зинг, осталось лишь одно седло. С тех пор верхняя часть стала называться Умарак (*у марак* — тот человек), а нижняя — Зынг (*зин* — седло). Такова народная этимология названий этих кишлаков.

[109] Запись Н. Н. Ершова в Егиде от 27 марта 1954 г. Этот же рассказ был сообщен студентом ТГУ уроженцем Егида, Сарваршо Амирджановым в 1958 г.

[110] По устному сообщению Икрома Мухитдинова, женщина из Хумбивари, живущая ныне в Егиде, родилась в семье, деды и прадеды которой были исмаилитами.

[111] Своих девушек в другие селения выдавали и выдают.

[112] В отличие от Вишхарва, расположенного выше по реке, вблизи к. Джорф, Ушхарв иногда называют Вишхарви-Повун.

[113] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина..., стр. 40; Е. М. Пещерева. Поездка к горным таджикам, КСИЭ АН СССР, III, М.—Л., 1947; ее же. Селение Сари-Шухон и его гончарное производство. Неопубликованная рукопись, 1946, стр. 1—4 (хранится в научном архиве сектора этнографии Института истории АН Таджикской ССР).

[114] Е. М. Пещерева. Неопубликованная рукопись, стр. 2.

[115] А. М. Мандельштам и А. З. Розенфельд. Калаи-Имлок и Калаи-Джамхур в Каратегине и связанные с ними легенды. В кн. «Памяти М. С. Андреева», Душанбе, 1960.

[116] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина..., стр. 41—42; А. М. Мандельштам. Предварительный отчет о работах Каратегинского отряда в 1954 г. Душанбе, 1956, стр. 69—75 (Тр. АН Тадж. ССР, т. 37).

[117] Это название мусульманских праздников бытует в такой же форме в Ферганской долине. В. П. Наливкин отождествляет слово хаит с ид (حائط). В. Наливкин. Русско-сартовский словарь по наречиям Наманганского уезда, Казань, 1884, стр. 204.

[118] См. А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей, Душанбе, 1957, стр. 161.

[119] Полевая запись Икрома Мухитдинова в Хумдоне, от Одинаева Шо, 68 л. в 1958 г. «Халки кади Хоит ва Ясманд решаашон аз кишлоки Тоцикоболи Фарғонаанд (аз Учкурғон ва Кува он тарафтаранд)»—«Жители Хаита и долины Ясманда происходят из Ферганского Таджикабада по ту сторону Уч-Кургана и Кувы».

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

[1] История таджикского народа, т. III, М., 1964, стр. 301.

[2] А. Э. Регель. Поездка в Каратегин и Дарваз. Изв. РГО. т. 18, вып. 2, 1882, стр. 137—141; Е. П. Косяков. Путевые заметки по Каратегину и Дарвазу в 1882 г. Изв. РГО, т. 20, вып. 6, 1884, стр. 589—613; Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерки припамирских стран. Изв. РГО, т. 22, вып. 2, 1886, стр. 81—109; Н. Юхновский. Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине реки Ванча, «Туркест. ведом.», 1894, № 65; В. Ф. Ошанин. Письмо из Гарма. «Туркест. ведом.», 1878, № 36; его же. Каратегин и Дарваз. Изв. РГО, т. 17, вып. 1, 1881, стр. 21—58; Г. А. Арандаренко. Каратегин (по расспросным сведениям). Воени. сб., № 5, 1878, стр. 122—123; его же. Дарваз и Каратегин. В кн.: «Досуги в Туркестане», СПб., 1889, стр. 437—479; Ванновский, кап. О рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1893. Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии, 56, 1894, стр. 91—93 (в дальнейшем — Сб. мат-лов по Азии); Кузнецов, кап., Дарвоз, Н.-Маргелан, 1893; Васильев, кап. Краткое статистическое описание Каратегина. Сб. мат-лов по Азии, вып. 33 1888; А. А. Бобринской. Орнамент горных таджиков (Нагорная Бухара), М., 1900, стр. 4—10; А. А. Семенов. Этнографический очерк Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903, стр. 51—54; Снесарев. Восточная Бухара (военно-географический очерк), Сб. мат-лов по Азии, вып. 79, СПб., 1906.

[3] П. Баранов и И. Райкова. Дарваз и его культурная растительность. Изв. О-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент, 1928; Л. Е. Иофа. Экономико-географическая характеристика верхней части бассейна р. Сурхоб. Уч. зап. МГУ, вып. 21, М., 1938; П. А. Васильев. Таджикистан (экономико-географическое описание), Душанбе, 1947, стр. 166—168.

[4] Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники и обряды связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингоу (в дальнейшем «Старинные приемы земледельческой техники»...), «Сов. этногр.», № 1, 1947, стр. 108—127; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк) (в дальнейшем «Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу»), Тр. АН Тадж. ССР, т. 43, 1957, 221 стр.; его же. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза в XIX — начале XX в (в дальнейшем «Следы древних верований...»), КС ИЭ АН СССР, вып. 29, 1958, стр. 76—83; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II. Душанбе, 1958, стр. 21—108 и А. К. Писарчик. Примечания и дополнения к кн. М. С. Андреева «Таджики долины Хуф», вып. II (в дальнейшем цитируется «Примечания и дополнения»..., там же, стр. 286—299. Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. Тр. Ин-та этногр. АН СССР (нов. сер.), т. 24, М.—Л., 1954, стр. 48—110; Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. Тр. АН Тадж. ССР, 1960.

[5] «Коммунист Таджикистана», 29 января 1956 г.

[6] О таких наследственных представителях жреческого сословия, практиковавших в различных областях жизни горных таджиков, см. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I, Душанбе, 1953, стр. 38—39.

[7] О первой пахоте и связанных с ней обычаях см. М. С. Андреев и А. А. Половцов. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. Сб. МАЭ АН 1, вып. IX, СПб., 1911, стр. 22; М. С. Андреев. Экспедиция в Ягноб в 1927 г. Бюлл. САГУ, вып. 17, Ташкент, 1928, стр. 167—168; его же. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских цехов и цеховых сказаний (рисоля), «Этнография», 1927, № 1—2, стр. 323—324; его же. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 60—62; Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники .., стр. 114—115; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу..., стр. 182—187.

[8] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 41, рис. 6, *4*.

[9] Раньше железа в горных районах было мало и к нему относились очень бережливо, используя каждую сломавшуюся вещь для изготовления новой, теперь же железных изделий в том числе лемехов завозится много, и сломавшиеся вещи часто остаются неиспользованными.

[10] До революции крестьяне, имеющие только одного вола, часто объединялись для совместной обработки земли; это называлось *алғов*; они поочередно обрабатывали свою землю. Случалось так, что какой-нибудь корыстный крестьянин, чтобы не запрягать своего вола, делал *чаб-юғ* с волом своего компаньона. Если тот узнавал об этом, то ссорился с недобросовестным соседом и больше никогда не вступал с ним в алгов.

[11] Ср. припамирское «фай» (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 43 и сл.).

[12] Подробно о способах полива в бассейне р. Хингоу и схемы-чертежи первого и последующих поливов см. М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу..., стр. 60—63.

[13] М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу..., стр. 212.

[14] Об обрядах, связанных с вызыванием и прекращением дождя, подробно см. М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу..., стр. 209—212; его же. Следы древних верований..., стр. 80—82.

[15] О различных стадиях роста и развития зерновых культур в долине р. Хингоу см. Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 117; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу..., стр. 64—65.

[16] Ср. М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу..., стр. 64.

[17] О дореволюционном куругмоле подробнее см. Н. А. Кисляков. Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна реки Хингоу. Изв. ТФАН СССР, стр. 39; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу..., стр. 65—66.

[18] См. А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза..., стр. 52; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу..., стр. 65.

[19] Ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 51—53.

[20] В Кулябе лошадей используют для молотьбы способом галагоу, при этом погонщик сидит верхом на одной из них.

[21] О применении этого метода в Хуфе, в Ферганской долине и в Афганистане см. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 82.

[22] Об этих песнях у узбеков Южного Таджикистана и Узбекистана см. Б. Х. Кармышева. Об узбекских трудовых крестьянских песнях (Материалы). Сб. «Памяти Михаила Степановича Андреева», Тр. АН Тадж. ССР, т. СХХ, Душанбе, 1960, стр. 65—76.

[23] Ср. с припамирским обычаем класть на вершину чошта комок сухого воловьего помета (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 83—84).

[24] О «блюде для снятия чошта» см. М. Р. Рахимов. Меры сыпучих тел у таджиков бассейна реки Хингоу, Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII (Душанбе), 1953, стр. 206.

[25] «Коммунист Таджикистана», 17 января 1958 г.

[26] Там же, 22 января 1958 г.

[27] «Тоҷикистони Совети», 16 августи соли 1959.

[28] П. Баранов и И. Райкова для Дарваза указывают только 5 сортов винограда: *сиёҳангур, ангури сафед, говангур, хусейни* и *фахри* (Дарваз и его культурная растительность..., стр. 98—99).

[29] П. Баранов и И. Райкова в к. Курговад зарегистрировали 9 сортов тута: *раущ-тут, музафари-тут, бидона-тут, шаихин-тут, сафит-тут, загари-тут, малбиб-тут, сиё-тут, ша-тут* (Дарваз и его культурная растительность..., стр. 68). Ср. также сорта тута в Припамирье А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 393—394).

[30] Подробнее о способах заготовки фруктов впрок и их использовании для еды см. Таджики Каратегина и Дарваза, вып. II, глава Пища.

[31] Сейид — лицо, считающееся потомком пророка.

[32] Н. А. Кисляков. Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу. Изв. ТФАН СССР, № 15, 1949, стр. 37—46.

[33] М. Р. Рахимов. Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством, у таджиков Каратегина и Дарваза. В кн. «Памяти М. С. Андреева», Душанбе, 1960, стр. 181—187.

[34] Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период, вып. I. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXVIII. Душанбе, 1955.

[35] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I..., стр. 134—135; вып. II, стр. 114—150.

[36] М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Некоторые сведения. Сб. «Таджикистан», 1925, стр. 167—169; Е. М Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков и связанные с ним обычаи. В кн. «По Таджикистану», вып. I, Ташкент, 1927, стр. 42—59.

[37] Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, стр. 90—101.

[38] Кузнецов. Дарвоз, Новый Маргелан, 1893, стр. 73, 81, 82.

[39] Об увеличении производства продуктов животноводства. Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 31 января 1955 г. Газ. «Правда», 2 февраля 1955 г., № 33.

[40] «Коммунист Таджикистана», 19 января 1958 г.

[41] Шире дорогу тонкорунному овцеводству. «Коммунист Таджикистана», 11 декабря 1958 г.

[42] Ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II..., стр. 131.

[43] Последние две строки — из суры 113 Корана (см. Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, М., 1963, стр. 499). Этим определением мы обязаны Г. И. Ишанкулову.

[44] Лев—прозвище Алия.

[45] Эти же заклинания читали и в других случаях, например, если опасались что кто-то сглазит ребенка и т. п.

[46] Существовало поверье, если волк приближался к животному с закрытой пастью, то даже без заклинания он не мог причинить ему вред; опасен для скота он только тогда, когда нападает с открытой пастью.

[47] Царь мужей — эпитет Али.

[48] *Курхат* читался не только в случае потери скота, но и в случае потери какой-либо вещи. Тогда слово *чорпо* — «животное» заменялось словом *чиз* — «вещь»

[49] Ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I..., стр. 134.

[50] *Шибар* — болото, болотистая местность, где растет этот вид тонкостебельной травы.

[51] Передача скота на прокорм практиковалась также и в Припамирье (См. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II..., стр. 121 и след.).

[52] Любопытно, что мышей и крыс, водящихся в шалаше на летовке, запрещалось называть своим именем. Их называли *биби элич*—«бабушка хозяйки летовки», говорили, что в этом случае они чувствуют себя хозяевами летовки молочных продуктов и не будут падать в молоко.

[53] См. Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков..., стр. 45.

[54] По записям Н. Н. Ершова, вмазанные в очаг котлы при этом обмазывают алебастром таким образом, что вокруг краев котла получается валик до одной четверти высотой, значительно увеличивающий емкость котлов и предохраняющий от переливания пахтанья через края при кипении.

[55] Записано в 1953 г. в к. Кушагба Джиргатальского района.

[56] Этот обычай выполнялся в Каратегине и Дарвазе и в других случаях. Например, если ребенка ночью выносили из дома, то нос или лоб ему мазали сажей, чтобы злые духи не остановили на нем свой взгляд.

[57] Аналогичная формула произносилась и в к. Езганд (см. Н. А. Кисляков. Древние формы скотоводства..., стр. 45).

[58] Количество топленого масла после перетапливания в кишлаках по склонам Дарвазского хребта измеряли деревянной чашей, вмещающей немного больше 1 кг.

[59] Здесь и дальше в скобках — примечания наши (М. Р.).

[60] Н. А. Кисляков. Древние формы скотоводства..., стр. 45.

[61] Записано от Гуловой Гулмо (к. Сафедорон) и Ибрагимовой Зебо (к. Халкарф).

[62] В Шугнане, а также и в Хуфе, если петух кричал вечером не вовремя, его также резали. (А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 309).

[63] *Навбаст* (новозапряженный) называют бычков, потому что в этом возрасте их впервые приучают к сельскохозяйственным работам; в дальнейшем рабочий скот уже становится *чуфтӣ* (пахотный), *корӣ* (рабочий).

[64] «Коммунист Таджикистана», 9 октября 1957 г.

[65] В. Ф. Ошанин. Каратегин и Дарваз, ИРГО, т. XVII, вып. 1, 1881, стр. 53.

[66] П. Баранов и И. Райкова. Дарваз и его культурная растительность..., стр. 77.

[67] А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, М., 1908, стр. 98—102; М. С. Андреев и А. А. Половцов. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. Сб. МАЭ, IX, 1911, стр. 97; Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники у таджиков басс. р. Хингоу, СЭ, 1947, стр. 111—113.

[68] П. Майский. Исчисление полевого периода сельскохозяйственных работ у горцев Памира и Верхнего Ванча, СЭ, 1934, № 4, стр. 102—107; W. Lentz. Zeitrechnung in Nuristan und am Pamir, Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1938, Philosophischhistorischen Klasse, N 7. Berlin, 1939; М. Забирзода. Солшумории халкй (Народный календарь—М. Р.). «Шарки сурх», 1957, № 7, стр. 118—125. К сожалению, эта статья содержит много неточностей и ошибок, в ней счет времени по частям тела спутан с мусульманским солнечным календарем и со старыми фенологическими месяцами. Поэтому пользоваться ею следует с большой осторожностью.

[69] Таджики долины Хуф. вып. II, Душанбе, 1958, стр. 151—175. См. также А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 310—339.

[70] Глава «Земледельческий народный календарь и система мер» в кн. М. Р. Рахимова. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (Историко-этнографический очерк), Душанбе, 1957 (в дальнейшем цитируется «Земледелие....» Эта глава опубликована и отдельно (М. Р. Рахимов. Исчисление времени у таджиков бассейна р. Хингоу в XIX — начале XX в., СЭ, 1957, № 2, стр. 73—87).

[71] Подробнее об этом календаре см. М. Р. Рахимов. Земледелие..., стр. 165 — 166.

[72] Об этом см. М. Р. Рахимов. Земледелие..., стр. 166 прим. и стр. 203 сл.

[73] См., например, М. Р. Рахимов. Земледелие..., стр. 166, где приведены и числа начала этих месяцев по европейскому календарю.

[74] Запись со слов Давлатова Хикмата (54 лет), уроженца к. Сафедорон.

[75] А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 311.

[76] Тексты и объяснения таких стихотворных формул см. М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 152, 315 и 316, а также М. Забирзода. Ук. соч, стр. 125.

[77] Ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 159.

[78] О нем у таджиков см. А. К. Писарчик. Таблицы двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих им годов современного летоисчисления. Мат-лы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 173—181; М. Р. Рахимов. Земледелие...., стр. 167—168; у тюркских народов см. И. В. Захарова. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана, Алма-Ата, 1960. Тр. ИИАиЭ АН Казахской ССР, т. 8, стр. 32—65. В работах А. К. Писарчик и И. В. Захаровой приведена библиография по данному вопросу.

[79] М. Р. Рахимов. Земледелие..., стр. 167—168.

[80] Покойному М. С. Андрееву удалось собрать здесь большой и разнообразный материал, позволивший составить довольно отчетливое представление об этом счете в целом (Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 151, 168 и А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 316—329).

[81] Ср. с такой же таблицей у шугнанцев долины р. Гунд. А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 318.

[82] Ср. со сводной таблицей по таджикам Западного Памира и Дарваза. А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., вклейка после стр. 328.

[83] *Найсон* — название румийского седьмого месяца и время остановки солнца в знаке зодиака Ҳамал. Из капли дождя этого месяца в раковинах жемчужниц якобы появляется по жемчужине. Дождь этого месяца, символично, называют также найсон (Гиёс-ул-Луғот, стр. 833).

[84] *Рамаву села* дословно — стада овец и стая птиц, однако в понимании народа обозначает также стаи птиц, которые весной прилетают в эти местности. Ср. с такими же периодами у таджиков Ванча (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 167).

[85] Во всех кишлаках Каратегина и Дарваза были специальные места, с которых производились наблюдения за небом и светилами.

[86] О праздновании его см. М. Рахимов. Земледелие..., стр. 192 сл.

[87] О нем см. ниже, стр. 188—189.

[88] В Джиргатале лето называют по имени мусульманского солнечного месяца саратон.

[89] Большая и малая чилла занимают 60 дней, т. е. месяцы джади и далв солнечного календаря.

[90] Наступление месяца хут в ряде горных районов праздновалось очень торжественно. См. М. Р. Рахимов. Земледелие..., стр. 187 сл.

[91] Такое поверье существовало в Дарвазе и в некоторых других районах Средней Азии. Относительно киргизов Средней Азии по этому поводу Ю. Казбеков писал: «Между киргизами есть поверье, что в Бухаре будто бы существует какой-то синий камень кок таш (کوک تاش), который в день Навруза смягчается на некоторое время так, что если в него в это время воткнуть нож и не вынуть во время,

то он в означенном синем камне затвердеет» (Ю. Казбеков. Цикловый год у киргизов и других народов Средней Азии, «Турк. ведом.», 1875, № 6, примеч.).

[92] Существует предание, что когда-то в древние времена наступило сильное похолодание — *кунуши сахт*, от которого погибло очень много коз. В этот период вообще часто случаются морозы и снегопады, из-за чего гибнет много скота, особенно коз.

[93] Период назван так, потому что здесь в это время впервые прилетают куропатки. М. С. Андреев зарегистрировал наличие периодов *ҳаждаи бузкуш* и *дувоздаҳи кавги рав* у таджиков Гиссара (Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 172).

[94] См. Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники у таджиков басс. р. Хингоу, стр. 113; М. Р. Рахимов, Земледелие.., стр. 187—192.

[95] Он имел место также у таджиков Кулябской группы районов (Сари-Хасор, Бальджуан, Муминабад, Ховалинг, Дашти-Джума и др.).

[96] Об этом периоде упоминает М. Забирзода. (Солшумории халкй, стр. 122). Он ошибочно считает киргияк месяцем, продолжительностью 21 день, который соответствует мусульманскому солнечному месяцу сунбула. Он также приводит вариант общеизвестной народной поговорки относительно этого периода:

Киргияк мохест дар Санбула,
17 то 18 то 21 мебора.

Киргияк это месяц в Сунбула
(когда) 17, 18 и 21 идет дождь.

Представление о периоде холодов «киргияк», опасном для посевов, приходящемся на месяц зилзиля, который соответствует солнечному месяцу сунбула, имело место в долине Хуф. Там существовала следующая народная поговорка:

Зилзиламо — каргийак,
Абдауму аждауму бистуяк.

Месяц Зилзиля—каргияк
Семнадцатое, восемнадцатое и
и двадцать первое.

А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 333).

[97] См. М. Забирзода. Ук. соч., стр. 122.

[98] Фенологический календарь существовал у многих народов. Например, у народов Гиндукуша, особенно у читральцев, существовали месяцы, устанавливавшиеся по особенностям времен года и земледельческим работам, которые очень сходны с таджикскими фенологическими месяцами (см. Биддельф, Народы, населяющие Гиндукуш. Перевод П. Лессара, Ашхабад, 1886, стр. 60—63). Такой календарь существовал у чулымских татар (см. А. П. Дульзон. Система счета времени у чулымских татар, КСИЭ АН СССР, вып. X, 1950, стр. 60—63) и поныне существует у укранцев, месяцы которых по признакам природы очень близко напоминают названия месяцев у таджиков.

[99] См. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 168—169, а также стр. 332—333; Н. А. Кисляков, Язгулемцы. Изв. ВГО, 1948, т. 80, вып. 4, стр. 369.

[100] По этому признаку считаем ошибочным мнение М. Забирзода, который месяц хингак относит к осени (с 11 октября по 10 ноября) и считает его одним из периодов счета времени по частям тела человека (М. Забирзода. Ук. соч., стр. 122).

[101] *Хомпаз* в переносном смысле — полусозревший, не допеченный, не полностью созревший и т. п.

[102] Забирзода считает, что хомпаз в Дарвазе начинается с 29 июня и продолжается до 13 июля, т. е. бывает всего 15 дней (ук. соч., стр. 121). Это, конечно, неверно, так как хомпаз — это не один из периодов счета времени по частям тела человека, а полный фенологический месяц.

[103] Забирзода в периоде баргрез насчитывает 30 дней, начиная с 11 ноября до 9 декабря.

[104] См. М. С. Андреев и А. А. Половцов. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан, стр. 27; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 162—165; М. Р. Рахимов. Земледелие.., стр. 158—163.

[105] См. Биддельф. Народы, населяющие Гиндукуш, стр. 119—120; М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир, Ташкент, 1927, стр. 66—67.

[106] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 163—165.

[107] О порядке наблюдения см. М. Р. Рахимов. Земледелие..., стр. 158—160,

[108] Подробнее см. там же, стр. 161—162.

[109] Сообщение бывшего директора совхоза «Гарм» Косима Зиёева.

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

[1] М. С. Андреев. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. В кн. «По Таджикистану», Ташкент, 1927, стр. 22—23; его же. Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева Пятница. Диwи Сафид, там же, стр. 75; его же. По этнографии таджиков. Некоторые све-

дения. В кн. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 168; его же. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, Ташкент, 1928, стр. 10; П. Баранов и И. Райкова. Дарваз и его культурная растительность. Изв. О-ва для изуч. Таджикистана и иранск. народн. за его пределами, т. 1, Ташкент, 1928, стр. 29—30; И. И. Бездека. Месторождения полезных ископаемых Таджикской республики. В кн. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 251—253; П. А. Васильев. Таджикистан. Экономико-географическое описание, Душанбе, 1947, стр. 73; Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, Душанбе, 1954, стр. 119—120; Н. Г. Маллицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана, Ташкент—Самарканд, 1929, стр. 109; Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана. В кн. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 220, 221, 225; П. Н Лукницкий. Таджикистан, М., 1951, стр. 302—309; Советский Таджикистан (Очерки по экономической географии), Душанбе, 1950, стр. 66.

[2] М. С. Андреев. К материалу по среднеазиатской керамике, Ташкент, 1926; его же. Выработка железа в долине Ванча, Ташкент, 1926; его же. Таджики долины Хуф, вып. II, Душанбе, 1958, стр. 180—215 и 345—380; Е. М. Пещерева Гончарное производство у горных таджиков. Изв. Средаз. ГО, т. 19, Ташкент, 1929; ее же. Поездка к горным таджикам, КСИЭ. АН СССР, т. 3, М.—Л., 1947; ее же Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959.

[3] К. А. Абрамов. Записка о Каратигенском владении, составленная по расспросам. Изв. РГО, т. 6, отд. 2, 1870, стр. 106—110; Г. А. Арандаренко. Каратегин (по расспросным сведениям). Воен. сб., 1878, № 5; А. А. Бобринской. Орнамент горных таджиков Дарваза, М., 1900; Борнс. Путешествие в Бухару, т. 3, М., 1849; Н. Бронников. Через Алай и Каратегин, «Окраина», 1898, № 50, 51, 56; Васильев, кап. Краткое статистическое описание Каратегина, Сб. мат-лов по Азии, 1888, т. 33; М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства. Изв. РГО, 1916, т. 52; Б. А. Громбчевский. Доклад о путешествии в 1889—1890 гг. Изв. РГО, т. 27, вып. 2, 1891; П. Е. Косяков. Путевые заметки по Каратегину и Дарвазу в 1882 г. Изв. РГО, т. 20, вып. 6, 1884; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, М., 1911, стр. 226; И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 г.), СПб., 1879, стр. 197, 198, 200, 235—236; В. Ф. Новицкий. Поездка в хребет Петра Великого летом 1903 г. Изв. РГО, т. II, вып. 1—2, 1904, стр. 9—10; В. Ф. Ошанин, Каратегин и Дарваз. Изв. РГО, т. 17, вып. 1; его же. Письма, «Туркест. ведом.», 1878, № 36, 38, 39, 41; Н. Н. Покотило. Путешествие в центральную и восточную Бухару в 1886 г. Изв. РГО, т. 25, вып. 6,. 1889, стр. 480—502; А. А. Семенов. Два слова о ковке среднеазиатского оружия, «Живая старина», 1909, вып. 2—3, стр. 153—155; E. Shuyler. Turkistan, notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja, London, 1876, t. I, p. 311; А. Шишов. Таджики, Ташкент, 1910, стр. 199—214.

[4] В. И. Масальский. Туркестанский край СПб., 1913, стр. 525—536; А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903; А. Е. Снесарев. Восточная Бухара, СПб., 1906; Н. А. Кирпичников. Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области. Справочная книжка Самарк. обл. на 1897 г. Самарканд, 1897, стр. 110—162.

[5] Предварительные публикации см. Н. Н. Ершов. Ремесла таджиков Дарваза. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 10—11, 1956; его же. Ремесла таджиков Каратегина и Дарваза, там же, вып. 1(36), 1964.

[6] У Н. А. Кирпичникова имеются изображения трех видов наковальни, каждый из которых на нижнем конце имеет острый шип, по-видимому, вбиваемый в чурбан, на котором укрепляется наковальня. В Каратегине такого типа наковальни нам не встретилось (Краткий очерк некоторых туземных промыслов, см. таблицу схематических чертежей).

[7] Схематический рисунок такой дрели приведен в работе Н. А. Кирпичникова.

[8] Об изготовлении форм см. Н. А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 123.

[9] В качестве строгающего орудия топоры у таджиков не применяются.

[10] См., например, В. Ф. Ошанин. Письмо из Гарма, «Туркест. ведом.», 1878, № 39; А. Е. Снесарев. Восточная Бухара, стр. 79.

[11] О Калаи-Хумбе как о центре, славящемся искусными изделиями своих кузнецов, см. Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерки припамирских стран, Изв. РГО, 1886, т. 22, вып. 2, стр. 104.

[12] Г. А. Арандаренко. Каратегин, стр. 117.

[13] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 89.

[14] Сообщено автору в 1955 г. жителем Гарма Назриходжой Абдуджабаровым, 82 лет.

[15] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 89.

[16] А. Борнс. Путешествие в Бухару, III, стр. 297.

[17] М. С. Андреев. Выработка железа в долине Ванча.

[18] Советский Таджикистан (очерки по эконом. географии), стр. 66.

[19] Ср. рушанское *қурч* — название лучшего сорта железа. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 187.

[20] И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, стр. 197.

[21] Так, например, кузнецу в к. Каланак (Гармский район) Усто Махмуду в вознаграждение за его работу до революции был отдан в пользование участок общинной земли—*замини халқ* площадью приблизительно 5—6 ман (около 4 га), который общество вспахивало и засевало, созывая помочь, но семена давал сам кузнец Махмуд. Жали этот посев тоже обществом. Урожай с этого участка земли был освобожден от налога ушр.

[22] В Каратегине по Сурхобу выше Оби-Гарма и вплоть до Джиргаталя ман равнялся примерно 4 пудам.

[23] Считали на табақи савдо—блюдо для торговли, которое вмещало три средних по величине тюбетейки — *се тоқии миёна, на лумб, на майда*, т. е. около 4 кг зерна. Блюдо это имелось в каждом кишлаке и имело отметку. Называлось оно также и *табақи шаръй* (шариатское блюдо) и *табақи раисй* (раисово блюдо). См. об этом также статью М. Р. Рахимова. Меры сыпучих тел у таджиков бассейна р. Хингов. Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII, Душанбе, 1953, стр. 197—203.

[24] О мерах сыпучих тел блюдами подробно сказано у М. Рахимова в работе «Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период», Душанбе, 1957, стр. 170—174.

[25] Рассказов о таких случаях «сглаза» очень много. Так, например, в с. Копали в Каратегине был кузнец, по имени Гадо, у которого «от сглаза» распухли икры ног и «лопнули», и через год этот мастер умер.

[26] Н. А. Кирпичников. Ук. соч., стр. 126.

[27] Несколько хозяйств из к. Равноу переселилось в к. Калаи-Хусайн в долине р. Хингоу.

[28] Поэтому описания их мы не даем, тем более что оно сделано довольно подробно в указанной нами выше работе Н. А. Кирпичникова.

[29] Точно такой же подъем кустарного производства тканей происходил в первые годы революции в Гиссаре, когда там вследствие прекращения завоза из России текстильных изделий получили развитие хлопководство и производство местных хлопчатобумажных и шелковых материй.

[30] М. А. Варыгин, например, пишет, что в Кулябе перед революцией было до 50 лавок, торговавших «красным товаром» (Опыт описания Кулябского бекства, стр. 775—776). В Каратегине в 1896 г. также было много лавок, где можно было купить «прежде всего московскую мануфактуру» (В. И. Липский. Горная Бухара, СПб., 1902, т. 1, стр. 106).

[31] М. С. Андреев. Среднеазиатская версия Золушки, Св. Параскева Пятница, Див-и Сафид, стр. 75.

[32] В 1955 г. осведомительнице Би Рахмоне Давлятовой было, по ее словам, 72 года, а замуж она была выдана 12 лет от роду.

[33] А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 57.

[34] Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, под ред. Б. Карпа. Среднеаз. гос. плановая комиссия, Душанбе — Ташкент, 1930, стр. 180 и 246.

[35] И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, стр. 236.

[36] Хлопок и шерсть на базарах в Каратегине взвешивали тогда, по сведениям наших осведомителей, считая на *нимхурд*, причем 1 нимхурд равнялся 8 фунтам. По сведениям Н. П-ва (Весы и меры в Средней Азии, «Турк. Ведомости», 1874, № 33), единица веса, называемая нимхурд, в Коканде равнялась 50 *пайса*, а 200 пайса равнялись 1 *чакса*, а 2 чакса были равны 22 ½ фунта. Значит, нимхурд в Коканде был равен примерно 2,8 фунта (а не 2,6, как указывает автор). В Ходженте нимхурд был равен 10 пайсам, а 40 пайса равнялись 1 чакса. 1 чакса составляла примерно 1 кг. Таким образом, нимхурд равнялся в Ходженте четверти килограмма, т. е. 250 г, а пайса — 25 г, или полвосьмушки фунта. В Ура-Тюбе нимхурд равнялся четверти—*чорек*, а чорек составлял 10 фунтов. Таким образом, нимхурд должен был равняться там 2½ фунтам, или 1 кг. В то же время автор пишет, что 4 нимхурда составляли 1 чорек, 2 чорека—*нимсер*, а 30 *сер* составляли 12 пудов, т. е. иначе говоря, если будем считать от этих 12 пудов по нисходящей, то нимхурд получится равным 1 фунту В Самарканде единицы веса, называвшейся нимхурд, указанный автор не приводит. В результате выходит, что нимхурд был равен: в Коканде — 2,8 фунта, в Ходженте — ⅝ фунта, или 250 г, в Ура-Тюбе — 2,5 фунта или 1 фунту.

Данные по Ходженту сходятся с данными, полученными нами в 1951—1953 гг. от осведомителей в большом селении Кыстакоз, б. Ходжентского уезда.

В к. Рохати (верховья Кафирнигана), по собранным нами сведениям, нимхурд равнялся 32 фунтам — *қадок*, а в к. Зыгар (Нижний Дарваз) нимхурд равнялся *32 санг*, а санг был равен 12 *қадок*, т. е. нимхурд составлял 384 кадок или фунта, т. е. почти 10 пудов (9 пудов 24 фунта). Из сказанного следует, что каратегинский

нимхурд, равный 8 фунтам является для нас новой единицей, что требует тщательной проверки.

[37] М. С. Андреев. Среднеазиатская версия Золушки. Св. Параскева Пятница. Диwи Сафид, стр. 75—76.

[38] Там же, стр. 69—70.

[39] А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 57—58.

[40] Там же, стр. 57.

[41] Своей формой они действительно напоминают клинок меча, или, скорее, широкой сабли.

[42] См. К. Маркс. Капитал, 1, Госполитиздат, 1950, стр. 347.

[43] По Ю. С. Григорьеву (См. его «Определитель растений окрестностей Душанбе», М.—Л., 1953, стр. 117) — это Delphinium semibarbatum Bienert.

[44] Особенно ценилась и шла на халаты привозившаяся оттуда кубовая алоча, крашенная индиго и называвшаяся *алочаи нилӣ*, но она была доступна лишь более состоятельным людям.

[45] Этот способ окрашивания описан у А. А. Семенова. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 58.

[46] Термином *бат* у припамирских таджиков—жителей долины Хуф называется сладкий мучной кисель, который варят в качестве ритуального блюда на Новый год — в дни весеннего равноденствия. См. М. А. Андреев. Таджики долины Хуф. вып. II, стр. 168 и 332.

[47] Хранится в фондах института под № КП 156—182.

[48] Хранится там же под № КП 273—283.

[49] В Каратегине тенга была двух родов: *тангаи николай*—тенга николаевская в 20 копеек, или *тангаи чормиригӣ*, т. е. состоящая из *4 мирӣ*, (мири — 5 копеек), и *тангаи бухорӣ* или *тангаи семиригӣ* — тенга бухарская из 3 *мирӣ*, 15 копеек.

[50] Выделка сукна рагза была распространена весьма широко. Его можно было встретить и в Ура-Тюбе, на севере Таджикистана, и в Панджшире, в Афганистане, где процесс валяния наблюдал покойный М. С. Андреев (По этнологии Афганистана, Ташкент, 1927, стр. 28—29).

[51] Женский гончарный промысел в к. Сари-Шухон был в 1946 г. обследован и описан Е. М. Пещеревой. Гончарное производство Средней Азии, стр. 13, 18 и сл.

[52] Об этом же упоминает и Е. М. Пещерева в своей статье «Гончарное производство у горных таджиков». Изв. Среднеазиатск. геогр. об-ва, т. 19, 1929, стр. 26.

[53] Там же. Однако нужно сказать, что в Шугнане до недавнего прошлого существовало свое производство глиняной посуды без гончарного круга. Так, например, в Поршневе, в к. Кушк, в 1960 г. нам приходилось видеть большие кувшины для пахтанья масла — *пағнидз*, большие кувшины для воды и хранения продуктов—*висерн* и другие виды глиняной посуды.

[54] По сообщениям информаторов, в к. Джафр было двое гончаров-мужчин, один из которых, по имени Тоир, *худаш тартиби зан мегашт*—«вел себя как женщина». Это единственный известный нам случай существования в Каратегине гончаров-мужчин.

[55] В к. Каланак, Гармского района, в к. Яхч, Комсомолабадского района, песок добавляли в уже замешенную глину.

[56] От *далидасанг* — зернотерка, камень для растирания зерен для получения крупы — *далида*.

[57] См. Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 22 и 34.

[58] К сожалению, в к. Висхарв нашей экспедиции бывать не пришлось.

[59] См. Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 92—97. А. К. Писарчик. Антропоморфные черты в керамических сосудах верховьев Пянджа. Сообщ. ТФАН СССР, вып. VI, 1948, стр. 48—51.

[60] Гончарное производство, стр. 100. Нужно сказать, что этот сосуд носит несколько индивидуальный характер, так как был сделан мастерицей по специальному заказу для хранения вина, однако, с другой стороны, он был сделан по образцу старых сосудов, тоже называвшихся *хумча*.

[61] Слово *гилобча* состоит из *гил* — глина, *об* — вода и уменьшительный суффикс — *ча*.

[62] В группе кишлаков на правом берегу р. Сорбух, в местности, называемой Рун-Варзгун, и в к. Камароу, в ущелье одноименной реки, раньше выделывалась орнаментированная, вероятно налепами, керамика. Сейчас эти кишлаки выселились на равнину.

[63] В Каратегине их называют *шики намак*.

[64] То же делалось и в Ягнобе (см. Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 123). Однако в к. Тегирми, наоборот, считали, что если в кучу обжигаемой посуды бросить помет собаки, то все кувшины спекутся и сольются при обжиге, и рассказывали, что этим некоторые пользовались, чтобы досадить хозяйке посуды.

[65] Е. М. Пещерева (Гончарное производство Средней Азии, стр. 41) для обозначения женщины, складывающей посуду для обжига, приводит термин *пуррез*.

[66] Вероятно опасались, чтобы не было разницы температуры.

[67] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 126.

[68] Там же, стр. 43.

[69] В некоторых районах Таджикистана этот же сосуд называется еще и *обдаста*.

[70] В равнинных районах подобные сосуды делаются из металла, чаще медные, а за последнее время также жестяные, и называются *дастшуй*.

[71] *Чарх* — колесо, *дег* — котел. В Каратегине называется *чағдег* или *чаҳдег*.

[72] Сходный светильник бытовал и у белуджей (экземпляр его имеется в МАЭ под № 3993—196), он называется *кулука* (рис. 54, 7). Светильник украшен орнаментом в виде точек и в одном месте в виде стилизованной фигуры человека; верхний край светильника украшен тремя маленькими выступами. Он изготовлен белуджскими женщинами из глины, смешанной с измельченной соломой.

Как нам представляется, три шишечки на верхнем крае этого светильника не яьляются украшением, а сделаны, скорее всего, для того, чтобы на него можно было ставить какой-то сосуд и чтобы между сосудом и краями светильника оставалось бы пространство для прохода воздуха, и светильник, таким образом, не затухал бы.

Вероятно, в сосуде либо разогревали пищу, либо кипятили воду, т. е., говоря другими словами, светильник выполнял также и функции переносного очага.

Несомненно, что как тот, так и другой светильник использовались и в качестве жаровни для обогревания того помещения, в котором они ставились.

[73] В Каратегине старшую мастерицу ее товарки зовут также *пир* (Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, стр. 118).

[74] Терминов *наччор* и *дуредгар*, бытующих в северных районах республики, в Каратегине и Дарвазе нами не отмечено.

[75] Например, Рахматов Калима, житель к. Егид, в основном занимается кузнечным делом, но, кроме того, выделывает деревянные предметы, в том числе музыкальные инструменты. Мастер Маннон Гафуров, житель к. Шуль, Гармского района, рассказывая свою биографию, сообщил, что его отец был одновременно и плотником — *иморатчй* и штукатуром—*шивогчй*, или *андовагар*, и деревообделочником — *чубтарош*, а сам осведомитель, т. е. Маннон Гафуров, переняв от отца эти специальности добавил к ним еще одну — изготовление деревянных башмаков.

[76] Очень коротко об этом писал еще А. А. Бобринской (Орнамент горных таджиков Дарваза, стр. 11).

[77] О центре производства деревянных изделий в Дарвазе упоминают А. А. Семенов (Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 40) и Ю. И. Пославский (Экономический очерк Таджикистана. В кн.: «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 221).

[78] Об обычае ремесленников-таджиков гончаров Риштана ходить на заработки в другие места, как об одной из интересных сторон их быта, писал М. С. Андреев (К материалу по среднеазиатской керамике, стр. 7).

[79] По бытующим среди населения к. Пшихарв преданиям, деревообделочный промысел был впервые начат там предком ныне живущего старого мастера Шаша. Этого предка звали Нурмахмад. Он будто бы был родом из местечка *Шайхҳои хазрати Баҳоваддин* около Бухары и за какую-то провинность был изгнан оттуда, приехал в Дарваз и обосновался в Пшихарве. Когда это было, осведомители не могли сказать.

[80] Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана, стр. 220.

[81] Такой же способ насаживания тесла на ручку существует и у припамирских таджиков. См. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. вып. II, стр. 47—49,

[82] В Хуфе такого же устройства рубанок называется *дасранд*. См. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 188.

[83] Название *зэрэнд* зафиксировано нами только в Дарвазе на Пяндже. В Хуфе такие ножи называются *зиддув* (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 189 и 192).

[84] В Хуфе сверло приводит в движение второй человек посредством ремня, обвитого вокруг ручки сверла. См. М С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 193.

[85] У такого станка, приобретенного нами в к. Шкев, Калаи-Хумбского района. основание сделано из расколотого вдоль пополам круглого чурбана; размер основания 50×18 см.

[86] См. А. К. Писарчик. Примечания и дополнения.., стр. 364.

[87] Букв. «рот дяди» (со стороны отца); в этом названии заключается насмешка над дядей со стороны отца, имеющим «большой рот», т. е. жадным на еду.

[88] Древесина каркаса у местных жителей считается обладающей магическим свойством оберегать человека от сглаза, болезней и несчастий. Поэтому все изделия из этого дерева ценятся больше, чем такие же вещи, сделанные из другой породы де-

рева. Из древесины каркаса в Дарвазе делались специальные амулеты-обереги от сглаза, называющиеся *чуби тут*, т. е. «деревяшка из туга» (рис. 60, *5* и *6*). Такое же отношение к дереву *тут*, наблюдается и у припамирских таджиков (см. М. А. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I, стр. 68, текст и прим.; вып. II, стр. 307, 418).

Интересно заметить, что в Ленинабадском районе нам приходилось встречать в 1950—1953 гг. амулеты в форме круглых бусин различной величины, выточенных из боярышника.

[89] От тадж. *кафк*, *каф* — пена и *лес* — слизывающий лижущий (основа глагола *лесидан* — лизать, слизывать).

[90] Ср. с такими же ложечками в Припамирье (А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 357, рис. 69, *4*).

[91] Деревянные ложки для супа в районах Гармской группы, как, впрочем, и вообще у таджиков, выделываются своеобразной формы: хлебальная часть ложки делается удлиненной формы, причем один конец ее делается острый со срезанным концом, а второй — довольно широкий и закругленный. Черенок ложки режется чаще вместе с самой ложкой из одного куска дерева (реже вытесывается отдельно и потом концом вставляется в специальный паз, вырезанный на тыльной стороне ложки). Сама лопасть ложки, ее хлебальная часть, режется или насаживается своей продольной частью перпендикулярно к ручке. Такие же ложки бытуют и у припамирских таджиков (см. А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 357).

[92] Первое значение таджикского слова *киштӣ* — корабль, лодка. Кроме того, оно имеет также значение «посудина для питья», род пиалы.

[93] Такие же деревянные замки устраивались и в селениях северных районов Таджикистана, где они назывались *лукидон*. Они бытуют до сих пор у припамирских таджиков, причем, в долине Хуф, например, они называются *лук-ат парзинц* (см. А. К. Писарчик. Примечания и дополнения..., стр. 358—363).

[94] См. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 89.

[95] В. И. Ленин. Соч., т. 3, 1958, стр. 328.

[96] Там же, стр. 329.

[97] Там же, стр. 332.

[98] Там же, стр. 332, примечание.

ОХОТА

[1] Н. Кисляков. Бурх — горный козел, «Сов. этногр.», 1934, № 1—2, стр. 181—189 (в дальнейшем цитируется «Бурх — горный козел»); его же. Охота таджиков долины р. Хингоу в быту и в фольклоре. «Сов. этногр.», 1937, № 4, стр. 104—119.

[2] К. А. Абрамов. Записка о Каратигенском владении, составленная по расспросам. Изв. РГО, т. 6, отд. 2, 1870, стр. 106—110; Г. А. Арандаренко. Каратегин, Воен. сб., 1878, № 5, стр. 120, 124; Сеттер в Центральной Азии, «Природа и охота», 1878, № 12, стр. 228—229.

[3] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, Душанбе, 1958. В книге впервые подробно описывается снаряжение охотника, некоторые приемы охоты, представления и легенды, связанные с различными животными.

[4] А. В. Попов. Орудия и приемы промыслового лова кеклика. Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 8, 1956

[5] М. История развития охоты с ружьем и удочкою в Туркестанском крае, «Окраина», 1890, № 191, 192; Охота у туземцев Туркестанского края, «Кавказ», 1891, № 203; В. Бурмакин. Очерк охоты в окрестностях города Нового Маргелана Ферганской области, «Природа и охота», М., 1894, № 1, стр. 28—44; Несколько слов о покровителях животных в Азии, «Окраина», 1900, № 115, М. Угрюмов. Весна в Бухаре, охота в пределах Бухарского ханства, «Природа и охота», 1905, кн. первая, стр. 6—24; В. Мартов. Очерки охоты в Туркестанском крае, «Наша охота», 1910, № 3, стр. 78—82; Охота туземцев на горных куропаток, «Туркестанский курьер», 1911, № 166; В. И. Масальский. Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 524; Н. А. Зарудный. Краткий очерк охотничьего промысла в Сыр-Дарьинской области, «Туркестанский охотник», 1924, № 2, стр. 3—11; Н. Корабицын. Наставление («рисоля») при стрельбе из ружья, «Туркестанский охотник», 1924, № 9—12, стр. 18—19; Скоробогатов. Туркестанская охота, «Туркестанский охотник», 1924, № 1—4, стр. 5—12.

[6] Ф. Жуков. Охота в Туркестанском крае, «Туркест. ведом.», 1873, № 17; С. Ваилярский. Оригинальный способ ловли перепелов, «Природа и охота», № 5. 1887; Наливкин. Особенности охоты у туземцев Туркестанского края, «Природа и охота», № 6, 1891.

[7] В Дарвазе бытовала среди народа такая поговорка:

Бедавлатит воист — шикор кән,
Де(х)конит воист — шудгор кән.
Муллоит воист — такрор кән.

Если тебе нравится бедность (т. е. если ты содружился с бедностью), занимайся охотой.
Если тебе нравится крестьянство, занимайся пахотой земли.
Если тебе нравится быть муллой, занимайся повторением (упражнением).

[8] Сообщение Собирова Сатира, 1875 года рождения, к. Деи-Та; Акобирова Хакназара, 1894 года рождения, к. Юс.

[9] Н. Кисляков. Бурх—горный козел, стр. 181—189.

[10] Св. Давид считался покровителем и кузнецов (см. выше главу «Домашние промыслы и ремесла»).

[11] Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины р. Хингоу, стр. 110.

[12] В Хуфе считается, что если у убитой самки волка вырезать половой орган и сделать из него амулет, то обладателя его будут очень любить женщины (М. С. Андреев. Гаджики долины Хуф, вып. II, стр. 227).

[13] Охота являлась занятием только мужчин; женщины даже в быту не имели права «проливать кровь».

[14] Охотничье снаряжение таджиков Каратегина и Дарваза во многом сходно с припамирскими таджиками, Ср. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 216—222.

[15] О путях проникновения огнестрельного оружия в Среднюю Азию интересные сведения приводятся М. С. Андреевым (Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 229—230).

[16] При описании охотничьего снаряжения частично использованы материалы, собранные Н. Н. Ершовым.

[17] Аналогичным способом приготавливали порох таджики долины Хуф (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 229—230).

[18] И. И. Зарубин. Обувь горных таджиков долины Бартанга, Сб. МАЭ, III, СПб., 1916, стр. 89—92; Н. А Кисляков. Охота таджиков долины Хингоу, стр. 107; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 216.

[19] В долине Зеравшана (Матча)—*шикори кумак* (охота с помощью), в долине Хуф — *қабалжив* (М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 222).

[20] Н. Кисляков. Бурх—горный козел, стр. 185—186.

[21] В. Наливкин (Особености охоты у туземцев Туркестанского края) приводит место из корана, где говорится, что дрессированной собакой считается та, которая взяла три раза добычу и не съела ее. Такая собака, как и сокол, должна нанести своей добыче кровоточащую рану. В случае, если животное или птица умирает не от укуса, а от удара тупым орудием, мясо его считается непригодным в пищу.

Охота на горного козла с собакой *саги шикорй — шикори тозй* особенно была распространена среди таджиков Зеравшанской долины. Собак специально дрессировали: охотник водил молодую собаку с собой на охоту; когда резал козла, кормил ее кровью, а иногда хлебом и сахаром, намоченным в крови. Собака, которая ловила козла и не раздирала его, считалась «мастером» — *саги усто*. Обычно если собака первые три раза не раздирала добычу, то и в дальнейшем этого не делала (сообщение Абдулло Маликова, 1895 года рождения, к. Рог, б. Матчинского района, 1958).

[22] Сообщ. Курбанова Хусайна, 1887 год рождения, к. Джиргаталь, 1953 г.

[23] Н. А. Кисляков. Бурх—горный козел, стр. 185—186.

[24] Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины р. Хингоу—в быту и фольклоре. «Сов. этногр.», 1937, № 4, стр. 107—109.

[25] Один из таких случаев в верховьях р. Хингоу описывает Н. А. Кисляков, который был его непосредственным свидетелем.

[26] Сообщение Бобиева Зайниддина, 1877 год рожд., к. Нушор (1953 г.).

[27] Аналогичный способ охоты имел место и в Язгулеме. См. Н. А. Кисляков. Язгулемцы, Изв. ВГО, т. 80, вып. 1, М.—Л., 1948, стр. 367.

[28] Ср. А. К. Писарчик. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г., Изв. ТФАН СССР, № 15, Душанбе, 1949, стр. 89. Об отношении к мясу дикой козы у припамирцев см. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. I, Душанбе, 1953, стр. 49 (Тр. АН Тадж. ССР, т. 7).

[29] Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины р. Хингоу, стр. 114—115.

[30] Сообщение Сафарова Насрулло, 1904 год рождения, к. Ляхш, Джиргатальского района, 1953 г.

[31] Н. А. Кисляков. Бурх—горный козел, стр. 184—186.

[32] С этим же культом, несомненно, связаны и наскальные изображения козлов, которым посвящена большая литература: А. Н. Дальский. Наскальные изображения в бассейне реки Заравшана, МИА, М.—Л., 1950, № 15, стр. 232—240 и таблицы

101—106; А. В. Гурский. Наскальные рисунки в Горно-Бадахшанской автономной области, Докл. АН Тадж. ССР, 1952, вып. 3, стр. 33—37; А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш, «Сов. этногр.», 1952, № 2, стр. 50—68; О. Е. Агаханянц. Наскальные рисунки в Язгулеме. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 14, 1957, стр. 71—78; А. Е Маджи. Наскальные рисунки в горах Могол-тау, там же, вып. 14, 1957, стр. 79—86; А. М. Мандельштам. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верхнего Зеравшана. Тр. АН Тадж. ССР, т. 42, Душанбе, 1956, стр. 195—201; В. А. Раков. Наскальные изображения у кишлака Наматгут. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 14, 1957, стр. 67—70 и др.

[33] Н. А. Кисляков. Бурх—горный козел, стр. 186.

[34] М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира, Ташкент, 1928, стр. 9—10.

[35] Н. А. Кисляков. Бурх—горный козел, 187.

[36] Аналогичный вариант охоты на мелких животных и птиц бытовал и среди припамирских таджиков. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, стр. 224—225.

[37] Г. А. Арандаренко. Каратегин. Воен. сб., 1878, № 5, стр. 120.

[38] В. Наливкин сообщает, что население Туркестана использовало как амулет не только когти медведя, но и когти тигра, барса, почти всех хищных птиц и перья филина (Особенности охоты у туземцев Туркестанского края, стр. 60—81).

[39] К. А. Абрамов (Записка о Каратигенском владении, стр. 109) сообщает, что «шкурка куницы продается на гисарском базаре за 40—60 коп., а выдра—за 1 рубль и 1 р. 20 коп.».

[40] Сообщение Н. Н. Ершова (1956). Ришта—червь-волосатик, попадающий в организм вместе с водой

[41] Н. А. Кисляков. Охота таджиков..., стр. 105; Об охоте с соколами на равнинах Туркестана, в частности у киргизов, см. напр. Я. Полферов. Из Тургайской степи, «Природа и охота», 1894, № 11, стр. 57—62.

[42] А. В. Попов. Орудия и приемы промыслового лова кеклика.

[43] См. также В. Гиппенрейтер. Любопытные кеклики. «Вокруг света», 1958, № 3, стр. 32.

[44] Сообщение М. Р. Рахимова, 1953. Ловля перепелов широко распространена и в других местностях Средней Азии, особенно на равнине. О некоторых интересных способах подробно сообщается в литературе: В. Наливкин. Особенности охоты у туземцев Туркестанского края, стр. 76—77; С. Ванлярский. Оригинальный способ ловли перепелов; «Природа и охота», 1887, № 5; Ф. Жуков. Охота в Туркестанском крае, «Туркест. ведом.», 1873, № 17.

[45] Записи от Гадоева Расо, год рождения 1887, жителя к Егид, Калаи-Хумбского района.

[46] Записи от Латипова Кадима, 1887 года рождения, жителя к. Фатхобод.

[47] Определить его не удалось.

[48] Сообщение Н. Н. Ершова.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ*

Аблакуб (аблакуw//аблакув, П., Ш. аблакӯw) 141
Авьёк (авьёг) 149
Аз хок баромадан 128
Аил (айил) 32, 212
Айлоқ 106, 165
Айлоқи қирғиз 103
Аланазарӣ 293
Алифтор 225, 226, 228
Аловга 76
Аловзан, аловзанӣ 294, 296
Алоухона (алоwхуна) 14, 17, 20, 38, 40, 41, 98, 210, 260, 299
Алоча 112, 225, 226, 228, 328
Алочаи нилӣ 328
Алоша 222
Алғов 68, 322
Амал 35
Амалдор 35, 36, 41
Амбортапун 147
Амлок 14, 15, 35—37
Амлокдор 17, 36, 37, 38
Амрут 148
Амуд 191
Анбур (амбыр) 202, 203
Ангет 207
Ангур (П., Ш. ангӯр) 73, 148
Ангури сафед 322
Андовагар 329
Анор 148
Анҷир 148
Анҷиршафтолу 149
Арбоб 36, 38, 87
Арвоҳи пирон (арвоhи пиро) 210
Арзан (арзын; Д. арзы) 111
Ароба 134
Арраи дастӣ (ъарраи дыстӣ) 261
Аррадос (ъаррадос, П., Ш. харрадос// hаррадос) 124, 131
Арраи пой 261
Арраи шона 262
Арус 73
Арча 207
Асад 181, 187, 188, 193
Асно-ашаρия 71
Асо-ханҷар (ъасо-ханҷар; П., Ш. hасо-ханҷар) 207
Асп 175, 182
Аспак 254
Аспи обӣ (аспи owӣ) 84
Атола 149, 180
Атолаи зардолугӣ (Д. атолаи залолӣ) 149
Атолаи ҷугорӣ (атолаи ҷыгорӣ) 163
Афт см. хафт
Афтоба (афтова) 234, 238, 240, 245, 246, 248
Афтобаи обрез 238
Афтобача 246
Афтобпараст 236
Афтобпарасти вадумчук 252
Ашаглон 125, 126
Аштарак 294
Акраб 187, 188
Аҷина 292, 293

Базгӣ//базмгӣ 92
Базм 92
Байтал 175
Банд 123
Бандбурӣ (бандбырӣ) 123
Бандгоҳ 81
Бандина 76
Бандӣ 131
Бандчак 131

---

* По техническим причинам знак ə в указателях передается через ы.

Поскольку наибольшие отклонения в фонетике имеются в Припянджском Дарвазе — в Порьёве и Шикае, формы, характерные для этих районов, даются с пометками П.— Порьёв и Ш.— Шикай. См. раздел «Язык таджиков Каратегина и Дарваза», стр. 72 и сл.

Указатели составлены под руководством и под редакцией Р. Л. Неменовой и А. К. Писарчик. Консультации давали И. Мухиддинов, З. Вахидов, М. Рахимов.

Слова в указателе расположены в порядке букв таджикского алфавита: а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, э, ю, я, ғ, қ, ҳ, ъ.

Банчак 123
Баргак 266
Баргрез 193
Барзагов 175
Барзагови ахта кардагӣ 175
Барзагови корӣ 175
Барма 134
Бармол 197
Барра 175, 181
Барраи модда 175
Барраи нар 175
Бару бозу (бары бози) 184, 186
Бастани миёни чошт 146
Бат 328
Батикунӣ (батикынӣ) 225
Бахосият (вахосият) 293
Бақар 182
Баҳорӣ (быхорӣ) 113
Бебаракат 173
Бед 279
Беда 162
Бедапая 163
Бедона (бедуна, Д. ведуна) 149, 191
Бедонаи сурхак (ведунаи сырхак) 149
Беза 135, 136
Бек (бег) 14, 35—38
Бели обдихӣ 124
Бели ғешкан 124
Белча 198, 200
Бибии элич 323
Бидона тут 322
Биёраки кунда (биёраки кында) 268
Биникаш (быникаш) 134
Бинияки қушкорак (бынияки қышкорак) 134
Бича 175
Бихӣ 148
Боба//быба 92
Бобаракат (Д. вабаракат) 147, 173
Бодбарак 279
Бодгарун 145
Бодкунӣ (бодкынӣ)
Бодомча (бодумча) 208
Бодринг 112
Бодчуб (бодчуw; П., Ш. бодчӯw, бодчӯw) 142
Болиштак (болыштак) 134, 135
Болиқа 202, 203, 265
Болои хок баромадан 128
Бомкуб (бынгкуw, П., Ш. бынгкӯw) 232
Бомуштик 133
Бонку (бынкуw, бынгкуw) 232
Борикӣ 225, 227
Борсанг 223
Бофтани заминакӣ (зыминакӣ) 229
Боша 303
Бошашикор (бошашыкор) 303
Бокло 111
Боқу хироқ 105
Бригадаи каландиҳо//каландчиҳо (кыландчиё) 109
Бувак 75
Буданашикор (буданашыкор) 305
Буз (быз) 175, 181, 291
Буздуш (быздуш) 245, 246, 250
Бузи ангорӣ 155
Бузи қойдорӣ 155
Бузкаш (бызкаш) 245
Бузкашӣ (бызкашӣ) 69, 228
Бузкуш 189
Бузму (бызму; П., Ш. бызмӯ) 233
Бузург (бызырг) 150, 300
Бузғола (бызғола) 175
Булул (былул) 198, 200
Булхут (былһыт) 175
Бун (бын) 233
Буноҳан (быноҳан) 297
Бурмоҳ 192, 193
Бурс 207
Буруқ (быруқ) 279
Бурқ (бырқ) 75
Бурқҳои осмонӣ 181
Бухор 185
Бухорӣ 149
Буғ 185
Буғузак (бығызак) 127, 128
Буқа (быка) 175
Буқаи зотӣ 175
Букача 175
Былогдун 285, 288
Быник (быник) 233
Бырев (бырыв) 276

Вазмаи гардон 296, 297
Варав, вараві 75
Варғ 123
Вафодор 182
Вахиочӣ (вахьёчӣ) 56, 57, 60, 61, 64, 98, 318
Ваъда//вада 76
Ваҳти чунбарории замин 130
Веб (weб) 75, 161
Вилоят 20
Висерн 328
Ворӣ 29
Вошкӣ 75
Вуч//вӯч (Д.) 75
Вырвак 75

Гавора см. гаҳвора
Гадик 155, 229
Газ 227—229
Газича 223, 229
Галагов 140, 141
Гандабар (от гандабахр) 163
Гандамоҳ 192
Гандум (гандым) 73, 111
Ганқур (П., Ш. ганқӯр) 147
Гардангардонак 233
Гарданӣ 303
Гардониданӣ 115
Гармсел 114
Гарова см. гаҳвора
Гашниз (Д.) 112
Гашнич (Д. гашниз) 112, 230
Гаҳвора (гавора, гарова) 250, 276, 285, 287
Гаҳворача 288
Гелос 148
Гил (гыл) 231, 232, 328
Гилича (гылича) 250
Гиличаи (гыличаи) вакун 248, 250
Гилӣ 248, 250
Гилӣ-ғыдора 246
Гилкор 89
Гилобча (гыловча) 328

Гилобчакунӣ (гыловчакынӣ) 237
Гиро 202, 203
Гис 161, 162
Гов 90, 175, 181
Говангур 322
Говдуша 250
Гови буғуз (быгыз) 175
Гови фар 171
Гови қисир 175
Говкаш 246, 250
Говришқа (говрышқа) 161, 162
Говрона (говруна) 140
Говхунукбарорӣ (говхыныкбырорӣ) 115
Гов-юғӣ 116
Говдумбол (говдымбол) 307
Гузар (гызар) 78, 105
Гул (гыл) кардан 127, 128
Гула (гыла) 223
Гулабанд (гылабанд) 223
Гулгардонӣ (гылгардунӣ) 188
Гулдун (гылдун) 269, 274
Гули аштак 252
Гули офтобпараст (гыли афтовпараст) 252
Гулмоҳӣ (гылмоҳӣ) 305
Гулоса 174
Гунҷишкбонӣ (Д. гындышквунӣ) 129
Гунҷишкҳайкунӣ (Д. гындышкҳайкынӣ) 129
Гург (гырг) 291
Гурдаи гов (П., Ш. гӯраи гов) 149
Гурз (П., Ш. гӯҙз) 277, 279
Гусола (гусала; П., Ш. гӯсала//гӯсала) 174, 181
Гусолаи мода 174
Гусолаи нар 174
Гуспанд (П., Ш. гӯспанд//гӯспанд) 175, 182
Гуспанди дарвозӣ 155
Гуспанди зотӣ 155
Гуспанди мода 175
Гуспанди узбакӣ (П., Ш. гӯспанди ӯзбакӣ) 155
Гуспанди қирғизӣ 155
Гуспанди ҳисорӣ (гуспанди һисорӣ) 155
Гуспанди ҷойдорӣ 155
Гушак (гушык; П., Ш. гӯшык) 303, 305
Гуши гургак (гуши гыргак, П., Ш. гӯши гыргак) 305
Гушик (гушык; П., Ш. гӯшык) 214, 250, 283
Гуштингирӣ (П., Ш. гӯштингирӣ) 69
Гуҳи бузак (гуи бызак) 233, 246
Гяз см. газ
Гылу 75
Гыргырак 233
Гырдоw ср. пыҙваз 75

Давлатободӣ 293
Дала 291, 302
Далв 181, 324
Далида (Д. даљя) 328
Далидасанг 328
Даљясанг (Д.) 328
Дами оҳангарӣ 198
Дамнайзаи саноч (сыноч) 198
Дангал 141
Дандоник (дандуник) 276
Дарав (дыраw) 128—130
Даравбарорӣ (дыраwбырорӣ) 120
Даравгар (дыраwгар) 130
Даравгарӣ (дыраwгарӣ) 130
Даравдозӣ (дыраwдозӣ) 130
Даравкун (дыраwкы) 130
Даравкунӣ (дыраwкынӣ) 130
Дарвозӣ 54
Даргов 85
Дарза 75, 161
Дарзаках 162
Дарзапоракунӣ (дарзапоракынӣ) 138
Дарзачошӣ 138
Дасҙанд (дысранд) 329
Даста (дыста) 118, 177, 245, 266, 268
Дастаи сехуруша (сехырыша) 252
Дастак (дыстак//дыстык) 220
Дастаки ҳаллоҷӣ 283
Дастархон (дастархун//дыстырхун) 150
Дастгид (дыстгир) 245, 246, 250
Дастгираки зей 266
Дастшуй (дыстшуй) 234, 329
Даф 285
Даштакӣ 318
Даҳан 186
Даҳана 123
Даҳани амак (П., Ш. ҳамак) 269, 302
Даҳани кафш 279
Даҳанпур (даанпыр) 293
Даҳанширин (дааншырин) 147
Дев (dew) 292, 300
Девлох (dewлох) 165
Девлохакӣ (dewлохакӣ) 165
Деволи ғав 122
Дег 329
Дегдони саргардон (дегдуни саргардун) 255, 256
Дегдончаи гарданак 255, 256
Декун (дыкун) 13
Дехкон (дыкун) 35
Дил (дыл) 184, 186
Дис 161
Дом (дум) 303
Дона гирифтан (дун гырифтан) 128
Дона (дун) бастан 127
Дорой 225
Дору (Д. дори) 297
Дос (дост) 128, 204
Досдозӣ 130
Доси калон (калун, калу) 131
Доси катта 131
Доси лумб (лымб) 131
Доси ғалла (каҳ) даравӣ 124, 131
Доскаш 130
Досранд(а) (досрында) 263, 264
Дости урусӣ 161
Досча 124, 131
Дубарга (дыбарга) 128
Дувоздаҳи(дывоздаи) кавги рав 189
Дувол 166
Дугаза(дыгаза) 294
Дугоник 181
Дудама(дыдама) 204, 205, 207
Дук (П., Ш. дӯк//дӯк) 218, 220

Дукак 191
Дуки чапакун (чапакын; чапакы) 220
Дуки чапатоб (чапатоw) 220
Дуки ҷавзрезӣ 218, 221
Дукони бофандагӣ (дыкуни бофындагӣ) 216, 221
Дукорд (дыкорд) 160, 204
Дулук (дулык; П., Ш. дӯлык) 240, 248, 250
Думбак (дымбак) 132, 133
Думбул (дымбыл) 127, 128
Думокия (дымокия) 226
Думравчубӣ 134
Думухра (дымура) 246, 252
Думчук 248
Дунан (дынан) 175
Дуоба (дыова) 123
Дураха (дыраха) 115
Дуредгар (дыредгар) 329
Дурушта (дырышта) 154, 163
Дурушткаҳ 162
Дусипора (дысыпора) 115
Дутабака (дытавака) 270, 279
Дутор (дытор) 276
Духтар 181
Духтари хона 243
Душох (дышох) 172
Дуғ (П., Ш. дӯг//дӯг) 166, 185
Дуғбат (П., Ш. дӯғбат) 169
Дуғдон (дуғдун; П., Ш. дӯғду) 167, 285
Дуғи чакка 167
Дуғкашӣ 166, 167
Дуғура (Ш. дығӯра) 246, 251
Дыглӣ (дыгылӣ) 234, 251

Ёлихарӣ 107
Ёнахшӣ 107
Ёнғоқ 101
Ёнғоқлик 101
Ёридиҳӣ 177
Ёхсучӣ 56, 61, 80, 319
Ёшов 164

Забони гургонро бастан 158
Загари тут 332
Замбила (П., Ш. замбӯла) 276, 297
Замин (зымин) 73
Замини бесоҳиб мондагӣ 208
Замини вақф 208
Замини мирӣ (зымини мирӣ) 38
Замини мобайнӣ 208
Замини омма 40
Замини умум 208
Замини халқ 208
Занбула см. замбула
Занҷабил 112
Занҷир 184
Занҷирадор 227
Занҷири дар 204
Заранг 218, 269, 270
Заргуш (П., Ш. заргӯш//гаргӯш) 182, 291
Зардак 112, 237
Зардангур 149
Зардбуқа 180
Зардолу (П., Ш. залоли) 148
Зардолуоб (П., Ш. залолиоw) 149
Зардолуқок (П., Ш. залоликок) 149
Зағер (зығыр) 111
Захрзанӣ 307
Зеб 236
Зей 216, 266
Зелол 223, 224
Зиддув 329
Зилзила 325
Зий см. зей
Зин 32, 320
Зиндадом (зиндадум) 303
Зиғалак (зығалак) 129, 304
Зиғарӣ (зығарӣ) 149
Зону (зони; П., Ш. зонӯ) 184, 186, 188
Зоғнул (П., Ш. зоғнӯл) 204
Зулқаъда (зулқаада) 181
Зулҳиҷҷа 181
Зырынд (зырынд) 265, 268, 329

Иди курбон 181
Иди шарифи рамазон 181
Иморатчӣ 329
Ирғай 216, 263, 297
Искана 134, 265, 268
Исканакуб (исканакуw) 135
Исканача 265
Исканачуб (исканачуw) 265
Исмоилья 71, 91
Испанд 147
Испарак 224
Испор 75, 117, 118
Ихлос 146

Кабг//кабк (кawг) 174, 291, 303
Кабгуша (кawгуша) 303
Кабгчуча (кawгчуча, кawчучык, П., Ш. кавгчӯча) 292
Кабутак 237
Кавича 246, 250
Кавки рав (кawги рав) 189
Кавлез см. кафлес
Кавши чубин (кавши чуwӣ; П., Ш. кawши чӯвӣ) 260, 276, 282
Кавшунсеб 149
Каду (П., Ш. кадӯ) 112
Ка(д)худо (кадхыдо) 299
Каждум 181
Калакча 238
Каланд (кыланд) 119, 124, 204
Каландзан (кыландзан) 119
Каландӣ (кыландӣ) 119
Калид, кали (кылид) 276
Калиди наварда (кылии ныварда) 222
Калила (кылила) 224
Калиғу(л) 276
Калмурғ (калмырғ) 174
Калоба (калова) 225
Калони(калуни) певозчиён 170
Калонтари хона (калунтари хуна) 173
Калп 305
Камалӣ 121
Камар 184—186, 294
Камар бастан 230
Камарбанд 294
Камарбандон (камарбандун) 211, 259
Камари чоштро бастан 146
Камару(камары) навруз 185

Камарча 294
Камол 161
Камон (камун//каму) 181, 293
Камони паандагӣ (камуни паандагӣ) 216
Камони пахташапӣ (камуни пахташапӣ) 216
Камони самарқандӣ 296
Камони фарангӣ 296
Камони шапанда 216
Камони шохак 293
Камончик (камунчык) 264, 265, 266
Камонғулак (П., Ш. камунғулак) 129, 297
Камсанг 231
Камч 170, 210, 230, 242
Каноч 204, 232
Капари нос 272
Капарсеб (капарсеw) 149
Каппа 165
Капук (П., Ш. капӯк) 173
Капус 112
Карам 112
Карами урусӣ 112
Карбос 112, 213, 225, 227—229, 290, 302
Карбосбоф 83
Карбоси сафед (сыфед) 228
Каргас 184, 294
Каргаси зимистон (зымистун) 184
Каргаси тирамоҳ 184
Карсон (карсун//карсу) 285
Карсонча (карсунча) 270, 274
Касп 184
Каттапанча 128
Каф 330
Кафа 143, 174
Кафак 204
Кафк 330
Кафлес (кавлез) 169, 269, 270
Кафлесча 270
Кафсанг (кавсанг) 209
Кафтар аловзанӣ 305
Кафши чубӣ см. кавши чубин
Каша 121, 137, 162
Кашак 120, 121
Кашк 244
Кашкул 276
Каюн 148
Каҳандозӣ 163
Кахдарав (кадыраw) 161
Каҳдихӣ 163
Каххур 164
Качак 236, 252
Качаки думуҳра 252
Качакӣ 79
Качамбур (качамбыр) 202, 203
Качамуд 191
Качбель 123, 124
Качик (качык) 204
Качкорд 265
Киргияк см. қирғияк
Кирм (кырм) 184, 186
Киштӣ (кыштӣ) 269, 274, 288, 297
Киштичаи равғанрези кудак 270, 276
Копаккоса 248
Корд 205
Кордавсон (корowcy) 184—186, 188
Корду ғилоф 205
Кордча (корча) 294
Корхона (корхуна) 197
Корӣ 323
Коса 172, 285
Косаи нотарош (нотырош) 268
Косаи чубӣ (чуwӣ) 284
Косаи қирғизӣ 284
Косача 248
Кофир 42
Кош 137, 139
Қоғма 112
Коҳзанӣ//каҳзанӣ 143
Куба (куwa) 141, 216, 277
Куз 187
Куза (П., Ш. кӯза) 234, 240
Кузаи обхурӣ 246
Кузаи обьёрӣ 238, 252
Кузаи ширченкунӣ (П., Ш. кӯзаи ширченкынӣ) 172
Кузаи якдаста (П., Ш. кӯзаи якдыста) 246, 250
Кузаросткун (кузаросткын, П., Ш. кӯзарсткын) 251
Кузача (П., Ш. кӯзача) 234, 238
Кузачаи якгушик 246
Кузачаи якдаста (якдыста) 246
Кузачаи якдумчук 246
Куксултон (П. кӯпсултун) 148
Кулича 255, 256
Кулобӣ (куловӣ, Ш. кӯловӣ) 62, 107
Кулол (кылол) 251
Кулолгар (кылолгар) 251
Кулука 256, 329
Кулча (кылча) 209
Кулчаи чой 216
Кулӣ 146, 150, 255, 258
Кунда (кында) 64, 66, 198, 214, 217, 223, 266, 276, 301
Кундаи дуктарошӣ (кындаи дуктырошӣ//дуктерошӣ) 266, 267
Кундаи чаҳ (кындаи ча) 266
Кунуши сахт 325
Кунчит (кынчит) 111
Кунчора (кынчола) 154
Куп (П., Ш. кӯп) 166, 270, 285
Куппизанӣ 166
Куппӣ (П., Ш. кӯппӣ) 166
Кур (П., Ш. кӯр) 75
Кура 198
Кураи оҳангарӣ 198
Курговадӣ (кырговадӣ) 149
Курпача (П., Ш., кӯрпача) 32
Курра (кырра) 175
Куртачии вакабуд (кыртачии вакабӯд) 227
Куртачии васиях 227
Куртачии тутапеч (кыртачии тӯтапеч) 227
Куртачӣ (кыртачӣ) 223, 225, 226, 228
Курук 175
Куруш (кыруш) 161, 162, 218, 219, 220, 294
Куруғмол (кырығмол) 128, 129
Курхавча 132
Курхат 323
Курч (кырч, кырич) 144
Курчакбод (кырчакбод) 143
Курчаки бодкунӣ 124, 143, 269

Курчаки обдиҳӣ (кырчаки awду//owды; П., Ш. owду) 123, 269
Курғанак (П., Ш. кӯрғанак) 132
Кусак 128, 177
Кучхар 175
Кыландык 75
Кылияк 220
Кынҷидан 216
Кырч//кырич 75

Лабдаста 248
Лабкачак 240
Лаблабу (лавлавун) 112
Лабу ханда 186
Лавҳ (лавh) 276, 277
Лахча 171, 207, 297
Лахчакаш 71, 93
Лаъли якдона 149
Лаҳмоб (лаhмоw) 123
Лачом (лачум//личум) 32
Леса, лесак (лесык) 262, 263
Лесидан (лесиян) 233, 263, 330
Лесик (лесык) 233
Линг 184, 185
Лифтоки (лифток; П., Ш. луфток) 149
Лозыр 75
Лойбарсеб (лойбарсеw) 149
Лос 32
Лубьё (луви; Ш. лӯбя, Д. левло) 111
Лубй (лувй) 111
Лук-ат парзинц 330
Лукидон (лыкидун) 330
Лух (лых) 161, 162
Лучык 75
Лывик 75

Мавиз (П., Ш. мавӯз) 209
Мадраса 39
Мазор 39, 96, 97, 125—127
Майда 75, 162
Майдо//майда 142
Маймолгар 237
Маймолкуни 237
Маймолхок 237
Маймун 182
Майса 127
Майҳак 143
Мак 75
Малбед 149
Малбиб тут 322
Маллагӣ 225
Ман 171, 172, 209, 224, 292, 325
Ман дог 130, 154
Мангича 238. 240, 248
Мангӣ 166, 169
Мани калон (калун, калу) 172
Мардуми (мардыми) хлоз 56
Маска 167
Маскачома (маскачума) 166
Масҷид//масчит (мачит) 35, 39—41, 68, 116, 146, 210
Мафтул (П., Ш. мафтӯл) 156
Мафтул бастан 156
Махдум 70
Мачит см. Масҷид
Маяк 143
Магзумо (магзымо) 70, 71, 96
Маҳалла (маhалла) 68, 78, 104
Махизани 307
Махишикор (маишыкор) 305
Маҳсар 236
Меваи бихишт 150
Мерган 291
Мергани калон 298
Мех 204
Мехколаб 201, 202
Мешак ва барра шудан 177
Мехмонхона (мимунхуна) 12, 260
Мизон 181, 182, 187, 188
Мил 293
Милк см. мулкак
Милтик (мылтык) 293
Милтики шохдор 207
Мир 78
Миразор 37, 87
Миразори 36
Мирдари хона, мирдарихона 37, 81, 315
Мирзо 35
Мири дари хона 37
Мири дах 87
Мири мушон 156
Мирӣ 328
Мирмардум (мирмардым) 71, 83
Модагов (модгоw) 175
Модагуспанд 175
Модбича 175
Модбуз (модбыз) 175
Модиён 175
Мой 281
Мокиён 175
Мокин 223
Моку (моки) 216, 223
Мокӣ 223
Мола 121
Молбони (молwуни) 165
Мони 170
Мони кардан 166
Мор 182
Мочахар 175
Мош 111
Моша 294
Мошинг 238
Мошира 229
Мошови 225
Мошу нахуд (мошы нахыд) 167
Моя 143
Мояк 143
Мохи баргрези 193
Мохӣ 181
Мохҳои камари 180
Мудири ферма (мыдири фырма) 156
Музаффари 149, 322
Музд (мызд) 228
Музди осиёб 147
Музди усто 209
Мук (П., Ш. мӯк) 75
Мукӣ (П., Ш. мӯкӣ) 32, 298
Мулк (мылк) 38, 111
Мулкак (мылкак) 111
Мулчар (мучар) 182
Мунч (мынч) 161, 162
Мур 148
Мура см. мухра
Мурдадом (мырдадум) 303
Мурид (мырид) 41
Мурут (мырут; П., Ш. мырӯт) 148

Мурча (мыҷчик) 182
Мурғ (мырғ) 175, 182
Мурғак (мырғак) 269
Мурғбон (мыргwун) 174
Мурғобии дудаҳана 248
Мурғобича 240
Мурғобӣ 248
Муфтӣ (мыфтӣ) 71, 83
Муш 182
Мушриф 38
Мушта (мышта) 118, 131
Муштик 131
Мушунг (мыщынг) 111
Муяк (П., Ш. мӯяк) 179
Муғук (П., Ш. муғук) 140
Мукаддас (мыкаддас) 150
Муҳаррам (мыһаррам) 180
Муҳра (мура; П., Ш. мӯра) 236
Мылут 220, 228

Нав 181
Навада 187, 188
Наварда 222
Навардагардон (навардагардун) 222
Навардапеч 222
Навбаст 175, 323
Навбати мол 165
Навруз навруз; П., Ш. наврӯз) 69, 185, 186, 190, 194
Наврузгаҳ 185, 194
Наврузи тирамоҳ 151
Навкунӣ 115
Назалӣ 166
Назар 41
Наистон 184
Наистони баҳор 184
Найзабулул (найзабылул) 381
Найсон 324
Найча 220, 223, 227
Намакдон 234
Намаки хура (П., Ш. нымыкн хӯра) 237
Намакҷома 238
Намоз 317
Намозӣ 168
Нарасп 175
Нарбахта, нарбахтача 175
Нарбича 175
Нарбуз (нарбыз) 175
Нарбузи ахта 175
Наргуспанд 175
Наргуспанди ахта 175
Наркин 128
Наркинак 127
Нармакаҳ 162
Нармибар 250
Нармоҳан 207
Нармӣ 210, 228
Нароҳан 279
Нархар 175
Нарча 175
Нарҷу (П., Ш. нарҷӯ) 122
Наск 111
Наукар 35
Наукари қишлоқ 35
Нах 179
Нах баровардан 179
Нахуд (нахыд) 111
Нахчир 251, 254, 269, 291
Нахчирак 254
Нахчиршикор 298
Нашпул 296, 305
Наъл (П., Ш. наһыл) 204
Наҳанг 181, 182
Наққор 329
Неш баровардан 127
Нигаҳбонӣ (нигаҳwунӣ) 165
Нигор 233
Нигул (ныгул) 269
Нигулкытак (ныгылкытак) 269, 270
Ниёзбуй 112
Нижғола 56, 57, 64
Нимсер 327
Нимхавча 133
Нимхурд 217, 327
Нимғанак 133
Нишона (нишуна) 207
Нишонаҷо 194
Нишонаҷогаҳ 185, 194
Нишони ситораи коппа 191
Нишончуб (нишунчуw) 172
Нишонҳо 182
Нишонҳои сахт 191
Никор 233, 246
Ниҳол (ныһол//ныол) 184, 223
Ниҳоли баҳор 184
Ниҳоли тобистон 184
Нова 122, 123, 198
Новардун 105
Новук 117, 118, 203
Нойча (найча) 220
Нойҳо 184
Нок 148
Нол 223
Номи руз 130
Нони сатрӣ 163
Нони ҷугорӣ 163
Нонросткун 228
Нопок 170
Ноу 268, 279
Ноумед шудан 127
Нохун 184
Ночувлӣ 149
Ношпотӣ 148
Нукча 169, 210
Нукер см. наукар
Нул (П., Ш. нӯл) 245
Нули кафш 279
Нулук (нулык//нӯлык) 245
Нышра 81

Об (ow) 73, 328
Обгардон (owгардун) 123
Обгардонӣ 122
Обдаста (owдыста) 329
Обпарма 264, 265
Обро парчоб кардан 122
Обхез 193
Обчилак 126
Обчошак 126
Обшапак 126
Овкашак 123
Овринг 29, 122
Олтингугирд 297
Олуболу (олболи) 148
Олуча (олыча) 148
Олучабандак (олычабандак) 148
Оринҷак 222, 223

Оруғ//уруғ 66
Орчук 218, 220
Осиёб 260
Осиёросткун (осиёросткын) 260
Оссакол см. оксакол
Отанг 117, 118, 140
Отангхона 119
Оташпараст 50
Офтоб (офтоw, афтоw) 184—185
Офтоб дар тарозу 182
Офтоб дар хонаи тобистон 182
Офтоб дар хонаи зимистон 182
Офтобнихол 184, 186, 187
Офтобру 81
Офтобсар 183, 184, 186
Охур 164
Охурча (охырча) 164
Оча 92
Ошбур (ошбыр) 204, 205, 232
Оши певозчй 171
Оши суюк (оши суюк) 210
Оши эмомй 181
Оши халол (оши halол) 154
Оштахта 269, 274
Оштунуккунак (оштыныккынак) 269, 274
Оят 146
Огил (огыл) 154, 164
Оксакол (оссакол) 299
Охангар 83
Охани лачом (лачум) 32, 204
Охани чуфт (чыфт) 118, 203
Охаркуни 225
Оху 291
Очук 166

Паанда 216
Паику нохун 186, 188
Пай 211
Пай//пайра 133
Пайванд 172
Паймона (паймуна) 146
Пайра 133
Пайрам 29, 122
Пайса 327
Пайтоба (пайтова) 31
Пайғамбар 209, 230
Пак задан 225
Паланг (пыланг) 181, 291
Пали 73
Палкашй 123
Памадур 112
Панча 127, 128
Панчан шер 227
Панчй 175
Панчоба (панчова) 123
Панчоха 186, 188
Панчохи мард 182, 183, 187
Панчохй 186
Панчшох 124, 269
Парак 29
Паракбандй 122
Парвин 184, 191
Парвин ва тарозу 191
Пари моку (моки) 223
Парй 293, 300
Паркол 222, 223
Парма 134, 203, 264
Парман обак 265
Парра 279
Парчобгах 122
Пасравчубй 134
Пасчапарй 140
Патокй 293
Патрешык 75
Пахтаи чиртик 214
Пағнидз 328
Паханда (паанда) 216
Пахлавон (палавун, палаву) 84
Пахлу 73
Певна см. пена
Певоз, пейвоз 21, 68, 75, 170—173
Певозчии калон (калу) 170
Певозчй 170
Пена (певна) 166, 170, 285
Пенаи бисттокия 285
Песасар 128
Печа 198
Печаи булул 198
Печак 161
Пешвал 119, 140
Пешкалид (пешкали) 119, 121
Пешкашй 143
Пешмазорй 126
Пешсипор 115
Пешчапар 115
Пешчапарии кулухмайдакун (кылухмайдакын) 119
Пешчапарй 119, 121, 140
Пивоз см. певоз
Пиёвоз см. певоз.
Пиёда савор (сывор) 127
Пиёзй 226
Пилвй 169
Пилла (П., Ш. пўлла) 179, 225
Пиллагй 225
Пилта 217, 293
Пилтакуш 294
Пилтамол 217
Пир 169, 209, 211, 217, 292, 329
Подабонй (подаwунй) 154
Пойтеша 263
Пойтоба//пайтоба 212, 229
Полаккашй 123
Пор 53
Пору (П., Ш. порў) 179
Порьёвчй 53, 54, 317
Потанг 121, 134
Почахаша 121
Почи отанг 119
Почи хаша 120, 121, 134, 140
Пошвор 223
Пошворак 223
Пошворбанд 223
Поя 122, 134, 214, 222, 302
Поян кафш 279
Покапак 266, 268
Пуд 223
Пул 29
Пур (П., Ш. пўр) 242, 243
Пур мондан 242
Пурмонй 242
Пуроим 184
Пуррез 329
Пуст андохтан 177
Пустак 302

Пустин (П., Ш. пӯстин) 302
Путк 203
Путкзан 203
Путки яксара 200, 203
Путки дусара 203
Пучоқи анор (пычоқи анор) 224
Пушк (Д. пуск//пыск; пыч) 179
Пушта (пышта) 179
Пуштазамин 197
Пуштаранг 32
Пуштароғй 317
Пушти кафш 279
Пушти по 184, 349
Пуштй 115
Пушторакашй 137, 138
Пыдгӯс 75
Пырваз 75
Пытхӯс//пыдгӯс П., Ш. 75

Раби-ул-аввал 180
Раби-ус-соний 180
Равак 134
Равчуб (равчуw) 134
Равғандон (руғандун) 266
Равғани гов (руғани гоw) 128
Равғани зард (руғани зард) 167, 245
Равғанҷома (руғанҷума) 166, 169
Раис 36, 38, 226
Рама 159
Рамаву села 184, 324
Рамазон 180, 181
Ранг гардонидани ғалла 128
Ранги куттигй (ранги қыттигй) 224
Ранда 262, 263
Рандача 204
Рауш тут 322
Рафак 29
Рафида 170, 171
Рахшак 127, 149
Рағза (рығза) 212, 221, 223, 228
Рағзаи коп 212
Рағзаи чувол 229
Рачаб 180
Ревичй (ревычй) 149
Рег 231
Резапанча 128
Реша паҳн кардан 127
Рисола 209, 210, 292, 300
Ришта 332
Ришқа (рышқа) 111, 162
Ришқапоя (рышқапоя) 163
Ростгар 251
Ростй 75
Рубанд 16
Рубаҳ (руба; П., Ш. рӯба) 291
Рубоб (рыбоб) 276
Руда 184
Руз (П., Ш. рӯз; рӯз) 181
Руза 181
Руи хок задан 128
Ручапарй 121
Руян 224
Рыжд 74

Сабад 150, 177
Сабза (сawза) кардан 127
Сабзанор 149
Сабзй (сawзй) 112
Сабзмох (сawзмох) 192, 193
Сабукдаст (сабукдыст) 169
Савору пиёда 127, 128
Савр 181, 193
Саг 182, 184
Сагак 204
Сагакй 298
Саги обй (саги оwй) 291, 302
Саги усто 331
Саги шикорй 331
Сагу занчир 184
Сайд 292
Сайид 222
Сайиди мевахо 151
Сайқалкуний (сайқалкыний) 237
Сал 31, 78, 100
Самаркандй 149, 293
Санг 327
Сангдом (сангдум) 302
Сангевнй 119
Санги гилчикй (гылчыкй) 232
Санги кура 198
Санги обдон 198
Санги сафед 105
Санги угурак 269
Санги чақмоқ 294
Санги чувозак (чывозак) 150
Санговез 223
Сангсеб (сангсеw) 149
Сангсоздиҳй 302
Сангтарош 193
Сандон (сандун) 198, 199, 200
Сандони вабинияк (сандуни вабыняк) 201
Сандук 268, 279
Сандукча 279
Саноч (сыноч) 18, 85, 276
Саночи дам 198, 200
Сар 250
Сар кашидани 127
Сарад//сарhад 75
Саратон 181, 187, 193
Сарбандгаҳ 122
Сарбур 299
Сардори чупонҳо 156
Сари кор 221, 261
Сари кори рағзабофй 221
Сари кори карбосбофй 221
Сари кори табақтароший 268
Сари якмоҳагй 189
Сари чуйбор 122
Саркарда 35, 209
Саркузагй 171
Сарпанча 201
Сарпара 217
Сарпахтай 116
Сарпоёний 125
Сарпушак (П., Ш. сарпӯшак) 251
Сартахт шудан 128
Сартиккак 297
Сарупо (сарыпо) 209
Сархирманй 145
Сарчик 141
Сарчоштй 145
Саршу 248, 250
Сархад (сарhад) 75, 91

Сарчуфтӣ 116
Сатил 166
Сатранчӣ 225—228
Сатрӣ 131, 163, 170
Сафар 50, 180—181
Сафедак (сыфедак) 149
Сафедӣ 149
Сафедор 279
Сафедсеб 149
Сафит тут 322
Сағир (сағыр) 291, 302
Саһирдашчӣ (сағырдашчӣ) 56, 64, 317
Саҷара//шаҷара 56
Себ (cew) 148
Себарга 128
Себи обӣ (cewи овӣ) 149
Себпист (cewпыст) 149
Себпора (cewпора) 149
Себпуст (cewпыст) 149
Сеоба (ceowa) 123
Сер 327
Серкача 175
Серсанг 232
Сесипора 115
Сетор 276
Сиба 250
Сиё-тут 322
Сиёхангур 322
Сипо 35
Сипор (сыпор) 75, 118, 269
Сипоргардон (сыпоргардун) 115
Сипори адир 118
Сипори бармол 118
Сипори калон 118
Сипори ката 118
Сипори лумб (сыпори лымб) 118
Сипори майда 118
Сипори обӣ (сыпори owӣ) 118
Сипори тахдашт 118
Сипори хамб 118
Сипори қайроқ 118
Сирка 175
Ситораи аввал 185
Ситораи коппа 191
Ситораи миёна 185
Ситораи охирин 186
Ситораи хунук (хынык) 191
Сих 128, 137, 139
Сихак 137, 142
Сихи моку 223
Сияҳалоча 226
Сияҳӣ 149
Сияҳқанҷ 225, 227
Сияҳлёв (сияҳлаw) 177
Сокин, сокинак 276, 278, 280
Солшумории шамсӣ 181
Солшумории қамарӣ 181
Соғича 285
Соғу 179
Соиби пур 243
Стакон 251
Судур 39
Сузан (П. Ш., сӯзан) 73
Сузанак (П., Ш. сӯзанак) 297
Сукӣ-челек 284
Сумба (сымба) 294
Сумбаи наълшикофкунӣ (сымбаи наълшыкофкыныӣ) 203
Сумбачуб (сымбачуw) 294
Сумтарош (сымтырош) 202, 203
Сунбула (сымбыла) 188, 190, 193, 303
Сунни 71
Супи сипор//суфи испор 118
Сура 146
Сурх (сырх) 73
Сурхак (сырхак) 95, 149, 237
Сурхалоча 226
Сурхқач (сырхқанҷ) 225, 227
Сурхсеб (сырхсew) 140
Суян (сиюн) 203, 265
Сыбчук, Д. сучык 217

Табанг (таванг) 285, 286
Табангча 288
Табар (таwар) 204
Табақ (тавақ) 208, 270, 279
Табақи бардоранда (Д. тавақи вардорында) 146
Табақи нух (тавақи ных) 146
Табақи раисӣ 327
Табақи савдо 327
Табақи тарозу (табақи тырозу; Д. табақи тырози) 285
Табақи шаръӣ 327
Таварча 262
Таваққосача 248
Таги шонадастгир (таи шунадыстгир) 222
Тагов (таrow) 75
Таги табақӣ//таи табақӣ 269, 270, 279, 302
Тайлоқ 174, 175
Така 156, 175
Такача 175
Тал 131
Талха 161
Талхак 149
Талқон (талкун) 276
Тамбу(н) 75
Тамоку (тамоки) 112
Тана 299
Танга 63, 328
Танги бухорӣ (танги быхорӣ) 328
Танги николай 328
Танги семиригӣ 328
Танги чормиригӣ 328
Танхо//танхоҳ 15, 37—39
Танҳохур (танхохыр) 38, 39
Тарабчӣ 119, 121, 140
Таранг (тыранг) 217
Тарбарф 185
Тарбуз (тарбыз) 112
Тарит (тырит) 154
Тарма 174
Тарозу 181
Тасма 166
Тафи бодбарак 279
Тахтаи ош 269
Тахтаи нонросткунӣ (тахтаи нунростқыныӣ) 233, 269, 274, 288
Тахтапуст (П., Ш. тахтапӯст) 302
Ташрифбегӣ 149
Тағора 150, 179, 233, 248
Таҳбеза (табеза) 174
Тахдашт (тадашт) 197
Таҳкунда (такында) 214, 217

Таҳкальякӣ (такальякӣ) 214
Теша 150, 203, 206, 207, 232, 261—263, 268
Тешаи каркӣ 263
Тешаи новак (тешаи новык) 262, 263
Тешаи пой 263
Тешаи чапновак (тешаи чапновык) 262, 263
Теғи сартароший (теғи сартыроший) 204
Тибитӣ 225
Тиёқакӣ 298
Тирак 269
Тирамоҳӣ (тарамойӣ) 113
Тирандоз 291
Тири испор 118
Тири пайкон (тири пайкун) 297
Тири чарха 217
Тиррез 296, 298
Тоба (това) 122, 123, 125, 248, 251
Тов 66
Това 251
Товон (товун) 164
Товон андохтан (товун дохтан) 211
Тоифа 66
Той 175
Тойбайтал 175
Тойхар, тойхарак 175
Тойча 175
Топ 66
Тор 223, 276
Тор танидан 177
Торбанд 223
Торикситора 184
Торон (торун; тору) 161, 224
Тортанӣ 225
Тортук (тортык) 38
Тоқашикор (тоқашыкор) 300
Тоҳирона 300
Тубтӣ (тыбтӣ) 81, 97
Туи калон (туи калун//калу) 210
Туи мафтуҳа (туи мафтуһа) 210
Туи ҷаҳди усто 210
Тул 165
Туман 214
Тумор (тымор) 157
Туморча 157
Туп (П., Ш. тӯп) 66
Тур (П., Ш. тӯр//тӯр) 297, 304, 305
Тури дастӣ 307
Туркия (тыркия) 56, 57, 61, 64, 81
Турпӣ 174
Турра (тырра) 223, 226, 227
Турушак (тыршак) 169
Турушбат (тырышбат) 169
Туруший (тырыший) 167
Турш (тырш) 149
Туршак (тыршак) 149
Тут (П., Ш. тӯт) 148
Тута (П., Ш. тӯта) 218, 220, 228
Тутабубул (тутабылул, П., Ш. тӯтабылӯл) 198, 200
Тутапеч 218, 220
Тути дастчин (тути дыстчин) 150
Тути духтарчин (тути дыхтарчин; П., Ш. тӯти дыхтарчик) 150
Тути кок 149 150
Тутмавиз (П., Ш. тӯтмавуз) 149, 150
Тутпист (П., Ш. тӯтпист) 150, 276
Тутпуст (тупыст; П., Ш. типыст) 150
Туша (П., Ш. тӯша) 297
Тушка (тышка) 112
Тушкаи урусӣ 112
Туғ (П., Ш. тӯғ//тӯғ) 269, 272, 279, 330
Туқлӣ 175
Туқсан 38, 186, 187
Тукум (тыкум) 33
Узангу (П., Ш. ӯзанги) 32, 204
Улавкаш (П., Ш. ӯлавкаш) 71, 93
Ума 92
Умочи башир (П., Ш. умочи вашир) 126
Урок 39
Уруғ (урығ) 66
Усто (П., Ш. ӯсто//исто) 78, 211, 230
Устои калон 211, 259
Устои мехкаш 211
Устои нарӣ-берӣ 211
Устои равғанобкун (устои руғанowкын, П., Ш. ӯстои рӯғаnowкын) 169
Устои чубкор (устои чуwкор; П., Ш., ӯстои чӯwкор) 260
Устои чубтарош (устои чуwтырош П., Ш. ӯстои чӯwтырош) 260
Устои шикор (шыкор) 292
Устохона (устохуна; П., Ш. ӯстохуна) 197
Утапур (утапыр) 122
Учоқи гардон//учоқи гардона(к) (учоқи гардун) 255, 256
Учоқи чойчушонӣ (П., Ш. чойчӯшуний) 255, 256
Ушр (ъышр; П., Ш. ышр//ҳышр) 38, 146, 327
Уштур (шытыр) 175
Уғ 119
Уғакӣ 222
Уғурак 269
Уқоб (ъықоб; hақоб) 294

Фадорӣ (фарорӣ) 84
Фай 75, 320
Фаранги бухорӣ (фарангии бухорӣ) 293
Фарк 279
Фароғбез (фыроғбез) 285
Фархӣ 149
Фақер 166
Фақиро, фақер 70, 71, 83, 96, 107, 166
Ферман мурғон 174
Фирча 76
Фияк 75, 123
Фияки бодкунӣ (фияки бодкыний) 269
Фияки обдиҳӣ (фияки оудӯ; П., Ш. Фияки owдӯ) 124, 269
Фияки хирман 143
Фона (фуна) 214, 218
Фотиҳа (фотиһа) 209, 211, 230, 238, 259, 292
Фотиҳатий 211
Фукаро 35, 78

Футроҳан 129
Фысрык 75

Хав 137, 162
Хавгаҳй (хавгайй) 162
Хавоза 122
Хавча 132. 162
Хазонрезй 193
Хазонрези 193
Халтаи дуғ (П., Ш. халтаи дӯғ) 166
Хамба (хамбаи) 150, 255
Ханҷар 204, 205, 207, 294
Хар 175
Хара 142
Хараи кох (хараи ка) 143
Харбача 175
Харбуза (харбыза) 112
Харбузасеб (харбызасеw) 149
Харгуш (П., Ш. харгӯш) 182
Хардук 220
Харк 184, 185
Харомез 184, 185, 188
Хархутик (хархытик) 175
Харчанг 181
Хас 156
Хасак 149
Хастут (П., Ш. хастӯт) 150
Хатдон 276, 277
Хаф 137, 294
Хафча 132
Хафшй 204
Хаша 120, 121
Хашаи ҳалук 121
Хашачуб (хашачуw; П., Ш. хашачӯw) 121
Химчаи говҳайкун (хымчаи говҳайкын) 140
Хингак 191, 192
Хингмох 191—193
Хирман 194
Хирманак 132
Хирманпоч 134
Хирс 291
Хишова 128
Хлоз 56, 57, 64, 99, 100
Хлозиё 57
Хлозй 98
Хоби дуюм (хоwи дыюм) 177
Хоби сари шохак 177
Хоби сеюм 177
Хоби якум 177
Ховискча, хоискча 264, 265
Ходаи сари гур 127
Хоиск 197, 202, 203
Хок 233
Хокзанй 114
Хоки гилобча (гылоwча) 237
Хоки кулол (кылол) 231
Хокканик 231
Хокоба (хокова) 76, 123
Хомак (хумак) 298
Хомпаз 191, 193, 325
Хонаги отанг (хунаи отанг) 119
Хонаросткун 83
Хонако 40, 41
Хоркан 119
Хотунй 149
Хубон 182
Худой (хыдой) 126, 292, 299
Худой гуфтан 242
Хук (П., Ш. хӯк) 182
Хум (хым) 99
Хумбикаш (хымбикаш) 123, 124
Хумдарачй (хымдарачй) 54, 319
Хумдон 99
Хумча 234, 236, 328
Хун 99, 101
Хуркобй 138
Хурма (хырма) 169, 234, 248
Хурмаи говчушй 238
Хурмаи калон 238
Хурмача 238, 240, 248
Хур (П., Ш. хӯр) 138
Хурмаи сузанй 236, 240
Хурпоракунй 138
Хурус (хырус; П., Ш. хырӯс) 175
Хурусчуча (хырусчуча; П., Ш. хырӯсчӯча) 175
Хурчошй 138
Хуршурй 138
Хурчин (хырчин) 33, 212
Хуша 181
Хушбуй (хышбуй; П., Ш. хышбӯw) 170, 172, 242
Хыныч 101
Хыруш 245
Хымырч 75
Хырым 90

Ча см. ча(х)
Чаб-юғ 119
Чаб-юғ задан 119
Чавара 135
Чавгон 320
Чавра 135, 136
Чайрикор 93
Чакка 167
Чакман 196, 212, 228, 229, 298
Чакмани кокма 226
Чакса 327
Чала 156
Чалак 220, 221, 285
Чаллохотун 236, 255, 258, 259
Чалук 218, 220
Чанг 75, 204
Чангчубак (чангчуwак; П., Ш. чангчӯwак) 218, 221
Чапар 115, 119—121, 138, 140—142, 177
Чапарак 32, 298, 303
Чапари хирманкубй 119, 141
Чапари чуфт (чыфт) 119
Чапотй 299
Чапотиросткун 269
Чапуш (чапыш) 175
Чапушак (чапышак) 175
Чарбу (П., Ш. чарбӯ) 145
Чарвй 245
Чариғоз 251
Чармак 220
Чармакии арча 285
Чармбур (чармбыр) 204, 264, 265
Чарх 197, 203, 265—268, 279, 329
Чарха 215, 217
Чархагардон (чархагардун) 220
Чархдег (чағдег) 238, 251, 252
Чархи паррадор 268

Чархи фалак 203
Чархчуб (чархчуw) 166, 276, 285
Чахник 166, 279
Чахт (чыхт) 74, 166
Чахтакпай 301
Чахтик 221
Чахтики бузму 218
Чач 307
Чашм 186
Чашмак (чышмак) кардан 179
Чашми булбул 236, 246, 252
Чашми гов 236, 246
Чағатай (чағатой) 97, 166
Чағдег см. чархдег
Чақмоқ (чахмоқ) 294
Ча(х) 222
Чаҳак 129
Чахдег см. чархдег
Чахдегча 248
Чаҳчаҳа 221
Чаҳчаҳаи карбосбофӣ 221
Чаҳчаҳаи рағзабофи 221
Чаҳғора, ср. ча(х) 146
Челек 285
Ченак 294, 295
Ченчуб (ченчуw; П., Ш. ченчӯw) 172
Чигина 135, 208, 209
Чигинаи гандум (ҷав) кашӣ 135, 136
Чигинаи каҳкашӣ 135
Чигинаи порукашӣ 135
Чигинаи сангкашӣ 135
Чигинаи ухлоткашӣ 135
Чигинаи ғаллакашӣ 135
Чигинакаш 137
Чиз 323
Чикидан (чыкидан; чыкиян) 232
Чикинда см. чуканда
Чиликак (чыликак) 222
Чилапчӣ (чылапчӣ) 248, 250
Чилкал (чылкал) 126
Чилла (чылла) 183, 184, 186, 187, 189, 190, 193
Чиллабача 186—188
Чиллаи баҳор 186, 188
Чиллаи зимистон (зымисту, зымистун) 190
Чиллаи калон 186—190
Чиллаи тобистон 187, 188
Чиллаи хурдак 187, 189, 190
Чиллахона 105
Чиллик 218—219
Чилли чила 182
Чильяк 137
Чиний 248, 250
Чиничаи чойхур 248
Чиргин 32
Чиғора 198
Чиғораи сари кор 199
Чодар 149, 150, 212, 229, 279
Чодари бузмуги 212
Чодирхаёл 305, 306
Чойраккор 71
Чойҷуш (П., Ш. чойҷӯш) 238, 255
Чойҷушак 234, 238
Чойҷуши хокӣ 251
Чорангуштӣ 226
Чорбайт 244
Чорбахш 190
Чордум (чордым) 305
Чорек 327
Чорӣ 175
Чормағз 148, 279
Чороба 123
Чорпо (чорво) 322
Чортоқия 288
Чор уруғ 98
Чоруқи баландаки нахчирӣ 302
Чоршанбеи охирун 50
Чорьёрӣ 71
Чорьяк 217, 285, 288
Чорьяккоса 284, 285
Чочаки кафш 279
Чочи гов 149
Чошт 143, 145, 146
Чоштбардорон (чоштбардорун) 145
Чох ср. ча(х) 146
Чубаи чапотиросткун (П., Ш. чӯwаи чапотиросткын) 269
Чубок (П., Ш. чӯвак) 269, 274
Чубгаз (П., Ш. чуwгаз) 228
Чуби бинияк 134
Чуби гилчикӣ (гылчыкӣ) 232
Чуби потанг 140
Чуби почи хаша 121, 140
Чуби туғ 272, 330
Чубсов (П., Ш. чӯwсо) 203, 265
Чубтарош (чубтырош) 83, 221, 329
Чуканда (чикында) 141, 277
Чупон 156
Чуҷа (П., Ш. чӯҷа) 175
Чуҷабар 174

Ша 15, 35, 73, 78, 82
Шабдарав (шабдыраw) 130
Шавгунӣ 114, 115
Шаввол 180
Шайхин тут 322
Шалғам 112
Шамшер 222
Шамшерак 222, 223
Шапаи говҳайкун 140
Шапалак 179
Шапанда 216
Шапачуб (П., Ш. шапачӯw) 216
Шарикӣ 40
Шаст 296
Шаста 186, 188, 305
Шастӣ 172
Ша-тут 322
Шафтолу (шафтоли) 148
Шафтолукок (шафтоликок) 149
Шахч 75
Шашӣ 225, 226
Шашии боканора (Д. вакынора) 226
Шашии канорадор (кынорадор) 226, 228
Шаъбон 180
Шаъл 225
Шаҳрисабзӣ 293
Шаҳтут (шатут, П., Ш. шатӯт) 149
Шаҷара (саҷара) 56
Шеа (шиъа; шиҳа) 53, 87
Шер 181
Шерамард 299
Шехӣ 149
Шибар 161, 162, 323

Шивоғчй 329
Шикай 54
Шикам (шыкам) 186, 188
Шики намак (шыки нымык) 328
Шикор (шыкор) 291
Шикорга 299
Шикори кумак 331
Шикори тозй 331
Шикори халкия 298
Шикорчй (шыкорчй) 291
Шикорчуб 297, 301
Шила 157
Шилха (шылха) 224
Шир 170
Шира бастан 128
Шираву хамира 127
Шира шамшерак 128
Ширбиринч 180
Ширешик 233
Ширин 149
Ширинии тут (П., Ш. тўт) 150
Ширини тут (П., Ш. тўт) 150
Ширмохи 305
Ширполо 248, 251
Ширполовуний 171
Ширравған, ширавған (шируған; П., Ш. ширўған) 116, 180
Ширченкуний 171
Шишак 175
Шиғ (шығ) 162
Шогуний 116, 130
Шола 136, 165
Шолй 112
Шолча 212
Шона (шуна) 222
Шонадастгир 222, 223, 283
Шорағза (шорығза) 228, 298
Шоф 207
Шох 56, 285
Шох гирифтан 276
Шохдори калон 175
Шохак 177, 179, 294, 295, 297
Шохи кушкор 159
Шохмола 162, 137
Шохмолак 137
Шохоб 307
Шоху мех кардан 276
Шохчаи кушкорак (кышкорак) 233, 246, 252
Шохчакубор (П., Ш. шохчакўбор) 122
Шукурт (шыкырт) 149
Шул (шу) 103
Шулмунд 149
Шулха 161, 294
Шур 73
Шура (П., Ш. шўрык) 297
Шурак (шурык; П., Ш. шўрык) 149
Шурбо (шурво; П., Ш. шўрwo) 245
Шуробдарачй
Шутур (шытыр) 175
Шутури мода 175
Шутури нар 175

Эзор 75
Экизак 181
Элак 169, 177, 285
Элгах 165
Элич 165
Элчй 165
Эшон 39, 41

Юрмон 291
Юғ 117, 119, 269
Юған 161—163
Юғлол 119
Юғлолбанд 119
Юғлолчуб (юғлолчуw, П., Ш. юғлолчўw) 119

Якбарга 128
Якдаста, якдастача 234, 238, 240
Яккалачом (яккалачум) 32
Як карбос 228
Як либос 228
Якоба (якова) 123
Як мато 228
Яксара 203
Яксипора (яксыпора) 115
Як чуфт 119
Япоғу 175
Ярғу 129
Ясаулбошй (ясавылбошй) 36
Яхак 149
Яхй, яхии буз (быз) 279

Ғав 122
Ғавр 122
Ғазак 190
Ғазаки бебахра 190
Ғалбел см. ғалбер
Ғалбер (ғылбол; ғелбол; ғалбел) 143, 144, 177, 285
Ғалтак (ғалтык) 141
Ғалтук 233
Ғанак 132, 162
Ғанаки лусара 133
Ғандолу (ғандоли) 148
Ғашша 161, 162
Ғелбол 143
Ғидора (ғыдора) 75, 250
Ғиждак чормағз 224
Ғилбол (ғылбол) 285
Ғилоф 205
Ғомук (ғомык) 111, 113, 128, 131
Ғубор (ғыбор) 75
Ғуза (П., Ш. ғўза) 111, 214
Ғул 293
Ғулак 129, 297
Ғун (ғын) 220, 225
Ғунак (ғынак) 175
Ғуначй, ғуначин (ғыначин), 175
Ғунда 232
Ғуночин//ғуначин 175
Ғура (П., Ш. ғўра//ғўра) 251

Кабалжив 331
Кабза (кавза) 131
Кавм см. каум
Кавс (кawс) 181, 187, 188, 193, 224
Када(х) 248, 251
Кадок 228, 327
Казин 225, 228
Казинй 225
Казнок 103
Казон махлака 126
Каниш 166

Қайроқ 266
Қайт 173
Қайчӣ 160
Қалавур 298
Қалам 203
Қаламак 202, 203
Қаламфур (қаламфыр) 112
Қаламӣ 225
Қалъа 78, 97
Қамчин 32
Қапқайн 31
Қапқон (қапқу, капқун) 301
Қарз 172
Қарзборкунӣ 172
Қаровули ҳосилот 128
Қаротегинӣ 54, 62
Қаротегиниё 57
Қаротегинчӣ 59
Қаторвазма 294, 296, 297
Қаум 64, 66, 317
Қаун см. қаум 55, 66
Қаус см. қавс
Қашқалдоқ 291
Қашқанак 127
Қашқарӣ 58, 98
Қибла 317
Қинғолбозӣ 15
Қипи чурғотза (кыпи чурғотза) 251, 252
Қипча (кыпча; П., Ш. кӯпча) 246, 250
Қипчача 251
Қипчақ (кыпчоқ) 58
Қирғиз (кырғыз) 59
Қирғизӣ 293
Қирғизобод (қырғызовод) 99
Қирғияк 190, 325
Қисирагов 175
Қозӣ 36
Қолаб 298
Қолиби чоруқ (чорық) 276
Қоши дутор 272
Қоши зин 32
Қошуқ (қошық) 233, 269, 270
Қошуқак 204
Қошуқи ордбардор 269, 274
Қошуққан 264, 265
Қоқӣ 186, 188
Қоқи себ (сew) 149, 188
Қоқи шафтолу (шафтоли) 149
Қулқулак 234, 238, 248
Қулоч (қылоч) 220, 227, 228
Қундоқ (қындоқ) 293
Қуноқ (қыноқ) 111
Қунуши (қыныши) сахт 325
Қурама 4
Қурбошӣ (қырбошӣ) 36
Қуроқ 4
Қурут (қырыт; П., Ш. қырӯт) 167
Қурутоб (қырутоw) 116
Қуруғмол 128
Қурч 297, 327
Қурғон (қырғун) 98
Қуркури шикам 186, 188
Қутан 165
Қутии дору (қытии дори) 294, 295
Қутии тирдон (тирду, тирдун) 294
Қутос (қытос) 153
Қуш 32
Қушқор (қышқор) 156, 246, 233
Қушқорак (қышқорак) 134, 159, 214
Қушқори васар 246
Қушқори зоти 155, 175
Қушқорча (қышқорча) 175
Қынырғашикор 298

Ҳавай 73, 320
Ҳавл 185
Ҳаждаҳо 190
Ҳаждаҳи бузкуш (бызкыш) 189, 325
Ҳазор испанд 210
Ҳаллоҷӣ 214, 215
Ҳалок 292
Ҳалук 120, 121
Ҳальёбодӣ 293
Ҳалқа 218, 303
Ҳамал 181, 182, 192, 324
Ҳамдуна 182
Ҳамел 150
Ҳандалаанор 149
Ҳаром (hарум) 298
Ҳарус 73
Ҳасанак (hасанак) 224
Ҳафт (афт) 73
Ҳафтода 187, 188
Ҳашар (hашар) 12, 40, 114, 177, 208, 221
Ҳашари қаҳдарав (кадыраw) 208
Ҳаштода 187, 188
Ҳақ 209
Ҳаққи усто 209
Ҳаққуллоҳ 146, 169
Ҳаҷдаҳо 156
Ҳел, ҳелча, (hелча) 156
Ҳеча 174
Ҳисобгар (hисобгар) 188
Ҳисобдон (hисобду, hисобдун), 188
Ҳисоби мард 189
Ҳисоби шамсӣ 181
Ҳисорӣ (hисорӣ) 54, 149
Ҳоким (hоким) 37
Ҳота (hота) 162
Ҳотситора 184
Ҳусайнӣ (hысайнӣ) 149
Ҳут (hут) 181, 189, 324
Ҳути Оҳуни Мулло Наим 189
Ҳути Оҳуни Мулло Хошок 186
Ҳути эмомӣ 189
Ҳучпай 133
Ҳуҷра (hиҷра) 197

Ҷабогу 175
Ҷав 111
Ҷавзо 181, 193
Ҷавкаҳ 162
Ҷавона 175
Ҷадъӣ 182
Ҷаллиқ 32
Ҷамоа (ҷамоъа) 37, 66, 98
Ҷегун 320
Ҷегунӣ 87
Ҷилав 32
Ҷимод-ул-аввал 180
Ҷимод-ус-соний 180
Ҷиғаш-челек 284

Ҷогаросткун (ҷогаросткын) 251
Ҷоду (П., Ш. ҷодӯ) 163
Ҷом 181
Ҷонваршикор 303
Ҷоруббод (П., Ш. ҷӯрӯwбод) 143
Ҷорубзанӣ 143
Ҷорубкашӣ 143
Ҷоғари чормағз 224
Ҷубор//ҷувор (П., Ш. ҷӯвор) 122
Ҷубори калон (калу) 122
Ҷубори лаби замин 122
Ҷубори лумб (лымб) 122
Ҷувоз (ҷывоз) 260
Ҷувозак 269
Ҷувозросткун 260
Ҷуворимакка (ҷиворимакка) 163
Ҷугорӣ (ҷиворӣ) 111, 163
Ҷурғот (ҷырғот) 166
Ҷуфт (ҷыфт) 119
Ҷуфтаҷубор 122
Ҷуфтбарорӣ 115
Ҷуфтбаророн 116
Ҷуфти тирамохӣ 192
Ҷуфткунӣ 119
Ҷуфтӣ 323
Ҷуфтхайкунӣ 119
Ҷухна 175
Ҷухуна 175

УКАЗАТЕЛЬ

НАЗВАНИЙ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ГРУПП—ҚАУМ, ҚАУН

Абдувоҳид (авдывоһид) 91
Абдукарим (авдыкарим) 99
Абдулаҳад (авдылаһад) 83
Абдулвахоб (авдылваһоб) 81
Абдураҳимбек (авдыраһимбег) 88
Абдураҳмонтов (авдыраһмонтов) 66
Абдусамад (ъавдысамат) 103
Абдуҷабориё (ъавдыҷаборью) 81
Авдулогиё (ъавдылогью) 98
Авсалом (авсалум) 97
Авҷабариё (авҷабарью) 97
Азимиё (ъазимью) 98
Алишербег (ъалишербег) 86
Алишою (ъалишою) 80
Арбобӣ 79
Арбобун (арбобью) 82
Асал 104
Аталиқ 80
Аюбиё (ъаюбью) 98

Бадальё(н) (бадалью) 81
Базгӣ 92
Барахой 80
Басирью 81
Башир 97
Баҳром (баром) 89
Бовигиё (бовигью) 100
Боршуд 97
Ботирьён (ботырью) 91

Ватаний 83
Вашориюн 88

Гадо 97
Гиё 97
Гузача 84

Давлат 97
Давлатманд 97
Дангу 80
Даштакӣ 61, 88, 319
Довуди усто 83
Дуст (дӯст) 88

Зарифью 80
Зиёву 81
Зиқлобӣ 90

Иброимон, иброҳимон (иброимью) 88
Имомназариё (имомназарью) 87
Исматуллобегиё (исматыллобегью) 87
Исмолью 80
Исою 80
Ичкилик 52

Кабутиён 104
Карамию (карамью) 81
Карим 80
Каримию (каримью) 81
Качакӣ 79
Кенчибай (кенчибой) 95
Кенчаи искандар 81
Кундаи билолиё (кындаи билолью) 89
Кундаи масаидӣ (кындаи масъаидӣ) 103
Кундаи орифӣ (кындаи ъорифӣ) 103
Кундаи сайёди 97, 98
Кундаи сафогиё (кындаи сафогью) 98
Кундаи (кындаи) хучандӣ 70, 103
Кундаи (кындаи) қозиги 103
Кучмаҳамад (кучмыһаммад) 81
Кылу 88

Лайрунчӣ 97
Мастуллой (мастыллой) 91
Мағзумӣ 99
Мағзумиё (мағзумью) 94
Мағзумо(н) 71, 88, 93
Маҳмадӣ (мыһмади) 93
Махмадаюб (мыһмадаюб) 86
Махмадкаримию (мыһмадкаримью) 81
Махмадмирзо (мыһмадмирзо) 93
Маҳмадраҳим (мыһмадраһим) 86
Маҳмадшоҳо (мыһмадшоҳо) 89
Маҳмадҳасан (мыһмадһасан) 81
Милангарӣ 91
Мирдарвеш 90
Мирзомалик 97
Мирзомаҳмадӣ 92
Мирзо убайдулло (мирзо ыбайдылло) 97
Мирзо ҳомидӣ 92
Миришавун 88
Мирон (миру) 86, 90
Мирсавз 89
Миршол қадим 82
Мулло алиаҳмад (мылло ъалиаһмад) 97

Мулловун (мыллову) 82, 88
Мулло (мылло) гадою 80
Мулло (мылло) мирзо 93
Мулло (мылло) мусаяб 93
Мулло (мылло) пир 97
Мулло сарҳад (мылло сарhад) 97
Мулло (мылло) сафар 104, 105
Мулло (мылло) собир 99
Мулло (мылло) тош 97
Муллотошӣ (мыллотошӣ) 94
Мулло тоҳир (мылло тойир) 97
Мулло (мылло) ҳол 97
Мулло (мылло) худоёр 97
Мулло ғаффур 99
Муфтӣ (мыфтӣ) 83

Набӣ 92
Назир 93, 97
Назирбег 91
Наҷот 99
Нижгола 61
Ниёзбегиё (ниёзбегью) 91

Одина 99
Олимбег 91
Олимиё (ъолимью) 99
Орифӣ (ъорифӣ) 103
Ошӣ 84

Палавширьён (палавширью) 88
Паноҳию (паноһью) 81
Паҳлаву (палаву) 81
Пирахиё (пирахью) 100
Пирмаҳмад (пирмыһмад) 97
Пирокьё (пирокью) 97
Пушрифо (пышрифо) 88

Рахматуллобек (рahматыллобек) 91
Рачаб 93
Рустамбегӣ 94

Савзалӣ (савзи ҳали) 90
Сайёдӣ 98
Саидбарзин 89
Саидиё (Саидью) 87
Саидун (саиду) 84
Сайидо 71, 91, 93, 94
Сангак 97
Сандалмирзовун 84
Сафар 93
Сафарӣ 93, 94
Сафармаҳмад (сафармыһмад) 81
Сафару зуҳро 103
Сафову 80
Сафрӣ 89, 94
Саҳидӣ//сайидо 94
Сиясар 81
Сиякырымбо 88
Содик 84

Талабӣ 93
Ташрифи худо (ташрифи хыдо) 91
Толиб 81
Толибиё (толибью) 97
Топи мирбокӣ 67
Топи хоҷа 67
Тошкандиё (тошкандью) 87
Туркишо 84

Уруғи вахиочӣ 61, 319
Уруғи ёхсучӣ 61, 319
Уруғи қашқариё 58, 66
Уруғи қирғизиё (кырғызью) 58, 66
Усто азиз 89
Усто азим 77,
Усто довуд 67, 83
Устуун 90
Устууни поун//устовуни пову 90
Устууни сари ду (устовуни сари ды) 90

Фадорӣ (от фирорӣ) 84

Халифаё (халифагью) 94
Хасфалиён (хасфалью) 88
Хлозиён 103
Хофизию 94
Хочмахмад (хочмыһмад) 82
Хоҷатов 66
Хоҷаҳо, хучаҳо (хучоо) 71, 93
Хушаку (хышакью) 97
Хушвакт (хышвакт) 97

Чолибӣ 94
Чупак 85

Шайху 80
Шех 81
Шоибегию 91
Шолбегию 91
Шомардӣ 80
Шомахмадиё (шомыһмадью) 80
Шопириён (шопирью) 88
Шохзор 89

Эшони мулло зуриддин 83
Эшони мулло ҳол 83
Эшони мулло қосим 83
Эшоно 83, 88, 91, 107, 147.

Юсуфӣ 94
Юсуфтемур 97

Ятимакью 80
Яхьёхуҷа 97

Ғанигиё 98
Ғараб 97
Ғариби талбак 86
Ғоибӣ 89
Ғуломию 80

Қадам 81
Қауми Абдурасул 89
Қауми (қавни) вахио 103
Қауми (қавни) бахром 67, 89
Қауми (қавни) дуст 67, 88
Қауми (қавни) зиё 67
Қауми (қавни) масчоҳ 103
Қауми (қавни) мағзумо 71
Қауми (қавни) миру(н) 67
Қауми сайёдиё (қавни сайёдью) 69
Қауми тошкандиё (қавни тошкандью) 67
Қауми усто азим 77
Қауми (қавни) устовун 67, 71
Қауми (қавни) устовуни пову 71
Қауми (қавни) устотакол 84
Қауми (қавни) хлозиё 106

Қауми (қавни) чағатой 97
Қауми (қавни) шикай 78
Қауми (қавни) эшоно 67
Қауми (қавни) ғовдӣ 69, 95
Қауми ҳакимӣ (қавни hакимӣ) 97
Қашқарӣ 58, 80, 102
Қашқариё 77
Қипчак 58
Қодирӣ 89
Қувватӣ 80
Қулмаҳаммадӣ (қылмаһаммадӣ) 81
Кучмаҳмад 81

Ҳофизиё (hофизью) 94
Ҳоҷӣ 97

Ҷамилиюн (ҷамилью) 81
Ҷамоаи ғанигиё (ғанигью) 58
Ҷангӣ 80
Ҷолибӣ 94
Ҷуналигию (ҷуналигью) 80

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОНИМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абдулло Маликов 331.
Абрамзон С. М. 21, 22.
Абрамов К. А. 10, 11
Авзалбек (Авзалбег), кв. 79
Адам 151
Аёджумдор (Аёчымдор) 87, 320
Азизбай (Азизбой) 153
Айлоки-Калон (Айлоқи-Калон), уроч. 152
Айпулаки-Га, кв. 104
Академии наук, хр. 25, 26
Акмуйнак (Акмуйнак), к. 60
Акобиров Хакназар (Ҳакназар) 331
Аксаи-Поён (Оксои-Поён), к. 60
Алайский хр. 25, 26, 27, 30, 32, 214
Аламон (Аламун) 102
Албика (Ҳалбика, Ҳаблика), кв. 83
Александр Македонский 9, 51
Али (Ъали) 108, 322
Алигалабон (Ъалигалавун), к. 111
Алисурхон (Ъалисырхун), к. 318
Алмашок (Йалмишок), к. 98
Алтынмазар, к. 25, 26
Амирбек 98
Амрулло 80
Амрутак, к. 318
Аму-Дарья 11, 13, 125
Амшон (Амшун), к. 54, 55, 81, 89, 113, 148, 192
Анахита 125
Ангуф (Ангӯф), кв. 85
Анджирак, к. 54, 67, 82
Андижан 52, 96
Андреев М. С. 3, 15, 20, 21, 65, 76, 151, 180, 213, 221, 331
Аравия 62
Арандаренко Г. А. 11, 13, 14, 18, 19, 36, 48, 87
Арбобиён (Арбобиюн), к. 317
Арбоб Каманд 85
Арбоб Нурмухаммад 85
Арганкон (Арғанкун), к. 97, 184, 318
Ардвисура 125
Арзинг (Арзынг), к. 53, 59, 60, 86, 95, 96, 301, 318
Асал 104
Аскарони- Сурх, колхоз 113
Афганистан 25, 28, 34, 36, 43, 82, 84, 91, 93, 134, 181, 224, 322, 328
Афганский Бадахшан 94
Афганский Туркестан 34
Афтобру 36
Ахмад (Аһмад) 217

Бабур 9
Багар (Бағар), летовка 86
Бадалони-Боло (Бадалуни-Боло), к. 101.
Бадалони (Бадалуни)-Та, к. 101
Бадахшан 11, 51
Базги, кв. 92
Бактрия 34
Балх 34, 52, 94
Бальджуан 80, 88, 91 320, 325
Бальджуанское бекство 17
Банга, кв. 81
Баранов П. А. 21, 110
Бартольд В. В. 20
Бедак, к. 80, 189, 318
Бедаки-Боло, к. 102
Бедаки-Миёна, к. 318
Бедаки-Миро(и), к. 318
Бедаки-Поён, к. 58, 61, 102, 214, 318
Бедихо (Бедихох), к. 106, 120, 121, 125, 127, 137, 141, 188и, 189
Белги, к. 101, 113
Бешнов, кв. 83
Биби Зухро (Зухро, Захро) 169, 172
Биби Панджшамбе 221
Биби Сешамбе 221
Биби Фотима 169, 172, 174
Биби Хаво (һаво) 221
Биби Хатичаи-Кибирьё 169, 172
Биби Чоршамбе 221
Би Кулол (Кылол) 251
Билол 98
Би Рахмона (Раһмона) Давлятова 214, 221
Бич, к. 318
Бобиев Зайниддин 331
Бобои-Дехкон (Деҳкон) 114, 115, 116
Бобои-Одам 143
Бобринской А. А. 15, 16, 19, 51
Боги-Калон (Боғи-Калу), кв. 82, 94
Боги (Боғи)-Назари-Али, кв. 107
Боги (Боғи)-Паст, кв. 89
Боги-Пишон (Боғи-Пышун), кв. 85, 86
Боги-Рауф (Боғи-Рауф), кв. 93
Богчаи (Боғчаи)-Сафари, кв. 93

Боги-Сырог (Боги-Сырог), кв. 93
Боги-Шол (Боги-Шол), кв. 94
Богоявленский Н. В. 15, 16
Богорад Ю. И. 23
Бодомаев, А. 155
Бодравак, к. 207
Бозор 96
Большой Памирский тракт 29, 44, 83
Борнс А. 9
Боршид, к. 59, 97, 318
Бояр 90
Бровг, к. 85
Бронников Н. 14.
Бубакша//Маһаллаи Бубакша (Бы-бакша), кв. 92
Булкос (Былкос), сельский совет 36, 98, 101
Буни-Боги-Сыро (Быни-Боги-Сыро), кв. 90
Буни-Джар (Быни-Ҷар), кв. 69, 90
Буни (Быни)-Ку, кв. 85, 93
Буни-Кухи-Кози (Быни-Кухи-Козй), кв. 87
Буни-Овринг (Быни-Овринг), кв. 86
Буни-Питов (Быни Питоw) 83
Бурса (Вырса//Вырсад), к. 318
Бурх, см. Хазрати-Бурх
Бута 96
Бухара Passim
Бухарское ханство (эмират) 12, 18, 20, 44, 47, 52
Бушир (Бушыр), кв. 83
Бушолак (Бышолак), к. 318

Вабкент 86
Ваглангу (Ваглангу), кв. 92
Ванч (Ванч), р. долина Passim
Ванч, амлок 36, 37
Варджудж, к. 54, 92, 94, 212
Вардуч (Вардыч//Варзыч), к. 50 102, 103
Варзоб, р. 52, 191
Варсун, кв. 84
Васильев 14, 15, 18, 19
Вахан 207
Вахио Passim.
Вахиои-Боло, амлок, местность 13, 28, 35, 50, 55, 57, 59, 83, 85, 86, 94, 183, 184, 188
Вахиои-Поён, местность 53, 55
Вахш, р. Passim
Вахшская дол. 43, 45, 63, 212
Вахсшский хр. 25, 18
Ваширьён (Ваширьюн//Вашорьюн), кв. 88
Введенский П. П. 20, 64
Вельяминов-Зернов В. В. 10
Вижум, к. 91
Ви Саит Кылол 251
Виск, уроч. 231
Висхарв (Высхарв), к. 54, 85, 86, 113, 115, 231, 234, 236, 251
Висхарви (Высхарвй), р. 28, 85
Висхарви (Высхарви)-Боло 85
Вихт, кв. 81
Вишхарв (Вышхарв), к, 52, 54, 68, 84, 85, 172, 320
Вишхарви (Вышхарви)-Повун, к. 320
Водел, кв. 81
Войдара, к. 61, 99, 106, 292
Водхуд, к. 37, 70, 83, 85, 86
Вомар, к. 87, 320
Восточная Бухара 17, 35, 42, 213
Восточнғй Туркестан 14, 35
Вох 56, 319
Выгай, кв. 85, 86
Выдлинг, кв. 83
Вырзга, к. 318

Габе М. Р. 23
Гадайюлы, пер. 25, 26
Гадо 327
Гадоалии-Афтобру, к. 318
Гадоалии-Нышра (Гадоъалии-Ныш-ра), к. 318
Гадоева Расо 332
Гавосиён (Ғавосиюн), к. 102
Гаждун, кв. 85
Гайдер-шах 11
Гайратшо (Ғайратшо) 41
Гальчагиён (Ғалчагиюн), к. 318
Гандара, к. 100
Ганджури-Мурунди (Ганҷури-Мы-рындй), уроч. 86
Ганишов (Ғанишow), к. 60
Гардани-Богу (Богу), кладб. 81
Гарм (Ғарм) к., вилайет, округ, об-ласть, район Passim
Гарм, амлокдорство 36
Гарм, совхоз 152, 153, 163, 164, 194
Гарми (Ғарми)-Боло, кв. 65, 78
Гарми-Поён (Ғарми-Поюн), кв. 78
Гармо, пик 25
Гармобаи-Кала (Калъа), к. 107
Гармский вилайет, область, туман Passim
Гармхо (Ғарымхо), к. 54, 93, 94
Гаффур (Ғаффур) 96
Гиндукуш 34, 51, 325
Гинзбург В. В. 21, 22, 49, 50, 315
Гиргишун (Гыргишун), кв. 83
Гирдоб, к. 318
Гиссар (hисор) Passim
Гиссарская долина 6, 12, 63
Гиссарский хр. 25, 291
Гишон (Ғышун), к. 54, 55, 81, 89, 113, 148, 192, 231
Гишон (Ғышун), пер. 30
Говд (Ғовд), к. 59, 60, 69, 95, 96, 97, 103
Говдиён (Ғовдиюн), к. 103
Говди (Ғовди)-Миёна, к. 318
Говдиё (Ғовдию), кв. 69
Говди (Ғовди)-Паси-Овриндж, к. 318
Говди (Ғовди)-Паст, к. 318
Гога, кв. 83
Годж (Ғоч//Ғоч), к. 54, 84
Гоибназарбой (Ғоибназарбой), 153
Гойбой (Ғойбой) (из-Ғоиббой?) 95
Гориф (Ғориф), к. 17, 50, 315
Горно-Бадахшанская обл. 42, 44, 151
им. Горького, колхоз 147, 176
Громбчевский Б. А. 14
Грум-Гржимайло Г. Е. 14
Гуга (Ғўга), к. 85
Гуган (Ғўган)-Пову, кв. 85

Гузават, к. 318
Гузари-Боло, кв. 78
Гузари-Малик, кв. 107
Гузари-Мина, кв. 105
Гузари-Миркаримхон, кв. 106
Гузари-Поён, кв. 105
Гузари-Яхчиё, кв. 100
Гули-Гавдак (Ғули-Ғавдак), кв. 78
Гули-Хавдак (ҳавдак) 78
Гулова Гулмо 323
Гултепаи-Боло, к. 106
Гултепаи-Поён, к. 106
Гулхайри-Боло, кв. 71
Гульён 318
Гумай, к. 93
Гунд (Ғунд) 324
Гундараи-Боло (Ғундараи-Боло), к. 318
Гундараи-Поён (Ғундараи-Пову), к. 318
Гурбадара, к. 318
Гуристони (Гуристуни)-Мазор, кладб. 80
Гуристони-Паси-Тег (Гуристуни-Паси-Теғ), кладб. 80
Гурум (Ғырум), к. 318
Гурхам, к. 112, 129, 318
Гудж, к. 55, 84
Гыргуни, к. 58
Гыргишун 83

Давид (Довуд) пророк 209, 210, 331
Давлатов Хикмат (ҳикмат) 324
Давлят, мастер 205
Дамов, к. 318
Данғара (Данғара), к. 104, 155, 320
Данғараи-Худжои-Кулоб (Данғараи Ҳуҷои-Кулоб), к. 91
Дангаринский р-н 159
Данскер О. Л. 23
Дара 95, 99
Дараи-Боби, к. 106
Дараи-Боло, к. 318
Дараи-Дархарва, к. 318
Дараи-Девонбеги (прежнее название к. Дараи-Мазор, см.) 96
Дараи-Джуи-Афтобру, к. 318
Дараи-Джуи-Нышра, к. 318
Дараи-Калп, к. 318
Дараи-Мазор (или Дараи-Девонбеги) 96, 147
Дараи-Мело, к. 318
Дараи-Муджихарф 105
Дараи-Рушани см. Рушани, к.
Дараи-Сабзи-Кадам (Қадам), к. 106
Дараи-Саркорон (Саркору), к. 318
Дараи-Себак, к. 318
Дараи-Сево, к. 106
Дараи-Хайрон (ҳайрон), к. 318
Дараи-Хакими (ҳакимӣ), к. 105, 237, 255
Дараут-Курган, к. 12
Дарахтак, к. 318
Дарбог, к. 318
Дарваз Passim
Дарвазское бекство 35, 37, 40, 42, 206
Дарвазский хр. Passim.
Дарвеш-Али, к. 106
Дарвозаи-Шарк (Шарк), ворота 97
Дарвозаи-Гарб (Ғарб), ворота 97
Даргаз, к. 318
Даргаза, кв. 85
Дахани (Дахани)-Дударги, ущ. 80
Дахбед (Дахбед), к. 85.
Дашт, кв. 68, 86, 89
Дашти-Бедона, степь 28, 30, 192
Дашти-Бозор, угодье 96
Дашти-Боло, к. 318
Дашти-Гози (Ғозӣ), к. 318
Дашти-Гырк (Ғырк), к. 318
Дашти-Джум, к. 55, 56, 93, 325
Даштиджумский р-н 221, 315, 317
Дашти-Дуробак (Дыровак), кв. 89
Дашти-Кабак (Қабак), к. 81
Дашти-Лич, к. 78, 86, 87, 234, 237
Дашти-Навобод, к. 106
Дашти-Наё, к. 318
Дашти-Сабз, к. 318
Дашти-Узбекон, уроч. 27
Дашти-Хасан (ҳасан), к. 318
Дашти-Хевар (Ҳевар), к. 99
Девдара, кв. 86
Девлохи-Калон (Калун). к. 129, 318
Дегдонак (Дегдунак), к. 106
Дегилмон (Деи//Дияи Ғилмон—из ғуломон?), к. 96, 104
Деи-Боло, к. 318
Деи-Калон, к. 318
Деи-Кухна (Кухна), к. 100
Деи-Мири, к. 92
Деи-Мулло, к. 318
Деи-Сафар, к. 318
Деи-Та, к. 104, 105, 307, 318, 331
Дехаи (Диҳаи//Дияи)-Амирбек, к. 98
Дехаи (Деҳаи)-Боло, к. 100
Дехаи (Деҳаи)-Дашт, кв. 100
Дехаи (Деҳаи)-Поён, кв. 100
Дехаи-Саид (Диҳаи//Дияи-Саъид), к. 98, 154
Дехаи (Диҳаи//Дияи)-Эшон, к. 98
Дехи (Дехи//Дии//Дыи)-Баланд, к. 106, 189, 318
Джабраил (Ҷабраил) 209
Джавай (Ҷавай), к. 81
Джавзодара (Ҷавзодара), к. 55
Джавони (Ҷавонӣ), к. 70, 71, 126, 131, 132, 182, 192
Джавхари 180,
Джавчи (Ҷавчӣ), к. 129, 189, 318
Джавчии (Ҷавчии)-Боло к. 70
Джамхур (Ҷамҳур) 100
Джангал (Ҷангал), кв. 89
Джари (Ҷари)-Бахт, уроч. 53
Джармазар, к. 60
Джафарбай (Ҷафарбой), 153
Джафр (Ҷафр), к. 101, 197, 208, 307, 328
Джегуни (Ҷегунӣ), кв. 93
Джегуниё, кв. 90
Джигдабиёни (Ҷыгдабиюни)-Сандал, к. 98
Джигдабиёни (Ҷыгдабиюни)-Эшон, к. 98
Джилонди (Ҷилондӣ), к. 186

Джиргаталь (Ҷиргатол), к., Джиргатальский амлок, р-н, туман Passim
Джирог (Ҷироғ), к. 318
Джои (Ҷои)-Эшоно, кв. 70, 85, 86
Джорф (Ҷорф) 50, 54, 55, 63, 67, 70, 85, 86, 183, 218, 219, 283, 306, 320
183, 218, 219, 283, 306, 320
Джоштаки (Ҷоштаки)-Моймай, к. 86
Джуйбор (Ҷуйбор//Ҷыбор) 71, 319
Джуйбори (Ҷыбори)-Мина-Ду, канал 88
Джумарч (Ҷумарч), амлок 36
Джур (Ҷур), к. 59, 60, 69, 96, 97, 318
Джури-Боло (Ҷури-Боло), к. 318
Джури-Поён (Ҷури-Поюн), к. 318
Дии (Дыи)-Боло, кв. 84
Дии (Дыи)-Ла, кв. 84
Дии (Дыи)-Тор, кв. 84
Диловаршо 41
Дирвад (Дырвад), кв. 85
Дихан-Саид, к. 99
Дия, кв. 81
Дияи-Амирбек, к. 61, 152
Дияи-Охун, к. 104, 105
Дияи-Саид (или Дияи-Устоҳо), к. 61
Дияи-Устоҳо см. Дияи-Саид, к.
Доваги, к. 318
Довуд (пророк) 83, 209, 211
Довуд, усто 67, 83
Додарбек, усто 104
Домбрачи, к. 186
Донгуз-Кул, кв. 95
Дорчуб, уроч. 152
Ду (Дых//Мина-Ду), кв. 80
Дува, к. 52
Дуватк, к. 318
Дудара, кв. 85
Дукак, к. 70
Дукониё (Дыкунию), к. 101
Дуоб, к. 55, 102
Дуоб, местность 94
Дуоба (Дыова//Дова)), к 94, 101
Дурааги, кв. 83
Дуробак (Дыробак), к. 37 52, 54, 67, 89
Душанбе 12, 16, 42, 44, 46, 52, 63, 112, 212, 213, 315
Душоха, к. 318
Душохакахаки (Дышохакаҳаки)-Боло, к. 318
Душохакахаки (Дышохакаҳаки)-Поён, к. 318

Ершов Н. Н. 4, 22, 23, 320, 331, 332
Ебони-Хисор (hисор), местность 91
Еволук, к. 318
Егид (Егыд), к. Passim
Егук (Еғук), кв. 86
Езганд (Езғанд), к. 81, 101, 129, 171, 172, 318, 323
Енахш, к. 107
Ермазор, к. 60, 318
Ефку, кв. 81
Ефуч (Ефыч), к. 36, 57, 96, 106, 318

Жаба Х. А. 24
Жавай, к. 84, 91, 93
Жаг, к. 54
Жигад (Жыгад), кв. 85

Заалайский хр. 25, 26
Забирзода М. 191, 325
Загара (Зығара), к. 189
Загараи (Зығараи)-Боло, к. 318
Загараи (Зығараи)-Поён, к. 318
Зайнабобод, кв. 107
Закаспийская жел. дор. 213
Заки-Авди, к. 317
Замини-Жавай, уроч. 84
Замини (Зымини)-Чун, кв. 92
Зарда, к. 99
Зарубин И. И. 19, 76
Згерджо (Зыгерҷо), кладб. 181
Зев, к. 54, 67, 81, 89, 93
Зеравшан (Зарафшон), р., долина 6, 13, 30, 308
Зеравшанский хр. 25, 26, 27, 28, 30, 54, 201, 214
Зери-Куча, кв. 83
Зидди, к. 52
Зидди-Дарья, р. 52
Зинг (Зынг), к. 37, 53, 86, 87, 88, 111, 115, 150, 181, 211, 300, 320
Зингрог (Зынгроғ), кв. 87
Зиндапир 217
Зиёев Косим (Қосим) 325
Зирадара, уроч. 152
Зокир 99
Зокиробод, к. 102
Зорон (Зорун) 83
Зорони-Калон (Зоруни-Калун), к. 106
Зорони (Зоруни)-Майда, к. 106
Зувай (Зывай), к. 118
Зуманак, к. 99
Зухро (дарв. Заҳро) 172
Зухур-Баходур (Зухур-Баҳодур) 104
Зыгар (Зығар), к. 25, 36, 50, 54, 91, 94, 111, 218, 219, 228, 243, 280, 305, 306, 327

Ибар, кв. 89
Ибараи-Ду, кв. 93
Ибардара, кв. 86
Ибрагимбек 43
Ибрагимова Зебо 323
Иванов Д. Л. 14
Иконникова Т. П. 23
Имлок 100
Индия 34, 40, 51, 224
Инкон (Инку), к. 317
Иран 34, 50, 51, 62, 90, 181
Искандар Зулькарнайн 51
Истон (Истун), к. 99
Истони (Истуни)-Боло, к. 99, 100
Истони-Поён, к. 99
Исфара, к. 52
Ишан Султан (Эшон Султон) 41
Иштиён (Иштиюн), к. 69, 96, 97, 98, 318

Кабадиан, к. 12, 91
Кабри-Шахидо (Қабри-Шаҳидо) 82
Кабуд (Кабут) 104
Кабул 11

Кабутиён, к. 104, 105
Каган 63
Кадара, к. 58, 98, 99, 152
Каджбедиё (Кажбедию), к. 106
Кади-Хыныч (Кади-Хыныч), местн. 94, 101
Кади-Шикай (Кади-Шыкай), местн. 53, 54, 69, 80, 88, 92, 317
Казацкое амлокдорство 36
Казбеков 324, 325
Казнок (Казнок), к. 61, 69, 79, 102, 103, 218, 219, 238
Казнокский с/с 231
Калаи (Калъаи)-Боло, кв. 105
Калаи (Калъаи)-Бом, кв. 79
Калаи (Калъаи)-Варзоб, к. 191
Калаи (Калъаи)-Дашт, к. 28, 54, 102, 141
Калаидаштская дол. 25, 28, 30
Калаи (Калъаи)-Занку(н), к. 60, 95
Калаи (Калъаи)-Зиё, укрепление 105
Калаи-Кози (Калъаи-Козй), к. 98
Калаи (Калъаи)-Кофир, холм 105
Калаи-Кухна (Калъаи-Кухна), кв. 87, 107
Калаи (Калъаи)-Лаби-Об, к. 27, 36, 42, 60, 69, 71, 79, 96, 97, 98, 126, 147, 183, 185, 187, 188, 192, 214, 224
Калаи-Лаби-Об, амлок, район 36, 44, 95, 315
Калаи (Калъаи)-Махсуд, к. 102
Калаи-Миёна (Калъаи-Мина), к. 101
Калаи (Калъаи)-Нав, к. 58, 70, 106, 145
Калаи (Калъаи)-Нави-Боло, к. 106
Калаи (Калъаи)-Нави-Поён, к. 106
Калаи (Калъаи)-Сарбанда 98
Калаи-Сурх (Калъаи-Сырх), к. 60, 98, 99, 115, 152, 189
Калаи-Хаит (Калъаи-hоит), амлокдорство 36
Калаи-Хумб (Калъаи-Хым) к., амлок, район Passim
Калаи Хусайн (Калъаи-hисайн), к., 54, 72, 91, 317, 327
Калаи-Хучак (Калъаи-Хучак), к. 318
Калаи-Хушкак (Калъаи-Хышкак), к. 100
Калаи (Калъаи)-Чак, к. 101
Калаи (Калъаи)-Шайх, к. 102
Каланак (Калъанак), к. 61, 94, 101, 106, 113, 152, 183, 189, 190, 209, 230, 232, 237, 243, 261
Калдар 58
Калдарьён (Калдарьюн), к. 58
Калиазар, к. 104, 105
Калпак, к. 318
Камароу, ущ. 36, 52, 61, 93, 94, 102, 103, 105, 106, 261
Камароу, амлокдорство 36
Камбарьён (Камбарьюн), к. 61, 98
Камчак (Камчак), к. 318
Кан, кв. 80
Кангурт (Кангырт), к. 88, 320
Кандов (Кандов), к. 59, 95, 183, 184, 186
Канишбек, к. 58
Каноат (Каноъат), 84
Канораи-Ду (Кынораи-Ду), кв. 87
Кара (Кара) 96
Карагушхана, пер. 32
Каракуль (Каракул), уроч. 152
Каракутан (Каракутон), к. 129, 189, 318
Каракутан, уроч. 152
Каралук (Калолик), к. 102, 103
Кара Махмуд (Кара Маһмуд), к. 101
Каранак, к. 318
Карасарт (Карасарт) 153
Каратаг (Каратоғ), к. 12, 100, 207
Каратегин (Каротыгин), Каратегинское бекство Passim
«Каратегин», колхоз 152
Каратегин Верхний 27, 44, 95, 127, 135, 213, 220, 236
Каратегин Нижний 27, 28, 40, 44, 63, 121, 126, 127, 141, 148.
Каратегин Средний 27, 44, 95, 127, 148
Каратегинский хр. 27, 151, 152
Карашахр (Карашахр), к. 58
Кармуллои-Тагови, к. 99
Кармышева Б. Х. 23, 59, 151
Карчабегиё, кв. 86
Карчин (Карчин), к. 101
Каскарог (Каскарог//Каскорог), к. к. 60, 97, 318
Каскон, к. 272
Катта-Карамук, уроч. 27
Катта-Курган (Катта-Курғон), г. 52, 102
Кауми (Кавни)-Дуст, кв. 88
Кауми (Кавни)-Мири-Шавун, кв. 88
Кауми (Кавни)-Шехо, кв. 81
Кафирниган (Кофарниҳон), р. 25, 62, 104, 327
Качаманди (Качамандй), к. 102, 103, 231
Каш, кв. 89
Кашгар (Кашқар) 52, 55, 59
Кашкарай, к. 106
Кеврон (Кеврун), к. 37, 53, 54, 68, 86, 87, 147
Кенджибай//Кенджабай (Кенчабой) 95
Кербела 180
Кзыл-Су, р. 27, 59, 61, 62, 80, 99, 152, 159, 318
Кизило (Кизило), к. 188
Киргизия 52, 112
Киргизмахалла (Киргизмаһалла) 60, 72
Киргизское амлокдорство 36
Кировабадский р-н 56, 70
Кирпичников Н. Д. 325
Кисляков Н. А. 4, 9, 21—24, 36, 37, 56, 57, 58, 64, 68, 76, 77, 151, 172, 331
Кичикзи, к. 58, 60
Кичиккарамук, к. 25
Кобаст, кв. 85, 86
Коканд, г. 214, 327
Кокандское ханство 9—11

Кок-Су, р. 94
Комсомолабад, к. 33, 79, 80, 82, 105, 302, 328
Комсомолабадский р-н 44, 115, 116, 122, 135, 146—148, 218, 231, 236, 237, 255, 261
Копали, к. 327
Косагардон (Косагардун), к. 318
Косяков П. Е. 13
Кочон, к. 232, 282, 288
Кочони (Кочуни)-Боло, к. 58, 102
Кочони (Кочуни)-Та, к. 102
Кошмуйнак, к. 60
Коям, к. 82
Крючков Е. 21
Кува (Кува), кв. 89
Кува (Кува), к. 321
Куглик, к. 58, 60, 67, 96, 98, 147, 163, 183, 188, 192
Кузнецов кап., 15, 18, 19, 36, 153, 315
Кузнецов П. Е. 52
Куи-Кандж (Қанҷ), к. 83
Кукавлуг, уроч. 300
Кул, к. 99
Кули-Офтобру, к. 188, 189
Кули-Мазор, кв. 78
Кули-Сояру, к. 78, 188
Кули-Устуун, кв. 78
Кулс, к. 102, 231
Кулоба, к. 98
Кулумбаи (Кылымбаи)-Боло, к. 318
Кулумбаи-Поён (Кылымбаи-Поюн), к. 318
Куляб (Кулоб), Кулоби-Калон Passim
Кумбак, к. 71, 99, 100
Кунгара, к. 89
Курбан (Қырбон) 105, 210
Курбанов Хусайн 331
Курбонджон Курбанова 191
Курган-Тюбе (Курғон-Теппа), г. 12, 82, 84, 90
Кургантюбинский р-н 64
Курговад (Кырговад), к. 28, 30, 54, 55, 67, 71, 83, 84, 116, 125, 137, 147, 148, 183, — 185, 186, 305
Курган (Қырғон), к. 60
Кургонон (Қырғонун), кв. 86
Курушинг, канал 109
Куф (Кӯф), амлокдорство 36
Куф, к. 89
Кухи (Кухи)-Чорчамано, кв. 90
Куча (Кӯча), кв. 83
Кучаи-Кала (Қалъа), кв. 107
Кучаи-Хамадун (Кӯчаи-Хамадун), кв. 84
Кушагба (Қушағба), пер. 52, 59, 60, 69, 95, 169, 171, 186, 323
Кушк, к. 328
Куюк-Мазар (Қуюкмазор), к. 52
Кшиндара 274
Кыздара (Қиздара), уроч. 152
Кызрок (Қызрок), к. 102
Кынддеву, кв. 81
Кырдиф, кв. 85
Кыстакоз, к. 327
Лаби-Оби-Хумбоу, кв. 78
Лави-Джар 83
Лавоваи-Пандж, кв. 89
Лайрон (Лайрун), к. 69, 80, 97, 256 318
Лангар, к. 53, 55, 59, 60, 70, 81, 82, 90, 91, 93, 96, 98, 105, 317, 318
Лангарак, к. 60, 70, 98, 152
Лангари-Сангвор. к. 318
Лангари-Тавильдара, к. 318
Лангари-Шо, к 60, 96, 98, 147, 183, 188, 205
Лангари-Шои-Боло, к. 98
Лангари-Шои-Хомуш, к. 80
Лангаро, кв. 89, 317
Латипов Кадим (Қадим) 332
Латыпов Н. 37
Ленинабад 61, 63
Ленинград 256
Лессар П. 325
Лиджак (Лиҷак), кв. 81, 104
Липский В. И. 17
Литвинов Б. Н. 17
Логофет Д. Н. 18
Лоджирк, к., амлок 17, 36, 96, 98, 318
Лоикьён (Лоиқьюн), кв. 88
Лойоба (Лойова), к. 102, 103
Лояк, к. 102
Лугзиён (Луғзиюн),и к. 101
Лукашеь 22
Лулаи-Мирак, кв. 82
Лухч (Лыхч), к. 82, 318
Лючоб (Лучоб), к. 52
Ляхш, канал 109
Ляхш, совхоз 152
Ляхш (Лахш), местность 112, 153, 183, 186, 187, 331
Магидович И. 64
Маджид (Маҷид) 115
Мадраса, к. 87
Мадрынрашт, овринг 29
Мадынгат, 318
Маев Н. А. 12
Мазор, кв. 81
Мазор, к. 36, 318
Мазори-Шинг, к. 60, 69, 96, 97
Мой она Худака, кв. 105
Маллицкий Н. Г. 21
Маннон Гафуров 329
Марг (Марғ), к. 54
Маргелан, г. 204
Марказ, центральные кишлаки Дарваза 53
Маркс К. 224
Масальский В. И. 17, 19
Масловский С. 17 и
Матча (Масчох) 40, 54, 61, 62, 99, 102, 103, 104, 105, 166, 217
Матчинский хр. 25
Махаллаи (Маһаллаи)-Амиригиё 100
Махаллаи-Базги, кв. 92
Махаллаи-Бахром (Ба(х)ром), кв. 89
Махаллаи-Бовигиё, кв. 100
Махаллаи-Боги (Боғӣ), или Мачити-Боги 83

Махаллаи-Боло, кв. 71, 72, 91, 92, 94, 95
Махаллаи-Говдиё(н) (Ғовдиюн), кв. 60, 97
Махаллаи (Маһаллаи)-Джуриё, кв. 69, 97
Махаллаи-Иштиюниё, кв. 69, 97
Махаллаи-Каумн-Дуст (Қауни-Дуст), кв. 88
Махаллаи-Киргизо (қирғизо), кв. 97
Махаллаи-Кучирга, кв. 95
Махаллаи-Лайрунчиё, кв. 69, 97
Махаллаи-Кучиргаи, кв. 95
Махаллаи-Магзумо (Мағзумо), кв. 96
Махаллаи-Мачити-Калун, кв. 79
Махаллаи-Мачити-Кашкарьён (Мачити-Қашқарью), кв. 79
Махаллаи-Мачити-Пингон (Мачити-Пингун), кв. 79
Махаллаи-Мачити-Чукурак (Мачити-Чыкырак) кв. 79
Махаллаи-Мехчагарон (Мехчагарун), кв. 71, 79
Махаллаи-Мина, кв. 94, 95
Махаллаи-Муллохолиё, кв. 97
Махаллаи-Пову(н), кв. 71, 72, 91, 92, 94
Махаллаи-Сузангарон, кв. 206
Махаллаи-Та, кв. 95
Махаллаи-Факиро (Факиро), кв. 71, 96
Махаллаи-Хади-Повун (һади-Повун), кв. 79
Махаллаи-Хатута (Хатута//Хатутохо), кв. 71
Махаллаи-Хатутохо, кв. 97
Махаллаи-Чармгарон, кв. 71, 80, 206
Махаллаи-Элок (Элоқ), кв. 70
Махаллаи-Эшон, кв. 88
Махаллаи-Эшоно, кв. 70
Махаллаи-Ясмандиён, кв. 98
Махмадхон (Маһмадхон) 30
Махмуд (Маһмуд) 204
Мачити-Боги (Боғй), кв. 83
Мачити-Сузгунч//Махаллаи-Сузгунч, кв. 83
Машкунак, к. 102
Мейендорф 9
Мекка 146
Мервский р-н 256
Мешкерис В. А. 23
Миёна-Дара, к. 248
Миёна-Ду, к. 318, 319
Миёна-Ду, кв. 69, 80, 81, 82, 88, 90, 91, 92, 93
Минаев И. 13, 214
Минадара, к. 99
Мионаду, к. 40, 118
Мирзоён, к. 317
Мирзо Малик 96
Мир Савзали 90
Миртоб, к. 101
Мир Тошев 89
Миру, кв. 89
Мирудьён Миръадьюн), к. 318
Мирхайбу (Мирһайбу), кв. 87
Миршол-Кадим 82
Мискинобод, к. 58, 106
Миср (Египет) 106
Моймай, амлок, к. 36, 55, 83
Момо Хаво (һаво) 221
Морав, кв. 71, 83
Московский р-н 94
Мошак (Мошак), кв. 85
Мошт, кв. 85
Муджихарф (Муҷиҳарф), ущ. 28, 36,
Муджихарф, к., амлок 94, 103, 105, 106, 137, 140, 190, 261
Муджихарфи-Калон, к. 106
Муджихарфи-Умбара, к. 106
Музаффархон 10, 11
Мук, к. 183, 186
Мук-Су, р. 12, 25, 27, 59
Мулловон (Мылловун), к. 106
Мулло Ибрагим (Мылло-Иброҳим) 89
Мулло Каландар (Қаландар) 153
Мулло Кенджа (Кенча), к. 58, 67
Мулло Луток 82
Мулло Косимбай (Қосимбой) 153
Мулло Махмадкарим (Маһмадкарим) 188
Мулло Темур, к. 58, 60, 67, 69, 96, 97
Мулло Фирдавси 188
Мулло Хошок 188
Муминабад, к. 55, 56, 81, 82, 90, 91, 93, 94, 105, 106, 325
Муминабадский р-н 93, 316
Мунай, к. 91
Мургаки (Мырғаки)-Боло 317
Мургаки (Мырғаки)-Поён 317
Мурдон (Мырдун//Мырнун), к. 318
Муртако (Мыртако), к. 101
Мусогиё, кв. 105
Мусообод, к. 106
Мухаммад (Мыһаммад) 173, 327
Мухаммадюсуф Махмадшафе (Мыһаммадюсуф Маһмадшафе) 230
Мухиддинов И. 4, 23, 179, 320
Мыльви-Барфак, к. 83
Мырнун см. Мурдон

Наби 69, 92
Навабад (Навобод), к. 60, 80, 96, 106, 318
Навди (Надвы, из Навдых), 61, 101, 102, 115, 138, 140, 178, 183, 189, 199, 200, 206, 209, 285
Навруз 300
Наврузи-Охуни-Мулло Хошок 189
Навруз Шашоев 300
Над, к. 318
Назир 93
Назирходжа Абдуджабборов 207, 326
Наимбай 153
Найгуфт, к. 59, 86, 318
Наливкин В. П. 322
Намнаруд, к. 153
Невесский 12
Неменова Р. Л. 4, 23, 37
Ненак, к. 106
Нигова, к. 99
Ниёзбегиён, к. 99
Нижгола (Ныжғола), к. 95
Нимич (Нымич), к. 36, 58, 101
Нимичи (Нымичи)-Боло, к. 58, 101

Нимичи (Нымичи)-Поён, к. 58, 100
Нимичи (Нымичи)-Та, или Сари-Чашма 101
Нишаи (Нышай), к. 318
Новако, к. 100
Новд, к. 318
Новдонак (Новдунак), к. 36, 99, 147
Новдонак, амлокдорство 36
Новицкий В. Ф. 17
Новошт, кв. 85, 86
Норои-Шири (из анорҳои ширин?) кв, 93
Носири-Хисрав 91, 319
Носиробод, к. 106
Нульванд (Нылванд), к., район 44, 54, 55, 71, 93, 94, 115 318
Нурджанов Н. Х. 4, 23, 24,
Нурек (Норак), к. 102
Нурмахмад (Нурмаҳмад) 329
Нурундж (Нырынч), к. 189, 318
Нусай (Нысай), к. 317, 318
Нусратабадский туман 214
Нусуни (Нысуни), к. 318
Нуширьён (Нышириьюн), к. 99, 102
Нушор, канал 109
Нушор (Нышор), к. 50, 59, 60, 69, 72, 97, 122, 126, 140, 142, 147, 148, 183, 209, 213, 217, 228, 240, 248, 331
Нушори (Нышори)-Поён, к. 60, 96, 97

Оби-Арзинг (Арзынг), р. 57
Оби-Верешун, р. 104
Оби-Гарм, к. 30, 33, 36, 54, 58, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 148, 152, 189, 221
Оби-Гарм, амлок, район, 36, 44
Оби-Гарм, р. 28, 30, 58, 61, 62, 109, 302, 315, 325
Оби-Гарми (Ови-Гармй),к. 102, 106
Оби-Занку, р. 27, 58
Оби-Кабуд, р. 27, 61, 315
Оби-Камароу, р. 28.
Оби-Мазор, р. 53, 57
Оби-Мангов, р. 92
Оби-Ниоу, р. 28, 55, 89, 90, 92, 261, 316
Оби-Равноу р. 28
Оби-Сел//Оби-Сели, кв. 87
Оби-Фохтагирак, к. 98
Оби-Хингоу, р. 54, 315
Оби-Хук, канал 109
Оби-Хулак, р. 95
Оби-Хумбоу (Хымбоу), р. 28, 33, 80, 315
Оби-Чака, р. 95
Овринги-Махмадхон (маһмадхон)
Одильён (Одильюн), к. 318
Одинаев Шо (Шох) 320
Окс, р. 9
Оксой (Оҳсой), к. 186
Олуни, к. 318
Олуфсен С. 18
Олучахако (Олычаҳако), к. 98
Орджоникидзеабад 82
Орион 191, 300
Ориф (Ъориф) 103
Осиёб, ущ. 320
Осиёбджу (Асиёбчу), кв. 85
Охангарон (Оҳангарун), к. 106, 318
Охун 104
Охуни Мулло Наим 189
Охуни Мулло Хошок 186, 188, 189
Ошанин В. Ф.

Пагула (Пағула), к. 12, 13, 49, 58, 77, 189, 318
Падруд 267, 268
Пажгыр (Паҷғыр) кв. 63, 85
Пакшиф, пер. 13, 14, 17, 44, 51, 55, 85, 89, 93, 110, 137, 153, 182, 191, 308
Памир Passim
Памирский тракт 29, 33, 44, 83, 100
Пангтову, кв. 72, 79
Панджшир, дол. 328
Панков А. В. 20
Парвин, ситораи Парвин 300
Паси-Ови-Талх, к. 318
Паси-Работ (Рыбот), кв. 80
Паси-Тег (Теғ), кв. 82
Паски-Гузу, к. 318
Паст, кв. 83
Пастелак, к 82, 97, 318
Пастику, к. 318
Пастирог (Пастироғ), к. 82, 87, 184
Паткиноу, к. 37, 54, 88, 89
Пахмдара (Паҳмдара) 152
Пашимгар, к. 318
Пашор, к. 100, 189, 318
Пенджикент, г. 11, 15, 61, 268
Персия 51
Петра I, хр. 12, 17, 26, 27, 28, 30, 59, 60, 122, 151, 152
Петров К. И. 52
Пеши-Мазор, кв. 93
Пешрифо, кв. 88
Пещерева Е. М. 21, 22, 24, 166
Пиёин, кв. 81
Пилдон (Пилдун), к. 95, 213, 238, 240, 248, 282, 284
Пилдони (Пилдуни)-Боло, к. 59, 60, 95
Пилдони (Пилдуни)-Миёна, к. 59, 60, 95
Пингон (Пингун), к. 102
Писарчик А. К. 4, 23, 24, 179
Писыр, кв. 90
Пита, к. 105
Питовкул. к. 95, 318
Плеяды 191, 300
Пои-Мазор. к. 37
Поёни-Шахр (Шахр) 92
Покотило Н. Н. 1
Полезак, к. 318
Попов А. В. 305
Порвор, к. 316
Порхави-Жавай, к. (Афганистан) 91
Порьёв, местность 53, 80
Порьёви-Боло 37, 53, 54, 55, 69, 90, 83, 92
Порьёви-Поён 37, 53
Поршнев, к. 327
Посиров, кв. 105
Пославский Ю. М. 20
Посун//Посвун (из Посбон?), к. 96
Посуни-Сари-Дашт, к. 318

Посуни-Сари-Джар (Чар), к. 318
Пот, к. 82
Пошхарв, к. 25, 28, 54, 83, 115, 137
Псода, к. 318
Пумбачи (Пымбачӣ), к., амлок 36, 79, 80, 103
Пунарвог (Пунарвоғ), к. 97, 318
Пуни-Ду, кв. 69, 71, 78, 80—83, 85—87, 89—93
Пуни-Дуи-Пастин, кв. 83
Пуни-Куча (Кӯча), кв. 85, 86
Пуни-Шор, к. 54, 55, 92, 93, 116, 117, 121, 124, 209
Пуркуф (Пыркуф), кв., см. Пурхуф
Пурхуф (Пырхуф), кв. 83
Пусидашух, к. 58
Пуштарог (Пыштароғ), к. 98, 112, 115, 149, 317
Пшиф, лет. 86
Пшихарв, к. 37, 53, 54, 83, 113, 115, 117, 124, 125, 135, 137, 139, 141, 148, 149, 160, 166, 170, 172, 185, 218, 212, 215, 216, 228, 232, 254, 261 262, 264, 265, 270, 272, 274, 277, 278, 282, 285, 286, 287, 288, 295, 329
Пшогед, уроч. 152, 165
Пяндж, р. Passim

Работ (Рыбот), к. 52, 54, 55, 67, 69,
Работак (Рыботак), к. 100 80, 93, 148, 192, 317
Работи-Хух (Рыботи-хух), к. 318
Работнол (Рыботнол), к. 318
Работноли-Варави, к., см. Работноли-Гарибон
Работноли-Гарибон (Рыботноли-Ғарибун) 318
Работноли-Калон (Рыботноли-Калун), к. 318
Равноу, к. 40, 54, 71, 72, 89, 90, 91, 92, 126, 212, 327
Разаки (Разаки)-Боло 318
Разаки-Дашти-Кала (Калъа) 318
Разаки-Дарун//Дара, к. 318
Разаки-Поён (Разаки-Пову), к. 318
Райкова И. А. 21, 110
Рамазан (Рамазон) 181, 210
Рамит (Ромит) 62
Расо, усто 179
Расторгуева В. С. 4, 320
Расул 102
Рахим (Раһим) 102
Рахимов М. Р. 4, 22, 23, 24, 83, 151, 251, 332
Рахматов Калима 329
Рахимхон, ша 35
Рахмон (Раһмон) Шарипов 176
Рашт 50, 101
Регель А. Э. 13
Реги-Калон (Калу), кв. 93
Рехч, к. 59, 60, 96, 318
Ризвай (Рызвай), к. 37, 53, 54, 64, 87, 115, 135, 149, 170, 171
Ризваяк (Рызваяк), к. 86
Рикмер-Рикмерс 18
Риштан 329
Робихамо (Робиһамох) 224
Рог (Роғ), к. 36, 94, 318, 331
Рогак (Роғак), уроч. 93
Рогун (Роғун), к. 82, 100, 141
Рогуни (Роғуни)-Боло, к. 121, 125, 127
Рогуни (Роғуни)-Поён, к. 121, 125, 126, 127
Розенфельд А. З. 4, 21, 22, 23, 76
Рокка 14
Россия, к-з
Россия 13, 19, 18, 207, 213, 214, 290
Рохарвское амлокдорство 37
Рохаты (Рохатӣ), к. 327
Рохи-Нав, к-з 176
Рубот, см. Работ 231
Руднев 12
Руи-Варзгун, к. 327
Руи-Ку, кв. 89
Руи-Юрт, пер. 100
Рустак, г. (Афганистан) 11
Русяйкина С. П. 22
Рушан (Рушон) 55, 62, 83, 261
Рушани//Дараи-Рушани, к. 106

Сабзикадам (Сабзикадам) 106
Сабзихарв (Савзихарв), к. 81, 96, 97, 101, 183—184, 318
Савзали 90
Савзпуши-Али, мазар 88
Савлатшо Мерганов 23
Савсан//Самсам 104
Сагырдашт (Сағырдашт) амлок, местность Passim
Сагырдашт, к-з 152, 153, 155
Сагырдаштское амлокдорство 57
Садика (Садика) 93, 318
Саёрабек (Саёрабег) 93
Саид Амир, Саид Амири-Кулол (Кылол) 255
Саимуддин 105
Сайёд, к. 60, 69, 96—98, 101, 103, 104, 112, 184, 318
Сайёдон (Сайёдун), к. 60, 103
Сайидгиё (Сайидгиёх) 81
Сайидон (Сайидун), к. 318
Сайрон (Сайрун), к. 27, 53, 54, 60, 66, 100
Саков (Сақоw), амлок 36, 315
Самарканд, г. 10, 12, 39, 52, 54—57, 59, 61—63, 76, 84, 95, 97, 99, 102, 104
Самсам см. Савсан
Самсолик//Самсолык (Самсолик), к. 68, 103—105, 122, 123, 193, 205, 231, 236, 238, 292
Самсолик, миразорство 36
Самсолык, совхоз 152
Сангвор, к., р-н 33, 44, 61, 68, 83, 95, 101, 108, 109, 318
Сангдевол, к. 100
Сангев (н), к. 92, 93, 181
Сангевни-Дароз (Дыроз), к. 37, 54, 88, 89
Сангевни-Духун (Духу), к. 54, 71, 93
Санги-Горак (Ғорак), к. 105
Санги-Кар, канал 109
Санги-Кар, к. 147
Санги-Малики, к. 147
Санглеж, к. 93
Сангов, кв. 78, 89

Сандалмирзо 84
Санджари (Санҷарӣ), кв. 82
Санджитак (Санҷитак), к. 105
Сарваршо Амиржанов 320
Сарджу (Сарҷу), к. 99
Сардорбек (Сардорбег) 92
Сари-Бичуни-Самсолик, к. 88
Сари-Бог (Боғ), кв. 89
Сари-Бодомак, угодье 100
Сари-Дашт, к. 318
Сари-Джар (Ҷар), кв. 83, 89
Сари-Джегуни (Ҷегунӣ), кв. 77, 78
Сари-Джуй 93
Сари-Джуйбор (Ҷуйбор) 80, 88, 89
Сари-Ду, кв.
Сари-Зангыт, кв. 86
Сари-Зиё, кв. 105
Сари-Кош (Қош), к. 100
Сари-Ку 83
Сари-Магзор (из Марғзор?), к. 100
Сари-Мазор, к. 106
Саримсоктепа, к.
Сари-Об, уроч. 152
Сари-Об, р. 33
Сари-Осиёб, кв. 72, 79
Сари-Пул (Сари-Пӯл), кв. 89, 90
Сари-Пул, к. 98, 99
Сари-Пулак, к. 199, 200
Сари-Санг, к. 318
Сари-Сел, к. 318
Сари-Сел, кв. 86
Сари-Хавз (hавз), к. 98, 152
Сари-Хасор (hасор), к. 55, 61, 80, 100 318, 325
Сари-Хек, кв. 82
Сари-Чашма (Сари-Чышма) см. Нимичи-Та
Сари-Шухон (Шыхун), к. 22, 98, 231, 233, 237, 242, 248, 255, 256, 320, 328
Саркорон, к. 90
Сарабораи-Пушти-Тург (Сарабораи-Пышти-Тырғ), уроч. 152
Сарабораи-Пушти-Шибар, уроч. 152
Сарои-Бог (Боғ), кв. 86
Сарои-Накшин (Нақшин), кв. 85
Сарой, к. 58, 106
Сарчашма (Сарчышма), кв. 83
Сафар 93, 104
Сафари, кв. 94
Сафариёз 105
Сафаров Насрулло 331
Сафедов, к. 82
Сафедорон (Сыфедору), к. 69, 82, 112, 113, 115, 126, 129, 149, 153, 169, 170, 172, 182, 183, 185, 231, 232, 251, 318, 319, 324
Сафедсанг, кв. 80
Сафедхок, к. 101
Сафо, 98
Севак, к. 318
Седиха (Седиха, Седия) 88, 89
Сел, кв. 85, 86
Село, кв. 84
Селоба, кв. 84
Семенов А. А. 15—17, 19, 20, 51, 56, 77, 214, 317
Семчин А. Д. 23
Сиёрабек (Сиёрабег), кв. 71, 93
Сидельникова М. Ф. 24
Сириус 191
Сиродж (Сироҷ) 97
Сич//Сеч, к. 54, 62
Сичирог (Сичирағ), к. 54, 62
Сиягулак, к. 106
Сиялояк, к. 98
Сияфарк, к. 90
Сияхоб (Сияҳов), к. 99
Сияхоб (Сияҳов), р. 101
Скад, к. 318
Скайлер 13
Скотгад//Сколгад, кв. 85
Смирнов С. М. 13
Снесарев А. Е. 17—19
Собиров Сатир 331
Согд 34
Сойгузар, кв. 72, 79
Солих (Солеh) 104
Соломон (Сулаймон) 151
Сорбух (Сорбоғ//Сорбуғ), р. 28, 54, 60, 61, 80, 93, 99, 102, 103, 207, 261, 328
Сох 52, 58
Сохибов Ш. 23
Спод (Сыпод), кв. 71, 88
Средняя Азия Passim
Старха, к. 318
Султан Бабур Мирза 9
Сулун, к. 100
Сурхаки (Сырхаки)-Боло, миразорство 95, 96
Сурхаки-Поён (Сырхаки-Повун), миразорство 85, 96
Сурхау (Сырхау), р. 301
Сурхоб (Сырхоб), р. Passim
Сухто (Сӯхто), кв. 92
Сыро (Сыро), кв. 85
Сытарги (Сытаргӣ), пер. 16
Сыфрик (Сыфрык), кв. 84

Тавиль-Дара, к., амлок, район 13, 27, 33, 36, 42, 44, 57, 82, 98, 100, 109, 153, 292, 318
Тавильдаринский р-н 44, 49, 109, 315
Тагджар (из Таги-Ҷар?), кв. 83
Таги-Камар (Таи-Камар), к. 100, 121, 125, 137, 141, 189
Тагноу, к. 55
Тагоби-Кала (Қалъа) к. 25
Таджикабад (Тоҷикобод) 23, 27, 31, 48, 58, 59, 60, 61, 69, 70, 79, 111, 152, 155, 187, 188, 196, 231, 318
Таджикская АССР 42, 47
Таджикистан Passim
Таджик-Аксай (Тоҷик-Оқсой), к. 60
Таджикмахалла 60
Таи-Сада, кв. 84
Таи-Хавд (hавд), кв. 84
Таи-Чанор, кв. 78, 90
Такпала, кв. 86
Талбар, пер. 56
Талхак, к. 318
Тангии-Мургон (Мырғон), ущ. 80
Тангшив, р. 37
Тарозу, созвездие 191
Тахт, к. 214
Тач, лет, 86
Ташкент, г. 15, 17, 18, 20, 42, 63, 87, 90, 201, 207, 211, 320

Ташлак (Тошлок), кв. 72, 79
Тегин-ой 52
Тегин-ато 52
Теги-Работ (Теғи-Рыбот), кв. 80
Тегирми, к. 94, 105, 136, 142, 143, 144, 147, 160, 175, 231, 234, 236, 243, 248, 255, 256, 328
Тегирмон//Тегирми 105
Техарв 282
Тибет 14
Тилимиён (Тылымьюн), к. 318
Тимур 9, 51, 83
Тогмай (Тоғмай), к. 28, 84
Тогмай (Тоғмай), р. 28
Тоир (Тоһир) 316
Толиб Джалилов 197
Торджуй (Торҷу), кв. 89
Тугак (Туғак), кв. 81
Тундак, пер. 100
Тупчок (Тупчок), уроч. 152
Тура-Махалла (Маһалла), кв. 72, 79
Тург (Тырғ), уроч. 152
Турк (Тырк) 56
Туркестан, Туркестанский край 19, 34 41, 49, 207, 221, 224
Туркестанский хр. 26, 201, 214
Туркмандара, к. 106
Туркменская ССР 256
Туткаул (Туткавул), к. 100
Турмуш (Тырмыш), к. 99
Туробкулибек 112
Тутои-Боло, к. 318
Тутои-Поён, к. 318

Убагын (Убағын), к. 85
Убар, кв. 89
Убараи-Ду, кв. 93
Убардара, кв. 86
Убардаргов, кв. 86
Угр (Уғыр), к. 81, 148, 183, 192
Угридара (Уғридара), к. 106
Уду (Удў), к. 54, 93
Удуга, кв. 83
Узбеки-Ланг 93
Уйфальви 13
Улфатобод, выселок 104
Умарак, к. 37, 57, 67, 86, 87, 88, 89, 115, 147, 149, 150, 153, 181, 183, 185. 191, 223, 230, 320
Умбара, кв. 71
Уоркер 11
Ура-Тюбе 104, 201, 214, 327, 328
Урмаи-Сабохи (Сабоһи), кв. 82
Урсатьевская, ст. 201
Урфат, к. 97
Урфати-Боло, к. 318
Урфати-Поён, к. 318
Усмон Махмад (Маһмад) Амин 41
Усто Азиз 89
Усто Баккол (Бакқол) 207
Усто Додарбек 105
Усто Муннавар 201
Усто Махмуд (Маһмуд) 209, 325
Усто Ниёз 96
Усто Пирмахмад (Пирмаһмад) 69
Усто Шамсуддин 102
Усубджу (Ўсубҷў), р. 93
Утоли-Боло, к. 58
Утоли-Поён, к. 58

Ушхарв, к. 54, 92, 122, 126, 147, 183,
Уч-Курган 11, 97, 321 184, 185, 186, 193, 230
Уялма, к. 58

Файзабад (Файзобод) 12, 16, 26, 58, 70, 71, 106
Файзабадская МТС 116
Файроу, к. 99
Фальгар (Фалғар) 166
Фаркак, кв. 105
Фаркинг, к. 118, 318
Фарки-Шоди (Шавун), к. 318
Фарьёв, к. 261, 292
Фатхобод//Фатхабад (Фатһобод), к. 52, 70, 96
Фахри 320
Февралев Н. 14
Федченко А. П. 10, 11
Федченко, ледник 26
Ферганская долина, Фергана Passim
Фотима 102
Фотимаи-Зухро (Зыһро) 171, 172
Фузайл Максум (Мақсум) 41, 43

Хабос (Ҳабос, Абос) 83
Хавела (Ҳавела//Ҳавила), кв. 93
Хавли(н) (һавлин//Авлин), кв. 85, 86
Хавли (һавлӣ, Авлӣ), кв. 83
Хавлии-Та (һавлии-Та), кв. 85
Хавлии (һавлии)-Тор, кв. 85
Хавлини-Худжо (һавлини-Хучо), кв. 71, 83
Хавос, ст. 201
Хавтчирог, к. 129
Хади (һадди)-Баён, кв. 86
Хади (һади)-Боло, кв. 95, 104
Хади (һади)-Пову, кв. 72
Хади (һади)-Та, кв. 95
Хадичаи-Кабирьё (Хатичаи-Кибирьё) 171, 172
Хазорчашма (Ҳазорчышма), к. 133, 188
Хазрати-Бурх (һазрати-Бырх), к. 83, 89, 184, 292, 300, 301, 318
Хазрати (һазрати)-Довуд 83, 292
Хазрати-Шо, гора 25
Хазрати-Шох (һазрати-Шох), уроч. 152
Хазрати-Имом, к. 89, 90
Хаит//Хоит (һоит), к. 27, 36, 42, 43, 58, 59, 95, 101, 148, 213, 214, 224, 315
Хаит//Хоит амлок, район 36, 44
Хайробод, к. 106
Хакими (һакимӣ), ущелье 27, 71, 94, 105, 106, 261
Хакимии (һакимии)-Боло, к. 71, 106
Халбика (Ҳалбика, Албика), кв. 83
Халилиён (һалилиюн), к. 318
Халифундж (Алифунҷ) 90
Халифунджу (Алифунҷу) 90
Халкарф (Ҳалқарф), к. 61, 63, 102, 170, 171, 183, 213, 230, 293, 323
Хамаро (Ҳамаро), кв. 92
Хамадун (Ҳамадун), кв. 68
Хамби-Хоклу, канал 87
Хамдара, к. 189
Хамиджанова М. А. 4, 23, 24
Харбак, к. 101
Харгад, кв. 85

Харгин, кв. 84
Харкорон, к. 94
Хармана, кв. 83
Хасвалиён (Хасвалиюн), кв. 88
Хатута//Хатуто//Хатутхо (Хатуто), кв. 97
Хафтсола (Хафтсола), уроч. 152
Хафтчирог (Хафтчырог), к .318
Хек, к. 54, 82, 86, 88, 91, 135
Хекун, кв. 86
Хилмони, канал 109
Хилмони (hилмуни), к. 36, 115
Хингоу, р. Passim
Хипшон (Хипшун), к. 319
Хирз (Хырз), к. 318
Хирманак, кв. 94
Хирсдара, уроч. 88, 152
Хисорак (hисорак), к. 27, 101
Хичборак (hичборак//hечборак), к. 59, 95, 98
Хлоз (Нижнее Вахио) 28, 36, 56, 60, 103
Хоб, к. 54, 55, 80, 81, 148, 317
Хобу-Работ (Рубот//Рыбот), р., ущ., 80
Ховалинг (Ховолинг) 56, 57, 91, 92, 104, 274, 325
Хогон, амлокдорство (Афганистан) 36
Ходжа Айни, к. 99
Ходжабегиён, кв. 87
Ходжа Зухуриддин (Зуhуриддин), мазар 78
Ходжаи (Хучаи)-Тавоф, к. 59, 183, 186
Ходжаи-Хлоз, к. 318
Ходжа Мерган 152
Ходжа Назар, к. 58, 102, 103
Холжент (Хучанд), г. 19, 61, 70, 103, 327
Холибек 104
Хомид (hомид) 69
Хонаи-Гул (Хунаи-Гул), кв. 94
Хонаи-Поён (Хунаи-Пойу), кв. 94
Хорасан (Хуросун) 55, 62, 90, 91
Хорог 33
Хорошхин А. П. 11
Хост, к. 38, 54, 55, 65, 67, 81, 82, 97, 98
Хостав, к. 54, 270, 278
Хошмерган, уроч. 93, 94, 152
Худжаи-Тавоф, к. 59
Худойназар 105
Худойназар Аталык 35
Хулози, к. 106
Хум, ущ. 53
Хумбивари (Хымбивари), к. 37, 54, 82, 91, 320
Хумбог (Хымбог), 86
Хумбоv (Хымбоу), р. 37, 53, 54, 72, 77, 78, 80—82, 97, 192, 231
Хумдара, ущ. 37, 53—55, 66, 69, 72, 80, 81, 89, 91—93, 120, 318
Хумдон, к. 61, 99, 292, 321
Хумдони-Калон, к. 99
Хумдони-Майда, к. 99
Хумдони-Миёна, к. 99
Хумдони-Муллоун, к. 99
Хумдони-Наджот, к. 99
Хумдони-Сангак//Сангин, к. 99
Хундод, кв. 85
Хундон, к. 99
Хур, к. 27, 184, 318
Хурк к. 85
Хусайн (hусайн), имам 180, 181
Хуф, к. 50, 320, 323, 325
Хуф, амлок 36
Хуф, дол. 151, 191, 269, 291, 329, 331
Хуфак, к. 50, 101
Хшарвак, к. 54, 69, 82
Хыныч, местность 94, 101

Чанораки-Боло, к. 106
Чанораки-Поён, к. 106
Чанори-Очилды, кв. 79
Чарги (Чарги), к. 93
Чарджоу 63
Чармдара, уроч. 152
Чарсони (Чарсуни)-Боло, к. 317
Чарсони-Поён, к. 317
Чашмаи (Чышмаи)-Гармак, кв. 86
Чашмаи (Чышмаи)-Кабуд, к. 318
Чашмаи-Кызы (Чышмаи-Кизи), к. 102
Чашмасор (Чышмасор), к. 318
Чигдара (Чыгдара), к. 61, 99
Чильдара (Чылдара), к., амлок 28 36, 56, 63, 129, 189
Чильдараи-Боло, к. 318
Чильдараи-Поён, к. 318
Чильдаринское амлокдорство 153
Чильча, к. 106
Чингиз-хан 51
Чихак 318
Чонкургон (Чонкурgон), местность 315
Чорбог (Чорбог), кв. 78, 87
Чормагзак (Чормагзак), кв. 105, 106, 115, 137, 146, 193
Чорсу, к. 94
Чорчамано, местность 90
Чоршоха, к. 102
Чорьяк, кв. 93
Чубай, к. 95
Чукурак (Чыкырак), кв. 95, 105
Чуст 52
Чухкак//Чихкак (Чыхкак), к. 318

Шавали, кв. 61, 82
Шайх Саид 61, 99
Шакоб (Шакоу), к. 318
Шаламчи, кв. 83
Шамолпартау, пер. 56
Шарафуддин Йезди 9
Шахдара (Шохдара), княжество 55
Шахраха (Шахраха), тропа 87
Шахри (Шахри)-Нау, кв. 105
Шаш 329
Шеиназм, к. 93
Шербегиён, к. 104, 105
Шербек (Шербег) 104, 105
им. Шестопалова, колхоз 197
Шибаро, канал 109
Шиварак, кв. 107
Шиис (пророк) 230
Шикай (Шыкай), местность, амлок 36, 37, 53, 55, 92, 231, 315
Шилбили, к. 186
Шилхов (Шылхов), к. 61, 99
Шинглич, к., амлок 36, 50

Шине (Шыне), к. 317
Ширг (Шырг), к. 54, 69, 81, 82, 165
Ширги (Шырги)-Боло, кв. 69, 81
Ширги-Поён (Шырги-Пову), кв. 69, 81
Ширговад, к. 37, 40, 53, 54, 71, 88, 89, 181
Широкова З. А. 4, 24
Шиши Набиулло 230
Шишов А. 18, 19
Шкев (Шыкев), к. 50, 54, 91, 93, 135, 183, 184, 185, 267, 329
Шо Азиз, кв. 89
Шодаги-Боло 84
Шодаги-Поён, к. 84
Шодмони, к. 106
Шоле (Шуле), к. 36
Шомахмад (Шомаһмад) 105
Шох (Шох) Саидов 176
Шохзор, кв. 89
Шохкахаки-Боло (Шохкаҳаки - Боло) см. Душохакахаки-Боло
Шохкахаки-Повун (Шохкаҳаки-Повун) см. Душохакаҳаки Поён
Шохмамад, кв. 105
Шохмирзовон (Шохмирзовун), к. 101
Шохорун (Шоҳорун), к. 318
Шугнан 13, 62, 81, 83,, 206, 321, 261, 323, 328
Шуд, кв. 83
Шулонак (Шылунак), к. 52, 98, 99,
Шуль (Шыл), к. 36, 61, 80, 99, 102, 103, 167, 178, 200, 201, 202, 231, 329
Шульмак (Шылмок), к., район 44, 70, 102, 105, 115, 147
Шурак, к. 98
Шури-Боло, к. 319
Шури-Поён, к. 318
Шуроабад, местность, р-н 54, 56, 81, 94, 316
Шуробдара, ущ. 55, 61, 80, 81, 99, 315, 319

Эбаргон (Эбаргун), кв. 86, 87
Элок (Элок), к. 71, 106, 141, 169, 189, 192, 319
Элоки-Мина, кв. 319
Элоки-Та, кв. 71, 319
Элоки-Умбара, кв. 319
Элоки-Чишмаи (Чышмаи) - Ишкамба, кв. 319
Энвер-Паша 41
им. Энгельса, к-з 147, 285
Эрмаи-Шовун, кв. 86
Эстотакол 84, 85

Юси-Боло, к. 99, 126, 189
Юси-Поён, к. 99
Юс(т), к. 61, 100, 113, 121, 125, 127, 193, 292, 331
Юфан, к. 318
Юхновский Н. 14

Яван (Ёвон), местность 152, 159
Ягноб 25, 61
Язгулем 36, 37, 221, 316, 331
Язид 180
Якубовский А. Ю. 34
Ялдамич, к. 58, 66, 101, 102, 113, 140, 152, 204
Ялдамичи-Сари-Джар, к. 101
Янгишаар, к. 95
Янгоклик (Ёнғолик), к. 41, 101
Яраш, к. 60
Ярхич (Ярхыч), к. 213
Ярхоб, к. 98
Ясман(д) р. 69, 98, 101, 315
Яфуч см. Ёфуч
Яхак, к. 31, 36, 61, 99, 100, 113, 121, 125, 127, 144, 189, 193,
Яхак, амлокдорство 36
Яхаки-Дарун, к. 100
Яхакпаст, к. 36, 98, 99, 101, 133, 187, 188, 248
Яхак-Юс, к. амлок 36, 99
Яхмоч, к. 318
Ях-Су р. Passim
Яхч, к. 61, 68, 71, 99, 100, 121, 125, 127, 189, 193, 210, 232, 237, 242, 243, 248, 256, 290

ПЕРЕЧЕНЬ ТОПОНИМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ГЭЭ В КАРАТЕГИНЕ И ДАРВАЗЕ В 1952—1957 гг., НО НЕ ВОШЕДШИХ В ТЕКСТ КНИГИ*

КИШЛАКИ КАРАТЕГИНА

Верхний Каратегин

Ачиқалма
А(ч)чиксу
Ақҷар

Байлартоп
Балх

Деншаар
Дуана

Қалтабулок
Кошал

Майдантерек
Минбулок
Мойнок
Мукур

Птеукул-Балхы

Сагож
Сартала
Сарыкенҷе
Сарығой
Сасыбылоқ

Тандыкол

Хоҷойтоп

Чар
Човай

Ғулама

Қазақтар
Қаракенҷа
Карашоро
Карши
Қашқа терек
Корғон
Кошой
Коштегирмен
Қштау
Қырғыз-Ақсай

Ҷаилған
Ҷаншахр
Ҷолборсы

Средний Каратегин

Алмалиғ
Андар
Аскалун

Барғоҷ
Беовак (группа Таджикабад)
Биёваки-Боло (группа Шинглич)
Биёваки-Поён « «
Бодомлуғ
Бодравак
Болошахри-Боло
Болошахри-Поён
Быни-Сариён
Бырҷун//Бырҷон

Гарданга (группа Хумдон)
Гарданга (группа Шульмак)
Гилкан
Гури-Девона//Гури-Девина

Дамов
Дараи-Ангур
Дараи-Мазори-Боло
Дараи-Мазори-Миёна
Дараи-Мазори-Поён
Дараи-Нышори-Майда
Дараи-Рыбот
Дараи-Рыботи-Боло
Дараи-Рыботи-Поён
Дараи-Тангак
Дашти-Хирсун
Дахагиюн
Дахана
Деи//Дихаи-Мылло-Бадал
Деи-Кучали-Поён
Дехдехи-Каирма
Дехи-Почо
Дии-Кыхна
Дихдихи
Дихи-Мылло
Дихи-Шо

---

* Настоящий перечень составлен на основании полевых записей научных сотрудников ГЭЭ: И. Мухиддинова, Р. Л. Неменовой и А. З. Розенфельд; по Верхнему Каратегину — по материалам Б. Х. Кармышевой.

Диҳи-Қлич
Диҳи-Ҳаус
Довтани
Додбахт
Дыбарса
Дыкуни-Санг
Дыоба

Ёнур

Зарич
Зулмобод
Зыманак
Зырангак

Иштирғыл

Кавдал
Кавлохо (группа Хумдон)
Кавлохох (группа Сари-Пул)
Каврак
Калак
Каландак
Каландаки-Сояру
Калот
Камолистун
Канабак (Канавак)
Кафтаргызар
Качбеди-Пешору
Качбеди-Чыкырак
Качраха
Кишинбоғ
Косагардуни-Боло
Косагардуни-Поён
Кул
Кули-Ёвон
Кули-Калун
Кули-Мирзанги
Кули-Сариғри
Кули-Халифа
Кули-Хучак
Кули-Сангак

Лаби-Чар
Лангар
Лолазорон
Мазор
Мағзори-Сир
Метанийун
Миёнадара
Мыһалаи-Боло

Навдун
Найраз
Наскак
Насруд
Новако
Новод
Нымичаки-һокимбег
Нышори-Боло

Ови-Лурт//Оби-Лурд
Ови-Меһнат
Ови-Хилф
Овчакаи-Боло
Овчакаи-Поён
Одилобод
Ортод

Пандовчи
Паси-Хам
Паткинамун
Порвоғ
Почеи-Боло
Почеи-Поюн

Рувоз
Руи-Ҳавори
Рунов (Рынов)

Самсулоғ
Санги-Хок
Сари-Арзи-Кында
Сари-Най
Сари-Намак (группа Сари-Пул)
Сари-Нымык (группа Таджикабад)
Сари Чар
Сари-Чуй (Сарчуй)
Севак//Севои-Нигори
Сиёҳдара
Сиёҳдараи-Боло
Сиёхдараи-Миёна
Сиёхдараи-Поён
Сиёхдон//Сиёдун
Сияҳ-Чангал
Сурхкуҳ (Сырхкуҳ)
Сорбуғ
Сырхдара//Сурхдара

Талхакчышма
Тарбылоқи-Лапак
Тарғоқ
Тиргар
Туда
Тухчи
Туғак
Тыркон

Уштыр-Паст

һазрати-Фолума
һаюми-Боло
һаюми-Тах

Хиштироқи-Боло
Хиштироқи-Поён
Хормичон
Хучаайни
Хучаи-Душамбеги
Хучаи-Мурод
Хучаи-Чобук
Хыдырьюн
Хыдырьюни-Боло
Хыдырьюни-Поён
Хури-Хам
Хуфат (группа Хумдон)
Хылиёзон//Хулиёзон
Хулак (Хылак)
Хушамседдини-Поён
Хушамседдини-Боло

Чакихо
Чанорак
Ченак
Чорчырог
Чорсада
Чортута
Чыхтаки-Боло
Чыхтаки-Поюн

Чышмаи-Бед
Чышмаи-Сангак

Шаврқиюн
Шархои-Боло
Шархои-Тағ
Шашқапа
Шихо
Шомар
Шончи
Шо(х)индара
Шоҳ кушта гах
Шылқаҳор

Эбги-Боло
Эбги-Поён
Эшонон

Ялалоки
Ярхаби-Чукурак (Ярхаби-Чыкырак)

Яшм

Ғовдиюн
Ғумуши-Боло
Ғуҷмот
Ғызе

Қазоқун
Қалъаи-Чак
Қараманди
Қарасағыр
Қарчин (группа Қалъанак)
Қарчинак
Қырғизон
Киртинг
Кудуқак
Куру
Кутарма
Қырчин (группа Хичборак)

Нижний Каратегин

Абдыбобиён
Азизбедома
Арчаи-Қок

Бедак (группа Оби-Гарм)
Бовайвали
Бозорак
Боғи-Боло
Бузыкьён
Бустонобод
Бушолон
Бунгакиён
Буқагиё
Быни-Сымч

Гавгил
Гардани-Хор
Гармоба
Гыли-Сырхи-Калон
Гыли-Сырхи-Майда
Гырго

Дараи-Гусфандон
Дараи-Декдон
Дараи-Севои-Боло
Дараи-Севои-Миёна
Дараи-Севои-Поён
Дараи-Тут
Дараи-Тутак
Дараи-hавз
Даров
Дашти-Марзо
Девлохак
Девлоҳои-Боло
Девлоҳои-Поён
Деи-Мыллои-Гырдак
Дехнавак
Ди-Лашкар
Ди-Мирзо
Ди-ъалиша
Доров
Дыбистон (Дихаи-Бистон)

Заргарон
Заркамар
Зи бед
Зымини-Хуҷа

Кажбед
Калакон
Каланди
Калибег
Калтаҳо
Камари-Муғул
Камолиён
Кандак
Каскун
Кишроғ
Ковокдара
Кофора
Куҳсоро
Кыланди

Лаби-Дара
Лояки-Боло//Калон
Лояки-Поён//Майда
Лағури-Боло
Лағури-Поён

Майдони-Калон
Майдони-Майда
Мироғ
Мулловалад
Муминободи-Боло
Муминободи-Поён
Мусообод
Мыллои-Гирдак

Наботак
Навобод (группа Оби-Гарм)

Оби-Лулак
Ови-Борики-Боло, или Бродарон
Ови-Борики-Поён
Охбулоқ
Охсой

Парихон
Паси-Мазор
Паси-Мухрохо
Печакзор
Пору
Пыштаи-Халифо

Рашадиен
Рузибой

Сабзако
Саи-Мери
Санги-Ғурак
Санги-Сырх
Сангова
Санговаи-Калон
Санговаи-Майда
Санди-Ғалча
Сари-Заков
Сарикори-Шарифи-Боло
Сарикори-Шарифи-Поюн
Сари-Кимиш
Сафедорони-Боло
Сафедорони-Миёна
Сафедорони-Поён
Себноки-Боло
Себноки-Поён
Севогардои-Боло
Севогардои-Поён
Сесанга
Субулок
Суфимирзо

Таи-Ағба
Талхак-Чышма
Танги-Намозга
Тахти-Алиф
Теғи-Заранго

Фарых
Факиробод

Хами-Бушоли-Боло
Хами-Бушоли-Поён
Хокистартуда
Холи-Парак
Хонаи-Хол
Хошхарф
Хукдара
Хучаки-Боло
Хучаки-Поён
Хуча-Екуб
Хуча-Калон
Хуча-ъалишо

Чечакзор
Чилчаи-Боло
Чилчаи-Поён
Чормағзи-Калон
Чормағзи-Майда
Чорхонаи-Боло
Чорхонаи-Поён
Чышмаи-Кулои-Боло
Чышмаи-Кулои-Поён
Чышмаи-Пирак
Чыкрак

Шайдон
Шакариё
Шохи-Аслон

Элоқи-Боло (Гылхайр)
Эшонон

Ғофилобод

Қандак
Қарашибар
Қариғоч
Қашқарай-Боло
Қашқарай-Поён
Қаххаха
Қимичиён
Кулабед
Кулаки
Кули-Санг
Кумоқ
Кукабулоқ

Хасандара

Чавони-Боло
Чавони-Поён
Чуракыл
Чуруч

КРЕПОСТИ, КЛАДБИЩА И МАЗАРЫ

Крепости

Аслани-Ғалча, К., к. Новдунак

Бобирхон, К., к. Новдунак

Сари-Кылимед, К., к. Кабутиён

Қалъаи-Азизбек, К., к. Калаи-Дашт
Қалъаи-Амлокдор, К., к. Яхак
Қалъаи-Занкун, К., к. Джиргаталь
Қалъаи-Имлок, К., к. Магзори-Сир
Қалъаи-Исмоил, К., к. Магзори-Сир
Қалъаи-Кофир, или Қалъали-Чамхур. К., к. Сичироғ
Қалъаи-Кофир, К., к. Шуль
Қалъаи-Кухна, Д., к. Ризвай
Қалъаи-Хочканд, К., к. Яхак
Қалъаи-Хушкак, К., к. Истун
Қалъаи-Чамхур, К., к. Юс
Қымбак, К., к. Кавлохо

Кладбища

Боғи-Повун, Д., к. Кеврон
Боғи-Ғул, Д., к. Кеврон

Вологор, Д., к. Кеврон

Гардани-Боғу, Д., к. Зев
Гури-Саидмирак, Д., к. Кеврон
Гуристуни-Мазор, Д., к. Работ
Гуристуни-Паси-Теғ, Д., к. Работ
Гуристуни-Сангов, Д., к. Хост
Гуристуни-Қырғизо, К., к. Копали
Гуристуни-Қырғизо, К., к. Навобод

Дашт, Д., к. Кеврон
Дашти-Сохинг, Д., к. Кеврон

Зғерчо, Зыгершох, Д., к. Зев

Манзилои-Қырғизо, К., к. Нушор

Раи-Тор, Д., к. Кеврон

Ҳангини-Пустык, К., к. Магзори-Сир
Теғако. Д., к. Работ
Теғи-Мазор, Д., к. Работ
Теғи-Работ, Д., к. Работ

Шахидун, К., к. Хуфак

Қаврои-Хол, Д., к. Хост
Қаврои-Қыргизо, К., к. Нимичи-Та

Чои-Гырдак, Д., к. Кеврон

Мазары

Алтын-Мазар, К., Джиргаталь

Биви-Биб-Шакаров, К., к. Шулонак
Биви-Биб-Чамила, К., к. Дехан-Амирбек

Мазори-Биб-Зарихо, Д., к. Хек
Мазори-Биби-ҳаёт, Д., к. Хшарвак
Мазори-Боғи, Д., к. Пшихарв
Мазори-Бырх, К., Джиргатал
Мазори-Быручи-Чоғари, Д., к. Хоб
Мазори-Дара, К., Комсомолабад
Мазори-Девонаи-Быхри-Сармаст, Д., к. Пшихарв
Мазори-Латтабандак, К., Комсомолабад
Мазори-Маркади-ҳазрати-Эшон, Д., к. Гишон
Мазори-Пуни-Ду, Д., к. Пшихарв
Мазори-Пурхуф, Д., к. Пшихарв
Мазори-Саиди-Гогокырайш, Д., к. Джорф
Мазори-Сари-Зиев, К., Комсомолабад
Мазори-Сарчашмаи-Биб-Зарихо, Д., к. Хшарвак
Мазори Суғзунч, Д., к. Пшихарв
Мазори-Халифа-Назар, К., к. Тегирми
Мазори-Хуча-Абру, Д., к. Нульванд
Мазори-Хуча-Авдылкарим-Балогардун, Д., к. Пшихарв
Мазори-Хучаи-Маҳмадшариф, К., к. Муджихарф
Мазори-Хучаи-Муродбахш, Д., к. Вишхарв
Мазори-Хучаи-Рушони, Д., к. Джорф
Мазори-Хучаи-Савзпуш, Д., к. Шкев
Мазори-Хучаи-Топ, К., Джиргиталь
Мазори-Хуча-Мысадир, Д., к. Зев
Мазори-Чилахона, К., к. Лангар
Мазори-Чышман-Бибигылрез, Д., к. Хшарвак
Мазори-Шаимардон, К., Джиргиталь
Мазори-Шои-Рав, Д., к. Курговад
Мазори-Шои-Хомуш, Д., к. Курговад
Мазори-Эшун, К., к. Чормагак
Мазори-Эшони-Суфигылмыҳаммад, Д., к. Джорф
Мазори-Қыркчилтан, К., к. Кошой
Мазори-ҳади-Имоми, К., к. Алигалабон
Мазори-ҳади-Хуча-Чунайр, К., к. Чормагзак
Мазори-ҳазрати-Быҳх, Д., к. Гишон
Мазори-ҳазрати-Иброим, Д., к. Курговад
Мазори-ҳазрати-Мавлави, Д., к. Зев
Мазори-ҳазрати-Султон, К., к. Ходжаи-Тавоф
Мазори-ҳазрати-Хучаи-Муродбахш, Д., к. Гишон
Мазори-ҳазрати-Хуч-Маҳмади-Балогардон, или Дусти-Хыдо, К., к. Казнок
Мазори-ҳазрати-Шо-Самарканди, К., к. Сияхов
Мазори-ҳазрати-Эмом, Д., к. Кеврон

Санги-Чык, К., Комсомолабад

Хучаи-Гылдор, Д., к. Пошхарв

Шахи-Нахрабан, или Шои-Савзпуш, Д., к. Курговад
Шои-Зыкрьё, Д., к. Курговад

ҳазрати-Довуд, Д., к. Курговад
ҳазрати-Охун,, Д., к. Кеврон
ҳазрати-Хуча-Авлиё-Вали, К., к. Дехаи-Амирбек
ҳазрати-Хучаи-Савзпуш, Д., к. Висхарв
ҳазрати-Хучаи-Зово, Д., к. Висхарв
ҳазрати-Хучаи-Савзпуш, Д., к. Висхарв
ҳазрати-Хучаи-Султони-Шамсиддин, Д., к. Висхарв
ҳазрати-Хучаи-Хучасайрони, Д., к. Висхарв
ҳазрати-Хучаи-Шодмун, Д., к. Висхарв
ҳазрати-Хучаи-Чавокун, К., к. Шуль
ҳати-Шох, К., к. Рогони-Поён

ПАСТБИЩА И ЛЕТОВКИ

Авзи-Пастин, Д., к. Ризвай
Азрати-Имом, Д., Ризвай
Айлоқи-Мирзочахар, К., к. Дуоба
Алақисрок, К., Нушори-Поён
Арчаи-Дилбандун, Д., к. Кеврон
Ағбаи-Калон, К., к. Навди
Ақиби-Горо, Д., к. Ризвай
Ачали-Гов, К., к. Полезак
Бодравак, Д., к. Гишон
Буғи-Баста, Д. к. Ризвай

Вастан, Д., к. Висхарв
Верчым, Д., к. Вишхарв
Высхуф, Д., к. Кеврон

Гаранга (из гардангах), Д., к. Ризвай
Гыбоз, Д., к. Висхарв

Гылтанг, Д., к. Кеврон
Гырев, Д., к. Зыгар

Дашти-Пастин, Д., к. Ризвай
Девлохи-Повун, Д., к. Равноу
Делвох, Д., к. Пшихарв
Делвохи-Пышти-Калпо, К., к. Навди
Дырозhавз, К., Дили-Сайид
Дыхарчо, Д., к. Зыгар

Евун, Д., к. Пуни-Шор
Евун, Д., к. Шкев
Емин, Д., к. Вишхарв

Кабут-Кырымб, К., к. Шульмак
Калот, Д., к. Кеврон
Камчырог, К., к. Дияи-Сайид
Кии-Сухта, Д., к. Чильдара
Кофарчӯ, Д., к. Егид
Куи-Парвоз, Д., к. Ризвай
Кули-Кавгу, Д., к. Зыгар
Куилыхшак, Д., к. Ризвай
Кытони-Калу, Д., к. Егид

Лохир, Д., к. Вишхарв

Мангов, Д., к. к. Пуни-Шор, Ушхарв и Сангев
Михроб, Д., к. Ризвай

Нашкоста, Д., к. Гишон

Овхырак, Д., к. Гишон
Ортабел, К., к. Джиргаталь

Парарынг, Д., к. Работ
Паси-Кӯ, Д., к. Висхарв
Паскырговади, Д., к. Висхарв
Пиру, Д., к. Вишхарв
Пшиф//Пишф, Д., Висхарв
Пшогед, Д., к. Егед
Пыршавич, Д., к. Висхарв
Пышти-Кадуно, Д., к. Ризвай
Пышти-Кӯ, Д., к. Егид
Пышти-Тырг, Д., к. Кеврон
Пышти-Чышма, Д., к. Ризвай

Рази-Азрати-Зи, Д., к. Ризвай
Рогак, Д., к. Хостау
Рузан, Д., к. Пшихарв
Рыгнаб, Д., к. Егид

Сардараи-Хунай-Аспо, Д., к. Гишон
Сартозел, Д., к. Висхарв
Сыфедку, Д., к. Равноу
Секи, К., Джиргаталь
Сияхтов, Д., к. Егид
Соёр-Баш, К., Джиргаталь
Сасикул, К., к. Нушори-Поён
Сыкардара, Д., к. Умарак
Сепорьюн, Д., к. Вишхарв
Сыток, К., к. Нушори-Поён

Таи-Шарахо, К., к. Дуоба
Тарма-Кымиз, К., к. Нушори-Боло
Торикак, К., к. Дияи-Сайид

Фарчу, Д., к. Гишон

Хаданги-ъали, К., к. Нушори-Боло
Харвазг, Д., к. Кеврон
Харса, Д., к. Вишхарв
Хуф, Д., к. Ризвай

Чапкоза, К., к. Шул
Чари-Дырйа, Д., к. Работ
Чугуни//Чугуни, Д., к. Пуни-Шор
Чышмаи-Занбур, Д., к. Ризвай
Чыкайлок, К., Дегилмон

Шаламчи, Д., к. Зыгар
Шигавак, Д., к. Висхарв
Шухи-Досак, К., к. Полезак
Шыкофак, Д., к. Работ
Шылхудара, Д., к. Егид
Шыхлин, Д., к. Ширг

Эди-Лог, К., Нушори-Поён
Эрт, Д., к. Вишхарв

Ямбел, Д., к. Пуни-Шор

Губаркай, Д., к. Висхарв
Гумай, Д., к. Висхарв
Гыбоз, Д., к. Висхарв

Каври-Назарбахт, Д., к. Ризвай
Кымб, К., к. Полезак

Хизирбек, К., к. Кочони-Боло

havзи-Мехмун, К., к. Дияи-Сайид
havзаи-Наврас, К., к. Дияи-Сайид
havзи-Каракул, К., к. Дияи-Сайид

Чунобод, Д., к. к. Умарак, Ширг

УГОДЬЯ И УРОЧИЩА

Анчиристун, Д., к. Джорф
Арпалык, К., к. Мук
Атаитой, К., к. Копали

Баракинго, Д., к. Гишон
Бозпару, Д., к. Ширг
Босинг, Д., к. Зев
Боги-Назармыhмад, Д., к. Паткиноу
Боги-Пахлавуни, Д., к. Ширг
Богчаи-Былан(д), или Боги-Былан, Д., к. Ризвай
Богчаи-Зогун, Д., к. Ризвай
Богчаи-Мачиуни, Д., к. Ризвай
Бурьям, Д., к. Хоб
Быни-Кы(х), Д., к. Хоб
Быни-кӯ, Д., к. Джорф
Быридун, Д., к. Кеврон

Валволак, К., к. Нушори-Поён
Варешун, К., к. Самсолик
Выринго, Д., к. Зинг
Вышанч, Д., к. Кеврон

Гармова, Д., к. Гишон
Гармова, Д., к. Пуни-Шор
Гашок, Д., к. Хоб
Гичак, Д., к. Ширговад
Говқырымбо, Д., к. Кеврон
Гочхыр, Д., к. Зинг
Гылнори, Д., к. Джорф
Гырак, Д., к. Хоб
Гырбедо, Д., к. Хоб
Гырбиё, Д., к. Хоб
Гырдаштаки-Быни-Овринг, Д., к. Паткиноу

Дараи-Бедак, К., Нушори-Поён
Дараи-Бедо, Д., к. Зев
Дараи-Зарур, Д., к. Работ
Дараи-Қачао, Д., к. Гишон
Дараи-Қавдал, к. Куглик
Дараи-Регак, К., к. Нушори-Поён
Дараи-Хархура, Д., к. Зев
Дараи-Якабыруҷ, Д., к. Зев
Дараи-Қарғи, Д., к .Работ
Дарбандак, Д., к. Зев
Дараи-Дарвоза, Д., к. Паткиноу
Дари-Қалъа, Д., к. Хоб
Дашт, Д., к. Курговад
Даштак, Д., к. Умарак
Дашти-Боқи, К., к. Нушори-Поён
Дашти-Дыроз, Д., к. Паткиноу
Дашти-Кичикзи, К., к. Нушори-Поён
Дашти-Мазор, Д., к. Паткиноу
Дашти-Нироғ, К., к. Юс
Дашти-Нышор, К., к. Нушори-Поён
Дашти-Пошхарв, Д., к. Курговад
Дашти-Разак, Д., к. Егид
Дашти-Сангрега, Д., к. Паткиноу
Дашти-Сухта, Д., к. Паткиноу
Дашти-Суғут, К., к. Ходжаи-Мурод
Дашти-Убара, К., к. Дегилмон
Дахани-hисор, Д., к. Кеврон
Додик, Д., к. Джорф

Евраво, Д., к. Хоб
Ефук, Д., к. Кеврон

Жаг, Д., к. Ширговад
Жагдара, Д., к. Жаг

Загу, Д., к. Работ
Занк, Д., к. к. Зев и Ширг
Зевари, Д., к. Хоб
Зилди, К., к. Полезак
Зиғноло, Д., к. Хоб
Зыманд, Д., к. Кеврон
Зымини-Ғўл, Д., к. Джорф
Зымини-Ғўл, Д., к. Ризвай
Зымини-Дегсанг, Д., к. Ризвай
Зымини-Дыроз, Д., к. Джорф
Зымини-Дыроз, Д., к. Ризвай
Зымини-Зиёратшои, Д., к. Ризвай
Зымини-Корым, К., к. Нушори-Поён
Зымини-Мири, К., к. Дуоба
Зымини-Назари, Д., к. Ризвай
Зымини-Назокатшох, Д., к. Ризвай
Зымини-Пеши-Мазор, Д., к. Ризвай
Зымини-Пудина, Д., к. Ризвай
Зымини-Рышқаи-Санглохи, Д., к. Джорф
Зымини-Сангсанги, Д., к. Ризвай
Зымини-Таг, Д., к. Джорф
Зымини-Тошканди, Д., к. Ризвай
Зымини-Хамбо, Д., к. Ризвай
Зымини-Хокканык, Д., к. Ризвай
Зымини-Шакарали, Д., к. Ризвай
Зымини-Ғаниги, Д., к. Ризвай
Зымини-Қалъа, Д., к. Джорф
Зымини-hавз, Д., к. Ризвай
Зыминои-Дараи-Оғбай-Сағыр-дашт, Д., к. Зев
Зыминои-Насыллои, Д., к. Хоб
Зыминои-Певанди, Д., к. Хоб
Зымитырак, Д., к. Ширг

Ибар, Д., к. Гишон
Илои-Сухта, Д., к. Кеврон

Кайванд, Д., к. Кеврон
Камугари, Д., к. Хоб
Капуки, Д., к. Джорф
Кари, Д., к. Работ
Кафтархуна, Д., к. Кеврон
Ка(х)пусу, Д., к. Работ
Качраха, К., к. Дуоба
Качхамб, Д., к. Хоб
Куи-Калот, Д., к. Калаи-Хумб
Куи-Кылула, Д., к. Ширг
Куи-Саги-Нахчир, Д., к. Зинг
Кул, К., к. Джаилган
Кули-Бошахона, К., к. Дуоба
Кулло, Д., к. Ширг
Куньё, Д., к. Работ
Курғуйта, К., к. Нушори-Поён
Кўчаи-Рангун, Д., к. Пошхарв
Кыланди, Д., Хоб
Кыруш-Дараво, К., к. Полезак
Кырангдашт, К., к. Хумдон

Лалхал, Д., к. Работ
Лалым, Д., к. Хоб
Лахчи-Шырговад, Д., к. Ширговад

Марози-Боршид, Д., к. Паткиноу
Майдан-Тал, К., к. Джаилган
Манзилгох, Д., к. Курговад
Маһамадаминшо, Д., к. Зев
Маһамадмусо, Д., к. Зев
Мырчыко, Д., к. Ширг
Мышкелак, Д., к. Джорф

Навобод, Д., к. Ширг
Навобод, Д., к. Хоб
Назирхам, Д., к. Кеврон
Насыллои, Д., к. Работ
Нисов, Д., к. Пуни-Шор
Ныштерако, Д., к. Гишон

Овчака, К., Таджикабад
Овринги-Егед, Д., к. Егид
Овринги-Сағоч, Д., к. Зинг
Овринги-Сырх-Соғар, Д., к. Паткиноу
Овринги-Хынгык, Д., к. Паткиноу
Ордоулы, К., к. Джаилган

Параринг, Д., к. Работ
Пас, Д., к. Джорф
Паси-Кы, Д., к. Хоб
Пас(т)-Курғуй, К., к. Нушори-Поён
Пасто, Д., к. Хоб

Пахмдараи-Лангари-Шо, К., к. Лангари-Шо
Пеши-Кыи-Ях, Д., к. Хоб
Пешои-Рыбот, Д., к. Хоб
Пиру, Д., к. Пуни-Шор
Писор, Д., к. Джорф
Поя, Д., к. Ширг
Пуни-Дарго, Д., к. Джорф
Пытоби-Ды, Д., к. Гишон
Пыштаи-Бой-Назар, К., к. Лангари-Шо
Пыштаи-Вадрог, Д., к. Кеврон
Пыштаи-Ефку, Д., к. Гишон
Пыштаи-Шавон, Д., к. Вишхарв
Пыштаи-Бед, К., к. Навди
Пыштаи-Быридун, Д., к. Кеврон
Пыштаи-Калпако, К., к. Навди
Пышти-Чубор, Д., к. Зев
Пыштои-Чакало, К., к. Дуоба

Радаг, Д., к. Кеврон
Разо, Д., к .Джорф
Раи-Сел, Д., к. Зинг
Регак, Д., к. Хоб
Регои-Сырх, Д., к. Хоб
Регравон (Кылк), Д., к. Курговад
Рошкзор, Д., к. Ризвай
Рогыд, Д., к. Кеврон
Рохи-Дашти-Манора, Д., к. Ризвай
Рохи-Сырхаки, К., Таджикабад
Руи-Дарова, К., к. Навди
Руи-Кенчикиё, К., к. Дуоба
Руи-Сархал, Д., к. Работ
Руи-Сыперыш, Д., к. Хоб
Руи-Хамб, Д., к. Зинг
Руи-Шухо, К., к. Полезак
Рыхсел, Д., к. Хоб

Сабмеи, Д., к. Работ
Сабури, Д., к. Ширг
Садгат, Д., к. Гишун
Сангев, Д., к. Шкев
Санги-Нар, Д., к. Ризвай
Санги-Шохмурод, К., к. Нушюри-Поён
Сангови-Гўл, Д., к. Ризвай
Сари-Бурчи, Д., к. Гишон
Сари-Камар, Д., к. Работ
Сари-Кутал, Д., к. Работ
Сари-Ови-Фичол, Д., к. Зев
Сари-Санге, Д., к. Зинг
Сари-Сырхи, Д., к. Хоб
Сари-Фичол, Д., к. Хоб
Сари-Чынги, Д., к. Ризвай
Сари-Горо, Д., к. Кеврон
Сари-Кавро, К., к. Навди
Сарой-Пул, Д., к. Гишон
Сарой-Тегак, Д., к. Хоб
Сары-Булок, К., к. Лахш
Сарчу, Д., к. Хоб
Сасык-Кул, К., к. Джаилган
Сафедсангун, Д., к. Кеврон
Севако, К., к. Навди
Севинако, Д., к. Ризвай
Севгула, К., к. Нушори-Поен
Севгулло, Д., к. Гишон
Сияфарко, Д., к. Хоб.
Сияхокак, Д., к. Работ
Сияшыкыл, Д., к. Ширг
Сияхсанго, Д., к. Шкев
Сиячангал, Д., к. Ширг
Солибеги, Д., к. Джорф
Сояру, К., к. Полезак
Сыкардара, Д., к. Зинг
Сыранг, Д., к. Кеврон
Сыриг, Д., к. Зинг
Сырхачи, Д., к. Хоб
Сырхиё, Д., к. Кеврон
Сытымби-Соди, Д., к. Гишон
Сыфедсанг, Д., к. Ширговад

Таги-Амырто, Таги-Мырўдо, Д., к. Джорф
Таи-Боги-Назир, Д., к. Ризвай
Таи-Дара, Д., к. Хоб
Таи-Зари, Д. ,к. Ширговад
Таи-Мазор, К., к. Навди
Таи-Ра(х), Д., к. Хоб
Таи-Сада, Д., к. Калаи-Хумб
Таи-Хок(к)анык, К., к. Нушор
Таи-Чубори-Шои, К., к. Нушор
Та(х)пола, Д., к. Гишон
Тего, Д., к. Работ
Торикак, Д., к. Зев
Торт-Кол, К., к. Лахш
Тўгак, Д., к. Шкев
Тыркакиё, К., к. Дуоба

Убардаргоw, Д., к. Кеврон
Умарга, Д., к. Зинг
Умарсанг, Д., к. Ширговад*
Ури-Азизбек (овраг), К., к. Калаи-Нав
Устоои-чавги, Д., к. Хоб

Фируз, Д., к. Зев
Фичоли-Мынч, Д., к. Хоб

Хамбоо, Д., к. Работ
Хамби-Бемынат, Д., к. Хоб
Хамби-Выраги, Д., к. Зев
Хамби-Гавхар, Д., к. Хоб
Хамби-Зовью (Зогью?) Д., к. Хоб
Хамби-Навдию, Д., к. Гишон
Хамби-Наврузгах, Д., к. Хоб
Хамбыки-Эло, Д., к. Гишон
Хармасанг, Д., к. Гишон
Хирсхоно, К., к. Дуоба
Хойтун, Д., к. Джорф
Хокистарпартов, Д., к. Ризвай
Хок(к)анык, К., к. Дуоба
Хокистартуда, Д., к. Ризвай
Хорзор, Д., к. Хоб
Хуна ъасп, Д., к. Гишон
Хыбаклара, Д., к. Кеврон
Хындун, Д., к. Ризвай
Хыроч, Д., к. Зинг

---

* Большой валун на берегу р. Пяндж вблизи к. Ширговад — Умарсанг — «Камень Омара» (Омар ибн-аль-Хаттаб — один из четырех арабских халифов «чор-ёр», которых не признают священными мусульмане-шииты); проходящие исмаилиты бросали в Умарсанг камни и проклинали Омара.

Чавдроғ, Д., к. Кеврон
Чапор, К., к. Навди
Чағылған, К., к. Карашора
Чордара, К., к. Нушори-Поён
Чормағак, К., к. Навди
Чоршарика, Д., к. Ширг
Чорьяки, Д., к. Джорф
Чышман-Крушинг, Д., к. Хоб
Чышман-Кылкун, Д., к. Шкев
Чышман-Марғ, Д., к. Зинг
Чышман-Раис, Д., к. Ризвай
Чырак, Д., к. Работ
Чыкырак, К., к. Дуоба

Шавгахак, Д., к. Хоб
Шамбар, К., к. Навди
Шепушак, Д. ,к. Джорф
Шикаргах, К., Таджикабад
Шок, Д., к. Кеврон
Шоледара, К., к. Самсолик
Шомантылоқ, Д., к. Хоб
Шутурсанг, К., Джиргиталь
Шухи-Лапак, К., к. Хумдон
Шылхазорак, Д., к. Хоб
Шыпул, Д., к. Гишон
Шыст, Д., к. Шкев

Ъиди, Д., к. Хоб

Ғав, Д., к. Зев
Ғазра, Д., к. Курговад
Ғеш, Д., к. Ширг
Ғули-Ғашаҳо, Д., к. Хоб
Ғули-Лыкак, Д., к. Работ
Ғулло, Д., к. Хоб

Қаври-Эшони-Мылло-Фаёз, Д., к. Ризвай

Қаврои-Карамак, Д., к. Курговад
Қадамча, К., к. Лахш
Қайрак, К., к. Дуоба
Қайроқ, К., к. Нушори-Поён
Қайроко, К., к. Навди
Қарарча, К., к. Мук
Қашка-Су, К., к. Джаилган
Қули-Овдор, К., к. Навди
Қуруг-Кол, К., к. Лахш

һавди-Говза, Д., к. Гишон
һавди-Сих, Д., к. Работ
һамиди, Д., к. Широг

Ҷари-Дырида, Д., к. Работ
Ҷахри-Кахат, К., к. Навди
Ҷышбыки-Эло, Д., к. Гишон

ГОРЫ, ХОЛМЫ И УЩЕЛЬЯ

Акаҷанбай, К., к. Сангова
Арраҳо//Ъарраҳо, К., (гора)
Бозпарык, Д., к. Ширг

Вадроғ, Д., к. Кеврон
Вика, Д., к. Пшихарв
Вож, Д., к. Джорф

Дара, Д., к. Зев
Дараи-Бедак, К., к. Шуль
Дараи-Вешков, Д., к. Пшихарв
Дараи-Ганҷурак, Д., к. Гишон
Дараи-Гугырд, Д., к. Чильдара
Дараи-Дегдунак, К., к. Дегилмон
Дараи-Дахани-Дыдарги, Д., к. к. Хоб и Работ
Дараи-Дузах, К., к. Самсолик
Дараи-Дыршовад, Д., к. Пшихарв
Дараи-Изовад, Д., к. Пшихарв
Дараи-Мина, Д., к. Пшихарв
Дараи-Морова, Д., к. Вишхарви-Повун
Дараи-Мырнун, Д., к. Чильдара
Дараи-Мышкымод, Д., к. Пшихарв
Дараи-Нымык, К., к. Дегилмон
Дараи-Петфарка, Д., к. Пшихарв
Дараи-Тӯпхуна, Д., к. Пшихарв
Дараи-Фар(х)анг, К., к. Дегилмон
Дараи-Фыхӯрзо, Д., к. Пшихарв
Дараи-Чыкак, Д., к. Работ
Дараи-Шингат, Д., к. Пшихарв
Дараи-Элгаҳак, Д., к. Пшихарв
Дараи-Эҷ, Д., к. Пшихарв
Дарбандак, Д., к. Ширг
Дашти-Былһыд, Д., к. Кеврон
Девдара, Д., к. Кеврон
Деволи-Шухо, К., к. Кадара
Дегдунак, Д., к. Чильдара
Дышмуни, Д., к. Ширг

Ербахси, К., Комсомолабад

Заркых, Д., к. Чильдара

Кайван, Д., к. Кеврон
Кала-Ғыри, к. Гирдоб (бассейн р. Хингоу)
Калот, Д., к. Гишон
Калот, Д., к. Кеврон
Калтадара, К., к. Калаи-Нав
Калфи-Кыр, К., к. Паси-Пата
Калфи-Чакун, К., к. Самсолик
Канди-Калун, К., к. Самсолик
Канди-Хыдтари, К., к. Самсолик
Капар, Д., к. Зев
Кии-Бахмалун, Д., к. Чильдара
Кии-Быз, Д., к. Чильдара
Кии-Давр, Д., к. Чильдара
Кии-Дымбишо, Д., к. Чильдара
Кии-Дымбола, Д., к. Чильдара
Кии-Хуҷа-Пулод, Д., к. Чильдара
Кобик, Д., к. Зев
Куни-Хырс, К., к. Истони-Боло
Кучаи-Кӯл, Д., к. Джорф
Кымбак, К., к. Кавлохо
Кымби-Абыл, К., к. Кадара
Кырч, Д., к. Джорф
Куҳи-Дегдунак, К., к. Самсолик
Кыҳи-Ермазор, К., к. Ермазор
Кыҳи-Курсеки-Уртабег, К., к. Мук
Кыҳи-Манор, К., к. Яхак
Кыҳи-Мина-Мычхор, Д., к. Егид

Кыҳи-Савза, Д., к. Пшихарв
Кыҳи-Сагунаки//Кии-Сагунаки/ К., (народное название хребта Петра I)
Кыҳи-Сырх, Д., к. Пшихарв
Кыҳи-Тутпазак, К., к. Вардуч
Кыҳи-Хырсича, Д., к. Пшихарв
Кыҳи-Чарм, Д., к. Пшихарв
Кыҳи-Шамирун, Д., к. Джорф
Кыҳи-Шыкорак, Д. ,к. Джорф

Лам-лам, Д., к. Зев
Личак, Д., к. Ризвай
Лула, Д., к. Пшихарв
Лулаи-Мирак, Д., к. Ширг

Молаинг, Д., к. Работ
Мында-Нул, К., к. Шуль
Мырнунпышта, Д., к. Чильдара

Нармыч, Д., к. Чильдара
Норак, Д., к. Егид
Ныҳылмох, Д., к. Егид

Овозкых, К., Яхч
Овринг, Д., к. Егид
Одамак, Д., к. Джорф
Оғбаи-Ғыршух, К., к. Самсолик
Окибаи-Вызбад, Д., к. Пшихарв

Паси-Пата, К., к. Самсолик
Пасти-Ғун, К., к. Шуль
Пахч, левобережный Дарваз
Порвеч, Д., к. Кеврон
Почыксангиё, Д., к. Гишон
Пӯшингак, Д., к. Егид
Пыштаи-Боши, К., к. Хумдон
Пыштаи-Ғезе, К., к. Хумдон
Пыштаи-Хуфак, К. ,к. Хумдон
Пышти-Кыр, Д., к. Ширг .

Решафарк, К., к. Яхч

Савадмаи-Калуни, К., Комсомолабад
Савадмаи-Хыттари, К., Комсомолабад
Санги-Афзал, К., к. Кочони-Боло
Сари-Калъаи-Кажбед, К., к. Хумдон
Сари-Кылимет, К., к. Самсолик
Сари-Пата, К., к. Самсолик
Сари-Сырхи, Д., к. Работ
Сари-Юғраха, К., к. Самсолик
Сари-Чар, Д., к. Егид
Сирзор, К., к. Истони-Боло
Сияку, Д., Кеврон
Сиях-Кунунғ, К., к. Яхч
Сияхок, К., к. Хумдон
Сия(х)хонак, К., к. Шуль
Сыдмайм, Д., к. Работ
Сыфедкӯ, Д., к. Егид

Таи-Кух, К., к. Самсолик
Тангии-Мырғу(и), Д., к. Хобу-Работ
Теппаи-Гадои, К., к. Самсолик
Торикдара, К., к. Самсолик
Тупак, к. Гирдов (бассейн р. Хингоу)

Фырғов, Д., к. Ширг

Хамкӯ, Д., к. Егид
Хартиз, К., к. Самсолик

Чепи-духтар, К., к. Калаи-Нав
Чеч (Чошт)-Деву, К., Джиргаталь
Чормағзи-Новак, К., к. Яхч
Чыхт, Д., к. Егид
Чышмаи-Обхыра, К., к. Яхч
Чышмаи-hазрати-Султон, К., к. Яхч

Шамолпартов, Д., к. Чильдара
Шахи Мыhмадбек, Д., к. Ширг
Шонғыр, Д., к. Зев

Элоки-Сухта, Д., к. Кеврон

Юғраха, К., к. Самсолик

Ялм, Д., к. Работ

Ышдарвад, Д., к. Егид

Каракия, К., к. Ермазар
Калъаи-Хышкак, К., к. Истони-Бол
Кум, К., Джиргаталь
Кули-Борикак, К., к. Яхч
Кули-Гулбобо, К., к. Яхч
Кули-Зардолу, К., к. Яхч
Кули-Махшариф, К., к. Яхч
Кули-Мыллокучак, К., к. Яхч
Кули-Мыллокырбун, К., к. Яхч
Кули-Себак, К., к. Яхч
Кули-Тут, К., к. Яхч
Кули-Харкуш, К., к. Яхч
Кули-Харсанг, К., к. Яхч
Кули-Хунахо, К., к. Яхч

Хелчаи-Чавобак, К., к. Самсолик

hазрати-Эмом, Д., к. Кеврон

Чахрикак, К., к. Халкарф

РЕКИ И ИСТОЧНИКИ

Бувык, Д., к. Ширг
Даргови-Пшихарви, Д.
Зангол, Д., к. Гишон
Кавгу, Д., к. Гишон
Калу, Д., к. Ширг
Литой-чышма, Д., к. Работ
Нуки-Дуов, или Якоу Сурхоб, К., к. Оби-Лурд (место слияния рек Хингоу и Сурхоб)
Нурылло, Д., к. Гишон
Ови-Дара, К., к. Шулонак
Ови-Дараи-Мышкымод, Д., к. Пшихарв
Ови-Дашти-Кавак, К., Гирдов (приток р. Хингоу)

Ови-Зырангак, К., к. Дуоба
Оби-Зыгар, Д., к. Зыгар
Ови-Кабут, К.
Ови-Калон, К., к. Дуоба
Ови-Кан, Д., к. Работ
Ови-Мангич, Д., к. Ширг
Ови-Мангоу, Д., к. Сангев
Ови-Пышогед, Д., к. Егид
Ови-Работ, Д., к. к. Работ, Хоб
Ови-Сыфед, К., к. Нушори-Боло
Ови-Фохтагирак, К., к. Лангари-Шо
Ови-Хумбоу, Д., к. Хумдара
Ови-Чак, К., к. Нушори-Поён
Ови-Шурак, К., к. Куглик

Санги-Кара, Д., к. Гишон
Сарчышма, Д., к. Ризвай
Сияхоб, К., к. Ялдамич
Сияхчангал, Д., к. Ширг
Сухта, Д., к. Ширг
Сыфедчышма, К., к. Самсолик
Сыни-Ов, Д., к. Гишон

Тандукул, К., к. Ермазор

Харкышак, Д., к. Гишон
Хылак, К., к. Хичборак
Хыроваи-Хыр, К., к. Кичикзи

Чапсой, Д., к. Равноу
Чорьяки, Д., к. Гишон
Чўпон, Д., к. Равноу
Чышмаи-Абыл, К., к. Кадара
Чышмаи-Баракистун, К., к. Яхч
Чышмаи-Вихт, Д., к. Гишон
Чышмаи-Гармак, Д., к. Кеврун
Чышмаи-Гыли-Овакаш, Д., к. Хоб
Чышмаи-Лашкар, Д., к. Зев
Чышмаи-Мазор, Д., к. Зев
Чышмаи-Мазори-Хоча-Мысадир, Д., к. Зев
Чышмаи-Мазори-hазрати-Мавлави, Д., к. Зев
Чышмаи-Марвори, Д., к. Гишон
Чышмаи-Невор, Д., к. Работ
Чышмаи-Обхура, К., к. Яхч
Чышмаи-Рahимбег, Д., к. Зев
Чышмаи-Робиа, Д., к. Кеврон
Чышмаи-Сухта, Д., к. Работ
Чышмаи-Сыфрик, Д., к. Гишон
Чышмаи-Таи(таги)-Мазор, Д., к. Работ
Чышмаи-Танги-Мырғун, Д., к. Работ
Чышмаи-Торикак, К., к. Шулонак
Чышмаи-Халифай, Д., к. Зев
Чышмаи-Хекун, Д., к. Кеврон
Чышмаи-Хыдвард, Д., к. Кеврон
Чышмаи-Шерак, Д., к. Гишон
Чышмаи-Шифо, К., к. Самсолик
Чышмаи-Ғуло, Д., к. Работ
Чышмаи-hазрати-Султон, К., к. Яхч

Шаид, Д., к. Равноу
Ширдаргов, Д., к. Пошхарв
Шурак, К., к. Кичикзи
Шурак, К.,к. Фатхобод

Якоу Сурхоб см. Нуки-Дуов

Ғелама, К.. Джиргаталь

Чубори-Шахи, Д., к. Кичикзи
Чуйбори-Дараи-Бедак, К., к. Нушор
Чуйбори-Мыг, К., к. Мук
Чуйбори-Мыг, К., к. Нушор
Чуйбори-Ғурод, Д., к. Егид

Список условных сокращений

ВГО	— Всесоюзное географическое общество.
ГЭЭ	— Гармская этнографическая экспедиция.
Д	— Дарваз.
дол.	— долина.
Зап.	— Записки.
Изв.	— Известия.
ИИА и Э	— Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР.
к.	— кишлак.
К.	— Каратегин.
кладб.	— кладбище.
кв.	— квартал.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
лет.	— летовка.
МАЭ АН	— Музей антропологии и этнографии АН СССР.
пер.	— перевал.
р.	— река.
РГО	— Русское географическое общество.
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет.
ст.	— станция.
СЭ	— Советская этнография.
ТГУ	— Таджикский государственный университет.
ТФАН СССР	— Таджикский филиал Академии наук СССР.
уроч.	— урочище.
ущ.	— ущелье
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Этнографическое изучение Каратегина и Дарваза 9
Географический очерк 25
Исторический очерк 34
Население 47
Национальный состав и численность . . . . . —
Антропологический тип 49
Сложение населения и миграции 50
Группы населения и их расселение 53
Принципы расселения 64
Язык таджиков Каратегина и Дарваза 72
Селения Каратегина и Дарваза 77
Сельское хозяйство 108
Полеводство 110
Садоводство 147
Животноводство 151
Пчеловодство 175
Шелководство 176
Народный сельскохозяйственный календарь и счет времени . . . 180
Домашние промыслы и ремесла 195
Кузнечное дело 197
Ткачество 212
Гончарство 230
Деревообделочный промысел 260
Охота 291
Примечания 311
Указатели 333
Список условных сокращений 379

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	9 сверху	*қарун*	*қаун*
32	23 снизу	деревянные	деревянное
73	24 »	عر	عروس
149	27 сверху	*хасак*	*хасак.*[29]
191	6 снизу	Курбонджо	Курбонджон
220	21 сверху	*буки чапакун*	*дуки чапакун*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

Редактор издательства *Е. Г. Коцабенко*
Технический редактор *З. П. Маслова*
Худож. редактор *Г. Сулейманов.*

КЛ 03533. Подписано к печати 23/XII-1966 г. Формат 70x108¹/₁₆.
Печ. 23,75 л.+2 вклейки. Приведенных к формату 60x90—33,25 л. Уч.-изд. 30,0 л.
Заказ 33. Тир. 950. Цена 2 р. 50 к. в лидерине 2 р. 60 к.

Типография Издательства «Дониш», Душанбе, ул. Айни, 121.